МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2020 **№ 4**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Томский государственный университет

Главный редактор
Функ Дмитрий Анатольевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционная коллегия:
Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия – заместитель главного редактора
Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия – заместитель главного редактора
Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США
Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия
Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия
Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

Редакторы отдела рецензий:
Басов Александр Сергеевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Ковальский Святослав Олегович, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Редакционный совет:
Балзер Марджори Мандельштам, Джорджтаунский университет, США
Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция
Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия
де Грааф Тьеерд, университет г. Гронинген, Нидерланды
Грант Брюс, университет Нью-Йорка, США
Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия
Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия
Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия
Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия
Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия
Лбова Людмила Валентиновна, Новосибирский государственный университет, Россия
Мамонтова Надежда Александровна, Университет Северной Британской Колумбии, Канада
Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия
Степанов Шарль, Практическая Школа Высших Исследований, Франция
Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия
Хлыновская-Рокхилл Елена Владимировна, Кембриджский университет, Великобритания

Секретарь: *Альбина Глущенко (Рассказчикова)*, Томский государственный университет, Россия
Переводчик: *Елена Карагеоргий*, University of Oxford Alumna, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия

Адрес издателя и редакции:
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.
E-mail: shrjournal@mail.tsu.ru

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

© Томский государственный университет, 2020

Founder – Tomsk State University

Editor-in-Chief
Funk, Dmitriy, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Board:
Sokolovskiy, Sergey, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia – Associate Editor
Zaytseva, Olga, Tomsk State University, Russia – Associate Editor
Hazanov, Anatoliy, University of Wisconsin-Madison, USA
Nam, Iraida, Tomsk State University, Russia
Schweitzer, Peter, University of Vienna, Austria
Trubina, Elena, Ural Federal University, Russia

Book Review Editors:
Basov, Aleksandr, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia
Kovalskiy, Svyatoslav, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

Editorial Advisory Board:
Balzer, Marjorie Mandelstam, Georgetown University, USA
Beach, Hubert, Uppsala University, Sweden
Birtalan, Agnes, Eotvos Lorand University, Hungary
de Graaf, Tjeerd, Groningen University, the Netherlands
Grant, Bruce, University of New York, USA
Deriglazova, Larisa, Tomsk State University, Russia
Dybo, Anna, The Institute of Linguistics, RAS, Russia
Dyatlov, Viktor, Irkutsk State University, Russia
Zinoviev, Vasiliy, Tomsk State University, Russia
Kradin, Nikolay, Far East Federal University, Russia
Lbova, Lyudmila, Novosibirsk State University, Russia
Mamontova, Nadezhda, University of Northern British Columbia, Canada
Miskova, Elena, Moscow State University, Russia
Stépanoff Charles, Ecole Pratique des Hautes Etudes, France
Kharus, Olga, Tomsk State University, Russia
Khlinovskaya Rockhill, Elena, University of Cambridge, UK

Secretary *Albina Glushchenko (Rasskazchikova)*, Tomsk State University, Russia
Translator *Elena Karageorgii*, University of Oxford Alumna, Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Russia

© Tomsk State University, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КИНО ДО СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(*отв. ред. специальной темы номера – Е.С. Данилко*)

Данилко Е.С., Александров Е.В. Визуальная антропология в России: от советского этнографического кино до современных исследований. Введение к специальной теме номера 8

Головнев И.А. Киноатлас СССР: «Биробиджан» Михаила Слуцкого 13

Данилко Е.С. Кино и танцы. Два фильма из архива Института этнологии и антропологии РАН 33

Александров Е.В. Российская шинель Асена Баликси. *In memoriam* 60

Ниглас Л. «Хроники деревни Сиреники». Взгляд из Эстонии 89

Тулуз Е., Ниглас Л. Съемки удмуртских обрядов в Башкортостане: от проекта до DVD 112

Вахрушев А.Ю., Оганезов А.Э. Книга кино. Об актуальных проблемах и о будущем визуальной антропологии. Интервью 136

МИГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Широбоков И.Г. Влияние миграций на палеодемографическую характеристику населения России XVII–XIX вв. 157

Садырин А. Формы жилья и соседства трудовых мигрантов из Центральной Азии в сибирском городе (на примере Томска и Иркутска) 182

ВРАЧ И ПАЦИЕНТ. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Ожиганова А.А. «Активное недоверие» врачам: случай юридического сопровождения родов 195

Харитонова В.И. Пандемия COVID-19: идеи пациентоориентированности врача и мотивации пациента (по материалам интернет-источников) 217

MISCELLANEA

Колобова К.А., Шалагина А.В., Чистяков П.В., Бочарова Е.Н., Кривошапкин А.И. Возможности применения трехмерного моделирования для исследований комплексов каменного века 240

Усачев А.С. «Белый царь» в русских письменных источниках XVI в. 261

Арзютов Д.В., Данилина Л.А. Этнография этнографа: Андрей Григорьевич Данилин и его архивы 274

Бакаева Э.П. Визуализация идентичности: символика этнической идентификации в контексте системы автомобильности (на примере Калмыкии) 326

Рахманова Л.Я. *«Пришлось самому себя строить заново…»*: сельские учителя, врачи и лесные инженеры как (вос)производители знания 365

РЕЦЕНЗИИ

Карагеоргий Е.М. Жизнь: критическое переосмысление 386

Джанызакова С.Д. Русская молодежь в современных реалиях нового российского зарубежья (случай Кыргызстана) 390

Ковальский С.О. Золотодобыча, индигенность и непростая жизнь левиафанов в Папуа Новой Гвинее ……..…….. 396

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ ……. 403

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 407

CONTENTS

VISUAL ANTHROPOLOGY IN RUSSIA: FROM SOVIET ETHNOGRAPHIC FILMMAKING TO CONTEMPORARY VISUAL RESEARCH

(*Guest Editor Elena S. Danilko*)

Danilko E.S., Aleksandrov E.V. Visual anthropology in Russia: From Soviet ethnographic filmmaking to contemporary visual research 8

Golovnev I.A. The USSR Cinema-Atlas: 'Birobidzhan' by Mikhail Slutsky 13

Danilko E.S. Cinema and dance. Two films from the archives of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences 33

Aleksandrov E.V. Asen Balikci's Russian overcoat. *In memoriam* 60

Niglas L. 'Chronicles of Sireniki': A view from Estonia 89

Toulouze E., Niglas L. Filming Udmurt ceremonies in Bashkortostan: From the project to DVDs 112

Vakhrushev A.Yu., Oganezov A.E. The cinema book. On current issues and the future of visual anthropology. Interview 136

ON MIGRATION

Shirobokov I.G. Impact of migrations on paleodemographic characteristics of the Russian population, 17th to 19th centuries 157

Sadyrin A. Central Asia labour migrants: A case study of forms of migrant housing and neighbour relations in the Siberian cities of Tomsk and Irkutsk 182

DOCTOR AND PATIENT MEDICAL ANTHROPOLOGY RESEARCH

Ozhiganova A.A. 'Active mistrust' of doctors: A case study of legal support during childbirth 195

Kharitonova V.I. The COVID-19 pandemic: Some thoughts on patient-centred healthcare and patient motivation 217

MISCELLANEA

Kolobova K.A., Shalagina A.V., Chistyakov P.V., Bocharova E.N., Krivoshapkin A.I. Three-dimensional modelling application for studying Stone Age assemblages 240

Usachev A.S. The 'White Tsar' in sixteenth century Russian written sources 261

Arzuytov D.V., Danilina L.A. 'Ethnography of an ethnographer': Andrei G. Danilin and his archives 274

Bakaeva E.P. Visualizing identity: Kalmyk number plates and the symbolism of the ethnic 326

Rakhmanova L.Ya. *'I had to rebuild myself...'*: Rural teachers, doctors and forest engineers as knowledge (re)producers 365

REVIEWS

Karageorgii E.M. Rethinking life critically 386
Dzhanyzakova S.D. Russian youth in modern Kyrgyzstan 390
Kovalskii S.O. Goldmining, indigeneity, and the complicated life of leviathans in Papua New Guinea 396

ABOUT THE AUTHORS 403

INFORMATION FOR AUTHORS 407

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КИНО ДО СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

(*отв. ред. специальной темы номера – Е.С. Данилко*)

УДК 316.7
DOI: 10.17223/2312461X/30/1

ВИЗУАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В РОССИИ: ОТ СОВЕТСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО КИНО ДО СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ВВЕДЕНИЕ К СПЕЦИАЛЬНОЙ ТЕМЕ НОМЕРА

Елена Сергеевна Данилко,
Евгений Васильевич Александров

Аннотация. Представлено введение к специальной теме номера, посвященной визуальной антропологии в России. Дана краткая характеристика публикуемых статей, на примере которых выявлены основные тенденции развития дисциплины в российском контексте.

Ключевые слова: визуальная антропология, этнографическое кино, культурфильм, архивные киноматериалы

Очередной специальный номер журнала «Сибирские исторические исследования» посвящен российской визуальной антропологии. Мы уже говорили о том, насколько это оригинальное явление, прежде всего, в силу своей открытости ко множеству интерпретаций ее содержания, методологических подходов и, пожалуй, главное – ее предназначения. В российском контексте все немного с ног на голову. Если в зарубежной традиции, где начало визуальной антропологии было связано с возможностями использования камеры как исследовательского инструмента, ее прикладные социальные функции стали анализироваться сравнительно недавно, а функции популяризаторские не рассматриваются, можно сказать, вовсе, то у нас именно популяризация научных знаний для широкой общественности часто формулируется как первостепенная ее задача. Откуда есть пошло такое восприятие дисциплины? Ответ на этот вопрос, очевидно, кроется в истории ее формирования в России. И здесь новый вопрос – откуда начинать эту историю, с конца 1990-х, когда сакральное словосочетание «визуальная антропология» вошло в наш исследовательский лексикон, или удревнить ее до послереволюционных 1920-х, когда появилась советская «этнографическая

фильма»? В последнее время использование термина применительно не только к анализу телевизионной продукции советских режиссеров, но и для определения их творчества встречается все чаще. На наш взгляд, здесь есть явная методологическая неточность, но то, что советский период не прошел бесследно, а как раз во многом определил нынешнюю специфику российской визуальной антропологии с ее популяризаторским посылом, также явно. Хотя бы из статей, вошедших в данный номер журнала. В основном это публикации исследователей из Москвы и Петербурга, а также две работы наших эстонских коллег, которые уже много лет проводят свои полевые сезоны с видеокамерой в российских регионах.

Вообще если говорить об истории этнографических съемок в России, то к первым из них можно отнести работы кинохроникеров начала XX столетия, начиная с операторов братьев Люмьер и продолжая студией научного кино Ханжонкова (Александров 2014). Но пик общественного интереса к «национальной» тематике пришелся на вторую половину 1920-х – начало 1930-х гг., когда процветал такой специфический жанр, как культурфильма. Его разновидностью была фильма этнографическая. Культурфильма, имеющая статус документальности в сочетании с научным авторитетом этнографии и построенная на обязательной идеологической основе, визуализировала процесс превращения населяющих советское пространство коренных народностей в «социалистические нации» (Sarkisova 2017: 8). Своего рода карту этого пространства был призван представить «Киноатлас СССР», проект беспрецедентный по замыслу и масштабам, но так и не реализованный и, по сути, утопический. Он должен был объединить силы специалистов науки и кинематографа для создания 150-серийного киноальманаха о жизни в разных уголках необъятной страны. Формат пропагандистского документального кино на примере одной из предполагаемых серий «Киноатласа», архивного фильма Михаила Слуцкого «Биробиджан» (1934), анализируется в статье Ивана Головнёва, открывающей наш номер.

Далее в статье Елены Данилко также рассматриваются архивные фильмы, но снятые не профессиональными кинематографистами, а этнографами, сотрудниками нашего Института А.В. Оськиным и М.Я. Жорницкой в 1970-е гг. Несмотря на почти полвека, отделяющие эти фильмы от первых культурфильм, при внимательном рассмотрении между ними обнаруживаются очевидные параллели. Идеологизация науки и искусства и подчинение их задачам социалистического строительства надолго обусловили общие для этих сфер способы экранных репрезентаций этнографического. Фильмы о танцевальном искусстве чукчей и эскимосов объединены в серию, но сделаны по-разному. Сопоставляя их друг с другом и с некоторыми зарубежными работами, выполненными в общей для науки того времени позитивистской пара-

дигме, автор пытается обозначить тенденции и некоторые особенности в развитии советского этнографического кино, обусловившие, на наш взгляд, обозначенное выше тяготение визуальной антропологии российской к популяризации знаний.

В целом приходится констатировать, что камера не была привычным атрибутом большинства советских этнографических исследований, отчасти поэтому идеи визуальной антропологии, распространившиеся уже довольно широко в нашей академической среде, все же находятся пока на стадии освоения. На начальных этапах проводником этих идей, настоящим культуртрегером, в лучшем значении этого слова, выступал канадский антрополог Асен Баликси (Asen Balikci), чьи заслуги трудно переоценить. Он был в числе организаторов первых в Советском Союзе этнографических кинофестивалей в эстонском Пярну, читал лекции и проводил мастер-классы в Москве и других городах, наконец, в 1991 г. вместе с американским коллегой Марком Бэджером (Mark Badger) они реализовали грандиозный проект – обучающий визуально-антропологический семинар для коренных народов Севера в поселке Казым Ханты-Мансийского округа (Данилко 2017).

В прошлом году Асена не стало. С ним ушла целая эпоха в мировой визуальной антропологии, и это огромная утрата для российской визуальной антропологии. Поэтому две публикации в нашем специальном выпуске мы решили посвятить его памяти. Во-первых, это статья Евгения Александрова, написанная в форме личных воспоминаний. Это не просто воспоминания об ушедшем друге, это рассказ о постепенном складывании круга людей вокруг новой дисциплинарной области, обозначение вех и событий, повлиявших на ее развитие в российском гуманитарном сообществе. Здесь же мы решили включить в качестве приложения расшифровку диалогов из фильма Рольфа Хусмана и Манфреда Крюгера «Профессиональный иностранец: Асен Баликси и визуальная этнография» (2009). Благодаря этому воссоздается полная картина жизни и деятельности Асена Баликси.

Вторая публикация, связанная с Асеном Баликси, была подготовлена эстонским режиссером и антропологом Лийво Нигласом. Ему пришлось провести специальное расследование, чтобы восстановить информацию о фильме «Хроники деревни Сиреники», снятом Асеном Баликси вместе с эстонскими кинематографистами на Чукотке среди эскимосов-юпик. В основе статьи Лийво – обширное интервью с эстонским режиссером Арво Ихо (Arvo Iho) и другими участниками съемочной группы из разных стран. Фильм о Сиреникаx был показан на международных фестивалях и по телевидению в 34 странах, однако сейчас он практически забыт, его почти невозможно где-либо посмотреть (если только попросить копию у Ихо), даже в интернете не осталось никаких визуальных свидетельств о его существовании. Лийво задается во-

просом, почему это произошло и какое влияние на это оказал телевизионный формат фильма.

Переход к современному полевому опыту, неотъемлемой частью которого является видеосъемка, происходит в статье наших эстонских коллег Евы Тулуз и уже знакомого нам Лийво Нигласа. В течение многих лет их исследования были связаны с различными регионами России, а с 2013 г. они постоянно работают в удмуртских деревнях Татышлинского района Республики Башкортостан. Группа закамских удмуртов интересна тем, что ей удалось избежать христианизации и сохранить собственную традицию анимистических молений. Здесь представлен подробный рассказ обо всем процессе исследований – от первого знакомства с полем до полного в него погружения, от идеи фильмов до их рецепции.

Продолжает тему современности и завершает специальный номер журнала интервью начинающего исследователя Александра Оганезова с режиссером и антропологом Алексеем Вахрушевым. Алексей рассказывает нам о своих экспериментах с камерой, о постоянном вживании в родную ему с детства эскимосскую культуру, сложностях и достижениях, а также о его понимании визуальной антропологии.

Последние тексты любопытны не только содержанием, но и манерой изложения, очень личностной. Когда некролог не просто перечисление заслуг, а теплый и искренний рассказ об ушедшем друге. Когда интервью с режиссером – это не только о становлении авторского почерка и выборе принципов съемки, а еще и о поисках собственной идентичности. В этих текстах много, казалось бы, неважных подробностей, таких как имена людей, у которых исследователи останавливались на постой или с которыми ехали в такси, в них много эмоций и впечатлений, словом, в них не только наука, но и просто жизнь. На наш взгляд, это очень показательный момент, характеризующий стремление к очеловечиванию сухих научных описаний.

Таким образом, в нашем специальном выпуске о визуальной антропологии в России обозначился, – не непрерывной линией, но четкими пунктирами, – тот долгий путь, которым она следовала. На этом пути было много идеологического и романтического, было стремление не только просвещать, но и стремление учиться, встречались настоящие герои и просто удачно складывались обстоятельства. Этот путь продолжается, в нем будет еще много интересного и нам будет еще о чем поговорить в дальнейшем.

Литература

Александров Е.В. Предыстория визуальной антропологии. Первая половина XX века // Этнографическое обозрение. 2014. № 4. С. 127–140.

Данилко Е.С. «Казымский переворот»: к истории первого визуально-антропологического проекта в России // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 93–112.

Sarkisova O. Screening Soviet Nationalities. Kulturfilms from the Far North to Central Asia. London; New York. I.B. Tauris, 2017.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Danilko Elena S. and Aleksandrov Evgeny V.

VISUAL ANTHROPOLOGY IN RUSSIA: FROM SOVIET ETHNOGRAPHIC FILMMAKING TO CONTEMPORARY VISUAL RESEARCH

DOI: 10.17223/2312461X/30/1

Abstract. The article introduces the current issue's special theme section dedicated to visual anthropology in Russia. Giving a brief overview of the articles in the section, the authors draw on them collectively to reveal some major trends in the development of the discipline in the country.

Keywords: visual anthropology, ethnographic cinema, culturfilm, archival film materials

References

Aleksandrov E.V. Predystoriia vizual'noi antropologii. Pervaia polovina XX veka [How visual anthropology started: The first half of the twentieth century], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2014, no. 4, pp. 127–140.

Danilko E.S. "Kazymskii perevorot": k istorii pervogo vizual'no-antropologicheskogo proekta v Rossii ["The Kazym revolt": On the history of the first visual anthropology project in Russia], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 3, pp. 93–112.

Sarkisova O. *Screening Soviet nationalities. Kulturfilms from the Far North to Central Asia.* London – New York. I.B. Tauris, 2017.

УДК 39 + 77
DOI: 10.17223/2312461X/30/2

КИНОАТЛАС СССР: «БИРОБИДЖАН» МИХАИЛА СЛУЦКОГО*

Иван Андреевич Головнёв

Аннотация. На рубеже 1920–1930-х гг. в Советском Союзе получило развитие производство так называемых культурфильмов о народностях и территориях страны, имевших популярность у широкой зрительской аудитории. Была у этого процесса и политическая подоплека – кинематограф использовался властью в качестве эффективного средства массовой информации о государственных программах по колонизации регионов. Не случайно в этот период по инициативе ЦК партии был запущен беспрецедентный проект – «Киноатлас СССР», предполагавший объединение сил специалистов науки и кинематографа для создания 150-серийного киноальманаха об исторических традициях и совершаемой советизации центра и окраин; а также последующее внедрение материалов этого идеологически выверенного кинопособия в систему образования. Ведущие советские киностудии развернули соцсоревнование по дальности и длительности киноэкспедиций в различные уголки Союза ССР, отрабатывая ведомственную задачу сбора материалов для конструирования экранного образа многонациональной, разноукладной и прогрессивно развивающейся при социализме страны. На примере архивного фильма «Биробиджан» (1934) классика советского кинематографа Михаила Слуцкого рассматривается формат пропагандистского документального кино, вполне отвечающий декларациям проектировавшегося советского «Киноатласа». Данный фильм, повествующий о заселении еврейскими колонистами земель Дальнего Востока, снят с целью презентации успешных переселенческих работ Общества землеустройства еврейских трудящихся, а его выпуск на экран приурочен к административному образованию Еврейской автономной области с центром в Биробиджане. Анализ содержания кинофильма в сопоставлении с архивными материалами о контексте его создания, воспоминаниями участников киногруппы и свидетельствами современников позволяет проследить развитие кинопроекта в связи с параллельными процессами в советской политике, науке и культуре. Сделаны выводы о потенциале фильма как кинодокумента своего времени – многокомпонентного исторического источника, имеющего разноплановую исследовательскую ценность для визуальной антропологии и смежных гуманитарных наук.

Ключевые слова: Киноатлас СССР, визуальная антропология, Еврейская автономная область, Биробиджан, Слуцкий

История «Киноатласа»

«Киноатлас СССР» – уникальный по форме и содержанию опыт в истории мировой визуальной антропологии. Создание отдельных короткометражных кинозарисовок этногеографического характера, пока-

* Статья подготовлена за счет гранта РНФ № 19-18-00116 «Визуализация этничности: российские проекции науки, музея, кино» (рук. А.В. Головнёв).

зывавших на экране труднодоступные уголки terra incognita, жизнь и быт народов, ее населявших, практиковалось в кинематографе разных стран, в том числе и в дореволюционном российском кино. В частности, корреспонденты одной из крупнейших кинофабрик Российской империи, «Ханжонков и Ко», регулярно совершали экспедиции с киноаппаратом, снимая экзотические сюжеты, прежде всего, в развлекательно-коммерческих целях. Однако проект «Киноатласа» в том виде, в каком он возник на рубеже 1920–1930-х гг., – продукт исключительно советских реалий, выражающий сплетение позиций идеологии, науки и искусства обозначенного периода. А именно национализация кинопромышленности, объединение разрозненных киноресурсов вокруг нескольких базовых организаций, переход на плановую экономику и ведомственное объединение усилий специалистов различных сфер деятельности стали суммой факторов, определившей рождение «Киноатласа» как идеологического орудия для применения на культурном фронте советского строительства. Аспекты истории советского этнографического кино в целом и проекта «Киноатлас СССР» в частности, за редкими исключениями (Александров 2017; Головнёв 2011; Магидов 2008) не представлены в современной антропологической литературе. В этой связи основными источниками по истории кинопроекта для данного исследования явились: тематические планы и отчеты крупнейших советских кинофабрик («Совкино»/«Союзкино», «Межрабпомфильм», «Востокфильм», «Госвоенкино»), материалы докладов и протоколы обсуждений проекта в Государственной академии искусствознания, Обществе изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока РФ, Центральном бюро краеведения, сохранившиеся в основном в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (г. Москва), изданные монографии участников разработки проекта, тематические статьи из периодической печати, а также документальные фильмы изучаемого периода, имеющие отношение к «Киноатласу», хранящиеся в Государственном архиве кинофотодокументов (г. Красногорск).

В середине – второй половине 1920-х гг. существенный творческий задел для проектирования «Киноатласа» был подготовлен развитием производства экспедиционных документальных фильмов в СССР, среди которых особенно выделялись работы режиссеров Дзиги Вертова («Шагай, Совет!», «Шестая часть мира»), В.А. Ерофеева («За полярным кругом», «Крыша мира»), А.А. Литвинова («Лесные люди», «По дебрям Уссурийского края») и В.А. Шнейдерова («Великий перелет», «Подножие смерти»), имевшие широкой резонанс в зрительской среде, получившие признание в научных и кинематографических кругах в Советском Союза и за рубежом (Головнёв 2016). Однако определяющим импульсом для появления и развития столь масштабного кинопроекта могла стать только государственная воля: предполагалось создание в

ходе многолетней деятельности порядка 150 полнометражных фильмов о народностях и территориях страны для показа в городских кинотеатрах, рабочих и крестьянских киноклубах, через сеть кинопередвижек в удаленных регионах СССР, а также производство короткометражных версий этих фильмов – для школьных экранов. Для эффективного воплощения «Киноатласа» требовалось объединение сил ведущих кинематографических, научных и общественных организаций Советского Союза, что подразумевало необходимость включения межведомственных рычагов управления проектными работами.

В декабре 1927 г. на XV партсъезде, обозначившим переход СССР к плановой экономике, в числе прочих была сформулирована и установка «использовать кинематограф как фактор культурной революции, как орудие активного содействия процессу индустриализации и коллективизации» (Паушкин 1930: 7). Партийные задания, касающиеся кинематографии, были оформлены в резолюции I Всесоюзного партийного совещания по вопросам кино при ЦК ВКП(б), состоявшегося в марте 1928 г., закреплены в соответствующих директивах и направлены в профильные организации для исполнения, естественным образом перекочевав и в рабочие программы «Киноатласа». Проект, рассчитанный на поэтапную реализацию, подстраивался под общий плановый тон, с расчетом на соотнесение своих мероприятий с расписанием работ кинофабрик, научных и общественных институций.

Ответственность за разработку проекта была возложена на Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, куда входили видные общественные и научные деятели – В.Г. Богораз, В.Д. Виленский-Сибиряков, В.А. Сытин, Л.Я. Штернберг и др. В рабочее бюро проекта были также включены представители ведущих киноорганизаций СССР (В.А. Ерофеев, М.В. Израильсон-Налетный, Б.С. Перес), Наркомата просвещения (А.С. Рождественский), Государственной академии искусствознания (Г.М. Болтянский, Н.М. Иезуитов, Н.Д. Телешов), Госплана СССР (М.М. Паушкин) и др. В таком представительном составе происходило постепенное приведение различных мнений к «общему знаменателю», а также регулярная сверка позиций проекта с установками непостоянного партийного курса.

Резолюция I Всесоюзного партсовещания по кинематографии предписывала: «Считая культурфильму (научно-популярную, этнографическую, школьную, учебную) одним из мощных средств распространения и популяризации общих и технических знаний, необходимо образцово поставить ее производство; при этом необходимо обеспечить доступность культурной фильмы для широкого зрителя по ее содержанию» (Пути кино… 1929: 437). В проекте «Киноатласа СССР», вопрос о котором озвучил кинематографист М.В. Налетный[1] на заседании киносекции Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока в марте

1928 г., эта установка развивалась в следующей формулировке: «До сих пор культурфильма появлялась без плана, часто без достаточной научной консультации, носила случайный характер. Поэтому, главнейшей задачей в предстоящей работе по строительству культурфильм является снабжение кинофицированной школы, экранов, фабрик и заводов, будущих деревенских экранов серией фильмовых материалов, построенных с научной консультацией и по плану. Основным материалом этой серии должен стать Киноатлас СССР»* (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 356. Л. 101).

На подготовительном этапе проектных работ были изучены фильмы краеведческого содержания, имевшиеся в фильмотеках и архивах кинофабрик, на предмет возможного их использования в проекте. Так, по оценкам участников рабочей группы, «в Кино-Атлас могут войти ряд фильмов, уже выпущенных: “Крыша мира”, “Лесные люди” и др.» (Сытин 1929: 71). Но основной массив киносерий планировалось снимать и монтировать наново, на основе методологических установок разработчиков «Киноатласа». С точки зрения количественных показателей, одним из принципиальных новшеств проекта заявлялась серийность (30 фильмов в год), возможная лишь в условиях жесткого соблюдения многолетнего календарно-постановочного плана со стороны всех организаций, реализующих проект. Как основное качественное преимущество декларировался комплексный формат – каждая серия «Киноатласа» проектировалась как самостоятельный киноочерк, сочетающий в себе актуальные политические, научные и культурные положения. «Необходимо в большей мере использовать кино для текущей агитации и проводимых хозяйственных и политических кампаний (агитационные фильмы и т.д.), давая более полное и разностороннее освещение событий политической, хозяйственной и культурной жизни СССР» (Пути кино… 1929: 437), – предписывала вышеупомянутая Резолюция партсовещания по вопросам кино. Это было также учтено и развито в проекте «Киноатласа»: «Формы применения Киноатласа в деле культурного строительства СССР многообразны. Особенно много даст Атлас деревне, путем ознакомления крестьян-переселенцев с географическими бытовыми и другими условиями неизвестной им области, что облегчит и упростит переселенческий вопрос, так как даст возможность переселенцам наглядно знакомиться с тем, что их ожидает на новых местах» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 356. Л. 102).

Согласованная редакция «Тезисов о Киноатласе» за подписью руководителя Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока В.Л. Попова была разослана в ведущие научные и кинематографические организации СССР 27 августа 1928 г. Данная рассылка инициировала дальнейшее обсуждение и межведомственное планирование меро-

* Здесь и далее орфография и пунктуация первоисточников сохранены.

приятий проекта, первые же съемочные работы «Киноатласа» начались лишь в 1931 г., когда экспедиционные киногруппы студий «Совкино», «Востоккино», «Межрабпомфильма» и другие стали получать задания снимать материалы для «Киноатласа» (ГАСО. Ф. Р-2581. Д. 93. Л. 50). На старте проекта предполагалось создание двух опытных фильмов, с последующим выходом на запланированную серийность. По мнению А.С. Рождественского[2], озвученному им в ходе обсуждения будущего «Киноатласа» на заседании киносектора Государственной академии искусствознания, «серийность даст возможность комбинировать отдельные фильмы серии по тому или иному признаку, разбирать их по разным темам; серийность есть один из новых, социалистических методов обслуживания зрителя» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 131 об.). В ходе первой пятилетки советская власть намеревалась тотально охватить киносетью территории СССР и, при вытеснении из кинопроката заграничной продукции, обеспечить киноустановки «своими», идеологически выдержанными фильмами. По данным участника проектной группы «Киноатласа» М.М. Паушкина[3], планировалось увеличить число киноустановок с 6 074 единиц в 1928 г. до 24 063 в 1933 г., что должно было привести и к увеличению запроса на соответствующий контент для показа (Паушкин 1930: 52).

Содержательно все средства массовой информации (включая кино) в этот период были настроены на вещание о подвигах рабочих бригад, о героических соревнованиях, о прорывах на производственных фронтах, иллюстрировать успехи повсеместного строительства социализма. В кинематографе прямыми откликами на подобный социальный заказ стали такие явления, как разъездные редакции кинохроники (киногазеты, киножурналы), всевозможные виды мобильных пропагандистских показов (кинопоезда, кинолодки, кинонарты) и развитие форматов агитационного кино (рекламных, мультипликационных, документальных). Объективы советских камер направлялись большевистским руководством в наиболее «горячие» точки – для записи хроникальных материалов и последующего конструирования на монтажном столе идеологически выверенных кинообразов, иллюстрирующих решение острых вопросов трансформирующейся страны – на советских экранах победоносно проходило освоение Севера, советизация Кавказа и Средней Азии, колонизация Дальнего Востока и т.п. «Новый быт, его ростки, его формирование – все это ценный и благодарный материал для экрана… Только массовое проникновение во все уголки кино-съемочного аппарата даст нам богатый, подлинный и интересный материал и полную картину социалистического строительства в нашей стране», – настаивал один из разработчиков «Киноатласа» Г.М. Болтянский[4] (1926: 10).

Как известно, в череде наиболее болезненных вопросов для власти оставался еврейский вопрос. Исторически (в Российской империи) ос-

новными занятиями евреев были ремесло и мелкая торговля. В то же время законодательно установленная «черта оседлости» обусловливала экономические ограничения, скученность масс еврейского населения в так называемых местечках и имела следствием развитие бедности в еврейском сообществе. Для осуществления государственных программ по разрешению еврейского вопроса в 1925 г. было создано Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ) (Левин 2017). Данное Общество собирало и распределяло средства для помощи переселенцам, занималось мобилизацией общественного мнения, пропагандой, организацией общего и профессионального образования, культурной жизни, медицины для переселенцев, взаимодействием с международными еврейскими организациями. Одной же из основных задач ОЗЕТа была реализация программ по обустройству советских евреев посредством «аграризации». В середине 1920-х гг. ОЗЕТом проводилось строительство еврейской сельскохозяйственной колонии в Причерноморье, а с конца 1920-х гг. основным направлением деятельности ОЗЕТа стало создание Еврейской автономной области на Дальнем Востоке СССР. При этом собственно реализовать данные программы было недостаточно, их необходимо было нужным образом популяризировать среди максимально широкой аудитории, в частности средствами кинематографа. Идея создания автономии увлекала многих советских евреев, в том числе видных деятелей культуры и кино. Так, в 1927 г. был создан фильм о деятельности ОЗЕТа в Крыму – «Евреи на земле». Режиссером работы выступил А.М. Роом, ассистентом режиссера – Л.Ю. Брик, сценаристами – В.Б. Шкловский и В.В. Маяковский. А в начале 1930-х гг. в необходимости создания кинофильма о заселении земель Дальневосточного края еврейскими колонистами пересеклись интересы ОЗЕТа и «Киноатласа» – съемки серии о фронтирной области Союза, приуроченные к административному образованию Еврейской автономной области с центром в Биробиджане, были поручены одному из перспективных деятелей советской кинематографии М.Я. Слуцкому.

Михаил Яковлевич Слуцкий (1907–1959) – к тому моменту выпускник операторского факультета Государственного института кинематографии, прошедший стажировку на фильме М.А. Кауфмана[5] и воспринявший дух кинематографического экспериментаторства, свойственный творчеству сообщества «киноков» Дзиги Вертова (Головнёв 2019). Как режиссер, М.Я Слуцкий резонансно заявил о себе уже дипломной киноработой «Имени Ленина», вышедшей в широкий кинопрокат в 1932 г. В одном из главных печатных органов советской кинематографии, газете «Кино», в частности, отмечалось: “Имени Ленина” – в сущности, вещь не о пуске Днепростроя, а о радости пуска… Некий кинематографический итог осмысления значения Днепровской станции, переложенный на язык кино своеобразной системой образов… Художе-

ственный репортаж, поданный в творческой форме очерка об открытии станции… Говоря новое слово в кинохронике, намечая новые пути, фильм одновременно ставит вопрос о новом уровне в работе с фактическим материалом» (Имени Ленина: 3). В этой работе М.Я. Слуцкий апробировал собственный стиль, создав документально-художественный киноочерк, существенно превзошедший по уровню воздействия на зрительскую аудиторию эффект стандартного культурфильма.

В свою очередь, значимость создания киноочерка о Днепрострое отмечалась и участниками рабочей группы «Киноатласа» в качестве тематического примера, на который могут ориентироваться создатели будущих фильмов проекта. В частности, по словам кинорежиссера В.А. Ерофеева[6], «надо акцентировать работу не на район вообще, но выдвигать темы для Киноатласа в первую очередь имеющие актуальное политическое и экономическое значение в нашем социалистическом строительстве, например, Днепрострой» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 133). В 1931 г. М.Я. Слуцкий стал штатным сотрудником «Союзкино» – главной производственной базы «Киноатласа». Поскольку реализация кинопроекта была распланирована на несколько лет, начиная с 1931 г., то киноработа «Биробиджан», вышедшая на экраны в 1934 г., вполне может рассматриваться как одна из его серий, представляющая интерес для настоящего исследования.

Далее в статье будет приведена исследовательская расшифровка текстовых титров (ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ – как в фильме) и кинокадров (обычным шрифтом) в сопоставлении с выдержками из архивных материалов, связанных с реализацией проекта «Киноатлас СССР» (*курсивом*), с целью последующего анализа данного кинодокумента и формулирования выводов.

Фильм «Биробиджан»[7] как кинотекст

Кадры. Географическая карта СССР и Дальневосточного края.

Титр. НА ШЕСТОЙ ЧАСТИ МИРА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ ЛЕНИНА-СТАЛИНА.

Титр. СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО УНИЧТОЖИЛО ТЫСЯЧЕЛЕТНЮЮ БЕЗДОМНОСТЬ И БЕСПРАВИЕ ЕВРЕЙСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС, ТОМИВШИХСЯ В ПОЗОРЕ И НИЩИТЕ ПОД ГНЕТОМ КРОВАВОГО ЦАРИЗМА.

Титр. ЕВРЕЙСКОЕ ТРУДОВОЕ НАСЕЛЕНИЕ СССР, СОВМЕСТНО СО ВСЕМИ НАРОДАМИ НАШЕЙ СТРАНЫ СВОБОДНО СТРОИТ СВОЮ РОДИНУ.

Титр. ВЗРОЩЕННЫЙ РУКАМИ ТРУДЯЩИХСЯ ЕВРЕЕВ БИРОБИДЖАНСКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ РАЙОН ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ЦИКА СОЮЗА ССР ПРЕОБРАЗОВАН В ЕВРЕЙСКУЮ АВТОНОМНУЮ ОБЛАСТЬ.

Кадры. Пожилая еврейка выступает на митинге. Аплодирующие евреи на митинге.

Титр. НАШЕЙ ПАРТИИ, НАШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ ЗА ВНИМАНИЕ И ЛЮБОВЬ.

Из тезисов председателя Кино-секции Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока В.А. Сытина «Культур-фильма и проблема Кино-Атласа», ставших программой проекта:

«Положение Ленина – "Из всех искусств для нас самое важное – кино", эпоха культурной революции и развернутого социалистического наступления по всему фронту, и связанная с этим проблема подготовки пролетарских кадров, требуют, чтобы кино-промышленность Союза не отставала от других отраслей промышленности страны, и темпы ее соответствовали бы лозунгу «пятилетка в четыре года.

Положение первое предыдущего тезиса о необходимости строительства культур-фильмы по четкому тематическому плану, рассчитанному не на один год, выдвигает проблему серийности в производстве, иначе проблему кино-атласов» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 175).

Кадры. Река Амур. Пейзажи Дальнего Востока: тайга, поля, сопки.

Кадры. По полю проезжают всадники.

Титр. ОТ НИЩИХ СМРАДНЫХ УЛОЧЕК МЕСТЕЧЕК.

Кадры. На подводах, нагруженных домашним скарбом, проезжают евреи-переселенцы.

Титр. К ШИРОКИМ ПРОСТОРАМ БИРОБИДЖАНА.

Кадры. Едут евреи-переселенцы.

Титр. «ЧЕЛОВЕК ВОЗДУХА»[8] СОВЕРШАЕТ ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС.

Кадры. Едут евреи-переселенцы.

Титр. В БОРЬБЕ ЗА НОВУЮ ЖИЗНЬ.

Кадры. Едут евреи-переселенцы.

Кадр. У дерева стоит доска с надписью «Бритье с одеколоном. Рабинович».

Кадры. Переселенцы на привале.

Титр. ПЕРВОБЫТНАЯ ТИШИНА ТАЙГИ ПРИВОДИТ В УНЫНИЕ ПРИВЫКШИХ В МЕСТЕЧКОВОЙ СУТОЛОКЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ.

Кадры. У сваленного в лесу домашнего скарба сидят переселенцы (инсценировка).

Титр. В ЭТИХ СОПКАХ, В ЭТОЙ ЗЕМЛЕ ТАЯТСЯ БОЛЬШИЕ БОГАТСТВА.

Из тезисов В.А. Сытина: *«Кино-Атлас СССР методологически должен быть построен, как большая серия полнометражных фильм, охватывающая все экономические и национальные районы СССР, как политически равнозначащие единицы. При этом, каждое звено этой*

серии (оно может состоять и не из одной фильмы), должно отображаться кино-очерком; каждый данный район по принципу комплексности» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 175–176).

Кадры. Переселенцы поют и танцуют.

Кадры. Тайга. Из берлоги выходит медведь.

Кадры. Переселенец играет на скрипке в лесу. На поляне танцует молодежь.

Титр. И ТЕ, КОМУ ПЕСНЯ БЫЛА НЕ ПО ДУШЕ.

Кадры: Охотник с монголоидными чертами лица наблюдает за прибытием обоза колонистов (рис. 1).

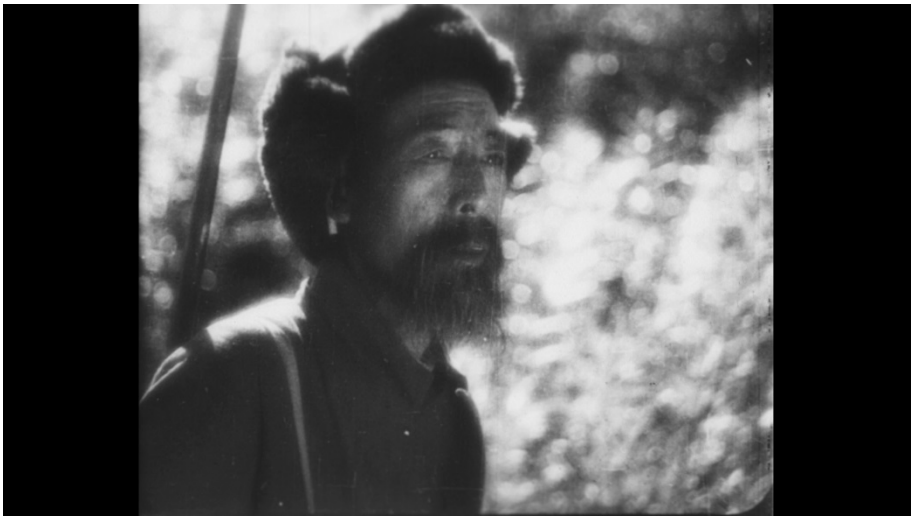

Рис. 1. Кадр из фильма «Биробиджан». Охотник-нанаец наблюдает за движением обоза евреев-переселенцев по дебрям дальневосточной тайги

Титр. ПЕРВАЯ АТАКА.

Кадры. Рубка деревьев в тайге.

Кадры. Сплав стволов по реке.

Кадры. Вспашка целины трактором.

Кадры. Строительство деревянных домов в новом поселке.

Кадр. Женщина держит на руках младенца, поет ему песню.

Кадр. Переселенец спит сидя.

Кадр. Вид поля.

Титр. ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЕ ВСХОДЫ БИРОБИДЖАНСКИХ ПОЛЕЙ, ВСПАХАННЫХ РУКАМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ.

Кадр. Поля зреющей пшеницы (рис. 2).

Из тезисов В.А. Сытина: «*Каждое звено Кино-Атласа СССР, должно давать совершенно добросовестные сведения: 1) о производитель-*

ных силах данного района, которые являются базой социалистического строительства; 2) социалистическом строительстве его и 3) о человеке/населении данного района, являющегося одной из производительных сил, его жизни, классовых взаимоотношениях (борьба с кулачеством и т.п.), культурном строительстве и т.д.» (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 176).

Кадры. Виды переселенческого поселка.

Кадры. Новые деревянные дома, у домов – огороды.

Кадры. Дети переселенцев в детском саду.

Титр. МОЛОДАЯ СТОЛИЦА ОТСТРАИВАЕТСЯ.

Кадры. Строительство зданий, укатка мостовой в Биробиджане (рис. 3).

Титр. РАСТЕТ ХОЗЯЙСТВО КОЛХОЗОВ.

Кадры. Свиньи с поросятами на выгоне.

Кадры. Стада коров на пастбище.

Титр. РАСТУТ ЛЮДИ БИРОБИДЖАНА.

Кадр. У окна дома сидит женщина с газетой в руках.

Титр. ЛУЧШИЙ БРИГАДИР ПОЛЕЙ НИНА ШЕЙФЕЛЬД ЧИТАЕТ ГАЗЕТУ.

Рис. 2. Кадр из фильма «Биробиджан». Колхозница на уборке урожая в поле пшеницы

Кадры. Колхозник обрабатывает огород.

Титр. СМОТРИТЕ, КАК РАБОТАЮТ ТРУДЯЩИЕСЯ ЕВРЕИ НАД ОВЛАДЕНИЕМ БОГАТСТВАМИ КРАЯ.

Кадры. Евреи работают на горных разработках извести.

Кадры. Работник в колхозном пчельнике.

Кадры. Перегонка меда.

Кадры. Река Амур.

Кадры. Лов рыбы на реке Амур. Груды выловленной рыбы.

Кадры. Работа на золотоносных приисках.

Кадр. Чашка с добытым золотом.

Из тезисов В.А. Сытина: *«Каждое звено Кино-Атласа СССР должно быть увязано с предыдущим и последующим по ряду линий, но все же должно представлять собой вполне законченный кино-очерк»* (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 176).

Титр. ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ МАСТЕРОВ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗЕМЛИ.

Кадры. Комбайнеры-евреи управляют комбайнами.

Кадры. Уборка урожая комбайнами.

Кадр. Еврей в поле говорит…

Титр. НЕТ ВОЗВРАТА К СТАРЫМ ЕВРЕЯМ, ОБИТАТЕЛЯМ СИНАГОГ И БОГАДЕЛЕН.

Рис. 3. Кадр из фильма «Биробиджан». Советская новостройка в Биробиджане

Из резолюции I партсовещания по вопросам кинематографии: «*Необходимо в большей мере поставить обслуживание запросов к кино со стороны национальностей СССР, более широкое использование для кино материала из истории борьбы, социалистического строительства в союзных и национальных республиках и областях… Особое внимание должно быть уделено созданию идейно выдержанной антирелигиозной фильмы, вскрывающей классовую сущность и контрреволюционную роль религии*» (Пути кино 1929: 437).

Титр. ИХ МОЖНО ВИДЕТЬ ТОЛЬКО НА СЦЕНЕ БИРОБИДЖАНСКОГО ТЕАТРА, КАК СТРАШНЫЙ ПРИЗРАК ПРОШЛОГО.

Кадры. Типы старых евреев на сцене Биробиджанского театра.

Кадры. Фрагменты и пьесы. «Интервенция» в исполнении артистов Биробиджанского еврейского театра.

Кадры. Зрители в зале театра.

Кадры. Публика в тенистых аллеях парка.

Кадры. Река Амур, виден противоположный берег.

Титр. ТАМ, НА ДРУГОМ БЕРЕГУ АМУРА, В МАНЧЖУРИИ, СОВСЕМ ДРУГАЯ ЖИЗНЬ.

Из доклада М.В. Израильсона-Налетного «К вопросу о создании Киноатласа СССР»: *«Весь мир смотрит на победное строительство новых форм жизни в СССР и в его бесчисленных городах, селах и деревнях, и тысячи экземпляров драгоценных кино-страниц Атласа могут быть обменены на сырье, аппаратуру и деньги во всех странах земли»* (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 356. Л. 101).

Метод Слуцкого

Как видно из вышеприведенного «кинотекста», по части содержания фильм «Биробиджан» вполне соответствовал и установкам проекта «Киноатлас СССР», и букве партийных директив. В то же время работа М.Я. Слуцкого имела и свои стилистические особенности, прежде всего, на уровне формы, анализ которых имеет значение для полноты настоящего исследовательского анализа.

Фильм открывался лозунгом «НА ШЕСТОЙ ЧАСТИ МИРА ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПАРТИИ ЛЕНИНА-СТАЛИНА», стандартным для своего времени – аналогичными словами-титрами начинались практически все фильмы на этногеографическую тематику, о каком бы этическом сообществе в них ни шла речь. В последующих «строках фильма» обозначались время, место и основные герои экранного действа, при этом все тот же идеологический акцент о реализации большевистской национальной политики звучал теперь применительно к отдельно взятой этнической группе: «ЕВРЕЙСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ… СВОБОДНО СТРОИТ СВОЮ РОДИНУ… ЕВРЕЙСКУЮ АВТОНОМНУЮ ОБЛАСТЬ». Еще два «общих места» для советского этнографического кино одновременно отыгрывались следующей сценой в фильме – особое внимание к женскому вопросу (в кадре – на митинге выступала женщина-еврейка), и к реализации народовластия (ее слушали и поддерживали аплодисментами массы собравшихся). Контрастная смена изобразительного ряда – виды реки Амур, дальневосточной тайги и отрогов Сихотэ-Алиня – маркировала переход к завязке действия киноистории. За серией живописных кадров девственной природы Дальнего Востока следовал постановочный эпизод, снятый «с точки зрения» местного жителя: охотник-

нанаец, притаившись в таежных дебрях, наблюдал за прибытием обоза еврейских колонистов. Все их дальнейшие действия – остановка на привал и установка лагеря – также были сняты субъективной камерой, словно взглядом образного «лесного человека». Эпизод танцев на таежной поляне под аккомпанемент скрипки и монтаж его с кадрами выходящего из берлоги медведя имели юмористические оттенки, венчая сцену, формировавшую образ евреев как культурных европейцев в лоне дикого азиатского Востока. Данный тематический блок разворачивал драматургию фильма в череду оппозиций – природы и человека, аборигенов и колонистов, первобытности и цивилизации, подготавливая задел для генерального конфликта киноповествования: образов «старого» (нетронутой природы и традиционной культуры коренных жителей) и «нового» (сельскохозяйственная колонизация региона и строительство советской еврейской автономии).

Боевой титр «ПЕРВАЯ АТАКА» открывал вторую часть фильма, составленную из сцен рубки деревьев, вспашки целины, стройки домов. Кадры работы людей, орудий и механизмов, снятые с острых ракурсов, создавали внутреннее напряжение экранного действия, а ускоренный темп монтажных склеек усиливал внешний ритм фильма. Уже в середине второй части фильма на экране появлялись кадры колосящейся пшеницы и уборки урожая, предваренные титром «ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЕ ВСХОДЫ БИРОБИДЖАНСКИХ ПОЛЕЙ, ВСПАХАННЫХ РУКАМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ». Показ агрономических успехов еврейского колхоза дополняется образами возведения нового поселения для коммуны: домов коттеджного типа, административных зданий и социальных объектов (детсад, сельсовет и т.д.). В данных сценах фильма также использовалось сочетание постановочных (комбайнер за штурвалом хлебоуборочной машины, слаженная как танец коллективная укладка урожая и т.д.) и хроникальных кадров (портретов крестьян на сельскохозяйственных и строительных работах). «МОЛОДАЯ СТОЛИЦА ОТСТРАИВАЕТСЯ» – комментировал титр – и на экран выезжали механизированные катки, расходясь на новенькой мостовой с автомобилями строителей. Подвижная кинокамера демонстрировала виды главной улицы Биробиджана, деревянные новостройки которого были украшены советскими флагами и портретами большевистских вождей. А завершалась данная часть фильма показом качеств нового быта переселенцев в уже обжитых коттеджах. Заявленная в начале киночасти «атака» закончилась победой колонистов над целиной, далее драматургически следовала экранизация преобразования завоеванных ресурсов, построение нового мира и нового человека в нем.

«СМОТРИТЕ, КАК РАБОТАЮТ ТРУДЯЩИЕСЯ ЕВРЕИ НАД ОВЛАДЕНИЕМ БОГАТСТВАМИ КРАЯ» – заявлялось на старте заключительной части фильма, иллюстрировавшейся кадрами добычи горной извести и золота, обработки продуктов бортничества и рыбо-

ловства, сбора плодов полей и огородов. И вновь, как и в начале фильма, включалась условная прямая речь: «НЕТ ВОЗВРАТА К СТАРЫМ ЕВРЕЯМ, ОБИТАТЕЛЯМ СИНАГОГ И БОГАДЕЛЕН» – резюмировал титр содержание выступления экранного еврея из среды переселенцев. И снова фильм окрашивался юмором и даже гротеском, выраженном в показе «старых» евреев в образе актеров на сцене Биробиджанского театра. В этом моменте считывается очередной «общий прием» для советского этнокино – подобным образом высмеивались, в частности, туземные шаманы как носители «старого» (темного) образа жизни. Монтажным завершением таких эпизодов, как правило, становились кадры смеющейся публики. В финале же данной части и всего фильма о Биробиджане вновь показывалась дальневосточная природа, река Амур, следовал титр, добавляющий в фильм геополитическую драматургию: «ТАМ, НА ДРУГОМ БЕРЕГУ АМУРА, В МАНЧЖУРИИ, СОВСЕМ ДРУГАЯ ЖИЗНЬ».

При рассмотрении творческого почерка режиссера становится очевидно, что фильм «Биробиджан» был создан на границе жанров и стилей. В нем документальные кадры органично сочетались с постановочными, а элементы агитации – с фрагментами народного юмора, драматургически дополняя друг друга в ходе киноповествования. М.Я. Слуцкий признавался: «Я считаю своей обязанностью художника экспериментировать. В хронике мы мало ищем, и я решил пойти по пути поисков. Я знаю, что меня ждут трудности, но тем значительнее будет радость победы» (Слуцкий 1933: 4). Так, при раскрытии на экране сложной переселенческой темы, режиссеру удалось найти доверительный тон диалога со зрителем. Опираясь на документальность, М.Я. Слуцкий в то же время обрамлял лобовую подачу материалов постановочно-юмористическими штрихами.

Несмотря на свою экспериментальность, творческие поиски М.Я. Слуцкого вполне укладывались в ведомственные установки: «В связи с усилением общественно-политической роли кино, необходимо искать и применять новые элементы кино-жанра (юмор и сатира и др.)», – декларировалось в вышеупомянутой Директиве партсовещания по кино (Пути кино… 1929: 437). В то же время один из руководителей «Совкино», И.П. Трайнин, отмечал: «Спорным в нашей практике является вопрос о том, нужно ли соединять в одну фильму два разнородных материала: художественный и хроникальный. Защитники чистой кинохроники считают это большим кощунством. Исходя из конечных целей фильмы, мы полагаем, что тут нет греха» (Трайнин 1928: 70).

Вопрос о киноформе остро дискутировался и на заседаниях рабочей группы проекта «Киноатлас СССР». В частности, кинорежиссер В.А. Ерофеев, имевший к тому времени значительный опыт работы в области экспедиционного кино, рекомендовал в каждом фильме фокусиро-

ваться на одной стержневой теме, при выборе которой следует обращать внимание на «боевые» моменты советского строительства; а краевед В.А. Сытин, напротив, представлял каждую серию «Атласа» в формате комплексного киноочерка – такая полярность позиций существенно затрудняла выработку общего стандарта и задерживала реализацию проекта (РГАЛИ. Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 368. Л. 132 об. – 133). Безусловно, многие из советских этногеографических фильмов имели общие черты в форме (например, начинались с анимированной географической карты, показывающей расположение того или иного региона относительно Москвы) или в содержании (в частности, рассказывали о перерождении человека в процессе социалистического строительства) (Иезуитов 1933). Но при единстве проектной матрицы нюансы исполнения каждого из фильмов определялись авторством. Полемизируя с оппонентами, М.Я. Слуцкий заявлял: «Сегодня все чаще осуществляется вмешательство в документальное кино и в самых разных формах. И эти поиски нам кажутся перспективными и полными смысла. Где начинается документальная фильма и где кончается игровая, правильно ли вообще такое деление, мы не знаем. Я все время намеренно избегаю противопоставлять слово "хроникальная" и "художественная" фильма… Я утверждаю, что если мы берем ударника – живого человека, имеющего имя и фамилию, и "восстановим" его поступки в реальной для него обстановке, то фильма остается все-таки документальной, а не игровой» (Слуцкий 1933: 4).

Несмотря на разницу мнений в частностях, общим являлось требование – «чтобы кино дало форму, понятную миллионам» (Паушкин 1930: 52). И комплексная творческая методология, примененная М.Я. Слуцким, себя в этом смысле полностью оправдала, позволив «Биробиджану» преодолеть формат заказного агитфильма. Выйдя в прокат, фильм имел резонанс среди широкой аудитории, в том числе заслужил одобрение и «главного зрителя» СССР – архивная запись беседы И.В. Сталина с Б.З. Шумяцким[9] от 19 декабря 1934 г. свидетельствует, что к фильму «Биробиджан» в результате просмотра «Коба отнесся одобрительно, считая, что сам замысел показывать через документы жизнь ДВК (Дальневосточного края. – *И.Г.*) очень нужен и полезен» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Ед. хр. 828. Л. 81). Таким образом, киноработа М.Я. Слуцкого выполнила свою многоплановую задачу, став вкладом, с одной стороны, в запечатление на пленке историко-краеведческих материалов, с другой – в распространение идеи национальной автономии среди еврейского населения страны, с третьей – в создание своеобразного киномифа о еврейской коммуне в советском обществе (Visualizing Jews… 2015).

Разножанровые приемы применялись при создании целой серии фильмов, снятых режиссером М.Я. Слуцким совместно с оператором М.М. Глидером[10] в начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке СССР:

«Комсомольск», «Лю-фу», «Нанаец с реки Тунгуски», «Рассказ о рыбной ловле». И для последующего творчества М.Я. Слуцкого было характерно сочетание методов игрового и неигрового кино: постановочные кадры позволили режиссеру преодолеть стандартную фактографию в его известных документальных картинах «Песня о Киргизии» (1947) и «Цветущая Украина» (1950); а документальность в проработке характеров персонажей заметна в его полнометражном художественном фильме «В один прекрасный день» (1955). Исследовательница творчества режиссера Д.В. Попкова характеризует М.Я. Слуцкого как вдохновленного революцией художника: «Влюбленный в жизнь, в ее революционные идеалы, он стремился отыскать новые ростки будущей счастливой жизни, пропагандировать и воспевать эту новую жизнь, звать и вести к ней зрителей. Применим ли к его творчеству термин “летописец фактов”? Наверное, точнее будет назвать его летописец представлений, атмосферы, духа своего времени» (Попкова 1987: 152).

В свое время один из организаторов «Киноатласа СССР», Г.М. Болтянский, замечал: «...ни одна книга не скажет будущим поколениям так много, как эти ленты – живые свидетели, восстанавливающие эпоху» (Болтянский 1926: 23). А по определению искусствоведа И.И. Иоффе, вышедший в авангард советского искусства кинематограф превратился в общественном сознании в «новую письменность» (Иоффе 1925: 59), передающую жизнь в ее разнообразии и многолинейной динамике и обладающую абсолютным доверием массовой аудитории. Как видно, и серия дальневосточных фильмов М.Я. Слуцкого действительно оказывается ярким примером «советской кинолетописи», тем самым приобретая свойства исторического источника – в формах фиксации краеведческих материалов, в запечатлении силуэтов политического контекста советизации окраин страны, в переплетении хроникальных и художественных методов организации фактов в идеологическую конструкцию.

Анализ фильма «Биробиджан», предпринятый в данном исследовании, дает основания сделать вывод о том, что агитационные фильмы, создававшиеся для «Киноатласа СССР», являются неотъемлемой частью визуально-антропологического наследия советского периода и при должной исследовательской критике открывают для науки существенную информативную ценность, наряду со съемками трансформации традиционных обрядов и народных празднеств, быта и нравов народностей страны в советский период.

* * *

В реалиях 1930-х гг. проекту «Киноатлас СССР» не суждено было развернуться в планировавшемся масштабе. К началу второй пятилетки

межведомственная партийно-научно-кинематографическая схема его осуществления так и не была налажена *на практике*, что критически сказалось на жизнеспособности актуального *в теории* проекта. Помимо производственных сложностей, одной из основных причин сворачивания «Киноатласа» было и то, что столь тяжеловесный проект, рассчитанный на многие годы реализации, не успевал подстраиваться к изменениям советского политического курса. В то же время развитие проекта прямо или косвенно сказалось на производстве фильмов этногеографического направления в целом: с одной стороны, на «дорожную карту» создания «Киноатласа» вынужденно ориентировались в ходе организации экспедиций все кинофабрики страны, с другой – опыты творческого сотрудничества режиссеров и ученых, согласование планов киностудий и научных институций выразились в создании серии тематических фильмов. Воспоминания участников проектных работ и производственные документы студий обнаруживают свидетельства проведения значительного объема съемочных работ в различных регионах страны, включая и дальневосточную киноэкспедицию М.Я. Слуцкого. Со временем материалы «Киноатласа» были разобраны для включения в более поздние фильмы и киножурналы, что существенно затрудняет их сегодняшний поиск в архивах, но не снижает актуальности поисковых исследований, введения данных кинодокументов в научный оборот, их анализа, сопоставления и обобщения. На крупном плане, при рассмотрении конкретного фильма, мы видим образ одного этнического сообщества или региона; на общем плане Атлас культур и территорий СССР – комплекс визуально-антропологических свидетельств внутреннего и внешнего позиционирования многонационального государства.

Примечания

[1] Марк Васильевич Израильсон-Налетный (1894–?) – оператор-документалист, автор экспедиционных киноочерков «Афганистан» (1921), «К берегам Тихого океана» (1927) и др.

[2] Рождественский Алексей Семенович – в 1920–1930-х гг. сотрудник Главного управления по контролю за репертуаром Наркомата просвещения РСФСР.

[3] Паушкин Михаил Михайлович (1881–?) – историк кино, литературы, театра; в середине 1920-х – начале 1930-х гг. – управляющий делами Госплана СССР.

[4] Григорий Моисеевич Болтянский (1885–1953) – кинорежиссер, историк кино, профессор Государственного института кинематографии, основатель Музея кино в СССР.

[5] Михаил Абрамович Кауфман (1897–1980) – советский оператор и режиссер документальных и художественных фильмов, активный деятель творческой группы «киноков», возглавляемой его родным братом Дзигой Вертовым, определявшей характер советской документалистики 1920-х гг.

[6] Владимир Алексеевич Ерофеев (1898–1940), кинокритик, один из лидеров Ассоциации революционной кинематографии; как режиссер дебютировал фильмом «За Полярным кругом» (1927), смонтированным из съемок полярных областей, выполненных оператором Ф.К. Бремером; последующие его фильмы – «Крыша мира (Памир)» (1928),

«Афганистан» (1929), «Далеко в Азии» (1933), содержащие этнографические материалы, – стали классическими образцами советской документалистики.

[7] Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Учетный № 3597.

[8] «Люди воздуха» – выражение Шолома (Соломона) Нохумовича Алейхема (Рабиновича) – образная характеристика евреев, занимавшихся ростовщичеством, обменом, маклерством и прочей «торговлей воздухом»; скитальцев, не имевших своей земли (государства).

[9] Борис Захарович Шумяцкий (1886–1938) – государственный и партийный деятель, с 1931 по 1938 г. – руководитель советской кинематографии.

[10] Михаил Моисеевич Глидер (1899–1967) – советский кинооператор, снявший серию экспедиционных фильмов «По Ойротии» (1928), «Биробиджан» (1934) и др.; впоследствии – фронтовой кинооператор, лауреат Сталинской премии за фильм «Освобождение земли» (1948).

Литература

Александров Е.В. Центростремительный вектор в безграничьи визуальной антропологии // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 11–28.

Болтянский Г.М. Кинохроника и как ее снимать. М.: Кинопечать, 1926.

Головнёв А.В. Антропология плюс кино // Культура и искусство. 2011. № 1 (1). С. 83–91.

Головнёв И.А. Визуальная антропология Дзиги Вертова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 4. С. 1386–1403.

Головнёв И.А. «Лесные люди» – феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 81–96.

«Имени Ленина» // Кино. 1932. 24 ноября. С. 3.

Иезуитов Н.М. О стилях советского кино // Советское кино. 1933. № 5–6. С. 31–47.

Иоффе И.И. Кризис современного искусства. Л.: Прибой, 1925.

Левин В.И. Октябрьская революция и евреи России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. № 6–2. С. 29–32.

Магидов В.М. Киноатлас СССР: История создания серии фильмов по визуальной антропологии // Аудиовизуальная антропология. История с продолжением. М.: Институт Наследия, 2008. С. 136–141.

Паушкин М.М. Кино через пять лет. М.: Теакинопечать, 1930.

Попкова Д.В. Михаил Слуцкий // Летописцы нашего времени. Режиссеры документального кино. М.: Искусство, 1987. С. 142–160.

Пути кино. Первое всесоюзное партийное совещание по кинематографии. М.: Теакинопечать, 1929.

Слуцкий М.Я. О хроникальной фильме // Кино. 1933. 4 дек. С. 3–4.

Сытин В.А. Кино-Атлас // Кино и культура. 1929. № 4. С. 71–72.

Трайнин И.П. Кино на культурном фронте. Л.: Теакинопечать, 1928.

Visualizing Jews Through the Ages: Literary and material representations of the Jewishness and Judaism. New York: Routledge, 2015.

Архивные источники

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2581. Д. 93. Рецензии на фильмы А.А. Литвинова 1923–1935 гг.

Российский государственный архив кинофотодокументов (РГАКФД). Фонд кинодокументов. Учетный № 3597.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 356. Планы акционерных обществ «Совкино», «Межрабпом-Русь» и «Кино-Сибирь» и Государственного Военного кино на 1927–1928 и 1928–1929 гг.; сведения о выполнении производственных планов за 1-е полугодие 1927–1928 гг.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 645. Оп. 1. Ед. хр. 368. Постановления (копии) и выписки из протоколов заседаний правления Всероссийского кино-фотообъединения «Союзкино». Информационный бюллетень «Межрабпомфильм» и др. 18 апреля 1929 г. – 7 июня 1931 г.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 828. Сталин И.В. Конспекты бесед И.В. Сталина с Б.З. Шумяцким.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Golovnev Ivan A.

THE USSR CINEMA-ATLAS: 'BIROBIDZHAN' BY MIKHAIL SLUTSKY[*]

DOI: 10.17223/2312461X/30/2

Abstract. At the turn of the 1920s to the 1930s, the production of so-called 'culturfilms' developed in the Soviet Union. These films showcased the country's constituent nationalities and territories and were popular with a wide audience. The production, though, had a political aspect to it, as cinematography was used by the authorities as an effective mass medium to inform the public about state programmes to colonize the country's regions. It is no coincidence that during this period an unprecedented project such as the 'Cinema-Atlas of the USSR' was launched on the initiative of the Party's Central Committee. The project was meant to bring together scientists and cinema specialists to create a film series of 150 episodes, dedicated to the historical traditions and Sovietization of the country's center and periphery. Developed as an ideologically inspired 'film manual', the series were to be subsequently introduced to and used in the Soviet education system. Leading Soviet film studios got involved in a socialist-style competition, aiming to organize longest possible film expeditions to the farthest corners of the USSR and fulfilling the ministerial task of collecting materials to construct on screen an image of a multinational and progressive socialist country. Drawing on the film 'Birobidzhan' (1934) by Mikhail Slutsky, a well-known figure in the Soviet cinematography, the article examines the format of documentary propaganda films that is fully consistent with the vision behind the Soviet 'Cinema-Atlas'. Focused on Jewish colonists in the Far East territories, the film was shot to present the successful resettlement efforts of the Society for Settling Working Jews on the Land (OZET), and its release was dedicated to the formation of the Jewish Autonomous Region with the administrative centre in the city of Birobidzhan. Comparative analysis of the film and archival materials on the context of its creation, recollections of the film shooting team members and other contemporaries allow us to trace the development of this cinematographic project in relation to the then Soviet politics, science, and culture. Finally, conclusions are drawn as to the potential of using this Soviet documentary as a multicomponent historical source of great research value for visual anthropology and the humanities.

Keywords: USSR Cinema-Atlas, visual anthropology, Jewish Autonomous Region, Birobidzhan, Slutsky

[*]The research was supported by the Russian Science Foundation (RNF), the project No. 19-18-00116, titled 'Visualizing ethnicity: Russian perspectives in science, museum, and cinema' (Principal Investigator Andrei V. Golovnev).

References

Aleksandrov E.V. Tsentrostremitel'nyi vektor v bezgranich'i vizual'noi antropologii [A centripetal vector in the boundlessness of visual anthropology], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 3, pp. 11–28.

Boltianskii G.M. *Kinokhronika i kak ee snimat'* [Filmmaking]. Moscow: Kinopechat', 1926.

Golovnev A.V. Antropologiia plius kino [Anthropology plus film], *Kul'tura i iskusstvo*, 2011, no. 1(1), pp. 83–91.

Golovnev I.A. Vizual'naia antropologiia Dzigi Vertova [Visual anthropology of Dziga Vertov], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriia*, 2019, Vol. 64, Is. 4, pp. 1386–1403.

Golovnev I.A. "Lesnye liudi" – fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino ['Forest People', a phenomenon of the Soviet ethnographic cinema], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 2, pp. 81–96.

"Imeni Lenina" ['Named after Lenin'], *Kino*, 1932, 24 November, pp. 3.

Iezuitov N.M. O stiliakh sovetskogo kino [Styles of the Soviet cinema], *Sovetskoe kino*, 1933, no. 5–6, pp. 31–47.

Ioffe I.I. *Krizis sovremennogo iskusstva* [Contemporary art crisis]. Leningrad: Priboi, 1925.

Levin V.I. Oktiabr'skaia revoliutsiia i evrei Rossii [The October Revolution and the Jews of Russia], *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'*, 2017, no. 6–2, pp. 29–32.

Magidov V.M. Kinoatlas SSSR: Istoriia sozdaniia serii fil'mov po vizual'noi antropologii [The USSR Cinema-Atlas: The creation of a series of films on visual anthropology]. In: *Audiovizual'naia antropologiia. Istoriia s prodolzheniem* [Audio and visual anthropology. Histories and their continuances]. Moscow: Institut Nasledia, 2008, pp. 136–141.

Paushkin M.M. *Kino cherez piat' let* [Cinema, 5 years on]. Moscow: Teakinopechat', 1930.

Popkova D.V. Mikhail Slutskii. In: *Letopistsy nashego vremeni. Rezhissery dokumental'nogo kino* [Chroniclers of our time. Documentary directors]. Moscow: Iskusstvo, 1987, pp. 142–160.

Puti kino. Pervoe vsesoiuznoe partiinoe soveshchanie po kinematografii [Paths of cinema. The first All-Union Party Meeting on Cinematography]. Moscow: Teakinopechat', 1929.

Slutskii M.Ia. O khronikal'nom fil'me [On film and chronicles], *Kino*, 1933, 4 December, pp. 3–4.

Sytin V.A. Kino-Atlas [Cinema-Atlas], *Kino i kul'tura*, 1929, no. 4, pp. 71–72.

Trainin I.P. Kino na kul'turnom fronte [Film and culture]. L.: Teakinopechat', 1928.

Visualizing Jews through the ages: Literary and material representations of the Jewishness and Judaism. New York: Routledge, 2015.

УДК 316.7
DOI: 10.17223/2312461X/30/3

КИНО И ТАНЦЫ. ДВА ФИЛЬМА ИЗ АРХИВА ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН*

Елена Сергеевна Данилко

Аннотация. Рассматриваются два фильма из архива Института этнологии и антропологии РАН, посвященные хореографическому искусству чукчей и эскимосов. Фильмы сняты сотрудниками Института А.В. Оськиным и М.Я. Жорницкой в 1970-е гг. На их примере анализируются формы научной и художественной репрезентации явлений, сложно поддающихся вербальному описанию, в оптике советского этнографического кино; обозначаются тенденции и факторы, определявшие развитие этого жанра; делаются попытки сопоставления методологических приемов в создании антропологических фильмов в разных научных традициях.

Ключевые слова: визуальная антропология, этнографическое кино, коренные народы Севера, хореографическое искусство, танцевальная культура, чукчи, эскимосы

Введение

Обоюдное тяготение кино и этнографии, обозначившееся практически с момента возникновения, – кстати, почти одновременного, – этих двух направлений гуманитарной деятельности, диктовалось в первую очередь их стремлением к взаимообогащению. Кинематографисты искали новые, интересные для запечатления ракурсы реальности, исследователи – более совершенные инструменты, способные фиксировать явления, ускользающие из их блокнотов. Не случайно первые научные съемки, начиная со знаменитой экспедиции Альфреда Хэддона в залив Торреса и съемок Маргарет Мид и Грегори Бейтсона на Бали, документировали материалы, с трудом поддающиеся вербальном описанию – танцы, трансовые состояния, проявления эмоций (Henley 2013: 84–85). Танцевальной культуре посвящены и снятые гораздо позднее фильмы советских ученых, которые я хотела бы рассмотреть в настоящей статье. Это фильмы В.А. Оськина и М.Я. Жорницкой «Хореографическое искусство народов Севера. Чукчи-оленеводы» (1975) и «Хореографическое искусство народов Севера. Эскимосы» (1978)[1]. Очевидно, что развитие западной антропологии и советской этнографии имело разные алгоритмы, определяемые социальными логиками, но, возможно, об-

* Исследование выполнено в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

ращение к этим фильмам позволит выявить между ними не только различия, но и некоторые сходства, диктуемые логиками внутридисциплинарными. Кроме того, на примере этих фильмов было бы любопытно проанализировать формы научной и художественной репрезентации мира в оптике советского этнографического кино.

Фильмы, о которых пойдет речь в настоящей статье, являлись частью специальной программы по изучению хореографического искусства народов Севера. Эта программа, в свою очередь, реализовывалась в рамках масштабного проекта Института этнографии АН СССР, именуемого Северной экспедицией. Созданная в 1956 г. в соответствии с официальной концепцией развития этнографии первых послевоенных десятилетий, – упор на полевые исследования современности, – она просуществовала вплоть до начала 1990-х гг. (Батьянова 2013: 17). В 1970 г. в состав экспедиции вошла сотрудница Института Мария Яковлевна Жорницкая (1921–1995) и с 1972 г. совместно с руководителем группы научного кино Александром Васильевичем Оськиным (1937–1999) они начали планомерно использовать киносъемку, наряду с другими уже привычными средствами для записи танца.

Система фиксации танцевального искусства, распространенная в то время не только среди этнографов, но и в театрах и хореографических училищах страны, опиралась главным образом на разработки известной исследовательницы С.С. Лисициан 1940-х гг. Лисициан исходила из существования некоторых поддающихся записи анатомических характеристик, обусловливающих движение отдельных частей человеческого тела. Ею было введено понятие кинетотакта, предполагающего запись всех движений исполнителя в единицу времени с помощью специальных знаков. На бумаге несколько отделенных друг от друга чертой кинетотактов объединялись в кинетофразы, составляя элементы танца. К этому прилагались схемы движений для каждой мизансцены, описание звукового сопровождения, рисунки или фотографии (Жорницкая 1983: 10). Использование такой сложной системы на практике было занятием трудоемким и требующим специфических навыков как для записывающего, так и для читающего. В связи с этим появление возможности киносъемки в поле было призвано значительно облегчить задачи документирования танцевального наследия.

Кто снимал кино, или Об авторах

Неизбежное взаимопроникновение искусства и науки нередко обнаруживается не только в использовании методологических приемов или источников вдохновения, но и в биографиях некоторых ученых, в том числе авторов фильмов, о которых пойдет речь. Так, Мария Яковлевна Жорницкая, создавшая сравнительную этнохореографию народов Си-

бири, пришла в науку с балетной сцены. Танцовщица Якутского музыкально-драматического театра, любимица публики, исполнительница ведущих партий, заинтересовалась народной хореографией, когда приняла участие в первом якутском балете «Полевой цветок», поставленном в 1947 г. к 25-летию Якутской республики. Укреплению интереса способствовало знакомство с композитором, собирателем и исследователем якутского музыкального фольклора М.Н. Жирковым, которое и привело ее в итоге в Институт языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Здесь Жорницкая активно включается в экспедиционную работу и занимается изучением и записью северных танцев и игр. География ее исследований расширяется после переезда в Москву. В составе Сектора Крайнего Севера и Сибири Института этнографии АН СССР она проработала до конца жизни (Батьянова 1996: 183–184). Научное наследие Жорницкой включает целый ряд фундаментальных монографических исследований, касающихся танцевального искусства якутов, эвенов, эвенков, юкагиров, чукчей, эскимосов, коряков, ительменов и обобщающие работы по хореографии сибирских народов (Жорницкая 1956, 1970, 1983).

Показательно, что помимо изучения танцев Жорницкая занималась их созданием. Собранные ею материалы становились основой сценических постановок для фольклорных коллективов и музыкальных театров. Так, более 20 поставленных Жорницкой якутских танцев до сих пор являются частью актуального репертуара, как и балет «Чурумчуку», для которого ею было сочинено либретто (Лукина 2020: 49–50). Сочетание, казалось бы, столь разных сфер деятельности было если не типично для биографии советского ученого, то уж точно не уникально. Об этом свидетельствует, в частности, состав учеников М.Я. Жорницкой, также объединяющих в своей деятельности научные штудии и служение искусству (Батьянова 1996: 185). В целом же, согласно исследованию Игоря Нарского, советский канон творческого процесса по созданию народных танцев, сформировавшийся уже к концу сталинского периода и просуществовавший до конца советской эпохи, обязательно включал в себя некоторый этнографический сюжет – путешествие за полевым танцевальным материалом, поиск оригинала, подлинника, истинно народного искусства. Вообще сам концепт подлинности, способный быть «одновременно антимодерным и модерным, поскольку мог звать и назад, и вперед, побуждать и к бегству от действительности, и к ее активному преобразованию» (Нарский 2018: 376), оказывался весьма удобным для применения и во многом определял формирование запроса советского времени на ученого-«многостаночника», решающего множество разных задач, выступая не только исследователем, но и творцом нового человека.

Научная карьера второго автора фильмов, Александра Васильевича Оськина, выпускника исторического факультета МГУ имени М.В. Ло-

моносова, не была так непосредственно связана с танцевальным искусством. Он был вовлечен в эту сферу только как «человек с киноаппаратом», сотрудник и впоследствии заведующий кинолаборатории Института этнографии СССР, где работал с 1972 по 1998 г. По-настоящему Оськина занимали петроглифы, которые он изучал в знаменитой Хорезмской экспедиции. Их Александр Васильевич также фиксировал на камеру, фотографировал, делал многочисленные прорисовки и планировал подготовить фильм. В 1985 г. он защитил кандидатскую диссертацию по своей любимой теме (Оськин 1985). Хотя музыкой он также увлекался, интересовался, в частности, звучанием древних инструментов и экспериментировал с их реконструкцией.

Судя по нескольким сохранившимся отчетам кинолаборатории, едва ли не половину года Оськин проводил в поле с камерой и фотоаппаратом, вторую же половину занимался проявкой, монтажом, описанием огромного объема отснятого материала. Например, в 1973 г. его полевой сезон, начавшийся в апреле, длился до конца осени и включал совершенно разные регионы от Костромской области до Самарканда, – и сопровождался километрами отснятой пленки (АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 265). А годом ранее только во время Северной экспедиции им было снято около 2 тыс. метров 16-миллиметровой пленки. «Наша группа, – писал Оськин в своем годовом отчете, – побывала в поселках северной части Камчатской области, где в дополнение к описанию танцев и фотографированию отдельных “па” мы занимались киносъемками. В поселке Корф снимали ительменку, заслуженного деятеля культуры Лукашкину Т.П., которая показала несколько традиционных северных танцев ([нрзб], “Нерпы”, “Дорога”). Вместе с отцом Юрием Китыгиным Лукашкина снялась в корякском народном танце “Нерпы”. В поселках Агай-Ваям, Хаилино, Аяпка, [нрзб] было снято около 20 танцевальных номеров в исполнении эвенов, коряков и чукчей. В поселке была снята сказка-пантомима, а также два обряда “Медведь” и “Белуха” в исполнении группы коряков. Наряду со старыми народными танцами были сняты современные народные танцы в исполнении балетмейстера С. Манилы Нины Токат, в которых наглядно иллюстрируется преемственность современного профессионального танца с народным творчеством» (АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 145. Л. 1–2). Это описание дает хотя бы примерное представление не только о масштабах, но и о характере совместной работы А.В. Оськина и М.Я. Жорницкой[2]. Показательно, что снимались и «старые» народные танцы, и современные, а обряды фиксировались «в исполнении», иногда профессиональных балетмейстеров, являя собой по сути реконструкции или интерпретации третьего или четвертого порядков, сводя таким образом на нет все позитивистские стремления к отделению «подлинно народного» от искусственно привнесенного.

Как снималось кино, или О методах

Далеко не все отснятое в Северной экспедиции превратилось в фильмы. М.Я. Жорницкая в предисловии своей книги пишет о трех из них: «...два в черно-белом изображении на 16-миллиметровой пленке о народных танцах коряков и эскимосов и на 35-миллимитровой пленке о хореографическом искусстве береговых чукчей и эскимосов, а также озвученный фильм в цветном изображении на 35-миллиметровой пленке о народных танцах чукчей-оленеводов, сопровождаемый нашим комментарием» (Жорницкая 1983: 10).

Построением фильма (сценарием) и монтажом занимался преимущественно Оськин, в титрах упоминается также Л.А. Трофимова. В качестве операторов привлекались студенты ВГИКа М.А. Хакулов, А.В. Дудов, С.Г. Циханович и Н.В. Волков. Такое содружество с Институтом кинематографии весьма примечательно и отражает некоторые тенденции, характеризующие советское этнографическое кино. Здесь мне как раз хотелось бы обозначить методологические рамки, визуальные и теоретические конвенции, определявшие его форму и содержание и, соответственно, оказавшие влияние на фильмы А.В. Оськина и М.Я. Жорницкой. Для этого нам придется углубить хронологическую перспективу и обратиться к периоду с середины 1920-х до конца 1930-х гг. Именно в это время взаимный интерес этнографии и кинематографии реализуется в целом ряде масштабных проектов и в появлении специфического жанра советского кино – культурфильмы. Это время, когда и наука, и искусство вовлекаются в поиск новых инструментов и ориентиров развития и, одновременно, в процессы социалистического строительства. Исследователь советского этнографического кино Иван Головнёв характеризует этот период как череду национализаций – национализация кинематографа, национализация этнографии и, наконец, национализация этнокультур (Головнёв 2018: 35–67).

Для выбора путей и перспектив советской этнографии решающим событием стало совещание этнографов Москвы и Ленинграда в апреле 1929 г. Наряду с важнейшими теоретическими вопросами там обсуждались проблемы полевых методов и «умение заснять» рассматривалось уже как необходимый навык ученого-полевика. Дискуссия о «поле» символизировала в определенном смысле разделение двух школ и двух подходов, часто обозначающихся как как emic и etic. Она развернулась вокруг двух основных докладов В.Г. Богораза и Б.А. Куфтина, отстаивающих, соответственно, стационарный и экспедиционный методы (От классиков к марксизму... 2014: 61). Проводя идею «слияния с народом», Богораз говорил о недостаточности даже длительных экспедиций, неизбежно имеющих поверхностный характер: «Необходима физическая близость, личное восприятие бедности, холода, голода, участие в

труде, участие в празднествах» (263). Интересно, что он предлагал этнографам обращаться к автохтонным толкованиям: «Необходимо организовывать записи указанных лиц (аборигенов. – *Е.Д.*) и рядом с биографиями собирать автобиографии, нередко наивные, написанные неумело, но тем более ценные. Самая “плохая” автобиография лучше искуснейшей биографии, написанной исследователем со стороны» (264). Оппоненты Богораза, также апеллируя к важности объективной информации, не видели препятствий к ее получению и во время краткосрочных экспедиций. Звучали также предложения о создании некого единого административного органа, регулирующего деятельность всех экспедиций. Этот проект так и не был реализован, но и единства во мнениях достигнуть не удалось. Сошлись этнографы на том совещании лишь в одном – в том, что «наука должна вступить в более тесную связь с советской национальной политикой» (63). Постепенно в силу разных обстоятельств предложения Богораза, вполне вписывающиеся в актуальную методологическую парадигму зарубежной антропологии, не нашли воплощения в практике советских, и впоследствии российских, этнографов, и их фирменным методом стал метод экспедиционный. Это, на мой взгляд, непосредственным образом отразилось на характере использования камеры, исключающем длительные документации жизни какого-то одного сообщества и минимизирующем спонтанные сюжеты.

Кинематограф того периода также переживал пересборку подходов, наиболее активные режиссеры-документалисты оказались вовлечены в ожесточенные дискуссии вокруг понимания объективности. В итоге, окончательное суждение, что же считать реальностью, было делегировано власти. «Дебаты о “документальности”, – пишет Оксана Саркисова, – были по существу направлены на сохранение монополии на правильное толкование материала» (Sarkisova 2017: 28). Правильность же определялась идеологическими задачами. Создаваемые в 1920–1930-е гг. культурфильмы, разновидностью которых являлась этнографическая фильма, таким образом учили и участников съемки, и зрителей смотреть на мир «по-марксистски». И в этом отношении и кино, и этнография оказались довольно близки.

Автор адресованного специально кинематографистам и опубликованного в 1930 г. методического пособия по созданию этнографических фильмов А. Терской выделяет три их вида: учебный, научно-популярный и фáбульный игровой (художественный). Отметив, что учебную фильму отличают узость темы и характер использования в качестве «живого диапозитива», он сосредоточивает основное внимание на фильме научно-популярной (Терской 1930: 80–81). Характерно, что в этой классификации отсутствуют материалы / фильмы, создаваемые собственно этнографами, с которыми Терской дискутирует. Из

этой дискуссии вырисовывается специфика или представление о специфике этнографических подходов к кино – последовательная съемка событий от начала до конца («от альфы до омеги») и невмешательство в их естественное течение в сочетании с глубоким знанием информации, которое, в свою очередь, достигается за счет длительного изучения народа. Но даже при таком серьезном отношении к делу в эстетическом отношении, по мнению Терского, этнографическая съемка невыразительна и неинтересна, так как ученые предпочитают средние планы, нечастую смену локаций и ракурсов. Этнографу противостоит кинематографист, чья мобильная камера смело вторгается в «живой поток жизни» и преобразовывает реальность в соответствии с поставленными перед режиссером идеологическими задачами (71–72). Эти задачи не возбраняли использование реконструкций и постановок. Наиболее качественный же продукт мог получиться, по мнению методолога, при синтезе и тех, и других подходов, когда режиссер стремился к получению глубоких знаний о предмете, а ученый – к пониманию основ киноязыка (73). Провозглашение такого единства двух цехов, как ни парадоксально, оказывалось одновременно их однозначным функциональным разделением, когда этнографом следовало копить знания, а кинематографистам – презентовать их визуальными средствами и в доступной широкому зрителю форме.

Напомню, что в пособии Терского речь шла о научно-популярной этнографической фильме. Характеризуя методы ученых описанным выше образом, он, очевидно, исходил из имевшегося у него опыта взаимодействия, а возможно, и знакомства с образцами. Дмитрий Арзютов полагает, что А. Терской и автор предисловия к его пособию лингвист Н.Ф. Яковлев обращаются к тому же В.Г. Богоразу. Как известно, у последнего были налажены тесные контакты с Францем Боасом, у которого тот мог получить какие-то представления об использовании камеры в поле. Вообще Богораз стремился всячески внедрять кино- и фотосъемку в исследования, организовав «семинарий по обучению этнографов фотографии» и рассматривая перспективу, к сожалению, не реализовавшуюся, открытия специализации в Ленинградском университете по «этнокинофильмам» (Арзютов 2016: 205). Благодаря Дмитрию Арзютову в научный оборот была введена съемка ученика Богораза Г.Н. Прокофьева. Однако о других подобных примерах известно крайне мало. Приходится констатировать, что камера после 1930-х гг. так и не стала привычным инструментом советских этнографов, как не прижился в их обиходе и провозглашаемый Богоразом стационарный метод. Справедливости ради отмечу, что этому есть и объективные объяснения, такие как недоступность и неприспособленность к полевым условиям съемочной аппаратуры, отсутствие возможности обучения и т.д. Таким образом, путь от использования камеры как способа

фиксации изучаемых явлений, к средству иллюстрации научных тезисов и, наконец, превращению ее в самостоятельный исследовательский инструмент, пройденный зарубежной антропологией довольно быстро (Pink 2006: 4–5), для советской этнографии сильно затянулся. Последующим поколениям исследователей, доступными методологическими образцами экранного представления этнографии остались не столько работы их непосредственных коллег, сколько идеологизированные научно-популярные фильмы, производство которых также постепенно утрачивало первоначальные масштабы.

Фильм первый: Хореографическое искусство народов Севера. Чукчи-оленеводы

Фильмы о хореографическом искусстве народов Севера задумывались как серия о разных танцевальных традициях. Сколько их предполагалось сделать в итоге, неизвестно. В архиве Института этнологии сохранились два. Эти фильмы, близкие по теме, существенно отличаются по форме. Если с оговорками использовать классификацию А. Терского, то один из них, о чукчах, можно отнести к научно-популярным, второй, об эскимосах, – к учебным. Размышления о необходимости использовать различные способы монтажа в зависимости от целевой аудитории занимали А.В. Оськина и высказывались в дискуссиях с коллегами (Оськин 2008). Но в данном случае, на мой взгляд, выбор форм был опосредован не столько целевыми установками, сколько содержанием и качеством отснятого материала, а также теми возможностями, которые он мог предоставить авторам. Съемки среди эскимосов проводились с июля по сентябрь 1973 г., среди чукчей в этот же период через год, в 1974 г. Оператором в первом случае выступал А.В. Оськин, во втором – студент ВГИКа А.В. Дудов, который помимо фиксации собственно танцев снимал еще и другие сюжеты, очевидно, предполагая использовать материал не только как научный источник, но и для создания фильма. Возможно, как раз поэтому фильм по более поздним чукотским материалам был смонтирован раньше, чем эскимосский.

Фильм начинается с обзорных планов, морской пейзаж сменяется рядом висящих на стене панно с изображениями местных «типажей» – рыбаков, оленеводов, рабочих, добывающих руду, камера скользит по ним снизу вверх, как бы отмечая вехи на некоем пути, немного задерживается на женском портрете, надписи «Чукотка» большими буквами на крыше здания и движется дальше вдоль улиц и домов северного города. «Это Певек, в котором живут чукчи», – сообщает голос за кадром, принадлежащий М.Я. Жорницкой, – «за короткое время вместо старых яранг здесь поднялись четырех- и двухэтажные дома»[3]. Закадровый

комментарий об «отшлифованном веками» хореографическом искусстве чукчей, изменившемся, но «сохранившем первооснову», поддерживается визуальным рядом, демонстрирующим свершившиеся перемены в жизни чукчей. Несколько символьных кадров призваны показать зрителям позитивный характер этих перемен. Например, старый обшарпанный дом в форме яранги на фоне новой многоэтажки или девушка, распахивающая одну за другой створки окна в залитое ослепительным солнечным светом пространство. Все это отсылает нас к старым культурфильмам с их однозначным идеологическим посылом о советской власти, преобразившей жизнь коренных народов к лучшему (рис. 1).

Рис. 1. Старый дом на фоне новой многоэтажки. Фрагмент из фильма «Хореографическое искусство народов Севера. Чукчи-оленеводы»

Вводный дикторский текст завершается сообщением, что чукотские танцы делятся на игровые и сохранившиеся в виде фрагментов обрядовые. Далее в формате концертной программы, последовательно показываются три сценических танца, исполняемые женским фольклорным ансамблем «Айоночка». Девушки в одинаковых, сшитых из легкой атласно-переливчатой ткани, с орнаментом и меховой опушкой платьях помещены в привычный для чукчей природный ландшафт. Пейзажные планы, вплетенные в танец, как бы демонстрируют взаимосвязь человека с природой, плавные движения девичьих рук рифмуются с течением воды и склоняющимися от ветра травами и цветами, а в одном из танцев ряд эффектно уходящих одна за другой за границу кадра деву-

шек замыкает бегущая за ними собака. Эта же идея, очевидно, нередко используемая в процессе конструирования чукотских сценических танцев, звучит позднее и в комментариях М.Я. Жорницкой к танцу «Первые лучи солнца»: «Исполнители танцевальными движениями рассказывают, как красивы утренние сопки, как приятно плескаться у ручья, как ярко светят первые лучи солнца».

Связь с природой – не единственный связующий элемент фильма. Его структура отображает попытки авторов поместить хореографическое искусство чукчей в некий историко-культурный контекст, объяснить его генезис и компоненты содержания, конечно же, в принятой в тот период научной парадигме и с помощью соответствующей терминологии. Например, о том, что танцевальные формы связаны с хозяйственной деятельностью, свидетельствует экранное сопоставление элементов танца с процессом обработки шкуры, о межкультурном взаимодействии рассказывает исполнение чукчанкой эскимосского танца, мы узнаем об этом из предваряющего титра и т.д. (рис. 2).

Рис. 2. Сценический танец «Журавли». Фрагмент из фильма «Хореографическое искусство народов Севера. Чукчи-оленеводы»

Обзорные видовые планы, показывающие среду обитания чукчей, их современный образ жизни и детали быта, сменяются в фильме демонстрацией отдельных танцев. Такие вставки напоминают концертные номера, впрочем, некоторые из них и являются таковыми. Например, в фильм включено выступление прибывшего в оленеводческую бригаду

на вертолете «агиткульт отряда». И несмотря на изначальную искусственность подобного исполнения фольклора, для фильма этот сюжет оказывается одним из немногих, в котором съемка не была спровоцирована присутствием этнографов, а как бы зафиксировала какое-то явление со стороны. Вообще ситуаций, когда объектив камеры именно «подсмотрел», выхватил и задокументировал движения танцоров, увлеченных своим занятием, во время праздника или обряда, организованного самими чукчами, в фильме нет. Перед нами либо фольклорный ансамбль со своим репертуаром, либо обрядовые реконструкции, показанные /разыгранные по просьбе членов экспедиции.

Специально для съемок женщины собирают традиционную ярангу, где обычно разворачивались чукотские танцы. Ведь именно ограниченность площадки, как объясняет Жорницкая, определила композицию и пластику их движений. В своей книге она писала, что игровые и обрядовые танцы почти не исполнялись уже с 1930-х гг., хотя иногда этнографы и имели возможность наблюдать отдельные их фрагменты в экспедициях. Например, в 1974 г., оказавшись в оленеводческой бригаде совхоза «Энмитагин» во время осеннего забоя оленей, они увидели благодарственный танец (Жорницкая 1983: 54). Однако показанный в фильме обряд Нинерум, как следует из голосового комментария, является реконструкцией, воссозданной по воспоминаниям о прошедшем годе. Произносимое за кадром в этой части фильма практически буквально соотносится с показываемым на экране: «Развешивали амулеты. Выставляли семейных охранителей. Готовили пищу для кормления духов. Огонь для нового очага добывался путем трения об огнивную доску». Видимо, по сигналу оператора несколько детей одновременно выпускают стрелы из лука, как бы в честь прибытия стада. Затем они же двигаются по кругу у очага под звуки бубнов.

О последовательности и символическом значении ритуальных действий во время обряда зрителю рассказывает все тот же четкий и громкий голос исследователя. Обычно исследователь остается за кадром, хотя некоторые моменты полевой работы все ж попадают в фильм. Вот Мария Яковлевна фотографирует что-то, привлекшее ее внимание, вот беседует со старожилами. Этот момент комментируется ее же голосом: «Чукча Гюнкут подробно рассказал нам о празднике и о функциях танца на нем». Беседа с Гюнкутом, как мы можем наблюдать, записывается на магнитофон, однако эти записи не используются в фильме (рис. 3). Возможность предоставить слово ему самому не рассматривается авторами как нарративный прием, Гюнкут так и остается немым персонажем, воплощающим собой знатока традиций. Также, как и те появившиеся на экране люди, не изображающие танец или обряд, а просто закуривающие папиросу, наблюдающие за происходящим, сидя на земле, разговаривающие друг с другом, оказываются моделями, де-

монстрирующими характерные позы, «передающиеся по традиции» и «известные как источники для установления древнейших этнических и культурных взаимосвязей». Это не означает, что они остались таковыми для членов экспедиции, даже скорее всего между героями фильма и этнографами установились вполне дружеские и теплые отношения. Но фильм, как и письменные тексты тех лет, передает свойственное для советской этнографии противоречивое, вытекающее из позитивистского понимания объективности представление об этике, когда имена людей, с которыми исследователям довелось встретиться в поле, уважительно названы, но сами их голоса присвоены, превращены в обобщенные и обезличенные научные тексты.

Рис. 3. М.Я. Жорницкая беседует с чукчей Генкютом. Фрагмент из фильма «Хореографическое искусство народов Севера. Чукчи-оленеводы»

После того, как фильм был выложен на общедоступный канал YouTube, список участников той давней съемки стал дополняться их потомками в комментариях: «В фильме моя бабушка Рита есть. Здорово!»; «Девчата молодые, Куковякиева Шура, Света Тымненкау». Эти реакции, возвращающие фильм в современность, немногочисленны, но, на мой взгляд, показательны. Сменилось всего лишь три поколения после съемок фильма, – среди сегодняшних зрителей есть те, кто помнит, узнает отдельных персонажей, – но от него «веет седой древностью», его герои уподобляются танцующим охотникам на мамонтов и одно-

временно представляют собой «натив Чукотку», которую нужно беречь. Архаизация даже недавнего прошлого, как известно, свойственна человеческой природе, присутствует она и в фильме, в котором процессы модернизации, изменившие жизнь чукчей к лучшему, неизменно переплетены с поиском древних корней их культуры. Этот поиск постоянно присутствует в закадровом тексте и направляет объектив оператора. Наиболее полно в художественной форме он воплощается в финальной части фильма, когда представление разыгранной на камеру реконструкции обряда продолжается танцевальными вставками. Вытекающее из научных задач стремление показать как можно больше вариаций в сочетании с утвердившимся телевизионными клиповыми приемами монтажа превращает ее в буквальном смысле в нарезку из разных танцев, каждый из которых длится не более минуты и предваряется титром с названием и иногда именем исполнителя(ей). Но сама ситуация съемки здесь, очевидно, изменилась, потому что и исполнители, и камера ведут себя более свободно. Мы видим, что к участникам ансамбля присоединились местные жители, и это уже больше, чем показательный концерт с заранее определенной последовательностью номеров, в нем появляются спонтанность и танцевальные импровизации. Камера пытается передать атмосферу события, повторяя движения танцоров, выхватывая выразительные крупные планы, в этом ей помогает и звуковой фон – голос за кадром сменяется музыкой. На мой взгляд, это наиболее интересная часть фильма. Энергетика сырой необработанной, хаотичной по природе реальности просачивается сквозь клиповый монтаж и наивные спецэффекты, оставляя у зрителя ощущение аутентичности, той самой «натив Чукотка, о которой написано в комментариях. Скроенный по лекалам научно-популярного телепродукта фильм А.В. Оськини и М.Я. Жорницкой все-таки немного не помещается в границы жанра, как раз за счет сочетания не слишком сочетаемых вещей – вот этого неубиваемого живого хаоса, умудрившегося сохраниться вопреки всем усилиям его упорядочить, и неадаптированного дидактического нарратива с его академическими длиннотами. На мой взгляд, в этом фильме этнографы, решившие сделать «культурфильму» совместно со студентом ВГИКа, сконструировали какую-то переходную и специфическую форму этнографического кино.

Фильм второй. «Хореографическое искусство народов Севера. Эскимосы»

Продолжительность следующего фильма, снятого в Северной экспедиции Института этнографии «Хореографическое искусство народов Севера. Эскимосы», составляет 30 минут, а годом производства обозначен 1978 г. Здесь имеется в виду год, когда материалы полевых съе-

мок были смонтированы и превращены в некий законченный продукт на основе съемок 1973 г. в Чукотском районе Чукотского национального округа.

Структура фильма выражено нарративная, повторяющая строение научного текста: сразу за обозначением авторов, – ти́трами, – идет краткое «введение», обрисовывающее ситуацию, разворачивающуюся на экране. Перед нами, как одновременно объясняют голос за кадром и надпись на черном фоне, фольклорный ансамблю «Уэлен», исполняющий традиционные эскимосские и чукотские танцы. Далее следует краткая научная справка об особенностях этих танцев: «В движениях танцоров воспроизводятся разнообразные сцены из жизни охотников на морского зверя и бытовые сюжеты. Для мужчин характерна широко расставленная позиция ног. У женщин ноги сомкнуты вместе. Особое внимание уделяется движениям рук. Эскимосы всегда танцуют в перчатках. Их танцы скульптурны и графичны». Голос диктора, Марии Яковлевны Жорницкой, громкий и профессионально поставленный, замечу, что звучит он не на фоне изображения, а повторяет, тем самым как бы усиливая текст на экране. Такое необоснованное технической необходимостью дублирование произносимого и записанного, на мой взгляд, показательно, оно обнаруживает тяготение авторов к письменному тексту и некоторое недоверие к тексту визуальному. Вообще этнографические фильмы, как пишет теоретик визуальной антропологии Дэвид МакДугалл, охватили обе известные традиции использования звука в кино, – когда изображения иллюстрируют словесные аргументы и когда они помогают раскрыть сюжетную линию, – сближаясь таким образом с письменной антропологией (MacDougall 1978: 412–413).

Перед авторами, очевидно, стояла задача обобщить экспедиционные материалы и концентрированно представить основную информацию об эскимосских танцах, их видах и особенностях. В получасовой фильм в итоге вошли танцы импровизированные или «вольные», танцы, отражающие традиционные занятия и бытовые сюжеты из прошлого, а также современные реалии – разговор по телефону, прибытие генгруза, посвящение партийному съезду. Специально выделялись танцы мужские и женские, в одиночном и в групповом исполнении.

Как и в первом фильме, танцы исполняются участниками ансамбля в одинаковых сценических костюмах на фоне местного природного ландшафта: берег моря, скалы и холмы. Сменяется несколько локаций, но это передвижение остается лишь географическим, почти не отражаясь на зрительском восприятии, так как композиция кадра, построенная на одинаковом среднем плане, остается неизменной. Камера, жестко закрепленная на штативе, почти всегда снимает танец от начала до конца из одной единственной точки, ее движения минимальны, крупных планов немного, они чаще появляются, что характерно, в импрови-

зациях. Возможно, такой подход обусловлен стремлением именно задокументировать движения танца, «записать» их посредством съемки в целостном виде без погони за эстетическими эффектами. Именно такой канон этнографического кино закрепился с 1930-х гг. в зарубежной антропологии (Хайдер 2000: 21). Вряд ли Оськин и Жорницкая были знакомы с исследованиями коллег, но можно предположить, что они следовали тай же позитивистской логике объективного отображения реальности. Кроме того, эскимосские танцы в принципе малоподвижны и исполняются либо стоя на одном месте, либо сидя.

Специфика эскимосских танцев, как пишет Жорницкая в одной из своих книг, в наличии авторства. Наблюдая за исполнением танцев на своеобразных состязаниях межу певцами музыкантами и танцорами различных байдарочных артелей, «народные балетмейстеры» составляли новые танцы-пантомимы из понравившихся элементов. Как правило, этим занимались мужчины, но в советское время появились и женские импровизации (Жорницкая 1983: 15). Например, игровая композиция «Я ищу свой танец» и основанный на предании «Танец с камушками» были созданы известной сочинительницей Рахтинаун (44). С первой из них начинается фильм, но исполняет ее мужчина, как и появляющийся позднее на экране «Танец с камушками». Смещение гендерных ролей не очевидно непосвященным зрителям и не акцентируется авторами, здесь важнее условно импровизационное вступление к фильму, призванное ввести зрителя в мир эскимосских танцев. Оно сменяется хореографической инсценировкой дружбы народов. Так называется следующий, уже коллективный эскимосский танец, очевидный идеологический посыл которого усиливается его местом в напоминающей концертную последовательности «номеров». «Дружба народов» оказывается как раз между предшествующим ей поиском своего танца и изгнанным американским торговцем, как бы символизируя найденный эскимосами путь в светлое будущее.

Танцу «Случай с американским торговцем» в фильме уделено особенное внимание, именно на его примере раскрывается структура всех эскимосских танцев. Для этого «Случай» появляется на экране целых четыре раза и в трех разных вариантах. В первый раз мы видим его полностью в исполнении одного из участников ансамбля Тулюкака. Двое музыкантов на переднем плане аккомпанируют ему голосом и ритмичными ударами в бубен. Во второй раз используется уже описанный выше прием – закадровый голос зачитывает появляющийся на экране текст, сначала на черном пустом фоне, затем пространство кадра делится на две части, слева текст, справа – изображение танцора. После объяснения, что все эскимосские танцы состоят из тремоло-вступления и повторяющихся в медленном и быстром темпе частей, а музыкальный такт равен размеру четыре четверти, показываются последовательно, и

уже без музыки, первая медленная часть танца, затем вторая, более быстрая, и финал. Каждый из отрезков также предваряется закадровым голосом и текстом. Третий показ сопровождается расшифровкой по такому же принципу уже отдельных движений и жестов танцора, изображающего приезд торговца и его внешность (высокий, в шляпе, толстый), то как тот предлагает и расхваливает свой товар, финальные резкие движения руками, демонстрирующие изгнание незадачливого коммерсанта. И в завершение, как бы для соединения увиденного и с полученной информацией, мы снова смотрим танец целиком (рис. 4).

Рис. 4. Расшифровка танца «Случай с американским торговцем». Фрагмент из фильма «Хореографическое искусство народов Севера. Эскимосы»

Здесь перед нами довольно любопытный эксперимент с отснятым материалом, обнаруживающий проблемы, с которыми пришлось столкнуться исследователям в процессе его анализа, и демонстрирующий попытки их преодоления. Выше уже говорилось о сложностях, связанных с записью танцев, разрешению которых должна была помочь съемка с ее возможностями передавать невербальное во всей полноте. И если с этой задачей камера действительно могла справиться более или менее сносно, даже с учетом технических несовершенств первых используемых в поле киноаппаратов и нюансов организации процесса, то дальнейшая работа с полученным ценным источником генерировала

проблемы уже другого порядка. Оставим пока практические моменты в виде нескольких десятков металлических коробок с горючей пленкой, свернутых в километровые рулоны, хотя это было серьезным препятствием для привычного осмысления поля, и обратимся уже к следующему этапу – к презентации визуальной информации. Новый формат записи танцев требовал и нового способа представления материала, формулируя множество вопросов. Каким образом упорядочить выхваченную камерой хаотичную реальность? Как объяснить неподготовленной аудитории, что некий жест в танце означает изгнание американского торговца, а не что-либо еще? И как вообще включить объемный культурный контекст в ограниченный отрезок экранного времени? Решением стало тематическое сегментирование информации и соотнесение ее частей с последовательной демонстрацией одного и того же визуального ряда. Этот эксперимент напоминает известные опыты Тимоти Эша в его фильме «Битва на топорах», где использован подобный прием (Asch, Seaman 1993). Эшу пришлось иметь дело со съемкой целиком спонтанной ситуации, здесь же съемка запланированная, но ее содержание, сложно поддающееся вербализации, определили поиски решения задачи в близком направлении.

«Случай с американским торговцем» – единственный танец в фильме, подвергшийся такому скрупулезному анализу. Видимо, на его примере предполагалось создать некий образец для расшифровки остальных, в тоже время он серьезно от них отличается наличием нуждающегося в разъяснении конкретного сюжета. Хотя мы можем обнаружить некоторое сходство со сценой раскладывания товаров в показанном позднее танце «Генгруз пришел». Всего в фильме показано около двадцати танцев, некоторые из них дважды – в одиночном и коллективном исполнении. Большая их часть связана с традиционными занятиями эскимосов и относится к категории подражательных, их содержание раскрывается в самих названиях и подкрепляется небольшой долей воображения. Так, поступательные движения рук танцора сверху вниз в «Охоте на каяке» легко соотносятся с греблей веслом, а короткий резкий бросок руки в сторону – с метанием копья в добычу. Морской охоте посвящена целая серия танцев, каждый из которых рассказывает об одном из циклов этого процесса: «Проводы на охоту», «Пожелание удачной охоты», «Охотники высматривают кита», «Охотники подкрадываются к киту на веслах», «Восхваление охотников», «Подтягивают кита», «Встреча охотников». Исполнялись эти сюжеты, как сообщает голос за кадром, на празднике кита (рис. 5). Это единственный комментарий после «Американского торговца», других вербальных подкреплений, кроме названий танцев в титрах, нет, визуальный ряд действительно самодостаточен. Смысловое наполнение танцев, изображающих охотников, рыболовов или людей, говорящих по телефону, понятны

любому зрителю, как и выражаемые широкими взмахами рук пафосные призывы из композиции «XXIV партийному съезду». В целом такая презентация этнографического материала нетипична для того времени. Можно предположить, что фильм был ориентирован преимущественно на исследовательскую аудиторию, а сама съемка изначально нацелена на создание нового вида источника.

Рис. 5. Танец «Встреча охотников». Фрагмент из фильма «Хореографическое искусство народов Севера. Эскимосы»

Заключение

Два фильма из архива Института этнологии и антропологии РАН о хореографическом искусстве чукчей и эскимосов, безусловно, являются ценным источником по культуре этих сообществ. Но меня в данном случае интересовали не столько танцы, сколько то, каким образом они были сняты и представлены на экране. В данном контексте фильмы А.В. Оськина и М.Я. Жорницкой не менее ценны, так как относятся к категории редких образцов, изготовленных именно профессиональными этнографами. Фильмы сделаны в разных форматах, с известной долей условности воплощая в себе два способа использования камеры: один для создания этнографических источников и применения в исследовательских целях, другой – для презентации научных знаний более широкой аудитории. Соответственно, на примере одного из них мне хотелось рассмотреть, каким образом киноязык приспосабливался к

описанию этнографических явлений, а на примере другого – каким образом социальные реалии находили отражение в науке. Однако их анализ в очередной раз показал всю искусственность подобных разграничений применительно к экранным произведениям, где социальное, научное и художественное неотделимы друг от друга. В то же время каждый из этих фильмов обозначил некоторые тенденции в развитии советского этнографического кино.

Особенное внимание к этнографической тематике уделялось в 1920–1930-е гг., годы активных преобразований всех сфер жизни советского общества. Именно тогда сформировался специфический жанр культурфильмы и развернулись дискуссии о документальности в кино. В это же время создавался канон концертной самодеятельности с участием фольклорных ансамблей и танцевальных коллективов. А в этнографической науке вырабатывались методологические стратегии, обусловившие ее дальнейшее развитие вплоть до конца советского периода. Итогом, объединившим науку и искусство, стала их идеологизация, а мерилом объективности производимых ими продуктов и аутентичности описываемых явлений служило соответствие задачам социалистического строительства.

Позитивистская научная парадигма с ее установкой на факт и рациональным пониманием объективности, направлявшая траектории движения не только советской этнографии, но и до определенного времени зарубежной антропологии, непосредственным образом влияла и на использование камеры в полевой практике. Анализируя и сравнивая фильмы А.В. Оськина и М.Я. Жорницкой с некоторыми работами их зарубежных коллег, можно обнаружить общую логику в способах презентации визуального материала, применения нарративных схем, специфических операторских и монтажных техник. Одновременно такое сопоставление позволяет обнаружить и принципиальные различия. Утвердившийся в советской этнографии экспедиционный метод полевого исследования, не предусматривавший длительного проживания среди представителей изучаемого сообщества, исключал и последовательные внимательные кинодокументации разных сторон их повседневности, характерные для зарубежной визуальной антропологии. В силу разных причин камера так и не стала привычным инструментом для большинства советских этнографов, более или менее планомерно она входила в арсенал лишь центральных научных институций.

Кроме того, включение кино и этнографии в решение общих идеологических задач, с одной стороны, способствовало их сближению, с другой – привело к разделению их функций в экранной презентации «национальных культур». Работающие вместе над созданием этнографических фильмов ученые и кинематографисты оказывались профессионалами каждый в своей области, первым отводилась роль консуль-

тантов, вторым – творцов художественной формы, провозглашаемое же единство оставалось лишь красивой декларацией. Утвердившийся в итоге научно-популярный формат фильмов о народах многонациональной страны, где народы представлялись как «визуальные монады, заданные через территорию и культуру» (Sarkisova 2017: 97), до сих является неким эталонным образцом для российского научного сообщества. Именно этим обстоятельством, на мой взгляд, объясняется довольно распространенное здесь восприятие визуальной антропологии исключительно как средства популяризации научных знаний.

Примечания

[1] Фильмы целиком можно посмотреть на странице Центра визуальной антропологии ИЭА РАН в YouTube: https://www.youtube.com/channel/UC55QUpVbty5R6T8CM6ff9Cg (дата обращения: 01.11.2020).

[2] Эти и другие материалы, снятые А.В. Оскиным с сотрудниками Института в разных районах страны и за рубежом, стали основой киноархива. Многие из них, к сожалению, не сохранились, значительная часть нуждается в атрибуции и подробном описании. Такая работа уже ведется в настоящее время и достойна быть представленной в специальных публикациях.

[3] Полные тексты титров и закадрового комментария фильмов представлены в приложениях к настоящей статье.

Литература

Арзютов Д.В. Этнограф с кинокамерой в руках: Прокофьевы и начало визуальной антропологии самодийцев // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 187–219.

Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 142. Оп. 11. Д. 145. Отчет о работе кинолаборатории за 1972 г.

АРАН. Ф. 142. Оп. 11. Д. 265. Отчет кинолаборатории о работе за 1973 г.

Батьянова Е.П. Памяти Марии Яковлевны Жорницкой // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 182–185.

Батьянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 17–34.

Головнёв И.А. Феномен советского этнографического кино (творчество А.А. Литвинова). М.: ИЭА РАН, 2018.

Жорницкая М.Я. Якутские танцы. Якутск: Книж. изд-во, 1956.

Жорницкая М.Я. Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1983.

Жорницкая М.Я. Северные танцы. М.: Сов. композитор, 1970.

Жорницкая М.Я. Танцы народов Севера. М.: Сов. Россия, 1988.

Лукина А.Г. М.Я. Жорницкая – исследователь танцевального фольклора народов Сибири и Севера // Культура и цивилизация. 2020. Т. 10, № 1-1. С. 46–56.

Нарский И.В. Как партия народ танцевать учила, как балетмейстеры ей помогали, и что из этого вышло. Культурная история советской танцевальной самодеятельности. М., 2018.

Оськин А.В. Петроглифы Центральных Кызылкумов как источник для изучения архаических культов: дис. …канд. ист. наук. М., 1985.

Оськин А.В. Специфика обработки научных аудиовизуальных материалов для учебных и культурно-просветительных программ (по материалам экспедиционных этногра-

фических исследований «Юрта каракалпаков») // Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением. М.: Институт наследия, 2008. С. 252–255.

От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11апреля 1929 г.) / под ред. Д.В. Арзютова, С.С. Алымова, Д.Дж. Андерсона. СПб.: МАЭ РАН, 2014.

Терской А.Н. Этнографическая фильма. М.: Теакинопечать, 1930.

Хайдер К. Этнографическое кино. М., 2000.

Asch T., *Seaman G*. Yanomamo Film Study Guide. Los Angeles: Ethnographics Press, 1993.

Henley Pl. From Documentation to Representation: Recovering the Films of Margaret Mead and Gregory Bateson // Visual Anthropology: Published in cooperation with the Commission on Visual Anthropology. 2013. Vol. 26:2. P. 75–108. DOI: 10.1080/08949468.2013.751857

MacDougall D. Ethnographic Film: Failure and Promise // Annual Review of Anthropology. 1978. Vol. 7. P. 405–425.

Pink S. The Future of Visual Anthropology. Engaging the senses. London; New York: Routledge, 2006.

Sarkisova O. Screening Soviet Nationalities. Kulturfilms from the Far North to Central Asia. London; New York: I.B. Tauris, 2017.

Приложение 1

Расшифровка закадрового текста и текста титров к фильму А.В. Оськина и М.Я. Жорницкой «Хореографическое искусство народов Севера. Чукчи-оленеводы»

Титры:

Академия наук Союза СССР

Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

1975 г.

ГРУППА НАУЧНОГО КИНО

Руководитель А.В. Оськин

ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО НАРОДОВ СЕВЕРА. ЧУКЧИ-ОЛЕНЕВОДЫ

Чукотский национальный округ.

Чаунский район.

Июль–сентябрь 1974 г.

Авторы сценария: М.Я. Жорницкая, А.В. Оськин

Оператор: А.В. Дудов

Звукооператор: В.В. Митичкин,

Монтаж: З.С. Чугреева, А.В. Оськин, М.Я. Жорницкая

Фильм комментирует кандидат исторических наук М.Я. Жорницкая

Закадровый комментарий: Город Певек. Здесь живут чукчи. За короткое время вместо старых яранг поднялись четырех- и двухэтажные дома. В свободное время население охотно принимает участие во всех сферах культурной жизни своего родного края. Народное хореографическое искусство чукчей создавалось и шлифовалось веками. В своей современной форме традиционный танец продолжает жить в большом количестве вариантов, но часто сохраняет первооснову, выработанную в далеком прошлом. Устойчивое сохранение традиций, прямая передача их от поколения к поколению дают возможность

выявить особенности традиционного танца, проследить черты этнического единства в прошлом, пути его развития, пути взаимообогащения, а на современном этапе – сказать об исчезновении былой замкнутости. Собранный материал по народным танцам чукчей-оленеводов свидетельствует, что все танцы относятся к типу подражательных и могут быть разделены на игровые и обрядовые танцы. Последние в настоящее время сохранились в виде фрагментов.

Титр: Чукотский сценический танец «Айонские девушки»

Титр: Эскимосский танец. Исполняет Тымнераскова (чукчанка)

Титр: Чукотский сценический танец «Журавли». Исполняет группа ансамбля «Айоночка»

Закадровый комментарий: Связь с оленеводческими бригадами, районным центрами и городами осуществляется авиацией и вездеходами. Оленеводы, охотники значительную часть времени проводят на промысле в тундре, их семьи, их дети живут в поселках в благоустроенных домах. В поселках функционируют школы, больницы, магазины, ясли, детские сады, библиотеки и клубы. Традиционное искусство чукчей развивается не изолированно и обособленно. Национальные песни под бубен, подражательные танцы – все это получило новую жизнь и новое содержание. За последнее два десятилетия в Чукотском автономно округе организовано много песенно-танцевальных ансамблей. Эта форма наиболее целесообразна, так как песня неотделима от танца. В репертуаре чукотских ансамблей «Чукотские зори», «Ракушка», «Олененок», «Имитет» «Айоночка» и другие большое место занимают современные сценические чукотские танцы, которые построены на основе традиционных телодвижений, исполняются в характерной манере с присущими им композиционным линейным построением.

Только в оленеводческих бригадах сохранилось древнее переносное каркасное жилище яранга. Сборка яранги производится женщинами. По нашей просьбе чукчанки Катя Керетегина и Нина Эретигвина поставили временную ярангу. Зачастую в ярангах устраивали соревнования на лучшую гортанную песню и интересный импровизационный танец. Ограниченность танцевальной площадки определила композицию танца и пластику движения. Все танцы исполняются почти на месте. Мы зафиксировали разнообразные позы, которые, как и танцы, передаются по традиции. Они известны как источник для установления древнейших этнических и культурных взаимосвязях. Каркас яранги обтягивают снаружи покрышкой – рэтом, сшитой из оленьих шкур. Рэтом впоследствии, после того как выходит из употребления, используется для шитья штанов для оленеводов, так как дымленая ровдуга не пропускает влагу.

Наиболее распространенными и дошедшими до наших дней являются игровые танцы. Они исполнялись в любое свободное время. Игровые танцы исполняются сольно, парно и группой. Они обычно посвящаются темам труда, явлениям природы. Самым популярным танцем чукчей является импровизационный танец «Пич айнен», что в переводе означает «горлом петь». Под этот запев исполняются танцы «Куропатка – пестрый хвост», «Журавль», танцы «Обработка шкуры», «Нерпа», «Бой быков за санки», «Танец оленей» и многие другие.

В оленеводческие бригады стали теперь часто выезжать специальные агиткульт отряды, им предоставлена возможность арендовать авиатранспорт. В чаунскую тундру вылетел ансамбль «Инетет» – «Северное сияние».

В эту концертную программу кроме песен и стихов включены три сценических танца. Первый танец «Будни хозяйки». Танец построен на имитации трудовых процессов. Исполнители выразительными движениями показывают, как они выбивают шкуру, обрабатывают ее, шьют, а затем наряжаются.

Титр: Чукотский сценический танец «Подледный лов»

Закадровый комментарий: В танце «Подледный лов» имитируют поиски места для долбления лунки и подледный лов.

Титр: Чукотский сценический танец «Первые лучи солнца»

Закадровый комментарий: В лирическом танце «Первые лучи солнца» воспевается красота окружающей природы. Исполнители танцевальными движениями рассказывают, как красивы утренние сопки, как приятно поплескаться у ручья, как ярко светят первые лучи солнца.

Самым большим праздником, с которым было связано исполнение обрядовых танцев у чукчей-оленеводов, считался праздник Ненрирун. На Нвые этот праздник называют Ненируги – возвращение стада с летовки и забой тонкошерстных оленей на одежду пастухам. Теперь обрядовые праздники не устраиваются. Или они устраиваются стариками. Об обрядовых танцах мы сведения получили от разных возрастных групп населения, а пластику движения танца мы записали впервые по показу непосредственных исполнителей. Чукча Гюнкут подробно рассказал нам и о празднике, и о функциях танца на нем.

В прошлом к празднику Ненрирун тщательно готовились. Переносили ярангу на чистое место. Прибытие стада оленей сопровождалось стрельбой из лука. Развешивали амулеты. Выставляли семейных охранителей. Готовили пищу для кормления духов. Огонь для нового очага добывался путем трения лучка об огнивную доску.

Титр: Чукотские обрядовые танцы на празднике «Ненрирун»

Закадровый комментарий: Эпическим началом праздника Ненрирун являлся благодарственный танец, посвященный огню, исполнявшийся вокруг очага.

В руках у каждого исполнителя был ярар – бубен. Танец начинался детьми. Медленно продвигаясь по кругу, по ходу солнца, и напевая свою мелодию, затем поворачивались и кланялись огню. Сделав 3–4 круга, переходили на небольшие прыжки, после чего останавливались, кланялись и уходили на свои места. На танец вступали взрослые и повторяли весь танец, исполненный детьми. В последний день праздника, на так называемом тыльном дне, который по-чукотски называется «мы аргын», исполнялась обрядовая пляска провода духов. Мужчины, ударяя в бубен, прыгали и, войдя в экстаз, подражали разным животным. Женщины в этот момент пытались утихомирить мужчин, резкими движениями рук из стороны в сторону, с криком «Охой-охой», как бы стряхивали, отгоняли вселившихся в них духов. На этом празднике исполнялся обрядовый танец «Виврельэт», что в переводе означает «дрожание колен». Исполнялся в прошлом женщинами. Мелко вибрирующие движения колен, повторяющиеся много раз подряд, хрипящий звук, резкий хлопок – все это носило эротический характер. Танец с гримасами, как мы предполагаем, представлял собой обряд проводов духа болезни. На этом празднике все могли одновременно петь свои личные песни, танцевать свой личный танец и бить в бубен, доведя себя и других до экстаза. Все обрядовые танцы весьма архаичны. Их исполнение связано с продвижением по незамкнутому кругу по ходу солнца. Танцы исполнялись под аккомпанемент бубна, под пение, в основном женщинами. Но танцевали и мужчины.

На месте ритуальных костров оставлялись оленьи копыта и лопатки.

Бугорки из дерна, обложенные по кругу плоскими камнями, сооружались на местах потухших жертвенных костров. Ритуал этот назывался «сжигание костей». Сам бугорок – вместо огня.

Титр: Чукотский танец «с гримасами». Исполняет М. Кэленэ

Титр: Варианты чукотского танца «Бой оленей из-за самки»

Титр: Чукотский «Танец оленей»

Титр: Чукотский танец «Виврельэт». Исполняет Кэквут

Чукотский танец «Нерпа»

Титр: Чукотский танец «Куропатка – пестрый хвост». Исполняют Ытчай-Кергывааль, Кыльпина

Титр: Чукотский танец «Журавль». Исполняют Кэквут, Кунна

Титр: Чукотский импровизационный танец «Пичайнэн». Исполняют Ытчай-Кергывааль, Кыльпина

Титр: Чукотские импровизационные танцы

Титр: Чукотская танцевальная импровизация «Обработка шкуры»

Закадровый комментарий: Традиционная обработка оленьей шкуры явилась сюжетом для танца.

Титр: Чукотская пляска-пантомима «Ворон»

Титр: Конец фильма

Приложение 2

Расшифровка закадрового текста и текста титров к фильму А.В. Оськина и М.Я. Жорницкой «Хореографическое искусство народов Севера. Эскимосы»

Титры: Группа научного кино руководитель А.В. Оськин

Хореографическое искусство народов Севера. Эскимосы

Чукотский национальный округ

Чукотский район

Июль–сентябрь 1973 г.

Авторы сценария: М.Я. Жорницкая, А.В. Оськин

Оператор: М.А. Хокулов

Звукозапись: М.Я. Жорницкой

Монтаж: Л.А. Трофимовой

Титры и закадровый комментарий: Фольклорный ансамбль «Уэлен» исполняет традиционные эскимосские и чукотские танцы. В движениях танцоров воспроизводятся разнообразные сцены из жизни охотников на морского зверя и бытовые сюжеты.

Для мужчин характерна широко расставленная позиция ног. У женщин ноги сомкнуты вместе. Особое внимание уделяется движениям рук. Эскимосы всегда танцуют в перчатках. Их танцы скульптурны и графичны.

Титр: Эскимосский танец «Ищу свой танец». Исполняет Эмутэгин.

Титр: Эскимосский танец «Дружба народов»

Титр: Эскимосский танец «Случай с американским торговцем». Исполняет Тулюкак

Титры и закадровый комментарий: Все эскимосские танцы, кроме импровизированных, построены по одной структуре – тремоло-вступление и повто-

ряющиеся танцевальные части. Музыкальное вступление осуществляется играющими на бубне и поющими. Протяжный звук «Айя-яа-яа-яа» равен музыкальному размеру четыре четверти. Первая часть танца состоит из подражательных движений, раскрывающих танцевальный сюжет. Исполняется в медленном темпе.

Вторая часть танца

В ней повторяются все движения первой части, но исполняются они в более быстром темпе с более низкой посадкой корпуса.

Финал танца.

Танец заканчивается одним ударом в бубен и резким движением рук танцора.

Расшифровка движений танца «Случай с американским торговцем»

Приехал американский торговец

Высокий

В шляпе

Толстый

Предлагает товар

Расхваливает товар

Мы его прогнали

Титр: Эскимосский танец «Охота на каяке». Исполняет Эмутэгин

Титр: Эскимосский танец «Охота на каяке». Исполняет Эмутэгин, Умка

Титр: Эскимосский танец «Танец с камушками». Исполняет Эмутэгин

Титр: Эскимосский танец «Генгруз пришел»

Титр: Эскимосский танец «XXIV партийному съезду». Исполняет Эмутэгин

Титр: Эскимосский танец «Танец рыболовов»

Титр: Чукотский танец «Танец каюра». Исполняет Тнауквутагин

Титр: Чукотский танец «Танец каюра»

Титр: Эскимосский танец «Разговор по телефону»

Титр: Мужской танец на празднике кита. Исполняет Эмутэгин, Коляч

Титр: «Вольный эскимосский танец исполняет Имаклик

Титры и закадровый комментарий: На празднике кита исполняются танцы, посвященные только охоте. В прошлом женщины-эскимоски исполняли танцы сидя

Титр: Проводы на охоту. Исполняют Эмун, Тулюкак

Титр: Пожелание удачной охоты. Исполняют Имаклик, Наргинаун

Титр: Охотники высматривают кита. Исполняет Имаклик

Титр: Охотники подкрадываются к киту на веслах. Исполняют Имаклик, Наргинаун

Титр: Восхваление охотников. Исполняет Уакат

Титр: Подтягивают кита. Исполняют Имаклик, Наргинаун

Титр: Встреча охотников. Исполняют Эмун, Тулюкак, А. Тогьек, В. Тогьек

Титр: Конец фильма

Статья поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Danilko Elena S.

CINEMA AND DANCE. TWO FILMS FROM THE ARCHIVES OF THE INSTITUTE OF ETHNOLOGY AND ANTHROPOLOGY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES*

DOI: 10.17223/2312461X/30/3

Abstract. The article looks at two films from the archives of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, dedicated to the choreographic art of the Chukchi and Eskimos. The films were shot in the 1970s by the Institute's staff A.V. Oskin and M.Ya. Zhornitskaya. Using these films as an example, the authors analyze the forms of scientific and artistic representation of phenomena that are difficult to describe verbally in the context of Soviet ethnographic cinema. They identify trends and factors in the development of this genre and compare methodological tools used to create anthropological films in different research environments.

Keywords: visual anthropology, ethnographic cinema, indigenous peoples of the North, choreographic art, dance culture, Chukchi, Eskimos

*The article is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

References

Arziutov D.V. Etnograf s kinokameroi v rukakh: Prokof'evy i nachalo vizual'noi antropologii samodiitsev [The ethnographer(s) with a cine-camera in their hands: The Prokofievs and the beginning of the visual anthropology of Samoyeds], *Antropologicheskii forum*, 2016, no. 29, pp. 187–219.

Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). F. 142. Op.11. D. 145. Otchet o rabote kinolaboratorii za 1972 g.

ARAN. F.142. Op.11. D. 265. Otchet kinolaboratorii o rabote za 1973 g.

Bat'ianova E.P. Pamiati Marii Iakovlevny Zhornitskoi [In memory of Maria Iakovlevna Zhornitskaia], *Etnograficheskoe obozrenie,* 1996, no. 2, pp. 182–185.

Bat'ianova E.P. Severnaia ekspeditsiia Instituta etnografii (1956–1991 gg.) [The North Expedition of the Institute of Ethnography (1956–1991)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 4, pp. 17–34.

Golovnev I.A. *Fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino (tvorchestvo A.A. Litvinova)* [A.A. Litvinov's legacy: A phenomenon of the Soviet ethnographic cinema]. Moscow: IEA RAN, 2018.

Zhornitskaia M.Ia. *Iakutskie tantsy* [Yakut dances]. Iakutsk: Kn. izd-vo, 1956.

Zhornitskaia M.Ia. *Severnye tantsy* [Northern dances]. Moscow: Sovetskii kompozitor, 1970.

Zhornitskaia M.Ia. *Narodnoe khoreograficheskoe iskusstvo korennogo naseleniia Severo-Vostoka Sibiri* [Folk choreographic art of the indigenous population of the North-East]. Moscow: Nauka, 1983.

Zhornitskaia M.Ia. *Tantsy narodov Severa* [Dances of the peoples of the North]. Moscow: Sov. Rossiia, 1988.

Lukina A.G. M.Ia. Zhornitskaia – issledovatel' tantseval'nogo fol'klora narodov Sibiri i Severa [M.Ya. Zhornitskaya as a researcher of dance folklore of the peoples of Siberia and the North], *Kul'tura i tsivilizatsiia,* 2020, Vol. 10, no. 1-1, pp. 46–56.

Narskii I.V. *Kak partiia narod tantsevat' uchila, kak baletmeistery ei pomogali, i chto iz etogo vyshlo. Kul'turnaia istoriia sovetskoi tantseval'noi samodeiatel'nosti* [How the Party taught the people to dance, who helped it do that, and what this all led to. The cultural history of the Soviet amateur dance]. Moscow, 2018.

Os'kin A.V. *Petroglify Tsentral'nykh Kyzylkumov kak istochnik dlia izucheniia arkhaicheskikh kul'tov* [Petroglyphs in Central Kyzylkum as a source for studying archaic cults]. Diss. …kand.ist.nauk. Moscow, 1985.

Os'kin A.V. Spetsifika obrabotki nauchnykh audiovizual'nykh materialov dlia uchebnykh i kul'turno-prosvetitel'nykh programm (po materialam ekspeditsionnykh etnograficheskikh issledovanii «Iurta karakalpakov») [How to process audio and visual research materials for cultural education programmes (Based on the materials collected during the expedition 'The Yurt of Karakalpaks')]. In: *Audiovizual'naia antropologiia. Istorii s prodolzheniem* [Audio and visual anthropology. Histories and their continuances]. Moscow: Institut naslediia, 2008, pp. 252–255.

Ot klassikov k marksizmu: soveshchanie etnografov Moskvy i Leningrada (5–11 aprelia 1929 g.) [From founders to Marxism: A meeting of Moscow and Leningrad ethnographers (5–11 April 1929)]. Eds. D.V. Arziutova, S.S. Alymova, D.Dzh. Andersona. St. Petersburg: MAE RAN, 2014.

Terskoi A.N. *Etnograficheskaia fil'ma* [Ethnographic film]. Moscow: Teakinopechat', 1930.

Heider K. *Ethnogrpahic Film*. Moscow, 2000.

Asch T., Seaman G. *Yanomamo film study guide*. Los Angeles: Ethnographics Press, 1993.

Henley Pl. From documentation to representation: Recovering the films of Margaret Mead and Gregory Bateson, *Visual Anthropology*: Published in cooperation with the Commission on Visual Anthropology, 2013, Vol. 26:2, pp. 75–108. DOI: 10.1080/08949468.2013.751857

MacDougall D. Ethnographic film: Failure and promise, *Annual Review of Anthropology*, 1978, Vol. 7, pp. 405–425.

Pink S. *The future of visual anthropology. Engaging the senses*. London – New York: Routledge, 2006.

Sarkisova O. *Screening Soviet nationalities. Kulturfilms from the Far North to Central Asia*. London – New York. I.B. Tauris. 2017.

УДК 316.7
DOI: 10.17223/2312461X/30/4

РОССИЙСКАЯ ШИНЕЛЬ АСЕНА БАЛИКСИ. *IN MEMORIAM*

Евгений Васильевич Александров

Аннотация. 2 января 2019 года, только вступив в последний год, предшествующий 90-летию, в Софии скончался Асен Баликси, один из последних представителей «ближнего круга» Маргарет Мид. Во всем мире хорошо известно, какое место он занимал в иерархии визуальной антропологии и скольким людям он помог в течение своей жизни. Но далеко не все знают, как много он сделал для становления новой дисциплины в России. На правах человека, участвовавшего в этом процессе, и больше чем кто-либо другой общавшегося с Асеном Баликси, я постараюсь описать, какую роль он сыграл, насколько была важна его помощь на этом столь трудном этапе. Автор статьи и его коллеги в своей деятельности многими окружающими воспринимались последователями Асена Баликси. Следом за Достоевским, считавшим, что русская литература «выросла из “Шинели” Гоголя», заголовок статьи отражает мнение, что в значительной степени благодаря Асену Баликси начала формироваться российская визуальная антропология.

Ключевые слова: визуальная антропология, Асен Баликси, Казым, Пярну, МГУ имени М.В. Ломоносова, обучение, фестиваль

Введение

Несколько лет тому назад в ходе очередной дискуссии о сущности и границах визуальной антропологии, Олег Генисаретский[1], не без иронии, назвал меня «вышедшим из шинели Баликси». Он имел в виду мое мнение о приоритете съемочной деятельности, в отличие от позиции сторонников «расширительного подхода»[2]. Как помню, в первый момент я почувствовал себя уязвленным, будучи отлучен от «безграничности» философского и культурологического мейнстрима. А теперь, прочитав некролог, посвященный Асену Баликси (Asen Balikci; 1929–2019), в котором Метье Постма (Metje Postma) – председатель Комиссии визуальной антропологии при Международном союзе антропологических и этнологических наук благодарит ушедшего человека за его упорство в отстаивании необходимости кинематографического отображения жизни малочисленных культурных сообществ (Postma 2019: 3–5), я испытал чувство гордости от принадлежности к его единомышленникам и поклонникам. Некролог Постма и фильм Рольфа Хусмана (Rolf Husmann)[3] «Профессиональный незнакомец» дают выразительное представление о жизненном пути и деятельности Асена Баликси (Husmann 2009). Поэтому с разрешения Рольфа я хотел бы поместить

здесь расшифровку его интервью с Баликси, включенные в фильм (см. Приложение). Но о его роли в становлении визуальной антропологии в России в фильме говорится немного. Не претендуя на близкую дружбу с Асеном и, в то же время, имея за плечами более долгую, чем у кого-либо другого в России, историю общения с ним, попытаюсь восполнить этот пробел.

Фестиваль визуальной антропологии 1987 г. в г. Пярну

Как я не единожды писал и рассказывал, моя встреча с визуальной антропологией и с Асеном Баликси произошла в Пярну в 1987 г. (Александров 1995: 97–98). Но познакомились мы не сразу. Мне понадобилось время, чтобы адаптироваться к непривычной форме организации фестиваля и начать ориентироваться в окружающем. Организатор и директор фестиваля Марк Соосаар (Mark Soosaar)[4] в самом начале устроил неформальную и очень романтичную процедуру знакомства. По воде гостиничного бассейна под звуки флейты медленно двигалась небольшая лодка-долбленка с горящей свечой, а ведущий поочередно называл имена, стоявших по периметру бассейна участников фестиваля. Уже только перечисление далеких стран, которым были посвящены фильмы, и режиссеров, которых очень редко можно было встретить на советских фестивалях неигрового кино, производило сильное впечатление.

Начавшееся знакомство с зарубежными коллегами растянулось на многие годы, но на первом фестивале прежде всего нужно было разобраться в хаосе впечатлений от встречи с фильмами, сделанными на совершенно других, чем это было принято в Советском Союзе, подходах к использованию киноязыка. Если на большинстве отечественных фестивалей документальных фильмов главным критерием оценки была виртуозность автора в умении оригинально представлять отображаемую действительность и умело управлять восприятием зрителя, то лучшие фильмы визуальной антропологии поражали точностью воспроизведения атмосферы показываемых событий. Авторы стремились дать возможность зрителю самому приобщиться к другой жизни и войти в состояние внутреннего диалога с происходящим. Произведения были проникнуты уважением к представителям чужой, чаще малознакомой культуры, доверившей кинематографистам рассказ о себе, и желанием не только сохранить свидетельство о ней, но и помочь ей равноправно существовать в современном мире.

Подобная задача в отечественной документалистике в то время еще не ставилась. И даже кинематографисты прибалтийских республик, лучше знакомые с зарубежными работами, из-за несовершенства съемочной техники и общих для всей страны идеологических установок, работали в основном в традициях научно-популярного и публицисти-

ческого жанров, за редким исключением ставя перед собой задачу межкультурной коммуникации. Только иногда, и преимущественно с помощью специальных методов съемки и монтажа, фильмы создавались на основе исследований и, как правило, по естественно-научной тематике. Нам с моим другом и коллегой, режиссером видеолаборатории МГУ, Леонидом Филимоновым, принадлежавшим к редкой профессиональной разновидности университетских кинематографистов, привыкших иметь дело с учеными, принять визуально-антропологические принципы работы было проще, чем режиссерам телестудий. И первым человеком, который помог нашему вхождению в новую сферу деятельности, стал как раз профессор Монреальского университета Асен Баликси. В те годы он являлся президентом ассоциации визуальной антропологии (CVA) и одной из главных фигур, вместе с писателем Ленартом Мери (Lennart-Georg Meri; 1929–2006) и председателем NAFA (Северная ассоциация антропологических фильмов) Хеймо Лаппалайненом (Heimo Lappalainen; 1944–1994), организовавших в Советском Союзе первый фестиваль визуальной антропологии.

С первого взгляда было понятно, насколько это открытый и доброжелательный человек. Нам, конечно, помогла его принадлежность к университетскому миру, а также, что для нас, не говоривших по-английски, было весьма существенным, – способность Асена общаться, приспосабливая для этой цели болгарский язык. Все первые знания, контакты, знакомства с его собственными фильмами и фильмами других режиссеров – всем этим мы были обязаны Асену Баликси. Следующий год и еще три последующих – фестиваль в Пярну стал для нас ежегодной мастер-школой. С помощью Асена и других коллег мы были первыми в России, кто снял видеоинтервью с одним из ведущих теоретиков визуальной антропологии Джейем Руби (Jay Ruby)[5]. Также рекомендация Асена Баликси помогла получить у другого классика – Карла Хайдера (Karl Heider) разрешение на перевод и переиздание в России его учебника 1975 г. (Хайдер 2000)[6].

Авторитет Баликси помог нам начать собирать на фестивале коллекцию фильмов, которые до появления интернета невозможно было в те годы увидеть нигде в СССР. Нужно признаться, довольно варварским способом, пренебрегая качеством изображения, мы с Леонидом снимали с экрана уникальную информацию, установив в зрительном зале на штатив простенькую VHS-видеокамеру. Это позволило нам уже в 1988 г. подготовить первую версию спецкурса по визуальной антропологии и начать занятия со студентами исторического факультета, где основными методами стали показы, анализ и обсуждение фильмов. Готовя эту статью, я разыскал в своем бумажном архиве затертую и испещренную пометками ксерокопию. Это была подаренная мне статья Баликси, опубликованная еще до нашего знакомства в международном

журнале Museum (Баликси 1985). В те годы журнал издавался ЮНЕСКО на разных языках, в том числе на русском[7]. На нескольких страницах лаконичным строгим языком была представлена важнейшая информация об основных положениях и состоянии визуальной антропологии в мире.

Именно эта публикация стала нашим основным путеводителем при подготовке и проведении занятий в рамках упомянутого спецкурса визуальной антропологии. В ней был раздел, судя по отсутствию пометок, не очень меня тогда заинтересовавший. Автор очень обстоятельно говорил о роли музеев, на базе которых должны существовать группы визуальной антропологии, для съемок, сохранения и продвижения полученной информации. Работая в те годы в небольшой университетской лаборатории, в которой четверть века нам удавалось проводить визуально-антропологические съемки, мы недостаточно внимания уделяли архивированию. По иронии судьбы в настоящее время я работаю в музее, где эти задачи стоят передо мной во всей своей сложности. Но в начале 1990-х гг. самым больным вопросом было оснащение видеотехникой. С огромным трудом удавалось обзаводиться дешевой любительской съемочной, монтажной и проекционной аппаратурой. Неожиданно для нас и в этом случае помог Асен Баликси.

Семинар в Казыме

Интерес Асена Баликси к России не ограничился Пярнусским фестивалем. В 1988 г. он впервые посещает Москву, и здесь проходят несколько семинаров с его участием. Он рассказывает о беспрецедентном по общественной значимости визуально-антропологическом проекте, посвященном эскимосам Канады Нетсилик (Баликси 2002: 30–40). На одном из таких семинаров в Институте этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР, где Асену Баликси ассистировал и помогал с переводом Николай Ссорин-Чайков, присутствовали и мы с Леонидом Филимоновым. С помощью все той же любительской видеокамеры мы зафиксировали это событие, буквально на следующий день, познакомив своих студентов с вдохновенным рассказом Асена Баликси об эскимосах (рис. 1).

Отличительной чертой Асена Баликси было упорство. С методичной последовательностью он осуществлял миссию продвижения гуманитарных идей визуальной антропологии по всему миру (Баликси 2001: 67–84). По словам Метье Постма, памятуя о своем успехе в работе с канадскими эскимосами, он считал долгом помогать коренным народам, в первую очередь – северным (Postma 2019: 3) (рис. 2).

В процессе сотрудничества с Международной рабочей группой по делам коренных народов (IWGIA) Баликси познакомился с Алексан-

дром Пика, который упоминается как представитель российской стороны в проекте под названием «Приобщение аборигенных народов Сибири к методам современной визуальной антропологии».

Рис. 1. Асен Баликси и Н. Ссорин-Чайков на семинаре в ИЭА. 1989 г.
Кадр из съемки Е.В. Александрова

Рис. 2. Асен Баликси на съемках серии фильмов об эскимосах Netsilik.
Канада. 1963–1965 гг. Кадр из фильма Р. Хусмана «Профессиональный чужак»

Экземпляр этого документа, набранный на печатной машинке и не опубликованный, сохранился в моем личном архиве. Авторами документа являются Асен Баликси (Университет Монреаля) и Марк Бэджер (Mark Badger, Университет штата Аляска в Фэйрбэнксе). Это одна из ранних версий проекта семинара в Казыме, о котором речь пойдет ниже (Balikci, Badger 1995: 39–54). Не исключено, что знакомство с Пика также повлияло на решение Баликси снимать на Чукотке фильм вместе с эстонским режиссером Арво Ихо (Arvo Iho) «Хроники деревни Сиреники». Общие планы, к сожалению, реализовались не в полной мере. По неизвестным теперь причинам Александр Пика не принял участия в Казымском семинаре, а в 1995 г. этот преданный исследователь малочисленных народов России погиб в Беринговом море во время экспедиции (Богоявленский 2008)[8].

После предварительного посещения Ханты-Мансийского округа Асен Баликси останавливает свой выбор на поселке Казым, и в июле–августе 1991 г. здесь проводится пятинедельный семинар визуальной антропологии для малочисленных народов Сибири, рассчитанный на перспективу. Ставилась задача подготовить небольшую группу людей из числа коренного населения, которые бы освоили полевые методы и технику визуальной антропологии. Процитирую вышеупомянутый документ: «Мы не научим сибирских культработников создавать добротные видеопрограммы, но научим их видеть, изучать и просто фиксировать то, что представляется важным в их культуре…». Более основательно с теоретическими и методологическими установками, лежавшими в основе учебной программы семинара, можно ознакомиться в статьях (Balikci, Badger 1995: 39–54; Баликси 2008: 109–111). Предполагалось, что в дальнейшем участники будут использовать полученные навыки и знания для создания сети визуальной антропологии. Стратегия учебного семинара была достаточно методически продуманной и прагматичной, а кроме того, основательно подкреплена технически[9].

Приглашение принять участие в первом международном семинаре коренных народов Сибири в качестве преподавателей-стажеров было для нас с Леонидом неожиданным и лестным. Мы его восприняли как своего рода аванс, открывающий путь к вхождению в сообщество визуальных антропологов. Известие пришло, когда семинар уже работал, и нам пришлось самостоятельно добираться до поселка Казым. Дорога оказалась не простой даже для нас – географов, привыкших к самым неожиданным коллизиям в путешествиях по нашей стране. И самые большие трудности возникли не в конце пути, как мы могли предположить, а в Москве, в Домодедово. Почему-то аэропорт был переполнен возбужденными пассажирами с детьми, возвращавшимися домой после летнего отдыха. Их рейсы отменялись один за другим без объяснения причин. Каким-то чудом нам удалось пробиться к руководству аэропорта, в большой кабинет, по периметру которого сидели сотрудники с

напряженными лицами. Выслушав мои уверения, что международный американский семинар в Западной Сибири без нашего присутствия будет сорван, к великому нашему изумлению, начальник перевозок дал распоряжение отправить нас немедленно рейсом до Тюмени и далее до Белоярска. Дальше все шло без приключений, и последний километр с рюкзаками за спиной мы весело вышагивали по бетонке в предвкушении встречи в Казыме. Каково же было наше удивление, когда вышедшие навстречу люди вместо обычных расспросов о дороге стали требовать рассказов о ситуации в Москве. Оказалось, что мы ухитрились благополучно вылететь из Домодедово 19 августа, в «день ГКЧП», когда вся страна замерла в ожидании решения дальнейшей ее судьбы. Противоречивую информацию о происходящем мы в те дни узнавали, благодаря Марку Бэджеру, которому приходилось забрасывать антенну своего портативного радиоприемника на крышу, чтобы послушать новости.

Наше с Леонидом Филимоновым участие в семинаре пришлось на его вторую часть, когда после ознакомления с теоретическими основами визуальной антропологии учащиеся перешли к освоению приемов съемочной работы. Ко времени нашего приезда прошли три недели из пяти, и некоторые из преподавателей уже уехали. Их имена приходится восстанавливать по публикациям[10] (Данилко 2017: 93–112). К сожалению, в те годы я не предполагал, что спустя тридцать лет мне придется копаться в своей памяти. Впрочем, с некоторыми участниками мы впоследствии не единожды общались. В первую очередь, речь идет, конечно, о Молдановых, Татьяне и Тимофее, наиболее заинтересованных и деятельных представителях местного хантыйского сообщества. Они практически выполняли роль «принимающей стороны». Во многом, благодаря их заботам, работа семинара проходила в самой благоприятной атмосфере. В настоящее время Татьяна Александровна и Тимофей Алексеевич Молдановы – известные ученые, посвятившие свою жизнь сохранению и пропаганде культуры своего народа. Тимофей Молданов создал несколько фильмов о традиционных обрядах хантов. Из всех имеющихся наград самой ценной для себя он считает золотую медаль Лиги малочисленных народов мира, которой был награжден в 2002 г. (Ромбандеева 2017).

Помимо ханты и манси среди слушателей семинара были представители других этнических сообществ Сибири. Конечно, не для всех увлечение съемкой окружающей действительности в дальнейшем переросло в профессию. Например, очень успешной была работа Надежды Лырщиковой из Ненецкого автономного округа. К сожалению, продолжила ли она в дальнейшем заниматься съемкой – не известно. Одним из наиболее профессиональных дебютов был учебный фильм Вячеслава Семенова из Якутии. В дальнейшем он стал в своей республике ведущим режиссером документальных и художественных фильмов, посвя-

щенных преимущественно традиционной культуре (Амбросьев 2013). (рис. 3).

Рис. 3. Асен Баликси в пос. Казым. 1991 г. Кадр из съемки Е.В. Александрова

Кругозор преподавателей Казымского семинара, стиль общения, методы преподавания, гуманистические идеи, компетентность, обаяние и доброжелательность Асена Баликси вдохновили нас с Леонидом на решение организовать по возвращении в Москву на базе университетской видеолаборатории общественный Центр визуальной антропологии (ЦВА МГУ)[11]. Тем более, что после семинара Баликси принял решение передать в университет часть съемочно-монтажного комплекса S-VHS. Кто помнит те времена, хорошо понимает ценность этого дара и чувство ответственности, которое мы испытали. Надеюсь, что мы не обманули доверие Асена, и оправдали своей дальнейшей работой его вложение в Центр МГУ. На первых порах, пока не отпала необходимость, Тимофей Молданов и Вячеслав Семенов прилетали в Москву, где мы помогали им монтировать материалы (Баликси 2000: 6).

«Созвучная камера» и выездные школы

Деятельность группы Центра визуальной антропологии МГУ с самого начала была направлена на поиск методов и приемов съемки, обеспечивающей как достаточно адекватное отображение состояния культурных сообществ, так и выразительное предъявление результатов съемки зрителям. Уровень же имеющейся «полупрофессиональной» аппаратуры ориентировал не на коммерческие, а на исследовательские и учебные цели. Большое влияние на формирование рождавшейся внутри группы собственной методики оказали также статьи Асена Баликси, в которых он в ходе своей практической деятельности переосмысливал визуально-антропологические принципы, предложенные Маргарет Мид (Margaret Mead; 1901–1978) (Balikci 1987). Результатом нашего теоретического осмысления опыта Казымского семинара и экспериментальной работы в течение нескольких лет стала методика «созвучной камеры». Она охватывала весь комплекс деятельности визуального антрополога, – от замысла проекта до внедрения результатов в социокультурные и образовательные практики, – и решала проблему сочетания визуального исследования и диалоговой межкультурной коммуникации (Александров 1998: 62–68).

В 1992 г. ЦВА МГУ выпустил первый фильм на принципах визуальной антропологии. С этого времени мы стали регулярными участниками международных фестивалей. В дальнейшем на протяжении более двадцати лет в сотрудничестве с разными исследователями мы занимались видеодокументированием и созданием из этих материалов фильмов о старообрядчестве – специфическом этноконфессиональном сообществе с уникальной культурой.

Отношение к съемочной работе как к экспериментальной, анализ и обсуждение результатов позволяли постоянно совершенствовать методику. Опыт интенсивного обучения, почерпнутый на Казымском семинаре, помог перейти к задаче проведения подобных выездных школ в разных регионах страны. Первая школа была проведена в 1999 г. на III музейном биеннале в г. Красноярске. В течение одной недели мы с Леонидом Филимоновым знакомили группу сотрудников сибирских музеев с визуально-антропологическими принципами, одновременно обучая владению видеокамерой. К тому времени изменились технические возможности. Портативность и относительная доступность видеокамер, на работу с которыми была ориентирована новая методика, позволяли привлечь к съемочной деятельности на принципах визуальной антропологии специалистов, не обладающих профессиональными кинематографическими навыками. Собственно, целью выездной школы и было показать, каким образом можно в относительно короткий срок освоить приемы видеосъемки, позволяющие гуманитариям эффективно

справляться с задачами визуально-антропологического характера. В результате был создан фильм о музее и отношении к нему жителей города.

Эти нетипичные для визуальной антропологии условия, тем не менее, показали перспективность подхода и позволили сформулировать задачи подготовки к следующим школам. На две следующие школы в г. Томске смогли приехать несколько человек из состава ЦВА МГУ, и в течение полутора недель велась работа со студентами и сотрудниками университета и музея. Наконец, на четвертой школе 2002 г. в Башкирии удалось добиться наиболее интересных результатов. Школа проходила в татарской деревне с многозначительным названием «Венеция», вокруг которой компактно расположились русские, марийские башкирские поселения. Участники школы получили возможность самостоятельно выбрать интересующие сюжеты. В результате за две недели были подготовлены 10 учебных фильмов, некоторые из них позднее были показаны в дебютных программах фестивалей визуальной антропологии (Александров 2003: 53–56; 2005: 141–149).

От Российского фестиваля антропологических фильмов в Салехарде к Московскому международному фестивалю визуальной антропологии «Камера-посредник»

Прекратив административную работу председателя Комиссии визуальной антропологии, Асен Баликси познакомил меня со сменившим его на этом посту Рольфом Хусманном из Института научного фильма (IWF) в Геттингене. Совместно с Владимиром Марковичем Магидовым (1938–2015) в 1994–1995 гг. мы участвовали в международном проекте INTAS по редактированию российских документальных фильмов этнографической тематики 1920–1930-х гг. (Магидов 1998: 11–23) (рис. 4).

В эти же годы стали проводиться научные семинары на базе Института культурного наследия, на которые, пользуясь связями Баликси, удавалось приглашать иностранных участников. Так постепенно начал складываться круг людей, считавших, что наиболее эффективной формой продвижения идей визуальной антропологии в России будет организация фестиваля. И в 1998 г. в кооперации с группой Андрея Головнева «Этнографическое бюро», работавшей длительное время в Ямало-Ненецком округе, был проведен первый Российский антропологический фестиваль в г. Салехарде. Фестиваль показал, что большая часть фильмов продолжает сохранять черты постсоветского научно-популярного, публицистического и телевизионного фильма. К сожалению, большой разброс мнений о дальнейших путях развития документального кино России не привел к созданию Ассоциации визуальной антропологии, идея которой была выдвинута президентом фестиваля, философом Олегом Генисаретским (Александров 2000: 14–32).

Рис. 4. Асен Баликси и Ричирд Ликок. Фестиваль и семинар по визуальной антропологии в Геттингене. 2001 г. Кадр из съемки Е.В. Александрова

Проведя второй фестиваль в Салехарде, наша группа приняла решение организовать в Москве Международный фестиваль визуальной антропологии с целью создания площадки, обеспечивающей взаимодействие российских и зарубежных участников. Это решение, конечно, было принято после обсуждений с Асеном Баликси итогов Салехардского фестиваля. Баликси не был бы Баликси, если бы не предложил конкретный способ осуществления идеи и в этот раз (Баликси 1998: 48–52). В соорганизаторы он предложил группу визуальных антропологов из Франции, которая постаралась получить поддержку Французского посольства в Москве. Изначально фестиваль и предполагался франко-российским. Но уже в ходе подготовки его рамки расширились. Значительную часть программы составили фильмы стран СНГ. Благодаря помощи Наума Клеймана и сотрудников Музея кино, располагавших в то время несколькими кинозалами фестивального формата, уже на первых порах удалось привлечь внимание достаточно широкой зрительской аудитории. В очередной раз осуществилось предвидение Асена Баликси, счи-

тавшего, что домом для визуальных антропологов должны быть в первую очередь музеи. В дальнейшем несколько раз основным местом проведения фестиваля стал Московский университет. Фестиваль принципиально с самого начала был внеконкурсным, но обязательно включал конкурс дебютов. В основную информационную программу в некоторые годы входило до 50 фильмов, показывающих жизнь во всех краях земли, обязательно проводились обсуждения фильмов с участием авторов. На конференциях и тематических семинарах велись дискуссии о путях развития визуальной антропологии, и среди авторов фильмов и активных дискутантов был и Асен Баликси.

Рис. 5. Асен Баликси. Сикким-Тибет. 2009 г.
Кадр из фильма Р. Хусмана «Профессиональный чужак»

В последний раз Асен Баликси приезжал в Москву на третий фестиваль в 2006 г. Он показал два фильма со своим участием, провел семинар «Профессия – антрополог». Ему очень понравилась Троице-Сергиева лавра, где участники фестиваля побывали во время культурной программы. Вспоминаю его сидящим на лавочке в монастырском дворе… К этому времени он несколько лет как вышел на пенсию, ушел из Монреальского университета и поселился в Софии, где продолжал активно работать в качестве координатора Балканской Комиссии по

визуальной антропологии при Международном союзе антропологических и этнологических наук. Проведя цикл лекций в болгарских университетах и сняв несколько фильмов о балканских народах, он практически заложил фундамент болгарской школы визуальной антропологии (Balikci 2007: 92–96). Кроме того, он продолжал совершать дальние путешествия в Северную Индию (Сикким) в Институт тибетологии в Намгьяле, участвуя в визуально-антропологических проектах своей дочери Анны Баликси-Денжонгпа (Anna Balikci-Denjongp). Этот период жизни Асена Баликси отражен в фильме его друга Рольфа Хусманна «Профессиональный незнакомец» (рис. 5). Последний раз мы с Асеном виделись в 2011 г. на фестивале в Любляне, куда он приехал вместе с Рольфом Хусманном уже в роли почетного гостя, но переписка с ним продолжалась постоянно (рис. 6).

Рис. 6. Асен Баликси и автор статьи во время последней встречи на фестивале этнографического кино в Любляне. 2011 г. Фото Е.С. Данилко

Заключение

Думаю, не будет преувеличением сказать, что Асен Баликси сыграл выдающуюся роль в продвижении гуманитарных идей визуальной антропологии в разных странах мира и в превращении ее в самостоятель-

ную университетскую дисциплину. Осуществив на первых шагах своей деятельности уникальный проект по внедрению в систему образования цикла фильмов об эскимосах Северной Канады, значительную часть своей жизни он посвятил укреплению и развитию этого опыта для самоутверждения малочисленных народов и достижения ими культурного и политического равноправия. В статье было показано, в какой форме усилия и помощь Асена Баликси были воплощены в России.

Примечания

[1] Олег Игоревич Генисаретский (род. 1942 г.) – доктор искусствоведения, философ, общественный деятель.

[2] Корректировка моей позиции в этой проблеме происходила на протяжении длительного периода. С последней версией можно ознакомиться (Александров 2017).

[3] Рольф Хусманн (род. 1950 г.) – немецкий антрополог, специализирующийся в сфере этнографического кино и антропологии спорта. Разработчик цикла лекций по визуальной антропологии, прочитанного в различных университетах мира, с 1992 г. работал в Институте научного кино в Геттингене. Автор нескольких фильмов, среди которых фильмы о культуре нубийцев («Традиционная борьба нубийцев», 1991), фестивале тихоокеанского искусства («Maire Nui Vaka», 1995), самоанцах в Новой Зеландии («Место назначения – Самоа», 1998), фильмы о Раймонде Ферте («Ферт», 1993). В 2001–2008 гг. был председателем Комиссии по визуальной антропологии. Был дружен с Асеном Баликси до последних лет его жизни. Завершил профессиональную деятельность антрополога фильмом об Асене Баликси.

[4] Марк Соосаар (род. 1946 г.) – председатель Союза кинематографистов Эстонской ССР, ставший бессменным руководителем фестиваля и проводящий его каждый год вплоть до настоящего времени.

[5] Завязавшееся в Пярну знакомство продолжалось и на других фестивалях. В результате у меня собралась небольшая коллекция видеозаписей бесед с одним из родоначальников визуальной антропологии.

[6] Позднее, уже после создания ЦВА МГУ, учебник был переведен нашей ученицей и сотрудницей Марией Ахметовой и издан в 2000 г. При встрече в 2001 г. на юбилейной конференции визуальной антропологии в Геттингене, Карл Хайдер дал разрешение на перевод и издание в России последней версии учебника. Но до сих пор первое издание остается единственным учебником по визуальной антропологии, переведенным на русский язык.

[7] С 2001 года финансирование перевода журнала *Museum* на русский язык было прекращено. С 2011 г. журнал «Музей» стал российским партнером журнала *MUSEUM International* и переводит отдельные номера.

[8] Деятельность Александра Ивановича Пика носила широкий характер. Он участвовал в ряде проектов «Освоения Севера» и приложил много сил при подготовке Первого съезда народов Севера. С ним регулярно советовались лидеры малочисленных народов, Встречаясь на Севере или в Москве с коренными северянами, он подробно объяснял им их права, возможные пути выхода из тяжелой ситуации, знакомил с зарубежным опытом (Богоявленский 2008).

[9] Нужно отдать должное организаторам семинара, сумевшим справиться со вполне очевидными трудностями транспортировки увесистого груза. Для обеспечения учебного процесса в далекий Казым был доставлен комплект съемочной и монтажной полупрофессиональной аппаратуры S-VHS.

[10] Проведение съемок самими участниками предполагалось после обучающего курса, подготовленного международной группой антропологов разных стран. Проект финансировался из средств Арктической программы социальных исследований Национально-

го научного фонда Канады, поддержку оказывали также Институт этнологии и антропологии РАН и Ассоциация спасения Югры. В числе преподавателей и лекторов, помимо Асена Баликси и Марка Бэджера, были известные специалисты по изучению культур северных народов: финно-угровед и фольклорист из Венгрии Ева Шмидт (Eva Shmidt), исследовательница из Джорджтаунского университета Марджори Мандельштам Балзер (Marjorie M. Balzer), Елена Новик из Института этнологии и антропологии РАН, фольклорист из Софии Флорентина Бадаланова (Florentina Badalanova) и другие (Balzer 1999).

[11] С участием учеников и волонтеров – специалистов из различных организаций и областей науки с 1991 г. по настоящее время с разной степенью интенсивности стала осуществляться деятельность по широкому спектру направлений. На основе первого в России спецкурса по визуальной антропологии и авторской методики «созвучная камера» стали проводиться исследовательские съемки традиционной культуры, преимущественно старообрядческой (около 300 часов видеодокументов и 20 фильмов на их основе), подготовлены более 200 публикаций, проведены выездные школы в разных городах и организована магистратура в Московском городском педагогическом университете. С 2002 г. проводится Московский международный фестиваль визуальной антропологии «Камера-посредник».

Литература

Александров Е.В. Визуальная антропология – столетие универсального языка // Материалы 2-й международной конференции «Россия и Запад – диалог культур». М.: МГУ, 1995. С. 97–98.

Александров Е.В. «Созвучная камера» в «диалоге культур» // Материальная база культуры. К первому фестивалю визуальной антропологии в России. М.: РГБ, 1998. Вып. 2. С. 62–68.

Александров Е.В. О двух подходах к созданию антропологических фильмов // Салехард 2000: сб. ст. по визуальной антропологии, посвященный II Российскому фестивалю антропологических фильмов (29 августа – 2 сентября). М., 2000. С. 14–32.

Александров Е.В. Выездная школа в проекте «Видеоатлас» // Тезисы Третьей международной научно-практической конференции «ЭХОЛОТ-2003». М., 2003. С. 53–56.

Александров Е.В. Проект «Видеоатлас традиционных культур» и выездные школы визуальной антропологии // Материалы региональной научно-практической конференции «Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия» (23–25 мая 2005). Екатеринбург, 2005. С. 141–149.

Александров Е.В. Центростремительный вектор в безграничьи визуальной антропологии // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 11–28.

Амбросьев А. Киноакварель Вячеслава Семенова // Якутск БезФормата. 2013. URL: https://yakutsk.bezformata.com/listnews/kinoakvarel-vyacheslava-semenova/9409002/ (дата обращения 02.09.2020).

Баликси А. Этнографические фильмы и музеи: история и перспективы // Museum. 1985. № 4. С. 5–12.

Баликси А. Визуально-антропологический проект в условиях существования многих культур // Материальная база культуры. К первому фестивалю визуальной антропологии в России. М.: РГБ, 1998. Вып. 2. С. 48–52.

Баликси А. Второй российский фестиваль антропологических фильмов, Салехард: обзор // Салехард 2000. Сборник статей по визуальной антропологии, посвященный II Российскому фестивалю антропологических фильмов (29 августа – 2 сентября). М., 2000. С. 5–13.

Баликси А. Антропология, фильм и народы Арктики // Материальная база сферы культуры. К 10-летию Центра визуальной антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова. М.: РГБ, 2001. Вып. 4. С. 67–84.

Баликси А. Фильмы об эскимосах нетсилик // Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Академкнига, 2002. С. 30–40.

Баликси А. Сравнительный анализ видеосъемок, ведущихся представителями коренных народов в разных странах // Аудиовизуальная антропология. Истории с продолжением. М., 2008. С. 109–111.

Богоявленский Д. К десятилетию со дня гибели Александра Ивановича Пики // ДемоскопWeekly. 2008, 1–14 декабря. № 355–356. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/str/pika.php (дата обращения: 02.09.2020).

Данилко Е.С. «Казымский переворот»: к истории первого визуально-антропологического проекта в России // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 93–112.

Магидов В.М. Кинодокументы по визуальной антропологии России (Историко-архивоведческий и историковедческий аспекты) // Материальная база культуры. К первому фестивалю визуальной антропологии в России. М.: РГБ, 1998. Вып. 2. С. 11–23.

Ромбандеева С.М. С песнями и сказками по жизни // ЮГРАЖДАНИН. Портал гражданского общества Югры. 2017. URL: http://ucitizen.ru/grants/mindedpeople2017/detail/51428/ (дата обращения: 02.09.2020).

Хайдер К. Этнографическое кино. М.: ИЭА РАН, 2000.

Balikci A. The Legacy of Margaret Mead: the Case of Visual anthropology // Bulletin of the International Committee on Urgent Anthropological Research. Vienna, 1987. Vol. 8. P. 37–42.

Balikci A. Visual Ethnography Among the Balkan Pomak // Visual anthropology Review. March 2007. P. 92–96.

Balikci A., Badger M. A Visual Anthropology Seminar for the native peoples of Siberia and Alaska // Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology 1 / ed. by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Hoejbjerg: Intervention Press, 1995. P. 39–54.

Balzer M. The Tenacity of Ethnicity: A Siberian Saga in Global Perspective. Princeton University Press, 1999. URL: http://press.princeton.edu/chapters/s6734.html_ (дата обращения: 02.09.2020).

Husmann R.. The Professional Foreigner (Film). 2009. URL: https://fontanalib.org/books/professional-foreigner (дата обращения: 21.08.2019).

Postma M. A man among men: Asen Balikci (1929–2019) // NAFA Network. 2019. Vol. 26.1. P. 3–5.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Приложение

Асен Баликси в течение многих десятилетий остается центральной фигурой визуальной антропологии. Фильм представляет собой серию бесед Асена Баликси с одним из режиссеров Рольфом Хусманом. Через их диалоги рассказывается о юности Асена, прошедшей в Стамбуле, работе в Канаде, где он получил известность благодаря серии документальных фильмов об эскимосах нетсилик. А также о съемках в Афганистане и других сферах его деятельности в качестве координатора Комиссии по визуальной антропологии и преподавателя Летних школ в Сибири и Болгарии. Завершается фильм рассказом об участии Асена Баликси в становлении школ визуальной антропологии в Болгарии и штате Сикким в Индии.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ИНОСТРАНЕЦ: АСЕН БАЛИКСИ И ВИЗУАЛЬНАЯ ЭТНОГРАФИЯ

60 мин., 2009, Германия
Режиссеры: Рольф Хусман, Манфред Крюгер

Рольф Хусман (далее – Р.Х.): *Асен Баликси является основной фигурой в области визуальной антропологии и этнографического кино уже многие годы. Спустя долгое время после окончания работы в Канаде, в возрасте 72 лет, Баликси в очередной раз начал новый этап своей профессиональной жизни, помогая дочери Анне в ее антропологической работе в городе Сикким в Северной Индии.*

Ташидинг, Сикким, Индия. Бхумчу. Фестиваль Священного Водяного Сосуда

Р.Х.: *Сюда в Сикким я приехал навестить Асена и Анну, чтобы подытожить начатую мной два года назад серию бесед с Асеном о его жизни и работе, его понимании этнографического кино и визуальной антропологии. Как это свойственно ему, здесь в Сиккиме Асен Баликси начал учить двух местных молодых ребят, Даву и Пурпо, как снимать этнографическое кино. Наблюдая его в этой обстановке, я вспоминаю, как однажды Асен подытожил свою жизнь, сказав, что он всегда чувствовал себя иностранцем во всех обществах, где жил. Он повторял, что, став антропологом, он, по его словам, превратился в профессионального иностранца.*

Асен Баликси (далее – А.Б.): Видишь ли, я определенно был аутсайдером. Был на периферии. В Стамбуле я был иностранцем, в Женеве – иностранцем, в Канаде – тоже. Так что всю свою жизнь я профессиональный иностранец. Возможно, поэтому я пошел в антропологию. <…> Не важно, насколько ты изучил культуру, ты не принадлежишь ей.

Р.Х.: Асен, это залив Золотой Рог, да?

А.Б.: Да, Золотой Рог, он уходит направо и дальше. А вблизи него стоят изумительные мечети. Вот новая мечеть, и рядом мечеть Сулеймание, а посередине – Башня Беязит. <…> Контора моего отца была вот здесь, по левую сторону.

Р.Х.: Дом, видимо, снесли?

А.Б.: Да.

Р.Х.: Но рыбный рынок остался.

А.Б.: Да, он привлекает туристов. Здесь продают свежую рыбу с Босфора. А это здание, я уверен, тоже снесут.

Р.Х.: На всех этих табличках твое имя.

А.Б.: Да, мое имя означает «рыбак». «Баликси», по-турецки «Баликчи», мой отец выбрал свое имя по профессии.

… Потом отец стал торговцем рыбой. Он выучился торговле у своего тестя, который ловил рыбу в озере, тут неподалеку. Оставил молочный бизнес и сосредоточился на рыбе. И вскоре стал очень успешным, потому что продавал икру, вяленую, соленую рыбу в больших количествах.

Р.Х.: *Семья Баликси жила в Стамбуле, где 30 декабря 1929 года Асен родился и рос со своими старшими братом и сестрой до 8 лет. Имея болгарское происхождение (настоящая фамилия отца была Николов), он понимал, что в связи с войной возрастала враждебность по отношению к этническим чужестранцам, и решил перебраться в Софию, где они прожили несколько лет, а*

летние месяцы проводили на побережье в Варне. Из Болгарии они вернулись в Стамбул только когда Вторая мировая война закончилась, перед тем как русская армия вошла в Софию.

Р.Х.: Зачем ты привел меня сюда?

А.Б.: Здесь мы жили, когда из-за коммунистов вернулись из Болгарии в 44-м, и до 46-го года, когда я уехал в Швейцарию. Наша квартира была на третьем этаже – здесь. Мы занимали все правое крыло.

Р.Х.: И отсюда ты ходил в школу?

А.Б.: По этим ступенькам я каждое утро поднимался и шел в школу Святого Бенуа и обратно, это было мое ежедневное занятие.

Р.Х.: Через Босфор?

А.Б.: Босфор и мечеть Ортакёй прямо посередине.

Р.Х.: Это та маленькая мечеть?

А.Б.: Не такая уж и маленькая… Она прекрасна!

Р.Х.: Она впереди вверху?

А.Б.: Внизу.

Р.Х.: Наконец, мы вышли на главную улицу. Как она называется?

А.Б.: Улица Пера.

Р.Х.: Здесь мы поворачиваем налево к Вашей школе?

А.Б.: Я поворачивал налево и шел вниз в школу Святого Бенуа.

Р.Х.: *В 14 лет Асена отправили в школу Бенуа, в центральном районе Стамбула. Здесь он выучил французский, что впоследствии имело большое значение в его жизни.*

А.Б.: Это интересный вопрос, как мы учили французский. Мы выучивали наизусть пьесы классического театра Корнеля и Расина, а в конце года из Марселя приезжал на официальный экзамен игумен. Он открывал книгу пьес классического театра, читал один куплет… Студент должен был продолжить и цитировать, пока не остановят. Вот так мы учили французский…

Р.Х.: *Школу возглавляли французский и турецкий директора. Они наказывали непослушных учеников. Об этом Асен вспомнил, когда мы пришли в его школу.*

А.Б.: Когда мальчик плохо себя вел, его приводили на этот двор, выходил турецкий директор и наказывал его. Он говорил: «Зачем ты это сделал? Твои родители экономили деньги для того, чтобы отправить тебя сюда учиться и сделать культурным человеком. А вместо того, чтобы быть цивилизованным, ты ведешь себя как животное!». А мы дрожали от страха там наверху. Такое было обучение.

Р.Х.: А Вас часто сюда приводили?

А.Б.: Никогда!

Р.Х.: И когда Вы закончили школу, Вы отправились в Швейцарию?

А.Б.: Я неплохо выучил азы французского языка и отправился прямиком в Женеву. Первый пассажирский корабль, пересекший Средиземное море из Стамбула в Марсель, был румынским. Прекрасный корабль! Мой отец сказал нам с сестрой ехать в Швейцарию и стать цивилизованными людьми, выбраться из этого ужасного места.

Р.Х.: *В 1946 году Асен со старшей сестрой приплыли в Швейцарию, где Асен посещал школу и университет. В 1953 году он выпустился экономистом-географом. К нему приехали родители и посоветовали искать работу.*

А.Б.: Отец сказал: «Тебе 23 и пора зарабатывать на жизнь, но в Швейцарии это практически невозможно для гражданина Турции». Я искал работу, ходил на новые американские фабрики, в главное управление. Меня спрашивали: “Вы гражданин Швейцарии?” – “Нет”. – “До свидания, сэр!” (Когда они узнавали, что я из Турции). О боже, это нам совсем не подходит».

Р.Х.: Столкнувшись с такой ситуацией, Асен Баликси решил поехать в Канаду, где вскоре получил работу каталогизатора материалов о французском народе в национальном музее Оттавы и подружился с коллегами. Он делил комнату с французским исследователем эскимосов Клодом Дегофом, который работал в Серверной Канаде с инуитами на острове Белчер. Год спустя произошел ужасный инцидент, навсегда изменивший жизнь Асена.

А.Б.: На следующее лето французский парень, Клод Дегоф, отправился на остров продолжать свою полевую работу… К нам пришли ужасные новости – он и еще два эскимоса утонули. Директор музея пришел ко мне в офис и сказал: «Знаешь, эскимосы, север очень важны для нашей страны и нашего института. Нам нужны молодые люди, которые бы там работали. Почему бы тебе не продолжить работу твоего друга Клода Дегофа?» Так все началось. У меня не было намерения ехать на север, я все еще планировал получить степень доктора в Швейцарии. Но вышло по-другому, я поехал на север.

Р.Х.: Хорошо, на этом мы можем остановиться, потому что теплый климат Стамбула не самое подходящее место для разговора об эскимосах Нетсилик. Спасибо!

(Кинофестиваль коренных народов Севера Америки, Британский музей, Лондон)

Питер Ирник: *Комиссар Нунавутов Канады*: Я очень рад оказаться здесь и говорить сегодня с вами. Я передаю приветствия от «Нунавут», что на моем языке означает «наша земля». Мистер Баликси, леди и джентльмены, фильмы об эскимосах Нетсилик продолжают оказывать огромное влияние, даже большее, чем в 1963, когда Вы их сделали. Они используются в образовательных и информационных целях. Их смотрят многие люди.

Р.Х.: *Благодарности Питера Ирника Асену Баликси за серию фильмов Нетсилик относятся к ранним 60-м, когда в США был начат большой проект под названием «Человек – курсы обучения», или сокращенно МАКОС, спроектированный психологом Джеромом Брунером и осуществленный Питером Доу. Цель МАКОС заключалась в создании цикла этнографических фильмов о культурах, представляющих разные образы жизни. Вместе с дополнительными материалами фильмы использовались как обучающие программы по социологии и преподавались на национальном уровне в школах. Главным образом фильмы должны были представлять жизнь эскимосов Нетсилик из Пэли Бэй, Северная Канада. Дуглас Оливер, инициатор проекта МАКОС, искал эксперта по культуре инуитов.*

Р.Х.: Тебя наняли из-за твоей прошлой работы?

А.Б.: Да. Я работал в единственном месте, где сохранилась традиция. Поэтому, как только что сказал с экрана Питер, я был очень нужен им, так как курс на 70% состоял из фильмов об эскимосах Нетсилик. Без них проект бы

просто не существовал. Так я начал работу, и она буквально изменила мою жизнь.

Р.Х.: *Учитывая его опыт работы с инуитами, Асен Баликси был назначен главным этнографом, ответственным за содержание фильмов. В итоге было сделано девять фильмов об эскимосах Нетсилик. В них используются только настоящие звуки и язык инуитов, без комментариев и субтитров. Они отображают культуру Нетсилик 1920-х годов. В 60-х эскимосы хорошо помнили старый образ жизни, поэтому реконструкция использовалась в очень ограниченной степени, как видно из этого типичного отрывка.*

(Фрагмент фильма «В ледяном лагере зимнего моря, ч. 1»)

Как и в этой сцене, о жизни в ледяном лагере зимнего моря, девять фильмов показывают ежедневную жизнь Нетсилик в течение года.

Чтобы начать съемку Асен Баликси отправился в Пели Бэй в июле 1963 года, вместе с оператором Дугом Вилкинсоном, и позже с Бобом Янгом. Оба они были профессиональными операторами, но ответственным был Асен.

А.Б.: Моя профессиональной задачей было решать, что снимать. Когда я что-то обнаруживал, то говорил оператору: «Смотри, это нужно снять». Я не говорил, с какого расстояния, какой объектив использовать – он профессионал и знает свое дело. Я постоянно напоминал им не вмешиваться в занятия людей, не говорить, что делать, разве что останавливаться, когда нужно было сменить пленку. Эскимосы знали наши ограничения, и когда производилась перезарядка, они сами останавливались и ждали. Идея была в адаптации камеры к социальному полю – не наоборот. Камера должна была всегда присутствовать и быть в руках, мы ее не убирали.

Р.Х.: Что ж, мы услышали о твоей роли полевого этнографа, расскажи что-нибудь о записи звука в проекте.

А.Б.: Наши камеры не записывали звук, таких камер еще не было в Северной Америке. Поэтому мы записывали звуки природы. Я научился этому, оператор говорил мне, что делать. Я записывал на микрофон не только речь инуитов, но и природные звуки: реку, хруст снега под полозьями. Мы собрали библиотеку звуков.

Р.Х.: В некоторых фильмах съемки ведутся внутри иглу, как вы делали это в условиях недостатка света?

А.Б.: Если день был яркий, можно было вырезать ножом окна в иглу. Изо льда, из пресной воды – морская вода не такая прозрачная. В обычном иглу мы делали три окна. Для ночных сцен мы использовали искусственный свет. У нас был генератор в специальном удаленном иглу, чтобы не было слышно. Помимо этого, мы еще использовали электрический свет для натуральности.

Р.Х.: Другой мой вопрос касается взаимосвязи между реальным временем и временем в фильме, особенно в сцене ловли тюленя. Из фильма может показаться, что охотник культуры Нетсилик может простоять перед лункой годы. Как долго это длиться в обычной жизн, и как долго это происходило, когда вы снимали?

А.Б.: Нам повезло, мы ждали всего около часа. Боб Янг с камерой на треноге, на расстоянии 20 метров и я с рекордером в руках должны были стоять неподвиж-

но, нельзя было пошевелить ногой, мы к этому были готовы. Примерно через час ожидания на сильном морозе в 40 градусов мы поймали тюленя.

Р.Х.: Не мог бы ты немного рассказать о том, какого типа реконструкция использовалась?

А.Б.: Инициатором реконструкции был Оливер и остальные педагоги. Они интересовались прежде всего традиционной культурой эскимосов, их не интересовали процессы аккультурации.

(Эпизод из фильма «Место пересечения Карибу, Часть 2»)

А.Б.: Большинство традиционных стратегий выживания прекрасно сохранились до времени съемок. Поэтому нам не нужно было их реконструировать, разве что кроме каяков. После того, как эскимосы получили постоянные поставки оружия в 1920-е и 30-е годы, они могли охотиться на тюленей без каяков, поэтому они перестали использоваться.

После того как вышли фильмы об эскимосах Нетсилик, они успешно использовались в школах Соединенных Штатов, как это и планировалось. Однако вскоре политики, противостоявшие учению культурного релятивизма, пропагандируемого МАКОС, закрыли проект.

В 2004 году Организация национальных фильмов Канады, выпустившая фильмы о Нетсилик, создала фильм Чарльза Лаирда «Этими глазами», в котором Асен Баликси возвращается в Пели Бэй в 2003 году. В фильме рассказывается о проекте МАКОС и конфликте 1976 года, во время которого Асен был уже далеко.

Р.Х.: Как ты узнал об этом конфликте, и были ли ты вовлечен в него?

А.Б.: Я был в Афганистане, работал над второй частью «Кочующих пастухов» для МАКОС.

Р.Х.: Почему был такой большой промежуток между твоей очень успешной работой среди эскимосов и проектом середины семидесятых, если не ошибаюсь, в Афганистане? Что было между этим?

А.Б.: Мы закончили снимать Нетсилик в 65-м. Еще пять лет заняло редактирование. На разработку курса тоже ушло много времени. Идея моей поездки в Афганистан заключалась в том, чтобы продолжить курс социальных наук. Я поехал туда и стал искать кочевое племя, но контактирующее с оседлыми людьми. Я провел целое лето, четыре месяца в седле, в поездках по Центральному Афганистану. От Кабула, через Хазарестан, до Герата. И это было очень непросто, потому что у кочевников была сильная неприязнь к иностранцам. Они называли нас неверными и, конечно, не хотели входить в контакт.

…Мы поехали вдоль Панджшерской Долины, стали подниматься наверх на лошадях – ужасные ощущения! И на высоте 3 500 метров попали в лагерь, палатки были черного цвета, и из палаток ринулись люди навстречу нам, среди них был сравнительно молодой человек около 30 лет, который встретил нас: «Идемте, идемте!» Я сказал себе: «Мы на месте». Это был наш основной проводник, знаменитый «бузкаш» – всадник Анвар в наших фильмах. Прямо вот так в первую же секунду. Ты видишь человека и знаешь, что это тот, кто нужен.

Р.Х.: Но потом ты так же нашел его семью?

А.Б.: И семью. Она была большой, очень богатой и влиятельной в округе. Его отца звали Хаджи Омар, у него было три сына: Анвар, Джанадгул-земледелец и Исмаил-студент.

Р.Х.: *Пока Баликси готовился к съемкам второй группы фильмов для МАКОС в Афганистане, он узнал о конфликте по поводу Нетсилик в Америке и закрытии всего проекта МАКОС. Он был в отчаянии, но нашел выход, получив финансирование от вашингтонского Института Смитсона, а позже помогла кооперация с Организацией национальных фильмов Канады. Можно было приступать к съемкам. Тим Эш (Timothy Asch,1932–1994) был оператором, а его жена Пэтси (Patsy Asch) записывала звук.*

А.Б.: Без Пэтси мы не смогли бы снимать женщин, ее присутствие было абсолютно необходимым. Это, как мне известно, первый случай, когда мы смогли приблизиться к афганским женщинам, до нас ни у кого это не получалось. Настолько сильным был запрет относительно женщин.

Пэтси показывала им интересные съемки. Начала снимать их, и это стало нормальной практикой в том регионе. Сразу к Хаджи Омару пришли люди и сказали: «Говорят, ты отдал своих женщин неверным». Очень неприятные слова. Хаджи немедленно говорит нам: «Пожалуйста, уходите». Я принес ему хорошие подарки: «Мы останемся друзьями, ну пожалуйста, оставьте нас». Я сказал: «Хаджи, я знаю, ты сильный человек, неужели ты будешь слушать это отребье, которое говорит о тебе такие вещи?». И так мы остались. Еще пару подарков для Хаджи, и мы работали еще 3–4 месяца, до последнего момента не будучи уверенными, удастся ли продолжать проект.

(Фрагмент фильма «Сыновья Хаджи Омара»)

В сущности, социальная жизнь народа Пашту – это бесконечная демонстрация силы, желания доминировать, победить конкурента.

…Мне кажется, это прекрасно отражает эпизод с маленькими собачками, в котором их стравили братья. Это выражение их конкуренции, вместо драк между собой они используют собак как посредников.

Р.Х.: В эпизоде с пересечением реки мы видим, как мальчика случайно уронили в воду. (Пока Анвар следил за переходом через реку, лошадь одного из наездников поскользнулась, и он выронил четырехлетнего мальчика в стремнину. Мальчика успели вытащить из воды в последний момент. После того, как его отнесли на берег, наездник вымещает злость на лошади.) А некоторое время спустя мы видим, как дети играют в переход того мальчика по самодельному мостику. Очень милая история, интересно, это было заснято случайно или Вы попросили их это сделать?

А.Б.: Конечно случайно. Они имитируют поведение взрослых, строят мосты. Тут есть повод взрослым для размышлений, ведь когда они пересекали реку, у них не было моста. Так что дети выразили свое желание. Они так же имитируют животных, привязывают друг друга за шеи, как будто они верблюды, и играют в караван. Так что их игры – это подражание взрослому поведению.

Р.Х.: По сравнению со всем, что ты делал в жизни, насколько важно для тебя то, что ты делал в Афганистане. Ты доволен результатом?

А.Б.: Это было очень важно, ведь целью было создание обучающего фильма, но вышло немного иначе. Я потратил на эту работу годы. Я не смог опубликовать книгу. Из-за этой ужасной войны не было возможности получить некоторые важнейшие этнографические материалы. Я написал около дюжины статей на разные темы, но не книгу, как планировалось вначале. Так что этот период был, возможно, одним из худших в моей жизни. Я растерял спонсоров. Программа МАКОС закрылась вместе с фильмами о нетсилик. Неожиданно я остался без проектов, в одиночестве, сидел и бездействовал. Потом была комиссия.

…Шел 84-й год, один из директоров Международного общества антропологических и этнологических наук пригласил меня создать комиссию по визуальной антропологии, которая до этого времени находилась в Ранчи, в Северной Индии. Я забыл имя индийского коллеги, курировавшего ее, но, в общем, не много было пользы от Ранчи, и я принял предложение.

Р.Х.: С какими намерениями?

А.Б.: Организовывать каждые пять лет встречи, посвященные визуальной антропологии, делать публикации, наладить связи.

Р.Х.: *Асен Баликси стал координатором визуальной антропологии. С середины восьмидесятых он успешно выпускал новостную рассылку, позже переименованную в Обозрение Центра визуальной антропологии (Review CVA).*

Он организовал конгресс визуальной антропологии в 1988 году в Загребе и представлял визуальную антропологию на многих встречах, как, например, в эстонском Пярну.

Ко времени, когда он оставил должность председателя комиссии в 1993 году, он уже занимался организацией обучающих курсов по созданию этнографического кино для местного населения. Эту идею он осуществил во время поездки в Россию в 1990-м.

А.Б.: Этот проект был вызван моим чувством вины. Это было в восьмидесятые годы, я говорил себе: «Я столько получил от северных народов. Они научили меня многим интересным вещам в жизни. А я ничего не дал им взамен».

Р.Х.: *Первый такой семинар был проведен для тринадцати студентов в селе Казым в Западной Сибири. Он продолжался пять недель летом 1991. В итоге был создан видеофильм под названием «Сибирь глазами сибиряков», посвященный семинару и включающий некоторые студенческие фильмы.*

Положительный опыт летней школы в Казыме привел Асена Баликси к мыслям об аналогичных курсах в других местах. В 1994 году он провел их в Болгарии, куда к тому времени переехал из Канады после отставки. Он организовал учебные курсы в пома́кской деревне Брезница в Южной Болгарии.

Р.Х.: Здесь была летняя школа, о которой ты рассказывал?

А.Б.: Да, в этом самом здании. Мы собрали несколько молодых людей из этой деревни, аккуратно подобранных, интересующихся культурой своего

народа, пома́ков, цыган и болгар. Дом в то время был пустой. Эта комната была директорской, мы поставили там телевизор и включали этнографическое кино. Упражнения по съемке проходили здесь. Тут стояли скамейки, где дети сидели и наблюдали за нашей работой. Камера обычно стояла на триподе, инструктора звали Ясек Тодоров. Стандартные упражнения.

Р.Х.: В результате вы что-то выпустили?

А.Б.: Да, мы смонтировали и собрали фильмы студентов, сделали хорошее введение и заключение. Весь материал шел около часа, и назывался «Балканские портреты».

Р.Х.: И в него входило несколько небольших фильмов?

А.Б.: Несколько небольших композиций.

(Фрагмент фильма: «Семья помаков, болгарских мусульман». Диалоги из фильма)

– Иса, скажи, о чем будет твой фильм?

– Я хочу показать жизнь мусульманской семьи в деревне Брезница.

Р.Х.: *Помакская деревня Брезница была выбрана неслучайно. Уже до этого у Асена возник интерес к этой этнической группе – мусульманскому меньшинству славянского происхождения. В середине 1990-х с закатом социализма пома́ки оказались перед выбором между исламизацией и модернизацией. Это интересное событие вдохновило Асена заняться проектом создания этнографического кино о помаках*.

А.Б.: Я хотел отобразить два основных здесь идеологических направления: традиционализм против модернизма. И в этом контексте я показал традиционную семью, где главную роль занимала женщина. Ее зовут Зайнап, у нее три дочери, муж почти не присутствует в фильме, потому что днем он работает. Он водитель автобуса. Мы стали снимать Зайнап и трех ее дочерей. Они представляли традиционный образ жизни помаков. Противоположную модернистскую тенденцию мы показали через молодую библиотекаршу Фиданку.

(Фрагмент фильма «Женщины Брезницы». Диалоги из фильма)

– Как давно ты мечтаешь уехать в Америку?

– Два – три года, но сейчас мы просто одержимы!

– Три года?

– Да, это сильное желание!

– Для нас здесь нет места, хотя сейчас и полегче.

– Мы советовались с гадалками, одна сказала, что мы пересечем три границы и у нас будет много денег. Это ужасно интересно!

– А страну выбрали?

– Да, но ничего не происходит. Мы не можем уехать.

Фильм «Женщины Брезницы» показал женскую сферу жизни помаков, второй фильм «Мир старого Ибрагима» сосредоточился на мужской.

А.Б.: Второй фильм о мужской жизни. Мы решили изобразить старика Ибрагима. Он очень хороший человек. Тогда ему было около семидесяти. Это традиционный крестьянин, конечно же, мусульманин.

(Фрагмент из фильма «Мир старого Ибрагима». Диалоги из фильма)

– Ибрагим, помнишь, десять лет назад мы снимали фильм о тебе?

– Да, помню.

– Ты был главным героем. Может, ты помнишь, молодые не ходили в мечети. Они уходили в города на заработки, но теперь, я слышал, они снова посещают мечети. Как это произошло?

– Когда здесь не было фабрик, молодых тоже не было. Но теперь родители работают на фабриках и у них есть деньги. Молодые вернулись.

– И что, ходят в мечети?

– Да, мечети полны молодежи.

– Кажется, деревня не сильно изменилась. Вот церковь, вот мечеть. Но много новых магазинов.

– Да, много магазинов. Все что душе угодно, для работы, еда, одежда. Но откуда все взялось, я не знаю. Ладно, пойдем молиться.

Р.Х.: *В Болгарии Асен Баликси жил и работал, а также ездил на конференции и фестивали, поддерживая связи с визуальными антропологами. Каждую зиму он приезжает в Гималаи, в Ганток, столицу Сиккима. Эта северная индийская провинция населена вперемешку индийцами, тибетцами и двумя автохтонными этническими группами лепча и бутхи.*

Р.Х.: Поедем завтра утром около 7:30.

А.Б.: Может пораньше? Я думаю, нужно ехать в 6:30.

Р.Х.: *Здесь в Гангтоке его дочь Анна, антрополог и специалист по религиозным ритуалам. Она вышла замуж за местного адвоката и работает в Институте тибетологии в Намгьяле. Анна решила поехать в монастырь Ташидинг в Западном Сиккиме, провести документальные съемки Бхумчу – ежегодного фестиваля Священного Водяного Сосуда. По дороге мне удалось побеседовать с Асеном о его работе в Гималаях.*

А.Б.: Я приехал сюда из-за дочери. Она с ранних лет сильно интересовалась буддийской культурой в Тибете. Она изучала антропологию и выбрала для полевых исследований Сикким. Я начал ее навещать здесь примерно десять лет назад, регулярно приезжаю сюда на зиму. И я воодушевил ее включить аудиовизуальный компонент в свои исследовательские проекты. Было важно разработать программу сохранения значимых аспектов традиционной культуры. Именно этим Анна и занималась при помощи видео. Ее назначили координатором исследований в Институте тибетологии в Намгьяле, здесь, в Гангтоке, институте международного значения в области исследования буддизма гималайской традиции. В этих обстоятельствах мы встретили Даву Лепча, который сейчас нас снимает, он выходец из деревни Северная Дзонгу, здесь, в Сиккиме. Мы проводим различные тренировки в деревне Тингвонг. Я повторяю ему: «Если ты снимаешь группу из трех-четырех человек, не забудь вставить в первой сцене Ви Но Винга, живущего по соседству. Сними вон того человека,

делающего то-то, другого, делающего то-то… Полный цикл, с начала и до конца процесса. Не только лицо, но и человека целиком. Простые упражнения для студентов.

(Тингвонг, деревня народа Лепча в Сиккиме. Институт тибетологии в Намгьяле)

Р.Х.: Фильм о Тингвонг был твоим первым результатом?

А.Б.: Он не планировался как фильм, мы с Давой ходили между домами в Тингвонге. Я хотел, чтобы Дава посмотрел на свой народ и свою культуру немного иначе. Снимать не эффектные сцены, а обычные ежедневные занятия. И когда мы собрали их вместе, получилась относительно полная картина жизни в Сиккиме.

Р.Х.: Там есть какие-нибудь эпизоды, которые ты особенно выделяешь?

А.Б.: Мне нравятся сцены с рыбной ловлей.

Р.Х.: А какие-нибудь древние обычаи и убеждения?

А.Б.: Да, там много записей с шаманскими практиками, разных шаманов, но мы сосредоточились в основном на одном из них.

Падим, шаман лепча: Эти божества путешествуют на лодке. …Вот свежие подношения чанга и риса. Всем божествам, завладевшим мной. …Не дайте мне выйти из-под контроля! Примите дары.

(Головной убор надевается только во время Су Ги Лиота.
Считается, что он олицетворяет силу богов. Никто из них не может завладеть Падимом, пока он надет.)

Р.Х.: Еще один момент: Ты добился успеха в обучении, в том смысле, что теперь в него вовлечен еще кто-то.

А.Б.: Да. Видишь ли, я хотел передать умения. Впервые я сделал это в Сибири. По-моему, я уже упоминал об этом. После окончания съемок эскимосов нетсилик я испытывал чувство вины. Я говорил себе: «Эскимосы дали мне очень многое, я им очень обязан. Но что я отдал взамен? Практически ничего». Поэтому я поехал в Западную Сибирь и попытался передать навыки, которые я получил от другой арктической группы. И здесь я продолжаю то же. Теперь у меня есть чувство, что я передал это моей дочери, она передала Даве, теперь он должен передать это Пурпо.

(Фрагмент второго фильма Давы Лепча «Чам»)

Р.Х.: Есть еще важный вопрос о будущем визуальной антропологии. Мне кажется, визуальная антропология, этнографические фильмы, становятся больше фильмами и уходят от антропологии. Хорошие попытки делают в Тромсё и Манчестере, обучая антропологии студентов – визуальных антропологов. Новые фильмы, которые мы видим на наших фестивалях, прекрасны, высокого качества и на интересные темы. Они в рамках нашей традиции, по-

тому что юные фильммейкеры многое позаимствовали из антропологии. Но антропологический вклад в их продуктах почти не виден. Как сделать лучше? Что бы ты хотел увидеть?

А.Б.: Я бы хотел, чтобы люди были вовлечены в производство, в поле и в монтажной комнате больше, как антропологи, нежели фильммейкеры. Очевидно, что это бывает не так часто.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Aleksandrov Evgeny V.

ASEN BALIKCI'S RUSSIAN OVERCOAT. IN MEMORIAM

DOI: 10.17223/2312461X/30/4

Abstract. On 2 January 2019, in Sofia, Asen Balikci, one of the last members of Margaret Mead's 'inner circle' passed away, having just entered the year he would have celebrated his 90th anniversary. He achieved worldwide recognition and occupied a special place in the field of visual anthropology. During his lifetime, he helped people and countries all over the globe. However, few know how much he did to establish a new research discipline in Russia. As a person who participated in this process, interacted with Asen Balikci more than anyone else and, along with other colleagues, is seen by many as one of Asen Balikci's followers, I will do my best to describe how great a role he played, and how important his help was at the time. Alluding to Dostoyevsky's idea about Russian literature having grown out of Gogol's novel 'Overcoat', the article's title is meant to reflect the view that visual anthropology has started in Russia thanks largely to Asen Balikci.

Keywords: visual anthropology, Asen Balikci, Kazim, Pärnu, Lomonosov Moscow State University, education, festival

References

Aleksandrov E.V. Vizual'naia antropologiia – stoletie universal'nogo iazyka [Visual anthropology, a hundred years of using a universal language]. In: *Materialy 2-oi mezhdunarodnoi konferentsii "Rossiia i Zapad – dialog kul'tur"* [2nd International Conference 'Russia and the West, a dialogue of cultures'. Proceedings]. Moscow: MGU, 1995, pp. 97–98.

Aleksandrov E.V. "Sozvuchnaia kamera" v "dialoge kul'tur" [The cameraman's empathetic part in the 'dialogue of culture']. In: *Material'naia baza kul'tury. K pervomu festivaliu vizual'noi antropologii v Rossii* [The material foundations of culture. Dedicated to the First Visual Anthropology Festival in Russia]. Moscow: RGB, 1998, Vol. 2, pp. 62–68.

Aleksandrov E.V. O dvukh podkhodakh k sozdaniiu antropologicheskikh fil'mov [On two approaches to anthropological filmmaking]. In: *Salekhard 2000. Sbornik statei po vizual'noi antropologii, posviashchennyi II Rossiiskomu festivaliu antropologicheskikh fil'mov (29 avgusta – 2 sentiabria)* [Salekhard 2000. A collection of papers on visual anthropology, dedicated to the 2nd Russian Anthropological Film Festival (29 August – 2 September)]. Moscow, 2000, pp. 14–32.

Aleksandrov E.V. Vyezdnaia shkola v proekte "Videoatlas" [The 'Videoatlas' project's field school]. In: *Tezisy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "EKhOLOT-2003"* [3rd International Research Conference 'EKhOLOT-2003'. Abstracts]. Moscow, 2003, pp. 53–56.

Aleksandrov E.V. Proekt "Videoatlas traditsionnykh kul'tur" i vyezdnye shkoly vizual'noi antropologii [The project 'Videoatlas of Traditional Cultures' and field schools on visual anthropology]. In: *Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Natsional'nye kul'tury Urala: samobytnost', istoriia i perspektivy vzaimodeistviia" (23–25 maia 2005)* [Proceedings of the Regional Research Conference 'Ethnic Cultures of the Urals:

Distinct Features, History, and Prospects of Coexistence' (23rd to 25th May 2005)]. Ekaterinburg, 2005, pp. 141–149.

Aleksandrov E.V. Tsentrostremitel'nyi vektor v bezgranich'i vizual'noi antropologii [A centripetal vector in the boundlessness of visual anthropology], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 3, pp. 11–28.

Ambros'ev, A. Kinoakvarel' Viacheslava Semenova [Vyacheslav Semenov and his cinema], *Iakutsk BezFormata*. Available at: https://yakutsk.bezformata.com/listnews/kino-akvarel-vyacheslava-semenova/9409002/ (Accessed 2 September 2020).

Balikci A. Vizual'no-antropologicheskii proekt v usloviiakh sushchestvovaniia mnogikh kul'tur [A visual anthropology project in the context of coexistence of cultures]. In: *Material'naia baza kul'tury. K pervomu festivaliu vizual'noi antropologii v Rossii* [The material foundations of culture. Dedicated to the First Visual Anthropology Festival in Russia]. Moscow: RGB, 1998, Vol. 2, pp. 48–52.

Balikci A. Vtoroi rossiiskii festival' antropologicheskikh fil'mov, Salekhard: obzor [2nd Russian Anthropological Film Festival, Salekhard: A review]. In: *Salekhard 2000. Sbornik statei po vizual'noi antropologii, posviashchennyi II Rossiiskomu festivaliu antropologicheskikh fil'mov (29 avgusta – 2 sentiabria)* [Salekhard 2000. A collection of papers on visual anthropology, dedicated to the 2nd Russian Anthropological Film Festival (29 August – 2 September)]. Moscow, 2000, pp. 5–13.

Balikci A. Antropologiia, fil'm i narody Arktiki [Anthropology, film and the peoples of the Arctic]. In: *Material'naia baza sfery kul'tury. K 10-letiiu Tsentra vizual'noi antropologii MGU imeni M.V. Lomonosova* [The material foundations of the cultural sphere. Dedicated to the 10th anniversary of the Centre of Visual Anthropology at Lomonosov Moscow State University]. Moscow: RGB, 2001, Vol. 4, pp. 67–84.

Balikci A. Fil'my ob eskimosakh netsilik [Films about the Netsilik Eskimo]. In: *Severnyi arkheologicheskii kongress. Doklady* [The North Archaeological Congress. Proceedings]. Ekaterinburg–Khanty-Mansiisk: Akademkniga, 2002, pp. 30–40.

Balikci A. Sravnitel'nyi analiz videos"emok, vedushchikhsia predstaviteliami korennykh narodov v raznykh stranakh [Comparative analysis of the filming done by indigenous peoples of different countries]. In: *Audiovizual'naia antropologiia. Istorii s prodolzheniem* [Audio and visual anthropology. Histories and their continuances]. Moscow, 2008, pp. 109–111.

Balikci A. Etnograficheskie fil'my i muzei: istoriia i perspektivy [Ethnographic films and museums: History and prospects], *Museum*, 1985, no. 4, pp. 5–12.

Bogoiavlenskii D. K desiatiletiiu so dnia gibeli Aleksandra Ivanovicha Piki [Dedicated to the 10th anniversary since the tragic death of Aleksandr Ivanovich Pika], *DemoskopWeekly*. 2008, 1–14 December. no. 355–356. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0355/str/pika.php (Accessed 2 September 2020)

Danilko E.S. "Kazymskii perevorot": k istorii pervogo vizual'no-antropologicheskogo proekta v Rossii ['The Kazym revolt': On the history of the first visual anthropology project in Russia], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 3, pp. 93–112.

Magidov V.M. Kinodokumenty po vizual'noi antropologii Rossii (Istoriko-arkhivovedcheskii i istorikovedcheskii aspekty) [Film materials on visual anthropology in Russia (Aspects related to history and the study of archives and historical sources)]. *Material'naia baza kul'tury. K pervomu festivaliu vizual'noi antropologii v Rossii* [The material foundations of culture. Dedicated to the First Visual Anthropology Festival in Russia]. Moscow: RGB, 1998, Vol. 2, pp. 11–23.

Rombandeeva S.M. S pesniami i skazkami po zhizni [Going through life with songs and fairy tales], *IuGrazhdanin*. Portal grazhdanskogo obshchestva Iugry. Available at: http://ucitizen.ru/grants/mindedpeople2017/detail/51428/ (Accessed 2 September 2020).

Khaider K. *Etnograficheskoe kino* [Ethnographic film]. Moscow: IEA RAN, 2000.

Balikci A. The legacy of Margaret Mead: The case of visual anthropology. In: *Bulletin of the International Committee on Urgent Anthropological Research*. Vienna, 1987, Vol. 8, pp. 37–42.

Balikci A. Visual ethnography among the Balkan Pomak, *Visual anthropology Review*, March 2007, pp. 92–96.

Balikci A., Badger M. A visual anthropology seminar for the native peoples of Siberia and Alaska. In: *Advocacy and Indigenous Film-making. Intervention, Nordic Papers in Critical Anthropology 1*. Ed. by Philipsen, Hans Henrik and Birgitte Markussen. Hoejbjerg: Intervention Press, 1995, pp. 39–54.

Balzer M. *The tenacity of ethnicity: A Siberian saga in global perspective*. Princeton University Press, 1999. Available at: http://press.princeton.edu/chapters/s6734.html (Accessed 2 September 2020).

Husmann Rolf. The professional foreigner (Film). 2009. Available at: https://fontanalib.org/books/professional-foreigner (Accessed 21 August 2019)

Postma M. A man among men: Asen Balikci (1929–2019), *NAFA Network*, 2019, Vol. 26.1, pp. 3–5.

УДК 316.7
DOI: 10.17223/2312461X/30/5

«ХРОНИКИ ДЕРЕВНИ СИРЕНИКИ». ВЗГЛЯД ИЗ ЭСТОНИИ*

Лийво Ниглас

Аннотация. Описывается создание этнографического фильма «Хроники деревни Сиреники» (1990). Объясняется, как всемирно известный канадский визуальный антрополог Асен Баликси оказался в эскимосской деревне на Чукотке с командой эстонских кинематографистов в конце советской эпохи и как они сняли там фильм. Этот фильм, прежде чем о нем забыли, был показан на этнографических кинофестивалях и по телевидению в разных странах мира. Нами предпринята попытка реконструировать историю создания фильма спустя 30 лет после описанных событий. Основным источником для статьи является разговор с эстонским кинематографистом Арво Ихо, который был оператором и режиссером фильма, а также с другими участниками процесса.

Ключевые слова: визуальная антропология, этнографический фильм, эскимосы юпик, Чукотка, Асен Баликси, Арво Ихо

Введение

Асена Баликси (Asen Balikci) знают, наверное, все, кто интересуется российской визуальной антропологией. Именно с ним связан первый проект по визуальной антропологии в России, когда Баликси и его американский коллега Марк Бэджер (Mark Badger) организовали полевой семинар для представителей коренных северных народов в поселке Казым Ханты-Мансийского автономного округа. Как пишет Елена Данилко, это событие стало революционным для научного гуманитарного сообщества, поскольку «семинар спровоцировал интерес к новому междисциплинарному направлению на стыке науки и искусства, что впоследствии способствовало постепенному формированию визуально-антропологического сообщества в нашей стране» (Данилко 2017: 93). Но немногие знают, что до Казымского семинара был еще один проект по визуальной антропологии в Сибири, связанный с Баликси – этнографический фильм «Хроники деревни Сиреники» (1990). И даже те, кому удалось посмотреть этот раритетный фильм, наверняка не в курсе, что он не был бы снят без участия Эстонии, находившейся тогда в составе Советского Союза. Поскольку фильм не получил широкой известности, нельзя сказать, что его создание было одним из тех событий,

* Статья подготовлена при поддержке Тартуского университета (грант № PHVKU19913) и Программы родственных народов Эстонии (грант № 889).

которые повлияли на развитие направления в целом. Но он, безусловно, заслуживает нашего внимания как один из первых фильмов, снятых в СССР на принципах визуальной антропологии. И, конечно, фильм важен для нас как пример творчества всемирно известного визуального антрополога Асена Баликси.

«Хроники деревни Сиреники» – один из наименее известных фильмов Баликси. Хотя обычно он входит в официальную фильмографию болгарско-канадского визуального антрополога, информации о нем в печати или в интернете очень мало. Помимо упоминания в обзоре Казымского проекта (Balikci, Badger 1992), сам Баликси о фильме не писал и особо не говорил. «Хроники деревни Сиреники» не упоминаются также в киноработе «Профессиональный иностранец: Асен Баликси и визуальная антропология» (2009), где дается наиболее полный обзор профессиональной карьеры антрополога (Hussman, Krüger 2009). Единственная информация о создании фильма, которую я смог найти, имеется в видеоинтервью 2016 г., опубликованном на сайте канадского журнала *Anthropologie et Sociétés* на французском языке, когда Баликси было уже 86 лет (Laugrand 2016). К сожалению, мы уже не сможем поговорить с самим Асеном об этом.

Даже сам фильм «Хроники деревни Сиреники» найти очень сложно. Известный Документальный образовательный ресурс (Documentary Educational Resources), который распространяет многие другие работы Баликси, лишь упоминает фильм на своей веб-странице, но не предоставляет никакой информации о его производстве или продаже. Насколько мне известно, купить его в интернете также невозможно, нет и никаких визуальных свидетельств о фильме, ни фотографий, ни клипов. Даже сам Баликси не имел доступа к его качественной копии. Когда мы организовывали ретроспективу его фильмов на фестивале «Worldfilm» в 2005 г. в Тарту, нам не удалось включить «Хроники деревни Сиреники» в программу, потому что у Баликси была с собой только частично поврежденная VHS кассета. Таким образом, сегодня фильм доступен только в эстонской версии на копии, хранящейся в личном архиве известного эстонского режиссера Арво Ихо (Arvo Iho). И если кто-то хочет узнать больше о его создании, то разговор с Ихо, который был оператором и режиссером фильма, вероятно, станет наилучшим источником. На двухчасовом интервью с ним в основном и опирается настоящая статья. Кроме того, я побеседовал и с другими кинематографистами, принимавшими участие в создании фильма, как в Эстонии, так и в Канаде. Но их воспоминания об этом менее информативны и ограничиваются лишь некоторыми узкими производственными аспектами.

Цель настоящей статьи – реконструировать события, которые привели к созданию фильма «Хроники деревни Сиреники». Я постараюсь

рассказать о том, как знаменитый канадский визуальный антрополог оказался в конце советской эпохи в небольшой эскимосской деревне на Чукотке с командой эстонских кинематографистов и как они сняли фильм, который, прежде чем о нем забыли, был показан на этнографических кинофестивалях и по телевидению в разных странах мира. Не следует делать из этой статьи окончательных выводов. Поскольку мой текст составлен из воспоминаний участников почти через 30 лет после описанных событий, они неизбежно будут неполными, содержать ошибки и противоречия.

Асен Баликси в Эстонии

Асен Баликси впервые приехал в Эстонию осенью 1987 г. Это было время, когда Эстония, или Эстонская Советская Социалистическая Республика, как ее тогда официально называли, извлекая выгоду из экономических и политических изменений, инициированных Михаилом Горбачёвым, начинала отходить от давления Москвы и пыталась установить связи с западными организациями. Баликси отправился в Эстонию, чтобы принять участие в Международном фестивале визуальной антропологии в г. Пярну, где впервые участвовали вместе режиссеры этнографического кино из Советского Союза и зарубежных стран (Баликси 2000: 5–6). Асен Баликси был там и в качестве председателя Комиссии по визуальной антропологии при Международном союзе антропологических и этнологических наук, и в качестве режиссера. Фестиваль, который с тех пор регулярно проводится в уютном курортном городке Пярну, был первым в своем роде в Советском Союзе и сыграл важную роль в развитии визуальной антропологии в Эстонии и других его частях (Aleksandrov 2018: 85–86).

Фестиваль был организован режиссером-документалистом Марком Соосааром (Mark Soosaar), который в то время был президентом Союза кинематографистов Эстонии, и Леннартом Мери (Lennart Meri), автором нескольких этнографических фильмов, который в 1992 г. стал президентом Эстонской Республики. Им удалось убедить советских чиновников выделить средства на фестиваль и пригласить нескольких известных визуальных антропологов из западных стран, в том числе Хеймо Лаппалайнена (Heimo Lappalainen) из Финляндии, Паоло Кьоцци (Paolo Chiozzi) из Италии, Алана Ломакса (Alan Lomax) из США и Асена Баликси из Канады. Видимо, у западных кинематографистов был большой интерес к фестивалю, это было одно из немногих событий в Советском Союзе наряду с Московским кинофестивалем, которые были открыты для фильмов зарубежного производства. Многие хотели побывать в экзотической для них стране, закрытой для иностранцев на долгие годы. И, конечно же, как международное событие,

Пярнуский фестиваль имел большое значение и для советских кинематографистов, приехавших в Эстонию из разных уголков Советского Союза. Как воспоминает эстонский звукооператор Март Отса (Mart Otsa), это было время, когда советские люди очень хотели знакомиться и общаться с иностранцами, которые казались им недоступными «полубогами».

Евгений Александров, руководитель Центра визуальной антропологии в МГУ и многолетний директор Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник», вспоминает, как он впервые узнал о фестивале. Леннарт Мери показывал свой фильм в московском Дом кино 26 мая 1987 г., с ним был на сцене знаменитый русский философ и семиотик Вячеслав Всеволодович Иванов. Они с энтузиазмом говорили о визуальной антропологии – это был термин которой многие в аудитории слышали в первый раз. Мери также проинформировал их о предстоящем Пярнуском фестивале и пригласил принять в нем участие (Aleksandrov 2018: 85–86).

Фестиваль проходил в начале ноября 1987 г. и длился шесть дней. Прием гостей в Пярну был хорошим. Кинофестиваль проходил в великолепном здании Агентства печати «Новости» недалеко от моря. Все фильмы и дискуссии с кинематографистами синхронно переводились на эстонский, русский и английский языки (Balbat 1996). Но самое главное, фестиваль стал не просто очередной встречей советских кинематографистов, это была уникальная возможность познакомиться с совершенно другим способом этнографического кинопроизводства. Александров вспоминает, насколько западные фильмы, показанные в Пярну, отличались от среднего советского этнографического фильма. Он и его советские коллеги были поражены тем, что в этих фильмах не было заранее заданной режиссером интерпретации. Отсутствие закадрового комментария, обязательного в советской документалистике, в сочетании с внимательным наблюдением за героями позволяли зрителю войти в фильм и стать одним из его участников. Этот новый способ кинопроизводства назывался «визуальная антропология» и сильно отличался от «этнографической фильмы». Советские режиссеры делали акцент на изучении материальной культуры и фольклора, и обычно это была постановка действия участников фильма, а не наблюдение за их естественном поведением.

Фестиваль оказался для Баликси успешным. Его фильм про эскимосов нетсилик «Зима в ледовом лагере» получил гран-при фестиваля, а сам Баликси был награжден одеялом ручной работы из Западной Эстонии (Balbat 1987, 1996). После фестиваля Баликси несколько раз возвращался в Эстонию. Обычно он приезжал сюда с короткими визитами для участия в фестивале антропологического кино в Пярну или Тарту, как создатель фильмов или член жюри. В 1988 г. он прибыл в Эстонию

на более длительный срок[1]. Его целью было найти здесь людей, с которыми можно было бы снять документальный фильм об эскимосах юпик, живущих на Чукотском полуострове.

Эскимосский кинопроект

Баликси и раньше обращался к эскимосской теме. В 1963–1965 гг. он снял цикл из девяти фильмов об эскимосах нетсилик, живущих в районе Пелли-Бэй в Канаде (Balikci, Brown 1967). В 1959 г. он проводил там полевые исследования для своей диссертации и обнаружил культуру, находящуюся в фазе быстрой модернизации, но все еще интересную и достаточно сохранившуюся. Он не был ни режиссером, ни оператором фильмов, но сыграл в кинопроекте решающую роль как антрополог и куратор серии. Это была часть амбициозного американского образовательного проекта под названием «Человек: Курс изучения» (MACOS). Цикл об эскимосах нетсилик был первый из серии фильмов, направленных на погружение учеников в другую культуру и предоставления им материалов для определения принципов социального поведения. Цветные, без дикторского текста фильмы были организованы тематически. Они представляли собой пример так называемой исторической реконструкции в визуальной антропологии. Баликси попросил эскимосов обновить на камеру различные практики, с которыми они были лично знакомы или даже принимали участие раньше, но в 1960-е гг. уже не используемые. Реконструированная повседневная жизнь экологически интегрированной охотничьей культуры, коллективно организованная, не только хорошо смотрелась на экране, но и органично вписывалась в образовательные цели цикла и в концепции культурного релятивизма, лежащие в основе проекта. Цикл фильмов «Эскимосы нетсилик» стал эталонным для визуальных антропологов. Его ценили за неспешный темп и детальные наблюдения, позволявшие зрителям составить собственное представление о жизни эскимосов. (Balikci 1989, 2009; Naumović 2019: 25–29) Кстати, фильм «Зима в ледовом лагере» (1967) за которую Баликси в Пярну получил гран-при фестиваля, был одним из них.

Мы не знаем, почему Баликси решил снять еще один фильм об эскимосах, но можем предположить, что его увлекла идея провести сравнение эскимосских культур в Сибири и в Америке. Советский Союз еще только начинал открываться для иностранных исследователей и, наверное, его привлекала возможность работы с новым полем. Одной из причин могло быть также изменение отношения канадских эскимосов к антропологам. Баликси признается в видеоинтервью, записанном в 2003 г., что «в начале 1970-х годов у коренных народов Северной Америки появилась новая политическая идеология. Они начали нена-

видеть антропологов как эксплуататоров, которые якобы их представляли. Пришло время им представить себя» (Turin 2003). Баликси несколько раз пытался вернуться к работе в этих новых условиях, но все больше разочаровывался. Единственное, что он мог сделать, это собирать топонимы для использования эскимосами на судебных процессах в качестве доказательства их прав на землю. Но эта работа не была ему интересна, и он решил завершить свои исследования в Канадской Арктике. Похоже также, сама эта идея зародилась у него на Пярнуском фестивале. Как он вспоминал в 2016 г., снять фильм о сибирских эскимосах ему предложили эстонцы (Laugrand 2016). Возможно, одним из них был Леннарт Мери, который путешествовал по Чукотке в 1960-е гг. и написал об этом книгу (Мери 1984)[2].

Во всяком случае, Баликси наверняка понимал, что с канадской или американской командой ему будет очень сложно снять фильм в периферийных районах Советского Союза. Баликси, родным языком которого был болгарский, немного говорил и понимал по-русски, но этого было недостаточно для создания фильма. Ему нужна была съемочная группа, которая, с одной стороны, могла ориентироваться в советской действительности, а с другой – без проблем общаться с ним. Организаторы Пярнуского фестиваля подходили и по первому, по второму параметру. И Леннарт Мери, и Марк Соосаар были опытными режиссерами, снимавшими в разных частях Советского Союза. Они свободно говорили по-русски и по-английски, и это было важным преимуществом, потому что в то время знание иностранных языков не было распространено среди советских граждан, включая кинематографистов.

Нам неизвестны подробности переговоров между Асеном Баликси и его эстонскими коллегами. Леннарт Мери умер в 2007 г., а Марк Соосаар утверждает, что уже не помнит событий, связанных с эскимосским проектом. Но, вероятно, именно Соосаару пришлось помогать Баликси, поскольку он был президентом Союза кинематографистов Эстонии и основателем Ээсти Культуурфильм (Eesti Kultuurfilm), одной из первых независимых кинокомпаний в Эстонии и Советском Союзе. Конец 1980-х был временем, когда советская экономика начала медленно экспериментировать с рыночными подходами. Эстония, будучи небольшой и относительно эффективной советской республикой, являлась своего рода испытательным полигоном для советских чиновников. Многие экономические и социальные реформы проводились сначала в Эстонии (а также в Латвии и Литве), а затем и в других частях Советского Союза. Так было и в киноиндустрии. Компания Ээсти Культуурфильм была основана в мае 1988 г. До этого в Эстонии существовали только государственные киностудии Таллинфильм (Tallinnfilm) и Ээсти Телефильм (Eesti Telefilm). Целью Ээсти Культуурфильм было производство фильмов, которые не зависели от государственных субсидий и,

следовательно, не контролировались управляющими структурами. Совместное производство продукции с западными компаниями и разделение прибыли от продаж на международном рынке должны были стать способом получения доходов. Мадис Микко (Madis Mikko), который работал координатором эскимосского проекта в Ээсти Культуурфильм, вспоминает, что вначале студия существовала в основном на бумаге, у нее не было ни киноаппаратуры, ни монтажного оборудования. Поэтому неудивительно, что Ээсти Культуурфильм был выбран в качестве партнера для производства нового эскимосского фильма. Было решено, что Баликси предоставит камеру и кинопленку, а Ээсти Культуурфильм организует и профинансирует съемочную группу и поездку на Чукотку (рис. 1).

Рис. 1. По дороге в Сиреники. На переднем плане Асен Баликси. 1989 г. Фото Арво Ихо

Арво Ихо и визуальная антропология

По словам Арво Ихо, он был выбран оператором эскимосского фильма в результате своеобразного конкурса, организованного Марком Соосааром. Он показал Баликси несколько фильмов, снятых разными эстонскими кинематографистами, чтобы тот смог решить, с кем из них работать на Чукотке. Ихо только что закончил игровой фильм «Наблюдатель» (1987), снятый на Белом и Баренцевом море и рассказывающий о болезненных отношениях между русской лесничей и молодым эстонским орнитологом, живущих на изолированном острове. Фильм поль-

зовался успехом и получил награды в Карловых Варах и на других фестивалях. «Наблюдатель» был сольным режиссерским дебютом Ихо, до этого он работал в качестве оператора и сорежиссера в разных проектах. Фильм был снят небольшой командой в условиях суровой арктической природы и по стилистике напоминал документальное кино. Ихо считает, что именно поэтому Баликси выбрал его. Кроме того, Ихо владел английским, что также повлияло на решение.

Эскимосский проект был очень важен для Ихо. Даже более чем через 30 лет после поездки на Чукотку, во время нашего с ним интервью, я мог почувствовать его тогдашний искренний энтузиазм и желание попробовать новые способы кинопроизводства. Он мало знал о визуальной антропологии, но очень хотел учиться. Как и многие другие эстонские кинематографисты, он был очарован фильмами, которые увидел на Пярнуском фестивале. Для него было откровением, что фильмы на этнографическую тематику могут быть такими интересными и увлекательными, такими живыми. Было удивительно, насколько они отличались от так называемых этнографических фильмов, которые в основном снимались на базе музеев. В Эстонии главным их производителем являлся национальный музей, с начала 1960-х гг. под руководством директора Алексея Петерсона (Aleksei Peterson) там было сделано множество такого рода работ. По словам Петерсона, это было единственное такое место в Советском Союзе. Поскольку право снимать фильмы было только у государственных киностудий, Петерсону надо было полуофициально доставать съемочное и монтажное оборудование. Фильмы были сняты на 35-миллиметровую пленку, сопровождались закадровым комментарием дидактического характера и были сосредоточены на традиционном образе жизни эстонцев и других финно-угорских народов, в частности на их материальной культуре. Петерсон настаивал на объективном и научном подходе к съемкам, для него основной целью этнографического кинопроизводства была документация исчезающих обычаев и традиций. В большинстве фильмов демонстрировались традиционные занятия, разрушенные «социально-экономическим прогрессом», хотя многие фильмы были сняты в реальных ситуациях и являлись историческими реконструкциями только на словах (Niglas, Toulouze 2010).

Помимо Эстонского национального музея, этнографические фильмы производили еще два эстонских учреждения – Таллинфильм и Ээсти Телефильм. С этими учреждениями сотрудничали в 1970–1980-е гг. Марк Соосаар и Леннарт Мери, два режиссера, которые, вероятно, больше всего связаны с этнографическим кинопроизводством в Эстонии. Оба они предпочитали более художественный подход к этнографической тематике, чем Петерсон. Документальные фильмы Соосаара, деланные в основном на островах Западной Эстонии, характеризова-

лись сильной художественной позицией и провокационным использованием камеры. Фильмы Леннарта Мери, снятые в разных финно-угорских регионах Европы и Сибири, были посвящены родству финно-угорских народов. В его фильмах киноизображения были подчинены поэтическому закадровому комментарию и отличались своеобразной трактовкой истории.

Арво Ихо, как профессиональный оператор и режиссер игровых фильмов, по натуре склонялся не к научному, а к художественному подходу к реальности. Но в интервью он признает, что, просматривая «как хороший ученик» один фильм за другим на Пярнуском фестивале, он осознал, как много можно узнать о культуре, просто наблюдая за повседневной жизнью. Когда Баликси попросил его стать оператором эскимосского фильма, он охотно согласился. Они обсуждали будущий кинопроект около недели, Баликси рассказывал, Ихо слушал. Для Ихо идея визуальной антропологии была «очаровательной», это был совершенно новый и увлекательный способ создания фильмов, и он стремился изучить ее принципы и методологию. Баликси объяснил, что им нужно снять один более длинный фильм (максимум двухчасовой) для фестивалей визуальной антропологии и несколько более коротких фильмов о культурных обычаях эскимосов для его лекций в университете. Баликси повторял, что их цель – «показать, а не рассказать». Он хотел, чтобы фильм был бы основан на наблюдении, а не на интервью.

Рис. 2. По дороге в Сиреники. Арво Ихо. Фото Марта Мягера

Ихо нетерпеливо ждал начала съемок, он любил Север и стремился снова там работать. Он никогда не был на Чукотке и очень хотел познакомиться с экзотической культурой эскимосов. Ихо заключил контракт с Ээсти Культуурфильм, который обещал заплатить ему за работу 1 000 американских долларов, для советского человека это были большие деньги в конце 1980-х гг., тем более что курс иностранной валюты на черном рынке был намного раз выше официального (см. рис. 2).

Съемки на Чукотке

Летом 1989 г. Асен Баликси приехал в Эстонию с камерой Arriflex 16 BL и чемоданом, полном 16-миллиметровой кинопленки. Ихо попросил Марта Отса, опытного звукооператора, присоединиться к съемочной группе. Он также пригласил Марта Мягера (Mart Mäger) в качестве помощника оператора. Март Отса вспоминает, что перед поездкой в Ээсти Культуурфильм ему выдали 3–4 бумажных листа со списком людей и учреждений, к которым можно обратиться за помощью, и деньги на всю поездку наличными. В конце августа съемочная группа отправилась поездом из Таллина в Москву. Из Москвы они вылетели в Анадырь, столицу Чукотки, а оттуда в поселок Провидения в Беринговом проливе. Они провели там три дня, чтобы организовать транспорт в Сиреники и адаптироваться к смене часовых поясов (съемочная группа находилась в 9 000 км и за 11 часовых поясов от Эстонии).

В Провидение произошло событие, которое сыграло важную роль в фильме. Умерла эскимоска по имени Устина Ивановна, которая была важной фигурой в местной коммунистической иерархии. И 29 августа местные власти устроили ее похороны, превратившиеся в публичное мероприятие. Группа вела съемки в зале городского совета, где люди собрались, чтобы отдать последние почести старой коммунистке, и на городском кладбище. Эти эпизоды были включены в начало и конец фильма и задали тон всей картине, символизируя хрупкость эскимосской культуры, разрушающейся под давлением коммунистической идеологии. Первое, что Ихо снял на Чукотке, был туман, надвигавшийся на бухту Провидения. Проснувшись среди ночи из-за разницы во времени, он снял это прямо через открытое окно своего гостиничного номера. Этот кадр и стал первым в фильме.

Сестра Ихо работала в пищевой лаборатории рыболовной компании, и она предоставила съемочной группе восемь жестяных банок с чистым спиртом, замаскированным под рыбные консервы. В период горбачевской антиалкогольной кампании это была ценная валюта на российских окраинах. За четыре банки спирта съемочная группа взяла в аренду вездеход, чтобы добраться через тундру до Сиреники, которая расположена в 40 км от Провидения. Первые три дня там они знакомились с

деревней и искали сюжеты для съемки. Ихо сразу заметил двух мужчин, постоянно наблюдавших за ними издалека. Он считает, что эти люди были из КГБ. Сиреники расположена в закрытой приграничной зоне, меньше чем в ста километрах от острова Святого Лаврентия (США), присутствие съемочной группы, в которую входил иностранец, могло быть достаточным основанием для слежки.

Баликси составил общий список событий и видов деятельности, которые нужно было заснять. Как профессиональный оператор, Ихо должен был планировать время, чтобы получить наиболее выигрышные кадры конкретных объектов или деятельности, ему приходилось учитывать положение солнца в разное время дня и заранее продумывать свою работу в деталях. Предполагалось делать не менее двух съемок в день, утром и во второй половине дня, но планы могли меняться в зависимости от погодных условий.

В Сиреники команда проработала почти три недели. Каждое утро они выходили на съемки, делали перерыв на обед в столовой, немного отдыхали в своих комнатах, а затем снимали следующий сюжет. По вечерам Баликси и Ихо обсуждали планы на следующий день. Ихо настаивал на проработке всех деталей съемки, потому что чувствовал огромную ответственность: «Здесь был иностранный профессор, и я должен был гарантировать отснятый материал с максимальным качеством».

Немецкая камера Arriflex 16 BL, которую Баликси привезл из Канады, весила 11–13 кг и имела объектив с пятикратным увеличением. Это была не лучшая камера для съемки с рук, тяжелая и неустойчивая. Ее было трудно удерживать на плече, потому что кассеты с пленками располагались сверху камеры, а не сзади. По возможности Ихо использовал штатив для съемки, он хотел получить стабильные, хорошо скомпонованные и четко сфокусированные изображения наилучшего качества. Ему помогал ассистент Март Мягер, он носил тяжелый штатив и при необходимости настраивал фокусировку, особенно когда они снимали сложные панорамы. Но основная функция помощника оператора заключалась в перезагрузке кассет новой пленкой. У них было три кассеты для катушек с пленкой на 15 минут съемки каждая, и Ихо настаивал, чтобы две загруженные кассеты всегда были наготове. Когда Ихо рассказывает о съемках, можно представить то огромное удовольствие, которое он испытывал, используя недоступную для советских кинематографистов пленку «Кодак». В Советском Союзе фильмы, как документальные, так и игровые, снимались почти исключительно на советской кинопленке «Свема», ненадежной из-за низкого качества. Ихо еще не приходилось снимать весь фильм на «Кодак», для своих фильмов он иногда покупал ее только для самых сложных эпизодов. Уверенность в хорошем качестве изображения превратила эти дни для него в «праздник»: «Снимать на “Кодак” было одно удовольствие. Мне это очень

нравилось, потому что я точно знал, как это будет выглядеть на экране. Мне не приходилось передерживать полторы точки, чтобы получить правильные цвета» (рис. 3).

Рис. 3. Съемка расчленения китов в Сиренике. Арво Ихо с камерой, Март Мягер со штативом. 1989 г. Фото Марта Отса

Съемочная группа старалась снимать события и действия эскимосов максимально точно и подробно, при этом как можно меньше беспокоя участников фильма. По словам Ихо, большая часть материала была результатом чистого наблюдения, при этом не было никакого вмешательства в естественное поведение эскимосов во время съемок. В фильме есть только пара эпизодов, где можно почувствовать присутствие камеры. Один из таких редких моментов, это когда пожилая женщина по имени Анкана демонстрирует традиционную непромокаемую куртку, сшитую из высушенных кишок моржа, и улыбается в камеру. В фильме также есть одно короткое интервью с главой сельсовета, ставшее результатом спонтанных и провокационных вопросов Ихо о ситуации с культурным наследием и знанием родного языка. Кроме этих двух эпизодов, присутствие камеры в фильме практически незаметно. По словам Ихо, все необходимое общение с участниками осуществлялось им самим. Поначалу Баликси инструктировал его и делал замечания, но понаблюдав за работой Ихо, он убедился, что в его вмешательстве нет необходимости. Баликси и Ихо, как было отмечено ранее, подробно обсуждали заранее съемку эпизодов. В связи с этим Баликси обычно не

принимал активного участия в съемках, иногда он бывал занят другими делами и вообще не присутствовал в эти моменты (рис. 4).

Авторы фильма стремились показать, как эскимосская община функционирует в советских условиях. В видеоинтервью 2016 г. Баликси сказал, что его целью было «изучить село Сиреники глазами канадских эскимосов». Он хотел выяснить, чем Сиреники отличаются от эскимосской деревни в Канаде. Баликси подчеркивал, что советские власти обеспечили село всем необходимым: центральным отоплением, школой, больницей, механической мастерской, заводом по производству китового жира и т. д. Но бытовые условия жизни сибирских эскимосов были скромнее, чем в районе Белли-Бэй в Канаде.

Съемочная группа в своей работе сосредоточилась в основном на повседневной жизни села. Снимали на улицах и на берегу, где протекала основная деятельность охотников на морских млекопитающих. Они также снимали в школе и магазине, в здании совхоза и сельсовета. Одним из самых сложных эпизодов для съемок была охота на моржа на традиционной эскимосской лодке байдаре. Это была одна из тех ситуаций, когда камера Arriflex 16 BL оказалась непрактичной, так как было сложно удерживать равновесие в движущейся лодке. Ихо вспоминает, что во время съемок ему пришлось зажать ступни между рамкой и кожным покровом байдары, чтобы не выпасть в море.

По словам Ихо, Баликси настаивал на том, чтобы в фильме обязательно были затронуты три сюжета, уникальные и не характерные для повседневности канадских эскимосов. Первым было использование труб центрального отопления в качестве тротуаров. Вторым было присутствие коров и свиней в арктической среде. Это было странно, потому что пищу для животных приходилось привозить за тысячу километров. И, наконец, его интересовали функции правления совхоза как главного компонента в социальной структуре сообщества. Баликси хотел продемонстрировать процесс принятия решений и то, как ежедневные задачи распределяются между рабочими.

Во время трехнедельного пребывания в Сирениках произошло несколько важных событий, которых участники съемочной группы не предвидели, но смогли снять. Одним из них было расчленение двух китов (рис. 5). Китовое мясо традиционно являлось важным источником пищи и минералов для эскимосов, но им не разрешалось бить морского зверя из-за международных ограничений. Только раз в год государственное китобойное судно доставляло в деревню одного-двух китов. Съемочная группа провела много часов, записывая на камеру снятие шкуры, расчленение и распределение мяса. Они внимательно наблюдали, как жители села отрезали от туш куски свежего мяса с толстым слоем кожи и тут же съедали их. Другим важным событием стало возвращение жителей села из США. Впервые за 50 лет советским эски-

мосам разрешили посетить своих родственников на острове Святого Лаврентия и на Аляске. 2 сентября 1989 г. те вернулись домой после трехнедельного отсутствия, привезя с собой подарки от американских родственников и ценные иностранные товары.

Рис. 4. Съемка расчленения китов в Сиренике. Справа налево: Асен Баликси, Арво Ихо, Март Оца. 1989 г. Фото Марта Мягера

Практически весь звук в фильме был записан синхронно. Ээсти Культуурфильм предоставила команде магнитофон Nagra. Март Отса, который был звукооператором фильма, использовал его с портативным микрофоном во время съемок. Он вспоминает, что в среднем использовал две-три ленты в день. Помимо синхронов, уже по собственной инициативе он записывал народные песни. Ни одна из них не была включена в фильм, но было еще одно музыкальное произведение, записанное отдельно от съемок, которое звучит время от времени на протяжение всего фильма. Ихо вспоминает, как однажды он гулял по деревне и внезапно услышал красивую, печальную и одновременно сладостную мелодию, льющуюся из окон школы. Он вошел в здание и обнаружил мужчину – бывшего немецкого военнопленного, который, сидя один в пустом классе, играл на баритоне русскую традиционную песню «Журавли». Ихо побежал в общежитие, где жила съемочная группа, и попросил Марта Оцу прийти и записать музыку. Ихо, страстный любитель джаза, был настолько очарован музыкой, что настоял на том, чтобы ее использовали в фильме, хотя она не имела никакого отношения к эскимосской культуре.

Ихо подчеркивает в интервью, что три недели, которые они провели в Сиреники, были очень напряженными. У него даже не было возможности фотографировать (рис. 5).

Рис. 5. Арво Ихо на фоне села Сиреники. 1989 г. Фото Марта Мягера

Будучи заядлым фотографом, он обычно много времени тратил на фотосъемку, когда переезжал в новое место, даже когда снимал художественные или документальные фильмы. Но в Сиреники он почти не использовал свой фотоаппарат, потому что был 100% сосредоточен на фильме. Но оглядываясь назад, и Арво Ихо, и Март Отса рассказывают, что съемки прошли на удивление гладко, без каких-либо проблем. Техника не ломалась, им хватило пленки, хотя у них было всего 30 рулонов по 124 метра пленки и даже более 20 минут остались неиспользованными.

Не было никаких конфликтов с местными жителями и проблем с властями. Отношения внутри съемочной группы также были хорошими, несмотря на большую загруженность. Между Ихо и Баликси также не было напряженности, учитывая, как нелегко делить творческую ответственность между двумя авторами фильма, это было удивительно. В результате съемочная группа смогла выполнить свою миссию раньше, чем планировала.

На Чукотке они должны были пробыть месяц или больше, но вернулись в Эстонию уже через три недели (рис. 6).

Рис. 6. Вид с кладбища на бухту Провидения. 1989 г. Фото Арво Ихо

Монтаж фильма

После возвращения с Чукотки Асен Баликси оставался в Таллине в течение нескольких недель. Киноматериал был отправлен на проявку в лабораторию в Швеции, после чего оба создателя фильма отсмотрели его целиком и Ихо приступил к монтажу. Каждый смонтированный сюжет они обсуждали и решали, в каком направлении двигаться дальше. Ихо вспоминает, что во время монтажа Баликси многому его научил в области визуальной антропологии, объясняя, как создать экранное представление чужой культуры в результате подробного и длительного наблюдения.

Монтаж фильма производился на Эстонском телевидения, это было единственное место в стране, где был специальный стол для 16-миллиметровой кинопленки. Ихо работал с Астрой Трасс (Astra Trass), ей до сих пор трудно забыть огромное количество записей со сценами разделки китов, изготовления лодок, а также сложностей с синхронизацией звука и изображения. Когда черновая сборка была почти завершена, Баликси понял, что материала достаточно для создания короткометражных фильмов о каких-то конкретных видов деятельности эскимосов. Он попросил Ихо смонтировать эти эпизоды после основного фильма. После отъезда Баликси Ихо доделывал фильмы самостоятельно. Окончательная версия основного фильма длилась более часа. Рабочая копия фильма и весь киноматериал были доставлены в Канаду директором Ээсти Культуурфильм, который по возвращении сообщил, что фильм решено сократить.

Ранней весной 1991 г. Ихо пригласили в Монреаль, поездка стала наградой за работу над фильмом. В течение недели, которую Ихо провел в доме Баликси, он посетил лекции в университете, посмотрел фильмы, снятые учениками Баликси и профессиональными канадскими режиссерами, побывал в местной телекомпании и встретился там с коллегами. Но ему не удалось познакомиться с Патрисом Сове (Patrice Sauvé), который занимался окончательным монтажом фильма. По словам Сове, Баликси привез киноматериал на киностудию «Пиксарт» (Pixart, теперь она называется «Пикском» – Pixcom) для постпроизводства, вероятно, потому что у компании был опыт работы с материалом, снятым в Советском Союзе. В 1990 г. «Пиксарт» выпустила документальный фильм о религии и духовности в СССР под названием «СССР: состояние души» (Roy 1990). Это был первый совместный канадско-советский телевизионный проект. «Хроники деревни Сиреники» тоже предназначалась для телеаудитории. В Канаде киностудии могли получить деньги за производство документального фильма только в том случае, если фильм был предварительно продан телеканалу. Мы не знаем подробности этой сделки, но можно предположить, что фильм был сделан для ARTE, поскольку он был показан в швейцарской сети канала в ноябре 1992 г. (Radio-TV 1992).

Постпроизводство фильма «Хроники деревни Сиреники» поручили Патрису Сове, ему было чуть больше двадцати лет, и он только что окончил киношколу. В то время Сове работал клерком в «Пиксарте», но все в компании знали, что он очень хочет делать фильмы, поскольку по ночам он использовал монтажное оборудование компании для работы над своими проектами. Сове ничего не знал о визуальной антропологии или этнографическом кино. Ему пришлось познакомиться с эскимосской культурой за очень короткое время, чтобы работать над материалами фильма. Сове также вспоминает, что ему и его монтажеру пришлось изрядно потрудиться, чтобы синхронизировать кадры фильма со звуком. Они скопировали весь материал фильма на Betacam и смонтировали фильм на видео. Баликси объяснил ему характер и нарратив фильма, и они время от времени встречались, чтобы обсудить монтаж. Сове не помнит о существовании чернового монтажа Ихо, но он напоминает, что было очень легко выявить повествовательную структуру для фильма, поскольку история явно прочитывалась в самих кадрах. Фильм был рассчитан на 56 минут, в соответствии с телевизионным форматом (Sauve 1990).

Сове заметил, что кадры были сняты без упора на повествование. Было много материала, передающего подробное наблюдение за конкретными действиями, с достаточным количеством кадров, необходимых для монтажа эпизодов (установочные кадры, крупные планы, перебивки и т.д.), но почти не было кадров, которые можно было бы ис-

пользовать как связи между различными сюжетами. Можно предположить, что Ихо пытался сосредоточиться на наблюдении, а не на создании сильного нарратива. Как неоднократно настаивает Ихо в своем интервью, он прислушивался к тому, что говорил Баликси, и старался как можно лучше следовать правилам визуальной антропологии. Ихо остался доволен окончательным монтажом фильма. Ему понравилось, что фильм стал более компактным и последовательным, он понимал, что его версия была слишком затянутой и что некоторые эпизоды могли быть более плотными. Ему также импонировало, как Патрис Сове использовал в фильме архивные материалы и кадры эскимосского косторезного искусства.

В 2001 г. Ихо сделал эстонскую версию «Хроник деревни Сиреники» для показа на местном телевидении. Сам фильм он не перемонтировал; просто перевел закадровый комментарий на эстонский язык и добавил несколько собственных предложений. Он хотел придать комментарию более «субъективный» вид, сделать его «живее». Поэтому он решил записать его своим голосом. Сначала Ихо пытался использовать профессиональных актеров для озвучивания комментария, но потом понял, что это сделает закадровый голос слишком официальным и искусственным. Его целью было включить голос человека, участвовавшего в процессе создания фильма.

Судьба короткометражных фильмов о разных видах деятельности эскимосов, смонтированных Ихо, неизвестна. Баликси сказал ему в Монреале, что он использует эти сюжеты на уроках антропологии. Патрис Сове впервые услышал об их существовании во время нашего с ним интервью.

Фильм для телевидения

Фильм под названием «Хроники деревни Сиреники» был закончен в 1990 г. Его показывали на нескольких кинофестивалях и конференциях, в том числе на кинофестивале им. Маргарет Мид в США, в Музее прав человека в Канаде, на Фрайбургском кинофоруме, на ежегодном собрании Американской антропологической ассоциации. Ихо представлял фильм на фестивалях в Пярну и в Хельсинки. Фильм демонстрировали и по телевидению в Швейцарии, Германии, странах Скандинавии (Laugrand 2016; Radio-TV 1992). Когда Ихо был в Монреале, ему сказали, что фильм был продан в 34 страны. Количество стран настолько велико, вероятно, потому что он был показан в сети ARTE по всему миру. Но несмотря на это, рассказывая о «Хрониках» в 2016 г., менее чем за три года до своей смерти, Баликси казался разочарованным судьбой фильма. Он не мог понять, почему этот «очень интересный фильм» не получил лучшего приема и был почти забыт спустя 26 лет после выхода.

При просмотре «Хроник деревни Сиреники», предназначенных для телеаудитории, можно понять, почему фильм не оказал такого же влияния на визуальную антропологию, как некоторые другие этнографические фильмы, сделанные в начале 1990-х, например «Темпус бариста» Дэвида МакДугалла (David MacDougall) (1993) или «Освобождение духов» Тимоти Эша (Timothy Asch) (1991). Необходимость адаптироваться к требованиям телевещания могла быть одной из причин, по которой фильм не имел такого успеха среди визуальных антропологов.

Особенно очевидным телевизионное влияние было при использовании закадрового комментария. Хотя Баликси настаивал на том, чтобы «показывать, а не рассказывать», окончательный фильм во многом опирается на текст, прочитанный профессиональным диктором. И Ихо, и Сове подтвердили, что комментарий был написан самим Асеном Баликси. Комментарий информативен и легко понимается зрителями. В нем объясняется жизнь сибирских эскимосов в советской реальности во времена политических перемен. Он антропологический по содержанию и публицистический по форме, вполне соответствующий информационным задачам. Но использование закадрового комментария, стандартного для телевизионного формата, проблематично в этнографическом кино. Ничто не стареет так быстро, как дикторский текст. Оправданный на момент написания, он может показаться претенциозным и патерналистским 30 лет спустя. Основная проблема с закадровым комментарием заключается в том, что он воплощает собой «голос всезнающего бога». Зрителям предоставляются информация и объяснения в манере «отдаленной от опыта», поскольку текст комментария не выражает опыт конкретного человека, будь то участник или автор фильма. (Henley 2004: 112–113) Поскольку дикторского текста в «Хроники деревни Сиреники» очень много, он затмевает все остальное. И хотя в фильме есть некоторые сильные персонажи, мы с ними по-настоящему не встречаемся. Помимо интервью с главой сельсовета и нескольких коротких диалогов, у участников фильма слишком мало возможностей «говорить самим за себя» (Ruby 1991). Голос за кадром не только объясняет, что происходит на экране, но и напрямую направляет зрительскую интерпретацию фильма. Возможно, поэтому он мог показаться пропагандистским. Когда Баликси и Бэджер показали фильм в 1991 г. в Казыме, это вызвало жаркий спор среди участников семинара, некоторые из них считали, что в фильме присутствует антисоветская пропаганда (Balikci, Badger 1995: 46–47, Данилко 2017: 102).

Можно предположить, что если бы фильм не был сделан для телевидения, в нем не было бы заранее заданной формы и зрителям было бы позволено сделать собственные выводы из увиденного. Вместо построения структуры фильма вокруг закадрового комментария, можно было бы больше внимания сосредоточить на спонтанном взаимодей-

ствии между героями и, возможно, даже на их отношениях с создателями фильма. Такого материала было достаточно, поскольку Ихо сумел смонтировать из этого материала ряд коротких фильмов. На мой взгляд, «Хроники деревни Сиреники» могли бы выдержать испытание временем лучше, если бы использованный в нем наблюдательный подход (Henley 2004; MacDougall 1975, 1998; Young 1975) не ограничился только съемкой, но проявился бы и при монтаже.

Для Арво Ихо «Хроники деревни Сиреники» – один из лучших документальных фильмов, которые он когда-либо сделал. Это единственный из его документальных фильмов, который он показывает своим студентам в Балтийской школе кино и медиа. В своем интервью он все время повторяет, что Баликси был для него мудрым профессором, от которого он многое узнал о визуальной антропологии, и что он старался как можно лучше выполнить свою часть работы. Баликси тоже остался доволен этим сотрудничеством, в своем интервью он описывает Ихо как «очень приятного человека» (Laugrand 2016). По словам Ихо, Баликси был заинтересован в создании вместе с ним других фильмов, но этого так и не произошло. Когда Ихо узнал, что «Хроники деревни Сиреники» имели успех на телевидении, он посчитал, что его вклад заслуживает части прибыли с показов, но этого не случилось, и Ихо больше никогда не встречался с Баликси.

Заключение

О том, что всемирно известный визуальный антрополог Асен Баликси снял фильм на Чукотке, мало что известно. Об этом почти ничего не написано. И сам Баликси, обсуждая свой вклад в визуальную антропологию, не обращал на этот фильм особого внимания. Хотя «Хроники деревни Сиреники» довольно успешно шли по телевидению, он не приобрел такого статуса среди визуальных антропологов, как некоторые другие его фильмы. Воплощение проекта создания этого фильма было бы невозможным без участия эстонских кинематографистов, которые, собственно, и предложили Баликси эту идею на первом советском фестивале визуальной антропологии в городе Пярну.

Как и в других своих кинопроектах, Асен Баликси не работал на Чукотке в качестве режиссера или оператора. Он был антропологом, курировавшим создание фильма. Все остальные члены съемочной группы были из Эстонии. Очень важную роль в создании фильма сыграл Арво Ихо – оператор и режиссер игрового кино, который отвечал за операторскую и режиссерскую работу, а также за черновой монтаж фильма «Хроники деревни Сиреники».

Фильм, который был сначала смонтирован в Эстонии и завершен в Канаде, является телевизионном по основным характеристикам. Хотя

снимался он по правилам наблюденческого кино, при монтаже его структура была построена вокруг закадрового комментария. Можно предположить, что, если бы «Хроники деревни Сиреники» не был сделан для телевидения, в нем бы меньше «рассказывали» и больше «показывали». Возможно, тогда он не был бы сегодня почти забыт.

Независимо от статуса фильма в истории визуальной антропологии, «Хроники деревни Сиреники» являются ценным источником знаний о жизни сибирских эскимосов юпиков в конце советской эпохи. Как этнографический фильм он удачен, он профессионально снят и ясно передает понимание этнографической действительности авторов. Фильм заслуживает более широкого внимания среди визуальных антропологов. Это не только этнографический фильм, созданный одним из признанных классиков визуальной антропологии, но и кинопроект, который обозначил появление визуальной антропологии как нового междисциплинарного направления на стыке науки и искусства, как в России, так и в Эстонии.

Примечания

[1] В 1988 г. Асен Баликси был и в Москве, где он прочитал лекцию для сотрудников Института этнологии и антропологии РАН. Видеосъемка этой лекции, сделанная Е.В. Александровым, хранится в архиве Центра визуальной антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

[2] Книга о его путешествии на северо-восток Сибири, «Мост в белое безмолвие» (эст. «Virmaliste väraval») 1984 г. принесла Мери огромный успех в Советском Союзе. В книге Мери соединил настоящее со взглядом в прошлое, использовал материалы таких исследователей, как Витус Беринг, Джеймс Кук, Фердинанд фон Врангель, Александер фон Миддендорфф и др.

Литература

Баликси А. Второй Российский фестиваль антропологических фильмов, Салехард: обзор // Салехард 2000: сб. ст. по визуальной антропологии, посвященный II Российскому фестивалю антропологических фильмов (29 августа – 4 сентября). М., 2000. С. 5–13.

Данилко Е.С. «Казымский переворот»: к истории первого визуально-антропологического проекта в России // Сибирские исторические исследования. 2017. № 3. С. 93–112.

Мери Л. Мост в белое безмолвие. М.: Сов. писатель, 1974.

Aleksandrov E. The role of documentary filmmaking in formation of visual anthropology of Russia // EtnoAntropologia. 2018. Vol. 6 (1). P. 63–99.

Balbat M. Tutvumine: etnograafiafilmide rahvusvaheliselt festivalilt Pärnus // Sirp ja vasar. 1987. 6 november. № 45. P. 12.

Balbat M. Pärnu filmifestivali kümme aastat // Kultuurileht. 1996. № 26. P. 16–17.

Balikci A. Anthropology, film and the Arctic peoples: The first Forman lecture // Anthropology Today. 1989. № 5 (2). P. 4–10.

Balikci A. The Netsilik Film Series // Visual Anthropology: Published in cooperation with the Commission on Visual Anthropology. 2009. Vol. 22 (5). P. 384–392. DOI: 10.1080/08949460903187196

Balikci A., Badger M. Siberian Seminar: In the village of Kazim, activists learn to portray their own culture with video // Cultural Survival Quarterly Magazine. March 1992.
Henley P. Putting film to work: Observational cinema as practical ethnography // Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography / Ana Isabel Alfonso, Laszlo Kurti, Sarah Pink (eds.). London: Routledge, 2004. P. 101–119.
MacDougall D. Beyond observational cinema // Principles of Visual Anthropology / Paul Hockings (ed.). The Hague: Mouton, 1975. P. 109–124.
MacDougall D. Transcultural cinema. Princeton: Princeton University Press, 1998.
Naumović S. Asen Balikci (1929–2019): Remembering an extraordinary man and the type of approach to visual anthropology that he personified // 28th International Festival of Ethnological Film. Belgrade: Ethnographic Museum in Belgrade, 2019. P. 15–38.
Niglas L., Toulouze E. Reconstructing the past and the present: the ethnographic films made by the Estonian National Museum (1961–1989) // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2010. Vol. 4 (2). P. 79–96.
Radio-TV // L'Impartial. 1992. 4 nov. P. 26–27.
Ruby J. Speaking for, speaking about, speaking with, or speaking alongside – An anthropological and documentary dilemma // Visual Anthropology Review. 1991. Vol. 7 (2). P. 50–67.
Young C. Observational cinema // Principles of Visual Anthropology / Paul Hockings (ed). The Hague: Mouton, 1975. P. 99–113.

Фильмография

Asch, Timothy; Asch, Patsy; Connor, Linda 1991. Releasing The Spirits: A Village Cremation In Bali, 43 min. Documentary Educational Resources.
Balikci, Asen; Brown, Quentin 1967. Netsilik Eskimo series, 630 min, Documentary Educational Resources.
Husmann, Rolf; Kruger, Manfred 2009. The Professional Foreigner: Asen Balikci And Visual Ethnography, 60 min. Documentary Educational Resources.
Iho, Arvo 1987. Vaatleja, 89 min, Tallinnfilm.
Iho, Arvo 2001. Sireniki kroonika, 56 min. Cumulus Projekt.
Laugrand, Frédéric Benjamin 2016. Asen Balikci. Livre 16. Le film ethnographique <...> sous le patronage de M. Mead. Anthropologie et Societes, 15 juin 2016. https://www.anthropologie-societes.ant.ulaval.ca/asen-balikci-livre-16-le-film-ethnographique-sous-le-patronage-de-m-mead
MacDougall, David 1993. Tempus de Baristas (100 min). Berkeley Media.
Roy, Patrice 1990. URSS: État d'Âmes, 50 min. Pixart Inc.
Sauvé, Patrice; Balikci, Asen 1990. Chronique de Sireniki, 56 min. Eesti Kultuurfilm, Productions Pixart.
Turin, Mark 2003. Asen Balikci interviewed by Mark Turin in Gangtok, Sikkim, India, 11th January 2003 – Part 3. https://www.youtube.com/watch?v=vHD3TfoMApw

Статья поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Liivo Niglas

'CHRONICLES OF SIRENIKI': A VIEW FROM ESTONIA*

DOI: 10.17223/2312461X/30/5

Abstract. The article describes the making of the ethnographic film 'Chronicles of Sireniki' (1990). It explains how the world-renowned Canadian visual anthropologist Asen Balikci ended up in a small Eskimo village in the north-eastern corner of Siberia with a team of Estonian filmmakers at the end of the Soviet era, and how they made a film which, before it was

forgotten, was shown at ethnographic film festivals and on television around the world. The article is based on a series of interviews with the people who participated in the filmmaking process and is an attempt to reconstruct the story behind the making of the film almost 30 years after. The main source for the article is an interview with Estonian filmmaker Arvo Iho, who was the cameraman and director of the film.
Keywords: visual anthropology, ethnographic film, Yupik Eskimos, Chukotka, Asen Balikci, Arvo Iho

*This work was supported by the University of Tartu (grant No. PHVKU19913) and the Kindred Peoples' Programme, Republic of Estonia (grant No. 889).

References

Balikci A. Vtoroĭ Rossiiskii festival' antropologicheskikh fil'mov, Salekhard: obzor [2nd Russian Anthropological Film Festival, Salekhard: A review]. In: *Salekhard 2000. Sbornik statei po vizual'noi antropologii, posviashchennyi II Rossiiskomu festivaliu antropologicheskikh fil'mov (29 avgusta – 4 sentiabria)* [Salekhard 2000. A collection of papers on visual anthropology, dedicated to the 2nd Russian Anthropological Film Festival (29 August – 2 September)]. Moscow, 2000, pp. 5–13.

Danilko E.S. "Kazymskii perevorot": k istorii pervogo vizual'no-antropologicheskogo proekta v Rossii ['The Kazym revolt': On the history of the first visual anthropology project in Russia], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 3, pp. 93–112.

Meri L. *Most v beloe bezmolvie* [A bridge to the white silence]. Moscow: Sovetskii pisatel', 1974.

Aleksandrov E. The role of documentary filmmaking in the formation of visual anthropology in Russia // EtnoAntropologia. 2018. Vol. 6(1). P. 63–99.

Balbat M. Tutvumine: etnograafiafilmide rahvusvaheliselt festivalilt Pärnus, *Sirp ja vasar*, 1987, 6 november, no. 45, pp. 12.

Balbat M. Pärnu filmifestivali kümme aastat, *Kultuurileht*, 1996, no. 26, pp. 16-17.

Balikci A. Anthropology, film and the Arctic peoples: The first Forman lecture, *Anthropology Today*, 1989, no. 5(2), pp. 4–10.

Balikci A., Badger M. Siberian seminar: In the village of Kazim, activists learn to portray their own culture with video, *Cultural Survival Quarterly Magazine*. March 1992.

Balikci A. The Netsilik film series, *Visual Anthropology*: Published in cooperation with the Commission on Visual Anthropology, 2009, Vol. 22:5, pp. 384–392. DOI:10.1080/08949460903187196

Henley P. Putting film to work: Observational cinema as practical ethnography. In: *Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography*. Ana Isabel Alfonso, Laszlo Kurti, Sarah Pink (eds.). London: Routledge, 2004, pp. 101–119.

MacDougall D. Beyond observational cinema. In: *Principles of Visual Anthropology*. Paul Hockings (ed.). The Hague: Mouton, 1975, pp. 109–124.

MacDougall D. *Transcultural cinema*. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Naumović S. Asen Balikci (1929–2019): Remembering an extraordinary man and the type of approach to visual anthropology that he personified. In: *28th International Festival of Ethnological Film*. Belgrade: Ethnographic Museum in Belgrade, 2019, pp. 15–38.

Niglas L., Toulouze E. Reconstructing the past and the present: The ethnographic films made by the Estonian National Museum (1961–1989), *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2010, Vol. 4(2), pp. 79–96.

Radio-TV, *L'Impartial*, 1992, 4 nov., pp. 26–27.

Ruby J. Speaking for, speaking about, speaking with, or speaking alongside – An anthropological and documentary dilemma, *Visual Anthropology Review*, 1991, Vol. 7(2), pp. 50–67.

Young C. Observational cinema. In: *Principles of Visual Anthropology*. Paul Hockings (ed). The Hague: Mouton, 1975, pp. 99–113.

УДК 316.7
DOI: 10.17223/2312461X/30/6

СЪЕМКИ УДМУРТСКИХ ОБРЯДОВ В БАШКОРТОСТАНЕ: ОТ ПРОЕКТА ДО DVD*

Ева Тулуз,
Лийво Ниглас

Аннотация. Представлен полевой опыт нашей исследовательской команды, работающей в удмуртских деревнях Татышлинского района Республики Башкортостана с 2013 г. Цель исследования – анализ современных религиозных практик закамской группы удмуртов, которой не коснулась евангелизация. У закамских удмуртов сохранились в полной преемственности или с перерывами анимистические моления. Заметим, что с начала 1990-х гг. здесь начались интенсивные процессы ревитализации, которые охватили все удмуртские деревни Башкирии. Неотъемлемой частью нашего исследования была видеосъемка. Еще до начала работы в поле мы осознавали, что визуальный аспект должен находиться в центре нашей деятельности. Рассматривается весь процесс исследования – от разработки концепции до создания публичных материалов. Описывается, как начиналась работа у закамских удмуртов, какие происходили изменения внутри команды, какие принципы управляли съемкой и монтажом; комментируется рецепция подготовленных в рамках проекта четырех фильмов.

Ключевые слова: визуальная антропология, наблюденческое кино, закамские удмурты, религиозные практики, моленья

Введение

В настоящей статье представлен полевой опыт исследовательской команды, работающей в деревнях Татышлинского района Республики Башкортостана с 2013 г. Целью нашего исследования был анализ современных религиозных практик самой восточной этнографической группы удмуртов – закамской, которой не коснулась евангелизация. Вследствие разных исторических причин у закамских удмуртов сохранились, в полной преемственности или с некоторыми перерывами, частные и общественные моления. Заметим, что с начала 1990-х гг. здесь начались интенсивные процессы ревитализации, которые охватили все удмуртские деревни Башкирии. Неотъемлемой частью нашего исследования была видеосъемка. Еще до начала работы в поле мы осознавали, что визуальный аспект должен находиться в центре нашей деятельности по двум важным этическим причинам. Во-первых, мы хотели оставить материалы местным сообществам, во-вторых, рассказать о

* Статья подготовлена при поддержке Тартуского университета (грант № PHVKU19913) и Программы родственных народов Эстонии (грант № 889).

современном «языческом» молении людям, имеющим об этом лишь самое отдаленное представление. В современном мире, где основная часть информации передается через визуальные образы, такой подход все еще остается редким. В статье рассматривается весь процесс нашего исследования – от разработки концепции до создания публичных материалов.

В рабочую команду сначала вошли трое ученых. Инициатор проекта, Ева Тулуз, – французский антрополог, проживающая в Эстонии. Она защитила диссертацию по удмуртской письменности (2002) и была уже знакома с удмуртской культурой, хотя и не в народной ее версии. В начале проекта Ева не знала удмуртского языка, и пока уровень ее владения удмуртским недостаточен для полевых исследований на языке информантов, к тому же местный диалект сильно отличается от литературного языка. Она пригласила к сотрудничеству коллегу из Тартуского университета, Лийво Нигласа, антрополога и режиссера фильмов, снятых как в России, так и в других странах мира. Третьим ученым стал этнограф из Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева в Уфе Ранус Садиков, который является не только специалистом по удмуртской религии, но и уроженцем этих мест.

В последующие годы к ним присоединились еще ученые, обогатившие команду своими знаниями и навыками. Это эстонский антрополог религии Лаур Валликиви и молодые ученые из Удмуртии: фольклорист Николай Анисимов и докторанты Мария Вятчина и Денис Корнилов. Последним подключился студент исторического факультета Удмуртского университета Евгений Бадретдинов. Таким образом, в настоящее время большинство членов команды проводят полевые исследования на родном языке.

От проекта до Проекта

Сначала несколько слов об объекте наших специальных исследований – этнографической группе закамских удмуртов. Она сформировалась в результате миграции с территории современной Удмуртской Республики, преимущественно из южных ее районов. У переселенцев, территории изначального проживания которых постепенно охватывались русской колонизацией, начиная с XVI в., было, вероятно, множество причин для ухода. В памяти их потомков наиболее важным осталось лишь стремление жить и дальше по законам предков и избегать христианизации. Местные жители, – татары и башкиры, – сдавали удмуртам в аренду или продавали свои земли. Влияние тюркских соседей на удмуртов здесь очень заметно (это и местные говоры, где количество тюркских слов больше, чем в Удмуртии, и заимствования в музыке, костюме и т.д.) (Toulouze, Anisimov 2020).

Идея проведения наших исследований зародилась в 2011 г., когда Ева, будучи участницей одной летней школы, оказалась в Башкирии и ей удалось посетить местных удмуртов в д. Новые Татышлы. Там Еву тепло принял удмуртский историко-культурный центр, ей показали достопримечательности деревни, а также священное место, рассказали о религиозных практиках. Это сильно отличилось от Евиного опыта в Удмуртии, где нехристианская традиция маргинализирована. Ей захотелось узнать об этом больше, поэтому после согласования с Ранусом и Лийво, она запланировала свои полевые работы на 2013 г. в Башкирии, а Тартуский университет финансово поддержал экспедицию.

Мы приехали в Татышлинский район в начале июня 2013 г., но уже опоздали на деревенские моления, которые обычно проходят во всех 19 удмуртских деревнях данного района в один и тот же день в пятницу. В тот год деревенские моления состоялись уже в конце мая, потому что погода была теплая и людям необходимо было начинать полевые работы. Но мы жили там почти полтора месяца, и нам предоставились возможности поучаствовать в других молениях. Мы побывали на двух окружных молениях, на которые собираются по девять-десять соседних деревень: на одном внеочередном молении на празднике «День деревни» и на общем молении закамских удмуртов, *Элэн вӧсь*. Общие моления восстановились в 2008 г., в 2013 г. оно имело место в д. Кирга Куединского района Пермского края (Садиков 2010). Все эти моления Лийво снимал на камеру и с помощью Рануса сразу на месте делал первоначальный монтаж. Это позволило нам встретиться снова со жрецами, показать наши съемки и записать их реакцию. Главное, что между нами развивались доверительные отношения (рис. 1).

Мы жили в доме у Флюры Нуриевой (д. Малая Бальзуга). У Флоры умер муж, дочери вышли замуж, а сын работал на Севере. У нее было много места, и она была рада нас принять у себя. Таким образом, наша команда была вполне включена в жизнь деревни изнутри. Соседи и родственники, которые захаживали к Флоре в гости, привыкли к нашему присутствию. Можно сказать, что информанты сами приходили к нам. Соседка, бывшая учительница, собрала до нашего отъезда деревенских женщин на открытой поляне, мы веселились вместе с ними, они пели, танцевали, угощались алкоголем. Приятно, что угощение было умеренным. Таким образом Ева познакомилась с женщинами, с которыми до сих пор продолжает общаться (рис. 2).

Знакомство с таким хорошим полем решено было продолжить, и мы вернулись в декабре этого же года, чтобы снимать зимние моления. К сожалению, из-за проблем со здоровьем Ранус не смог присоединиться к нам, но мы больше не были незнакомцами для местного сообщества. В экспедиции следующего года с нами не было Рануса, но присоединился эстонский антрополог религии Лаур Валликиви.

Рис. 1. Лийво показывает новотатышлинскому жрецу Раису Рафикову свои съемки на *Мӧр вӧсь* 2013 г. Рядом с Раисом Рафиковым – Ранус Садиков. Село Новые Татышлы, Татышлинский район Республики Башкортостан. 2013 г. Фото Евы Тулуз

Рис. 2. Лийво снимает собравшихся на праздник бальзугинских женщин. Деревня Малая Бальзуга, Татышлинский район Республики Башкортостан. 2013 г. Фото Евы Тулуз

А нашей местной опорой стала Анна Байдуллина, докторант Тартуского университета. Благодаря ее помощи, мы смогли снять не только деревенское моление «нашей» деревни, Малая Бальзуга, но и моление в деревне Анны, Уразгильды, потому что она попросила местных организаторов перенести моление с пятницы на воскресенье.

Посещение этих двух молений позволило нам уточнить программу и цели. Немаловажным стало также общение с местными руководителями удмуртского сообщества, которые дали понять, что в эти годы они начали выступать за стандартизацию удмуртских религиозных практик. С одной стороны, чиновники были мало связаны с конкретными практиками, с другой – у них был перед глазами пример мировых религий, в первую очередь православия и ислама, с фиксированными ритуалами и с письменными канонами. Видимо, даже неосознанно нормы удмуртской традиции, с их вариативностью и возможными противоречиями, казались им менее привлекательными и менее престижными, чем соответствующие доминирующим религиям. Исходя из нашего опыта, даже в близких деревнях местные традиции проведения деревенских молений могут сильно различаться. Для нас это является выражением богатства удмуртской культуры, где нет канонизированных текстов, а молитвы передаются устно[1].

Мы в еще большей степени осознали, каким мощным инструментом, как для сохранения, так и для унификации традиции, может быть фильм. Ведь если мы снимаем лишь пару молений, не исключено, что именно они могут послужить основой для стандартизации остальных. Поэтому мы, не желая, чтобы даже часть этого культурного богатства была утрачена, решили, что постараемся снять все моления Татышлинского района. Тогда в каждой деревне будет зафиксирована местная традиция. Учитывая, что деревень 19, а дни молений совпадают, нам понадобилось бы 19 лет… В реальности выполнить этот план оказалось все же легче, чем мы ожидали. Во-первых, одна деревня организовала моление через неделю после остальных[2], таким образом в 2018 г. мы смогли снять два моления, как и в 2014 г. Во-вторых, на некоторые моления собираются две или три деревни, близкие географически и связанные исторически. Обычно маленькая деревня присоединяется к большой, как, например, Новые Татышлы и Майск, Нижнебалтачево и Алга, Старокалмиярово и Петропавловская и т.д. Таким образом к 2020 г.[3] нам осталось снять всего два моления (Кызыляр-Таныповка, Бигинеево-Утар-Елга). В 2016 г. к полевым исследованиям в Башкирии присоединился фольклорист Николай Анисимов (в то время – докторант Тартуского университета)[4]. Его присутствие расширило и обогатило наши исследования. Благодаря ему для нашего поля открылся мир удмуртской закамской песни. До этого мы не спрашивали специально о песнях, для нас, чужаков, не разговаривающих по-удмуртски, этот ас-

пект культуры оставался закрытым. Нам даже казалось, что здесь песни не так важны, как в Удмуртии. Местный коллега, Ранус Садиков, тоже не особо интересовался этой темой и не был любителем попеть. А Николай поет, он широко известен как талантливый эстрадный исполнитель, и люди принимали его как любимого гостя, поэтому песни зазвучали для нас в естественном обрядовом контексте.

Наши исследования становились все богаче и многостороннее. Появление Николая Анисимова[5] послужило толчком для подготовки Евой Тулуз заявки на исследовательский пятилетний грант из государственного фонда Франции[6] с участием восьми ученых из Франции, Венгрии, Эстонии и России (Удмуртия и Башкортостан). Несмотря на огромный конкурс, грант был получен. В заявке были сформулированы ожидаемые результаты нашей деятельности, они предусматривали печатные публикации и визуальный материал:

– сборник статей авторов-исполнителей проекта (под. ред. Евы Тулуз);

– научное издание текстов молитв-куриськонов, собранных у закамских удмуртов, на удмуртском языке[7]с переводом на русский и английский[8], паспортизацией и комментариями (под. ред. Евы Тулуз и Рануса Садикова);

– сборник обрядовых песен закамских удмуртов (под. ред. Николая Анисимова);

– серия документальных фильмов о молениях закамских удмуртов (отв. Лийво Ниглас).

Полевые исследования

Несколько слов о полевых исследованиях. Наша команда всегда останавливается у коренных жителей. В первые годы, как было упомянуто, мы жили у Флюры Нуриевой в д. Малая Бальзуга. В последние годы, поскольку у нас уже появились близкие друзья в регионе, стали жить у них – у Марса и Ирины Самигуловых в с. Новое Таташлы и у Анны Байдуллиной в д. Уразгильды. Это позволяет установить оптимально близкие отношения в поле, максимально полно участвовать в жизни местного населения; дает возможность встречаться с людьми не только в ситуациях, в которых мы оказываемся в центре внимания, например, когда мы идем вместе с хозяевами к кому-нибудь на день рождения, но и когда включаемся в хозяйственные работы и т.д. Мы также активно пользуемся услугами местных таксистов, что открывает еще один пласт взаимодействия. Таксисты также являются знатоками ситуации, могут конструктивно поддержать разговор с информантами, приглашают поучаствовать в семейных обрядах. В связи с этим хочется особо отметить поддержку Радика Суфиярова из д. Малая Бальзуга.

Как мы писали ранее, наша команда интересна своим междисциплинарным составом (Toulouze, Niglas 2019; Тулуз 2020). В ней есть два антрополога, этнограф, фольклорист, режиссер-оператор этнографических фильмов. Это близкие направления, однако у каждого из них разные методы и подходы. В нашей команде они взаимно обогащаются. Оригинальность команды заключается в наличии в ней и внешнего, и внутреннего взглядов на изучаемое сообщество. Трое из нас имеют долгий экспедиционный опыт в России: Лийво работал в Сибири (Ямал, ХМАО, Чукотка, Камчатка), Лаур бывал в поле у ненцев и юкагиров, у Евы тоже имеется опыт взаимодействия с народами Севера (лесные ненцы), но с 1994 г. она регулярно ездит в Удмуртию. Однако никто из нас не владеет удмуртским языком. Ранус местный, он говорит на закамском диалекте и изучает собственную культуру. Николай – удмурт из Удмуртии, закамский диалект понимает и общается с информантами на удмуртском языке[9]. Таким образом, есть разные уровни включенности в местную культуру, это также обогащает наше понимание ситуации. Хотя проблема с языком все же остается. Конечно, наши удмуртские коллеги используют в поле родной язык информантов и таким образом получают точную и богатую информацию. Большинство закамских удмуртов свободно говорят на русском языке, однако они чувствуют себя комфортнее, используя родной язык. Мы удмуртский не понимаем и зависим от наших коллег, от того, чем и каким образом они готовы поделиться. Особенно тяжело снимать, когда не понимаешь и не можешь следовать за разговором. Для Лийво это было, безусловно, препятствием. Мы общаемся с людьми по-русски, Еве бывает психологически тяжело прерывать разговор на удмуртском, чтобы задать какой-то вопрос по-русски[10]. Поэтому мы стараемся делать так, чтобы один человек задавал вопросы, а другие дополняли его после перевода коллег.

Роль фильма в проекте

С самого начала съемки молений удмуртов Башкортостана находились в центре нашего внимания. У нас, Евы и Лийво, имеется длительный опыт совместной работы в Западной Сибири, где Лийво снимал Юрия Вэллу, очень интересного человека из лесных ненцев, поэта, оленевода, активиста, защитника прав коренных народов[11]. Вместе мы написали книгу о Вэлле (Toulouze, Niglas 2019).

Мы считали своим долгом задокументировать оригинальные удмуртские обряды в силу, по крайней мере, двух причин. Во-первых, из-за их высокой культурной ценности. Обычно мировоззрения, не связанные с мировыми религиями, маргинализируются и даже игнорируются, однако нередко они несут важный этический посыл, который может дать пищу для размышлений человеку XXI в. Во-вторых, нам

хотелось сделать это для местных сообществ, чтобы они могли использовать видеоматериалы как им будет угодно – как свидетельство об истории каждой деревни, как пособие для подготовки своих жрецов и т.д.

В первый же год, когда Лийво едва открыл для себя реальность этих молений, он прямо в поле начерно смонтировал съемки и показал жрецам, чтобы задокументировать их реакции и чтобы понять, насколько корректно это было сделано. Впоследствии съемки продолжали не только Лийво, но и, в его отсутствие, Ранус, Николай, Лаур и Ева. Два раза к исследовательской группе присоединялся Денис Корнилов, режиссер из Удмуртии. Снимали не только моления, но и другие обряды, в более интимной обстановке.

С началом нового проекта следовало приступить уже конкретно к созданию фильмов. В 2017–2019-е гг. велась кропотливая работа по их подготовке. Лийво выбрал четыре моления, снятые в 2013–2017 гг., которые представляют годовой цикл так называемой новотатышлинской ритуальной группы, расселяющейся в девяти деревнях на правом берегу р. Юг. Все фильмы соединяет в серию присутствие молодого жреца д. Малая Бальзуга Фридмана Кабипьянова. Он представлен во время моления в его собственной деревне (*гурт вӧсь*), затем в качестве помощника в окружном молении в с. Новые Татышлы (*мӧр вӧсь*). Также Фридман ведет зимнее окружное моление в с. Новые Татышлы (*тол мӧр вӧсь*) и помогает в д. Кирга (*элэн вӧсь*). Было снято намного больше ритуальных событий, но на первых порах мы решили ограничиться этими четырьмя молениями и на их основе сделать четыре фильма.

Процесс съемки

Лийво использует «наблюденческий подход» к созданию этнографических фильмов, нацеленный на съемку происходящих перед камерой событий в их естественном виде (Henley 2004; Young 1975). Он не занимается с постановкой, чтобы получать самые красивые кадры, не устраивает исторических реконструкций «традиционных» обрядов в соответствии с этнографической литературой. В связи с этим, снимая удмуртские моления, Лийво руководствовался определенными принципами.

Для него было важно снимать процесс моления с начала до конца от подготовки до самого закрытия священного места и ухода жрецов. Порядок удмуртских общественных молений более или менее одинаков, независимо от их уровня[12]. Предваряет их сбор продуктов для коллективной трапезы. В разных деревнях этим занимаются дети, женщины или старики; обходя дома, они собирают крупу для каши, иногда сливочное масло. Лийво старается следовать за ними. Например, в фильме «Мӧр вӧсь: окружное моление» (продолжительность 66 минут) видно, как в д. Малая Бальзуга дети сначала идут к деревенскому жрецу.

Фридман дает мальчикам распоряжения, затем камера фиксирует передвижения детей от дома к дому. Фильм продолжает эпизод, снятый на следующий день рано утром. Мы видим, как жертвенное животное, овцу, которую покупают у кого-то из местных жителей, забирают у владельца. Тот должен также испечь хлеб, в который засовывают монету. Следующий кадр – овца в багажнике машины, Фридман едет на священное место в с. Новое Татышлы, где уже собираются жрецы и их помощники из других деревень Новотатышлинской ритуальной группы. Фридман и еще несколько человек выгружают овцу и большой котел, начинается подготовка к молению, которое будет продолжаться около восьми часов. Можно выделить две части в структуре всех удмуртских молений. Первая – это сложный и длинный процесс, продолжающийся до приготовления жертвенной каши. В это время на священном месте во время наших съемок присутствовали только жрецы, помощники, жрецы и мы, антропологи. Народ начинает подъезжать, когда каша уже готова, ею угощаются и разбирают по домам. Это вторая часть моления. В фильме показаны обе части, сохраняется описанная последовательность действий.

Лийво предпочитает снимать в одиночку, так он со своей камерой менее всего вторгается в ход обряда. Безусловно, профессиональная команда со звукооператором получила бы лучшие технические результаты, но чем больше съемочная группа, тем тяжелее ее присутствие для местного сообщества. Поэтому мы предпочитаем не использовать вторую камеру даже в ущерб полноте и детальности материала. Кроме того, тут важно отметить два обстоятельства. Во-первых, ритуальная площадка, где забивают овцу и варится каша, не слишком большая, в особенно напряженные моменты моления там сложно снимать и одному оператору, среди множества горячих котлов нужно быстро реагировать на часто неожиданные движения жрецов и их помощников. Во-вторых, присутствие двух камер в тесном пространстве потребовало бы от них синхронизации движений, следовательно, отразилось бы на спонтанности съемки, помешало бы режиссеру интуитивно приспосабливаться к ритму и настроению коллективного ритуала (рис. 3).

Спонтанность съемки очень важна для Лийво, в процессе съемки он старается смотреть на окружающую реальность через камеру. Его внимание постоянно занимает необходимость выбирать – объект, ракурс, расстояние. Он редко использует внешний LED экран камеры, ему важно точно контролировать композицию кадра и траектории движения камеры, а это легче делать, глядя в видоискатель. Также он пренебрегает возможностями зума, предпочитая приближаться к объекту самому, чтобы не потерять ощущение аутентичности в крупных планах. Лийво никогда не пользуется штативом во время съемок, стремясь гибко реагировать на действия участников, на ритм и атмосферу моления

всем своим телом. Самое главное для него, чтобы герои фильма оставались для зрителей реальными живыми существами, личностями.

Рис. 3. Пространство *Гурт вӧсь* (деревенское моление) в д. Малая Бальзуга Татышлинского района Республики Башкортостан. 2014 г. Фото Евы Тулуз

В фильме важно передать характер удмуртского моления как можно подробнее, но так как в любом случае невозможно показать все, необходимо выбрать точку отсчета, основную позицию. Обычно Лийво исходит из позиции конкретных людей, героев и старается схватить атмосферу через точку зрения кого-то из участников. В наших фильмах в центре внимания находятся жрецы и их помощники. Там и опытный Новотатышлинский жрец Раис Рафиков, который возглавляет моления в трех фильмах, там и Салим Шакиров, читающий молитвы вместе с Раисом. Но прежде всего это молодой бальзугинский жрец, Фридман Кабипьянов, который или сам возглавляет ритуал, или участвует как помощник во всех фильмах. Таким образом он превращается в настоящего героя, соединяющего линии всех четырех фильмов в единый годовой ритуальный цикл всей Новотатышлинской группы.

Во время съемки режиссер занят своим делом, а участники обряда – своим. Лийво не вмешивается в происходящее, ничего не инсценирует, он отвечает за то, чтобы не пропустить важные моменты обряда, иначе они просто не попадут в фильм, потому что он никогда не просит пере-

делать что-то специально на камеру. Это часто удивляет российских коллег, привыкших к телевизионным подходам в съемке. Благодаря такому уважительному поведению оператора, участники обряда вскоре забывают о присутствии камеры, она перестает быть чем-то внешним и становится органичной частью общего процесса. Важно не сделать камеру невидимой, а превратить ее в полноценного участника, одного из тех, кто влияет на ход и содержание события. Присутствие камеры – это призыв к диалогу, сотрудничеству, это приглашение на танец, где движения оператора совпадают с движениями участника обряда, это импровизация на двоих. В результате такой встречи появляются видеокадры, основанные скорее на физическом опыте, чем на рациональном мышлении и стратегии оператора-режиссера (MacDougall 2006; Rouch 1975).

Снимать – это значит постоянно делать выбор. В течение моления непрерывно совершаются какие-то действия. Кто-то занимается костром, кто-то колет дрова, кто-то носит воду, готовит стол, моет котлы. Собственно ритуальные действия теряются среди множества обыденных задач, необходимых для приготовления каши. Однако все они важны, потому что являются частью целого и сакрального. Поскольку невозможно находиться одновременно везде, Лииво выбирает, что именно запечатлеть на камеру в разные моменты, исходя из общей цели фильма. Он постоянно помнит об окончательном результате, о том, какое воздействие фильм произведет на будущих зрителей (рис. 4).

Конечно, непонимание языка может иногда мешать. Лийво приходится снимать гораздо больше, чем он снимал бы, если бы полноценно воспринимал вербальную информацию. Тогда он мог бы решить сразу, на что обратить внимание, исходя из нужд последующего монтажа материала. В молениях большую роль играет невербальная коммуникация, которую несложно увидеть и без знания языка, это предотвращает возможные ошибки. Но для Лийво также очень важно записывать спонтанную речь участников, чтобы показать, что моление – не только серьезный сакральный ритуал, но и собрание живых, любопытных, смеющихся и отпускающих шутки людей. Безусловно, моление – это, прежде всего, обращение к богам / жертвоприношение, но это и встреча со старыми друзьями или родственниками, приехавшими из большого города, это разговоры у котла во время помешивания каши, это пересказ новостей и анекдотов. Хотя в целом в удмуртском молении много невербального. Можно сказать следующее: чтобы по-настоящему понять его сущность, нужно сфокусировать внимание не столько на словах, сколько на действиях участников.

Передать точку зрения жрецов и их помощников – не означает, что надо задокументировать лишь то, что они делают, необходимо показать и то, что они чувствуют в это время. Содержание и ход моления не важнее его сенсорной составляющей.

Рис. 4. Лийво снимает зимнее окружное моление *Мӧр вӧсь*. Д. Алга Татышлинского района Республики Башкортостан. 2013 г. Фото Евы Тулуз

Важно понимать, какие ощущения испытывают участники на разных этапах этого долгого ритуального процесса. Как чувствует себя жрец, произносящий молитву стоя на коленях и вынужденный терпеть укусы комаров? Каково это провести много часов у котлов, помешивая густую кашу и вдыхая дым остров? Какие чувства владеют мужчинами, когда они раскладывают горячую кашу по мискам или когда им удается наконец присесть на минутку, чтобы попробовать священную еду? Какие эмоции преобладают у помощника в конце тяжелого дня, когда все уже ушли, а ему нужно еще прибраться и вымыть закопченные котлы? Лишь пропустив все эти ощущения через себя, можно понять не только как люди воспринимают событие, но и почему им так важно лично участвовать в таких коллективных обрядах. Безусловно, для них без этого моления не было бы ни хорошего урожая, ни здоровых животных, ни благополучия в семье. Не было бы и возможности побыть вместе с односельчанами, солидаризироваться с ними, почувствовать себя нужным общине.

Это такое знание, которое трудно создать и выразить через письменный текст. Этнографический текст способен передавать обобщения и абстрактные знания о культуре, например о социально-культурных целях и функции моления. Фильм, наоборот, для такого рода информа-

ции не очень годится, для этого он слишком крепко привязан к реальности, может показать лишь конкретных людей в конкретном месте в течение конкретного времени. Зато фильм умеет передать зрителям ощущение присутствия, соучастия в событиях, показанных на экране. Это не значит, что они способны пережить то же самое, что и люди, которые по-настоящему участвовали в молении. Все, что автор может предложить зрителю, – это возможность сенсорной интерпретации увиденного в фильме, зрители могут догадаться об ощущениях участников. Это сенсорное знание в значительной степени не интеллектуальное, но физическое, оно формируется не в мыслях, а в телах зрителей (Pink 2006, 2007). Фильм не передает вкуса каши, запаха костра или температуры воздуха, но их можно показать таким образом, что зритель может обработать эту аудиовизуального информацию и пережить ее, исходя из личного сенсорного опыта и воображения.

Процесс монтажа и оформления

Продолжительность съемки равна реальному времени события, т.е. занимает 5–9 часов, в фильме же может использоваться лишь небольшая часть этого материала. Поэтому самый длительный и проблематичный этап в создании фильма – это монтаж. Здесь также можно выделить несколько принципов, которые были использованы Лийво Нигласом во время подготовки фильмов об удмуртских молениях.

Лийво не пользуется техникой «божьего голоса», когда содержание и выводы фильма передаются зрителям с помощью всезнающего дикторского текста. Кадры фильма должны сами говорить за себя. Действия и слова персонажей фильма – самый лучший способ рассказать историю того или другого события, объяснить происходящее в фильме. Аналитический или описательный текст можно заменить каким-то другим медиумическим способом, но особенность фильма – это визуальное изображение с естественным синхронным звуком.

Не слова, а действия лежат в центре концепции наших удмуртских фильмов. Изначально Лийво как режиссер решил отказаться от излюбленного телевизионного приема – интервью. Это, конечно, не догма, и в других его проектах он иногда задает вопросы героям фильма во время съемок. Но обычно это не формальное интервью, а спонтанная беседа или диалог между оператором и героем, цель которого – спровоцировать героя затронуть важные для него темы и обнаружить знания, таящиеся у него внутри. Но в удмуртском проекте Лийво такой возможностью не пользовался. Во-первых, это означало бы перейти с удмуртского языка на другой. Мы этого не хотели, поскольку нашей целью было сделать фильмы на удмуртском языке, чтобы почеркнуть естественность и устойчивость местной культуры и религии. Во-

вторых, нам казалось, что лучше всего при съемке живого обряда концентрироваться на действиях, а не на объяснениях людей. Как уже было сказано, мы стремились показать ход и содержание моления, а также передать ощущения его участников.

Но каким образом представить в таком наблюденческом фильме нужную информацию, чтобы зрителю был понятен исторический и социокультурный контекст удмуртских общественных молений? Что-то можно рассказать через спонтанные диалоги участников, особенно о функциях и социальной роли ритуала. Но обычно записанный материал и ритм фильма не позволяют делать этого напрямую и подробно, а только с помощью коротких фрагментов разговора и скорее через намеки, чем через объяснения. Поэтому основную справочную информацию мы решили разместить в начальных титрах фильма. Текста получилось много, и мы понимали, что это не идеальный способ для передачи информации в фильме, но надеялись, что начальные титры помогут зрителям лучше понять общественный статус, содержание и ход молениях, а также сосредоточиться на сенсорных ощущениях участников, осознать важность обряда для жрецов и рядовых членов общин.

Другой принцип, который следует подчеркнуть, хотя он кажется сегодня обязательным, вытекает из отсутствия дубляжа, это принцип естественного голоса. В наших фильмах все разговаривают на своем родном языке, зрители имеют возможность понимать звучащую речь благодаря субтитрам. Для режиссера это требует огромных усилий в сотрудничестве с кем-то, хорошо знающим язык. К субтитрам мы еще вернемся, а сейчас сосредоточимся на переводе.

Как раньше уже было сказано, в ритуале много «невербального», но слова все-таки в нем также присутствуют. Это не только обрядово-вербальная коммуникация (молитвы, приветственные формулы и т.д.). Это и спонтанная речь жрецов и их помощников во время подготовки к обряду и варки каши, их общение с друзьями, родственниками, указания, вопросы, шутки, разговоры. Если сосредоточиться только на обрядовых практиках, они не существенны, но если задаться целью исследовать и показать живой обряд, эти случайные разговоры чрезвычайно интересны. Они передают расслабленную атмосферу, выражают заботы и интересы деревенских жителей. Кстати, частично они все-таки связаны и с ритуалом. В них выражаются сомнения и размышления о том, что и как правильно делать (резать хлеб ножом или ломать руками?), показывают процесс «переговоров» и достижения консенсуса. В них могут содержаться воспоминания о бывших молениях и что на них случилось (например, как разбежались жертвенные овцы и т.д.) или как что-то раньше делалось. Они могут комментировать присутствие камеры и антропологов. Но это могут быть и просто разговоры о погоде, о семейных делах, об обыденных ситуациях. Это показывает совсем дру-

гое понимание сакральности, чем существующее в мировых религиях, когда сакральное не отделено от обыденного, профанного.

Но о чем все эти разговоры, Лийво, из-за непонимания удмуртского языка, не знает. Чтобы смонтировать фильм, ему необходимо узнать, о чем они, поэтому ему не обойтись без полного перевода. Лишь опираясь на перевод, он может компетентно приступить к работе над монтажом. Самый лучший вариант, когда перевод всего материала имеется в письменном виде с указанием таймкодов, тогда режиссер может справиться с монтажом самостоятельно. Помощь носителя удмуртского языка в этом случае потребовалась бы только на окончательном этапе монтажа, чтобы убедиться, что ни одно предложение не осталось неясным. Но осуществить такой письменный перевод для всех четырех фильмов было бы чрезвычайно трудоемкой работой, занимающей слишком много времени. Поэтому мы решили сделать иначе. Мы уже упоминали, что в 2013. г Лийво с помощью Рануса сделал первоначальный монтаж прямо в поле. Сидя перед ноутбуком в доме у Флюры, они вместе просмотрели материал и «чистили» его от ненужных и некачественных кадров. Они хотели сделать длинный рабочий вариант фильма, чтобы получить обратную связь от жрецов и выявить свои ошибки. Так, например, было сделано с материалами фильма *Мӧр вӧсь*. Но это было только начало работы над монтажом. В течение следующих пять лет Лийво и Ранус неоднократно встречались на неделю или две, когда Лийво бывал в Башкирии для съемок нового материала. Фильм монтировали в Уфе в Институте этнографических исследований, где работает Ранус, однажды Ранус приезжал в Таллин на три недели, и они работали у Лийво дома. Когда фильмы были более-менее смонтированы, Ранус сделал для всех фильмов субтитры на русском языке (рис. 5).

Даже когда язык понятен, монтаж фильма занимает у Лийво много времени и отнимает много сил. Цель монтажа – рассказать историю. Конечно, в случае фильма о ритуалах сюжет истории задан самим ритуалом. Но монтаж рассказывает, как автор видит и понимает его, он выделяет те элементы, которые позволят зрителю проследить ход обряда со всеми нюансами и подробностям, ощущениями и эмоциями.

Обычно после предварительного монтажа Лийво обращается к профессионалу, который поможет достичь максимально эффективного выражения концепции автора через монтаж. Это еще и окончательная проверка, что содержание и сообщение фильма понятны человеку, ничего предварительно не знающего о теме фильма. Цикл удмуртских фильмов ему помогал закончить опытный эстонский монтажер Марю Юхкум. Они работали над субтитрованной версией. Над фильмами работал также звукорежиссёр Март Кессел-Отса. Он почистил их от технических шумов и добавил в некоторых местах звуки природы (щебет

птиц, шум ветра, потрескивание костра), чтобы саундтрек фильма имел более естественный характер, чем позволял звук, записанный микрофоном камеры.

Рис. 5. Собрание у Фридмана Кабипьянова, жрец д. Бальзуги. Слева направо: Ева Тулуз, Светлана Мензариповна Сабянчина, Николай Анисимов, Ирина Кабипьянова, Нина Кабипьянова, Фридман Кабипьянов. Деревня Малая Бальзуга Татышлинского района Республики Башкортостан. 2016 г.

Когда окончательный монтаж был готов, можно было приступать к разработке субтитров. Оригинал было решено делать полностью на удмуртском, а субтитры использовать четырех видов – русские, английские, эстонские и французские. На основе перевода сначала делались русские подписи, потом все остальные. Это может показаться несложной работой, но каждый из вариантов требует тщательной проверки во избежание опечаток. Тем более, что в удмуртском и французском алфавите имеются нестандартные буквы. После каждой правки в листе с таймкодом приходится начинать сначала. И так для всех четырех фильмов.

Изначально предполагалось, что фильмы должны быть доступны для разных категорий зрителей. Конечно, самая важная группа – это местные общины Татышлинского района, те, кто участвовал в молениях и помогал снимать эти прекрасные обряды. Мы очень хотели, чтобы эти фильмы увидели и другие жители района и всей республики, баш-

киры, татары и русские. Знакомство с этой традицией помогло бы им осознать ее сущность и ценность для удмуртов. Конечно, мы знали, что такие фильмы заинтересуют всех удмуртов и представителей других финно-угорских народов, в том числе эстонцев. Мы хотели, чтобы фильмы были доступны и дома, и в библиотеках, и в клубах, музеях, финно-угорских обществах во всем мире. Поэтому мы остановились на формате DVD сборника. По сравнению с интернетом, это не самый удобный способ распространения фильмов, но зато, DVD диск в футляре с обложкой – это что-то реальное, то, что можно подержать в руках, хранить на библиотечных полках, продавать в музейных лавках или в книжных магазинах. Кроме того, мы могли бы раздавать диски участникам молений, дарить их во время показа фильмов в клубах или на конференциях (рис. 6).

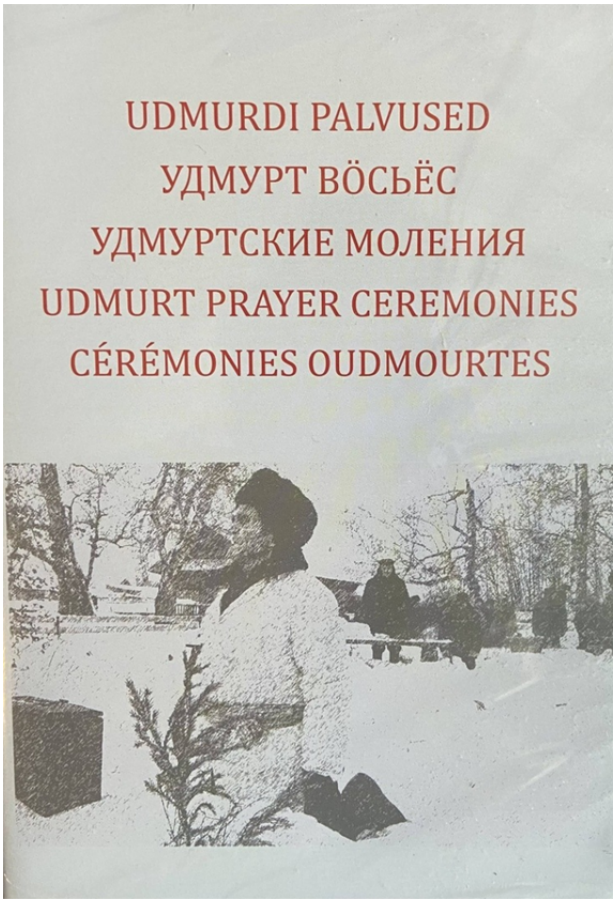

Рис. 6. Обложка DVD сборника из четырех фильмов об удмуртских молениях в Башкортостане

Но сделать DVD сборник не такое простое дело. Необходимо создать мастер-диск, графические файлы для меню и обложек кассет. Лучше, если всем этим занимаются профессионалы. К дискам нужно подготовить буклет с текстом, содержащим пояснительную информацию; текст, написанный Евой, должен быть согласован со всеми участниками проекта, к нему следует подобрать фотографии, перевести на разные языки… Благодаря поддержке фонда «Культурный капитал Эстонии» и Программы родственных народов Министерства образования и науки Эстонии, весной 2019 г. серия DVD на двух дисках с четырьмя фильмами была готова и вскоре стала доступна в главных эстонских библиотеках.

Отзывы

Этнографические фильмы очень редко доходят до широкой публики и демонстрируются в больших кинозалах, тем более фильмы о ритуалах. Их чаще показывают на фестивалях и на научных конференциях. Наши фильмы начали свою публичную жизнь задолго до выпуска в DVD формате. Как уже неоднократно упоминалось, некоторые начерно смонтированные фильмы были показаны жрецам почти сразу после молений. Но самый первый официальный показ имел место в июне 2016 г. в Самаре, во время научной конференции «Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре» (Самара, 23–24 июня 2016 г.). Ева показала фильм *«Гурт вӧсь»*. Его монтаж был практически завершен, но субтитров еще не было. Ранус сделал перевод и добавил свои комментарии, но это мешало восприятию фильма как целостного произведения. После этого опыта мы решили, что будем демонстрировать фильмы только с субтитрами.

В 2017 г. в Ижевске состоялся Конгресс антропологов и этнологов России, что дало возможность организовать показ для заинтересованной публикой в Удмуртском национальном музее им. Кузебая Герда. Зал был переполнен. Зрителям в основном понравились фильмы, но звучали не только похвалы. Для некоторых было недостаточно общих планов, показывающих пространство ритуала, кто-то даже высказался о необходимости использования дрона. Но такой прием совершенно не соответствовал бы нашему намерению показать обряд с точки зрения его участников. Другая критика была более конструктивной и полезной. Так, Альберт Разин, который сам проводил моления в Ижевске, был очень заинтересован узнать побольше о закамской традиции, он отметил, что русские субтитры не передают поэтичности текста удмуртских молитв. Это подтолкнуло нас на поиски редактора для русских субтитров. В итоге нам помогла с решением этой задачи Татьяна Григорьевна Владыкина, ведущая фольклористка в Удмуртии.

18 марта 2019 г. окончательный вариант фильма *«Мӧр вӧсь»* показали на Тартуском фестивале визуальной антропологии «Worldfilm»[13]. Здешняя публика уже привыкла к тому, что каждый фильм Лийво – это событие. Как всегда, после показа состоялся разговор с режиссером, во время которого многие, особенно зарубежные гости, задавали вопросы. В июне того же года произошло много интересных мероприятий, связанных с нашими фильмами. Например, VI Всероссийская научная конференция финно-угроведов «Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы» (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.), в рамках которой мы представили наш проект и показали один из фильмов. Присутствовало много зрителей, мы получили массу вопросов и замечаний. Марийские коллеги отметили сходство удмуртских традиций с их молениями. Известный лингвист Михаил Атаманов[14] высказал замечание, что некоторые моменты неуважительного поведения людей не следовало снимать. Фольклорист Татьяна Минниахметова[15], похвалив работу оператора, все же обратила внимание, что многие детали обряда не попали в кадр. Но в целом реакции были положительными.

Не дожидаясь конца конференции, мы съездили в Башкирию, поскольку это было как раз время молений. Мы решили организовать два показа для населения: один в помещении, расположенном ближе всего к д. Малая Бальзуга, в кафе д. Бигинеево, другой – в зале клуба с. Новые Татышлы. К сожалению, людей было мало, сезон летных полевых работ был в разгаре. Пришли в основном пенсионеры, замечаний было мало, люди уже и так общались с нами и высказывались во время съемок, жрецы тоже были знакомы с фильмами. Однако во время показа в с. Новые Татышлы присутствовавший там организатор моления *мӧр вӧсь* в другой ритуальной группе деревень Татышлинского района Гарифулла Гарифанов отметил, что он впервые увидел, как соседи проводят обряд, и понял, что различий между ними мало. Мы сделали вывод, что благодаря этим фильмам местные удмурты могут сами познакомиться с неизвестными для них аспектами их собственной культуры.

Затем фильм *«Мӧр вӧсь»* был показан в Третьяковской галерее в рамках Московского международного фестиваля визуальной антропологии «Камера-посредник». Здесь собралось много зрителей, среди которых была удмуртская молодежь, в том числе и из Башкирии. Молодые люди активно задавали вопросы и комментировали увиденное, оживленная дискуссия затянулась до середины ночи, пока служба охраны галереи не попросила нас освободить зал… Фестивальные показы были организованы на Конгрессе антропологов и этнологов России в Казани в июле этого же года, и фильм *«Мӧр вӧсь»* был показан в городском кинотеатре. Лийво успел выступить с докладом о нашем проекте на секции Конгресса, но мы уже спешили в поле и не смогли

присутствовать во время демонстрации фильма. В период с ноября 2019-го по февраль 2020 г. фильмы служили частью экспозиции в рамках выставки «Удмурты: традиции предков и моменты истории» в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге.

Таким образом, у нас была возможность показать фильмы и подарить диски как в месте, где они были сняты, так и по стране. Сейчас они продолжают жить своей жизнью. По просьбе некоторых удмуртов, особенно преподавателей вузов, которые хотели использовать их в обучении студентов во время карантина из-за пандемии коронавируса, Лийво подготовил интернет-версию с русскими и английскими субтитрами, разместив ее в свободном доступе на свой странице Vimeo. Ева и Ранус распространили фильмы через социальную сеть «ВКонтакте». Студентами Будапештского университета уже подготовлены венгерские субтитры. Можно сделать вывод: аудитория фильмов продолжает расширяться и распространяться в виртуальном пространстве.

Вместо заключения. Взгляд в будущее

Проект еще не закончен, команда продолжает работу, несмотря на перерыв, связанный с пандемией, которая не позволила в 2020 г. съездить в поле. Мы систематически и последовательно документируем удмуртские моления, обряды, праздники, мероприятия. Но для подготовки новых фильмов необходимо много времени и энергии. Особенно сложным этапом, требующими деликатности, является перевод с диалекта закамских удмуртов на русский язык всего материала. К сожалению, не хватает сотрудников, которые могли бы это делать, поэтому мы ограничены в возможностях подготовки большего количества фильмов, даже если остановиться только на двух версиях (с русскими и английскими субтитрами). Но несмотря на все это мы намерены подготовить варианты фильмов для каналов YouTube, Vimeo и социальных сетей, чтобы сделать их широкодоступными. Следующий проект, при поддержке фонда «Культурный капитал Эстонии», предусматривает пять или шесть короткометражек (до полчаса) о домашних обрядах закамских удмуртов. Лийво планирует реализацию этого проекта с помощью наших удмуртских коллег Рануса Садикова и Николая Анисимова. Планировалось выполнить эту программу в 2020 г., но пришлось задержаться с ее реализацией из-за пандемии.

В заключение следует обратить внимание на то, какие последствия оказала наша деятельность на жизнь закамских удмуртов. Нельзя ожидать, что деятельность исследователей не влияет на поле. Мы также внесли некоторые изменения в мироощущении наших полевых партнеров.

Во-первых, мы помогли закамским удмуртам осознать, что их ритуальные практики, бывшие естественной частью их жизни, выполняв-

шихся не для внешних эффектов, представляют собой ценность, потому что ученые из далеких стран каждый год, много лет подряд, приезжают к ним, чтобы их изучать. Это позволило закамским удмуртам иначе посмотреть на себя и на свою культуру.

Во-вторых, закамские удмурты с помощью наших фильмов открыли богатство собственной культуры для самих себя. Обнаруживая гибкость своей традиции и видя наше отношение к этому, они начали воспринимать эту гибкость как некое свойство, а не знак примитивности в сравнении с «большими» религиями.

Во-третьих, наш интерес, провоцирующий их более внимательно относиться к своей культуре, мотивировали и их социальную активность. Так, в январе 2019 г. закамские жрецы собрались, чтобы обсудить создание общественной организации. На собрание, где присутствовали все знакомые жрецы, они пригласили и участников проекта – Еву и Рануса.

Таким образом эти фильмы, включая исследовательскую работу для их создания, уже оказывают положительное воздействие на сообщество закамских удмуртов. Будем надеяться, что наше сотрудничество продолжится и их культура, одновременно глубоко традиционная и вполне вписанная в современность, будет развиваться дальше.

Примечания

[1] Ситуация постепенно меняется. Сегодня новые жрецы учат молитвы, опираясь на опубликованные тексты в местных удмуртскоязычных СМИ или на записи, сделанные старшим жрецом. Тех, кто узнал о традициях из рассказов стариков, осталось мало (Садиков, Тулуз 2019).

[2] Это деревня Старокалмиярово. Она находится на левобережье р. Юг вместе с другими девятью поселениями. В этой группе сохранилась традиция организовывать между деревенским и окружным молением «промежуточное моление» *Багыш вӧсь,* в котором в настоящее время участвуют все деревни левобережья кроме Старокалмиярово. Именно во время *Багыш вӧсь* имеет место их деревенское моление.

[3] В 2020 г. из-за пандемии коронавируса у нас не было возможности посетить Башкирию во время проведения молений.

[4] Николай защитил диссертацию в ноябре 2017 г. (Анисимов 2017) и с тех пор работает научным сотрудником Эстонского литературного музея и младшим научным сотрудником Института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН.

[5] Ева узнала, что, Николай, будучи докторантом Тартуского университета, не был включен ни в какие проекты. Обычно докторанты участвуют в проектах их научных руководителей, но география исследований руководителя Николая не совпадала с его темой.

[6] Institut Universitaire de France, 2017–2022.

[7] Для старых текстов с использованием транскрипции на латинице.

[8] Иногда для старых текстов также на немецком и венгерском.

[9] Аналогичную ситуацию мы комментируем в публикации (Toulouze, Anisimov 2018).

[10] Ева решительно взялась за изучение удмуртского языка. Это помогает поддерживать беседу, но еще требуется время, чтобы правильно понимать всю информацию, тем бо-

лее что закамский диалект сильно отличается от литературного варианта удмуртского языка.

[11] См. фильмы «Мир Юрия Вэллы» (2003) и «Земля любви» (2016).

[12] О порядке этих молений см.: (Toulouze, Niglas 2014).

[13] См. http://worldfilm.ee/films-2019

[14] Известный удмуртский лингвист и православный священник, переводчик Библии на удмуртский язык.

[15] Удмуртский этнограф-фольклорист, сама родом из Закамья.

Литература

Анисимов Н.В. «Диалог миров» в матрице коммуникативного поведения удмуртов. Tartu: University of Tartu Press, 2017.

Садиков Р.Р. Элен вось – «моление страной». Живая древность на просторах Башкирии // Вордскем кыл. 2010. № 7. С. 34–36.

Садиков Р.Р., Тулуз Е. Языческие молитвы (куриськон) закамских удмуртов: история изучения, традиционные формы, современное бытование // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, вып. 1. С. 85–100.

Тулуз Е. Семь лет полевых работ у закамских удмуртов: коллективный опыт // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2020. № 1 (8). С. 53–63.

Henley P. Putting Film to Work: Observational Cinema as Practical Ethnography // Ana Isabel Alfonso, László Kürti, Sarah Pink (eds.), Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography. London: Routledge, 2004. P. 101–119.

MacDougall D. The Corporeal Image: Film, Ethnography, and the Senses. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Pink S. The Future of Visual Anthropology: Engaging the Senses. Routledge: New York, 2006.

Pink S. Doing Visual Ethnography: Images, Media and Representation in Research. 2nd ed. London: SAGE Publications, 2007.

Rouch J. The Camera and Man // Paul Hockings (ed.). Principles of Visual Anthropology. The Hague: Mouton, 1975. P. 83–102.

Toulouze E., Anisimov N. "The Year Replaces the Year." Udmurt Spring Ceremonies of the Non-Christian Udmurt: An Ethnographic Analysis of Contemporary Ritual Life (on Materials from Varkled-Böd'ya Village) // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2018. Vol. 12 (1). P. 59−94. DOI: 10.2478/jef-2018-0005

Toulouze E., Anisimov N. An Ethno-Cultural Portrait of a Diaspora in Central Russia: The Formation and Culture of the Eastern Udmurt // Folklore. Electronic journal of Folklore. 2020. Vol. 79.

Toulouze E., Niglas L. Udmurt animistic ceremonies in Bashkortostan: fieldwork ethnography // Journal of Ethnology and Folkloristics. 2014. Vol. 8 (1). P. 111–120. URL: http://www.jef.ee/index.php/journal/article/view/176/_1

Toulouze E., Niglas L. Yuri Vella's Fight for Survival in Western Siberia. Oil, Reindeer and Gods. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.

Young C. Observational Cinema // Principles of Visual Anthropology / Paul Hockings (ed.). The Hague: Mouton, 1975. P. 99–113.

Фильмография

Niglas, Liivo 2003. Juri Vella maailm (Мир Юрия Вэллы). F-Seitse, Mp Doc, 58'.

Niglas, Liivo 2016. Armastuse maa (Земля любви). F-Seitse, Mp Doc, 78'.

Niglas, Liivo 2019a. Gurt vös – külapalvus (Гурт вёсь: деревенское моление). Mp Doc, 62'.

Niglas, Liivo 2019b. Mör vös – ühispalvus (Мёр вёсь: окружное моление). Mp Doc, 66'.

Niglas, Liivo 2019c. Elen vös – Kaama-taguste udmurtide ühispalvus (Элен вӧсь: общее моление закамских удмуртов). Mp Doc, 46'.
Niglas, Liivo 2019d. Tol mör vös – talvine ühispalvus (Тол мӧр вӧсь: зимнее окружное моление). Mp Doc, 67'.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Eva Toulouze and Liivo Niglas

FILMING UDMURT CEREMONIES IN BASHKORTOSTAN: FROM THE PROJECT TO DVDs[*]

DOI: 10.17223/2312461X/30/6

Abstract. This article presents our team's field experience in Udmurt villages of the Tatyshly district of Bashkortostan. We started in 2013. Our aim was to analyse the Eastern Udmurt's contemporary religious practice. These people were able to escape evangelisation and have retained their animistic ceremonies, either in full or in part. It should be noted that since the 1990s there has been a powerful revitalisation movement practically in all of the Udmurt villages of Bashkortostan, and so today almost all of them hold Udmurt ceremonies. An integral part of our research was filming, and even before starting fieldwork, we were aware that the visual was going to be central to it. The article presents the research in its entirety, from initial plan to concrete research output. Among other things, we reflect on how we started working with the Eastern Udmurt people and how this work has enriched our team, as well as on the principles underlying both the shooting and the editing. Finally, we comment on the reception of the four films we shot.
Keywords: visual anthropology, observational cinema, Eastern Udmurt, religious practices, prayer

[*]This work was supported by the University of Tartu (grant No. PHVKU19913) and the Kindred Peoples' Programme, Republic of Estonia (grant No. 889).

References

Anisimov N.V. *"Dialog mirov" v matritse kommunikativnogo povedeniia udmurtov* ['Dialogue of the worlds' and the Udmurt ways of communication]. Tartu: University of Tartu Press, 2017.
Sadikov R.R. Elen vos' – "molenie stranoi". Zhivaia drevnost' na prostorakh Bashkirii [Elen vos', 'the country's prayer'. Living signs of the old in Bashkiria], *Vordskem kyl*, 2010, no. 7, pp. 34–36.
Sadikov R.R., Toulouze E. Iazycheskie molitvy (kuris'kon) zakamskikh udmurtov: istoriia izucheniia, traditsionnye formy, sovremennoe bytovanie [Prayers (kuris'kon) of the Eastern Udmurts: The history of research, traditional forms, and current state], *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii*, 2019, Vol. 13, Is. 1, pp. 85–100.
Toulouze E. Sem' let polevykh rabot u zakamskikh udmurtov: kollektivnyi opyt [Seven years of fieldwork with the Eastern Udmurts: Collective experience], *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ia*, 2020, no. 1(8), pp. 53–63.
Henley P. Putting film to work: Observational cinema as practical ethnography. In: Ana Isabel Alfonso, László Kürti, Sarah Pink (eds.), *Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography*. London: Routledge, 2004, pp. 101–119.
MacDougall D. *The corporeal image: Film, ethnography, and the senses*. Princeton: Princeton University Press, 2006.
Pink S. *The future of visual anthropology: Engaging the senses*. Routledge: New York, 2006.

Pink S. *Doing visual ethnography: Images, media and representation in research*. 2nd ed. London: SAGE Publications, 2007.

Rouch J. The camera and man. In: Paul Hockings (ed.). *Principles of Visual Anthropology*. The Hague: Mouton, 1975, pp. 83–102.

Toulouze E., Anisimov N. "The year replaces the year." Udmurt spring ceremonies of the non-Christian Udmurt: An ethnographic analysis of contemporary ritual life (on Materials from Varkled-Böd'ya Village), *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2018, Vol. 12(1), pp. 59−94. DOI:10.2478/jef-2018-0005

Toulouze E., Anisimov N., An ethno-cultural portrait of a diaspora in central Russia: The formation and culture of the Eastern Udmurt, *Folklore. Electronic journal of Folklore*, 2020, Vol. 79.

Toulouze E., Niglas L. Udmurt animistic ceremonies in Bashkortostan: Fieldwork ethnography, *Journal of Ethnology and Folkloristics*, 2014, Vol. 8(1), pp. 111–120. http://www.jef.ee/index.php/journal/article/view/176/_1

Toulouze E., Niglas L. *Yuri Vella's fight for survival in Western Siberia. Oil, reindeer and gods*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.

Young C. Observational cinema. In: *Principles of Visual Anthropology* / Paul Hockings (ed.). The Hague: Mouton, 1975, pp. 99–113.

УДК 316.7
DOI: 10.17223/2312461X/30/7

КНИГА КИНО. ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ И О БУДУЩЕМ ВИЗУАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ. ИНТЕРВЬЮ

Алексей Юрьевич Вахрушев,
Александр Эдуардович Оганезов

Аннотация. Визуальная антропология, антропологическое кино становятся все более популярными не только в академической сфере и в области документального кино, но также и среди аудитории документальных фильмов и различных фестивалей неигрового кино. Визуальная антропология имеет не самую длинную, однако крайне богатую историю. На протяжении всего своего существования этой дисциплине приходилось решать различные задачи, встречаться со множеством вызовов. В современном мире, в его плюралистическом и глобальном обществе, все меньше места остается для традиционной культуры и деятельности представителей традиционных этнических сообществ. Для современной визуальной антропологии и ее исследователей это новый вызов – как сохранить ту или иную самобытную культуру, ее традиции, язык, историю. Как найти для нее место в сложном быстро развивающемся мире. Все эти и многие другие вопросы современной визуальной антропологии обсуждаются в данном интервью.

Ключевые слова: визуальная антропология, кино, этнография, документальное кино

Введение

Научные конференции, собрания, фестивали документального и антропологического кино, да и просто встречи с коллегами в стенах исследовательского института – все это уже давно является знакомой формой общения антропологов, да и любых исследователей во всех сферах науки. Однако крайне редко нам удается побеседовать столь обстоятельно, как это удалось мне с режиссером документального кино, визуальным антропологом, сотрудником Института этнологии и антропологии Российской академии наук – Алексеем Юрьевичем Вахрушевым.

Интервью

– Алексей, добрый день!
– Добрый!

– Мы сегодня с Вами поговорим об антропологическом кино, о визуальной антропологии. Первый вопрос: расскажите, пожалуй-

ста, как начался ваш путь в этой сфере, с чего вы начинали, с чего пришли к этому, откуда у Вас взялась такая тяга – снимать антропологические фильмы?

– На самом деле я начинал вовсе не как визуальный антрополог. Поступил на режиссерский факультет Института кинематографии к профессору В.П. Лисаковичу (кафедра неигрового кино) с одним желанием: снимать кино на Чукотке, о Чукотке, о людях Чукотки. Я там родился и вырос, и видел, что это белое пятно в кинематографе. Во-вторых, я эскимос, и история моего народа, именно азиатских эскимосов, живущих на российской территории, была, по существу, малоизвестна и малопонятна, в том числе и на самой Чукотке. Наиболее жесткие (необратимые) сломы этой истории произошли буквально пятьдесят лет назад, во второй половине двадцатого века. Но информацию о них можно было найти, пожалуй, только в научной литературе. В 1970-е гг. с азиатскими эскимосами юпик, пережившими переселение с мест исконного проживания, серьезно работали И.И. Крупник и М.А. Членов. Тогда они могли интервьюировать множество информантов, услышать из первых уст рассказы о прежней жизни, о событиях 1950–1970-х гг., когда закрывались поселения и что с ними стало потом. Благодаря этому история сибирских юпиков существовала на бумаге. Был фильм о Наукане, о судьбе науканских эскимосов, с интервью людей, которые в те годы еще могли рассказать о своем личном трагическом опыте. Но Наукан – это Наукан, а эскимосов юпик много и эскимосских поселений было очень много. И мне хотелось об этом рассказать. Мне хотелось рассказать и о прошлом, и о традиции, которая продолжает жить в наши дни. Потому что вопреки массе событий, которые могли бы стереть с лица земли этих людей, они живут, говорят на своем языке, ведут традиционный образ жизни, занимаются традиционным природопользованием. Что их удерживает? Что дает им силы? Что позволяет чувствовать себя по-прежнему наследниками и хранителями данной культуры? Все это хотелось раскрыть и показать. Кино для этой цели – самое лучшее средство.

Один нюанс: я вырос в Анадыре (столица Чукотки, административный центр) и поэтому не знал, по сути, родной культуры во всей глубине. Потому мой опыт жизненный, съемочный начался с погружения – во время первых же каникул я отправился на Чукотку, в эскимосский поселок Новое Чаплино, чтобы снять репортаж об охоте на нерпу с припая. С этого, собственно, все и началось.

Пожалуй, самое главное – буквально с самого начала, мой взгляд на происходящее был от лица моих героев самым естественным образом. Я не исследователь в классическом смысле, не человек, приехавший снимать кино о каком-то экзотическом народе. Я представитель этого народа. Я всегда позиционировал себя именно так, с самого первого фильма. Можно сказать, сейчас с каждой новой работой я все больше и

больше становлюсь эскимосом, потому что все глубже погружаюсь в родной для меня мир и очень многие вещи знаю и понимаю.

А началось все благодаря моей маме, на самом деле. Она эскимоска, долгие годы возглавляла общественную организацию эскимосов Чукотки и была человеком, благодаря которому возникли общества этнические (эскимосское «Юпик», например, Ассоциация коренных малочисленных народов Чукотки (АКМНЧ) и т.д.). Поэтому ее влияние было очень сильным. С ее подачи я, собственно, и решил заниматься вопросами сохранения традиционной культуры и образа жизни народов Чукотки и быстро увлекся этим. Для меня очень многие вещи приобрели истинную ценность, ту, которую они действительно несут в себе. Дальше – просто поиск формы. То есть вся дальнейшая профессиональная жизнь от проекта к проекту – это попытка найти форму не только выражения максимально эмоционального и смыслового любой темы, за которую я брался, но и эксперимент. Задача этого эксперимента – вывести достаточно специфическую узкую тему (аудитория небольшая у этнографического фильма) на уровень, где она может быть интересна массам. То есть найти какие-то универсальные способы изложения, увлекательный язык, который сделал бы эту тему интересной людям, знающим о чукчах и эскимосах только понаслышке. Нельзя сказать, что это удавалось на все сто, но каждый из фильмов имел и имеет свою аудиторию. Сейчас эволюция продолжается. Последняя картина, анимадок «Книга Моря», ни на что не похожа, у нее абсолютно экспериментальный формат, который действительно интересен всему миру. Во множестве стран она прошла при полных залах, сейчас мы готовы к федеральному прокату и надеемся на отклик российской аудитории. В основе производства «Книги моря» лежала очень глубокая исследовательская работа, ее плоды и заключены в форму анимационно-документального фильма, в упаковку, которая привлекательна для огромного количества людей. Да, собственно, эта форма и есть результат исследований и поиска. Внутри этой упаковки содержатся и все те специальные вещи, из которых складывается и визуальная антропология. Там приемы и выразительные средства, базовые инструменты и стиль съемочной работы, и принципы организации материала.

Так все, что началось в девяносто первом году, продолжается до сих пор. И региону своему я не изменяю, потому что по-прежнему считаю, что это белое пятно, там невероятное количество сюжетов. Я совершенно не ревную ни к кому, кто туда залетает и начинает там делать какие-то творческие или научные проекты, потому что материала там на всех хватит. И когда талантливая работа появляется, я только радуюсь, что кто-то еще рискнул и вытащил этот воз, ведь работать там сложно очень. Даже несмотря на все благоприятные условия, которые у меня есть, каждое новое предприятие на Чукотке – риск, и привезти сто

процентов того, что ты хотел, нереально. Даст Бог, тридцать процентов ты привезешь из того, что тебе хотелось сделать первоначально, когда ты туда летел, и это Успех с большой буквы. Я уже спокойно к этому отношусь. Потому что Чукотка, да и вообще Север, диктует тебе условия, с которыми приходится считаться и очень трепетно и с благодарностью относиться к тому, что она дала сделать, и не биться и не колотиться от того, что она тебе сделать не дала. Видимо, так должно быть, в этом есть своя мудрость, так что жизнь продолжается.

– Скажите, есть ли у Вас какая-то единая определенная мысль, какая-то идея, которая прослеживается от фильма к фильму, или каждая новая картина – это новая история, новые люди, новое сообщество?

– Очень часто эти идеи и мысли повторяются, так или иначе, за кадром или в кадре. Просто всегда кажется, что ты что-то не договорил или сказал это нечленораздельно, невнятно и надо бы еще добавить. Но на самом деле все фильмы отличаются. Главная идея очень простая: есть нечто сущностное, животворное для духа коренных жителей Чукотки. Это традиционная культура. Как явление, она существует и зрима во всем объеме либо существовала и была зрима когда-то и об этом можно найти свидетельства. И все пласты ее были… так сказать, повсюду текли реки, полноводные реки. Потом какие-то из них пресекались, какие-то исчезали, какие-то уходили на глубину и снова выходили на свет. Вот вокруг этого, собственно, я и кручусь – что бы мы не думали, традиционная культура не исчезает, пока ее хранители живут в родном пространстве.

Допустим, фильм «Птицы Наукана» (1996, 35 мм, 23 минуты) построен на реминисценциях, воспоминаниях людей о той жизни, которую они вынуждены были прекратить в 1958 г. и переехать на другое место, в другие поселки подальше от американской границы (древнее эскимосское поселение Наукан было закрыто в самом начале холодной войны). В результате получилось так, что этот народ практически перестал существовать буквально за сорок лет. Основной материал мы снимали на мысе Дежнева, где был Наукан. Мы приехали туда на пять дней, а провели пятнадцать. Первое время не снимали, а обходили вдоль и поперек сам мыс Дежнева и все, что его окружает, пытались понять, почувствовать, где мы находимся, что это за место, о котором люди так тоскуют и плачут. И в конечном итоге мы поняли, что это действительно было абсолютно райское место для этого народа, пришедшего с востока, с Аляски несколько сотен лет назад. Красивого и независимого народа, которого не стало.

Перед глазами расстилается гладь Берингова пролива с островами Диомида, Большим и Малым (Ратманова и Крузенштерна). В ясный день с науканских сопок вы можете увидеть континентальную Аляску,

мыс Принца Уэльского. У берега гуляют киты, проходят стада моржей, отвесные скалы полны птиц. Идеальное место для жизни морских охотников. Воспоминания науканцев в картине возникают на планах ручьев, которыми изрезан высокий дежневский берег. У ручьев свои голоса, у ручьев своя красота, это такие чистые мысли людей, которые продолжают петь и струиться на опустевшем берегу и хранить память о прошлом. Когда рассказ закончился, и люди выплакали все слезы от ностальгии и боли, в кадре возникают валуны, огромные камни, поросшие черным арктическим лишайником, и все ручьи уходят под эти камни. И под этими камнями идет, бурлит мощный поток. Он никуда не делся, он продолжает жить. В памяти этих людей, в сознании их потомков, которые продолжают выходить на кита, проживая теперь порознь в совершенно разных местах, которые передают традицию и культуру далеких предков своим детям. Короче говоря, даже в этой истории, когда все вроде бы умерло, все на самом деле живет.

Через все фильмы можно проследить мой восторг от традиционной культуры. Какая она! И, не скрою, сожаление о том, что она меняется на глазах. И желание удержать ее в том виде, в котором я ее застал, в том виде, в котором она живет в воображении, в сознании, в памяти. Поэтому во всех фильмах есть воспоминания о прошлом, во всех фильмах есть современность с проявлением культуры и традиции. Если короче, то это своего рода миссия – удержать то, что ты любишь. Удержать это живым. И показать это живым.

Поэтому если в первых фильмах мы с сожалением говорили о том, что что-то потеряли и теперь существует незримо, то «Книга Моря» – это попытка материализовать, воссоздать живую среду обитания этих людей, в которой они продолжают ощущать себя полноценными хранителями культуры. Вы видите, как они выходят на промысел, это видят все. Приезжает масса съемочных групп, снимают то, как они охотятся, очень подробно иногда это снимают, но в сознание этих людей никто не лезет. А в их сознании окружающий мир населен образами мифологии, персонажами семейных саг и легенд, героями многовековой человеческой истории. То есть пейзаж перед глазами морских охотников полон жизни, и это стоит показать. Но об этом чуть позже...

Если мы говорим о визуальной антропологии, то в начале любого проекта – глубокое погружение всей группы в материал. А дальше практика полевого исследования с его базовыми принципами и инструментами: длительным включенным наблюдением, невмешательством, отсутствием с твоей стороны какой-либо инициативы в плане «а давайте сделаем вот так, а не так, как вы хотите», это жизнь с ними вместе в стойбищах, поселках, на охотничьих стоянках, это поедание той же самой пищи. Это попытка поставить себя на место героя. Ведь

для того, чтобы ты смог изнутри это сделать, ты должен стать одним из них.

Слава Богу, мне повезло с соратниками. Скажем, Влад Нувано – наш научный консультант на «Книге тундры», потомственный оленевод. Двадцать пять лет он провел в стаде вместе с отцом, великим оленеводом ваежской тундры Николаем Нувано, а потом решил заняться научной деятельностью. В итоге мы вместе стали делать это кино. Влад владеет оленеводческой культурой чукчей в совершенстве, чукотский язык для него родной. Он, естественно, знает все нюансы жизни оленеводов: от какой «спички» можно брать огонь, от какой нельзя, где ставить жилище, как поставить кораль, загнать в него оленей, запрячь аргиш и кочевать, проводить праздники своего народа, семейные обряды... Короче, когда Влад рядом, ты должен просто следовать за Владом, прислушиваться к нему. Он твой проводник по вселенной чукчей-оленеводов. А если с тобой морской охотник Алексей Оттой, то ты следуешь за Оттоем, потому что он – твой проводник на берегу и в море. Алексей не только герой фильма, он – человек традиционного сознания, истинный хранитель культуры арктических морзверобоев. Ты движешься за ним, и он абсолютно естественно открывает тебе глаза на какие-то вещи, которые обогатят твой материал, картину в целом и тебя самого.

Любая экспедиционная работа предполагает глубокое знание, подготовку, постоянную попытку осмыслить реальность. А когда ты помимо всего прочего ищешь и художественную форму, гармоничный теме киноязык, тогда хочешь-не хочешь, открываешь для себя суть характеров, событий, отношений. Это очень интересная вещь – визуальная антропология – ты не только занимаешься интервьюированием людей и сбором какой-то однородной информации, а фиксируешь довольно экзотическую реальность в максимальном объеме и пытаешься сделать ее близкой и понятной людям, которые будут сидеть в зале. Это такая тонкая штука. И вот по степени погружения, объему информации, включенных чувств, понимания сути и выражения результатов усилий в гармоничной художественной форме, силе воздействии ее на аудиторию, визуальная антропология – это царица антропологии, с моей точки зрения.

– Кто в таком случае автор антропологического кино? Это режиссер, исследователь, это просто любопытный человек, которому небезразлична какая-то культура, какие-то люди? Потому что, как вы сказали, Вы себя позиционируете как «я один из них». Как бы вы себя охарактеризовали одним словом: режиссер, исследователь? Что больше? Что перевешивает?

– Режиссер, понятно, это реализатор. Или директор – тот, кто держит всех в русле какой-то истории, какого-то замысла. Но не стоит

сужать натуру режиссера. Режиссер должен быть человеком абсолютно широких познаний, интересов, желаний, возможностей. Начиная с того, что у тебя есть какая-то идея, ее недостаточно просто записать одним предложением, ты должен сделать так, чтобы она стала понятна, близка и тронула сердца тысяч людей, ну как минимум. Что такое кино вообще? Кино – это некий опыт, который имеет художественную форму. Это мой личный опыт постижения этого события или этого явления, этой темы, который я через какую-то художественную форму доступным мне языком пытаюсь передать, транслировать широкой аудитории. Поэтому ты должен быть и исследователем, и организатором-администратором, и главой экспедиции, человеком, который несет ответственность за людей и за то, чтобы ваш общий корабль пришел по назначению, т.е. это такая очень большая, объемная функция – быть режиссером. Я думаю, что режиссер – это больше чем исследователь.

На «Книге моря», допустим, мне пришлось заниматься и мультипликацией, волей-неволей пришлось понять, как она делается, и научиться этому (рис. 1). Ведь, избрав для себя язык анимации, для того чтобы визуализировать мифологию эскимосов и береговых чукчей, я вступил на территорию, о которой вообще ничего не знал. У меня была написана история, которую мы должны были воплотить, но как это сделать с точки зрения технологии – было неясно. Поэтому я привлек профессионалов и, в конечном итоге, стал одним из них. Анимационная линия «Книги моря» делалась три года.

Рис. 1. Мультипликационный сюжет из фильма «Книга Моря»

Ее главный художник – совершенно блистательный аниматор и режиссер мультипликации Эдуард Беляев. За полгода до завершения работы в цехе остались только он да я (так продиктовали финансовые обстоятельства) и двигались вперед по 14 часов без выходных. Анимация – долгое трудозатратное производство. Это следует принять и смириться. Скажем, одну из сцен (она длится на экране двадцать три секунды) мы делали больше сорока дней. По-моему, сорок пять дней мы ее делали, не считая создания персонажей и фонов. Получается, что режиссер документального кино вышел за рамки, мне пришлось стать композером (собирать воедино отснятые слои разных сцен), что-то я фактурил как художник мультипликации. Но в основном выполнял роль режиссера мультипликации. Мы вместе с Эдуардом придумывали или лично я придумывал поведение персонажей и развитие сюжета.

Возвращаясь к визуальной антропологии, естественно, прежде чем приступить к созданию анимационной версии эскимосских и чукотских мифов, нами были прочитаны не только сборники мифологии Северо-Восточной Азии, Северной Америки и Гренландии, но и масса литературы о событиях и персонажах, связанных с избранными нами сюжетами. Визуальный ряд нашей анимационной линии вобрал мотивы материальной культуры всего циркумполярного региона планеты.

Что касается съемок документальной линии, то операторы были в курсе моего видения, когда оно окончательно сформировалось. В результате у нас была единая точка зрения. Мы видели не только алюминиевые лодки, людей в телогрейках с каким-то современным оружием, а архетипы людей и событий. Потому мы снимали сцены промысла не как это принято, по-другому, иначе.

– Иначе – как Вы или как они на это смотрят?

– На сто процентов как они, мы, наверное, не сможем все-таки на это смотреть. Но я думаю, что, в конечном итоге, мы все смотрели одинаково, потому что начиная с девяносто первого года я выходил на охоту бесчисленное количество раз в разных местах Чукотки. Когда мы снимали «Книгу моря», то раз восемьдесят сходили на охоту на все виды промысловых животных и по многу раз, и удачно, и неудачно, и с разными людьми, и тогда, когда это были пожилые люди, и тогда, когда это были люди среднего возраста, и тогда, когда они брали с собой маленьких детей для того, чтобы те привыкали к охоте. Для нас это давно утратило экзотичность, мы стали частью общины.

Очень важно в фильме ничего не упустить, какие-то очень важные вещи, которые вам представляются важными. Они происходят самым естественным образом и для героев являются абсолютно обыденными, но на самом деле содержат очень глубокий смысл. Допустим, они берут на охоту маленького ребенка, чего, казалось бы, делать не стоило. Это

опасно, это долго, холодно и прочее. К тому же он как будто ничего не делает, просто сидит рядом, потом встает, куда-то смотрит, потом ему начинает все надоедать, он начинает баловаться, его одергивают как-то, ну и так далее. Зачем он там?! Или Вуквукай, оленевод, вместо того чтобы быстро запрячь оленя самому, дает это делать внуку, а тот – и так, и сяк, и ничего у него не получается. Старик над ним смеется и говорит: «Ох, и неграмотный!» То есть получается, что в контексте традиционных представлений и ценностей «грамота» – это не счет и письмо, а совершенно другая вещь – важно уметь запрягать оленей, важно привыкнуть к охоте, важно быть рядом со старшими сызмальства и впитывать навыки, иначе не выжить в экстреме.

Что касается операторов. С 2004 г. в течение пятнадцати лет в разные чукотские экспедиции шесть раз со мной летал Вячеслав Макарьев. Он очень открытый. Человек традиционной культуры – он открыт, и Слава открыт. Между ними моментально возникает общий язык. Важно, чтобы оператор понимал, что есть вещи проходные, а есть сущностные вещи, из чего жизнь складывается на самом деле и благодаря чему она дальше течет и развивается. И операторы мои, они, как правило, сущностные вещи понимали очень глубоко. Это тоже серьезно говорит о том, что такое наша антропологическая наука, то, к чему стоит стремиться, когда ты делаешь фильм, будучи визуальным антропологом. Ты погружаешься в какую-то тайну, ты становишься сопричастен каким-то скрытым законам, и ты это так или иначе транслируешь. Это круто! Я не знаю, происходит ли это с человеком, который приехал просто собрать какой-то материал исследовательский, статистику, но вот когда это кино… Потому что кино сопряжено всегда с массой очень сложных вещей. Ты не один, у тебя есть люди, их надо перевезти, потом у тебя есть ключевая задача: у тебя в руках высокотехнологичное оборудование, которое дорого стоит, которое очень капризное, ты должен в этих невыносимых зачастую условиях, с помощью этого инструмента что-то сделать. Ты всегда в напряжении, постоянно думаешь, «каким образом, а может быть вместо того, чтобы идти в море, мы можем сейчас снять какую-то сцену здесь, потому что это важно, об этом еще рассказать, эту сторону снять». И ты начинаешь над этим работать, ты постоянно в процессе, ты не ждешь прибытия из пункта А в пункт В просто для того, чтобы потом вернуться в пункт А. Ты постоянно идешь извилистым путем, это и есть визуальная антропология. Твоя главная задача – вывести героя на крупный план, и чтобы для зрителя он был словно открытая книга и зритель сопереживал герою.

– Алексей, Вы в своих словах уже затронули тему аудитории, в связи с этим вопрос: Вы продумываете заранее возможную аудиторию Вашего фильма? Потому что все визуальные антропологи, с

кем я говорил, все говорят: «Нет, я никогда не думаю об этом, я снимаю, и я не знаю, кто это будет смотреть, я совершенно не думаю об этом». Как в Вашем случае?

– Думаю ли я об аудитории? Я профессиональный режиссер, поэтому мне недостаточно, чтобы мое кино посмотрело несколько сот человек. Так или иначе, я работаю над тем, чтобы его аудитория была максимальной, поэтому так трудно рождается любой проект, любой фильм, потому что есть какая-то профессиональная планка, некие критерии, ниже которых просто не получается опуститься. Чтобы что-то сделать хорошо, требуется много времени и усилий, а сейчас уже и денег, потому что если ты думаешь о том, что тебе нужно сделать аудиторию максимально широкой, – это должен быть кинотеатральный формат, а он предполагает привлечение каких-то дорогих технологий. У тебя есть задача, чтобы тема, которая тебя волнует, стала близка людям. Для этого необходимо сделать ее таким образом, чтобы она на разных уровнях восприятия воздействовала на аудиторию. Хочешь-не хочешь, но для того, чтобы картину можно было показать по всему миру, надо использовать современные технологии создания аудиовизуального произведения. Я думаю об аудитории, но я думаю об аудитории разной, и желательно, чтобы она была максимальной. Таким образом мы делаем и очень хорошую штуку для нашего цеха (визуальной антропологии), а именно выводим «этнографическую фильму» из ниши узко академической в широкий оборот. При этом я повторяю, она содержит все базовые принципы нашей дисциплины, но одновременно имеет такую форму и техническое качество, что может быть показана наравне с каким-нибудь серьезным кассовым фильмом.

– Отечественная «школа» антропологического кино. Какой наиболее полезный опыт Вы приобрели в процессе своей деятельности? С какими трудностями пришлось столкнуться?

– Профессионализм в области антропологии или этнографии как таковой плюс понимание важности киноэстетики и киноязыка. Плюс к этому стремление вглубь, вглубь явления, вглубь характера. Любой человек, который уехал в поле наше, зачастую попадает в такие чудовищные обстоятельства, из которых он должен выйти героем. Он понимает, что должен справиться с этим, что он столькими вещами поступился, и он задрал так высоко планку, что должен за эту планку держаться зубами и вернуться с хорошим материалом. Он должен вернуться с хорошим фильмом, он должен дойти до сути и найти способ раскрыть ее визуально… Он там сидит, как золото намывает, самородки на реке, и должен вернуться с этим золотым запасом. Мне кажется, что любой визуальный антрополог отечественной школы – абсолютно героический персонаж, который через «не могу», и через «нельзя», и

через «не можно» должен сделать нечто такое, что обладало бы ценностью и эстетической, и смысловой, научной и любой другой.

– Визуальный антрополог в России больше, чем визуальный антрополог.

– Однозначно, совершенно.

– Давайте поговорим о прикладной визуальной антропологии как некой дисциплине, направленной именно на решение, на озвучивание, на популяризацию актуальных социальных проблем. Как Вы относитесь к этому направлению? Как Вы считаете, способно ли это направление решать те задачи, которые оно себе ставит? Как-то влиять на общество?

– Все мы так или иначе желаем изменить жизнь к лучшему. Но визуальный антрополог – не журналист. И если говорить о каких-то текущих вещах или процессах, то он все равно рассматривает их в какой-то исторической протяженности. Если говорить о том, что я делаю, то всегда появляется человек, который говорит: «А, опять! Опять эти чукчи, малые народы! И все это неактуально, а актуально вот это сейчас и об этом надо снимать кино». Мой ответ очень простой – все зависит от вас. Лично для меня последние лет тридцать актуален процесс вымывания основ традиционной культуры. Это одна из наиболее пугающих тем для меня – исчезновение самобытности.

– Да, это актуальная проблема для этой культуры.

– Так это не только для этой культуры, это универсальная проблема вообще для всего человечества. Очевидно, что человечество теряет этническое многообразие. Исчезают языки, исчезают народы, исчезают навыки, исчезают какие-то традиции, исчезают даже материалы, из которых эти люди что-то умеют делать, территории – на них воздействуют недропользователи, реки перестают быть нерестовыми, тундра перестает быть для оленей открытой планетой для передвижения и так далее. То есть весь мир современный, он влияет на то, что все эти народы, к сожалению, действительно дают крен. Дают крен в сторону вообще непонятно чего...

Почему мои операторы так любят этих людей, с которыми мы работаем? Потому что эти люди – столпы своего фэнтезийного мира, как я воспринимал чукотского оленевода Вуквукая (рис. 2). Он как титан, который упирается в небо, читает по звездам свой путь, знает о том, с какой стороны и что произойдет, каждый бугорок для него наполнен каким-то смыслом и какой-то жизнью. Он знает все о своих оленях, может сидеть посреди многотысячного стада и петь песню, а олени будут ритмично вокруг него бегать, потом успокоятся, в то время как ото

всех остальных они просто шарахаются и разбегаются по бескрайним просторам. Вуквукай говорит о себе: «У меня есть олени, у меня есть яранга, у меня есть семья, у меня есть квадроцикл... (странное вкрапление, но у него проблемы с ногами, ему действительно летом проще передвигаться на квадроцикле). Я – счастливый человек!» Вуквукай не включает в категорию счастья деньги, он не включает в свою планетарную систему важных для многих из нас понятий типа карьерного роста, моющих средств, туалетной бумаги, гаджетов и пр. Его мир самодостаточен, и без вмешательства извне Вуквукай абсолютно счастлив.

Рис. 2. Главный герой фильма «Книга Тундры» Вуквукай

Так вот, потеря вот этой самодостаточности, исчезновение этого – актуальнейшая сейчас проблема. Поэтому в нескольких фильмах есть тема интернатов, куда дети улетают на десять месяцев в году и таким образом остаются «неграмотными», они умеют складывать, вычитать и так далее, но при этом они не умеют запрячь оленя, они не могут для оленей зимой найти пастбища, на котором стадо в десять и более тысяч голов может прокормиться. Они не могут делать это, они не могут делать то, они не привыкают к охоте, они всю жизнь проводят в казенном доме, из которого часто выходят ни к чему не готовыми – они не приспособлены ни к жизни в современном обществе, они не готовы к жизни в тундре, в море. Это путь в никуда.

Когда-то в 2007 г. мы с Никитой Хохловым забрались на северное побережье Чукотки, чтобы снять фильм «Добро пожаловать в Энурмино!». Мы планировали показать замечательное место, где люди живут истинной традиционной жизнью в окружении нетронутой природы и все сохраняют, там нет никаких напастей типа алкоголизма. Так нам было преподнесено Энурмино. Но когда мы туда прибыли, то через полторы минуты увидели, что все ровно наоборот. Энурминцы продолжают сохранять традиционный уклад, охотиться, но в плане социальном они абсолютно не устроены, они брошены, они предоставлены сами себе, их проблемы никого не волнуют, к ним редко прилетает вертолет и так далее. Хотя в годы советской власти государство, напротив, патронировало чукчей, и они привыкли к патернализму. Мы решили с Никитой снять все, как есть. Сделать честный фильм. Именно с этого проекта я перестал снимать для телевидения, а стал снимать только авторское кино. Этот фильм был сделан для того, чтобы показать все внешнему миру, чтобы жизнь в этом поселке изменилась, чтобы к людям повернулись лицом. Это была такая поэтическая публицистика.

– Ну а жизнь в итоге там изменилась?

– Нет! И я ужасно по этому поводу переживал, что ничего не поменялось. Потом я понял, что если ты делаешь стильное кино, серьезно работаешь над формой, над эстетикой и над киноязыком, то в принципе ты не в праве рассчитывать на то, что ты можешь что-то изменить. Потому что форма, киноязык, по крайней мере мой, тем, которым я пытаюсь говорить, не ведет на баррикады. Выстраивая образный ряд, мы пытаемся раскрыть проблему через этих людей, они сами о ней говорят. Они говорят робко, они говорят, может быть, не всегда понятно. Мы делаем это внятным, но это не журналистика, это все-таки кино. В результате вы «Энурмино» можете смотреть сегодня, можете смотреть через сорок лет с одинаковым чувством, но на условия жизни в социальном плане картина не повлияла.

– Алексей, сейчас, насколько я знаю, Вы работаете над проектом, посвященном показу Вашей картины «Книга Моря», не могли бы Вы поподробнее рассказать об этом, что и как проходит, какие цели Вы себе ставите, какие задачи? Короче говоря, о своем опыте показа картин.

– «Книга Моря» – проект уникальный, потому что это наполовину мультипликационный, наполовину документальный фильм. Любой человек, заезжающий на Чукотку и снимающий про охотников на морского зверя, как правило, снимает охоту на морского зверя, какую-то поселковую жизнь, ну, собственно, и все. Мы так делали, за три дня снимали кино для Первого канала когда-то. Есть танцевальный коллек-

тив, как правило, в поселке, который собирается в определенные дни для того, чтобы репетировать какие-то выступления, танцы разучивать. Мало кто говорит на родном языке, мало кто рассказывает сказки, те сказки, которые слышали в своем детстве наши герои, тот же замечательный Алексей Оттой. Он уже чукотский старейшина, организатор и глава территориально соседской общины «Лорино». Это человек, благодаря которому сохраняется традиционная охота и благодаря которому живет этот поселок, в котором полторы тысячи человек. Потому что охотники буквально обеспечивают этот поселок едой, добывая морского зверя. От Алексея я не раз слышал о том, как его бабка часами рассказывала эскимосские и чукотские сказки. Горела керосиновая лампа, они сидели и слушали, а для того, чтобы дослушать до конца, маленький Оттой вставал у стенки и брал в руки камешки. Если он засыпал, камешки падали, и он просыпался, снова брал камешки, чтобы дослушать до конца. Все это на чукотском языке, естественно, бабушка рассказывала. Короче говоря, вот таких вещей уже не бытует, что называется. Одновременно с этим все охотники на морского зверя Чукотского района и Провиденского продолжают считать себя наследниками традиции, хранителями навыков далеких предков. Безусловно, так оно и есть. Они продолжают чувствовать себя эскимосами и береговыми чукчами. Все те, кто живет в береговых поселках и ведет морской промысел, так или иначе обладают традиционным сознанием и являются хранителями традиций. Я уже говорил о том, что вся местность, которая их окружает, в их восприятии наполнена жизнью. То есть это не просто какие-то мертвые пустынные и малоприютные мысы, бухты и галечные пляжи, а места действия бесчисленных сюжетов, все так или иначе связано с жизнью их народа, с историей этого народа, с мифологией этого народа и так далее. И тогда мы решили попытаться это визуализировать, взяли фундаментальный для этой культуры миф «о женщине, которая родила кита», который говорит о естественной связи человека с природой, буквально о кровной связи, о кровном родстве с китами, и сделали его основой анимационной линии фильма.

Анимация, благодаря Эдуарду Беляеву, сделана таким удивительным образом, что природное пространство, в котором происходят события документальной линии и анимационной, по сути, одно и то же, фоны и персонажи из скульптурного пластилина сделаны невероятно достоверно и аутентично. Кроме того, сам материал, если можно так выразиться, тактильный, это hand made: каждый персонаж вылеплен и сохраняет тепло рук художников и аниматоров. Короче говоря, анимационные сцены получились не только достоверными в смысле этничности, но и невероятно живыми.

Когда мы начали снимать документальный материал, мы снимали его и в море, и на берегу. У нас было четыре экспедиции общей про-

должительностью по полгода. Так никто не снимает документальное кино. Так только визуальный антрополог работает. И вот, когда все было сделано и сцены обеих линий легли на монтажный стол, оказалось, что берег не монтируется. Жизнь в современном береговом поселке не вяжется с архетипами. У меня появились в тот момент европейские партнеры, которые давали средства для того, чтобы завершить производство при условии обязательного наличия социальной проблематики, и потому берег в картине должен был обязательно присутствовать. Однако промучившись на монтаже полтора месяца, я понял, что живое с мертвым никак не склеится, и отказался от этих средств. И в фильме у нас осталась только жизнь. То есть, само собой, помимо моей воли из всех документальных сцен в фильме остались сцены с единственной актуальной живой формой существования традиционной культуры, основанной на промысле морского зверя, – это сам промысел. Это, собственно, сама охота, когда человек выходит в море и отрывается от берега (рис. 3). И чем дальше он уходит, тем меньше он остается человеком сегодняшнего дня. Он словно попадает в некое пространство вневременное, он погружается в абсолютно мифологическое пространство и начинает проживать архетипические сюжеты, с ним начинают происходить события, которые происходили в море с его отцом, дедом, прадедом и предками сотни лет назад. По сути атрибуты и обстоятельства охоты все те же: море, небо, гарпун, ибо аборигенный промысел ведут только с использованием гарпуна, который был придуман как минимум две с половиной тысячи лет назад, и, собственно, зверь, которого человек должен добыть, с которым он имеет кровную связь, родственную связь, к которому у него есть определенное отношение, не просто потребительское отношение, как к одному из миллиона бройлеров с птицефабрики, а как к равному существу, у которого есть душа. Получается, что в море наши герои существуют вне времени, несмотря на то что они в телогрейках, на металлических лодках и с ружьями. Но в какой-то момент у них заканчивается бензин... У нас есть сцена в «Книге моря», в которой охотники возвращаются домой почти шестнадцать часов. Они набили много моржей, на их лодках висят огромные туши, и тут их затирает льдами. Сквозь ледяное поле они пробиваются к дому, везут добычу, как везли добычу их далекие отцы и деды. Твоя сущностная роль добытчика и кормильца выходит на первый план, и ты должен сыграть ее с полной отдачей сил до конца. Нечто подобное происходит у нас в мифологической части. Герои анимации существуют в пространстве мифа, абсолютно вне времени, и опираясь на те же ценности и базовые основы культурных представлений вообще обо всем, как и герои документальной линии. И две эти линии идеальным образом срослись. Они абсолютно идеально сшились. Но для берега там не оказалось места, он просто не встал в один ряд с архетипиче-

скими сюжетами, характерными для этой культуры. Современная жизнь на берегу в основном выстроена по нездешним лекалам.

Рис. 3. Сцена морской охоты из фильма «Книга Моря»

Так сложилась «Книга Моря». События в одной реальности влияют на события в другой и наоборот. Они существуют в общем художественном пространстве и влияют друг на друга, приходя, в конечном итоге, к тому моменту, когда все неприятности остаются в прошлом и там, и тут. Для этого фильма такой финал был органичен и абсолютно необходим. Во-первых, потому что представитель традиционной культуры не то, что по природе позитивен, а если он следует традиции, то ничто в его мире никогда не закончится катастрофой. Разрешение так или иначе будет благоприятным для человека, если он все делает правильно. И во-вторых, именно такой финал был важен еще и потому, что фильм так или иначе адресован представителям этой культуры, и хотелось, чтобы ее образ был светел, чтобы он был светлым в финале, чтобы было куда идти, чтобы был виден свет.

Поэтому мы так рвемся на Чукотку, туда, где кино снималось, чтобы его увидели герои, их родня, дети и подростки, будущие преемники и хранители морзверобойной традиции. Важно, что в мифологической (анимационной) части картины звучит только национальная речь, чукотская и эскимосская. Миф звучит из уст пожилых сказительниц. Первая – чукчанка Нина Буритовна Емельянова. Она филолог, методист, составитель учебников чукотского языка для школ, вдова одного из героев фильма. Вторая – науканская эскимоска Елизавета Алихановна Добреева. Сегодня на науканском языке говорят максимум два десятка человек. Поэтому то, что в фильме звучит фундаментальный для этой

культуры миф на исчезающем науканском языке, да еще из уст Елизаветы Алихановны, род которой берет свои корни в Нунаке, где родился китенок, уникально и архиважно. Получается, что функция этого фильма заключается еще и в сохранении живого звучания языка науканских эскимосов в совокупности с фундаментальной мифологией этого народа, этого региона.

Недавно мы завершили работу над 240-страничным художественным альбомом «Книга Моря: миф, земля и люди» по мотивам кинопроекта. Мой соавтор – сотрудник Государственного Музея Востока Михаил Мокович Бронштейн. В издании весь миф от начала до конца иллюстрирован кадрами анимационной линии и сопровожден научно-популярными текстами и визуальными материалами по этнографии и археологии Северо-Восточной Азии, предоставленными МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Государственным музеем Востока и Музейным центром «Наследие Чукотки» (г. Анадырь).

Наконец, у проекта есть и третья ипостась – одноименная с альбомом выставка. После завершения производства у меня осталась масса пластилиновых персонажей, фонов, фотографий, текстов и т.д., было бы глупо этим не воспользоваться, и Правительство Чукотского автономного округа поддержало эту идею. Сложился увлекательный рассказ о культуре северо-восточной Чукотки в новом для меня выставочном формате. Я сам веду экскурсии от получаса до часа. Стержень повествования – сюжет мифологической линии «Книги Моря», в который органично вплетаются исторические факты, описание мест и событий, воспоминания о людях... У многих персонажей и мест действия анимационной мифологической линии существуют прототипы в реальной жизни. Скажем, та же «Китовая аллея» на острове Ыттыгран – прототип места действия сцены «Эра благоденствия», и на выставке вы можете увидеть, как она выглядит в действительности. Я рассказываю про этот памятник эскимосской культуры и про другие знаковые места, о культурном наследии и мечте о ренессансе.

И, наконец, о федеральном прокате, подготовка которого была прервана пандемией. Мы по-прежнему планируем представить «Книгу моря» как большое взрослое кино. Предварять прокат будут два тура: первый – выставочный по Центральному и Северо-Западному федеральным округам, а второй – это долгожданная презентация фильма в поселках северо-восточной Чукотки героям проекта и их соплеменникам. Как кульминация 10 декабря стартует всероссийский прокат с премьерами в Москве и Петербурге, и спустя пару дней меня ждет двухнедельный тур по столицам Дальневосточного федерального округа, где я буду лично представлять фильм и общаться с аудиторией. Надеюсь, обстоятельства будут благоприятствовать на этот раз и все состоится.

– Но вот разве тем самым Вы не решаете, опять же, в меру своих возможностей, проблему исчезновения традиционных культур?

– Я делаю все для того, чтобы этого не произошло. Вся моя жизнь, по сути, направлена на то, чтобы сохранить то, что я люблю. И я ищу способы, чтобы это воспринималось всерьез, чтобы люди переживали эмоциональный опыт знакомства. Потому в конце экскурсии по нашей выставке, когда посетители услышали весь миф в моем изложении со всей сопутствующей информацией об эскимосах и береговых чукчах, в частности о том, что происходило с ними в двадцатом веке, я вижу их глаза и понимаю, что катарсис наступает у некоторых людей. То есть они плачут – это раз, а второе, когда я говорю: «Вот вы знаете, мы хотим сделать федеральный прокат фильма, но не стандартно, когда фильм расписан по каким-то кинотеатрам в определенное время. Нам хотелось бы превратить это в просветительский проект, когда мы с аудиторией говорили бы о том, кто мы такие, где наши корни, кто наши деды, где наша родина малая, что это такое для каждого из нас. Чтобы мы об этом дискутировали». И они на меня смотрят, и глаза светятся. И я понимаю, что в современном обществе существует дефицит эмоционального обмена подобного рода информацией. То есть мы забиты каким-то шлаком, а о вещах, по которым, видимо, тоскует каждый из нас, мы друг с другом не общаемся. Поэтому я говорю об этом, фильм говорит с экрана за меня, я стараюсь говорить об этом с людьми после показа фильма, я сам веду экскурсии и стараюсь не уставать на этой выставке, и я собираюсь на Дальний Восток, потому что считаю, что вот этот энергетический, эмоциональный обмен вещами, которые нам дороги, и связанными с ними переживаниями, он необходим. Конечно, я решаю. Ну, то есть, я пытаюсь это сделать. Не жалея сил.

– Алексей, каким Вы представляете себе будущее визуальной антропологии?

– Визуальной антропологией занимаются и те люди, которые не являются сотрудниками научных учреждений, потому что принцип того же самого кинонаблюдения – на самом деле популярный метод и в хорошем документальном кино. В документальном кино, если ты не манипулируешь реальностью, если ты не делаешь какой-нибудь памфлет или какой-нибудь арт-монтаж из непонятно чего, а работаешь с реальностью, то только кинонаблюдение даст тебе возможность запечатлеть атмосферу. А атмосфера – это вообще в природе кинематографа одна из самых первостепенных вещей. Поэтому любой документалист серьезный, понимая, что надо запечатлеть атмосферу, будет наблюдать. Но длительное и пристальное наблюдение за всеми проявлениями своего персонажа – это визуальная антропология по сути. Поэтому какие перспективы у визуальной антропологии?! Визуальных антропологов го-

раздо больше, чем мы можем себе представить. То есть мы знаем несколько человек из академических кругов, но очень много документалистов (в одной только России десятки, а то и сотни), которые занимаются визуальной антропологией. И в будущем их число будет только расти.

– Как Вы считаете, в каком направлении все-таки будет двигаться развитие визуальной антропологии?

– В визуальной антропологии (как и во всем кинематографе) революция произошла, когда открылась цифровая эра. В двухтысячных годах у «человека с камерой» появилась возможность наблюдать бесконечно долго. В экспедицию ты уже не тащишь килограммы пленки, громоздкую камеру и объективы, которые надо беречь. Ты берешь с собой малюсенькую камеру или фотоаппарат. Эти совершенно фантастические инструменты позволяют работать в одиночку, полностью разрушая дистанцию с персонажем. С появлением «цифры» появилась масса людей, которые делают шикарные антропологические наблюдения и фильмы, представить которые прежде было абсолютно невозможно. Эта революция случилась совсем недавно. Куда мы будем двигаться дальше? Наверное, съемочная техника станет вообще миниатюрной... Но никто не отменял форму. То есть мы опять возвращаемся к тому, что есть инструмент, он совершенствуется. Но есть некая аксиома, по крайней мере для меня: творческое качество проекта не зависит от количества денег. Оно, как правило, продиктовано энергией, зарядом, тем первоначальным импульсом, который двигает тебя вперед. Вот эта штука, которая горит в тебе все время, она определяет судьбу твоего проекта. Поэтому техника может развиваться дальше как угодно, но уже существующих камер достаточно для того, чтобы делать великолепные вещи, вдумчиво и подолгу наблюдать за людьми, фиксировать оценки, процессы, состояния, время. Весь вопрос по-прежнему в языке и форме.

Куда расти, не знаю, но самое главное, что у визуальной антропологии в России будет будущее, если она будет признана как дисциплина, ее результаты будут оцениваться наравне с классическими исследованиями. Я уже говорил выше, что это работа энциклопедического толка и чудовищной сложности, ведь нередко ты попадаешь в нечеловеческие условия (человеческие для твоих героев, но для тебя они могут быть экзотические, страшные и прочее), имея в руках цифровую технику, которая есть один из самых совершенных продуктов человеческой мысли и технологий. Твоя задача – создать полноценный художественный продукт, художественный образ и источник для бесконечного познания. Он должен быть состоятелен не только с точки зрения искусства кино, но и как исследовательская работа, исследовательский про-

ект, его результат. Допустим, «Книга Моря», включая подготовку и реализацию, заняла пять лет. Она выдерживает все критерии. Однако это не печатная публикация, и ее успехи, призы и растущая аудитория по всему миру никак не монетизируются в пресловутые баллы. Пока кинопродукт визуальной антропологии приравнивается к статье в журнале (с монографией я бы, вероятно, согласился), никакого будущего у нашей дисциплины не будет. Она будет прикладной, исследователь будет брать камеру для удобства, чтобы снять интервью и не потерять при расшифровке какую-то мысль…

– Но это уже не визуальная антропология…

– Это не визуальная антропология, это стенография. Поэтому я не знаю, как быть. Мы все находимся в очень сложной ситуации.

– Но Вы как, позитивно все-таки видите это будущее или негативно?

– Я верую в светлый разум. Я по крайней мере делаю так, чтобы искать какие-то формы и форматы презентации своей деятельности и результатов своей деятельности не только через экран, но и через литературу, через выставочную деятельность, через встречи с людьми, общение с людьми. Есть поддержка моим инициативам, есть силы, которые понимают важность сохранения культурной самобытности, допустим Правительство Чукотки. Так что, если даже плоды наших усилий не будут индексироваться (условно) по Хиршу, от чего в данный момент зависит не только профессиональная продуктивность, но и элементарное выживание в академической среде, есть институты, готовые нам помогать. Слава Богу, мы не в бассейне, а на открытой воде.

– Спасибо, Алексей, за интервью! Было интересно послушать.

– Спасибо огромное, Саша, надеюсь все это будет иметь какой-то смысл.

Заключение

Надеюсь, что читатели, в чью сферу интересов входят антропология, киноведение, а также смежные специальности, сумели найти для себя много нового и интересного в нашем интервью.

Статья поступила в редакцию 17 июня 2020 г.

Vakhrushev Aleksey Yu. and Oganezov Alexander E.

THE CINEMA BOOK. ON CURRENT ISSUES AND THE FUTURE OF VISUAL ANTHROPOLOGY. INTERVIEW

DOI: 10.17223/2312461X/30/7

Abstract. Visual anthropology and anthropological cinema are becoming increasingly popular not only in both the academy and the documentary film industry, but also among documentary audiences and organizers of various non-fiction film festivals. Visual anthropology has quite a short but extremely rich history. Throughout its existence, the discipline had to deal with different issues and was faced with many difficult challenges. In the modern world with its pluralistic and globalized society, there is ever less space for traditional culture and traditional ethnic communities. For contemporary visual anthropology and its practitioners, this is a new challenge, namely how to preserve original cultures, their traditions, language, and history, and how to find a place for them in a complex fast-changing world. All these and many other issues in visual anthropology are discussed in this interview.
Keywords: visual anthropology, cinema, ethnography, documentary cinema

МИГРАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 572
DOI: 10.17223/2312461X/30/8

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ПАЛЕОДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ XVII–XIX вв.*

Иван Григорьевич Широбоков

Аннотация. Проведена оценка возможного влияния миграционного фактора на палеодемографические характеристики выборок русских Нового времени. Материалами для анализа послужили 64 скелетных серии, происходящие преимущественно из раскопок городских кладбищ XVII–XIX вв. Показано, что выборки с территории Сибири отличаются значительно более высоким процентом детей, а также относительно низкой долей индивидов зрелого возраста среди взрослых по сравнению с выборками европейской части России. В целом выявленные различия совпадают с различиями между выборками «первопоселенцев» и «старожилов» независимо от территории проживания. Одна из основных причин специфичности палеодемографической характеристики сибиряков заключается в особенностях половозрастного состава переселенцев и в более высоких темпах прироста населения к востоку от Урала. Обнаружены существенные расхождения в оценках ожидаемой продолжительности жизни, основанных на палеодемографических значениях индекса ювенильности и данных официальной статистики XIX в. Вероятнее всего, они обусловлены расхождениями между возрастными распределениями обитателей сельских и городских поселений, а также недостаточной репрезентативностью скелетных серий. Показано, что в среднем в выборках из военно-административных и промышленных поселений выше доля людей активного трудоспособного возраста, чем в сельских группах. Это объясняется как различиями в половозрастном составе живого населения, так и относительно высокими коэффициентами смертности отдельных возрастных групп, проживавших в поселениях указанных двух типов.

Ключевые слова: палеодемография, историческая демография, физическая антропология, европейская Россия, Сибирь, Новое время, миграции, городское население

Введение

Информация о половозрастном составе скелетных серий, происходящих из раскопок археологических памятников, часто используется антропологами для оценки показателей смертности, рождаемости,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда №18-78-00101 «Палеодемографическая характеристика населения России в XVII–XVIII вв.: методический и исторический аспекты».

среднего возраста смерти и продолжительности жизни различных популяций прошлого. Проведение такого анализа всегда сопряжено с целым рядом методических проблем, описание и возможные пути преодоления которых последние полвека становятся предметом специальных исследований так часто, что уже сами литературные обзоры по теме могут заслуживать отдельной публикации (Федосова 1994; Hoppa 2002; DeWitte 2018; Milner et al. 2018; Ubelaker, Longeway 2019 и др.).

В числе таких проблем всегда указываются возможная нерепрезентативность выборок и их, как правило, небольшой объем, зачастую несоизмеримый с данными, задокументированными в письменных источниках, влияние обряда и сохранности костей на представленность детских останков, методические ограничения и ошибки в определении пола и возраста, условия и ограничения применения разнообразных моделей к конкретным популяциям. Некоторые проблемы можно считать специфическими для анализируемых периодов и регионов (различия между типами памятников, влияние механического и естественного прироста, фактор катастрофической смертности, обусловленной войнами и эпидемиями). Другие проблемы связаны с особенностями работы научных сообществ разных стран (методы раскопок, фиксации и хранения скелетных останков, методы установления пола и возраста, подходы к представлению данных в публикациях).

В России заметную долю публикаций, посвященных палеодемографии, составляют исследования, посвященные анализу скелетных серий из раскопок городских кладбищ эпохи Средневековья и Нового времени. Как правило, исследователи прибегают к суммарному описанию материалов, составляющих выборку из одного могильника, и составлению таблиц смертности, из которых затем выводятся оценки ожидаемой продолжительности жизни, проценты детской смертности, проценты дожития, коэффициенты фертильности и другие показатели. Точность этих показателей зависит от множества параметров, которые, однако чаще всего не подвергаются специальным оценкам. Между тем различия в темпах прироста населения, миграции коллективов со специфическим половозрастным составом, нелинейный характер колебаний численности населения оказывают существенное влияние на характеристики выборок. Анализу таких факторов на материалах выборок, характеризующих русское население Сибири и европейской России эпохи Нового времени, и посвящена данная публикация.

С третьей четверти XVII по конец XIX в. общая численность русского населения, проживавшего в границах Российской империи XIX в., увеличилась с 8 до почти 56 миллионов человек (Брук, Кабузан 1982). Вероятно, эти оценки не очень точны, и колебания скорости прироста в разные периоды и на разных территориях были весьма существенными. Но сам по себе этот факт уже достаточен для того, чтобы утверждать: в

анализе неприменимы стандартные таблицы смертности, основанные на стационарной модели. Проблема заключается в том, что модели, опирающиеся на некоторую заданную скорость естественного прироста населения, могут также оказаться некорректными. Заметную роль в истории России в эпоху Нового времени играли внутренние миграции населения. Центральные и северные районы европейской части России систематически исполняли функцию регионов-доноров, а южные районы европейской части, Поволжье, Приуралье и Сибирь – регионов, привлекающих на свою территорию новые группы населения (Там же). Кроме того, и внутри регионов миграции оказывали влияние на состав городских и сельских поселений. Направление миграций не носило однонаправленный характер: приток населения в города периодически сменялся оттоком в сельские поселения (Миронов 1990).

Цель данного исследования состоит в оценке той роли, которую миграционный фактор играл в межгрупповой изменчивости палеодемографических характеристик выборок, как относящихся к поселениям разного типа, так и проживавших по разные стороны Урала. В основе анализа лежит предположение, что половозрастной состав мигрантов, (идет ли речь о переселении жителей Русского Севера в Западную Сибирь или сельских крестьян в промышленный центр) всегда отличается от состава исходной популяции. Действительно, даже по материалам начала XX в., когда миграции приняли массовый характер, известно, что среди сибирских переселенцев преобладали подростки и молодые люди, а младенцы и старики составляли лишь небольшую долю. Причем по прибытии на новое место младших членов семьи подталкивали к вступлению в брак для укрепления семейного хозяйства (Демографическая история… 2017: 27–34). Миграции влияли не только на механический прирост населения, но и приводили к увеличению темпов естественного прироста, которые на протяжении XIX – начала XX в. к востоку от Урала были в целом выше, чем по империи (Ивонин 2000; Зверев 2014).

Вопрос заключается в том, позволяет ли обнаружить последствия миграций палеодемографический анализ скелетных серий, характеристики которых всегда неполны и искажены?

Материалы и методы

В течение последних двух лет автором собиралась вся доступная информация о скелетных сериях из раскопок русских сельских и городских кладбищ XVII–XIX вв. Часть данных удалось извлечь из публикаций, часть – получить из материалов археологических отчетов, часть – из личных архивов автора и коллег, любезно согласившихся поделиться неопубликованными сведениями. К настоящему времени собрана база

данных, включающая в себя информацию о половозрастных характеристиках 19 тысяч человек, сгруппированных в 76 скелетных серий. База находится в свободном для читателей доступе на сайте: https://kunstkamera.academia.edu/IvanShirobokov

Большая часть материалов – 58 выборок – происходит из европейской части России, 18 выборок – с территории Урала, Западной и Центральной Сибири (для краткости в дальнейшем обозначаемых как Сибирь) (рис. 1). Выборки характеризуют преимущественно городское население, небольшая часть представлена материалами сельских кладбищ и кладбищ при городских монастырях. Монастырские выборки (всего их 12) в большей части анализов не учитывались. Их характеристики смещены относительно общегородских, даже несмотря на то, что на таких кладбищах, помимо захоронений служителей монастыря, практически всегда присутствуют захоронения представителей привилегированных (и не только) сословий, а также отдельных горожан и их семей.

Рис.1. Географическое расположение анализируемых серий.
Карта с обозначением серий и полным списком ссылок на источники данных доступна на сайте: https://kunstkamera.academia.edu/IvanShirobokov

Большинство скелетных серий, половозрастные определения которых положены в основу анализа, происходит из частично раскопанных кладбищ с относительно широкими датировками, редко укладывающимися в одно столетие. Без серьезной совместной работы с археологами они не могут быть разбиты на подгруппы, составляющие некоторую хронологическую последовательность. Суммарная характеристика отдельно взятой серии в действительности может опираться на разрозненные материалы разного времени или же относиться к более узкому периоду, чем позволили установить археологические наблюдения. Маловероятно, что все периоды функционирования кладбища будут представлены пропорциональным числом индивидов. У каждого кладбища

есть структура, и даже плотность погребений и сохранность скелетов, как правило, различаются на разных участках, что может непосредственно отразиться как на точности оценок пола и возраста, так и на репрезентативности исследуемых выборок.

С целью снижения выборочного эффекта, а также снижения возможного влияния межисследовательских расхождений в определении пола и возраста скелетов все анализы проводились путем сравнения не отдельных выборок, а их группировок, объединенных по некоторым внешним признакам – географическим, хронологическим и социально-экономическим. Хронологическая изменчивость палеодемографических показателей рассчитывалась для шести полувековых периодов, приходящихся на XVII–XIX вв. Характеристика каждого периода определялась путем усреднения значений признаков тех серий, датировки которых охватывают данный хронологический отрезок, отдельно для населения европейской части России и отдельно для Урала и Сибири. Усреднение признаков проводилось со взвешиванием: вклад каждой выборки в характеристику конкретного периода оценивался по формуле $X_c = x \frac{\sqrt{n}}{\Sigma(\sqrt{N})} \frac{p}{\Sigma(P)}$, где x – исходное значение признака в выборке, n – число наблюдений в выборке, p – условная вероятность совпадения датировки выборки с рассматриваемым периодом (например, для выборки, датирующейся XVII в., вероятность совпадения датировки с периодом «первая половина XVII в.» составит 0,5, а для выборки с датировкой XVII – середина XIX в. – 0.2), $\Sigma(\sqrt{N})$ – сумма квадратных корней из числа наблюдений для всех выборок с датировками, приходящимися на рассматриваемый период, $\Sigma(P)$ – сумма вероятностей совпадения датировок каждой из выборок с рассматриваемым периодом. Характеристика периода рассчитывалась как простая сумма вкладов всех выборок, датировки которых совпадают с ним хотя бы отчасти.

При оценке ожидаемой продолжительности жизни использовались регрессионные формулы, основанные на заданной величине естественного прироста и рассчитываемой величине индекса ювенильности (JI – juvenility index) (Bocquet-Appel, Masset 1996)[1]. Индекс определяется как отношение индивидов от 5 до 14 лет к числу индивидов старше 20 лет (JI = d5–14/d20+). Показатель связан высокой отрицательной корреляцией с ожидаемой продолжительностью жизни при рождении. Хотя существуют также формулы, учитывающие средний возраст смерти среди взрослых умерших, однако представляется, что индекс ювенильности имеет перед ними серьезные преимущества. Во-первых, величина индекса устойчива к межисследовательским расхождениям. Во-вторых, на его величину не оказывает влияния систематическая ошибка в определении возраста индивидов старших возрастных когорт, которая приводит к существенному занижению среднего возраста смерти (Широбоков 2019).

Помимо хронологической изменчивости, оценивались различия между сибирскими и европейскими сериями, сельскими поселениями и городами, а также отдельно рассматривались изменчивость половозрастных характеристик в выборках из поселений, выполнявших военно-административные, аграрные и производственные функции. Эти признаки хотя и коррелируют между собой, но корреляции, как правило, имеют низкую величину. Одно и то же поселение могло выполнять разные функции в одно и то же время и менять их в течение определенного периода, на который приходится датировка скелетной серии.

Отдельно оценивались различия между выборками, датировки которых хотя бы отчасти совпадают со временем основания поселения (для краткости обозначенными как «первопоселенцы»), и остальными выборками («старожилами»). Очевидно, что это разделение носит условный характер. В действительности ни одна из выборок не может считаться состоящей исключительно или преимущественно из семей первопоселенцев или старожилов. Однако для целей анализа достаточно предположения, что в указанных двух группировках существуют суммарные различия в представленности относительной доли останков тех и других. Это замечание справедливо и для группировок, сформированных по другим признакам. В конкретных выборках, отнесенных к поселениям аграрного или военно-административного типов, реальная доля лиц, занятых в сельском хозяйстве и в военном деле, может оказаться незначительной или даже близкой к нулю. Со стороны автора возможны также ошибки, связанные с недостатком сведений об истории формирования конкретных кладбищ и поселений. Однако представляется, что наиболее значимые тенденции в изменчивости половозрастных характеристик умерших при анализе большого массива данных будут проявляться даже несмотря на указанные недостатки.

Сопоставление характеристик выборок, группируемых по перечисленным признакам, проводилось при помощи U-критерия Манна–Уитни в пакете программ STATISTICA 12.0. Для снижения вероятности ошибки первого рода (ложноположительного заключения о неслучайности выявленных различий) использовалась поправка на множественные сопоставления по методу Холма–Бонферрони при $\alpha = 0{,}05$.

Оценка значимости влияния миграций на палеодемографическую характеристику скелетных серий из поздних русских кладбищ проводилась путем проверки двух основных гипотез.

Первая гипотеза заключается в том, что основные различия между характеристиками сибирских и европейских серий в значительной степени могут быть объяснены особенностями половозрастного состава переселенцев. Предполагается, что эти различия: а) будут заключаться в более высоком проценте детей и молодых людей, а также низкой доле стариков в сибирских сериях; б) будут совпадать в большей или мень-

шей степени с различиями между выборками «переселенцев» и «старожилов» независимо от территориальной принадлежности выборок.

Вторая гипотеза состоит в том, что существуют систематические различия в половозрастной структуре групп живого населения, проживавшего в поселениях разного типа, и эти различия могут быть выявлены при анализе скелетных серий даже при условии, что нам неизвестны реальные возрастные коэффициенты смертности. Эта гипотеза рассматривалась на примере выборок из поселений, выполнявших военно-административные и производственные функции. Предполагалось, что: а) доля индивидов активного трудоспособного возраста (20–50 лет) в выборках из таких поселений будет выше, чем в выборках из сельских поселений; б) в первых относительная доля мужчин будет заметно выше доли женщин среди индивидов с установленным полом.

Межисследовательские расхождения в расчете половозрастных распределений и некорректные интерпретации данных

К сожалению, невозможно оценить влияние систематических расхождений в установлении пола и возраста погребенных между всеми исследователями, материалы которых были привлечены к анализу. В том числе и по этой причине в анализе сравнивались не отдельные выборки, а их совокупности, сгруппированные отдельным признакам. Теоретически объединение данных разных исследователей должно привести к уменьшению вероятности направленных различий. Тем не менее для дополнительного снижения рисков автором по возможности использовались исходные индивидуальные половозрастные определения, а все палеодемографические показатели рассчитывались заново, даже если материал уже был опубликован. Перерасчет признаков по индивидуальным данным был проведен для 46 из 76 выборок.

Необходимость таких пересчетов отчасти была вызвана одним неожиданным наблюдением. Как оказалось, некоторые из исследователей считают допустимым определять возраст взрослых индивидов в очень узких диапазонах (35–40 лет, 50–55 лет, ≈30 лет) (см. например: Васильев, Боруцкая 2011; 2013; Молодин 2007). В стандартных таблицах смертности часто используются пятилетние возрастные интервалы, но возраст индивидов не определяется в таких узких границах. При вычислении суммарных долей каждой из возрастных групп учитывается вероятность, с которой к ней может быть отнесен каждый из погребенных с установленным возрастом. Однако ни один из морфологических методов не позволяет надежно устанавливать возраст взрослых индивидов в пятилетних интервалах или давать ему точечные оценки. Хорошо известно, что биологический и паспортный возраст зачастую не совпадают между собой, и чем старше человек, тем выше вероятность и величина расхождений.

Для снижения погрешности исследовательских оценок первоначальные точечные и пятилетние определения возраста были преобразованы в десятилетние (например, если возраст оценивался в интервале 45–50 лет, последний преобразовывался в интервал 42,5–52,5 года, ок. 30 лет – 25–35 лет). Коррекция была проведена для определений возраста всех индивидов старше 25 лет. Она привела к сглаживаниям кривых возрастных распределений и некоторому увеличению доли финальной когорты (50+), что в свою очередь позволило несколько приблизить палеодемографические данные к распределению, ожидаемому по данным официальной статистики. Еще большего сближения удалось добиться при помощи коррекции формы возрастного распределения, основанной на результатах теста I Лавджоя (см. описание в: Широбоков 2019; в основной части анализов она не применялась) (рис. 2). Эти простые процедуры не только привели к сглаживанию пиков, но и показали отсутствие всякой необходимости привлечения аргументов хронологического и даже генетического характера для объяснения зубчатой формы распределений (Рейс, Савенкова 2019; Молодин 2007: 36).

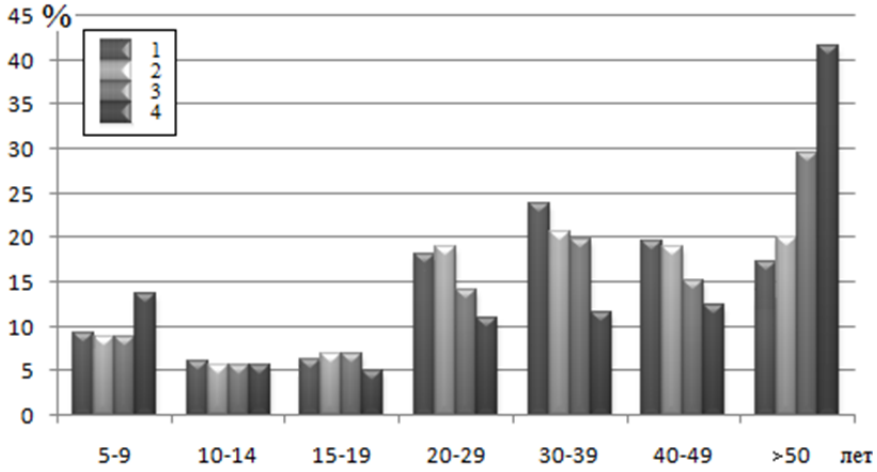

Рис. 2. Возрастное распределение умерших в России эпохи Нового времени: 1 – по материалам 76 выборок XVII–XIX вв.; 2 – по материалам 46 выборок XVII–XIX вв., распределения в которых были пересчитаны автором по индивидуальным данным; 3 – по материалам 46 выборок, распределения в которых были пересчитаны автором и откорректированы в соответствии с результатами теста Лавджоя (Широбоков 2019); 4 – в соответствии с данными официальной статистики за 1890–1994 гг. для 50 губерний Европейской России

Интерпретации данных часто оказываются одним из наиболее уязвимых и спорных этапов в палеодемографических исследованиях. Для традиционного типа воспроизводства населения, который преобладал на территории России на протяжении всего периода Нового времени,

характерны высокая младенческая смертность, относительно низкая продолжительность жизни и преобладание смертности от причин экзогенного характера. Историками часто подчеркиваются ограниченность доступа к медицинской помощи, проблемы акушерства и неправильного ухода за детьми, неблагополучность санитарных и экономических условий жизни, характерные для большинства российских губерний даже в конце XIX в. (Новосельский 1916; Рашин 1956; Демографическая история… 2017). Эти справедливые замечания успешно используются антропологами при описании половозрастных характеристик исследуемых скелетных серий, в том числе более ранних периодов. Но правдоподобное заключение не всегда является истинным.

В некоторых работах исследователи прибегают к суммарным оценкам демографического благополучия населения, определяя характеристики скелетных серий как «благополучные», «относительно благополучные» «типичные», «неблагополучные» и «типично неблагополучные». Так поступал и автор, не задумываясь глубоко над содержанием характеристики. Поскольку речь идет о населении одной страны, культуры и эпохи, вполне допустимо задаться вопросом, какие же именно палеодемографические параметры позволяют отличить благополучную популяцию от неблагополучной? Сравнение характеристик выборок, сгруппированных в категории «благополучные» и «неблагополучные» в соответствии с интерпретацией авторов, показывает, что между ними нет ни одного различия, которое можно было бы признать статистически значимым с учетом пороговых требований поправки на численность. Если же подойти к результатам теста более мягко, то обнаружится, что различия заключаются в том, что в «благополучных» группах сравнительно невелика доля индивидов в возрасте от 20 до 29 лет, (17 и 24% соответственно, $p = 0{,}034$). Индивиды старше 50 лет, напротив, составляют в таких выборках в среднем более высокий процент (23 и 13%, $p = 0{,}034$). На первый взгляд, эти различия кажутся вполне логичными – чем выше процент людей, доживающих до старости, тем более обоснованным выглядит предположение о благоприятных условиях жизни популяции. К сожалению, при таком подходе совершенно не учитывается фактор естественного прироста. В растущей популяции доля молодых людей будет повышаться, а процент стариков, напротив, сокращаться как в структуре живого населения, так и в распределении умерших. Игнорируя эту тенденцию, мы вынуждены будем признать выборку из активно развивающегося нового поселения ярким примером влияния неблагоприятных демографических факторов, а выборку из кладбища, расположенного при вымирающей деревне, население которой преимущественно состоит из одних стариков, образцом благополучия и процветания.

То же замечание справедливо по отношению к оценке детской смертности. Анализ публикаций показал, что процент детей (в возрасте

до 14 лет включительно), свидетельствующий, с точки зрения исследователей, о высокой детской смертности, в среднем в два раза выше, чем при противоположной оценке (42,7 и 21,4% соответственно, $p = 0{,}0052$). Однако эти цифры не отражают уровень смертности ни напрямую (процент детей всегда занижен), ни даже косвенно, поскольку в действительности изменение уровня смертности почти не влияет на кривую возрастного распределения, в отличие от колебаний уровня рождаемости (McCaa 1998; Sattenspiel, Harpending 1983).

Бессознательно многими исследователями возрастное распределение в палеодемографии воспринимается как отражающее изменчивость вероятности смерти в конкретных возрастных группах, а сами доли возрастных групп оцениваются как независимые признаки. Отсюда возникают правдоподобные, но абсолютно некорректные заключения, например: «Процент детской смертности в данной выборке меньше, чем в выборке №1 и составляет 16,1%. Но при этом 56% детей умирало именно в первый год жизни или сразу после рождения. Это указывает на низкий уровень медицины, а может быть, и особую экономическую и военную обстановку в городе во время формирования кладбища…» (Боруцкая, Васильев 2016: 110). В действительности даже в скелетной серии идеальной сохранности, включающей останки всех умерших, процент детей в возрасте до года сам по себе ничего не говорит о том, какой процент детей в популяции умирал в течение первого года. Для такой оценки требуются сведения о возрастной структуре живого населения и темпах прироста. Кроме того, именно низкий, а не высокий процент младенцев, рассчитанный от общего числа детей, с более вескими основаниями может рассматриваться как свидетельствующий о неблагоприятных условиях жизни. Высокая доля младенцев в выборке скорее всего будет отражать высокий уровень рождаемости, тогда как высокий процент детей других возрастов (при условии репрезентативности выборки) не может объясняться никакими факторами, кроме как высокой смертностью экзогенного характера.

Четверть века назад В.Н. Федосова писала, что в России «большая часть специалистов прерогативу палеодемографии видит в успешном определении среднего возраста смерти для каждого отдельно взятого могильника и, как правило, не более того». (Федосова 1994: 67). К сожалению, ситуация с тех пор не претерпела изменений к лучшему.

Различия в половозрастном распределении умерших на территории Сибири и в Европейской России

Средние значения основных палеодемографических параметров в сибирских и европейских выборках разных периодов приведены в табл. 1.

Таблица 1

Хронологическая изменчивость некоторых половозрастных характеристик выборок из раскопок 64 кладбищ XVII–XIX вв. Европейской России и Сибири

Период (число выборок)	d0-14	d15-19/d15+	d20-29/d15+	d30-39/d15+	d40-49/d15+	d50+/d15+	d5-14/d20+	PSR(m)	PSR(f)	AA15+	AAm	AAf
Европейская часть России												
1 пол. XVII в. (31)	29,7	6,7	21,1	28,0	22,9	21,2	17,3	57,1	42,9	37,8	39,5	36,4
2 пол. XVII в. (32)	32,0	7,1	22,2	27,5	23,0	20,3	17,6	55,6	44,4	37,5	39,1	36,4
1 пол. XVIII в. (33)	37,0	6,3	21,0	30,7	24,2	17,8	22,6	54,0	46,0	37,3	39,0	36,0
2 пол. XVIII в. (31)	28,8	5,9	20,2	29,5	25,1	19,3	12,3	54,2	45,8	37,5	39,8	36,2
1 пол. XIX в. (7)	26,4	4,0	19,8	26,3	25,1	24,9	9,2	52,4	47,6	40,0	41,2	37,8
2 пол. XIX в. (10)	20,5	7,9	21,0	21,6	22,0	27,5	12,1	56,0	44,0	38,5	40,2	37,7
XVII-XIX вв. (47)	30,4	7,0	20,5	26,2	23,9	22,5	19,1	57,6	42,4	37,7	39,3	36,0
Урал и Сибирь												
1 пол. XVII в. (9)	46,6	10,8	24,7	25,5	20,0	19,0	24,4	60,1	39,9	35,2	37,1	33,5
2 пол. XVII в. (11)	42,5	10,7	25,1	26,3	20,6	17,4	25,1	57,2	42,8	35,6	37,4	33,8
1 пол. XVIII в. (9)	52,2	8,7	25,2	29,5	22,0	14,6	32,0	53,8	46,2	36,3	38,6	34,6
2 пол. XVIII в. (13)	55,9	7,6	22,9	29,3	21,2	19,0	25,9	54,0	46,0	37,2	39,0	36,4
1 пол. XIX в. (7)	51,0	6,4	25,1	33,2	21,8	13,6	13,3	54,3	45,7	35,8	37,5	34,5
2 пол. XIX в. (4)	47,7	9,3	24,9	25,1	20,2	20,5	21,3	50,6	49,4	36,1	38,7	34,6
XVII-XIX вв. (17)	51,1	9,3	21,4	27,6	21,3	20,5	24,4	55,3	44,7	36,6	38,5	35,3
Характеристики выборок без учета территориальной принадлежности												
Первопоселенцы	44,7	9,6	21,8	28,6	21,9	16,1	28,3	56,0	44,0	35,2	37,6	34,3
Старожилы	31,5	7,1	21,4	28,0	24,9	23,0	17,6	58,0	42,0	37,1	38,3	36,0

Примечания. PSR(m) – доля мужчин среди индивидов с установленным полом; PSR(f) – доля женщин среди индивидов с установленным полом; AA15+ – средний возраст погребенных старше 15 лет; AAm – средний возраст мужчин старше 15 лет; AAf – средний возраст женщин старше 15 лет; d0-14 – процент детей (до 15 лет) от общего числа погребенных; d15-19/d15+ – доля индивидов 15–19 лет относительно числа индивидов старше 15 лет; d20-29/d15+ – доля индивидов 20–29 лет относительно числа индивидов старше 15 лет; d30-39/d15+ – доля индивидов 30–39 лет относительно числа индивидов старше 15 лет; d40-49/d15+ – доля индивидов 40–49 лет относительно числа индивидов старше 15 лет; d50+/d15+ – доля индивидов старше 50 лет относительно числа индивидов старше 15 лет; d5-14/d20+ – доля индивидов 5–14 лет относительно числа индивидов старше 20 лет (индекс ювенильности); «первопоселенцы» – выборки, датировки которых хотя бы отчасти совпадают со временем основания соответствующих им поселений; «старожилы» – все остальные выборки.

Наиболее заметное отличие серий с территорий, расположенных к востоку от Урала, заключается в высокой доле детей, составляющих в среднем половину от числа всех учтенных погребенных. Изменчивость признака между выборками объясняется различиями в сохранности скелетных останков и, вероятно, особенностями погребального обряда. Однако выявленные суммарные различия, скорее всего, не случайны. Это заключение подтверждают и результаты U-теста Манна–Уитни:

процент детей в сибирских сериях в среднем в 1,7 раза выше, чем в европейских (30 и 51% при $p = 0{,}000106$ и $\alpha = 0{,}05/10 = 0{,}005$). Такое направление различий соответствует ожидаемому в рамках гипотезы о преобладающем влиянии миграций на палеодемографическую характеристику сибиряков. Высокий процент детей в сочетании с тенденцией к пониженной доле индивидов 40–49 лет среди взрослых ($p = 0{,}031$, т.е. меньше порогового уровня с учетом поправки) в сибирских сериях может объясняться как разными темпами естественного прироста населения, так и сдвигом исходного состава мигрантов в сторону младших возрастных групп по сравнению с составом населения регионов-доноров.

Справедливость гипотезы о существенной роли миграционного фактора подтверждают результаты сопоставления групп выборок, условно разделенных на «старожилов» и «первопоселенцев» без учета территориальной принадлежности. Различия имеют то же направление и сходную величину (средний процент детей среди погребенных составляет 29 и 49% соответственно при $p = 0{,}000022$). Может быть, такое распределение в действительности связано с региональными различиями, ведь большинство выборок «первопоселенцев» относится к территории Сибири? Результаты повторно проведенного анализа, ограниченного материалами европейской части России, позволяют отвергнуть это предположение. В Европейской России различия в средней доле детей среди умерших имеют то же самое направление и близкие значения (27 и 43%, $p = 0{,}0094$ при $\alpha = 0{,}005$, т.е. меньше порогового уровня, что не принципиально в рассматриваемом случае, поскольку проверяется гипотеза о направленных различиях, а не различиях вообще).

Сравнение характеристик шести разных периодов показывает, что в каждом из них относительная доля детей выше в сибирских сериях. Процент индивидов финальной возрастной когорты, рассчитанный относительно числа индивидов старше 15 лет (т.е. независимо от числа детей), напротив, на всех этапах выше в европейской части. Как в Сибири, так и на европейской территории России доля стариков выше всего во второй половине XIX в. Можно предположить, что в данном случае общая тенденция объясняется не снижением темпов прироста, а некоторым улучшением санитарных условий и доступности медицинского обслуживания в конце XIX – начале XX столетия, поскольку та же самая особенность наблюдается в хронологической изменчивости признаков в монастырских выборках (которые не входят в основной состав сравниваемых группировок).

В сибирских сериях раннего периода (XVII в.) относительная доля мужчин в среднем в полтора раза выше, чем доля женщин, но ко второй половине XIX в. соотношение полов становится примерно равным. На европейской части доля мужчин среди взрослых погребенных заметно выше на протяжении всех трех столетий (может быть, за исклю-

чением первой половины XIX в.). В целом соотношение мужчин и женщин показывает большее отклонение от равного на европейской территории, а не в Сибири, что кажется странным, если исходить из концепции миграционного фактора, поскольку мужчины, несомненно, среди переселенцев преобладали (Зверев 2014).

Такая картина может иметь разные объяснения. Наиболее простое (и формальное) объяснение заключается в том, что эти различия случайны. Значимые различия между соотношением мужчин и женщин в сибирских и европейских выборках действительно отсутствуют. Но почему именно? По всей вероятности, потому что полученные результаты основаны почти исключительно на сериях из городских кладбищ (сельские группы представлены всего 13 выборками). Следовательно, выявленные различия между Сибирью и Европейской Россией могут отчасти объясняться более высоким уровнем урбанизации последней. Мужчины преобладали в составе переселенцев в Сибирь, но они также преобладали в числе наличного населения городов независимо от территории. Например, по результатам переписи 1897 г. соотношение мужчин и женщин в Западной Сибири было приблизительно равным (что согласуется и с палеодемографическими данными для второй половины XIX в.), причем в городах доля мужчин была выше, чем женщин, а в селениях – наоборот (Демографическая история… 2017: 25). Та же тенденция характерна для поселений европейской части. Более того, мужская смертность во всех возрастных группах старше 25 лет в городах заметно выше, чем женская, тогда как в сельской местности различия между полами либо не выражены, либо имеют обратное направление (Новосельский 1916: 141–142).

Проблема оценки темпов естественного прироста и средней (ожидаемой) продолжительности жизни в России в эпоху Нового времени

Процент детей среди умерших положительно коррелирует с темпом естественного прироста населения (McFadden, Oxenham 2018). Если исходить из того, что величина искажения признака примерно одинакова для всех периодов, то формально следует признать, что на протяжении всего рассматриваемого времени темпы прироста населения были заметно выше в Сибири, чем в Европейской России. Данные церковной и административной статистики второй половины XVIII–XIX в. согласуются с этим предположением (Ивонин 2000).

В рамках каждого из шести периодов средний возраст смерти взрослых индивидов (старше 15 лет), как мужчин, так и женщин, выше в Европейской России[2]. На территории Урала и Сибири наибольшее значение признака приходится на вторую половину XVIII в., на европейской

– на первую половину XIX в. Если бы средние темпы прироста населения были равны нулю, то ожидаемая продолжительность жизни была бы равна среднему возрасту смерти. Однако в России Нового времени это очевидно не так.

Для оценки ожидаемой продолжительности жизни необходимы данные о естественном приросте населения – разнице между числом родившихся и умерших за определенный период. С одной стороны, эта информация не может быть получена из половозрастных распределений скелетных серий[3]. С другой стороны, игнорирование фактора прироста, как правило, ведет к искажению оценки средней продолжительности жизни – чем выше скорость естественного прироста, тем выше реальная средняя продолжительность жизни по сравнению со средним возрастом смерти. Причем это отклонение будет проявляться в оценке продолжительности жизни как при рождении, так и при достижении 15- или 20-летнего возраста, часто используемой в палеодемографии.

В табл. 2 представлены оценки ожидаемой продолжительности жизни при рождении, рассчитанные традиционным способом по стандартным таблицам смертности, а также по значениям индекса ювенильности при разных темпах естественного прироста (в соответствии с формулой из: Bocquet-Appel, Masset 1996).

Таблица 2

Модельная ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России эпохи Нового времени по палеодемографическим данным при разных темпах естественного прироста

Европейская часть	e0 при r = 0,00*	e0 при r = 0,00	e0 при r = 0,005	e0 при r = 0,01
1 пол. XVII в.	28,3	27,1	30,8	34,5
2 пол. XVII в.	27,4	26,8	30,4	34,1
1 пол. XVIII в.	26,1	22,4	25,9	29,5
2 пол. XVIII в.	28,9	33,4	37,3	41,3
1 пол. XIX в.	30,5	39,2	43,4	47,6
2 пол. XIX в.	31,9	33,8	37,7	41,7
XVII–XIX вв.	27,8	25,4	29,0	32,6
Урал и Сибирь	e0 при r = 0,00	e0 при r = 0,00	e0 при r = 0,005	e0 при r = 0,01
1 пол. XVII в.	21,8	21,2	24,6	28,1
2 пол. XVII в.	20,6	20,8	24,2	27,7
1 пол. XVIII в.	18,6	16,9	20,2	23,6
2 пол. XVIII в.	18,5	20,2	23,6	27,1
1 пол. XIX в.	19,9	31,9	35,8	39,7
2 пол. XIX в.	22,3	23,5	27,0	30,6
XVII–XIX вв.	19,5	21,2	24,6	28,1

Примечания. e0 – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет; r – среднегодовой естественный прирост населения; * показатель рассчитан по таблицам смертности и равен среднему возрасту смерти, в остальных случаях для расчета e0 использованы регрессионные уравнения для индекса ювенильности в соответствии с: Bocquet-Appel, Masset 1996.

Из полученных данных следует, что оценка средней продолжительности жизни при нулевых темпах прироста на 5–20 лет ниже оценки при r = 0,01 (т.е. среднегодовом приросте в 10‰). Из них также следует, что если принять тезис о том, что темпы прироста населения были примерно равными на протяжении XVII–XIX вв., то окажется, что первая половина XVIII в. являлась в демографическом отношении самой неблагополучной в российской истории Нового времени, а первая половина XIX в. – эпохой относительного благоденствия. Но так ли это? И почему часть оценок, особенно для поздних периодов, выглядит столь неправдоподобно высокой и изменчивой?

В самом деле, оценки, полученные по таблицам смертности, могут показаться значительно более точными – по крайней мере в той части, которую можно сравнить с историческими источниками. По данным официальной статистики, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в XIX в. в России составляла 26–32 года (Рашин 1956: 205; Новосельский 1916: 67, 85, 130; Миронов 1990; и др.), что хорошо соответствует палеодемографическим оценкам для стационарной модели. Второе достоинство этих оценок заключается в том, что в пределах каждого из двух больших регионов колебания средней продолжительности жизни между периодами незначительны, тогда как оценки, полученные по величине индекса ювенильности, даже для смежных периодов могут превышать 10 лет. Особенно подозрительно выглядит необычайно высокая продолжительность жизни, получаемая для первой половины XIX в. при любом темпе естественного прироста, отличающемся от нуля.

Тем не менее совпадение оценок, опубликованных демографами, и оценок, полученных по таблицам смертности для скелетных серий, является случайным и объясняется довольно просто. В последнем случае ожидаемая продолжительность жизни рассчитывается с учетом относительной доли всех возрастных групп. Однако средний процент детей, особенно в первом пятилетнем интервале, несомненно, является заниженным. С другой стороны, применение традиционных методов приводит к систематическому занижению доли финальной возрастной когорты (старше 50 лет). В данном случае величины ошибок, искажающих доли обеих крайних возрастных групп, удачно наложились друг на друга, что и позволило получить правдоподобную оценку. Но это лишь удачное совпадение с данными статистики для европейской части XIX в.

Для территории Сибири оценки средней продолжительности жизни, полученные по таблицам смертности, вероятнее всего, занижены. К сожалению, к настоящему времени не существует обобщающих работ по исторической демографии населения, проживавшего к востоку от Урала, содержащих необходимые данные. По расчетам Б.Н. Миронова, в 1897 г. средняя продолжительность жизни русских в Тобольской губернии составляла 29 лет. В.А. Зверев предположил, что в конце

XIX в. средняя продолжительность жизни в Сибири была выше, чем в европейской части, и составляла 33–35 лет (цифры приводятся в соответствии с: Панишев 2009). Во всяком случае, вызывает большие сомнения, что средние различия в величине показателей между двумя регионами составляли целых 10 лет.

Маловероятно, что ожидаемая продолжительность жизни при рождении в какой-либо из периодов Нового времени на европейской части России была заметно выше, чем в конце XIX в., в пореформенное время. Если предположить, что реальное значение признака колеблется вокруг оценки в 30 лет, то придется признать, что расчеты, основанные на индексе ювенильности, для периодов, начиная со второй половины XVIII в., неверны, даже при условии, что темпы прироста городского населения в целом отставали от темпов в сельской местности как в европейской части, так и в Сибири (Ивонин 2000; Миронов 1990).

Первоначально завышение оценок продолжительности жизни для первой и отчасти второй половины XIX в. автором связывалось с двумя причинами. Первая причина может состоять в том, что общий прирост населения города не равен его естественному приросту. Например, известно, что в 1810–1820-е гг. происходил отток городского населения в село, вследствие которого естественный прирост в городе оказался меньше общего прироста его населения (Миронов 1990: 66). На переоценку прироста могли также повлиять война 1812 года и серия эпидемий холеры, в частности 1831 и особенно 1848 гг., самой масштабной по числу смертей в XIX в. Известно, что масштабные эпидемии, практически не отражавшиеся на сельской демографии, оказывали серьезное влияние на естественное движение в городах, периодически приводя к значительной убыли населения (Миронов 1990: 61). Насколько известно автору, среди включенных в анализ выборок нет происходящих из раскопок холерных кладбищ, и все же весьма вероятно, что на их характеристиках могли сказываться косвенные последствия эпидемий. Убыль городского населения и отток части горожан в сельскую местность не могли не влиять на половозрастную структуру умерших. Указанные причины нельзя считать исчерпывающими, потому что в противном случае придется допустить, что в городах XIX в. имела место среднегодовая убыль населения 5–10‰, постепенно снизившаяся до нулевого уровня во второй половине XIX в., что противоречит историческим данным. Вторая возможная причина искажений состоит в том, что оценка на основе индекса ювенильности некорректна из-за влияния трудовой миграции. В крупных городах постепенно возрастал процент людей трудоспособного возраста, который был значительно выше доли их участия в воспроизводстве городского населения, поскольку их семьи оставались в селах.

Однако в действительности первое, на что следовало обратить внимание, – различия между индексами ювенильности, полученными по

результатам анализа скелетных серий, и их аналогами, рассчитанными по данным официальной статистики. Среднероссийский индекс ювенильности, рассчитанный по материалам статистики Священного Синода за 1851–1890 гг. (Бессер, Баллод, 1897), составил приблизительно 25%. Между X ревизией 1858 года и переписью населения 1897 г. численность русского населения выросла с 34,8 до 55,8 миллионов человек, что соответствует среднегодовому темпу прироста населения в 12‰ (r = 0,012) (Брук, Кабузан 1982). Тогда в соответствии с формулой Ж.-П. Боке-Аппеля и К. Массе ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России второй половины XIX в. составит 29 лет. Следовательно, в масштабах страны формула позволяет получать вполне надежные оценки.

С другой стороны, индекс ювенильности для скелетных выборок второй половины XIX в. в европейской России составляет всего 12%, а в Сибири – 20%. Для первой половины XIX века показатели еще ниже (см. табл. 1). Показатель для Сибири выглядит более реалистичным, но вероятно, основная причина этого заключается в различиях между составами выборок и уровне урбанизации регионов. Рассчитанная для XVII–XVIII вв. величина индекса ювенильности не имеет значимых различий между скелетными сериями из раскопок сельских и городских кладбищ (18 и 21%). Для XIX в. недостаточно данных для сравнения, однако разница в величине признака между городским и сельским населением европейской России по данным официальной статистики за 1890–94 гг. весьма значительна (11 и 26% соответственно).

Из-за преимущественного внимания археологов к городским кладбищам сложилось так, что палеодемографическая характеристика русского населения XVII–XIX вв. является характеристикой преимущественно городского населения. На показатели первых двух столетий смещенная характеристика выборок (вероятно, смягченная высокой долей городов аграрного типа) оказывает менее заметное влияние, но для XIX в. преобладание городских выборок оказалось принципиальным. Возможно, формула недостаточно точна для оценки средней продолжительности жизни в городах по перечисленным выше трем причинам исторического характера. Однако еще более вероятно, что полученные оценки просто нерепрезентативны для аграрной страны. Вероятно, они нерепрезентивны даже для среднероссийского города XIX столетия, поскольку половозрастной состав городов и городских поселений сам по себе отличался высокой изменчивостью.

Различия в половозрастном распределении умерших между поселениями разных типов

До XIX в. доля мигрантов в составе наличного населения большинства существовавших городов была незначительна, но это утверждение

не будет справедливым по отношению к молодым поселениям. В течение XVII–XVIII вв. возникали новые поселения, остроги, заводские поселки, различающиеся по своим социально-экономическим функциям и, конечно, половозрастному составу населения. Важность для изменчивости палеодемографических характеристик миграционного фактора, обусловленного различиями в функциях поселений, вполне может быть протестирована на имеющихся материалах, если отказаться от их географической и хронологической разбивки. В табл. 3 представлены данные о некоторых палеодемографических параметрах скелетных серий, относящихся к поселениям разного типа без учета их территориальной принадлежности, а также выборок из монастырских кладбищ.

Таблица 3

Некоторые палеодемографические характеристики выборок из поселений разного типа

Тип поселения, к которому относится выборка	d0-14	d15-19/d15+	d20-29/d15+	d30-39/d15+	d40-49/d15+	d50+/d15+	d5-14/d20+	PSR(m)	PSR(f)
Сельское поселение	34,4	5,9	21,1	19,9	22,7	33,9	15,3	56,1	43,9
Административно-военное поселение	44,0	12,1	23,7	26,5	20,8	16,8	31,1	57,5	42,5
Промышленное поселение	36,2	7,6	18,2	33,9	25,5	14,8	20,1	56,7	43,3
Выборки из монастырских кладбищ	19,7	6,7	22,0	25,3	24,2	31,6	9,3	56,6	43,4

Примечание. Обозначения соответствуют принятым в табл. 1.

Как указывалось выше, в основных анализах монастырские выборки не учитывались, так как являются наиболее специфичными по своему составу, что хорошо иллюстрируют данные из таблицы. В монастырских выборках сочетается очень низкий процент детей (и соответственно низкая величина индекса ювенильности) и высокая доля индивидов старше 50 лет среди взрослых.

В выборках из поселений, выполнявших военно-административные функции, по сравнению с сельскими выборками относительно высок процент молодых людей 15–29 лет от общего числа взрослых. На общем фоне, включающем все выборки, кроме монастырских, возрастное распределение в военно-административных поселениях отличается более высокой величиной индекса ювенильности ($p = 0{,}00002$), более высокой долей группы 15–19 лет ($p = 0{,}0002$) и низкими долями групп 40–49 лет ($p = 0{,}0026$) и старше 50 лет ($p = 0{,}02$, величина различий не удовлетворяет требованиям поправки на численность). Распределение умерших из промышленных поселений отличают более высокий процент людей 30–39 лет ($p = 0{,}0005$) и относительно низкий – группы

старше 50 лет ($p = 0{,}014$, величина различий не удовлетворяет требованиям поправки на численность).

Эти различия особенно хорошо заметны при сравнении с сельскими выборками, возрастное распределение взрослых в которых близко наблюдаемому в монастырских сериях. Вместе с тем относительная доля мужчин в выборках из военных и/или промышленных поселений лишь незначительно выше, чем в сельских выборках, и эти различия случайны. Таким образом, с одной стороны, особенности возрастного распределения соответствуют гипотезе о заметном влиянии миграций на состав выборок определенных типов, с другой – смещение в соотношении полов в сторону заметного преобладания мужчин обнаруживается во всех типах выборок.

Причины приблизительно одинаково выраженного преобладания мужчин в городских и сельских сериях не очень ясны, но относительно высокая доля людей трудоспособного возраста в выборках из кладбищ военно-административных и промышленных поселений, вероятнее всего, объясняется двумя взаимодополняющими причинами. Первая причина заключается в том, что возрастное распределение умерших отчасти обусловлено особенностями структуры живого населения. Логично допустить, что в военных поселениях XVII–XIX вв. постоянно поддерживался относительно высокий процент молодых людей, в том числе недавно вышедших из подросткового возраста, тогда как в заводских поселках – людей средних лет, обзаведенных семьями, возможно, проживающими в окрестных селениях. Примечательно, что в военно-административных поселениях одновременно выше процент как молодых людей среди взрослых, так и детей от общего числа погребенных. Последнее, как уже упоминалось, свидетельствует о высоком уровне рождаемости, а значит, косвенно подтверждает предположение о том, что особенности возрастного распределения умерших связаны именно с высокой долей людей активного репродуктивного возраста в структуре живого населения.

Вторая возможная причина этих особенностей состоит в том, что в поселениях указанных двух типов жизни людей трудоспособного возраста систематически подвергались более высоким рискам по сравнению со сверстниками, проживавшими в селе, т.е. имели относительно высокие коэффициенты смертности. Известно, что в регионах с развитым производством относительно высокая смертность наблюдается в первом пятилетнем интервале, а также «в производительном возрасте» (Рашин 1956: 206). Дополнительные аргументы в пользу этого предположения могут быть получены в ходе изучения травм и патологий скелетов из соответствующих выборок. Постепенное накопление данных позволит тестировать устойчивость таких связей с половозрастными распределениями на межгрупповом уровне, хотя материалы для анали-

за отдельных выборок доступны уже сегодня (Батиева 2018; Васильев, Боруцкая 2011; и др.)[4].

Напоследок следует вновь подчеркнуть, что все проанализированные кривые возрастных распределений, вероятнее всего, не соответствуют реальной картине половозрастного распределения умерших даже среди взрослых (главным образом из-за несовершенства традиционных методов установления возраста). Важно, что сам факт и направление наблюдаемых различий между выборками из поселений разных типов соответствуют ожидаемым, но вряд ли стоит придавать значение абсолютным значениям признаков.

Заключение

Таким образом, основные тенденции в изменчивости палеодемографических показателей находят правдоподобные объяснения в исторической демографии и социально-экономической истории России, хотя обоснованность некоторых объяснений может вызывать справедливые сомнения. Занимаясь палеодемографией, невероятно просто увлечься непосредственной интерпретацией результатов, игнорируя или прикладывая недостаточно усилий для выявления всех возможных недостатков исходных данных.

Примечательно, что автор, осознавая опасность этого пути и упрекая коллег в склонности к ложным объяснениям, и сам попал в эту ловушку. Примером этому служат рассуждения об основных причинах, обусловивших завышенные оценки средней продолжительности жизни в XIX в. при ненулевых темпах прироста населения. Сначала возникла идея поиска социально-исторических объяснений (и они не замедлили обнаружиться), и лишь затем – мысль о необходимости оценки релевантности исходных показателей данным общероссийской статистики. В результате пришлось признать, что полученные данные в действительности просто не являются репрезентативными для анализа хронологической изменчивости в общероссийском масштабе.

Но и репрезентативные палеодемографические данные сами по себе недостаточны для оценки показателей смертности и продолжительности жизни даже в случаях, когда исследователь имеет возможность анализировать большие массивы данных. Помимо коррекции искаженных половозрастных распределений скелетных серий, необходимо также учитывать:

– изменчивость возрастных коэффициентов смертности;
– изменчивость возрастной структуры живого населения;
– изменчивость темпов естественного прироста;
– возможное влияние миграций;
– возможное влияние катастрофической смертности.

К сожалению, эта информация не может быть получена антропологом путем анализа форм половозрастных распределений скелетных серий. Именно изучение поздних материалов, история которых отчасти задокументирована в письменных источниках, заставляет особенно остро почувствовать дефицит контекстной информации и надежных методов верификации данных в современной палеодемографии.

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность В.И. Безбородых, А.А. Евтееву, И.Р. Газимзянову, А.А. Казарницкому, Е.П. Китову, Е.М. Макаровой, О.Е. Пошехоновой, Д.И. Ражеву, А.В. Рассказовой, Е.С. Рейс, Т.М. Савенковой, А.А. Свиридову, В.И. Селезневой, Н.В. Харламовой, В.И. Хартановичу, А.А. Хохлову и Т.Ю. Шведчиковой за любезно предоставленную возможность использовать в анализе неопубликованные данные.

Примечания

[1] В статье Ж.-П. Боке-Аппеля и К. Массе допущена опечатка в формуле на с. 582: значение первого коэффициента регрессии (свободного члена) следует читать как «–474.7660» вместо указанного «–0.474.7660».

[2] Читателю не стоит доверять ни абсолютным значениям среднего возраста смерти, приведенным в табл. 1, ни разнице в величине показателя между мужчинами и женщинами. Значение имеет лишь относительная изменчивость между периодами. При использовании традиционных методик высока вероятность систематического занижения реального возраста взрослых умерших, предположительно более заметно влияющего на оценку возраста женских скелетов (Широбоков 2019).

[3] Недавно была предложена регрессионная формула для расчета темпа естественного прироста, основанная на высокой корреляции между величиной последнего и процентом детей среди умерших. Соответствующие расчеты были проведены по данным официальной статистики 58 стран за 1960 г. (McFadden, Oxenham 2018: 353). Вопреки мнению авторов публикации, формула абсолютно не пригодна для использования в палеодемографии, даже если предполагать, что мы обладаем достоверной информацией о доле детей в выборках. В ней не учитываются кардинальные различия в возрастных коэффициентах детской смертности между XX в. и более ранними эпохами. Применение формулы даже к выборкам Нового времени приводит к двух-трехкратному завышению темпов прироста населения.

[4] Пока сопоставимые данные удалось получить лишь по частоте заболеваний зубной системы и лишь для 11 из 64 выборок. Выборки из военных и промышленных поселений не обнаруживают никакой специфики. Однако примечательно, что в выборках «первопоселенцев» процент кариеса среди взрослых индивидов в среднем в два раза выше по сравнению со «старожилами» (67,6 и 32,6% соответственно). При расширении базы эти данные, безусловно, будет интересно обсудить в контексте изучения биологической адаптации мигрантов к новым условиям среды обитания.

Литература

Батиева Е.Ф. К антропологии населения Азовской крепости XVII–XVIII веков // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2015–2016 гг. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2018. Вып. 30. С. 399–416.

Бессер К., Баллод К. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоего пола в России за 1851–1890 годы. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1897.

Брук С.И., Кабузан В.М. Динамика численности и расселения русского этноса (1678–1917 гг.) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 9–25.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Палеоантропологическое исследование первопоселенцев г. Липецка (XVIII в.) // Актуальные вопросы антропологии. Минск: Беларуская навука, 2011. Вып. 6. С. 396–418.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Палеоантропологический анализ погребений из Кашинского Кремля (раскоп Воскресенский 1) // Вестник антропологии. 2013. № 3 (25). С. 107–120.

Васильев С.В., Боруцкая С.Б. Комплексное палеоантропологическое исследование населения, оставившего средневековый могильник Исупово (Костромская область) // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў. Наваполацк: ПДУ, 2011. С. 5–13.

Демографическая история Западной Сибири (конец XIX–XX вв.). Новосибирск, 2017.

Зверев В.А. Люди детные: воспроизводство населения сибирской деревни в конце имперского периода. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014.

Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. в системе региональных социально-экономических отношений: дис. … д-ра ист. наук. Барнаул, 2000.

Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, 1990.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007.

Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград: Типография МВД, 1916.

Панишев Е.А. Медицинское обслуживание и охрана здоровья населения Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4, т. 3. С. 161–164.

Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913). М.: Государственное статистическое издательство, 1956.

Рейс Е.С., Савенкова Т.М. Демографическая характеристика населения города Красноярска XVII – начала XX вв. (по материалам православных некрополей) // Преодоление времени и пространства: статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии. Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019.

Сарафанов Д.Е. Смертность населения в Барнауле в XIX в. // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай – Казахстан, XIX–XX вв.). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 182–212.

Федосова В.Н. Развитие современной палеодемографии (методические проблемы) // Российская археология. 1994. № 1. С. 67–76.

Широбоков И.Г. Возрастное распределение умерших в России XVII–XIX вв.: обманчивая палеодемография // Сибирские исторические исследования. 2019. № 4. С. 180–196.

Bocquet-Appel J.P., Masset C. Expectancy and false hope // American Journal of Physical Anthropology. 1996. Vol. 99. P. 571–583.

DeWitte S.N. Demographic anthropology // American Journal of Physical Anthropology. 2018. Vol. 165. P. 893–903.

Hoppa R.D. Paleodemography: Looking back and thinking ahead // Paleodemography: age distributions from skeletal samples. Cambridge, 2002. P. 9–28.

McCaa R. Calibrating Paleodemography: The Uniformitarian Challenge Turned. 1998. URL: http://users.pop.umn.edu/~rmccaa/paleo98/index0.htm.

McFadden C., Oxenham M.F. Rate of natural population increase as a paleodemographic measure of growth // Journal of Archaeological Science: Reports. 2018. Vol. 19. P. 352–356.

Milner G.R., Wood J.W., Boldsen J.L. Paleodemography: Problems, progress and potential // Biological Anthropology of the Human Skeleton. Wiley-Blackwell, Hoboken, NJ., 2018. P. 593–633.

Sattenspiel L., Harpending H. Stable population and skeletal age // American Antiquity. 1983. Vol. 48, No. 3. P. 489–498.

Ubelaker D.H., Longeway A. Skeletal age estimation of the living and the dead: the evolution of methodology // Age Estimation. 2019. P. 29–40.

Статья поступила в редакцию журнала 24 апреля 2020 г.

Shirobokov Ivan G.

IMPACT OF MIGRATIONS ON PALEODEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF THE RUSSIAN POPULATION, 17th TO 19th CENTURIES

DOI: 10.17223/2312461X/30/8

Abstract. The article presents an evaluation of paleodemographic characteristics of the Russian population in the modern period and assesses migration as a possible factor that contributed to them. Analysis is made on 64 skeletal series from excavations of 17th-19th century urban cemeteries. It is shown that Siberian samples differ from European Russia samples in that they feature a significantly higher proportion of children and a relatively low proportion of adults. In general, the identified differences tend to match the differences between the samples collected on 'early settlers' and so-called 'old-timers', irrespective of territory of residence. One of the main explanations for the specific age-at-death distribution found in Siberians is seen to lie in the distinctive migrant age-sex distribution and in the high rates of population growth east of the Urals. Significant discrepancies are found between life expectancy estimates based on paleodemographic values of the juvenility index and on nineteenth century official statistics. These are most likely to be due to the discrepancies between the age-at-death distributions for rural and urban population, as well as to the insufficient representativeness of the skeletal series. It is shown that the average percentage of working age people is higher in samples from military and industrial settlements than in rural population groups. This can be explained by both differences in the age-sex composition of the population and relatively high mortality rates in some age groups in the two aforementioned types of settlements.

Keywords: paleodemography, historical demography, physical anthropology, European Russia, Siberia, modern period, migrations, urban population

*The study was supported by the Russian Science Foundation (RNF), the project No.18-78-00101, titled 'Paleodemographic characteristics of the Russian population, 17th to 18th centuries: Methodological and historical aspects'.

References

Batieva E.F. K antropologii naseleniia Azovskoi kreposti XVII–XVIII vekov [Towards an anthropology of the population of the Azov fortress in the 17th to the 18th centuries]. In: *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2015–2016 gg.* [The historical and archaeological research conducted in the Azov region and on the Lower Don River from 2015 to 2016]. Azov: izd-vo Azovskogo muzeia-zapovednika, 2018, Vol. 30, pp. 399–416.

Besser K., Ballod K. *Smertnost', vozrastnoi sostav i dolgovechnost' pravoslavnogo naseleniia oboego pola v Rossii za 1851–1890 gody* [The Orthodox Christian population of Russia from 1851 to 1890: Death rate, age, and longevity]. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1897.

Bruk S.I., Kabuzan V.M. Dinamika chislennosti i rasseleniia russkogo etnosa (1678–1917 gg.) [The dynamics of population and settlement figures for the Russian ethnos, 1678 to 1917], *Sovetskaia etnografiia*, 1982, no. 4, pp. 9–25.

Vasil'ev S.V., Borutskaia S.B. Paleoantropologicheskoe issledovanie pervoposelentsev g. Lipetska (XVIII v.) [A paleoanthropological study of the first settlers in the city of Lipetsk]. In: *Aktual'nye voprosy antropologii* [Topical issues of anthropology]. Minsk: Belaruskaia navuka, 2011, Vol. 6, pp. 396–418.

Vasil'ev S.V., Borutskaia S.B. Paleoantropologicheskii analiz pogrebenii iz Kashinskogo Kremlia (raskop Voskresenskii 1) [Paleoanthropological analysis of the Kashinsk Kremlin burials: The Voskresenskii 1 site], *Vestnik antropologii*, 2013, no. 3(25), pp. 107–120.

Vasil'ev S.V., Borutskaia S.B. Kompleksnoe paleoantropologicheskoe issledovanie naseleniia, ostavivshego srednevekovyi mogil'nik Isupovo (Kostromskaia oblast') [A comprehensive paleoanthropological study of the population that created the medieval burial ground Isupovo, Kostroma region]. In: *Belaruskae Padzvinne: vopyt, metodyka i vyniki paliavykh i mizhdystsyplinarnykh dasledavanniaŭ* [Belaruskae Padzvinne: Experience, method, and field research and interdisciplinary research results]. Navapolatsk: PDU, 2011, pp. 5–13.

Demograficheskaia istoriia Zapadnoi Sibiri (konets XIX–XX vv.) [The demographic history of Western Siberia from the late 19th to the 20th centuries]. Novosibirsk, 2017.

Zverev V.A. *Liudi detnye: vosproizvodstvo naseleniia sibirskoi derevni v kontse imperskogo perioda* [Families with children: Reproduction of the population in Siberian villages in the late imperial period]. Novosibirsk: Izd-vo NGPU, 2014.

Ivonin A.R. *Zapadnosibirskii gorod poslednei chetverti XVIII – 60-kh gg. XIX v. v sisteme regional'nykh sotsial'no-ekonomicheskikh otnoshenii* [The Western Siberian city from the last quarter of the 18th century to the 1860s in the context of regional socio-economic relations]. Diss. … d.i.n. Barnaul, 2000.

Mironov B.N. *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* [The Russian city from 1740 to 1860: Demographic, social and economic develoment]. Leningrad: Nauka, 1990.

Molodin V.I. *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Pectoral crosses found in the Ilimsk ostrog]. Novosibirsk: INFOLIO, 2007.

Novosel'skii S.A. *Smertnost' i prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii* [The death rate and life expectancy in Russia]. Petrograd: tipografiia MVD, 1916.

Panishev E.A. Meditsinskoe obsluzhivanie i okhrana zdorov'ia naseleniia Tobol'skoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Medical care and health protection in Tobolsk Province from the second half of the 19th to the early 20th centuries], *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no. 4, vol. 3, pp. 161–164.

Rashin A.G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913)* [The population of Russia over a hundred years, 1811 to 1913]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo, 1956.

Reis E.S., Savenkova T.M. Demograficheskaia kharakteristika naseleniia goroda Krasnoiarska XVII – nachala XX vv. (po materialam pravoslavnykh nekropolei) [Demographic characteristics of the population of the city of Krasnoyarsk from the 17th to the early 20th centuries]. In: *Preodolenie vremeni i prostranstva: stat'i po aktual'nym problemam okhranno-spasatel'nykh rabot na pamiatnikakh arkheologii* [Across time and space: Papers on current issues of rescue and protection works on archaeological sites]. Izd-vo Instituta geografii im. V.B. Sochavy SO RAN, 2019.

Sarafanov D.E. Smertnost' naseleniia v Barnaule v XIX v. [The death rate among the population of Barnaul in the 19th century]. In: *Migratsii i postmigratsionnye soobshchestva (Altai*

– *Kazakhstan, XIX–XX vv.)* [Migrations and post-migratory societies from 19th to 20th centuries (Altai – Kazakhstan)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2007, pp. 182–212.

Fedosova V.N. Razvitie sovremennoi paleodemografii (metodicheskie problemy) [The development of contemporary paleodemography: Methodological issues], *Rossiiskaia arkheologiia*, 1994, no. 1, pp. 67–76.

Shirobokov I.G. Vozrastnoe raspredelenie umershikh v Rossii XVII–XIX vv.: obmanchivaia paleodemografiia [Age distribution of the deceased in Russia from the 17th to the 19th centuries: A misleading paleodemography], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2019, no. 4, pp. 180–196.

Bocquet-Appel J.P., Masset C. Expectancy and false hope, *American Journal of Physical Anthropology*, 1996, Vol. 99, pp. 571–583.

DeWitte S.N. Demographic anthropology, *American Journal of Physical Anthropology*, 2018, Vol. 165, pp. 893–903.

Hoppa R.D. Paleodemography: Looking back and thinking ahead. In: *Paleodemography: age distributions from skeletal samples*. Cambridge, 2002, pp. 9–28.

McCaa R. *Calibrating paleodemography: The uniformitarian challenge turned*. 1998. Available at: http://users.pop.umn.edu/~rmccaa/paleo98/index0.htm.

McFadden C., Oxenham M.F. Rate of natural population increase as a paleodemographic measure of growth, *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2018, Vol. 19, pp. 352–356.

Milner G.R., Wood J.W., Boldsen J.L. Paleodemography: Problems, progress and potential. In: *Biological Anthropology of the Human Skeleton*. Wiley-Blackwell, Hoboken, NJ., 2018, pp. 593–633.

Sattenspiel L., Harpending H. Stable population and skeletal age, *American Antiquity*, 1983, Vol. 48, no. 3, pp. 489–498.

Ubelaker D.H., Longeway A. Skeletal age estimation of the living and the dead: The evolution of methodology, *Age Estimation*, 2019, pp. 29–40.

УДК 316.334.54
DOI: 10.17223/2312461X/30/9

ФОРМЫ ЖИЛЬЯ И СОСЕДСТВА ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТОМСКА И ИРКУТСКА)*

Антон Алексеевич Садырин

Аннотация. Данная статья обращается к одной из, к сожалению, мало затрагиваемых в российских социальных науках тем – проблеме жилья мигрантов в принимающем обществе. Задача статьи – продемонстрировать возможные вариации «видов» жилья трудовых мигрантов из Центральной Азии и их жилищную траекторию в двух сибирских региональных столицах – Иркутске и Томске. Кроме того, в статье обсуждаются способы соседства в среде мигрантов, приводится этнографическое описание конкретного жилья приезжих. Эмпирическая база статьи – проведенные в 2018 г. 60 интервью в г. Томске и в 2019 г. 40 интервью в г. Иркутске, а также материалы анкетного опроса, проведенного в г. Томске, в результате которого было собрано 300 анкет. Интервью и опрос проводились в вернакулярных районах сибирских городов. Анализ эмпирического материала позволил говорить о том, что большинство мигрантов выбирают жилье эконом-класса, чаще начинают свою «жилищную карьеру» в домах родственников, друзей, коллег или земляков, которые одновременно выполняют функцию «навигирующего» соседа в городском пространстве для вновь прибывших.

Ключевые слова: жилье мигрантов, соседство мигрантов, трудовая миграция, трудовые мигранты

Современное освещение проблем миграции в СМИ и дальнейшее распространении этой информации в среде управленцев и общества оставляет желать лучшего. Не утихают разговоры о возникновении якобы анклавов, гетто, этнических кварталов, организованных мигрантами из Центральной Азии. Зачастую в качестве доминанты таких районов выделяются места, где проживают трудовые мигранты. Одним из укорененных мифов в этой связи является представление о существовании проблемы «резиновых» квартир, в которых либо зарегистрировано большое количество иностранцев, либо там проживает большое количество реальных жильцов. Данная работа отчасти является ответом на существующий миф, так как качественных полевых исследований, посвященных домохозяйствам мигрантов, в отечественной науке незначительное количество. На мой взгляд, это вызвано закрытостью и

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц».

уязвимостью исследуемой группы населения, что неоднократно подтверждалось и в ходе собственной полевой работы. Такая ситуация чревата созданием и культивированием ряда стереотипов касательно жилья мигрантов. К слову, в собственном поле, проводившемся в Иркутске, в ходе беседы один видный чиновник, оценивая миграционную обстановку в городе, первым делом заявил, что в районе «Жилкино» существует настоящий анклав, в котором живут (конечно, в «резиновых» квартирах) и работают преимущественно мигранты. На вопрос *«что же такое анклав и почему это анклав»*, чиновник не смог дать ответа. Полевая работа в данном районе окончательно разрушила всякое представление о нем, как о месте, где сконцентрировано исключительно мигрантское население.

Справедливо будет отметить, что, несмотря на немногочисленность исследований, посвященных проблемам жилья приезжих, существует ряд ключевых для отечественных социальных наук работ. Исследование, выстроенное вокруг «жилищной карьеры» (*housing career*), означающее смену жилищных условий индивида или домохозяйства по мере прохождения этапов жизненного цикла (Murdie 2002), было проведено А.Л. Рочевой. Однако вместо «жилищной карьеры» Анна Рочева использовала словосочетание «карьера квартиросъемщика» – более узкое понятие, подразумевающее смену «позиций» внутри квартиры и смену места жительства среди мигрантов из Кыргызстана и Узбекистана (Рочева 2015). В парадигме транснационализма и идентификации мигрантов с каким-либо пространством как с «домом» работали С.Н. Абашин, О. Бредникова и О. Ткач. Абашин, описывая «мигрантский дом» в Узбекистане, приходит к выводу, что он «…является условием и символом социального положения человека. Дом все время достраивается и перестраивается или возводится заново на мигрантские переводы. Это своеобразный вид “залогового рабства”, но без кредита и без массового желания переехать в город как способа социального роста – последний совершается в рамках семейного и локального круга» (Абашин 2015: 156–157). Бредникова и Ткач в своей работе приходят к выводу, что мигрантка – «яркий пример постмодернистского номадического субъекта», который отказывается от «своей комнаты» и обретает чувство свободы и мобильности, открываясь новым экономическим и социальным возможностям (Бредникова, Ткач 2010: 93).

Приведенные выше работы коллег во многом опираются на западные идеи транснационализма в вопросах изучения концепта «дома» для мигранта. В этой связи «дом» перестает быть физическим пространством, вбирающим в себя стены, пол и крышу, в котором находится приезжий. «Дом» – это скорее опыт, основанный на чувстве безопасности и культурной близости (Boccagni 2017). В парадигме транснационализма «дома» мигрантов представляют собой попытку восстановле-

ния естественного порядка вещей, противодействующего моральным, символическим и эмоциональным нарушениям, вызванным миграцией (Boccagni 2014). При этом, как показывает длительная работа автора в «мигрантском» поле, «дом» мигранта безусловно двойствен: «дом здесь» существует для «дома там» (*страна миграции/страна исхода*), однако «дом здесь» может быть домом лишь при наделении его особыми смыслами, связанными с уже состоявшимся опытом «дома там». Иначе говоря, расценивать «дом» трудового мигранта в России как некоторое физическое пространство будет безуспешным занятием, так как он состоит прежде всего из опыта и смыслов; задача социального исследователя в таком случае сводится к поиску и актуализации в ходе полевой работы вышеупомянутых характеристик «дома». Стоит отметить, что данная работа лишь частично направлена на рассмотрение жилья трудового мигранта через призму транснационализма, скорее, это исследование познакомит читателя с возможными формами жилья и соседства приезжего из Центральной Азии в сибирском городе в целом.

Идея данной статьи возникла в ходе работы в проекте Российского научного фонда «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц». В роли двух сибирских региональных столиц в этом исследовании выступают Томск и Иркутск. В качестве объекта исследования были выбраны мигранты из трех среднеазиатских республик (Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан) как наиболее многочисленная группа иностранцев, въезжающих на территорию Томска и Иркутска. Помимо этого, выходцы из данных государств наиболее подвержены дискриминации в силу своей «видимости», а СМИ зачастую навязывают этим людям ярлык «усредненного» мигранта (Нам и др. 2017), безусловно несущего угрозу российскому обществу (Деминцева, Пешкова 2014). При этом автор не ставит задачу сравнить два города, особенно концентрируясь на ряде различий или сходств при анализе форм жилья и соседства мигрантов в Томске и Иркутске. Работа раскрывает результаты предварительной полевой работы в двух городах, требующей дальнейшей разработки сложной темы.

В первый год общая полевая работа велась в Томске в двух основных направлениях: 1) описание повседневной жизни мигранта (социальные связи, досуг, принадлежность к каким-либо сообществам); 2) описание городской инфраструктуры, которой пользуется мигрант в своем районе и в городе в целом. В основу исследования был положен подход, нередко использующийся в культурной географии, согласно которому в городском пространстве существуют как традиционные (реальные), так и ментальные (вернакулярные) районы, а основными критериями выделения вернакулярного района служит его локализация в восприятии жителями отдельной городской территории (Калуцков 2013). В Томске было выделено три вернакулярных района: «Центр»,

«Черем», «Иркутчи», имеющих разные социально-экономические и географические характеристики.

В начале исследования был проведен анкетный опрос в вышеуказанных районах с целью возможной демонстрации мест концентрации мигрантов и «мигрантской» инфраструктуры для дальнейшей работы в каждом из вернакулярных районов посредством глубинных интервью и участвующего наблюдения. Всего было опрошено 300 мигрантов, по 100 человек в каждом районе. Из них выходцев из Узбекистана было 179, Кыргызстана – 76, Таджикистана – 45 (пропорционально их общей численности в городе). Помимо анкет, командой исследователей было собрано 60 интервью, из которых 43 – глубинных и фокусированных, 17 – полуформализованных. В своей статье я попытаюсь отразить лишь тот блок нашего исследования, который связан с темой жилья и соседства.

Выбор района проживания для многих мигрантов определяется следующими обстоятельствами: 1) первое место проживания в одном из вернакулярных районов, как правило, определяет последующий выбор жилья именно в этом районе в связи с ранее выстроенными социальными связями, привычной инфраструктурой, местом работы:

«*В.: сейчас ты в каком месте Томска живешь?*

О.: сейчас на Иркутском, рядом с работой, удобно добираться» [ПМА, 2018].

«Жили там рядом с Карповским, почти рядом с домом, где потом купили квартиру, бывало, что один снимал, но знал именно этот район хорошо. Квартиру покупали тоже в этом районе» [ПМА, 2019].

2) наличие родственников в вернакулярном районе:

«Сейчас мигранты не едут, как раньше, в город, где нет родственников и знакомых» [ПМА, 2018].

«Просто, когда мы приехали, мы сразу жили на Каштаке. Там у меня, во-первых, родственники живут, в районе авторынка, потому что больше какое-то "свое"» [ПМА, 2018].

3) некоторые участники исследования отмечали, что на выбор конкретного района повлияло наличие в нем земляков;

4) один из мигрантов обосновал покупку дома в вернакулярном районе «Центр» существованием здесь мечети, которую он регулярно посещает:

«В.: Что хорошего в этом районе?

О.: Мечеть, я для мечети здесь купил, я утром в 7 часов намаз делаю.

В.: Вам кто-то помогал с покупкой дома?

О.: Да-да, жена гражданка России» [ПМА, 2018].

Для 90% мигрантов, опрошенных в Томске, основным местом проживания является квартира, 4% опрошенных проживают в общежитиях, 6% – в частных домах. Обычно мигранты проживают в двухкомнатных квартирах, вместе с мигрантом чаще всего живут 1–2 человека,

гораздо реже 3–4. Максимальное число проживающих в одной квартире в нашем исследовании было 8. Были и те, кто проживает в квартире один:

«В.: А вы обычно один снимали или с кем-то?

О.: Я обычно один, потому что у меня был мама здесь, вместе с просто мама жили, поэтому я всегда один.

В.: А мама сейчас на родине?

О.: Она, да, она уехала» [ПМА, 2018].

Весьма важной проблемой для мигрантов остается поиск жилья и соседство. Согласно данным, полученным в ходе интервью, часть мигрантов в Томске арендует жилье, другая часть владеет собственной недвижимостью в разных районах. Зачастую определяющими факторами в разнице между мигрантами-квартиросъемщиками и собственниками выступают длительность проживания в городе, а также цели пребывания в Томске (кратковременные/долговременные). Среди мигрантов, арендующих жилье, в особую группу можно выделить тех, кто не платит арендную плату, а живет в квартире/доме «в счет зарплаты». В таком случае в роли главного арендатора жилья выступает хозяин бизнеса, в котором задействованы мигранты. Хозяин бизнеса/главный арендатор, помимо предоставления своим работникам жилья, нередко снабжает мигрантов продуктами, оказывает помощь при оформлении документов, а при наличии автомобиля доставляет на работу и с работы домой:

«В.: А почему именно на Каштаке квартира?

О.: Ну, там же наш хозяин квартира снимает, до этого тоже работники там жили.

В.: А ты деньги какие-то за квартиру отдаешь ему?

О.: Нет.

В.: А где продукты покупаешь? Может быть, на рынки ходишь? Здесь рядом «Октябрьский рынок».

О.: Нет, не хожу; наш хозяин, если что-нибудь понадобится мне, днем покупает.

В.: Т.е. он вам может и из еды что-то купить?

О.: Да, одежду сами покупаем.

В.: Т.е. хозяин во всем помогает?

О.: Да, помогает, если еще какой-то возможность у него будет нам помочь, он нас…по документам или еще что-то, он нам помогает всегда.

В.: А в больницу не обращались?

О.: Нет.

В.: Но он поможет?

О.: Да, поможет…» [ПМА, 2018].

Анализ анкетного опроса и интервью показал, что основными соседями мигранта по жилью чаще всего выступают близкие родственники, но люди, живущие в Томске недавно, делят свой быт с теми, с кем они вместе работают. Чаще всего это выходцы из одного региона, принадлежащие к одной этнической группе.

Летом 2019 г. полевая работа по исследованию инфраструктуры мигрантов переместилась в Иркутск. В этом городе было выделено два вернакулярных района («Рабочее», «Район мечети»), основной доминантой которых были рынки и сопутствующая им инфраструктура. Главную задачу, которую я ставил для себя в исследовании в вышеупомянутом городе, – описание жилья мигрантов изнутри. В одной из кулуарных бесед с С.Н. Абашиным в ходе II Томского антропологического форума возникла идея «проникновения» в жилье мигранта, так как эти процессы малоисследованы и плохо описаны социальными учеными. Несмотря на продолжительную полевую работу в Томске, попасть к мигрантам «в гости» у меня не получилось. В Иркутске ситуация усложнялась тем, что глубокое участвующее наблюдение с выстраиванием взаимодействий на основе эмпатических связей за две недели было невозможно. В соответствии с обозначенной проблемой выстраивалась и личная полевая стратегия. Во-первых, в ходе своего рода «fast-интервью», проводимых прежде всего на рынках Иркутска, необходимо было выявить наличие/отсутствие возможных точек пересечения в вопросах жилья и соседства с другим сибирским городом – Томском. Во-вторых, при обнаружении в ходе бесед мест концентрации жилья мигрантов в определенном доме, на конкретной улице или в конкретном районе совершить попытку «напроситься в гости» к мигранту. В-третьих, благодаря иркутским коллегам, была достигнута договоренность с некоторыми людьми о проведении возможных бесед в их домах.

В ходе интервью удалось выяснить, что, как и в Томске, значительная масса мигрантов арендует жилье. Во многом это обусловлено высокими ценами на жилье и невозможностью «взять кредит» на покупку недвижимости в силу ряда факторов, вызванных, прежде всего, статусом мигранта. Арендованное жилье, как правило, располагается близ видимых мест концентрации мигрантов. В нашем случае это рынки. В Иркутске, в отличие от Томска, хорошо применима метафора «кластеров» – мест, «вкрапленных» в местный поселенческий массив, включающих в себя объекты городского хозяйства, в которых активно используется труд мигрантов и высок удельный вес мигрантского населения (Мухаметшина 2014). При этом «кластеры» не имеют ярко выраженных культурных или этнических маркеров, так как в одном «кластере» сосредоточены представители разных этнических групп. Видится, что «кластеры» сформировались вокруг крупных рынков, являющихся сложной системой рыночных площадей, инфраструктуры, об-

служивания, небольших магазинов, представляющих собой единый организм, который формировался на протяжении десятков лет (Григоричев, Дятлов 2017). Этот организм включает в себя и потоки людей, товаров, информации, одним словом, «узлы циркуляции» (Урри 2012) и те места, в которых проживают мигранты, арендующие жилье экономкласса, в котором, как и в Томске, могут проживать представители одной семьи или коллеги:

«О.: В России я уже 3 года. Первый год жил и торговал в Москве, потом переехал в Иркутск к брату. Сейчас мы живем вместе в трехкомнатной квартире.

В.: Вы вдвоем живете?

О.: Нет, у него есть жена и два ребенка. Все вместе живем» [ПМА, 2019].

Именно родственники и коллеги, а если быть точнее, коллеги из одного региона исхода являются первыми и основными звеньями «социальной сети мигрантов». Эта сеть выстроена на *легкости* (взаимодействовать со знакомыми проще)*, рациональности* (выгоднее делить быт с близкими)*, доверии* (ранее установленные социальные связи не позволят меня обмануть), *давлении извне* (предвзятое отношение к мигрантам), *пространстве* (мигранты взаимодействуют с теми, с кем пересекаются в физическом пространстве) (Бредникова, Паченков 2002). Таким образом, выбор будущего дома приезжего можно определять через качество выстроенной социальной сети мигранта. В данном случае house (жилище) не есть home (атмосфера, домашняя среда), так как транснациональный характер миграционных процессов ставит во главу угла именно атмосферу, где важную роль играет связь с родиной в лице коллег и родственников (Бредникова, Ткач 2010).

Арендуемое жилье в Иркутске можно разделить на несколько позиций: 1) квартиры в жилых кирпичных/панельных домах; 2) квартиры в деревянных домах (бараках); 3) комнаты в общежитиях. Вид жилья также играет роль в выборе будущего места жительства, так как во многом категории жилья, указанные мной, расположены в порядке убывания будущей стоимости арендной платы. Наиболее распространенный вид жилья среди мигрантов – жилье в многоквартирных домах, расположенных, как правило, в пешей доступности от места работы. В двух исследованных районах присутствуют также и постепенно исчезающие двухэтажные деревянные бараки, и общежития. В последних видах «мигрантского» жилья чаще встречаются, во-первых, «мигранты-новички» без хорошо выстроенных социальных связей и накопленного социального капитала, арендующие жилье низкого качества без необходимых коммуникаций. Во-вторых, это могут быть те мигранты, которые прибывают в Россию на крайне незначительные сроки. В основном это водители грузовых автомобилей и сопровождающие их грузчики.

Такие люди обычно пользуются специально предназначенными для них общежитиями и хостелами, расположенными близ овощных баз и вещевых складов Иркутска.

Необходимо отметить, как и в Томске, другой немаловажный фактор, влияющий на выбор мигрантами района проживания, заключающийся в жизненной истории человека, которая связана с конкретным районом:

«Я здесь (в этом районе. – *А.С.*) *снимаю уже третью квартиру. Здесь школа для ребенка, тихо, спокойно, я здесь все знаю»* [ПМА, 2019].

Возвращаясь к ранее озвученной мысли – все это вновь говорит о мультилокальности жилища, которое концептуализируется не как статичное место, а как текучее, включающее его создание, изменение, перемещение и разрушение.

В то же время существуют группы мигрантов, которые, во-первых, в силу длительного нахождения в России (*здесь можно говорить и о мигрантах второго поколения*), а во-вторых, в силу повышения своего социального статуса говорят о том, что уже приобрели жилье в Иркутске либо собираются это сделать в ближайшее время. В этой связи мы с коллегами отметили для себя часто возникающую метафору в беседах с мигрантами из Кыргызстана. Она устремлена в будущее и обусловлена географическими особенностями Иркутска, а в интервью звучит так: *«построить дом на Байкале»* или *«а, вот, он построил дом на Байкале»*. Эта метафора во многом демонстрирует повышение статуса будущего обладателя дома на берегу самого большого пресного озера в мире. Своего рода американская мечта кыргызского мигранта в Иркутске. И все же, уходя от ироничного сравнения, нужно отметить, что в беседах с мигрантами в Прибайкалье периодичность возникновения темы о приобретении собственного жилья выше, нежели в Томске. Для многих приезжих и получивших гражданство мигрантов появляется возможность получения материнского капитала, что существенно облегчает процесс выдачи ипотечного кредитования:

«В.: А о приобретении собственного жилья Вы задумывались?

О.: Да, у меня же гражданство есть, я второго ребенка родила в России и получила материнский капитал. Вложу эти деньги в квартиру» [ПМА, 2019].

Так описывает свои жизненные планы одна из участниц нашего исследования, получившая государственную материальную поддержку.

Параллельно развивается теневая часть инфраструктуры мигрантов, связанная с «серым обналичиванием» материнского капитала. Мне удалось побывать в одной из таких фирм, расположенной в пространстве «кластера» – в пределах одного из городских рынков Иркутска и уже являющейся частью новой инфраструктуры. Это весьма обширная «федеральная» финансовая организация, основанная на принципах

«инвестиционной пирамиды». В этой фирме задействованы сами мигранты, которые отказались от сложной работы на рынке и теперь занимаются привлечением новых членов пирамиды. В силу этических соображений позволю себе не раскрывать все подробности этой структуры.

После обнаружения в пределах «кластера» мест концентрации жилья мигрантов я попытался «напроситься в гости». В качестве основного объекта наблюдения было выбрано общежитие, располагающееся в «районе мечети» и прилегающее к рыночным складам, а также к парковке грузовых автомобилей, привозящих товары для продажи на рынке. На первом этаже этого здания и в цокольном помещении расположен музей советской ретро техники. В одной из социальных сетей мне удалось найти группу данного музея и пообщаться с представителем пресс-службы:

«Насколько я знаю, там сдаются комнаты в аренду на довольно длительный срок, в основном мигрантам. Но там одно время жило несколько моих знакомых из числа русских. Как давно там общежитие, я не знаю, но сам музей существует уже 5 лет, а до 2014 г. на той территории действовал китайский рынок «Шанхайка». Не знаю, стояло ли само здание, но предполагаю, что нет. Так что общежитию предположительно 5 лет» [ПМА, 2019].

Общежитие имеет два подъезда, в один из которых попасть было невозможно, так как он был попросту закрыт. Соседний подъезд не имел преграждающей вход железной двери. Само здание, как описано выше, относительно новое, шестиэтажное. На каждом этаже расположено несколько комнат. К сожалению, мне удалось попасть лишь в одну из комнат. Ее обитатели – двое молодых парней из Таджикистана, на вид 20–25 лет, открыли мне дверь, но наш диалог был непродолжителен, так как они ссылались на усталость и нежелание в связи с этим разговаривать. Я выяснил лишь то, что они работают на соседнем рынке, но в этот день у них был выходной. Снимают эту комнату вдвоем около 2 месяцев. Мне удалось визуально запечатлеть внутреннее пространство небольшой комнаты общей площадью 12–15 м^2, организованное весьма хаотично – из разряда «холостяцкое жилье»: посередине – двуспальный матрац, на котором отдыхали мигранты, справа от него – молитвенный коврик – саджжада, в комнате беспорядочно разбросаны вещи, завершало слегка вытянутую комнату окно, на котором не было занавесок. Эта комната говорила о том, что ее хозяева временные жители, для которых важными в пространстве являются отдых и вера, намекая на мультилокальность жилья. Пройдясь дальше по коридору общежития, я обнаружил общий холл, в котором располагались стиральная машина, микроволновая печь, телевизор и ряд кресел. В одном из кресел расположился русскоязычный администратор, кото-

рый, к сожалению, отказался от комментариев, подтвердив лишь тот факт, что в этом здании находится общежитие, в котором проживает некоторое число мигрантов. Другие двери в комнаты для меня в этот день оказались закрыты.

Вторая и последняя попытка побывать в гостях у мигрантов в Иркутске состоялась во многом благодаря местным коллегам, организовавшим встречу. Беседа с соседкой-мигранткой моей коллеги проходила в доме антрополога. Марина (*так на русский манер называла себя участница исследования из Кыргызстана*) сначала наотрез отказывалась от возможности провести интервью в ее квартире, ссылаясь на присутствие пожилой матери в маленькой комнате, а также на некоторый «бардак», который она не успела устранить. Так и случилось, наша беседа проходила не в доме мигрантки, однако к концу беседы, уже наладив некоторую связь, мне все же удалось напроситься, чтобы «одним глазком» посмотреть, как живет Марина. Предварительно участница исследования спустилась к себе в квартиру и попросила подождать около получаса, чтобы она смогла прибраться. Марина проживает вместе с сыном – учеником начальной школы и девяностолетней матерью, совершенно не говорящей по-русски. Она выбрала жилье в этом районе по уже известным нам причинам – жили родственники, привыкла к атмосфере вокруг, арендует уже третью квартиру именно в этом месте. Первое, что бросилось мне в глаза, когда я после непродолжительного ожидания оказался в однокомнатной съемной квартире Марины, расположенной в классической «хрущевке-пятиэтажке», – это огромное количество цветов, кажется, занимающих все свободные углы и полки.

«О.: Цветы – мое давнее увлечение, у меня их очень много.

В.: О, у меня ведь тоже дома есть фикус.

О.: А ты знаешь, что фикус водку любит и остатки от чая, он у меня поэтому такой большой и крепкий.

В.: Как же Вы свою оранжерею перевозите из квартиры в квартиру?

О.: Очень тяжело, но цветы я не брошу, их первым делом перевезла, с ними дом становится домом» [ПМА, 2019].

Под ногами скрипит недавно покрашенный деревянный пол, по которому то и дело носится серый котенок-подросток.

«В.: Какой шустрый котенок…

О.: Сын захотел, мы купили кошку ему, теперь везде с нами.

В.: А как зовут кошку?

О.: Киса-Алиса (смеется)» [ПМА, 2019].

В комнате расположились две кровати, на одной из которых спит Марина с сыном, а на другой ее мать. Близ кровати Марины находится письменный стол, за которым сын занимается школьными делами. Этот же стол выполняет функции обеденного стола. На стенах – обои с ярко-

зеленым цветочным узором, Марине как любительнице цветов нравится этот рисунок. За стеной – крошечная кухня, на которой, со слов Марины, тесно даже одному человеку.

После того, как на рынке (предыдущее место работы мигрантки) дела пошли неважно, Марина купила автомобиль и устроилась на работу в такси, что ее вполне устраивает:

«Теперь я в любое время могу приехать домой, отдохнуть, приготовить, встретить сына со школы. Деньги получаю еще больше, чем на рынке, а нервов трачу меньше» [ПМА, 2019].

Участница исследования считает, что большинство тех мигрантов, с которыми она взаимодействует в повседневной жизни, обладают схожим с ней жильем, только некоторым из них приходится умещаться в таких квартирах семьями значительно большими, чем семья Марины.

Тема жилья мигрантов и доступа в него антропологов остается одним из важных, но в тот же момент сложных полей. Этот элемент «мигрантской» инфраструктуры требует детального описания и в том русле, которое выбрал я для написания данной статьи, и в ключе повседневности мигрантов *(к примеру, прожить некоторое время с мигрантами в одном* доме), и в перспективе экономической составляющей жизни приезжих. Анализ мотивов выбора жилья в двух сибирских городах позволяет сделать вывод, что большинство мигрантов отправляются в Россию к *кому-то* (родственники, друзья, коллеги, земляки), и этот *кто-то*, как я уже писал ранее, является начальным и важным звеном в выстраивании социальной сети мигрантов, этот *кто-то* одновременно выполняет функцию навигатора мигранта, одной из задач которого является обеспечение приезжего жильем. А родственники и/или земляки на протяжении длительного времени выступают в роли основных соседей вновь прибывшего до установления экономической самостоятельности и накопления первого капитала для будущей аренды/покупки жилья. Большинство мигрантов стараются «осесть» близ мест работы, при этом, как правило, выбирая жилье экономкласса, которое включает в себя и в Томске, и в Иркутске дореволюционные/советские деревянные бараки, общежития, многоквартирные дома с низкой арендной платой. Многие приезжие, особенно в Иркутске, нацелены на дальнейшую покупку недвижимости в России, чаще это связано с получением гражданства и возможностью использования государственных субсидий за вторые роды. Существуют и уникальные случаи соседства и проживания мигрантов, которые, как мне представляется, требуют детального описания и анализа со стороны научного сообщества.

Благодарности

Благодарю И.В. Нам за научное консультирование, Сеиль Джанызакову и Федора Сметанина – за предоставление части полевого материала, Диану

Брязгину – за помощь в организации полевой работы в Иркутске, а также анонимных рецензентов статьи за ценные советы и замечания.

Источники

Полевые материалы автора и членов научного коллектива проекта РНФ № 18-18-00293 «Использование и создание мигрантами городской инфраструктуры сибирских региональных столиц» [ПМА 2018], [ПМА 2019].

Литература

Абашин С.Н. Возвращение домой: семейные и миграционные сценарии в Узбекистане // Ab Imperio. 2015. № 3. С. 125–165.

Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической» экономики и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 2. С. 74–81.

Бредникова О., Ткач О. Дом для номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.

Григоричев К.В., Дятлов В.И. «Китайские» рынки России: роль в постсоциалистической трансформации (случай Иркутска) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 121–132.

Деминцева Е.Б., Пешкова В.М. Мигранты из средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2014. № 597–598. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php.

Калуцков В. О типах районов в культурной географии // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2, № 1. С. 3–9.

Мухаметшина Н.С. «Мигрантские кластеры» в социальном пространстве города // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2014. Т. 16, № 3(2). С. 638–642.

Нам И.В., Карагеоргий Е.М., Ермолова А.И., Никитина Е.В. Конструирование образа трудового мигранта в региональных СМИ (на примере Томска) // Сибирские исторические исследования. 2017. № 1. С. 166–192.

Рочева А.Л. Исследование позиций «карьеры квартиросъемщика» и моделей проживания в Москве мигрантов из Киргизии и Узбекистана // Социологический журнал. 2015. Т. 21, № 2. С. 31–50.

Урри Дж. Мобильности: пер. с англ. М.: Праксис, 2012.

Murdie R.A. The hosing career of Polish and Somali newcomers in Toronto's rental market // Housing Studies. 2002. Vol. 17, № 3. P. 423–443.

Boccagni P. A New Lens on the Migration-home Nexus // Migration and the Search for Home. New York: Palgrave Macmillan, 2017.

Boccagni P. What's in a (Migrant) House? Changing Domestic Spaces, the Negotiation of Belonging and Home-making in Ecuadorian Migration // Housing, Theory and Society. 2014. Vol. 31. № 3. P. 277–293.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2019 г.

Sadyrin Anton A.

CENTRAL ASIA LABOUR MIGRANTS: A CASE STUDY OF FORMS OF MIGRANT HOUSING AND NEIGHBOUR RELATIONS IN THE SIBERIAN CITIES OF TOMSK AND IRKUTSK*

DOI: 10.17223/2312461X/30/9

Abstract. The article addresses one of the issues, unfortunately, not much touched upon in the social sciences in Russia, which is migrant housing. It aims to show some of the 'types' of housing that labour migrants from Central Asia find themselves in in two Siberian urban cen-

tres, namely Irkutsk and Tomsk. In addition, forms of neighbour relations among migrants are discussed, and an ethnographic description of some specific housing conditions is given. The article is based on 60 interviews conducted in Tomsk in 2018 and on 40 interviews carried out in Irkutsk in 2019, as well as on a survey done in Tomsk, with 300 questionnaires collected as a result – all the research having been undertaken in so-called 'vernacular' parts of the two cities, that is, parts defined based on people's perception rather than administrative division. The results indicate that most migrants in the study opt for economy-class housing, while at first often having to live in the homes of their relatives, friends, colleagues and compatriots, who also help orient them to the city.
Keywords: migrant housing, neighbour relations among migrants, labour migration, labour migrants

*The research was conducted as part of the project titled 'The use and development of migrant urban infrastructures in Siberian regional centres', supported by the Russian Science Foundation (RNF) (grant No. 18-18-00293).

References

Abashin S.N. Vozvrashchenie domoi: semeinye i migratsionnye stsenarii v Uzbekistane [Returning home: Family and migration scenarios in Uzbekistan], *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 125–165.

Brednikova O., Pachenkov O. Etnichnost' "etnicheskoi" ekonomiki i sotsial'nye seti migrantov [The ethnic in the 'ethnic' economy and migrant social networks], *Ekonomicheskaia sotsiologiia*, 2002, Vol. 3, no. 2, pp. 74–81.

Brednikova O., Tkach O. Dom dlia nomady [Nomad home], *Laboratorium*, 2010, no. 3, pp. 72–95.

Grigorichev K.V., Diatlov V.I. «Kitaiskie» rynki Rossii: rol' v postsotsialisticheskoi transformatsii (sluchai Irkutska) [Irkutsk 'Chinese Markets' and the post-socialist transformation in Russia: A case study)], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2017, no. 419, pp. 121–132.

Demintseva E.B., Peshkova V.M. Migranty iz srednei Azii v Moskve [Central Asia migrants in Moscow], *Demoskop Weekly*, 2014, no. 597–598. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0597/tema01.php.

Kalutskov V. O tipakh raionov v kul'turnoi geografii [Types of regions in cultural geography], *Kul'turnaia i gumanitarnaia geografiia*, 2013, Vol. 2, no. 1, pp. 3–9.

Mukhametshina N.S. «Migrantskie klastery» v sotsial'nom prostranstve goroda ['Migrant clusters' in the urban social space], *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*, 2014, Vol. 16, no. 3(2), pp. 638–642.

Nam I.V., Karageorgii E.M., Ermolova A.I., Nikitina E.V. Konstruirovanie obraza trudovogo migranta v regional'nykh SMI (na primere Tomska) [The image of labour migrants as constructed by the mass media in the city of Tomsk: A case study], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2017, no. 1, pp. 166–192.

Rocheva A.L. Issledovanie pozitsii "kar'ery kvartiros"emshchika" i modelei prozhivaniia v Moskve migrantov iz Kirgizii i Uzbekistana [Research on the 'tenant career' and forms of housing used by migrants from Kyrgyzstan and Uzbekistan in Moscow], *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2015, Vol. 21, no. 2, pp. 31–50.

Urry J. *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praksis, 2012.

Murdie R.A. The housing career of Polish and Somali newcomers in Toronto's rental market, *Housing Studies*, 2002, Vol. 17, no. 3, pp. 423–443.

Boccagni P. A new lens on the migration-home nexus. In: *Migration and the Search for Home.* New-York: Palgrave Macmillan, 2017.

Boccagni P. What's in a (migrant) house? Changing domestic spaces, the negotiation of belonging and home-making in Ecuadorian migration. *Housing, Theory and Society*, 2014, Vol. 31, no. 3, pp. 277–293.

ВРАЧ И ПАЦИЕНТ. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ МЕДИЦИНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 39.394
DOI: 10.17223/2312461X/30/10

«АКТИВНОЕ НЕДОВЕРИЕ» ВРАЧАМ: СЛУЧАЙ ЮРИДИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ РОДОВ*

Анна Александровна Ожиганова

Аннотация. Рассматривается проблема недоверия пациентов врачам, особенно актуальная в сфере родовспоможения, где за последнее время произошло несколько громких судебных расследований. В центре исследования находится довольно необычный случай: в одной из московских больниц на родах присутствовал приглашенный женщиной юрист, выступающий в качестве защитника прав пациентов. На примере этого случая, а также других полевых материалов рассматриваются основные стратегии, которые выстраивают женщины, не доверяющие врачам, но решившие остаться в рамках государственной бесплатной медицины: они изучают свои права, консультируются с юристами, заранее пишут заявления-отказы от медицинских вмешательств, выбирают сопровождающего в родах. Также в статье анализируется деятельность юриста, взявшего на себя функцию защитника прав женщин и контроля за действиями врачей. В качестве теоретической рамки используется подход, предложенный в недавно опубликованных работах по антропологии недоверия, который предлагает отказаться от рассмотрения этого явления исключительно в негативных терминах: как социальной неудачи и препятствия для развития общественных институтов. Сторонники этого подхода считают, что недоверие является особой формой критического знания, которое реализуется в разнообразных действенных стратегиях. В качестве развития этого подхода в данной статье предлагается понятие «активное недоверие» (по аналогии с «активным доверием» Э. Гидденса) для анализа разного рода практик пациентского и в целом – гражданского активизма.

Ключевые слова: антропология родов, антропология недоверия**,** социальное недоверие, недоверие врачам, модели родов, отношения врача и пациента, защитные меры, борьба за контроль, сети доверия

Введение. Роды как «культурный дисплей»

В антропологии роды рассматривают как культурно маркированное событие жизненного цикла, которое в равной степени является и био-

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

логическим, и социальным феноменом (Sargent 2004: 224). Роды представляют собой своего рода *культурный дисплей*, на котором отображаются господствующие в обществе нормы, ценности и представления (Sargent 1989). Этот исследовательский подход применим как к традиционным, так и к современным обществам. Несмотря на повсеместную *медикализацию*, современное родовспоможение так же, как и народные акушерские практики, отражает существующие социальные отношения, представления о гендерных ролях и социальном престиже. Особенностью современности является высокая рефлексивность социальной жизни, постоянное исследование и реформирование социальных практик (Гидденс 2011: 156), что влечет за собой множественность выбора, в том числе выбора гендерных ролей и моделей поведения и, соответственно, выбора предпочтительной модели родов.

В современных обществах сосуществуют различные концептуальные модели родов. На Западе большую популярность приобрела концепция трех моделей или парадигм, определяющих практику современного родовспоможения: технократическая, холистическая и гуманистическая, кардинально различающиеся своим подходом к организации медицинской помощи и взаимоотношениям врача и пациента, а также представлениями о телесности и взаимосвязи тела и сознания (Lock 2004; Davis-Floyd 1996, 2011). В целом предпочтительным считается подход, основанный на правах человека (в том числе, на праве женщины выбирать *как, где,* и *с кем рожать*) и отказе от излишней и необоснованной медикализации. В опубликованных в 2018 г. рекомендациях Всемирной организации здравоохранения говорится о необходимости гуманизации родовспоможения: «Возрастающее знание о том, как инициировать, ускорять, прекращать, регулировать и контролировать физиологический процесс родов, привело к усилению его медикализации. В настоящее время растет понимание, что такой подход подрывает способность женщины рожать самостоятельно и оказывает негативное влияние на ее опыт родов, который при ином подходе мог бы стать положительным переживанием, изменяющим жизнь в лучшую сторону» (WHO 2018).

В России концепты технократической, холистической и гуманистической моделей родов не пользуются популярностью, в отличие от понятия «естественные» роды, которое в значении *физиологических*, или *нормальных*, родов противопоставляется *медикализированным*, или *патологическим*, родам. Широкое распространение получило понятие «акушерское насилие» или «акушерская агрессия» (см.: Насилие в родах...), под которым понимается не столько избыточное применение медицинских методов, сколько разного рода злоупотребления и нарушения со стороны медицинского персонала, грубость, плохие бытовые условия роддомов, их закрытость, изоляция роженицы от семьи и т.д.

Популярности этого понятия способствовала публикация одноименной книги известного врача – акушера-гинеколога, доктора медицинских наук, члена-корреспондента РАН В.Е. Радзинского, определившего его как «ятрогенные[1], ничем не обоснованные действия, направленные якобы на пользу, но в результате приносящие только вред», в том числе увеличение осложнений беременности и родов, рост младенческой и материнской заболеваемости и смертности: необоснованное родовозбуждение и родостимуляция, необоснованное экстренное кесарево сечение и т.д. (2011: 17). «Акушерской агрессии» он противопоставляет «безопасное акушерство», т.е. «совокупность научно обоснованных подходов, основанных на достижениях современной науки и практики» и направленных на снижение перинатальной заболеваемости и смертности (Радзинский 2007: 68). Радзинский отмечает, что для реализации практики безопасного акушерства нужно вернуться к «естественным перинатальным технологиям» и «очень хорошо изучать физиологию родового процесса» (16).

Таким образом, уже на парадигмальном уровне обнаруживается серьезное противоречие: существуют одновременно две шкалы, по которым (неофициально) оценивается качество и успешность родов: *естественность / медикализированность* и *агрессивность / безопасность*. Учитывая тот факт, что сторонники разных подходов вкладывают разное значение в содержание этих понятий (Бороздина 2014; Бороздина 2019), очевидно, что несовпадение критериев становится источником постоянного взаимонепонимания между медиками и пациентами и разного рода перекосов в практике родовспоможения. Часто стремление провести «естественные» роды любой ценой приводит к таким же серьезным последствиям для здоровья матери и ребенка, как и акушерская агрессия, и, по сути, ничем от нее не отличается. Ярким примером стал недавний скандал в одном из московских роддомов, где, по данным следствия, для поддержания высокого процента «естественных» родов врачи отказывались от проведения экстренных операций кесарева сечения и применяли агрессивные акушерские практики, в том числе запрещенный прием Кристеллера (выдавливание ребенка)[2] (В СК РФ впервые прокомментировали… 2020).

Рассмотрим через оптику *культурного дисплея* случай, произошедший весной 2018 г. в одном из московских государственных роддомов[3]. По просьбе женщины на ее родах по полису ОМС присутствовал юрист Роман, называющий себя экспертом по медицинскому и семейному праву. Уже около 10 лет, в свободное от основной работы время, он занимается консультированием и правовым сопровождением женщин и семей по таким вопросам, как права женщин в роддоме и женской консультации, правовые аспекты вакцинации, домашние роды, и получил широкую известность среди сторонников «естественных» родов и «осо-

знанного» родительства. Он помог своей клиентке подготовить письменный отказ от ряда медицинских вмешательств которые она считала излишними или неприемлемыми. Тем не менее женщина сочла эту меру недостаточной и попросила его присутствовать на родах лично в статусе ее «брата». Впоследствии Роман рассказал об этом опыте в социальных сетях: «Сопровождал роды и это новый виток в моей правовой практике. Женщина рожала трое суток[4], персонал отнесся к желаниям и отказам женщины с пониманием. Сама женщина для медицинского персонала стала звездой! Родился мальчик! Все счастливы! Думаю, что желаемые естественные роды, которые представляла себе женщина, получились. Интересно было наблюдать за медиками и их поведением, они тяжело, но максимально включились в процесс естественных родов (фабричные роды им привычнее), медикаментозных вмешательств не было, хотя и были попытки шантажа. Пуповину пересекли после полной (остановки) ее пульсации, ребенка сразу приложили к груди матери. Моя задача была достигнута, и права женщины в этих родах были соблюдены. Самым неожиданным было то, что женщина попросила меня "вести" беременность с 18 недели (в правовом поле) и сопроводить (поддержать) в роддоме. Одновременно готовили и супруга, но выбор остался за женщиной. В этой взаимосвязи важны уверенность женщины и доверие друг друга» (личная страница Романа в социальной сети «Фейсбук»).

Во время пребывания в роддоме у Романа появился целый ряд замечаний к организации пространства роддома как ограничивающего и нарушающего права женщин. Прежде всего, его возмутил запрет выходить из отделения: «Нельзя пройти на другой этаж, нельзя выйти во двор или хотя бы на балкон. Женщина превращается в заложника ситуации» (ПМА-2). Также он отметил отсутствие камер хранения для вещей и одежды, что, по его мнению, повышает уязвимость положения пациенток.

Представленный кейс свидетельствует о неблагополучии российской системы родовспоможения, которое выражается в крайнем недоверии врачам и медицинским учреждениям со стороны пациентов. Этот случай необычен: он не вписывается в модель партнерских родов, или родов с сопровождением, когда рядом с женщиной находится близкий человек, который осуществляет уход и эмоциональную заботу, в которых, как показывают исследования, она нуждается в первую очередь (Ангелова, Темкина 2009; Темкина 2016, 2017, 2018; Бороздина, Новкунская 2019). Почему женщина сделала выбор в пользу постороннего мужчины, юриста, а не пригласила мужа или доулу[5], которые могли бы во время родов оказать ей моральную поддержку? Этот случай позволяет по-новому посмотреть на потребности женщины в родах и на то,

как она реализует свои цели, оставаясь в рамках государственной бесплатной медицины.

Этот кейс интересен также с точки зрения деятельности юриста Романа. Он не является адвокатом по медицинским делам и оказывает юридическую помощь на безвозмездной основе. Своей главной задачей он считает предупреждение нарушений прав пациентов и, соответственно, контроль за действиями врачей и медицинских учреждений (ПМА-1). Роман выступает как правозащитник: защищает людей в уязвимом положении от произвола государственных структур или должностных лиц, действует мирными средствами, апеллирует к правам человека и правовым нормам (Права человека… 2019). Однако способствует ли его деятельность успешному взаимодействию врача и пациента и оказанию полноценной медицинской помощи или подрывает авторитет врача, повышает его уязвимость и в конечном счете осложняет его работу?

Теоретические основания исследования: антропология недоверия

До недавнего времени феномену недоверия уделялось недостаточно внимания в социологических и антропологических исследованиях. Его обычно рассматривали лишь как досадное отсутствие доверия, социальную неудачу или препятствие, которое необходимо преодолеть (Mühlfried 2018: 7). В то же время анализу доверия посвящено немало исследований, ставших классическими в социальных науках. Для Н. Лумана, положившего начало фундаментальным исследованиям доверия, оно является необходимой предпосылкой индивидуального существования. Он отмечает, что доверие помогает управлять жизнью: в его отсутствие «неопределенный страх и парализующий ужас» сделали бы невозможным даже самое простое действие (Luhmann 1979: 4). Г. Зиммель рассматривает доверие как своего рода «социальный клей», вещество, поддерживающее социальную сплоченность и функционирование институтов (1996). Э. Гидденс считает, что доверие особенно важно в условиях современности, для которой характерна опора на внешние экспертные системы, недоступные большинству (Гидденс 2011). В целом доминирует подход, при котором успех или неудача проекта современности измеряются наличием или отсутствием доверия. Так, Ф. Фукуяма определяет доверие в качестве ключевой характеристики развитого человеческого общества, напрямую связанной с политической стабильностью и экономическим успехом (Фукуяма 2004). П. Штомпка считает «глубоко укоренившийся синдром недоверия» главным препятствием на пути демократического транзита (Sztompka 2015: 28).

В последние годы появилось несколько работ, авторы которых предлагают пересмотреть традиционный подход к недоверию. Главным

положением нового подхода, который можно назвать «антропологией недоверия», стал тезис о том, что недоверие не равно отсутствию доверия: оно не является всего лишь оборотной стороной доверия, но обладает собственными качествами и может давать людям определенные возможности (Carey 2017; Mühlfried 2018, 2019).

Открытием этого направления стало также то, что недоверие является вовсе не исключением из социальных правил, а нормой: в тех или иных формах оно присутствует во всех обществах. Почему же оно окружено тишиной? Мюльфред предполагает, что причиной является не столько исследовательская инерция, сколько невольная предвзятость социальных исследований: они предпочитают рассматривать недоверие как нечто пагубное и асоциальное, ведь придание ему позитивного смысла ставит под вопрос действия власти и в конечном счете способно подорвать ее авторитет (Mühlfried 2018: 8).

Вопреки существующим представлениям о том, что отсутствие доверия ведет к пассивности, Мюльфред утверждает, что недоверие может стать активным действием. Представленные в коллективной монографии «Mistrust: Ethnographic Approximations» этнографические примеры показывают, что во многих случаях недоверие способствует активности субъекта, стимулирует познание и инициирует поиск «защитных механизмов», т.е. способов распределения рисков и ослабления зависимостей (Mühlfried 2018: 5). Кэри отмечает, что ошибочно воспринимать недоверие как вечного врага терпимости и свободы: оно основано на определенном взгляде на природу человека и «возникает при слиянии определенных представлений о личности, практик общения и представлений о границах знаний» (Carey 2017: 107).

В свое время Э. Гидденс предложил понятие «активное доверие», отмечая, что в современном мире доверие не следует очевидным образом из предустановленных социальных позиций или гендерных ролей, но должно завоевываться: «Активное доверие предполагает автономию и является мощным источником социальной солидарности» (Giddens 1994: 14). Мюльфред считает, что недоверие является равноценной стратегией вовлечения, которая обладает созидательным потенциалом (например, создает новые «сети доверия») и способствует формированию активной гражданской позиции: «Недоверие – это не только разумная реакция на разоблачения, но и первый шаг к критической политической активности» (Mühlfried 2019: 20). В этой связи представляется возможным сделать еще один шаг и предложить понятие «активное недоверие» для описания различных практик гражданской активности, возникающих в настоящее время, в том числе в отношении врачей и системы здравоохранения в целом.

Таким образом, в настоящее время есть два способа говорить о недоверии: в классических социальных исследованиях недоверие рас-

сматривается как реакция и отсутствие доверия, в антропологии недоверия – как действие и явление *sui generis*. Эти подходы вовсе не исключают, а напротив, дополняют друг друга: первоначальная спонтанная реакция недоверия порождает осознанное активное действие, которое может принимать самые разные формы.

Как проявляется недоверие в сфере здравоохранения? Каким стратегиям следуют пациенты: отказу от лечения, реализуя «первую форму недоверия – бегство» (Mühlfried 2019: 28), или инвестируют в «переориентацию доверия» и создание «новых сетей доверия» – низовых пациентских организаций и групп самопомощи? Какие формы принимает недоверие у женщин, выбирающих как, где и с кем рожать? Какие усилия они готовы предпринять для подготовки собственных родов и уменьшения возможных рисков?

Рассмотрим сначала недоверие врачам и медицине с точки зрения первого подхода – недоверия как спонтанной реакции, – каким оно предстает в мониторингах, опросах общественного мнения и социологических исследованиях. Затем проанализируем недоверие как активное действие, обратившись к приведенному выше случаю правового сопровождения родов.

Кризис доверия врачам и медицине

В настоящее время общепризнанным является факт, что в России сложилось общество недоверия. Ф. Фукуяма относит Россию к странам с низким уровнем доверия, где разрушены все социальные связи, как традиционные, так и формирующиеся в ходе модернизации (2004: 168). Исследования в области развития гражданского общества показывают, что уровень доверия за пределами приватных сетей остается чрезвычайно низким (Вахштайн, Степанцов 2017; World Values Survey 2017). В рейтинге доверия разных стран, опубликованном в 2019 г. исследовательской компанией Edelman, Россия заняла последнее место по общему уровню доверия к институтам. Также она оказалась на последнем месте по уровню доверия к общественным организациям и СМИ и в числе лидеров по уровню падения доверия за год (Edelman Trust Barometer 2019).

В этом контексте неудивительно, что недоверие такому важному социальному институту, как здравоохранение, находится на очень высоком уровне и, как показывают недавние опросы общественного мнения, продолжает расти (Левада-Центр 2017; ВЦИОМ 2019; Здоровье Mail.ru 2019; Платформа 2019; ФОМ 2019). Более половины россиян (57%) в случае заболевания не обращаются к врачам, а предпочитают заниматься самолечением; каждый пятый (19%) в принципе старается избегать врачей (Здоровье Mail.ru 2019). 41% (50% в возрасте от 25 до

44 лет) перепроверяют диагнозы и назначения врача, обращаясь за консультацией к другим специалистам, фармацевтам, родственникам и друзьям (ВЦИОМ 2019). Только 11% согласны с утверждением, что врач заинтересован в их здоровье (ФОМ 2019).

Таким образом, категория недоверия объединяет различные стратегии пациентов, например: проверку диагноза, обращение к частной медицине, обращение к альтернативным специалистам и целителям, отказ от медицинской помощи, самолечение. Подобное неразличение практик недоверия порождает множество вопросов: идет ли речь об одном виде недоверия или о разных? Какими причинами обусловлено появление тех или иных форм недоверия? И т.д.

Среди причин недоверия прежде всего отмечают конфликт идеологий внутри системы: с одной стороны, сохранение старой патерналистской модели, с другой – развитие превентивной медицины; с одной стороны – деперсонификация («не здоровье человека, а борьба с болезнью»), с другой – идеология вовлечения пациента (Rivkin-Fish 2005; Аронсон 2006; Платформа 2019). Реформы системы здравоохранения привели лишь к увеличению дистанции между врачом и пациентом, ужесточению регулирования и контроля при сохранении непрозрачности системы (Новкунская 2019; Платформа 2019).

Сфера родовспоможения характеризуется особенно высоким уровнем недоверия, что получило освещение в целом ряде исследований (Rivkin-Fish 2005; Здравомыслова, Тёмкина 2009; Тёмкина 2016, 2017, 2018). Отмечается, что существующие в акушерстве высокие риски создают не только уязвимого пациента, но также повышают уязвимость медицинских работников (Litvina, Novkunskaya, Temkina 2020). Действительно, по данным Следственного комитета РФ, акушерство традиционно занимает лидирующее место по количеству жалоб пациентов (Петрова 2017), а по данным судебно-медицинских экспертов – по числу установленных дефектов оказания медицинской помощи (Лобан и др. 2015).

Как работает недоверие: «защитные меры» пациентов

Как показывают исследования, основными стратегиями женщин по страхованию рисков в родах являются обращение к платной медицине и поиски «хорошего» врача (Здравомыслова, Тёмкина 2009; Тёмкина 2016, 2017, 2018). В крупнейших мегаполисах платный сегмент растет: в 2019 г. платные роды (в государственных роддомах по контракту или ДМС или в частных клиниках) составили 49% в Москве и 47% – в Санкт-Петербурге (Статистика сайта roddom.ru 2019). Однако, как отмечает А. Тёмкина, недостаточно просто «оплатить заботу», чтобы получить желаемый результат. Женщинам приходится вырабатывать раз-

нообразные, зачастую очень сложные стратегии, привлекая деньги, знания и личные социальные сети, для того чтобы совершить оптимальный, с их точки зрения, выбор роддома, врача и акушерки (Темкина 2018). Таким образом в секторе платного родовспоможения пациенты активно осваивают роль требовательного потребителя: это «образованные женщины среднего класса, убежденные, что они должны контролировать свою жизнь, громко заявлять о себе и осуществлять выбор врачей, больниц и вариантов лечения» (Lazarus 1994: 39).

Между тем остаются малоизученными стратегии, которые используют женщины, испытывающие недоверие медицине, но решившие остаться в секторе государственной страховой медицины. В соответствии с Положением «О родовом сертификате» (2006) в рамках ОМС женщина может выбрать роддом, но не может выбрать врача и акушерку, обсудить с врачом сценарии родов и прописать свои предпочтения в договоре – эти возможности существуют только для женщин, рожающих по контракту или полису ДМС. Вопрос, как избежать рутинной стимуляции родового процесса, к которой зачастую прибегают врачи, работающие «на потоке», остается весьма актуальным. На недавней конференции, посвященной перспективам гуманизации родов в России, вопрос одной из слушательниц: «Как сделать так, чтобы женщина могла родить естественно, не заплатив за это 200 тыс.?», буквально повис в воздухе. Вместо ответа организаторы конференции пригласили всех рожать у них – в частном московском роддоме, где средняя цена контракта превышает 200 тыс. рублей (ПМА-6).

Многие женщины посещают специальные тренинги по взаимодействию с медицинскими работниками, лекции и вебинары по правам женщин во время беременности и родов, которые проводят доулы и другие перинатальные специалисты. Женщин учат писать заявления-отказы от медицинских манипуляций и правильно заполнять бланки об информированном согласии. (В соответствии с положением об информированном добровольном согласии, ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ФЗ 323), пациент может отказаться от любых форм медицинского вмешательства.) Однако медики могут пренебречь предпочтениями женщины, зафиксированными в ее заявлении, сославшись на медицинскую целесообразность и требования безопасности, прописанные в клинических рекомендациях Минздрава. Как призналась одна из моих информанток, акушерка роддома с большим стажем, «даже если женщина напишет от всего отказ, мы будем на нее так давить… Необязательно даже врач будет давить. Придет заведующая, придет начмед, кто-нибудь скажет: она выжила из ума, или надавит на мужа, например, скажет мужу: вы хотите потерять женщину и ребенка?» (ПМА-5).

Ведущие курсов подготовки к родам объясняют, что для усиления своей позиции и установления контроля за действиями врачей женщине

необходима помощь. В соответствии со ст. 51 ФЗ 323 она может взять с собой на роды (по полису ОМС) отца ребенка или иного члена семьи. Однако присутствие родственника далеко не всегда помогает женщине отстоять свои права и избежать нежелательных медицинских вмешательств (Ангелова, Темкина 2009). Одна из моих информанток, профессиональный юрист и доула, делится своими наблюдениями за партнерскими родами: «(Медики) к мужьям иногда относятся так… Если муж очень грозный, то его побаиваются и лишний раз вообще не подойдут. А если муж робкий, могут отнестись несколько пренебрежительно, особенно если он дает понять, что не очень понимает происходящее» (ПМА-3). В рассматриваемом случае женщина решила отказаться от поддержки мужа, так как не была уверена в его способности в решающий момент дать отпор врачам.

А. Тёмкина, описывая стратегии женщин в платном сегменте родовспоможения, отмечала, «Женщины, признавая свою "иррациональность" в момент родов и ограниченные возможности влиять на процесс, передают контроль надежному, рационально действующему профессионалу» (Тёмкина 2018: 223). Кем может быть этот «надежный профессионал», если врачам и акушеркам женщина не доверяет? Эту нишу стремятся заполнить разного рода перинатальные специалисты, прежде всего, доулы, оказывающие «неприрывную профессиональную практическую, информационную и психологическую поддержку женщине в родах» (Сфера деятельности и компетенция родовой доулы 2016). В соответствии с Этическим кодексом доул, контроль за действиями врачей и переговоры относительно медицинских манипуляций не входят в их компетенцию, и они «не гарантируют женщине, что роды пойдут по определенному сценарию» (Этический Кодекс родовой доулы 2016). Тем не менее очевидно, что, не являясь штатным работников, доула в роддоме становится свидетелем: «В отличие от мужа или других родственников, доулы все знают. Если, например, врач подкрадывается с амниотомом (инструмент для прокола плодного пузыря), и говорит: я только посмотреть, доула сделает большие глаза, потому что она знает, что это такое, что ей хотят проколоть пузырь» (ПМА-3).

В приведенном случае приглашенный юрист не выполнял функции доулы, он не находился с женщиной постоянно во время ее пребывания в роддоме: «Я к ней приезжал, уезжал, говорил по телефону, потому что я не мог быть постоянно, но на самих родах я был». Своей главной заслугой Роман считает «пресечение шантажа со стороны врачей» с целью заставить женщину согласиться на медикаментозную стимуляцию родовой деятельности: «Врач подходит и говорит: "Вы знаете, у вас по УЗИ к ребенку через пуповину не поступает кислород". Она ко мне поворачивается: "Ой, он ведь уже страдает, наверно, надо что-то делать?.." Я так сразу: "Стоп, ты же недавно КТГ[6] делала". Это я по-

вернулся к ней, а врач рядом стоял, и говорю: “А по КТГ какие показатели?” Если бы я его спросил, он бы сразу ответил: “А Вы что, врач? Нет? Так что тогда спрашиваете?” Это превратилось бы в какую-то борьбу. Я это прекрасно понимал и чувствовал, что тут идет шантаж. Нужно выбирать нужную тактику. Я повернулся к женщине и говорю: “Спроси у него про КТГ, тебе же недавно делали, 2–3 часа назад”. Она поворачивается и спрашивает: “А КТГ у меня?..” Он сразу отвечает: “Идеальное”. Я сразу ей говорю: “Что весомее: УЗИ или КТГ?” Как только я этот вопрос задал, он сразу сказал: “Ладно, если не будешь рожать, мы через сутки вернемся к этому вопросу”, и ушел» (ПМА-2). Таким образом, юрист выступил в роли посредника, став для женщины тем самым «надежным профессионалом», который помог ей благополучно родить и добиться от врачей соблюдения всех пунктов, на которых она настаивала.

Мои информанты подтверждают, что существует определенный запрос на юридическую помощь во время родов. Марина признает, что к ней нередко обращаются женщины, которых привлекает именно ее двойная квалификация доулы и юриста: «Обычно это такие решительные, современные женщины, они задают такой вопрос: сможете ли вы в родах меня защищать?» (ПМА-3). Многие женщина говорят, что в родах им нужен именно защитник. Елена планировала взять на роды в качестве доулы домашнюю акушерку и ведущую курсов подготовки к родам, которые она посещала во время беременности: «Я просто хочу, чтобы рядом был человек, которому я могу доверять. Именно в процессе родов. Я хочу, чтобы это была Н., не потому что уже кто-то с ней рожал, а я просто боюсь, знаете, сразу представляешь себе больничную палату, к тебе приходит врач, которого ты максимум второй раз в жизни видишь, или акушерка, которая тебя в первый раз, сегодня, увидела. Может быть, она суперклассная, но ты не чувствуешь, что ты можешь ей на сто процентов доверять. Ты вынужден ей на сто процентов доверять, просто потому что у тебя нет выхода. *Она не заслужила твое доверие* (курсив мой. – *А.О.*), вот как Н., каким-то образом, теми знаниями, которыми она делится, а ты вынужден ей довериться, потому что больше никого нет» (ПМА-4).

Итак, женщины не доверяют врачам и акушеркам роддома, потому что они их не знают и потому что они не «заслужили их доверие». В приведенном кейсе у женщины было хроническое заболевание, поэтому она рожала в профильном роддоме и легла туда заранее, чтобы пройти обследование. Она не обращалась за помощью к юристу, не писала отказы от медицинских обследований и манипуляций по этому заболеванию, поскольку не испытывала недоверия к специалистам данного профиля. Таким образом, было бы неверно утверждать, что она не доверяет врачам и тем более медицине в целом – она не доверяла имен-

но врачам акушерам-гинекологам, работающим в роддоме, потому что допускала, что они могут действовать в каких-то собственных интересах и причинить вред ее здоровью и здоровью ее ребенка.

Как работает недоверие: борьба за контроль

Рассмотрим деятельность юриста Романа, который уже более десяти лет занимается защитой прав женщин и семей сначала как член общественной организации, затем – самостоятельно. На лекциях, вебинарах и в ходе частных консультаций он призывает всех отстаивать свои права: «Если мы знаем свои права, мы можем выстраивать свои взаимоотношения с врачами» (ПМА-1). За юридической поддержкой к нему обращаются родители со всей страны, чаще всего – в связи с проблемами в получении свидетельства о рождении ребенка, появившегося на свет в результате домашних родов, или угрозами со стороны органов опеки по причине домашних родов или отказа от вакцинации детей. Также к нему обращаются в случаях причинения вреда здоровью матери или ребенка в результате халатности или врачебных ошибок работников роддома. В частности, в его практике был случай, когда женщину парализовало после эпидуральной анестезии и при поддержке Романа семья смогла довести дело до конца и получила денежную компенсацию. Он говорит, что «масштаб проблем очень большой» – в среднем пять новых обращений в месяц, и признается: «За годы моей практики, у меня хватит пальцев, чтобы посчитать количество дел, которые были доведены до конца. И не хватит рук, чтобы посчитать, сколько людей отказалось бороться за свои права и довести дело до суда, граждан, которые хотели наказать врачей, но не сумели пойти до конца. Я их не считал, их очень много. Мы общаемся максимум три месяца, потом они или пропадают, или говорят: извините, мы не будем больше этим заниматься. Это все очень печально» (ПМА-1).

Еще одним важным направлением работы Романа стала борьба за изменение статьи 51 ФЗ 323: он считает несправедливым существующее ограничение, когда женщина может взять на роды только отца ребенка или иного члена семьи, и на протяжении нескольких лет обращается в разные инстанции для отмены этого положения.

В целом можно сказать, что его целью является социальный контроль за медицинскими работниками. Его деятельность остается уникальной в своем роде, однако Роман надеется, что в скором времени появятся новые специалисты по медицинскому праву, медицинские юристы и медики с юридическим образованием, выступающие на стороне пациентов. Стоит отметить, что уже сейчас существуют организации, занимающиеся правовой поддержкой пациентов, в том числе в сфере родовспоможения. Например, президент организации «Лига па-

циентов» А. Саверский в популярном издании «Как безопасно родить в России» советует женщинам тщательно изучать свои права при подготовке к родам: «Хочешь мира – готовься к войне. Вы должны знать, какие неприятные ситуации могут возникнуть и как их избежать» (Саверский, Саверская, Никонов 2009).

В свою очередь, медики могут расценивать действия подобных пациентов и их защитников как угрожающие и даже как «пациентский экстремизм» (Litvina et al. 2020: 13). Роман вспоминает, как врач акушер-гинеколог прокомментировал роды, на которых он присутствовал: «Все, пора увольняться. Работать стало невозможно» (ПМА-2). Действительно, медицинские работники оказались в сложной ситуации: с одной стороны, за их работой следят многочисленные контролирующие инстанции, с другой – угрожают своими жалобами требовательные пациенты. Они склонны обвинять в этом пациентов: «Женщины сами, сами вырыли себе яму. Добровольно. Жалуясь на врачей (это известная тема), жалуясь на медиков, добросовестных и недобросовестных, – на всех, вынудили медицинское сообщество (это не российская проблема, это мировая), вынудили медицинское сообщество руководствоваться стандартными инструкциями и уйти от индивидуального подхода» (ПМА-5).

Однако эти соображения не объясняют тот факт, что многие врачи продолжают применять запрещенные приемы. Как отмечает Радзинский, никто не знает реального вклада акушерской агрессии в формирование перинатальной заболеваемости: «Истинное число этих вмешательств скрывают, в частности, нет данных по использованию в родах запрещенных акушерских пособий» (2011: 267–268). Зачастую вмешательства просто не фиксируются в истории болезни, поскольку, как признаются врачи, она «пишется для прокурора». Недоверие пациентов вызывает непрозрачность и двойные стандарты: например, в платных отделениях оказывается возможным многое из того, что запрещено в бюджетных, хотя все врачи должны руководствоваться одними федеральными стандартами (Ожиганова 2019). Это недоверие выражается в требовании усиления контроля: по данным соцопросов, 75% россиян считают необходимым установление независимого контроля качества медицинских услуг, 42% сообщают, что в случае врачебной ошибки обратятся в прокуратуру (ВЦИОМ 2019).

Заключение

Рассмотренный случай юридического сопровождения родов, как своего рода «культурный дисплей», отражает сложную ситуацию, сложившуюся в сфере российского родовспоможения. В западных странах восходящим трендом становится модель акушерской помощи, объеди-

няющая доказавшие свою эффективность медицинские технологии с ценностями гуманизма, учитывающая индивидуальные особенности и ориентированная на сотрудничество врача и пациента (Davis-Floyd 2001: 22). В то же время в России сохраняется довольно жесткое противопоставление «естественных» и «медикализированных» родов, причем сторонники каждого подхода обвиняют другой в акушерской агрессии и отсутствии безопасности. Высокие медицинские риски, существующие в родовспоможении, усугубляются системным организационным кризисом, который создают постоянно возрастающие бюрократические ограничения, тотальная регламентация и контроль. «В итоге пациенты становятся еще более уязвимыми, поскольку множество разного рода вовлеченных профессионалов начинают применять “агрессивные” техники для того, чтобы минимизировать медицинские риски и заставить пациента подчиняться их решениям» (Litvina et al. 2020: 10).

В ситуации недоверия «люди защищают свою индивидуальность и субъектность» (Bürge 2018: 124) посредством «переориентации доверия»: они направляют свои усилия на ослабление существующих связей и на формирование новых отношений (Mühlfried 2019). В нашем случае женщины и врачи ведут борьбу за контроль и «перераспределение власти» (Lazarus 1994: 40). При этом нельзя сказать, что женщины в целом не доверяют медицине, скорее, они испытывают недоверие к конкретным рутинным медицинским практикам. Они ищут способы ослабить свою зависимость от врачей, чтобы самостоятельно совершать выбор, руководствуясь личным опытом и имеющимися у них знаниями, которые они постоянно пополняют, обращаясь ко всем имеющимся в их распоряжении источникам информации: интернет-форумам, группам поддержки, альтернативным перинатальным специалистам. Они создают новые практики недоверия: изучают свои права и способы их обеспечения в условиях роддома, обращаются за помощью к юристам. Зачастую они принципиально отказываются от платной медицины и неформальных платежей и инвестируют свои материальные, организационные и временные ресурсы в укрепление новых «сетей доверия».

По всей видимости, запрос на юридическую защиту во время беременности и родов будет расти, но на данный момент фигура юриста из приведенного кейса – уникальна. Он выступает как частное лицо, но использует свои профессиональные компетенции юриста; оказывает помощь в частном порядке, но предает свои действия огласке в социальных сетях; действует самостоятельно, но в интересах определенного сообщества. Медицинские работники могут оценивать его действия как экстремистские, но он не нарушает закон (за исключением того факта, что выдавал себя за родственника женщины) и не занимается преследованием врачей. Можно ли отнести его к категории вигилантов (от исп. vigilante – бдительный), т.е. к «гражданам, добровольно и самовольно

принимающим на себя защиту закона и нравственных норм в ситуации, когда государственные органы отсутствуют, бездействуют или поражены коррупцией» (Haas, De Keijser, Bruinsma 2012)? Рассмотрение вигилантизма как формы недоверия может стать темой дальнейших исследований, с учетом того что в современных исследованиях вигилантизм трактуется очень широко, а главной причиной и условием его распространения называется «разрыв справедливости», т.е. бросающееся в глаза несоответствие между желаемым и фактическим (Johnston 1996; Moncada 2017). Но очевидно, что деятельность Романа является одной из форм недоверия – «это стратегия посредничества на пороге правовой системы» (Somparé et Somparé 2018: 134).

Практическим решением кризиса отношений между врачами и пациентами может стать создание института независимых посредников, которые бы осуществляли оценку качества и обоснованности жалоб и занимались разрешением конфликтов между врачами и пациентами, не обращаясь к силовым структурам (Платформа 2019). Новые «сети доверия» могут сформировать низовые пациентские организации, объединения институциональных и альтернативных перинатальных специалистов: врачей, роддомовских акушерок, домашних акушерок, доул, ведущих курсов подготовки к родам, юристов – людей, которые завоевали доверие женщин, делясь своими знаниями и оказывая поддержку.

Понятие «активное недоверие» представляется перспективным при анализе практик пациентов и в целом – гражданского активизма, поскольку оно дает возможность по-новому посмотреть на социальное недоверие и обнаружить в нем позитивный смысл, а не угрозу для общественных институтов: «Вместо того, чтобы чувствовать себя обязанными доверять, граждане могут направить свои усилия на то, чтобы сделать институты более прозрачными» (Mühlfried 2019: 97).

Полевые материалы

Исследование основано на полевых материалах, собранных в Москве и Санкт-Петербурге в 2015–2019 гг. и включающих интервью с доулами, акушерками, врачами акушерами-гинекологами и женщинами (всего более 50 интервью), а также записи различных мероприятий в московских роддомах и онлайн-конференций для перинатальных специалистов. В данной статье используются два углубленных интервью с юристом Романом (имена всех информантов изменены). Первое интервью посвящено его деятельности по оказанию правовой помощи женщинам и семьям в перинатальный период. Второе интервью связано с уникальным в практике Романа случаем сопровождения в родах, а также его борьбой за изменение ст. 51 закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ».

ПМА-1. Интервью Роман (юрист, правозащитник), I. Москва, 2018. Январь.

ПМА-2. Интервью Роман, II. Москва, 2018. Июнь.

ПМА-3. Интервью Марина (юрист, доула). Москва, 2019.

ПМА-4. Интервью Елена (слушательница курсов подготовки к родам). Москва, 2017.

ПМА-5. Интервью Л.Н. (акушерка). Санкт-Петербург, 2019.

ПМА-6. Конференция «Акушерский союз». Москва, Перинатальный медицинский центр «Мать и дитя». 30.11–01.12.2019.

Примечания

[1] Ятрогенные преступления – разновидность преступлений против жизни и здоровья человека. Преступление становится ятрогенным и влечет за собой уголовную ответственность только в случаях нарушения правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи медицинскими работниками в процессе исполнениями своих профессиональных обязанностей, вследствие которого наступают общественно опасные действия (Ятрогенные преступления 2019).

[2] Прием Кристелера и другие способы выдавливания ребенка запрещены в РФ (Клинические рекомендации Минздрава РФ 2014: 10).

[3] Описание полевых материалов автора и список интервью см. списке полевых материалов. В целях сохранения анонимности имена всех информантов изменены.

[4] На самом деле роды длились около 18 часов, что является нормой для первых родов. Женщина легла в роддом заранее, чтобы успеть пройти обследование по своему заболеванию до начала родовой деятельности (ПМА-2).

[5] Доула в переводе с греческого (Doula) означает «помощница», «прислужница», помощница в родах. Новый вид перинатального специалиста, в России как самостоятельная профессия официально не зарегистрирован. Доула не имеет медицинского образования и оказывает только информационную, физическую и психологическую поддержку (Сфера деятельности и компетенция родовой доулы… 2016).

[6] КТГ (кардиотокография) – непрерывная синхронная регистрация частоты сердечных сокращений плода и тонуса матки с графическим изображением сигналов на калибровочной ленте.

Литература

Ангелова Е., Тёмкина А. Отец, участвующий в родах: гендерное партнерство или ситуационный контроль // Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности: сб. статей. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 473–507.

Аронсон П. Утрата институционального доверия в российском здравоохранении // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. № 9 (2). С. 120–131.

Бороздина Е.А. Язык науки и язык любви: легитимация независимой акушерской практики в России // Laboratorium. 2014. № 6 (1). С. 30–59. URL: http://www.intelros.ru/pdf/Laboratorum/2014_1/2.pdf

Бороздина Е.А. Создавая естественность: модели естественных родов в современной России // Критическая социология заботы: перекрёстки социального неравенства: сб. статей. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2019. С. 117–138.

Бороздина Е.А., Новкунская А.А. Взгляд пациента на организацию ухода в российских роддомах // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 17 (3). С. 439–452 DOI: 10.17323/727-0634-2019-17-3-439-452

В СК РФ впервые прокомментировали дело экс-главы роддома № 27 Марины Сармосян // Vademecum. 2020. 10 января. URL: https://vademec.ru/news/2020/01/10/sk-rf-prokommentiroval-arest-eks-glavy-roddoma-27-mariny-sarmosyan/

Вахштайн В.С., Степанцов П.М. Доверие к государственным институтам и стратегии экономического поведения населения. Центр социологических исследований РАНХиГС. 2017. URL: https://social.ranepa.ru/images/News/2017-03/29-03-2017-opros-gos-inst.pdf

ВЦИОМ. Качество медицинских услуг: запрос на жесткий контроль, 2019. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10067

Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.

Здоровье Mail.ru 2019. Больше половины россиян занимаются самолечением, 23 августа. URL: https://health.mail.ru/news/bolshe_poloviny_rossiyan_zanimayutsya/

Здравомыслова Е., Тёмкина А. «Врачам я не доверяю», но… Преодоление недоверия к репродуктивной медицине // Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2009. С. 179–210.

Зиммель Г. Человек как враг // Избранное: в 2 т. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист, 1996.

Клинические рекомендации Минздрава РФ. Оказание медицинской помощи при одноплодных родах в затылочном предлежании (без осложнений) и в послеродовом периоде. 2014. URL: https://lgrd-48.ru/upload/medialibrary/d81/d816c21ffe956bb9e4cc031b7ff5eeb7.pdf

Левада-Центр. Институциональная коррупция и личный опыт. 28 марта 2017. URL: https://www.levada.ru/2017/03/28/institutsionalnaya-korruptsiya-i-lichnyj-opyt/

Лобан И.Е., *Исаков В.Д., Лаврентюк Г.П., Быховская О.А., Филатов А.И.* Статистическая характеристика экспертиз по делам о профессиональных правонарушениях и преступлениях медицинских работников (по материалам СПб ГБУЗ «БСМЭ» 2009–2014 гг.) // Медицинское право: теория и практика. 2015. № 1(1). С. 264–274.

Насилие в родах. За роды без насилия. ВКонтакте: страница сообщества #насилие_в_родах. URL: https://vk.com/humanize_birth

Новкунская А.А. Институциональные разрывы преемственности в российском родовспоможении // Критическая социология заботы: перекрёстки социального неравенства: сб. статей. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2019. С. 58–87.

Ожиганова А.А. Официальное (биомедицинское) и альтернативное (домашнее) акушерство: практики формализованного и неформального взаимодействия // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 5. С. 28–52. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2019/11/30/1519237930/ecsoc_t20_n5.pdf#page=28

Петрова Т.Н. Особенности расследования преступлений, связанных с некачественным оказанием медицинской помощи при родовспоможении // Consilium Medicum. 2017. № 19 (6). С. 9–31. DOI: 10.26442/2075-1753_19.6.9-31

Права человека – XXI век. Материалы дискуссий российских правозащитников, экспертов и ученых в 2019 году / сост. С. Кривенко. М., 2019. URL: https://hrdco.org/wp-content/uploads/sbornik_online.pdf

Платформа. Кризис доверия и 6 вызовов для системы здравоохранения. Экспертный опрос. 2019. URL: http://pltf.ru/wp-content/uploads/2019/12/krizis-doveriya-i-6-vyzovov-dlya-sistemy-zdravoohraneniya.pdf

Радзинский В.Е., Костин И.Н. Безопасное акушерство // Акушерство и гинекология. 2007. № 5. С. 12–16.

Радзинский В.Е. Акушерская агрессия. М.: StatusPraesens, 2011.

Саверский А.В., Саверская С.А., Никонов Е.Л. Как безопасно родить в России. М.: ЭКСМО, 2009.

Сфера деятельности и компетенция родовой доулы Ассоциации профессиональных доул. Стандарты практики. 2016. URL: http://doularussia.ru/wp-content/uploads/2016/11/Kompetentsiya-duly-APD.pdf?v=f9308c5d0596

Статистика сайта roddoma.ru. Платные роды. 2019. URL: https://www.roddoma.ru/stat.aspx

Тёмкина А.А. Оплачиваемая забота и безопасность: что продается и покупается в родильных домах? // Социология власти. 2016. № 1. С. 76–106.

Тёмкина А.А. «Экономика доверия» в платном сегменте родовспоможения: городская образованная женщина как потребитель и пациентка // Экономическая социология. 2017. № 18 (3). С. 14–53. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2017/05/31/1172172613/ecsoc_t18_n3.pdf#page=14

Тёмкина А.А. Будущая мать как социальный исследователь // Антропологический форум. 2018. № 37. С. 197–230. URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/ files/pdf/037/temkina.pdf

ФОМ. О врачах и качестве медицинской помощи. Как оцениваются доступность медпомощи, квалификация врачей и оснащенность медучреждений? 201913 октября. URL: https://fom.ru/Zdorove-isport/12346.

Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ, 2004.

Этический Кодекс родовой доулы Ассоциации Профессиональных Доул. 2016. URL: http://doularussia.ru/wp-content/uploads/2016/11/Eticheskij-kodeks-APD-1.pdf?v=f9308c5d0596

Ятрогенные преступления // Словарь эксперта. Центр экспертиз при Институте судебных экспертиз и криминалистики. 2019. URL: https://ceur.ru/library/words/item316495/

Bürge M. Mis(sing) Trust for Surviving. Confronting Complexity and the Un/Known in Makeni, Northern Sierra Leone // Mistrust: Ethnographic Approximations / ed. by F. Mühlfried. Bielefeld: Transcript Verlag, 2018. P. 105–128.

Carey M. Mistrust: An Ethnographic Theory. Chicago: University of Chicago Press, 2017.

Davis-Floyd R.E. The technocratic, humanistic, and holistic paradigms of childbirth // International Journal of Gynecology & Obstetrics. 2001. № 75. S. 5–23.

Davis-Floyd R.E. The technocratic body and the organic body: Hegemony and heresy in women's birth choices // Gender and health: An international perspective / C.F. Sargent, C.B. Brettell (eds.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1996. P. 123–166.

Edelman Trust Barometer. Global Report. 2019. URL: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/201902/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf

Giddens A. Beyond Left and Right: The future of radical politics. Cambridge: Polity Press, 1994.

Haas N.E., De Keijser J.W., Bruinsma G.N. Public support for vigilantism: An experimental study // Journal of Experimental Criminology. 2012. № 8 (4). P. 387–413.

Johnston L. What is vigilantism? // British Journal of Criminology. 1996. № 36 (2). P. 220–236.

Lazarus E.S. What Do Women Want?: Issues of Choice, Control, and Class in Pregnancy and Childbirth // Medical Anthropology Quarterly. 1994. Vol. 8, № 1. P. 25–46. DOI: 10.1525/maq.1994.8.1.02a00030

Litvina D., Novkunskaya A., Temkina A. Multiple Vulnerabilities in Medical Settings: Invisible Suffering of Doctors // Societies. 2020. № 10, 5. DOI: 10.3390/soc10010005

Lock M. Medicalization and the Naturalization of Social Control // Encyclopedia of Medical Anthropology: Health and Illness in the World's Cultures / C.R. Ember, M. Ember (eds.). N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2004. P. 116–125.

Luhmann N. Trust and Power. New York: J. Wiley, 1979.

Moncada E. Varieties of vigilantism: conceptual discord, meaning and strategies // Global Crime. 2017. № 18:4. P. 403–423.

Mühlfried F. Introduction. Approximating Mistrust // Mistrust: Ethnographic Approximations (ed. by F. Mühlfried). Bielefeld: Transcript Verlag, 2018. P. 7–22.

Mühlfried F. Mistrust: A Global Perspective. Palgrave Macmillan, 2019.

Rivkin-Fish M. Women's Health in Post-Soviet Russia: The Politics of Intervention. Indiana University Press, 2005.

Sargent C. Maternity, medicine and power: Reproductive decisions in urban Benin. Berkeley: University of California Press, 1989.

Sargent C. Birth // Encyclopedia of Medical Anthropology: Health and Illness in the World's Cultures / C.R. Ember, M. Ember (eds.). N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers 2004. Vol. I. P. 224–230.

Somparé A.W., Somparé E.B. Mistrust During the Ebola Epidemic in Guinea // Mistrust: Ethnographic Approximations / ed. by F. Mühlfried. Bielefeld: Transcript Verlag, 2018. P. 129–145.

World Values Survey. Online Data Analysis, Wave 6: 2010–2014. 2017. URL: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp

Sztompka P. Trust, Distrust and Two Paradoxes of Democracy // European Journal of Social Theory. 2015. № 1 (1). P. 19–32.

WHO. Human Reproduction Program. 2018. URL: https://www.who.int/ reproductivehealth/intrapartum-care/en/

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2020 г.

Ozhiganova Anna A.

'ACTIVE MISTRUST' OF DOCTORS: A CASE STUDY OF LEGAL SUPPORT DURING CHILDBIRTH*

DOI: 10.17223/2312461X/30/10

Abstract. The article discusses the issue of mistrust between patients and doctors, which is particularly acute in the Russian healthcare sector dealing with pregnancy and childbirth (obstetric care), recently shaken by several legal cases. The present study is focused on one specific case involving a woman who invited a legal expert to be present in the delivery room of one of the Moscow hospitals, while she was in labour. Based on this as well as other fieldwork materials, the author analyzes main strategies that women who distrust their doctors use while receiving state-funded healthcare services. Specifically, these women are known to study their rights as patients, consult legal experts, refuse any medical interventions in advance and choose their doulas. The role of the legal expert who defends these women's rights is also examined in the article. In theoretical terms, the study draws on the anthropology of mistrust, whereby it is suggested that mistrust should be no longer seen in negative light only, as a sign of social failure or an obstacle for the development of social institutions. Proponents of this approach suggest that mistrust is a form of critical thinking realized in a variety of strategies. Taking this theoretical perspective further, the author proposes another term – 'active mistrust' (by analogy with 'active trust' introduced by Anthony Giddens) – to be used in analysis of patient and civil activism.

Keywords: anthropology of childbirth, anthropology of mistrust**,** social mistrust, distrust of doctors, birth models, patient-doctor relationship, defensive measures, struggle for control, networks of trust

*The article is published in accordance with the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

References

Angelova E., Temkina A. Otec, uchastvujushhij v rodah: gendernoe partnerstvo ili situacionnyj kontrol' [Father involved in childbirth: Gender partnership or situational control]. In: *Novyj byt v sovremennoj Rossii: gendernye issledovanija povsednevnosti* [New life in modern Russia: Gender research on everyday life] (eds. E. Zdravomyslova, A. Temkina, A. Rotkirch). St. Petersburg: EUSP, 2009, pp. 473–507.

Aronson P. Utrata institutsional'nogo doveriya v rossiyskom zdravookhranenii [Loss of institutional trust in the Russian healthcare sector]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2006, Vol. 9, no. 2, pp. 120–131.

Borozdina E. "Yazyk nauki i yazyk lyubvi": legitimatsiya nezavisimo akusherskoi praktiki v Rossii [Language of science and language of love: The legitimation of independent midwifery practice in Russia], *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2014, Vol. 6, no. 1, pp. 30–59. Available at: http://www.intelros.ru/pdf/Laboratorum/2014_1/2.pdf

Borozdina E. Sozdavaya estestvennost': modeli estestvennykh rodov v sovremennoy Rossii [Creating naturalness: Models of natural childbirth in modern Russia]. In: *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty: perekrestki sotsial'nogo neravenstva* [Critical sociology of care: The crossroads of social inequality] (eds. E. Borozdina, E. Zdravomyslova, A. Temkina), St. Petersburg: EUSP, 2019, pp. 117–138.

Borozdina E., Novkunskaya A. Vzgliad patsienta na organizatsiiu ukhoda v rossiiskikh rod-domakh [The patient's perspective on institutional logics in Russian maternity care], *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, 2019, no. 17(3), pp. 439–452. Available at: https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-3-439-452

Bürge M. Mis(sing) trust for surviving. Confronting complexity and the un/known in Makeni, Northern Sierra Leone. In: *Mistrust: Ethnographic Approximations* (ed. by F. Mühlfried). Beilefeld: Transcript Verlag, 2018, pp. 105–128.

Carey M. *Mistrust: An ethnographic theory*. Chicago: University of Chicago Press, 2017.

Davis-Floyd R. E. The technocratic, humanistic, and holistic paradigms of childbirth, *International Journal of Gynecology & Obstetrics*, 2001, no. 75, S5–S23.

Davis-Floyd R. E. The technocratic body and the organic body: Hegemony and heresy in women's birth choices. In: *Gender and health: An international perspective*; C.F. Sargent and C.B. Brettell (Eds.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1996, pp. 123–166.

Edelman Trust Barometer. Global Report. 2019 Available at: https://www.edelman.com/sites/g/files/aatuss191/files/201902/2019_Edelman_Trust_Barometer_Global_Report.pdf

FOM. *O vrachah i kachestve medicinskoj pomoshhi. Kak ocenivajutsja dostupnost' medpomoshhi, kvalifikacija vrachej i osnashhennost' meduchrezhdenij?* [Doctors and the quality of medical care. Assessing the accessibility of medical care, doctor qualifications, and medical equipment] October 13, 2019. Available at: https://fom.ru/Zdorove-isport/12346

Fukuyama F. *Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju* [Trust: Social virtues and the path to prosperity]. Moscow: AST, 2004.

Giddens A. *Beyond Left and Right: The future of radical politics*. Cambridge: Polity Press, 1994.

Giddens A. *Posledstvija sovremennosti* [The consequences of modernity], Moscow: Praksis, 2011.

Haas N.E., De Keijser J. W., Bruinsma G. N. Public support for vigilantism: An experimental study, *Journal of Experimental Criminology*, 2012, no. 8(4), pp. 387–413.

Health Mail.ru. *Bol'she poloviny rossijan zanimajutsja samolecheniem* [More than half of Russians self-medicate], August 23, 2019. Available at: https://health.mail.ru/news/bolshe_poloviny_rossiyan_zanimayutsya/

Jeticheskij Kodeks rodovoj douly [Code of Ethics of doulas]. Assotsiatsiya professional'nykh doul [The Association of Professional Doulas]. 2016. Available at: http://doularussia.ru/wp-content/uploads/2016/11/Eticheskij-kodeks-APD-1.pdf?v=f9308c5d0596

Johnston L. What is vigilantism? *British Journal of Criminology*, 1996, no. 36(2), pp. 220–236.

Klinicheskie rekomendacii Minzdrava RF. Okazanie medicinskoj pomoshhi pri odnoplodnyh rodah v zatylochnom predlezhanii (bez oslozhnenij) i v poslerodovom periode [Clinical recommendations of the Ministry of Health of the Russian Federation. Providing medical care for singleton births in the occipital presentation (without complications) and in the postpartum period]. 2014. Available at: https://lgrd 48.ru/upload/medialibrary/d81/d816c21ffe956bb9e4cc031b7ff5eeb7.pdf

Lazarus E.S. What do women want?: Issues of choice, control, and class in pregnancy and childbirth, *Medical Anthropology Quarterly*, 1994, Vol. 8, no. 1, pp. 25–46. https://doi.org/10.1525/maq.1994.8.1.02a00030

Levada Center. *Institutsional'naya korruptsiya i lichnyy opyt* [Institutional corruption and personal experience]. March 28, 2017. Available at: https://www.levada.ru/2017/03/28/institutsionalnaya-korruptsiya-ilichnyj-opyt/

Litvina D., Novkunskaya A., Temkina A. Multiple vulnerabilities in medical settings: Invisible suffering of doctors, *Societies*, 2020, no. 10, 5. doi:10.3390/soc10010005

Loban I. E., Isakov V. D., Lavrentyuk G. P., Bykhovskaya O. A., Filatov A. I. Statisticheskaya kharakteristika ekspertiz po delam o professional'nykh pravonarusheniyakh i prestupleniyakh meditsinskikh rabotnikov (po materialam SPb GBUZ «BSMJe» 2009–2014 gg.) [Statistical assessment of violations of law among medical workers and of crimes committed by them (Based on the materials of the St. Petersburg Forensic Bureau, 2009 to 2014)]. *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika,* 2015, Vol. 1, no. 1, pp. 264–274.

Lock M. Medicalization and the naturalization of Social control. In: *Encyclopedia of Medical Anthropology: Health and Illness in the World's Cultures.* Ember C.R. and Ember M. (eds.). N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2004, pp. 116–125.

Luhmann N. Trust and power. New York: J. Wiley, 1979.

Moncada E. Varieties of vigilantism: Conceptual discord, meaning and strategies, *Global Crime*, 2017, no. 18:4, pp. 403–423.

Mühlfried F. *Introduction. Approximating mistrust. Mistrust: Ethnographic approximations* (ed. F. Mühlfried). Beilefeld: Transcript Verlag, 2018, pp. 7–22.

Mühlfried F. Mistrust: A global perspective. Palgrave Macmillan, 2019.

Rivkin-Fish M. *Women's health in post-Soviet Russia: The politics of intervention*. Indiana University Press, 2005.

Nasilie v rodakh. Za rody bez nasiliya [Violence in childbirth. For childbirth without violence]. Stranica soobshhestva VKontakte [VKontakte webpage]. Available at: https://vk.com/humanize_birth

Novkunskaya A. Institutsional'nye razryvy preemstvennosti v rossiyskom rodovspomozhenii [Institutional discontinuities in Russian obstetric care]. In: *Kriticheskaya sotsiologiya zaboty: perekrestki sotsial'nogo neravenstva* [Critical sociology of care: The crossroads of social inequality] (eds. E. Borozdina, E. Zdravomyslova, A. Temkina). St. Petersburg: EUSP, 2019, pp. 58–87.

Ozhiganova A. Ofitsial'noe (biomedicinskoe) i al'ternativnoe (domashnee) akusherstvo. Praktiki formalizovannogo i neformal'nogo vzaimodeystviya [Official (biomedical) obstetrics and alternative (home) midwifery: Formalized and informal interaction practices], *Ekonomicheskaya sotsiologiya,* 2019, Vol. 20, no. 5, pp. 28–52. doi: 10.17323/1726-3247-2019-5-28-52

Petrova T.N. Osobennosti rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s nekachestvennym okazaniem meditsinskoy pomoshchi pri rodovspomozhenii [Features of the investigation of crimes related to poor-quality medical care during childbirth]. *Consilium Medicum*, 2017, Vol. 19, no. 6, pp. 9–31. DOI: 10.26442/2075-1753_19.6.9-31

Platform. *Krizis doverija i 6 vyzovov dlja sistemy zdravoohranenija* [Confidence crisis and 6 challenges for the healthcare system]. Expert survey. 2019. Available at: http://pltf.ru/wp-content/uploads/2019/12/krizis-doveriya-i-6-vyzovov-dlya-sistemy-zdravoohraneniya.pdf.

Prava cheloveka – XXI vek. Materialy diskussij rossijskih pravozashhitnikov, jekspertov i uchenyh [Human rights, 21st century. Discussions among Russian human rights activists, experts and scientists] (ed. by S. Krivenko). Moscow, 2019. Available at: https://hrdco.org/wp-content/uploads/sbornik_online.pdf

Radzinsky V.E., Kostin I.N. Bezopasnoe akusherstvo [Safe obstetrics], *Akusherstvo i ginekologija,* 2007, no. 5, pp. 12–16.

Radzinsky V.E. *Akusherskaya agressiya* [Obstetric aggression]. Moscow: StatusPraesens, 2011.

Rivkin-Fish M. *Women's health in post-Soviet Russia: The politics of intervention*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2005.

Sargent C. *Maternity, medicine and power: Reproductive decisions in urban Benin*. Berkeley: University of California Press, 1989.

Sargent C. Birth. In: *Encyclopedia of Medical Anthropology: Health and illness in the world's cultures*, Volume I, C.R. Ember and M. Ember (eds.). N.Y.: Kluwer Academic/Plenum Publishers 2004, pp. 224–230.

Saversky A.V., Saverskaya S.A., Nikonov E.L. *Kak bezopasno rodit' v Rossii* [How to give birth safely in Russia]. Moscow: EKSMO, 2009.

Sfera dejatel'nosti i kompetencija rodovoj douly. Standarty praktiki [The scope and competence of the doulas. Standards of practice]. Assotsiatsiya professional'nykh doul [The Association of Professional Doulas]. 2016. Available at: http://doularussia.ru/wp-content/uploads/2016/11/Kompetentsiya-duly-APD.pdf?v=f9308c5d0596

Simmel G. *Chelovek kak vrag* [Man as an enemy]. Selected works in 2 Volumes. Vol. 2. Moscow: Jurist, 1996.

Somparé A W., Somparé E.B. Mistrust during the Ebola epidemic in Guinea. In: *Mistrust: Ethnographic Approximations* (ed. by F. Mühlfried). Beilefeld: Transcript Verlag, 2018, pp. 129–145.

Statistics roddoma.ru. Platnye rody [Paid childbirth]. 2019. Available at: https://www.roddoma.ru/stat.aspx

Sztompka P. Trust, distrust and two paradoxes of democracy. *European Journal of Social Theory*, 2015, no. 1(1), pp. 19–32.

Temkina A. Oplachivaemaja zabota i bezopasnost': chto prodajotsja i pokupaetsja v rodil'nyh domah? [Paid care and safety: What is sold and bought in maternity hospitals?]. *Sociologija vlasti,* 2016, no. 1, pp. 76–106.

Temkina A. «Ekonomika doveriya» v platnom segmente rodovspomozheniya: gorodskaya obrazovannaya zhenshhina kak potrebitel' i patsientka ['Economy of trust' in commercial obstetric care: Educated urban women as consumers and patients]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya,* 2017, Vol. 18, no. 3, pp. 14–53. Available at: https://ecsoc.hse.ru/ data/2017/05/31/1172172613/ecsoc_t18_n3.pdf#page=14.

Temkina A. Budushchaya mat' kak sotsial'nyy issledovatel' [Mother-to-be as a field researcher: The strategies of private obstetrics provision in urban Russia]. *Antropologicheskij forum,* 2018, no. 37, pp. 197–230. Available at: http://anthropologie.kunstkamera.ru/fi les/pdf/037/temkina.pdf

Vakhstein V.S., Stepantsov P.M. *Doverie k gosudarstvennym institutam i strategii jekonomicheskogo povedenija naselenija* [Confidence in state institutions and strategies for the economic behaviour of the population], Center for Sociological Research RANEPA, 2017 Available at: https://social.ranepa.ru/images/News/2017-03/29-03-2017-opros-gos-inst.pdf

V SK RF vpervye prokommentirovali delo jeks-glavy roddoma No 27 Mariny Sarmosjan [For the first time, the Investigative Committee of the Russian Federation commented on the case of the former head of the maternity hospital No. 27, Marina Sarmosyan]. *Vademecum*. January 10, 2020. Available at: https://vademec.ru/news/2020/01/10/sk-rf-prokommentiroval-arest-eks-glavy-roddoma-27-mariny-sarmosyan/

WCIOM. *Kachestvo medicinskih uslug: zapros na zhestkij kontrol'* [Quality of medical services: Request for tight control]. 2019. Available at: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10067

WHO. Human Reproduction Program. 2018. Available at: https://www.who.int/reproductivehealth/intrapartum-care/en/

World Values Survey. Online data analysis, Wave 6: 2010–2014. 2017. Available at: http://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp

Yatrogennye prestupleniya [Iatrogenic crimes]. In: *Slovar' eksperta. Tsentr ekspertiz pri Institute sudebnykh ekspertiz i kriminalistiki* [Expert dictionary. Center for Assessment at the Institute of Forensic Examination and Forensic Science]. 2019. Available at: https://ceur.ru/library/words/item316495/

Zdravomyslova E., Temkina A. "Vracham ya ne doveryayu, no…' Preodolenie nedoveriya k reproduktivnoy meditsine ['I don't trust doctors, but…' Establishing trust in reproductive medicine]. In: *Zdorov'e i doverie: gendernyy podkhod k reproduktivnoy meditsine* [Health and trust: The gender approach to reproductive medicine] (Eds. E. Zdravomyslova and A. Temkina). St. Petersburg: EUSP, 2009, pp. 179–210.

УДК 159.9.07:572.5
DOI: 10.17223/2312461X/30/11

ПАНДЕМИЯ COVID-19: ИДЕИ ПАЦИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ ВРАЧА И МОТИВАЦИИ ПАЦИЕНТА (*по материалам интернет-источников*)*

Валентина Ивановна Харитонова

Аннотация. Статья посвящена проблемам функционирования российского здравоохранения: ожиданиям изменений в поле общения «врач – пациент» в плане пациентоориентированности медицинского персонала и организаторов здравоохранения, формирования мотивации пациентов на здоровьесбережение и вовлеченности в процесс управления собственным здоровьем, – а также тому, что произошло с этими установками в период пандемии COVID-19. Рассматриваются сложности во взаимодействии двух ключевых фигур здравоохранения (врач – пациент), которые существовали задолго до начала пандемии и значимо обострились в ситуации эпидемического коллапса. Связывая обострение взаимоотношений с оптимизацией здравоохранения и ее последствиями, автор анализирует сетевой контент, материалы СМИ, посвященные пандемии, проблеме получения медицинской помощи во время пандемии и особенностям лечения. Один из важнейший полученных выводов – необходимость гуманитаризации сферы здравоохранения и введения в практическую деятельность специалистов помогающих профессий (медицинских антропологов, биоэтиков, клинических психологов, медиаторов).

Ключевые слова: система здравоохранения, биомедицина, оптимизация здравоохранения, цифровизация, пациентоориентированность, мотивация пациента, информационная доступность, биоэтика, медицинская антропология, медиация, клиническая психология, эпидемия, пандемия, COVID-19

Введение

Проблема взаимоотношений врача и пациента для медицины первоосновная и вечная, поскольку два действующих лица в драме обеспечения здоровья и лечения в любую эпоху и в любом обличье были важнейшими, а их взаимоотношения складывались по-разному, зачастую не в лучшем виде. Не всегда одна сторона была абсолютно довольна другой. То же самое наблюдается и сейчас. Иное дело, что конфликты могут акцентироваться на очень специфичных проблемах, в том числе относительно новых, диктуемых временем и конкретными обстоятельствами. В целом недоверие к здравоохранению в стране в последние годы растет (что демонстрируют различные опросы общественного мнения) (см., например: ВЦИОМ 2019), в том числе к Министерству здравоохране-

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

ния: «Большинство россиян придерживаются мнения о том, что качество работы медицинских учреждений необходимо оценивать со стороны независимых от Минздрава структур (83%)» (Качество… 2020).

В годы перестройки и реформирования отечественной медицины, ее «оптимизации», когда врачи теряли работу (вспомним хотя бы период массовых сокращений и увольнений, переводов заслуженных людей на какие-то странные должности, едва ли не в дворники из главврачей), трудно было требовать от них особого внимания к пациентам, которые стали помехой и медицине с ее новыми устремлениями, и медицинскому персоналу, – ему надо было спасать себя. Отчасти как результат этого случались многочисленные конфликты, иногда переходящие в силовые, заканчивающиеся даже жертвами с одной и другой стороны.

Естественно, сверхзадачей медицинских реформ было выстраивание нормальных взаимоотношений между пациентами и медицинским персоналом. Если обратиться к западному опыту, где (в первую очередь в США) во второй половине XX столетия начала активно внедряться в практику здравоохранения биоэтика, которая развивается и в России (Биоэтика (BIOETHICS); Биоэтика и гуманитарная…; Силуянова 2008; Доника, Сергеева 2011; Харитонова, Юдин 2011; Атлас… 2014 и т.д.), то там эти взаимоотношения регулируются на протяжении уже нескольких десятков лет в том числе с помощью третьих лиц – специалистов помогающих профессий, которые оказываются в нужную минуту между двумя сторонами потенциального конфликта, если вдруг он может возникнуть при определенных обстоятельствах или уже возник: это *специалисты в области этических и этнокультурных компетенций* (см., например: Курленкова 2011; Курленкова, Гейнс 2011; Курленкова, Лоо 2011; Курленкова 2013; Черняк 2016; Кириленко 2016; Бахматова 2018 и др.), а также те, кто работает в досудебной медиации (о медиации см.: Федеральный закон…; Швец 2019).

У нас только в последние годы начали формироваться такие профильники. Так, например, *медиаторы* уже имеют свой профессиональный стандарт и разработанную систему специальной подготовки (Профстандарт…; Мартиросян 2014; Максимов 2015; Марков 2017 и др.). О других профессиях или формировании определенного набора компетенций у людей близких по смыслу профессий (например, медицинские психологи могли бы взять часть таких нагрузок) пока законодательные вопросы не решены (см.: Медицинский психолог… 2018; Проект Приказа… 2018). Кстати, учебная подготовка *медицинских / клинических психологов* у нас существует уже достаточно давно в разных медицинских и даже иных (сложно сказать, всегда ли это осуществляется правомочно) учебных заведениях (ФГОС… 2020), есть предусмотренные в разных лечебных заведениях должности, но… профстандарт до сих пор не оформлен, а при распределении на место работы им там бывают не

очень рады и часто используют их труд не по прямому назначению. Однако в настоящее время клинические психологи встраиваются в медицинскую практику: «Клиническая психология в течение нескольких десятилетий прошла путь от признания ее в качестве вспомогательной дисциплины, предоставляющей врачу психологические данные по результатам экспериментально-психологического исследования для уточнения психиатрического диагноза, оказания помощи врачу-неврологу в топической диагностике, до признания ее как важной составляющей всей комплексной медицинской помощи» (Семченкова 2016).

Вместе с тем, как признают руководители гуманитарных кафедр ведущих медицинских университетов страны, гуманитарная составляющая не только в профессиональной подготовке врача стремится к нулю (Моисеев 2013), но и в системе здравоохранения она минимизируется, что было подчеркнуто, например, в Резолюции очередной конференции «Философские проблемы биологии и медицины» (2020).

Медицина в современном мире (независимо от проводимых реформ и наличия / отсутствия специалистов помогающих профессий) значимо меняется: XXI в. привнес в нашу жизнь цифровизацию, роботизацию, идеи телемедицины, установку на смену патерналистской модели общения врача и пациента на партнерские отношения и многое другое. При наличии робототехники врач все более отдаляется от пациента. Вопрос о том, какими должны стать взаимоотношения этих двух субъектов в цифровую эпоху, рассматривается и самими медиками, и специалистами иных «заинтересованных» профессий. Часто у тех и других возникает один общий вопрос:

Как сделать врача пациентоориентированным?

Интересно, что непосредственно перед началом нынешней пандемии в январе 2020 г. в Москве проходила очередная, уже XVIII по счету Ассамблея «Здоровая Москва», где 16 января состоялся круглый стол именно с таким названием. Мероприятие организовывалось как предельно открытое, на него не сложно было попасть, а после проведения ассамблеи все записи работы многочисленных заседаний разного уровня и характера были выложены в интернет (см.: XVIII Здоровая Москва…).

Круглый стол «Как сделать врача пациентоориентированным» в этой публикации был сопровожден такой преамбулой: «В условиях цифровой трансформации здравоохранения роль врача изменяется. Обладая новыми технологиями, позволяющими проанализировать процесс лечения, в целом прогнозировать развитие тех или иных болезней на протяжении всей жизни, врач становится *советником пациента в управлении здоровьем*. Смена парадигмы лечения влечет за собой *изменение профессионального облика врача* (выделено мной. – *В.Х.*)». И тут же организаторы

круглого стола задаются вопросами, некоторые из них, на первый взгляд, кажутся даже странными: «Позволит ли тотальное распространение гаджетов и искусственного интеллекта оставаться врачу человечным? Может ли робот заменить врача и сохранить психологический контакт между врачом и пациентом? (подчеркнуто мной. – *В.Х.) Как мотивировать врача быть пациентоориентированным*? (выделено мной. – *В.Х.*) Каким должен быть врач XXI в.? Будет ли у него "человеческое лицо"? Какой смысл приобретает милосердие в здравоохранении?»

Важнейшей видится формулировка «как мотивировать врача…». И тут возникает вопрос о том, кто же у нас приходит в профессию и с какими установками, если (будущего) врача надо мотивировать быть пациентоориентированным? Видимо, что-то случилось в поле здравоохранения, и очень серьезное, если людей, принадлежащих к самой гуманной профессии, людей, которые приходят в нее для того, чтобы спасать других, оказывать им помощь, надо мотивировать на это?

Я не идеализирую медицинскую среду, прекрасно понимая, что там есть очень разные по своим морально-этическим принципам лица. И если возникает такой вопрос, то, значит, существует проблема: видимо, есть и те, кто ориентирован не на пациента, а, мягко скажем, на престижность профессии, чтобы не выразиться грубее – на заработок…

Разумеется, очень важно понимать, каким стал и будет врач XXI в. (два десятилетия которого уже прошли, кстати, а мы о нем всё в будущем времени рассуждаем), как меняется профессиональный облик врача? Конечно, надо думать наперед, каким будет врач через 10 или 20 лет, не обретем ли мы просто робототехнику в клиниках и человеческое лицо на телеэкране. Но важно понять, что происходит с нашими медицинскими работниками сейчас. Особенно актуально это стало в 2020 г., тяжелом для всего мира в связи с пандемией COVID-19.

Однако в случае с двумя как минимум «игроками на медицинском поле» необходимо оценить и вторую составляющую дуэта «врач – пациент», поскольку, судя по всему, у медицинского сообщества возникает вопрос:

Где взять пациента, удобного для врача?

Или как сформировать такого пациента?.. И снова обратимся к тому же мероприятию, поскольку в его рамках эти вопросы также обсуждались, например на круглом столе «Мотивация современного пациента» (16 января). В публикации этот разговор представлен с преамбулой: «Сегодня пациент становится, с одной стороны, более осведомленным и вовлеченным в процесс лечения и принятия медицинских решений – рост "сервисных составляющих". С другой стороны, уровень ответственности за свое здоровье зачастую остается невысоким – как результат, поздняя диагностика, низкая приверженность лечению и т. д.»

Основными вопросами и гипотезами этого круглого стола стали следующие:

– Кто такие современные пациенты? Как меняются портрет и требования пациентов?

– Пациенты ожидают нового уровня взаимодействия с медицинскими учреждениями и врачами.

– Как реализуется пациентоориентированная модель здравоохранения в больницах и амбулаториях крупнейших городов?

– Изменение роли пациента в процессе принятия медицинских решений и построение доверия между пациентом и врачом в эпоху доступности информации: что может сделать государство, чтобы вовлечь пациентов в процесс управления собственным здоровьем?» (XVIII Здоровая Москва…)

Из этих цитат следует, что «пациентоориентированная модель» у нас все же уже существует и даже неким образом реализуется, если не повсеместно, то «в больницах и амбулаториях крупнейших городов». А самые важные, связанные с пациентом проблемы, формируются в результате наступления «эпохи доступности информации». И тут неплохо бы организаторам здравоохранения для начала разобраться: возникает ли необходимость «вовлечь пациентов в процесс управления собственным здоровьем» или пациенты уже настолько изменились в свете доступности информации, что они сами хотят своим здоровьем управлять и не могут быть столь послушными, как в эпоху патерналистской медицины, которая на самом деле пока не собирается завершаться, особенно вне столицы?

Надо полагать, эти вопросы в начале уходящего года виделись организаторам здравоохранения столь актуальными, что некоторые из аспектов обсуждения медицинского поля «врач – пациент» были вынесены даже на пленарное заседание (17 января), которое озаглавлено «Цифровизация здравоохранения. Новые возможности для врачей, пациентов, системы здравоохранения городов»; в ряду ключевых вопросов на нем рассматривались, например, такие:

– Чего ожидать врачам и пациентам от века цифрового здоровья?

– Что изменится во взаимодействии пациента и врача в эпоху цифровой трансформации?

Так «чего ожидать врачам и пациентам…»?

Напомню, что наше здравоохранение радостно обсуждало проблемы светлого будущего цифрового здравоохранения в середине января, когда в Китае уже бушевала эпидемия SARS-CoV-2, вскоре превратившаяся в пандемию COVID-19. Но на тот момент, видимо, перспективы были ясны – по крайнем мере тем, кто участвовал в этом мероприятии. Теперь, по прошествии менее чем года есть возможность взглянуть на происходившее по-другому, с учетом опыта переживаемой *эпохи пандемии*.

Кстати, на ассамблее прозвучала открытая лекция Коэна Каса (медицинский футуролог, профессор молекулярной онкологии, руководитель Healthscouts, амбассадор Health House) «Медицина будущего: новые возможности и вызовы». В преамбуле к ней было гордо заявлено: «Медицина быстро преодолевает стоящие перед ней вызовы. Так, когда-то проблемой были инфекционные заболевания, которые заметно спали из-за развития вакцинации. Теперь бичом для общества стала онкология, но и с ней врачи и ученые в ближайшие годы должны справиться с помощью клеточной терапии и секвенирования генома. Что же дальше? Какие новые вызовы встанут перед медициной и биотехом, и как с ними предстоит бороться? Болезни стареющего мира? Ментальные проблемы населения? Стресс?.. Что дальше?» (XVIII Здоровая Москва…).

Очевидно, никто почему-то не думал о том, что дальше, – а это было уже «на пороге» – будет именно то, что, как казалось, «быстро преодолели». Инфекционные заболевания напомнили о себе: они проблема отнюдь не прошлого, а самого что ни на есть настоящего. В России уже 17 марта появился первый больной, завезший из Италии коронавирусную инфекцию. А в Италии и других странах Европы все случилось несколько раньше (см., например: Бахматова 2020; Рыжакова 2020; Сорокина 2020; Фаис-Леутская 2020 и др.)

Итак, не только проблема взаимодействия врача и пациента в эпоху цифровой медицины, но и сама цифровая медицина вскоре резко отошли на второй план, а на повестке дня оказались непонятная вирусная инфекция и… итоги оптимизации медицины, плоды которой пришлось пожинать не только в России, а как минимум в той же Италии, и где – надо же такому случиться – именно в Ломбардии. Как раз туда за несколько лет до пандемии ездил Д.А. Медведев, которому так понравилась проводимая там «оптимизация», что он по возвращении в Россию начал оптимизировать отечественное здравоохранение, которое осталось без средств к существованию, однако система, заложенная Н.А. Семашко, упорно сопротивлялась – и безденежью, и даже реформам с их реформаторами.

Навстречу цифровой медицине… в пластиковых пакетах

Апофеозом оптимизации стала ситуация весны 2020 г., когда начала бурно распространяться новая инфекция. COVID-19 застал медицину врасплох. Уровень оптимизированной медицины, особенно на периферии, приводил людей в ужас: действительно, оторопь брала, когда зрители на телеэкранах или в интернете наблюдали, как, например, в Бурятии врачи, собираясь на смену в «красную зону», пытались получше закутаться в пакеты для мусора, которые они себе покупали, чтобы не входить в инфекционку в обычном халате. Впрочем, такое наблюдалось не только в России – Запад тоже был поставщиком подобных супер-

кадров, но ведь и оптимизировали медицину в последние годы не только у нас.

О нашей ситуации прекрасно рассказал в своем интервью «Российской газете» главный внештатный специалист-эпидемиолог Минздрава РФ, заведующий кафедрой эпидемиологии и доказательной медицины Первого МГМУ им. Сеченова, академик РАН Николай Иванович Брико, который на слова корреспондента («Во многих регионах не хватало и средств индивидуальной защиты медиков») отреагировал так:

«*Да, на первом этапе во многих регионах и даже в Москве не хватало респираторов, защитных очков, лицевых щитков, специальных костюмов. Из-за дефицита респираторов, которые обеспечивают надлежащую степень защиты, использовали медицинские маски, которые ее не гарантируют. Не хватало госпитальных эпидемиологов, которые отвечают за безопасность медорганизаций в условиях эпидемии. Тестирование врачей было недостаточным.*

Наконец, выявился и ряд субъективных факторов – отсутствие у врачей навыка сортировки больных, работы в средствах индивидуальной защиты, и не только работы – даже их снятие требует соблюдения особых правил. У персонала отсутствовала настороженность, зато наблюдалась недооценка ситуация, возникали колоссальные нагрузки – люди работали по 12 часов и больше, а при этом бдительность и контроль ситуации снижаются. Это и привело к тому, что были случаи заражения медиков. Но в течение первых недель все эти моменты удалось урегулировать» (Батенева 2020).

Последнее из этих утверждений жизнь опровергла: число погибших врачей повсеместно растет. Об этом свидетельствуют печальные сообщения в сетевых форумах, СМИ, наконец, памятное место, организованное в Питере с фото погибших медицинских работников… (Список памяти… 2020).

Интересно, что академику Н.И. Брико невольно пришлось опровергнуть упомянутого выше футуролога Коэна Каса, отвечая на вопрос корреспондента: «То есть это иллюзия, что с инфекционными заболеваниями покончено и бояться их не надо?»:

«*Увы, даже медицинские работники подчас недооценивают риски инфекций, а к ним необходима постоянная настороженность. Раньше была система санпросвета, сейчас этим, по идее, должны заниматься центры здоровья, но занимаются ли на практике – это большой вопрос.*

...К сожалению, после модернизации здравоохранения в последние годы инфекционная служба значительно сократилась. С нее требовали, чтобы эти койки не простаивали, окупались, хотя инфекционная служба должна финансироваться из бюджета. Потребовалось не просто перепрофилирование, но и жесткое соблюдение необходимых противоэпидемических требований – наличие боксов, специальная дезинфекция, утилизация медицинских отходов. В ряде медицинских орга-

низаций просто не было материально-технического состояния, которое позволило бы все это осуществить в полной мере. Не было, например, специальных боксов для изоляции зараженных, санпропускников для персонала, возникали проблемы с камерной дезинфекцией, поскольку сеть дезстанций также была сокращена» (Батенева 2020).

Судя по словам академика, слишком многого у нас не было. Очевидно, что в такой ситуации уже было не до цифровизации и пациентоориентированности – важно справиться с активно развивавшимся эпидемическим процессом. И тут, увы, в силу неготовности здравоохранения к мощной эпидемии медицина в целом оказалась в ситуации выбора в отношении пациентов: уже весной пришлось решать вопрос о том, как лечить плановых больных, в том числе онкологических, ВИЧ-инфицированных или требующих срочного оперирования по медицинским показаниям, тогда как наши больницы спешно перепрофилировались под госпитальные ковид-отделения. Мало того, возникла и еще одна проблема того же плана: кому предоставить систему ИВЛ, если претендентов значительно больше, чем установок; кому давать кислород в случаях запущенного ковида, если его не хватает. Таким образом, врачи оказались лицом к лицу с теми классическими проблемами выбора, на основе которых в середине XX в. в США сформировалась биоэтика и какие в свое время Н.И. Пирогов вынужденно решал по-военному просто: оперировать и лечить тех, кто может выжить, а остальных – как получится, т.е. началась печально известная *сортировка пациентов*… Справедливости ради надо сказать, что это происходило не только у нас, но и в других странах мира (COVID-19… 2020).

Врачи, работающие отнюдь не в ситуации войны, а в мирное время, вдруг оказались в иной этической обстановке. А это ситуация выбора, когда разумно было бы привлечь к решению проблемы гуманитариев: их в медицинской сфере мало, но они есть. Иное дело, могут ли они помочь, если у нас до сих пор толком не сформирована необходимая гуманитарная составляющая здравоохранения? Пока, к сожалению, даже специалисты по биоэтике дают какие-то советы в основном в общении с представителями СМИ. Недавно, анализируя происходящее, ведущий специалист по биоэтике проф. Е.В. Брызгалина, помимо общих рассуждений на этические темы, предложила: «Врач может свериться с рекомендациями ключевых биоэтических институций. Например, в Италии Колледж анестезии, анальгезии, реанимации и интенсивной терапии (SIAARTI) опубликовал руководящие критерии, которым должны следовать врачи и медсестры в связи с массовым распространением коронавирусной инфекции… Врач может посоветоваться с членами Этического комитета о приоритетности лечения, ведь он оказался в чрезвычайной ситуации между необходимостью и возможностью» (Лепина 2020). Увы, но наши этические комитеты, в отличие от посто-

янно действующих итальянских, не столь активны, хотя они и существуют (Российский комитет…; Центры биоэтики… и др.). А если учесть, что работают они, как правило, в медицинских вузах, давая допуск научным текстам на защиты или публикации, то у кого и что спрашивать? И когда спрашивать, если врач из «красной зоны» выходит для короткой передышки и валится с ног от усталости?

Е.В. Брызгалина, прекрасно понимая сложность ситуации, подчеркивает: «Право и этика регулируют наше поведение, направленное на достижение безопасности. А право и политика в приоритет ставят безопасность коллективную» (Лепина 2020). Увы коллективная безопасность стала естественным приоритетом в силу состояния нашего здравоохранения: если организаторы здравоохранения понимают, что не могут справляться с пациентопотоком – заметим, благодаря случившейся оптимизации в первую очередь – то складывается ситуация, когда «...власти должны обеспечить такие меры, которые будут соразмерны целям защиты населения. И через диалог с обществом власть должна объяснять ограничения. Люди должны доверять власти в том, что ограничительные меры имеют временный характер и не закрепятся навсегда. С доверием есть проблемы. Очень серьезным в последние годы был кризис доверия к медицине, к политическим институтам, к информации» (Лепина 2020).

Это подтверждают, например, данные опроса, проведенного с 14 по 19 августа среди 11 717 российских пользователей Здоровья Mail.ru: «Опрос показал, что более половины (57%) россиян не обращаются к врачам, когда заболевают, а сами подбирают себе лекарства, каждый пятый (19%) в принципе старается избегать врачей, а 31% хоть раз, но обращались к знахарям и целителям» (Больше половины… 2019).

Очевидно, что кризис доверия был не только к медицине и системе здравоохранения в целом, но и к институту врачей. И не просто «был», а на момент начала эпидемии он имел место. Все это недоверие не просто выплеснулось наружу, но и усугубилось во многом, хотя к медицинским работникам, которые сами стали невольными жертвами пандемии, отношение со стороны людей (не всегда конкретных пациентов) изменилось кардинально: если раньше их жалели, как и иных работников бюджетной сферы, помня об их мизерных зарплатах (впрочем, обычно считалось, что «хороший врач прокормит себя сам», а о «бесплатно платной медицине», взятках / подарках прекрасно знали), то теперь все понимали, что врачи оказались «на войне», где смерть подстерегает каждого…

Куда исчезла «пациентоориентированность»?

Пандемия прошла у нас уже через несколько этапов, но и в начале эпидемического обвала, когда все были растеряны, медики не знали, что и как они должны лечить, а коек не хватало, и до сих пор, хоть и считается, что

здравоохранение справляется с потоками больных, а администрации держат под контролем происходящее, интернет массово выбрасывает посты, полные негатива. Те, кто попадал в больницы, пытались вызвать «скорую» или врача из поликлиники, а также их родственники, не церемонятся с оценкой ситуаций и конкретных лиц. Вот один из заголовков, предваряющих набор негативных сообщений: «“Врачам пофиг”. Что происходит в ковид-больницах регионов глазами больных» (2020). А дальше – тексты с рассказами об ужасах, приведу несколько примеров:

(Сообщение о районной больнице в п. Кандалакша Мурманской обл.) «*В туалете и палатах антисанитария. У меня муж там лежал, рассказывал, что тапки от пола отодрать не мог, они прилипли, как жвачка. Даже утку было некому вынести, а из палаты сказали не выходить, чтобы туалеты не обрабатывать: не до этого им. Еду поначалу приносили холодную, потом худо-бедно теплую стали давать*».

«*Сотрудники больницы подтверждают: “Персонала не хватает, одна санитарка на 60 человек, естественно, там грязи по колено. И одна медсестра, с которой пот градом течет, она ничего не успевает. Это катастрофа!”*»

«“*В больнице нет противовирусных лекарств, небулайзеров (приборов для лечения дыхательных путей), даже градусников не хватает, жалуются медики. Некоторые препараты появились только после шума, поднятого в соцсетях.*

Практически весь медперсонал болеет, терапевтов осталось 3–4 на весь город, и они буквально задыхаются от переработок”, – говорит лор-врач поликлинического отделения больницы Ярослава Чистякова.

“Бесплатными лекарствами нас никто не обеспечил, сказали, что закончились – лечимся сами, как и все. Больных полно, маршрутизации пациентов в учреждении нет! Иначе откуда такая массовая заболеваемость медиков? Внутрибольничная инфекция”, – сказала она газете».

«*Кемеровчанка Полина Брюховецкая рассказала “…66-летняя мама девушки в ожидании госпитализации провела больше 20 часов в коридоре больницы. Сначала стояла, потому что сесть было некуда. Потом освободилось место на стульчике. Это была живая очередь на распределение по больницам, как только где-то появятся места.*

За 20 часов пациентов в очереди дважды покормили, но воды не было совсем, родственники привозили купленные бутылки из магазина.

Совсем тяжелых больных пропускали без очереди, им находили места в этой же больнице. Но не все доживали до поступления в палату. При маме в больницу привезли женщину в крайне тяжелом состоянии. Ей не успели оказать помощь, она умерла на носилках в коридоре”…»

К сожалению, такие сообщения можно находить до бесконечности. Эта тема обсуждается во всем интернет-пространстве. Например, 2 декабря реестр «Координационный центр доменов .RU/РФ» сообщил: «За

весь период наблюдений (с января по ноябрь 2020 года) в список доменных имен, содержащих слова “corona”, “covid”, “pandemia”, “ковид”, “пандемия”, “вакцина” и другие, было добавлено 4 676 доменов в .RU и 955 в .РФ; в общей сложности в российских доменных зонах насчитывается 5 631 «коронадомен». Значительная часть таких сайтов содержат информацию, которая позволяет делать заключение о печальном состоянии и организации помощи заболевшим и качестве этой помощи в госпиталях. Разумеется, не только на начало эпидемического процесса в стране, когда, например, интернет активно множил сообщения журналиста Максима Шевченко о том, в каких условиях он оказался в обычной больнице (№ 79) и как скоро / каким путем попал в приличную, ведомственную (№ 83) (Я был в аду… 2020).

Иногда такие сообщения пытаются опровергать чиновники или руководство медучреждений. К сожалению, оправдательным сообщениям чаще всего верить не приходится, особенно вот в таких ситуациях: «Карельская медицина решила меня уморить, – написал Константин Логинов на своей странице в социальной сети “ВКонтакте”. – С 5 ноября супруга не может вызвать врача на дом из поликлиники номер два. Ни одного ответа. При температуре 38,5 меня лихорадит, стучу зубами и коленками. Хорошо, что бывает 37. Запахи пропали сегодня с утра, жена звонит и без толку. Скорой до меня дела нет. Кто-то знает, где выход?» Выхода не нашлось: «В Петрозаводске 18 ноября ушел из жизни известный карельский ученый-этнограф и краевед Константин Логинов, который был госпитализирован с ковидом. Незадолго до своей госпитализации ученый пожаловался в социальных сетях на то, что не может вызвать врача» (Карельская медицина… 2020).

Под этой публикацией есть несколько открытых и авторизованных комментариев, в которых люди указывают на то, что власть должным образом не занимается медициной, упоминая главврача поликлиники № 2 А.Л. Рутгайзера, являющегося депутатом законодательного собрания. И тут же обращается внимание на то, что «*соцсети полны жалоб на ВСЕ лечебные учреждения республики»:*

«Ирина

2020-11-19 16:22:30

Очень жаль. Как же так, почему вовремя не реагировала поликлиника. И это, между прочим, не единичный случай. А поликлиника ведь уважаемого доктора и депутата А. Рутгайзера. На сколько мне известно, он остался занимать свой пост после исполнения 65 лет. Но, получается, не справляется с руководством, раз уже такие случаи происходят. И в такое тяжёлое время вообще надо основное внимание уделять поликлинике, а не просиживать в законодательном собрании.

Мария

2020-11-19 21:03:09

Ирина, полностью с Вами согласна. В соцсетях очень много жалоб на поликлинику 2. Главврач на прямых эфирах с Главой РК так вдохновенно рассказывает, как хорошо он организовал лечение в своем учреждении, в ЗС умные рекомендации дает, как развивать здравоохранение во всей республике. А на деле? Конечно, человека не вернешь. Но неплохо бы Вам, Аркадий Леонидович, всё же разъяснить, как такое могло произойти и что лично Вами сделано, чтобы впредь мы могли дозвониться до поликлиники 2 и получить необходимую врачебную помощь.

Алексей Копничев

2020-11-19 21:17:50

Мария, Ирина полностью с Вами согласен, но есть одна незадача. Соцсети полны жалоб на ВСЕ лечебные учреждения республики. И в данном случае мужчина указывал, что не смог дозвониться НИКУДА, в том числе и на скорую. Поручения президента по срокам тестирования, по бесплатному обеспечению лекарствами провалены на территории всей республики. Так что берите выше и спросите завтра у "лучшего министра всех времён и народов", как жить дальше с таким позором» (Карельская медицина... 2020).

Да, пандемия обнажила нелицеприятное состояние здравоохранения, хотя и стало понятно, что система держится: ценой невероятных усилий, в том числе с помощью военной медицины, ситуацию удалось стабилизировать и в первую волну, и во вторую. Власти спасали в первую очередь систему здравоохранения – это понятно. Но была допущена высокая заболеваемость и смертность среди медперсонала. Потоки больных столь велики, что больницы работают на пределе. Врачи трудятся по много часов в тяжелейших условиях, спасая больных. Но очевидно, это совсем не та «пациентоориентированность», о которой так много рассуждали на конференциях и чиновники, и медики, полагая, что в результате реформ страна придет к приглянувшейся всем формуле 4П-медицины, включающей персонализацию, предикацию, превентивность и партисипативность как основу для новой модели здравоохранения (Пальцев и др. 2015).

«Мотивация современного пациента»

Напомню, что на XVIII ассамблее «Здоровая Москва», о которой шла речь изначально, очень много говорилось об особенностях общения врача и пациента, о том, «как реализуется пациентоориентированная модель здравоохранения в больницах и амбулаториях крупнейших городов». В первую очередь рассматривалось «изменение роли пациента в процессе принятия медицинских решений и построение доверия между пациентом и врачом в эпоху доступности информации: что может сделать государство, чтобы вовлечь пациентов в процесс управления собственным здоровьем?». Из приведенных выше цитат очевидно,

что о «процессе управления своим здоровьем» им приходится забыть даже на этапе вызова «скорой», которая просто не приезжает. Но, осознавая чрезвычайность ситуации, необходимо слышать среди прочих и голоса врачей, которые сталкиваются один на один (вспомним, что специалистов помогающих профессий у нас фактически нет) с разными людьми. Пандемия снабдила многих пациентов знаниями о том, что необходимо делать, если ты заболел. И, естественно, понимая, что помощь могут не оказать вообще либо оказать не должным образом, заболевшие часто мотивированы в первую очередь на конфликты с приезжающими к ним медицинскими работниками:

«*Работаю врачом одной из Московских поликлиник в ковид бригаде. Очень часто пациенты просят отправить на КТ или в больницу и часто приходиться отказывать. Степень желания КТ и госпитализации очень варьирует: от робких вопросов и просьб до грубых требований, криков, угроз жалоб в департамент и главврачу, вплоть до запирания дверей квартиры и рукоприкладства. Последнее бывает достаточно редко, но за месяц случая 2–3 со всех бригад наберётся*» (Ковид и госпитализация… 2020).

«Мотивируют» к негативному отношению к медикам многочисленные сообщения в сетях об их непрофессионализме. На различных форумах болеющие и их родственники активно делятся своим печальным опытом. И во многом в силу того, что нет единого мнения о самом вирусе, специфике инфекции, а также лечении заболевших (поскольку течение заболевания слишком индивидуализировано, а его последствия столь многообразны, что их иногда сложно рассматривать именно как последствия ковида) люди требуют от врачей порой невозможного. Пациенты активно занимаются самолечением, лечением с помощью интернет-консультантов (не только биомедицинских специалистов, но и различных знахарей, шаманов, целителей и пр.), в лучшем случае – с помощью знакомых медиков. Впрочем, как же им быть мотивированными на встречи с представителями официального здравоохранения, если они не только нарываются на отказы в помощи, но и – что значительно хуже – на непрофессиональную помощь:

«*Несколько дней температура, ломота в теле, вялость. Позавчера добавились боль в груди, затрудненное дыхание, сухой кашель. Вчера пришла врач, послушала легкие, замерила количество кислорода в крови, сразу завела речь о пневмонии. Выписала антибиотики, откашливающее и т.д. И сказала идти за подтверждением на флюру. Я спросила, есть ли в этом смысл, если у многих флюра не показывает пневмонию. Врач ответила, что все на флюре видно. Итог – на флюре все чисто, а у меня ко всем прочим симптомам добавились притупление обоняния и вкусовых ощущений. Кашель усилился, ноги ломит так, что стоять больно. Участковый терапевт отказался дать направление на рентген или кт. Нет пневмонии на флюре – и все тут. Не будет улуч-*

шения через 2 недели – приходите еще раз. Диагноз не озвучил. Но к прочему лечению назначил еще Азитромицин 14 дней. Разве можно пить его так долго??? Платные клиники не берут на кт больных с температурой. Что делать? Кругом тупик. За 2 недели можно и скончаться» (Симптомы Ковид… 2020).

Вряд ли в такой ситуации пациент будет комплаентным. Впрочем, многие понимают, что в случае серьезного заболевания лучше оказаться там, где возможна реанимационная помощь, и настаивают на госпитализации. И тут «мотивированный» пациент впадает в другую крайность:

(ноябрь, С-Петербург) *«У нас сейчас, как в регионах, люди лежат в коридорах, на топчанах, на любой горизонтальной поверхности, мест катастрофически не хватает, – говорит Виктория Михеева. – Весной, когда мы еще мало знали об этом вирусе, в больницы клали всех подряд, сейчас – только тяжелых. Но и сегодня есть такие люди, которые категорически настаивают на своем и непременно хотят госпитализироваться. Мы пытаемся им объяснить, что необходимости в этом нет, что койки нужны тем, кто нуждается в кислороде, у кого ситуация на грани жизни и смерти. Тяжелых сейчас очень много*» (Корк, Костарнова 2020).

Конечно, есть и иная информация, особенно в столице, но даже здесь она встречается не часто:

«В пятницу я вызвала врача по ОМС, так как были симптомы ОРВИ. Слушайте, система здравоохранения в Москве так круто организована! Врач пришел и сразу сделал тест ПЦР, а результаты уже на следующий день мне прислали в смс. Еще врач выдал мне бесплатно лекарство. После чего мне уже два дня очень доброжелательные люди звонят из службы здравоохранения и спрашивают, как я себя чувствую, проходясь по списку вопросов. Даже если тест отрицательный, они все равно звонят, если у тебя симптомы ОРВИ. Если честно, я не ожидала встретить такой подход, и это прямо безумно приятно. Хотя, если честно, меня уже грызет совесть, так как в моем случае эти ресурсы явно расходуются зря – мне кажется, такие звонки больше важны тем, кому прямо реально очень плохо» (2020).

В эпицентре пандемии (вместо заключения)

Если взглянуть на создавшуюся ситуацию глазами медицинских работников, особенно на периферии, то невозможно остаться равнодушным к их положению:

«*В очереди на КТ я простоял 12 часов» (Азамат Мустафин, фельдшер скорой помощи, Магнитогорск); «Нам сказали оставлять пациентов дома – не было мест» (Екатерина Ашаева, фельдшер, Владимир); «Работаем не по 12 часов, а сутками – людей не хватает» (Рамиль Разяпов, фельдшер, город Ишимбай, республика Башкирия); «Возим паци-*

ентов на томографию в соседний город» (Алена Петрова, фельдшер, город Канаш, Чувашия (имя изменено)); «Боремся, чтобы пациента положили хотя бы в коридоре» (*Дмитрий Серегин, фельдшер, Орел).*

«*По всей стране пациенты ждут скорую помощь по несколько часов и даже суток – вызовов слишком много. В диагностические отделения на компьютерную томографию выстраиваются многочасовые очереди из экипажей. Одни врачи и фельдшеры болеют сами, а другие рискуют заразиться прямо сейчас».*

Эта информация, актуализированная на сайте «Правмир», 22 октября попала в группу «Врачи РФ» – закрытую профессиональную площадку, где она была перепечатана под кричащим заголовком «Ситуация с ковидом близка к катастрофической» (2020).

Признавая сложность положения в здравоохранении в целом, нельзя не анализировать проблемы пациентоориентированности врачей и мотивации и мотивированности пациентов. Я осознанно цитирую в основном материалы трех последних месяцев, периода «второй волны» пандемии, поскольку «первая волна» в силу сумятицы происходившего в то время дает значительно больший негатив. Но и эти материалы свидетельствуют о том, что «пациентоориентированность» медицины и врачей, как и «мотивированность» пациентов, превращаются в миф в сложный для здравоохранения период.

Однако самое печальное заключается в том, что и в спокойное для медицины время происходит все то же. Вот, например, отрывки из интервью, опубликованного несколько лет назад:

«Врачи часто сталкиваются с жалобами от пациентов, которые лучше всех знают, как нужно лечить больных: заранее ставят себе диагноз, а потом обижаются, что в поликлинике его не подтверждают. «Одна пациента заявила, что у нее рак легких, потому что так гадалка нагадала. Ей сделали флюорографию. Я сообщила, что никакой патологии в легких нет. С недоверием меня выслушала, не поверила».

«Между тем перед жалобами пациентов медики практически беззащитны, – отметила "НИ" координатор движения "За достойную медицину" Алла Фролова. – "Человек сидит в очереди в поликлинике, злится. Кто виноват, что он в очереди за талоном весь день просидел? Конечно, его лечащий врач. Пациент высказался, руководство поликлиники отреагировало, врача уволили. А человек и доволен: как же, чиновники за него заступились. В следующий раз пациент придет и по любому поводу начнет запугивать уже другого врача", – говорит г-жа Фролова» (Абсурдные жалобы… 2015).

Сложностей в поле общения «врач – пациент» очень много. С развитием цифровой медицины они, скорее всего, будут множиться. И конечно же, невозможно даже представить, что в нашей стране в ближайшие годы будет внедрена повсеместно 4П-медицина. Однако «па-

циентоориентировать» и «мотивировать» – две стороны общения, грозящего довольно часто перейти в конфликт по очень разным культурным, этическим, религиозным, этническим и иным причинам. Выход из этих перипетий давно подсказала медицинская антропология, анализирующая здравоохранение и здоровьесбережение в разных странах мира и готовящая специалистов, призванных предотвращать такие конфликты (см., например: Питерская 2011; Chandler, Geissler 2013; Spector, 2013; Харитонова 2016; Михель 2017; Kharitonova 2018; Харитонова 2018 и др.). В идеале гуманитарная прослойка в здравоохранении должна включать представителей различных помогающих профессий – специалистов в этнокультурной (медицинских антропологов), этической (биоэтиков), юридической (медиаторов), психологической (клинических психологов) сферах.

P.S. Не могу удержаться, чтобы не поделиться свежайшим впечатлением. Включила ТВ – Первый канал, 16.12.2020, передача «Гражданская оборона» (кстати, отличное название для нашей реальности!) и тут же (на ловца и зверь бежит) увидела вполне рядовые кадры: несколько «озверевший» доктор с маской на одном ухе яростно выскакивает из-за стола (замечу, в обычной поликлинике, а не в «красной зоне») и, подбегая к двери кабинета, захлопывает ее с соответствующим воплем (не буду цитировать). За дверью – беременная на пятом месяце женщина, которая пыталась получить справку после перенесенной ковидной инфекции. Нельзя сказать, что «пострадавшая» (?) тоже была особо вежлива (и ее лучше не цитировать). Рядовая ситуация общения врача и пациента – типичный пример «пациентоориентированности», «мотивации» и «цифровизации»…

Интернет-источники

«*Абсурдные жалобы* пациентов стали стоить медикам работы» (PepiDlChulok) (2015) // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/absurdnyie_zhalobyi_patsientov_stali_stoit_medikam_rabotyi_3512642 (дата обращения: 12.06.2020).

Батенева Т. Какой урок преподала пандемия здравоохранению // RG.RU Специальный проект: Вызов года. Забота о здоровье, от 02.06.2020. URL: https://rg.ru/2020/06/02/kakoj-urok-prepodala-pandemiia-zdravoohraneniiu.html (дата обращения: 18.11.2020).

Больше половины россиян занимаются самолечением (23 августа 2019) // Опрос провел проект Здоровье Mail.ru. URL: https://health.mail.ru/news/bolshe_poloviny_rossiyan_zanimayutsya/ (дата обращения: 21.11.2020).

«*В пятницу* я вызвала врача по ОМС…» // ФБ (Аноним) (дата обращения: 12.12.2020).

«*Врачам пофиг*». Что происходит в ковид-больницах регионов глазами больных // a news коронавирус URL: https://yandex.ru/turbo/anews.com/s/136471029-vracham-pofig-chto-proishodit-v-kovid-bolynicah-regionov-glazami-bolynyh.html (дата обращения: 08.12.2020).

ВЦИОМ: 41% опрошенных россиян не доверяют диагнозам и назначениям врачей (11 декабря 2019). URL: https://www.znak.com/2019-12-11/vciom_41_oproshennyh_rossiyan_ne_doveryayut_diagnozam_i_naznacheniyam_vrachey (дата обращения: 12.08.2020).

Карельская медицина решила меня уморить // Столица на ONEGO.ru 19.11.2020. URL: https://stolicaonego.ru/news/karelskaja-meditsina-reshila-menja-umorit/ (дата обращения: 21.11.2020).

Качество медицинской помощи: запрос на независимую оценку 8 октября (ВЦИОМ) // Яндекс-Дзен. URL: https://zen.yandex.ru/media/id/5de646fed4f07a00ac1bed70/kachestvo-medicinskoi-pomosci-zapros-na-nezavisimuiu-ocenku-5f7ec4791e2da6289e90ec8e (дата обращения: 12.11.2020).

Ковид и госпитализация (RealDeath) (20.11.2020) // Pikabu. URL: https://pikabu.ru/story/kovid_i_gospitalizatsiya_7790846 (дата обращения: 12.12.2020).

Корк А., Костарнова Н. В нескольких регионах России ситуация с ковидом особенно острая. Что говорят об этом пациенты и врачи // Правмир. URL: https://www.pravmir.ru/v-neskolkih-regionah-rossii-situacziya-s-kovidom-osobenno-ostraya-chto-govoryat-ob-etom-paczienty-i-vrachi/ (дата обращения: 30.11.2020).

Лепина М. Кого лечить, а кого нет: этика во время пандемии (2020) // Милосердие.ru. Православный портал 17.04.2020. URL: https://www.miloserdie.ru/article/trebuet-li-koronavirus-ot-nas-zhertv-i-mozhet-li-vybor-byt-spravedlivym/ (дата обращения: 12.06.2020).

Симптомы Ковид, врачи безразличны (Авторка я) (15 июля 2020) // Women.ru. URL: https://www.woman.ru/health/medley7/thread/5286113/19/ (дата обращения: 08.12.2020).

«*Ситуация* с ковидом близка к катастрофической». Врачи скорой помощи – о том, что происходит по всей стране (22 октября 2020) // Врачи РФ. URL: https://www.pravmir.ru/v-neskolkih-regionah-rossii-situacziya-s-kovidom-osobenno-ostraya-chto-govoryat-ob-etom-paczienty-i-vrachi/. Ссылка на оригинал: https://www.pravmir.ru/situacziya-s-kovidom-blizka-k-katastroficheskoj-vrachi-skoroj-pomoshhi-o-tom-chto-proishodit-po-vsej-strane/

Сообщество «Врачи РФ». URL: https://vrachirf.ru/news (дата обращения: 20.11.2020).

Список памяти. Сколько в России и в мире умирают врачей из-за коронавируса. Святослав Иванов 6 мая 2020. URL: https://yandex.ru/turbo/hightech.fm/s/2020/05/06/doctor-death-coronavirus (дата обращения: 12.06.2020). «*Я был в аду*, врачи спасли мне жизнь» (17 апреля 2020). URL: https://www.youtube.com/watch?v=wEpkeTBPrT8

XVIII Здоровая Москва… URL: https://moscowhealth.ru/program# (дата обращения: 18.11.2020).

Covid-19 и сортировка пациентов: кого спасать, если всех не спасти (3 декабря 2020) // Наш город. Новости Даугавпилса. URL: https://gorod.lv/novosti/318331-covid-19-i-sortirovka-patsientov (дата обращения: 03.12.2020).

Литература

Атлас новых профессий. М.: АСИ; Сколково, 2014. URL: http://asi.ru/upload/iblock/d69/Atlas.pdf

Бахматова М.Н. Практики культурно-этнического посредничества в сфере здравоохранения Италии // Медицинская антропология и биоэтика. 2018. № 1 (15).

Бахматова М.Н. Хроника коронавируса в Италии: «мазуны» двадцать первого века // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19).

Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Ежегодный сборник научных статей / отв. ред. Ф.Г. Малейнова. URL: http://iph.ras.ru/bioeth.htm

Биоэтика (BIOETHICS): научно-практический журнал. URL: http://www.volgmed.ru/ru/journ/browse/bioethics

Доника А.Д., Сергеева Н.В. Первое российское периодическое издание в области биоэтики // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 2 (2). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=1020

Кириленко Е.И. Медико-антропологические аспекты в американском медицинском образовании и медицинской практике: Рейчел Спектор // Медицинская антропология и биоэтика. 2016. № 2(12).

Курленкова А.С. Биоэтика и медицинская практика (анализ клинической ситуации) // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1 (1). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=402.

Курленкова А.С. Медицинская антропология и биоэтика в США и России: историографический и социокультурный анализ: дис. … канд. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2013.

Курленкова А.С., Гейнс А.Д. Об антропологии биомедицины и «культурной биоэтике» // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 2(2). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=973

Курленкова А.С., Лоо С. Программа тренировки специалистов по биоэтике Международного Центра Фогарти (Национальный институт здоровья, США) // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 2 (2). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=1004

Максимов И.Л. Возможности медиации в здравоохранении // Медицинское право России: материалы Всерос. науч.-практ. конф. М.: Национальный институт медицинского права, 2015. С. 83–87.

Марков С.М. Медицинская медиация в России, ее возможности и перспективы // Медицинское право. 2017. № 6. С. 25–29.

Мартиросян С.Л. Медиация в сфере здравоохранения // Экономика и социум. 2014. № 4.

Медицинский психолог. Должностные обязанности // Приказ Минздравсоцразвития России от 23.07.2010 N 541н (ред. от 09.04.2018) Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих. Раздел: Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения (Зарегистрировано в Минюсте России 25.08.2010 N 18247). URL: https://sudact.ru/law/prikaz-minzdravsotsrazvitiia-rf-ot-23072010-n-541n/

Михель Д.В. Медицинская антропология: учеб. пособие. М., 2017.

Моисеев В.И. О принципах медико-гуманитарного образования // Медицинская антропология и биоэтика. 2013. № 2 (6).

Пальцев М.А., Белушкина Н.Н., Чабан Е.А. 4П-медицина как новая модель здравоохранения // Вестник ВШОУЗ. 2015. № 2.

Питерская Е.С. Медицинская антропология как одно из приоритетных направлений работы университета шт. Калифорния в Беркли (обзор образовательных программ) // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1 (1).

Проект Приказа Министерства труда и социальной защиты РФ «Об утверждении профессионального стандарта “Медицинский психолог”» (подготовлен Минтрудом России 27.11.2018). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56675274/, https://klynepsy.susu.ru/sites/default/files

Профстандарт: 07.001 Специалист в области медиации (медиатор). Зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации 29 декабря 2014 года, регистрационный N 35478. URL: https://classinform.ru/profstandarty/07.001-spetcialist-v-oblasti-mediatcii.html

Российский комитет по биоэтике. URL: http://www.bioethics.ru/rus/rucommittee/

Рыжакова С.И. «Не позволь вирусу вторгнуться в твое сознание!»: беспокойства и ожидания в индии в период COVID-19 (заметки из дневника этнографа, 8–25 марта 2020 г.) // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19).

Семченкова М.И. Клинический психолог в лечебном учреждении (24 августа 2016) // Психологи на b17.ru. URL: https://www.b17.ru/article/57057/

Силуянова И.В. Руководство по этико-правовым основам медицинской деятельности. М.: МЕДпресс-информ, 2008.

Сорокина Е.А. Коронавирус по-шведски // Медицинская антропология и биоэтика. 2020. № 1 (19).

Фаис-Леутская О.Д. COVID-19 в Сицилии: экзистенциальные «медицина» и практики – обращение к традиции // Весник антропологии. 2020. № 3. С. 57–74.

ФГОС специальности 37.05.01. Клиническая психология. Утвержден приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 26 мая 2020 г. № 683 // Справочник кодов общероссийских классификаторов. URL: https://classinform.ru/fgos/37.05.01-clinicheskaia-psihologiia.html

Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЭ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

Харитонова В.И. Образовательно-профессиональные аспекты обеспечения здоровьесбережения // Медицинская антропология и биоэтика. 2016. № 1 (11).

Харитонова В.И. Подготовка медицинских антропологов в России: проблемы и перспективы // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 103–116. DOI: 10.17223/2312461X/19/8

Харитонова В.И., Юдин Б.Г. «Биоэтика – это не совсем то, что принято понимать как науку» // Медицинская антропология и биоэтика. 2011. № 1 (1).

Центры биоэтики (кафедры, курсы, этические комитеты, общественные организации и др.). URL: http://www.bioethics.ru/rus/allcenters/

Черняк Н.В. Термин «Cultural Humility» в контексте подготовки специалистов медицинского профиля // Медицинская антропология и биоэтика. 2016. № 1 (11).

Швец Е. Что такое медиация? Или как регулировать споры между медицинскими учреждениям и пациентами? (28 янв. 2019 г.) // vc.ru Право: Юридическая компания «Статус-Кво». URL: https://vc.ru/legal/56761-chto-takoe-mediaciya-ili-kak-regulirovat-spory-mezhdu-medicinskimi-uchrezhdeniyami-i-pacientami

Chandler C, Geissler W. Course Program: Medical Anthropology and Public Health, London School of Hygiene & Tropical Medicine, Spring 2013 // Медицинская антропология и биоэтика. 2013. № 1 (7).

Kharitonova V. Medical anthropologists in the socialpractice and science // Българско списание за обществено здраве. 2018. Т. X, № 2. С. 26–37.

Spector R.E. Cultural diversity in health and illness / E. Rachel Spector, 8th ed. p. cm. New Jersey, 2013.

Статья поступила в редакцию 4 декабря 2020 г.

Kharitonova Valentina I.

THE COVID-19 PANDEMIC: SOME THOUGHTS ON PATIENT-CENTRED HEALTHCARE AND PATIENT MOTIVATION*

DOI: 10.17223/2312461X/30/11

Abstract. The article discusses some of the current issues that the Russian healthcare sector, both medical workers and healthcare managers, are faced with, looking into the expectations arising from the changing doctor–patient relationship and the introduction of patient-centred approaches in medical care. It traces the transformations that have taken place in the sector during the COVID-19 pandemic and stresses the need to motivate patients to preserve and manage their own health. The previous difficulties in the doctor–patient interaction are shown to have become significantly greater as a result of the ongoing epidemiological crisis. Drawing on online media publications about the pandemic and associated issues, including access to medical care and treatment, and linking the resultant difficulties to the state reform to streamline the healthcare system, the author arrives at the conclusion that humanistic approaches to healthcare need to be introduced along with new, complementary specialties such as medical anthropologists, bioethics specialists, clinical psychologists, and mediators.

Keywords: healthcare, biomedicine, healthcare reform, digitization, patient-centred approaches, patient motivation, information accessibility, bioethics, medical anthropology, mediation, clinical psychology, epidemic, pandemic, COVID-19

* The article is published in accordance with the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

References

"Absurdnye zhaloby patsientov stali stoit' medikam raboty" (PepiDlChulok) (2015) ['Absurd patient complaints result in medical staff losing their job'], *Pikabu*. Available at: https://pikabu.ru/story/absurdnyie_zhalobyi_patsientov_stali_stoit_medikam_rabotyi_3512642 (Accessed 12 June 2020).

"V piatnitsu ia vyzvala vracha po OMS…" ['On Friday I called a doctor at a state-funded hospital'], *FB (Anonim)* (Accessed 12 December 2020).

"Vracham pofig". Chto proiskhodit v kovid-bol'nitsakh regionov glazami bol'nykh ['Doctors just don't care'. What is going on inside COVID-19 hospitals in the Russian regions: Patient perspectives], *a news koronavirus*. Available at: https://yandex.ru/turbo/anews.com/s/136471029-vracham-pofig-chto-proishodit-v-kovid-bolynicah-regionov-glazami-bolynyh.html (Accessed 8 December 2020).

"Situatsiia s kovidom blizka k katastroficheskoi". Vrachi skoroi pomoshchi – o tom, chto proiskhodit po vsei strane (22 October 2020) ['The situation is almost critical'. The paramedics speak about what is going on with COVID-19 hospitalizations across the country], "*Vrachi RF*". Available at: https://www.pravmir.ru/v-neskolkih-regionah-rossii-situacziya-s-kovidom-osobenno-ostraya-chto-govoryat-ob-etom-paczienty-i-vrachi/; https://www.pravmir.ru/situacziya-s-kovidom-blizka-k-katastroficheskoj-vrachi-skoroj-pomoshhi-o-tom-chto-proishodit-po-vsej-strane/

"Ia byl v adu, vrachi spasli mne zhizn"' (17 April 2020) ['I saw the hell; doctors saved my life']. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=wEpkeTBPrT8

Covid-19 i sortirovka patsientov: kogo spasat', esli vsekh ne spasti (3 December 2020) [COVID-19 patients: Who deserves to be saved if all cannot be saved], *Nash gorod. Novosti Daugavpilsa*. Available at: https://gorod.lv/novosti/318331-covid-19-i-sortirovka-patsientov (Accessed 3 December 2020).

XVIII Zdorovaia Moskva... [18th 'Healthy Moscow']. Available at: https://moscowhealth.ru/program# (Accessed 18 November 2020).

Bateneva T. (2020) Kakoi urok prepodala pandemiia zdravookhraneniiu [What lesson the pandemic taught the healthcare sector], *RG.RU*. Spetsial'nyi proekt: Vyzov goda. Zabota o zdorov'e, ot 02.06.2020. Available at: https://rg.ru/2020/06/02/kakoj-urok-prepodala-pandemiia-zdravoohraneniiu.html (Accessed 18 November 2020).

Bol'she poloviny rossiian zanimaiutsia samolecheniem (23 August 2019) [Over half the Russian population turn to self-medication], *Opros provel proekt Zdorov'e Mail.ru*. Available at: https://health.mail.ru/news/bolshe_poloviny_rossiyan_zanimayutsya/ (Accessed 21 November 2020).

VTsIOM: 41% oproshennykh rossiian ne doveriaiut diagnozam i naznacheniiam vrachei (11 December 2019) [Russian Public Opinion Research Centre (VTsIOM): 41% of the surveyed Russians do not trust their diagnoses and prescribed treatment]. Available at: https://www.znak.com/2019-12-11/vciom_41_oproshennyh_rossiyan_ne_doveryayut_ diagnozam_i_naznacheniyam_vrachey (Accessed 12 August 2020).

Karel'skaia meditsina reshila menia umorit' [Surviving the Karelian healthcare], *Stolitsa na ONEGO.ru* 19.11.2020. Available at: https://stolicaonego.ru/news/karelskaja-meditsina-reshila-menja-umorit/ (Accessed 21 November 2020).

Kachestvo meditsinskoi pomoshchi: zapros na nezavisimuiu otsenku 8 oktiabria (VTsIOM) [The quality of medical services: Request for an independent assessment, 8 October, Russian Public Opinion Research Centre (VTsIOM)], *Yandex-Zen*. Available at: https://zen.yandex.ru/media/id/5de646fed4f07a00ac1bed70/kachestvo-medicinskoi-pomosci-zapros-na-nezavisimuiu-ocenku-5f7ec4791e2da6289e90ec8e (Accessed 12 November 2020).

Kovid i gospitalizatsiia (RealDeath) (20.11.2020) [COVID-19 and hospitalization], *Pikabu*. Available at: https://pikabu.ru/story/kovid_i_gospitalizatsiya_7790846 (Accessed 12 December 2020).

Kork A., Kostarnova N. V neskol'kikh regionakh Rossii situatsiia s kovidom osobenno ostraia. Chto govoriat ob etom patsienty i vrachi (30 November 2020) [In several Russian regions, the situation around the COVID-19 is particularly acute. Patients and doctors have their say], *Pravmir*. Available at: https://www.pravmir.ru/v-neskolkih-regionah-rossii-situacziya-s-kovidom-osobenno-ostraya-chto-govoryat-ob-etom-paczienty-i-vrachi/ (Accessed 30 November 2020).

Lepina M. Kogo lechit', a kogo net: etika vo vremia pandemii (2020) [Who gets to be treated and who doesn't: Ethics in the time of the pandemic], *Miloserdie.ru. Pravoslavnyi portal* 17.04.2020. Available at: https://www.miloserdie.ru/article/trebuet-li-koronavirus-ot-nas-zhertv-i-mozhet-li-vybor-byt-spravedlivym/ (Accessed 12 June 2020).

Simptomy Kovid, vrachi bezrazlichny (Avtorka ia) (15 July 2020) [COVID-19 symptoms, doctors indifferent (The author is me)], *Women.ru*. Available at: https://www.woman.ru/health/medley7/thread/5286113/19/ (Accessed 8 December 2020).

Soobshchestvo "Vrachi RF" [The 'Doctors of the Russian Federation' Association]. Available at: https://vrachirf.ru/news (Accessed 20 November 2020).

Spisok pamiati. Skol'ko v Rossii i v mire umiraiut vrachei iz-za koronavirusa [The Memorial List: How many doctors die of COVID in Russia and beyond]. Sviatoslav Ivanov. 6 May 2020. Available at: https://yandex.ru/turbo/hightech.fm/s/2020/05/06/doctor-death-coronavirus (Accessed 12 June 2020).

Atlas novykh professii [The Atlas of New Professions]. Moscow: ASI, Skolkovo, 2014. Available at: http://asi.ru/upload/iblock/d69/Atlas.pdf.

Bakhmatova M.N. Praktiki kul'turno-etnicheskogo posrednichestva v sfere zdravookhraneniia Italii [Cultural-ethnic mediation practices in Italian healthcare], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika,* 2018, no. 1(15).

Bakhmatova M.N. Khronika koronavirusa v Italii: «mazuny» dvadtsat' pervogo veka [The chronicles of the coronavirus pandemic in Italy: The 'players' of the 21st centuries], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2020, no. 1(19).

Bioetika i gumanitarnaia ekspertiza. Ezhegodnyi sbornik nauchnykh statei (ed. by F.G. Maleinova) [Bioethics and humanitarian examination. An annual collection of scientific papers]. Available at: http://iph.ras.ru/bioeth.htm

Bioetika (BIOETHICS), nauchno-prakticheskii zhurnal [Bioethics, a scientific and practice-oriented journal]. Available at: http://www.volgmed.ru/ru/journ/browse/bioethics.

Donika A.D., Sergeeva N.V. Pervoe rossiiskoe periodicheskoe izdanie v oblasti bioetiki [The first Russian bioethics journal], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2011, no. 2(2). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=1020

Kirilenko E.I. Mediko-antropologicheskie aspekty v amerikanskom meditsinskom obrazovanii i meditsinskoi praktike: Rachel Spector [Medical anthropology and American medical education and practice: Rachel Spector], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2016, no. 2(12).

Kurlenkova A.S. Bioetika i meditsinskaia praktika (analiz klinicheskoi situatsii) [Bioethics and medical practice: An analysis], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2011, no. 1(1). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=402

Kurlenkova A.S. *Meditsinskaia antropologiia i bioetika v SShA i Rossii: istoriograficheskii i sotsiokul'turnyi analiz*. Diss. … kand. istoricheskikh nauk [Medical anthropology and bioethics in the USA and in Russia: A historiographic and sociocultural analysis. A dissertation for the 'Candidate of Science' degree]. Moscow: IEA RAN, 2013.

Kurlenkova A.S., Geins A.D. Ob antropologii biomeditsiny i "kul'turnoi bioetike" [On the anthropology of biomedicine and on 'cultural bioethics'], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2011, no. 2(2). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=973

Kurlenkova A.S., Loo S. Programma trenirovki spetsialistov po bioetike Mezhdunarodnogo Tsentra Fogarti (Natsional'nyi institut zdorov'ia, SShA) [Training for bioethics specialists at the Fogarty International Center (National Institutes of Health, USA)], *Meditsinskaia*

antropologiia i bioetika, 2011, no. 2(2). Available at: http://www.med-anthro.ru/?page_id=1004

Maksimov I.L. Vozmozhnosti mediatsii v zdravookhranenii [Mediation in healthcare: What can be achieved]. In: *Meditsinskoe pravo Rossii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russian law on medicine: Russian Research Conference Proceedings]. Moscow: Natsional'nyi institut meditsinskogo prava, 2015, pp. 83–87.

Markov S.M. Meditsinskaia mediatsiia v Rossii, ee vozmozhnosti i perspektivy [Mediation in Russian healthcare: Potential and prospects], *Meditsinskoe parvo*, 2017, pp 6, pp. 25–29.

Martirosian S.L. Mediatsiia v sfere zdravookhraneniia [Medication in healthcare], *Ekonomika i sotsium*, 2014, no. 4.

Meditsinskii psikholog. Dolzhnostnye obiazannosti [Medical psychologist. Job description]. In: *Prikaz Minzdravsotsrazvitiia Rossii ot 23.07.2010 N 541n (red. ot 09.04.2018) Ob utverzhdenii Edinogo kvalifikatsionnogo spravochnika dolzhnostei rukovoditelei, spetsialistov i sluzhashchikh, razdel Kvalifikatsionnye kharakteristiki dolzhnostei rabotnikov v sfere zdravookhraneniia (Zaregistrirovano v Miniuste Rossii 25.08.2010 N 18247)* [The Order No. 541n of the Russian Ministry of Health dated 23rd July 2010 (last edited 9th April 2018), titled 'On the Russian Register of Job Titles', the section titled 'Healthcare Qualifications' (Registered by the Russian Ministry of Legal Affairs on 25th August 2010, Registration No. 18247)']. Available at: https://sudact.ru/law/prikaz-minzdravsotsrazvitiia-rf-ot-23072010-n-541n/

Mikhel' D.V. *Meditsinskaia antropologiia: uchebnoe posobie* [Medical anthropology: A study book]. Moscow, 2017.

Moiseev V.I. O printsipakh mediko-gumanitarnogo obrazovaniia [On the principles of healthcare and humanistic education], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2013, no. 2(6).

Pal'tsev M.A., Belushkina N.N., Chaban E.A. 4P-meditsina kak novaia model' zdravookhraneniia [4P-medicine as a new healthcare model], Vestnik VShOUZ, 2015, no. 2.

Piterskaia E.S. Meditsinskaia antropologiia kak odno iz prioritetnykh napravlenii raboty universiteta sht. Kaliforniia v Berkli (obzor obrazovatel'nykh programm) [Medical anthropology as one of the prioritised areas of activity of the University of California (Berkley): An overview of educational programmes)], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2011, no. 1(1).

Proekt Prikaza Ministerstva truda i sotsial'noi zashchity RF "Ob utverzhdenii professional'nogo standarta 'Meditsinskii psikholog' " (podgotovlen Mintrudom Rossii 27.11.2018) [The Draft Order of the Russian Ministry of Labour and Social Protection, titled 'On the Job Description for Medical Psychologists' (prepared on 27th November 2018)]. Available at: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56675274/, https://klynepsy.susu.ru/sites/default/files

Profstandart: 07.001 Spetsialist v oblasti mediatsii (mediator) Zaregistrirovano v Minister-stve iustitsii Rossiiskoi Federatsii 29 dekabria 2014 goda, registratsionnyi N 35478 [Specialist in mediation (mediator): Job Description, 07.001]. Available at: https://classinform.ru/profstandarty/07.001-spetcialist-v-oblasti-mediatcii.html

Rossiiskii komitet po bioetike [Russian Committee on Bioethics]. URL: http://www.bioethics.ru/rus/rucommittee/

Ryzhakova S.I. "Ne pozvol' virusu vtorgnut'sia v tvoe soznanie!": bespokoistva i ozhidaniia v indii v period COVID-19 (zametki iz dnevnika etnografa, 8–25 marta 2020 g.) ['Do not let the virus enter your conscience!': Worries and expectations during the COVID-19 pandemic in India: Notes from an Ethnographer's Diary, 8 to 25 March 2020], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2020, no. 1(19).

Semchenkova M.I. Klinicheskii psikholog v lechebnom uchrezhdenii (24 avgusta 2016) [Clinical psychologist in a hospital (24 August 2016)], *Psikhologi na b17.ru*. Available at: https://www.b17.ru/article/57057/

Siluianova I.V. *Rukovodstvo po etiko-pravovym osnovam meditsinskoi deiatel'nosti* [Guidance as to the ethics and legal foundations of medical activity]. Moscow: MEDpress-inform, 2008.

Sorokina E.A. Koronavirus po-shvedski [The coronavirus the Swedish way], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika,* 2020, no. 1(19).

Fais-Leutskaia O.D. COVID-19 v Sitsilii: ekzistentsial'nye «meditsina» i praktiki – obrashchenie k traditsii [COVID-19 in Sicily: Existential 'medicine' and practices. Appealing to traditions], *Vesnik antropologii*, 2020, no. 3, pp. 57–74.

FGOS spetsial'nosti 37.05.01. Klinicheskaia psikhologiia. Utverzhden prikazom Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii ot 26 maia 2020 g. N 683 [Specialty Description: Clinical Psychology (37.05.01)]. In: *Spravochnik kodov obshcherossiiskikh klassifikatorov* [The Russian Register of Codes]. Available at: https://classinform.ru/fgos/37.05.01-clinicheskaia-psihologiia.html

Federal'nyi zakon ot 27.07.2010 g. № 193-FE "Ob al'ternativnoi protsedure uregulirovaniia sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)" [The Russia Federal law No. 193-FZ dated 27th July 2010, titled 'On mediation, the alternative procedure to settle disputes involving a mediator'].

Kharitonova V.I. Obrazovatel'no-professional'nye aspekty obespecheniia zdorov'esberezheniia [Educational and vocational aspects of health preservation], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2016, no. 1(11).

Kharitonova V.I. Podgotovka meditsinskikh antropologov v Rossii: problemy i perspektivy [Educating medical anthropologists in Russia: Problems and prospects], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2018, n. 1, pp. 103–116. DOI: 10.17223/2312461X/19/8

Kharitonova V.I., Iudin B.G. "Bioetika – eto ne sovsem to, chto priniato ponimat' kak nauku" ['Bioethics is not quite what is customarily understood as science…'], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2011, no. 1(1).

Tsentry bioetiki (kafedry, kursy, eticheskie komitety, obshchestvennye organizatsii i dr.) [Bioethics: University departments, courses, ethics committees, organizations, etc.]. Available at: http://www.bioethics.ru/rus/allcenters/.

Cherniak N.V. Termin "Cultural Humility" v kontekste podgotovki spetsialistov meditsinskogo profilia [The term 'cultural humility' in the context of medical training], *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2016, no. 1(11).

Shvets E. Chto takoe mediatsiia? Ili kak regulirovat' spory mezhdu meditsinskimi uchrezhdeniiam i patsientami? (28 ianv. 2019 g.) [What is mediation, or how to regulate disputes between medical institutions and patients? (28 January 2019)], *vc.ru Pravo: Iuridicheskaia kompaniia «Status-Kvo»*. Available at: https://vc.ru/legal/56761-chto-takoe-mediaciya-ili-kak-regulirovat-spory-mezhdu-medicinskimi-uchrezhdeniyami-i-pacientami.

Chandler, S, Geissler, W. Course Program: Medical Anthropology and Public Health, London School of Hygiene & Tropical Medicine, Spring 2013, *Meditsinskaia antropologiia i bioetika*, 2013, no. 1(7).

Kharitonova V. Medical anthropologists in the social practice and science, *B"lgarsko spisanie za obshchestveno zdrave*, 2018, Vol. X, no. 2, pp. 26-37.

Spector R.E. Cultural diversity in health and illness / Rachel E. Spector, 8th ed. p. cm. New Jersey, 2013.

MISCELLANEA

УДК 902.4; 519.876.5
DOI: 10.17223/2312461X/30/12

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ТРЕХМЕРНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ КОМПЛЕКСОВ КАМЕННОГО ВЕКА

Ксения Анатольевна Колобова,
Алена Владимировна Шалагина,
Павел Вячеславович Чистяков,
Екатерина Николаевна Бочарова,
Андрей Иннокентьевич Кривошапкин

Аннотация. Развитие цифровых технологий обусловило их активное применение в гуманитарных дисциплинах, прежде всего в археологии. В предлагаемой статье рассматриваются новые возможности и перспективы использования трехмерного моделирования при помощи сканеров структурированного подсвета с целью получения новых, ранее не доступных данных. Трехмерное сканирование имеет определенные преимущества в научном контексте перед методами фотограмметрии и компьютерной томографии, заключающиеся в применении относительно недорогого оборудования и возможности получения масштабированных трехмерных моделей, полностью соответствующих артефактам. Последние обстоятельства позволяют проведение абсолютно точных метрических измерений и любых процедур неразрушительного манипулирования моделями, что выводит археологические исследования на новый уровень, когда возможна верификация любых полученных данных и проведенных экспериментов, что скорее соответствует естественным, чем гуманитарным наукам. В последние годы были созданы или усовершенствованы ранее недоступные археологам исследовательские процедуры: трехмерный геометрико-морфометрический анализ, расчет объема / центра гравитации артефактов, прорисовка контуров негативов. Основные возможности новых методов исследований демонстрируются на примере трехмерных моделей артефактов из среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры (Горный Алтай).

Ключевые слова: трехмерное моделирование, сканеры структурированного подсвета, каменные орудия, костяные орудия, машинные измерения, расчет центра масс, геометрико-морфометрический анализ

Внутренняя логика развития археологической науки обусловила значительное расширение ее методологической базы, прежде всего за счет естественнонаучных методов. В последние годы развитие и постепенное удешевление технического оборудования позволили использовать возможности методов фотограмметрии, трехмерного сканирования

и томографии для создания многочисленных моделей археологических объектов и их дальнейшего применения в исследовательском процессе (Remondino, El-Hakim 2006; Remondino 2014; Garstki 2017).

Основными преимуществами трехмерного сканирования по сравнению с фотограмметрией являются высокая степень автоматизации, которая исключает влияние человеческого фактора на многих этапах оцифровки (Ahmed, Carter, Ferris 2014; Porter, Roussel, Soressi 2016). В результате отсутствует необходимость разработки и проведения контроля качества методики при оцифровке отдельных типов объектов (Georgopoulos 2017). Автоматизация обеспечивает высокое разрешение и точность моделей (Evgenikou, Georgopoulos 2015). Следующим преимуществом является получение масштабированных моделей, полностью соответствующих артефактам, что обусловливает широкие возможности получения научных данных (De Reu et al. 2013; Remondino 2014). С другой стороны, фотограмметрия не требует дорогостоящего оборудования и доступна практически всем исследователям (Mathys 2013; Heath 2015). В последнее время были созданы специализированные исследовательские протоколы, позволяющие со значительной долей достоверности масштабировать трехмерные модели, полученные при помощи фотограмметрии (Porter, Roussel, Soressi 2016). В свою очередь по сравнению с томографией трехмерное сканирование является более доступным в силу относительно низкой стоимости оборудования.

Первыми примерами применения сканирования объектов культурного наследия стали проекты по оцифровке статуй Микеланджело (Abouaf 1999) и произведений Донателло и Джованни Пизано (Beraldin et al. 1999). Самым масштабным стал проект «Микеланджело», в ходе осуществления которого была отсканирована статуя Давида в 2000 г. (Levoy et al. 2000). С этого времени начался период внедрения методов трехмерного сканирования в практику археологических исследований. За этот период оборудование совершенствовалось и удешевлялось.

Широкое применение методы 3D моделирования нашли в области исследования петроглифов. Посредством применения методов фотограмметрии и трехмерного сканирования исследователи активно документируют древние изображения, собирают новую информацию об определении ранее не видимых рисунков, их стратификации и технологии нанесения (Cassen et al. 2014; Zotkina, Kovalev 2019). Значительные научные результаты были получены при сканировании и исследовании трехмерных моделей объектов древнего искусства (Grosman, Ovadia, Bogdanovsky 2014; Counts, Averett, Garstki 2016; Morris, Peatfield, O'Neill 2018). Также фотограмметрия нашла широкое применение для научного документирования и изучения материалов каменного века на полевом этапе исследования (полевое документирование, топографические планы местности, планы раскопов и т.д.), а также при лаборатор-

ной обработке артефактов (метрические измерения, определение объема, измерение углов и т. д.) (Чжоу 2017).

В рамках исследования керамических изделий трехмерное сканирование активно применяется для моделирования и дальнейшего манипулирования моделями (возможность создания точных продольных и поперченных сечений без разрушения артефакта, исследование хрупких объектов) с целью классификации. Основной принцип исследования керамических артефактов основан на факте наличия оси симметрии, соответственно, все метрические параметры, такие как диаметр изделия, его сегменты, находятся в тесной взаимосвязи с осью модели (Karasik, Smilansky 2008, 2011). При исследовании керамики также значительное внимание уделяется возможности апплицирования цифровых моделей (Stamatopoulos, Anagnostopoulos 2016).

Предлагаемая статья освещает новые возможности изучения артефактов каменного века, которые предоставляет трехмерное моделирование при помощи сканеров структурированного подсвета. Демонстрация этих возможностей представлена на примере каменных и костяных орудий из среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры, расположенной на Алтае (Derevianko et al. 2015). В статье даются ссылки на наиболее распространенное программное обеспечение, позволяющее проводить с трехмерными моделями описываемые манипуляции.

Документирование и визуализация артефактов каменного века

Основные способы создания трехмерных моделей при помощи сканеров структурированного подсвета и наиболее часто возникающие трудности представлены в нескольких работах в русскоязычной литературе (Вавулин, Зайцева, Пушкарев 2014, 2015; Чистяков и др. 2019).

В исследованиях материалов каменного века масштабированные 3D модели применяются для широкого круга задач. Первой и наиболее часто решаемой задачей трехмерного моделирования каменных артефактов является первичная визуализация. На рис. 1 представлены изображения бифасиального орудия из комплекса Чагырской пещеры в виде графического рисунка, фотографии и 3D модели. В случае получения высокоточной трехмерной модели она по своему качеству превосходит фотографию, поскольку лишена текстуры и приближена по содержанию к профессиональному графическому рисунку и не содержит субъективных ошибок (рис. 1).

Другой задачей, которая решается в мировой археологической практике, является документирование (Riel-Salvatore et al. 2004; Pastoors, Weniger 2011). В качестве возможных вариантов применения трехмерной визуализации является документирование археологических объектов в полевых условиях (McPherron, Gernat, Hublin 2009), трехмерное

моделирование в процессе раскопок для применения новых данных на начальных стадиях научных исследований (Puhar et al. 2018) и документирование в лабораторных условиях (Garstki 2017).

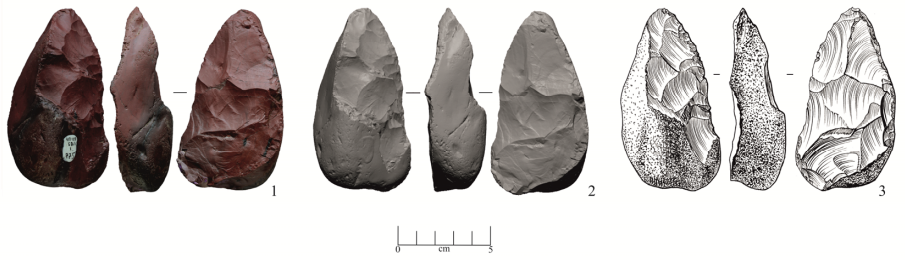

Рис. 1. Бифасиальное орудие из комплекса Чагырской пещеры: *1* – высокачественная фотография; *2* – трехмерная модель; *3* – графический рисунок

В рамках применения цифровых технологий были разработаны различные алгоритмы для автоматического позиционирования каменных артефактов, поскольку корректное позиционирование играет важную роль при документировании артефактов, метрических замерах и геометрико-морфометрическом анализе (Richardson et al. 2013; Herzlinger, Goren-Inbar, Grosman 2017; Шалагина и др. 2020).

Новой возможностью трехмерного моделирования является реконструкция первоначального облика артефактов, палеонтологических и антропологических образцов, в тех случаях когда возможно зеркальное отображение их частей. Так, данный алгоритм был применен при реконструкции утраченных частей черепа с нижнепалеолитической стоянки Зутиё (Израиль) (Freidline et al. 2012) и утраченных частей антропоморфной скульптуры со стоянки Турист-2 (Kolobova et al. 2019b). Самым известным примером зеркальной реконструкции антропологической находки стала челюсть денисовца из пещеры Байшия в Тибетском нагорье (Chen et al. 2019).

После создания качественных трехмерных моделей артефактов у исследователей появляется возможность перейти к научным исследованиям трехмерных моделей, позволяющих получать высокоточную верифицируемую информацию об артефакте.

Новые возможности исследования трехмерных моделей

Метрические измерения. В результате применения трехмерного сканирования мы получаем масштабированную цифровую копию артефакта, полностью соответствующую оригиналу. Трехмерная модель позволяет проводить весь спектр манипуляций, связанных с метрическими измерениями, создавать продольные и поперечные сечения на трехмер-

ных моделях целых артефактов, получая культурно и технологически значимые морфологические характеристики.

Измерение трехмерных моделей позволяет избежать значительных ошибок, возникающих при мануальных измерениях артефактов, достигающих 20–25% от настоящих значений (Grosman, Smikt, Smilansky 2008), что обеспечивает верифицируемость проведенных исследований.

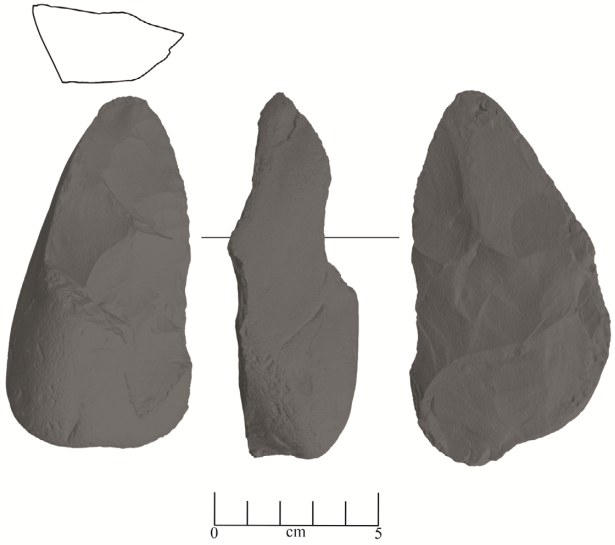

Рис. 2. Трехмерная модель каменного бифасиального орудия из комплекса Чагырской пещеры с поперечным сечением, полученным при ее сегментировании

На рис. 2 представлена трехмерная модель каменного плосковыпуклого бифасиального орудия с поперечным сечением, полученным при ее сегментировании. Поскольку каменный артефакт изготовлен из засурьинского яшмоида темного цвета (Derevianko et al. 2015), то рекомендуется его сканирование с белым матовым покрытием. Крутолатеральное поперечное сечение позволяет атрибутировать данное орудие как *Keilmesser*, обушковый бифасиальный нож – типологический маркер индустрий сибирячихинского варианта среднего палеолита Горного Алтая и микокских комплексов Центральной и Восточной Европы (Kolobova et al. 2019a). Создание поперечных сечений целых каменных артефактов является общепринятой практикой при создании графических рисунков, но несет значительную долю субъективных погрешностей.

Сочетание метрических измерений сколов и нуклеусов, включая количественную оценку выпуклости фронтов нуклеусов, из комплексов грота Ябруд-2 позволило исследователям количественно описать основные технологические изменения ахмарийской культуры Леванта в хронологической перспективе (Bretzke, Conard 2012).

На трехмерной модели артефакта также можно проводить замеры углов, более точные, чем при использовании угломеров. Значения угла рабочего лезвия у каменных орудий не одинаковы на всем протяжении лезвия. Поэтому в целях упрощения процесса обработки каменных орудий исследователи обычно предпочитали делать одно измерение (Колобова 2006). Как мы видим, значения угла на разных участках лезвия каменного бифасиального орудия могут значительно отличаться друг от друга (рис. 3). Поэтому с помощью различного программного обеспечения возможен расчет среднего значения угла для лезвия. Так, на приведенном примере значение угла лезвия бифасиального орудия варьирует от 62 до 87°, при этом среднее значение составляет 73°.

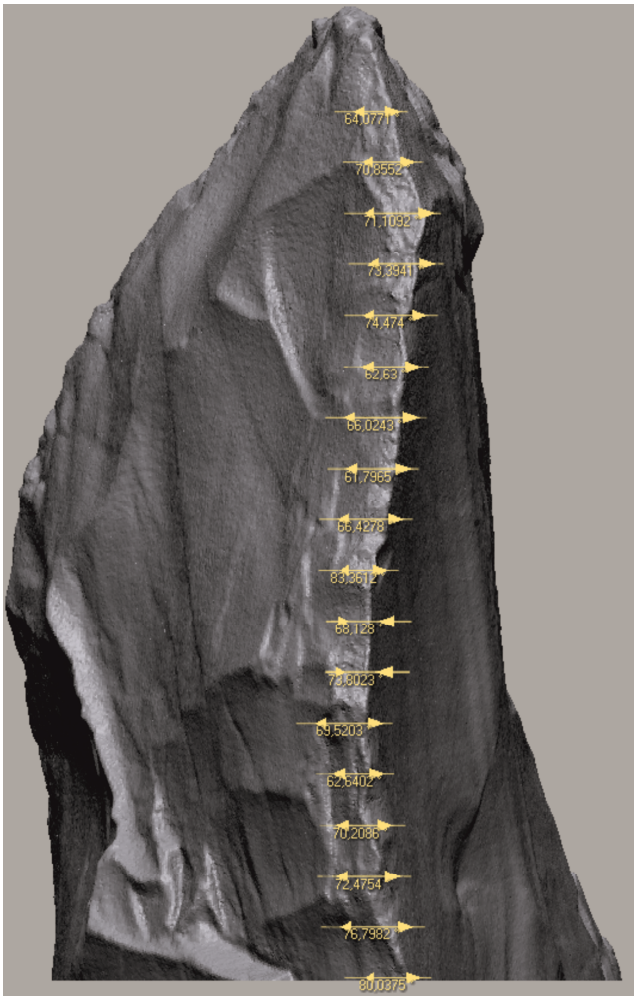

Рис. 3. Пример измерения угла лезвия каменного бифасиального орудия (Чагырская пещера)

Значение важности измерения углов сложно переоценить при оценке степени сработанности орудий (Clarkson, Hiskok 2008). Для исследования процессов первичного расщепления Чагырской пещеры измерялся угол между остаточной ударной площадкой и вентральной плоскостью сколов, в результате чего стало возможным разграничить процессы нуклеусного и бифасиального расщепления по продуктам дебитажа (Деревянко и др. 2018). Сочетание методов прорисовки границ негативов и метрических измерений углов трехмерных моделей создало условия для определения функции и причин подживления скребел из среднепалеолитического комплекса Нешер Рамла в Леванте (Zaidner, Grosman 2015). Подобный алгоритм применялся группой французских исследователей для определения вариабельности шательперонских и протоориньякских нуклеусов, где они применяли комплекс метрических измерений и замеры углов нуклеусов на трехмерных моделях (Porter, Roussel, Soressi 2016).

Самой последней разработкой является алгоритм измерения среднего угла на определенном участке лезвия, когда с помощью программного алгоритма выбирается самый стабильный угол лезвия (на расстоянии 1, 2 либо 3 мм от края лезвия). Так Ф. Валетта с соавторами удалось, используя этот алгоритм в разрабатываемом программном обеспечении 3D Artifact, установить вариабельность углов различных геометрических микролитов Леванта и связать их с различными культурными традициями (Valletta et al. 2020).

Создание всевозможных сечений, метрические измерения и измерения углов доступны практически в любом программном обеспечении, работающем с трехмерными моделями. Наиболее удобными с пользовательской точки зрения являются Geomagic Wrap, Geomagic Design X., Autodesk Netfabb и MeshLab. Специальным программным обеспечением, адаптированным для нужд исследователей каменного века, является программа Artefact 3D, разработанная сотрудниками лаборатории компьютерной археологии Еврейского университета (Grosman et al. 2008).

Построение карты кривизны сетки. Новым инструментом, позволяющим визуализировать и исследовать артефакты каменного века, является построение карты кривизны сетки на основе трехмерной модели. Карта кривизны сетки показывает разницу высот на поверхности артефакта, которая делается на основе оригинальной модели и ее измененной копии. Наиболее перспективным направлением в настоящий момент является изучение слабомодифицированных орудий – ретушеров и отбойников, выполненных на каменном и костяном сырье (Caricola et al. 2018). В процессе построения карты появляется возможность для измерения степени модификации, активных зон орудий данного типа. На рис. 4 приведен пример карты кривизны сетки костяного ретушера из комплекса Чагырской пещеры с несколькими активными

зонами. Построение карты осуществлялось в программе Geomagic Design X (пункт «Кривизна»). Карта кривизны показывает глубину «лунок» и «ямок», появившихся в результате соприкосновения с ретушируемым каменным орудием (Колобова, Маркин Чабай 2016).

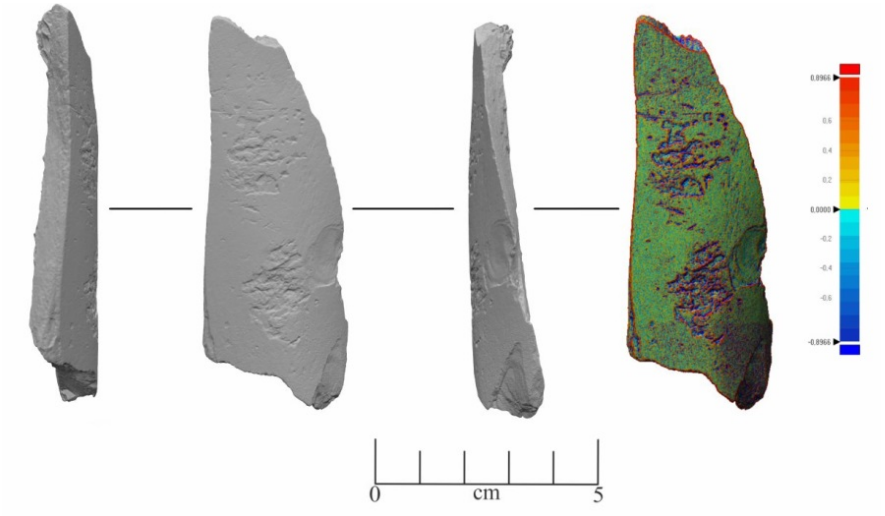

Рис. 4. Костяной ретушер из комплекса Чагырской пещеры с картой кривизны сетки

Расчет центра масс. Трехмерные модели каменных артефактов позволяют проводить вычисления, ранее невозможные или связанные со значительными трудозатратами. Одной из таких возможностей, предоставляемых новым методом, является подсчет центра гравитации.

Центром масс / гравитации называется геометрическая точка, связанная с твердым телом, через которую проходит равнодействующая всех сил тяжести, действующих на частицы этого тела при любом положении последнего в пространстве. Способ подсчета центра масс был представлен в работе, описывающей реконструкцию функции антропоморфной скульптуры со стоянки бронзового века Южной Сибири (Kolobova et al. 2019b). Также расчет центра масс был применен для определения функции неолитических масок (Grosman, Ovadia, Bogdanovsky 2014).

Исследователи из Еврейского университета провели классификацию нижнепалеолитических ручных рубил из комплексов Ближнего Востока на основе подсчета расстояния между центром гравитации и центром симметрии, вычисленным на трехмерных моделях артефактов. В соотношении с объемом артефактов, определенных тем же способом, удалось составить точечный график, описывающий физические свойства и степень сработанности нижнепалеолитических ручных рубил (Grosman et al. 2008).

На рис. 5 представлено бифасиальное орудие из комплекса Чагырской пещеры с рассчитанным центром массы.

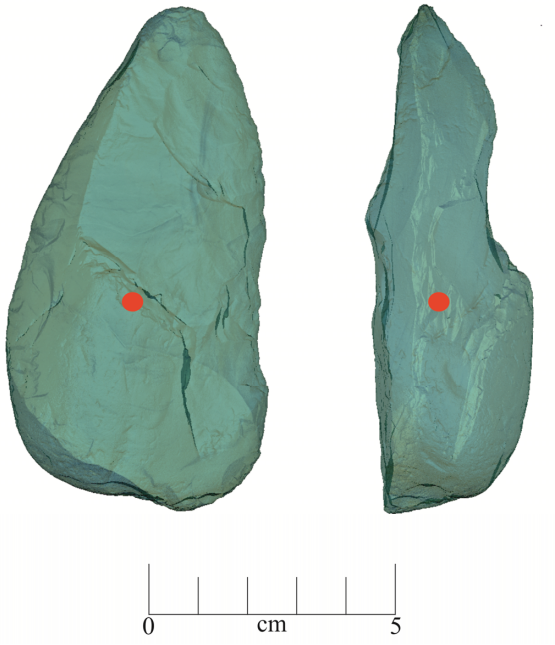

Рис. 5. Трехмерная модель бифасиального орудия из комплекса Чагырской пещеры с рассчитанным центром массы

Наиболее удобные процедуры определения центра масс представлены в программах Geomagic Wrap и 3D Artifact.

Определение объема трехмерной модели. Объем трехмерной модели в настоящее время рассматривается и как самостоятельная количественная характеристика артефактов (Porter, Roussel, Soressi 2016), и как дополнительная количественная характеристика для описания морфологической и технологической вариабельности каменных предметов (Grosman et al. 2008). Возможность определения объема трехмерной модели неразрывно связана как с определением центра масс, так и с возможными последующими исследовательскими процедурами. Особые перспективы перед исследователями открываются в реконструкции изначальной массы органических артефактов, которая изменилась в результате постдипозиционных процессов.

В качестве примера мы провели метрические измерения (ширина и толщина) и определение объема трехмерных моделей бифасиальных изделий из среднепалеолитического комплекса Чагырской пещеры. На основе значений ширины и толщины был вычислен индекс массивности орудий. Результаты измерений представлены на рис. 6. Как мы

видим, по индексу массивности и по объему обушковые бифасиальные ножи типа *Keilmesser* значительно отличаются от остальных бифасиальных орудий: наблюдается больший объем и меньшая массивность изделий. Интересным наблюдением является тот факт, что для ножей типа *Keilmesser* свойствен индекс массивности в узком промежутке – от 1 до 2,5. Таким образом, на основе анализа объема мы получили новые данные, которые свидетельствуют, с одной стороны, о стандартизации обушковых ножей типа *Keilmesser* в рамках индустрии Чагырской пещеры. С другой стороны, новые данные свидетельствуют о различных технологических подходах в рамках плоско-выпуклой технологии, использующихся для изготовления бифасиальных орудий различной типологической принадлежности.

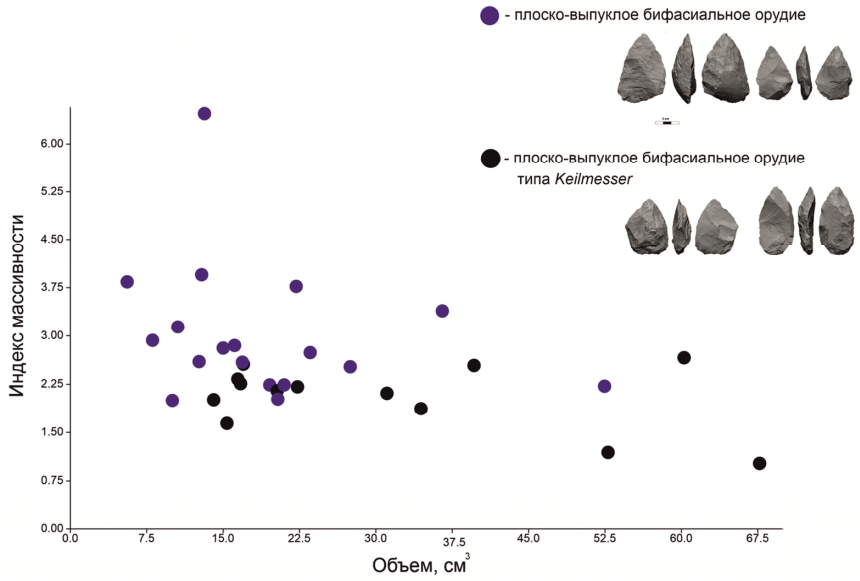

Рис. 6. График индекса массивности бифасиальных изделий из среднепалеолитического комплекса Чагырской пещеры

Подсчет объема моделей артефактов возможен в программах Geomagic Wrap, 3D Artifact, Geomagic Design X.

Прорисовка негативов сколов на каменных артефактах. Новой возможностью визуализации и анализа каменных орудий является возможность прорисовки границ негативов / фасеток ретуши на каменных орудиях. Впервые данный алгоритм был предложен исследовательским коллективом под руководством Л. Гросман (Grosman et al. 2014) и впоследствии успешно применен при определении целей одного технического приема переоформления лезвий на стоянке Нешер-Рамла (Левант) (Zaidner, Grosman 2015). Все технологические операции описанных изделий осуществлялись в программном обеспечении 3D Artifact.

Новая программа 3D Tracer с похожими функциями была разработана российскими исследователями и применена для визуализации результатов анализа последовательности сколов бифасиального орудия из комплекса Чагырской пещеры (Алтай), в результате которого была доказана культуромаркирующая функция плоско-выпуклой технологии в среднем палеолите региона (Зоткина, Ковалев, Шалагина 2018; Kolobova et al. 2019a).

На рисунке представлено плоско-выпуклое бифасиальное орудие из комплекса Чагырской пещеры с прорисованными негативами сколов фасонажа и ретуши (рис. 7).

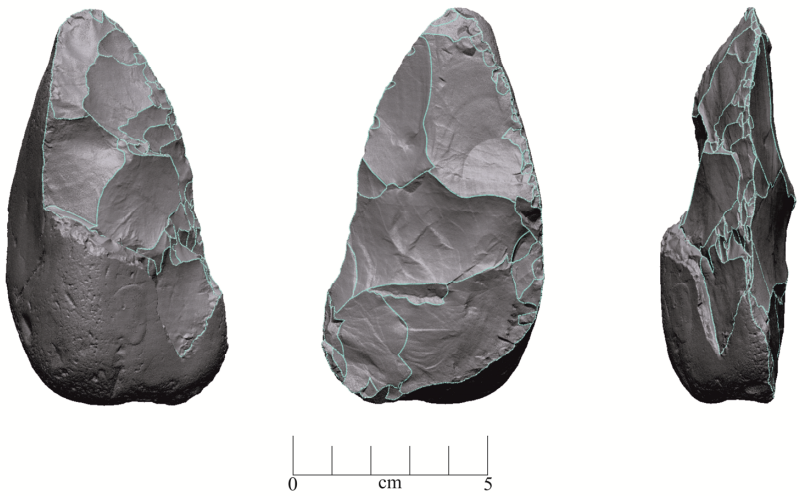

Рис. 7. Бифасиальное орудие из комплекса Чагырской пещеры с прорисованными негативами сколов

Применение трехмерного моделирования с целью ремонтажа. Значительное внимание исследователей уделяется возможностям методов 3D моделирования для реконструкции процессов расщепления в рамках аппликативного метода. В настоящее время с помощью трехмерного моделирования возможно визуализировать процессы расщепления в археологических или экспериментальных комплексах на основе имеющихся склеек (Sumner, Riddle 2008; Lang 2013; Weiss 2015; Delpiano, Peresani, Pastoors 2017). Успешное практическое воплощение автоматического ремонтажа осложняется необходимостью создания большого количества масштабированных моделей, что будет возможно в недалеком будущем.

Геометрико-морфометрический анализ. В качестве самостоятельного инструмента исследования различных категорий артефактов, антропологических, палеонтологических остатков выступает геометрико-

морфометрический анализ, с помощью которого возможен анализ выборки предметов во всем многообразии проявления их формы. Исследователи применяют геометрико-морфометрический анализ для исследования морфологии и классификации бифасиальных изделий, важных антропологических и палеонтологических находок (Jöris 2002; Freidline et al. 2012; Archer et al. 2015; Herzlinger, Goren-Inbar, Grosman 2017; Herzlinger, Grosman 2018; Kolobova et al. 2020). В этой статье мы намеренно не детализируем исследовательские процедуры метода, поскольку они представлены в отдельной публикации (Шалагина и др. 2020). Дальнейшее развитие этого метода предполагает возможность достаточно точного установления размеров каменных артефактов на основе фрагментарных данных (Archer et al. 2018) и установление тенденций изменения формы костей в результате естественного роста (Gunz, Bulygina 2012).

Дискуссия и выводы

В результате обзора широких возможностей применения трехмерного моделирования в процессе анализа различных археологических артефактов необходимо сделать вывод о высокой перспективности данного метода как в составе комплексных исследований, так и в качестве самостоятельного инструмента, способного предоставить недоступную в рамках применения стандартных методик информацию. Получение масштабированных моделей, возможность их полноразмерной печати стирает грань между моделью и артефактом (Garstki 2017). Экономически не затратная возможность изучения и полноценного манипулирования моделью делает данный метод незаменимым и зачастую единственно возможным.

В обзор не были включены интереснейшие данные об изучении других категорий артефактов каменного века. Так, костяные орудия могут определяться в качестве ритуальных в силу контекста обнаружения, продолжительности исследования и функции (Klein, Belfer-Cohen, Grosman 2017). Исследование следов порезов на древних костях, их причин возникновения, отличия преднамеренных порезов от следов вытаптывания и активности хищников в настоящее время проводится с активным применением трехмерного моделирования (микрофотограмметрия и трехмерное сканирование) на стыке с трасологией и математической статистикой (Arriaza et al. 2017; Val et al. 2017; Courtenay et al. 2019).

Анализ трехмерных моделей археологических артефактов позволяет археологам оперировать принципиально новыми, ранее не доступными инструментами исследований: трехмерный геометрико-морфометрический анализ, расчет объема артефактов, центра гравитации, прорисовка контуров негативов, построение карты высот.

Возможность обеспечения доступа к трехмерным моделям артефактов делает возможным верифицирование получаемых в процессе исследования данных, что приближает археологические исследования к естественным наукам.

Благодарности

Трехмерное сканирование археологических артефактов проведено в рамках проекта научно-исследовательской работы Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук № 0264-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии». Исследование костяных орудий выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-09-400-70 «Охотничьи стратегии неандертальцев Северной Азии».

Литература

Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Методика и практика 3D сканирования разнотипных археологических артефактов // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4. С. 21–37.

Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарев А.А. Трехмерное сканирование и моделирование корабельных деталей коча // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй междунар. конф. Государственный Эрмитаж. СПб., 2015. С. 234–239.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А., Чабай В.П., Рудая Н.А., Виола Б., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Васильев С.К., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Вольвах А.О., Робертс Р.Г., Якобс З., Бо Ли. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. DOI: 10.17746/7803-0288-9.2018

Зоткина Л.В., Ковалев В.С., Шалагина А.В. Возможности и перспективы применения трехмерной визуализации как инструмента анализа в археологии // Научная визуализация. 2018. Т. 10, № 5. С. 172–190. URL: http://sv-journal.org/2018-5/11/?lang=ru

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических комплексах Горного Алтая. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 4 (16). С. 35–39.

Чистяков П.В., Ковалев В.С., Колобова К.А., Шалагина А.В., Кривошапкин А.И. 3D-моделирование археологических артефактов при помощи сканеров структурированного подсвета // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 27 (3). С. 102–112. doi: 10.14258/tpai(2019)3(27).-07

Чжоу Ч. Применение технологий трехмерной реконструкции в палеолитической ареологии // Universum Humanitarium. 2017. № 1. С. 120–143.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Чистяков П.В., Кривошапкин А.И. Применение трехмерного геометрико-морфометрического анализа для изучения артефактов каменного века // Stratum plus. 2020. № 1. С. 343–358.

Abouaf J. The Florentine Pietà: Can Visualization Solve the 450-Year-Old Mystery? // IEEE Computer Graphics and Applications. 1999. Vol. 19 (1). P. 6–10. DOI: 10.1109/38.736462

Ahmed N., Carter M., Ferris N. Sustainable archaeology through progressive assembly 3D digitization // World Archaeology. 2014. Vol. 46 (1). P. 137–154.

Archer W., Gunz P., van Niekerk K.L., Henshilwood C.S., McPherron S.P. Diachronic change within the Still Bay at Blombos Cave, South Africa // PLoS One. 2015. Vol. 10 (7). DOI: 10.1371/journal.pone.0132428

Archer W., Pop C.M., Rezei Z., Schlager S., Lin S.C., WeissM., Dogandžić T., Desta D., McPherron S.P. A geometric morphometric relationship predicts stone flake shape and size variability // Journal of Anthropological and Archaeological Sciences. 2018. Vol. 10, is. 8. P. 1991–2003. DOI: 10.1007/s12520-017-0517-2

Arriaza M.C., Yravedra J., Domínguez-Rodrigo M., Mate-González M.A., García Vargas E., Palomeque-González J.F., Aramendi J., GonzálezAguilera D., Baquedano E. On applications of microphotogrammetry and geometric morphometrics to studies of tooth mark morphology: the modern Olduvai carnivore site (Tanzania) // Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology. 2017. Vol. 488. P. 103–112. DOI: 10.1016/j.palaeo.2017.01.036

Beraldin J.A., Blais F., Cournoyer L., Rioux M., El-Hakim S.H., Rodella R., Bernier F., Harrison N. Digital 3D Imaging System for Rapid Response on Remote Sites // Proceedings of the 2nd International Conference on 3D Digital Imaging and Modeling. 1999. Ottawa, Canada. P. 34–43.

Bretzke K., Conard N.J. Evaluating morphological variability in lithic assemblages using 3D models of stone artifacts // The Journal of *Archaeological Science*. 2012. Vol. 39. P. 3741–3749. DOI: 10.1016/j.jas.2012.06.039

Caricola I., Zupancich A., Moscone D., Mutri G., Falcucci A., Duches R., Peresani M., Cristiani E. An integrated method for understanding the function of macro-lithic tools. Use wear, 3D and spatial analyses of an Early Upper Palaeolithic assemblage from North Eastern Italy // PLoS One. 2018. Vol. 13 (12): e0207773. DOI: 10.1371/journal.pone.0207773

Cassen S., Lescop L., Grimaud V. Robin G. Complementarity of acquisition techniques for the documentation of Neolithic engravings: lasergrammetric and photographic recording in Gavrinis passage tomb (Brittany, France) // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 45. P. 126–140.

Chen F., Welker F., Shen Ch.-Ch., Bailey Sh.E., Bergmann I., Davis S., Xia H., Wang H., Fischer R., Freidline S.E., Yu T.-L., Skinner M.M., Stelzer S., Dong G., Fu Q., Dong G., Wang J., Zhang D. Hublin J.-J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau // Nature. 2019. Vol. 569. P. 409–412. DOI: 10.1038/s41586-019-1139-x

Clarkson C., Hiscock P. Tapping into the past: Exploring Palaeolithic Retouching through experimentation // Lithic Technology. 2008. Vol. 33 (1). P. 5–16.

Counts D.B., Averett E.W., Garstki K. A fragmented past: (re)constructing antiquity through 3D artefact modelling and customised structured light scanning at Athienou-Malloura, Cyprus // Antiquity. 2016. № 90 (349). P. 206–218. DOI: 10.15184/aqy.2015.181

Courtenay L.A., Yravedra J., Mate-González M.A., Aramendi J., González-Aguilera D. 3D analysis of cut marks using a new geometric morphometric methodological approach // Archaeological and Anthropological Sciences. 2019. Vol. 11. P. 651–665. DOI: 10.1007/s12520-017-0554-x

Delpiano D., Peresani M., Pastoors A. The contribution of 3D visual technology to the study of Palaeolithic knapped stones based on refitting // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2017. Vol. 4. P. 28–38. DOI: 10.1016/j.daach.2017.02.002

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic raw material exploitation in the Sibiryachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. 2015. № 43 (3). P. 3–16.

De Reu J., Plets G., Verhoevan G., De Smedt P., Bats M., Cherretté B., De Maeyer W., Deconynck J., Herremans D., Laloo P., Van Meirvenne M., De Clercq W. Towards a three-dimensional costeffective registration of the archaeological heritage // Journal of Archaeological Science. 2013. Vol. 40. P. 1108–1121.

Evgenikou V., Georgopoulos A. Investigating 3D reconstruction methods for small artifacts // Int. Arch. Photogramm. Remote Sens. Spatial Inf. Sci. XL-5/W4. 2015. P. 101–108. DOI: 10.5194/isprsarchives-XL-5-W4-101-2015

Freidline S.E., Gunz P., Janković I., Harvati K., Hublin J.J. A comprehensive morphometric analysis of the frontal and zygomatic bone of the Zuttiyeh fossil from Israel // Journal of Human *Evolution*. 2012. Vol. 62. P. 225–241. DOI: 10.1016/j.jhevol.2011.11.005

Garstki K. Virtual Representation: the Production of 3D Digital Artifacts // Journal of Archaeological Method and Theory. 2017. Vol. 24. P. 726–750. DOI: 10.1007/s10816-016-9285-z

Georgopoulos A. Data Acquisition for the Geometric Documentation of Cultural Heritage // Mixed Reality and Gamification for Cultural Heritage. 2017. P. 29–73.

Grosman L., Karasik A., Harush O., Smilansky U. Archaeology in Three Dimensions: Computer-Based Methods in Archaeological Research // Journal of Eastern Mediterranean Archaeology and Heritage Studies. 2014. Vol 2. P. 48–64. DOI: 10.5325/jeasmedarcherstu.2.1.0048

Grosman L., Ovadia A., Bogdanovsky A. Neolithic Masks in a Digital World // Face to Face. The Oldest Masks in the World. Jerusalem: The Israel Museum, 2014. P. 54–59.

Grosman L, Smikt O, Smilansky U. On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts // The Journal of *Archaeological Science*. 2008. Vol. 35 (12). P. 3101–3110. DOI: 10.1016/j.jas.2008.06.011

Gunz P., Bulygina E. The Mousterian child from Teshik-Tash is a Neanderthal: A geometric morphometric study of the frontal bone // American Journal of Physical Anthropology. 2012. Vol. 149 (3). P. 365–379. DOI: 10.1002/ajpa.22133

Heath S. Closing gaps with low-cost 3D // Visions of substance: 3D imaging in Mediterranean archaeology / eds. by B. Olson, W. Caraher. Grand Forks: The Digital Press at the University of North Dakota, 2015. P. 53–62.

Herzlinger G., Goren-Inbar N., Grosman L. A new method for 3D geometric morphometric shape analysis: The case study of handaxe knapping skill // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 14. P. 163–173. DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.05.013

Herzlinger G., Grosman L. AGMT3-D: A software for 3-D landmarks-based geometric morphometric shape analysis of archaeological artifacts // PLoS ONE. 2018. Vol. 13 (11): e0207890. DOI: 10.1371/journal.pone.0207890

Jöris O. Out of the Cold. On Late Neandertal Population Dynamics in Central Europe // Notae Praehistoricae. 2002. Vol. 22. P. 33–45.

Karasik A., Smilansky U. 3D scanning technology as a standard archaeological tool for pottery analysis: practice and theory // The Journal of *Archaeological Science*. 2008. Vol. 35. P. 1148–1168. DOI: 10.1016/j.jas.2007.08.008

Karasik A., Smilansky U. Computerized morphological classification of ceramics // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38, is. 10. P. 2644–2657. DOI: 10.1016/j.jas.2011.05.023

Klein N., Belfer-Cohen A., Grosman L. Bone tools as the paraphernalia of ritual activities: a case study from Hilazon Tachtit cave // Eurasian Prehistory. 2017. № 13 (1–2). P. 91–104.

Kolobova K., Shalagina A., Chabai V., Markin S., Krivoshapkin A. Signification des technologies bifaciales au Paléolithique moyen des montagnes de l'Altaï. // L'antropologie. 2019a. Vol. 123, is. 2. P. 276–288. DOI: 10.1016/j.anthro.2019.06.004

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The Use of 3D-Modeling for Reconstructing the Appearance and Function of Non-Utilitarian Items (the Case of Anthropomorphic Figurines from Tourist-2) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2019b. Vol. 47, № 4. P. 66–76. DOI: 10.17746/1563-0110.2019.47.4.066-076

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia // PNAS. 2020. Vol. 117 (6). P. 2879–2885. DOI: 10.1073/pnas.1918047117

Lang N. The stone age meets the digital age: exploring the application of digital, three-dimensional technologies for the study of lithic artifacts // Berkeley Undergraduate Journal. 2013. Vol. 26, is. 3. P. 129–143.

Levoy M., Pulli K., Curless B., Rusinkiewicz S., Koller D., Pereira L., Ginzton M., Anderson S., Davis J., Ginsberg J., Shade J. The digital Michelangelo project: 3D scanning of large statues // Proceedings of the 27th annual conference on Computer graphics and interactive techniques. ACM Press, Addison-Wesley Publishing Co., 2000. P. 131–144.

Mathys A., Brecko J., Di Modica K., Abrams G., Bonjean D., Semal P. Agora 3D. Low cost 3D imaging: a first look for field archaeology // Natae Praehistoricae. 2013. № 33. P. 33–42.

McPherron S.P., Gernat T., Hublin J.J. Structured light scanning for high-resolution documentation of in situ archaeological finds // Journal of Archaeological Science. 2009. Vol. 36. P. 19–24.

Morris C., Peatfield A., O'Neill B. 'Figures in 3D': Digital Perspectives on Cretan Bronze Age Figurines // Open Archaeology. 2018. № 4. P. 50–61. DOI: 10.1515/opar-2018-0003

Pastoors A., Weniger G.-C. Close range sensing for generating 3D objects in prehistoric archaeology // Proceedings of the ISPRS WG VII/5 Workshop, 18-19.11.2011 / eds. by V. Lenz-Wiedemann, G. Bareth. Cologne: Köln. 2011. P. 103–106.

Porter S., Roussel M., Soressi M. A Comparison of Châtelperronian and Protoaurignacian Core Technology Using Data Derived from 3D Models // Journal of computer applications in archaeology. 2016. № 2 (1). P. 41–55. DOI: https://doi.org/10.5334/jcaa.17

Puhar E.G., Eric M., Kavkler K., Cramer A., Celec K., Korat L., Jaclic A., Solina F. Comparison and Deformation Analysis of five 3D models of the Paleolithic wooden point from the Ljublanica River // 2018 IEEE International Workshop on Metrology for Archaeology and Cultural Heritage (MetroArchaeo 2018). Proceedings. 2018. Cassino, Institute of Electrical and Electronics Engineers, Inc. P. 444–449.

Remondino F., El-Hakim S. Image-based 3D modelling: a review // The Photogrammetric Record. 2006. № 21 (115). P. 269–291.

Remondino F. Photogrammetry – basic theory // 3D recording and modelling in archaeology and cultural heritage: theory and best practices / eds. by F. Remondi, S. Campana. Oxford: Archaeopress, 2014. P. 65–73.

Richardson E., Grosman L., Smilansky U., Werman M. Extracting Scar and Ridge Features from 3D-scanned Lithic Artifacts. Archaeology in the Digital Era // Papers from the 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA) / eds. by G. Earl, T. Sly, A. Chrysanthi, P. Murrieta-Flores, C. Papadopoulos, I. Romanowska, D. Wheatley. Southampton: Amsterdam University Press, 2013. P. 83–92.

Riel-Salvatore J., Bae M., Clark G.A., Lindly J.M., McCartney P., Razdan A. The past meets the future: 3D modeling technology and lithic analysis at Wadi al-Hasa locality 623X // Journal of Human Evolution. 2004. Vol. 42 (3). P. A29.

Sumner A.T., Riddle A. A virtual Paleolithic: assays in photogrammetric threedimensional artifact modelling // PaleoAnthropology. 2008. P. 158–169.

Val A., Costamagno S., Discamps E., Chong S., Claud E., Deschamps M., Mourre V., Soulier M.C., Thiébaut C. Testing the influence of stone tool type on microscopic morphology of cut-marks: experimental approach and application to the archaeological record with a case study from the middle Palaeolithic site of Noisetier cave (Fréchet-Aure, Hautes-Pyrénées, France) // Journal of Archaeological Science*:* Reports. 2017. Vol. 11. P. 17–28.

Valletta F., Smilanski U., Goring-morris N.A., Grosman L. On measuring the mean cutting-edge angle of lithic tools based on 3-D models - a case study from the Southern Levantine Epipaleolithic // Archaeological Anthropological Sciences. 2020. Vol. 12. DOI: 10.1007/s12520-019-00954-w

Weiss M. Stone tool analysis and context of a new late Middle Paleolithic site in western central Europe – Pouch-Terrassenpfeiler, Ldkr. Anhalt-Bitterfeld, Germany // Quartar. 2015. Vol. 62. P. 23–62.

Zaidner Y., Grosman L. Middle Paleolithic sidescrapers were resharped or recycled? A view from Nesher Ramla, Israe // Quaternary International. 2015. № 361. P. 178–187. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.11.037

Zotkina L.V., Kovalev V.S. Lithic or Metal Tools: Techno-Traceological and 3D Analysis of Rock Art // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. 2019. Vol. 13. DOI: 10.1016/j.daach.2019.e00099

Статья поступила в редакцию журнала 6 апреля 2020 г.

Kolobova Ksenia A., Shalagina Alena V., Chistyakov Pavel V., Bocharova Ekaterina N., and Krivoshapkin Andrey I.

THREE-DIMENSIONAL MODELLING APPLICATION FOR STUDYING STONE AGE ASSEMBLAGES

DOI: 10.17223/2312461X/30/12

Abstract. Digital technology advancements have been widely applied in science, particularly in archaeology. The article discusses new possibilities and prospects for three-dimensional modelling using structured light scanners in order to obtain new, previously inaccessible data. As a scientific method, three-dimensional scanning has certain advantages over photogrammetry and computer tomography. It allows obtaining scale 3D models that fully match actual artifacts, by employing relatively inexpensive equipment. This, in turn, allows for accurate measurement and non-invasive model manipulation, which takes archaeological research to a new level where any data obtained and experiments carried out can be verified. In recent years, research procedures previously unavailable to archaeologists have been developed or improved, including three-dimensional geometric morphometric analysis, calculation of artifact's volume/center of gravity, and drawing contours of negatives. The article presents these new possibilities through the example of three-dimensional models of artifacts from the Middle Paleolithic assemblages of the Chagyrskaya Cave (Altai Mountains).

Keywords: three-dimensional modelling, structured light scanners, lithic tools, bone tools, machine measurements, calculating center of mass, geometric morphometric analysis

References

Vavulin M.V., Zaitseva O.V., Pushkarev A.A. Metodika i praktika 3D skanirovaniia raznotipnykh arkheologicheskikh artefaktov [3D scanning techniques and practices used for different types of archaeological artifacts], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia,* 2014, no. 4, pp. 21–37.

Vavulin M.V., Zaitseva O.V., Pushkarev A.A. Trekhmernoe skanirovanie i modelirovanie korabel'nykh detalei kocha [3D scanning and modelling of ship parts]. In: *Virtual'naia arkheologiia (effektivnost' metodov). Materialy Vtoroi Mezhdunarodnoi konferentsii* [Virtual archaeology and effectiveness of methods. 2nd International Conference. Proceedings]. St. Petersburg, 2015, pp. 234–239.

Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaia N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasil'ev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Vol'vakh A.O., Roberts R.G., Iakobs Z, Bo Li. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniia Chagyrskoi peshchery – stoianki srednego paleolita Altaia* [International research on the Chagyrskaya Cave, a Middle Paleolithic site]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2018. DOI: 10.17746/7803-0288-9.2018

Zotkina L.V., Kovalev V.S., Shalagina A.V. Vozmozhnosti i perspektivy primeneniia trekhmernoi vizualizatsii kak instrumenta analiza v arkheologii [The potential of and prospects for applying the 3D visualization technique in archaeology], *Nauchnaia*

vizualizatsiia, 2018, no. 5, Vol. 10, pp. 172–190. Available at: http://sv-journal.org/2018-5/11/?lang=ru

Kolobova K.A. *Priemy oformleniia kamennykh orudii v paleoliticheskikh kompleksakh Gornogo Altaia* [Stone tools at Paleolithic sites in the region of Gornyy Altai, Russia]. Novosibirsk: IAET SO RAN, 2006.

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabai V.P. Kostianye retushery v srednepaleoliticheskikh kompleksakh Chagyrskoi peshchery [Bone retouching and the Middle Paleolithic complexes of the Chagyrskaya Cave], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2016, no. 4(16), pp. 35–39.

Chistiakov P.V., Kovalev V.S., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Krivoshapkin. A.I. 3D modelirovanie arkheologicheskikh artefaktov pri pomoshchi skanerov strukturirovannogo podsveta [Structured light scanners and 3D modelling of archaeological artifacts], *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2019, no. 27(3), pp. 102–112. https://doi.org/10.14258/tpai(2019)3(27).-07

Zhou Ch. Primenenie tekhnologii trekhmernoi rekonstruktsii v paleoliticheskoi areologii [3D reconstruction in Paleolithic archaeology], *Universum Humanitarium*, 2017, no. 1, pp. 120–143.

Shalagina A.V., Kolobova K.A., Chistiakov P.V., Krivoshapkin A.I. Primenenie trekhmernogo geometriko-morfometricheskogo analiza dlia izucheniia artefaktov kamennogo veka [Application of 3D geometric morphometric analysis in the study of Stone Age lithic artifacts], *Stratum plus,* 2020, no. 1, pp. 343–358.

Abouaf J. The Florentine Pietà: Can visualization solve the 450-year-old mystery?, *IEEE Computer Graphics and Applications*, 1999, Vol. 19 (1), pp. 6–10. DOI:10.1109/38.736462

Ahmed N., Carter M., Ferris N. Sustainable archaeology through progressive assembly 3D digitization, *World Archaeology*, 2014, Vol. 46 (1), pp. 137–154.

Archer W., Gunz P., van Niekerk K.L., Henshilwood C.S., McPherron S. P. Diachronic change within the Still Bay at Blombos Cave, South Africa, *PLoS One*, 2015, Vol. 10(7). DOI 10.1371/journal.pone.0132428

Archer W., Pop C.M., Rezei Z., Schlager S., Lin S.C., WeissM., Dogandžić T., Desta D., McPherron S.P. A geometric morphometric relationship predicts stone flake shape and size variability, *Journal of Anthropological and Archaeological Sciences*, 2018, Vol. 10, Iss. 8, pp. 1991–2003. DOI 10.1007/s12520-017-0517-2.

Arriaza M.C., Yravedra J., Domínguez-Rodrigo M., Mate-González M.A., García Vargas E., Palomeque-González J.F., Aramendi J., GonzálezAguilera D., Baquedano E. On applications of microphotogrammetry and geometric morphometrics to studies of tooth mark morphology: the modern Olduvai carnivore site (Tanzania), *Palaeogeography, Palaeoclimatology, Palaeoecology*. 2017, Vol. 488, pp. 103–112. https://doi.org/10.1016/j.palaeo.2017.01.036

Beraldin J.A., Blais F., Cournoyer L., Rioux M., El-Hakim S.H., Rodella R., Bernier F., Harrison N. Digital 3D Imaging System for Rapid Response on Remote Sites. In: *Proceedings of the 2nd International Conference on 3D Digital Imaging and Modeling*. 1999. Ottawa, Canada, pp. 34-43.

Bretzke K., Conard N.J. Evaluating morphological variability in lithic assemblages using 3D models of stone artifacts, *The Journal of Archaeological Science*, 2012, Vol. 39, pp. 3741–3749. DOI: 10.1016/j.jas.2012.06.039

Caricola I., Zupancich A., Moscone D., Mutri G., Falcucci A., Duches R., Peresani M., Cristiani E. An integrated method for understanding the function of macro-lithic tools. Use wear, 3D and spatial analyses of an Early Upper Palaeolithic assemblage from North Eastern Italy, *PLoS One*, 2018, Vol. 13(12): e0207773. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0207773

Cassen S., Lescop L., Grimaud V. Robin G. Complementarity of acquisition techniques for the documentation of Neolithic engravings: laser-grammetric and photographic recording

in Gavrinis passage tomb (Brittany, France), *Journal of Archaeological Science*, 2014, Vol. 45, pp. 126–140.

Chen F., Welker F., Shen Ch.-Ch., Bailey Sh.E., Bergmann I., Davis S., Xia H., Wang H., Fischer R., Freidline S.E., Yu T.-L., Skinner M.M., Stelzer S., Dong G., Fu Q., Dong G., Wang J., Zhang D. Hublin J.-J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau, *Nature*, 2019, Vol. 569, pp. 409–412. https://doi.org/10.1038/s41586-019-1139-x

Clarkson C., Hiscock P. Tapping into the past: Exploring Palaeolithic Retouching through experimentation, *Lithic Technology*, 2008, Vol. 33(1), pp. 5–16.

Counts D.B., Averett E.W., Garstki K. A fragmented past: (re)constructing antiquity through 3D artefact modelling and customised structured light scanning at Athienou-Malloura, Cyprus, *Antiquity*, 2016, no. 90(349), pp. 206–218. https://doi.org/10.15184/aqy.2015.181

Courtenay L.A., Yravedra J., Mate-González M.A., Aramendi J., González-Aguilera D. 3D analysis of cut marks using a new geometric morphometric methodological approach, *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2019, Vol. 11, pp. 651–665. https://doi.org/10.1007/s12520-017-0554-x

Delpiano D., Peresani M., Pastoors A. The contribution of 3D visual technology to the study of Palaeolithic knapped stones based on refitting, *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2017, Vol. 4, pp. 28–38. DOI:10.1016/j.daach.2017.02.002

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic raw material exploitation in the Sibiryachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai, *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, no. 43(3), pp. 3–16.

De Reu J., Plets G., Verhoevan G., De Smedt P., Bats M., Cherretté B., De Maeyer W., Deconynck J., Herremans D., Laloo P., Van Meirvenne M., De Clercq W. Towards a three-dimensional cost-effective registration of the archaeological heritage, *Journal of Archaeological Science*, 2013, Vol. 40, pp. 1108–1121.

Evgenikou V., Georgopoulos A. Investigating 3D reconstruction methods for small artifacts, *Int. Arch. Photogramm. Remote Sens. Spatial Inf. Sci. XL-5/W4*. 2015, pp. 101–108, https://doi.org/10.5194/isprsarchives-XL-5-W4-101-2015

Freidline S.E., Gunz P., Janković I., Harvati K., Hublin J.J. A comprehensive morphometric analysis of the frontal and zygomatic bone of the Zuttiyeh fossil from Israel, *Journal of Human Evolution*, 2012, Vol. 62, pp. 225–241. DOI: 10.1016/j.jhevol.2011.11.005

Garstki K. Virtual Representation: the Production of 3D Digital Artifacts, *Journal of Archaeological Method and Theory*, 2017, Vol. 24, pp. 726–750. DOI 10.1007/s10816-016-9285-z

Georgopoulos A. Data acquisition for the geometric documentation of cultural heritage, *Mixed Reality and Gamification for Cultural Heritage*, 2017, pp. 29–73.

Grosman L., Karasik A., Harush O., Smilansky U. Archaeology in three dimensions: Computer-based methods in archaeological research, *Journal of Eastern Mediterranean Archaeology and Heritage Studies*, 2014, Vol. 2, pp. 48–64. DOI: 10.5325/jeasmedarcherstu.2.1.0048

Grosman L., Ovadia A., Bogdanovsky A. Neolithic masks in a digital world. In: *Face to Face. The Oldest Masks in the World*. Jerusalem: The Israel Museum, 2014, pp. 54–59.

Grosman L., Smikt O., Smilansky U. On the application of 3-D scanning technology for the documentation and typology of lithic artifacts, *The Journal of Archaeological Science,* 2008, Vol. 35(12), pp. 3101–3110. DOI: 10.1016/j.jas.2008.06.011

Gunz P., Bulygina E. The Mousterian child from Teshik-Tash is a Neanderthal: A geometric morphometric study of the frontal bone, *American Journal of Physical Anthropology,* 2012, Vol. 149(3), pp. 365–379. DOI:10.1002/ajpa.22133

Heath S. Closing gaps with low-cost 3D. In: *Visions of substance: 3D imaging in Mediterranean archaeology*. Editors Olson B., Caraher W., Grand Forks: The Digital Press at the University of North Dakota, 2015, pp. 53–62.

Herzlinger G., Goren-Inbar N., Grosman L. A new method for 3D geometric morphometric shape analysis: The case study of handaxe knapping skill, *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2017, Vol. 14, pp. 163–173. DOI: 10.1016/j.jasrep.2017.05.013

Herzlinger G., Grosman L. AGMT3-D: A software for 3-D landmarks-based geometric morphometric shape analysis of archaeological artifacts, *PLoS ONE*, 2018, vol. 13(11): e0207890. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0207890

Jöris O. Out of the Cold. On Late Neandertal Population Dynamics in Central Europe, *Notae Praehistoricae*, 2002, Vol. 22, pp. 33–45.

Karasik A., Smilansky U. 3D scanning technology as a standard archaeological tool for pottery analysis: practice and theory, *The Journal of Archaeological Science*, 2008, Vol. 35, pp. 1148–1168. DOI: 10.1016/j.jas.2007.08.008

Karasik A., Smilansky U. Computerized morphological classification of ceramics, *Journal of Archaeological Science*, 2011, Vol. 38, iss. 10, pp. 2644–2657. DOI: 10.1016/j.jas.2011.05.023

Klein N., Belfer-Cohen A., Grosman L. Bone tools as the paraphernalia of ritual activities: A case study from Hilazon Tachtit cave, *Eurasian Prehistory*, 2017, no. 13(1–2), pp. 91–104.

Kolobova K., Shalagina A., Chabai V., Markin S., Krivoshapkin A. Signification des technologies bifaciales au Paléolithique moyen des montagnes de l'Altaï. *L'antropologie*, 2019a, Vol. 123, iss. 2, pp. 276–288. https://doi.org/10.1016/j.anthro.2019.06.004

Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Basova N.V., Postnov A.V., Kovalev V.S., Chistyakov P.V., Molodin V.I. The use of 3D-modeling for reconstructing the appearance and function of non-utilitarian items (the case of anthropomorphic figurines from Tourist-2), *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2019b, Vol 47, No 4, pp. 66–76 https://doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.4.066-076

Kolobova K.A., Roberts R.G., Chabai V.P., Jacobs Z., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krivoshapkin A.I., Li B., Uthmeier T., Markin S.V., Morley M.W., O'Gorman K., Rudaya N.A., Talamo S., Viola B., Derevianko A.P. Archaeological evidence for two separate dispersals of Neanderthals into southern Siberia, *PNAS*, 2020, Vol. 117(6), pp. 2879–2885. https://doi.org/10.1073/pnas.1918047117

Lang N. The stone age meets the digital age: exploring the application of digital, three-dimensional technologies for the study of lithic artifacts, *Berkeley Undergraduate Journal*, 2013, Vol. 26, Iss. 3, pp. 129–143.

Levoy M., Pulli K., Curless B., Rusinkiewicz S., Koller D., Pereira L., Ginzton M., Anderson S., Davis J., Ginsberg J., Shade J. The digital Michelangelo project: 3D scanning of large statues. In: *Proceedings of the 27th annual conference on Computer graphics and interactive techniques*. ACM Press, Addison-Wesley Publishing Co., 2000, pp. 131–144.

Mathys A., Brecko J., Di Modica K., Abrams G., Bonjean D., Semal P. Agora 3D. Low cost 3D imaging: a first look for field archaeology, *Natae Praehistoricae*, 2013, no. 33, pp. 33–42.

McPherron S.P., Gernat T., Hublin J.J. Structured light scanning for high-resolution documentation of in situ archaeological finds, *Journal of Archaeological Science*, 2009, Vol. 36, pp. 19–24.

Morris C., Peatfield A., O'Neill B. 'Figures in 3D': Digital perspectives on Cretan Bronze Age figurines, *Open Archaeology*, 2018, no. 4, pp. 50–61. https://doi.org/10.1515/opar-2018-0003

Pastoors A., Weniger G-C. Close range sensing for generating 3D objects in prehistoric archaeology. In: *Proceedings of the ISPRS WG VII/5 Workshop*, 18-19.11.2011. Editors Lenz-Wiedemann V. Bareth G. Cologne: Köln, 2011, pp. 103–106.

Porter S., Roussel M., Soressi M. A Comparison of Châtelperronian and Protoaurignacian core technology using data derived from 3D models, *Journal of computer applications in archaeology*, 2016, no. 2(1), pp. 41–55. DOI: https://doi.org/10.5334/jcaa.17

Puhar E.G., Eric M., Kavkler K., Cramer A., Celec K., Korat L., Jaclic A., Solina F. Comparison and deformation analysis of five 3D models of the Paleolithic wooden point from the Ljublanica River. In: *2018 IEEE International Workshop on Metrology for Archaeology and Cultural Heritage* (MetroArchaeo 2018). Proceedings. 2018. Cassino, Institute of Electrical and Electronics Engineers, Inc., pp. 444–449.

Remondino F., El-Hakim S. Image-based 3D modelling: A review, *The Photogrammetric Record*, 2006, no. 21(115), pp. 269–291.

Remondino F. Photogrammetry – basic theory. In: *3D recording and modelling in archaeology and cultural heritage: theory and best practices*. Editors Remondi F., Campana S. Oxford: Archaeopress, 2014, pp. 65–73.

Richardson E., Grosman L., Smilansky U., Werman M. Extracting scar and ridge features from 3D-scanned lithic artifacts. Archaeology in the digital era. In: *Papers from the 40th Annual Conference of Computer Applications and Quantitative Methods in Archaeology (CAA)*. Editors Earl G., Sly T., Chrysanthi A., Murrieta-Flores P., Papadopoulos C., Romanowska I., Wheatley D. Southampton, Amsterdam University Press, 2013, pp. 83–92.

Riel-Salvatore J., Bae M., Clark G.A., Lindly J.M., McCartney P., Razdan A. The past meets the future: 3D modeling technology and lithic analysis at Wadi al-Hasa locality 623X, *Journal of Human Evolution*, 2004, Vol. 42(3), pp. A29.

Stamatopoulos M.I., Anagnostopoulos C. *3D digital reassembling of archaeological ceramic pottery fragments based on their thickness profile*. 2016. CoRR abs/1601.05824 URL: https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1601/1601.05824.pdf

Sumner A.T., Riddle A. A virtual Paleolithic: assays in photogrammetric threedimensional artifact modelling, *PaleoAnthropology*, 2008, pp. 158–169.

Val A., Costamagno S., Discamps E., Chong S., Claud E., Deschamps M., Mourre V., Soulier M.C., Thiébaut C. Testing the influence of stone tool type on microscopic morphology of cut-marks: Experimental approach and application to the archaeological record with a case study from the middle Palaeolithic site of Noisetier cave (Fréchet-Aure, Hautes-Pyrénées, France), *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2017, Vol. 11, pp. 17–28.

Valletta, F., Smilanski, U., Goring-morris, N.A., Grosman, L., 2020. On measuring the mean cutting-edge angle of lithic tools based on 3-D models – a case study from the Southern Levantine Epipaleolithic, *Archaeological Anthropological Sciences*, 2020, Vol. 12, https://doi.org/10.1007/s12520-019-00954-w

Weiss M. Stone tool analysis and context of a new late Middle Paleolithic site in western central Europe – Pouch-Terrassenpfeiler, Ldkr. Anhalt-Bitterfeld, Germany, *Quartar*, 2015, Vol. 62, pp. 23–62.

Zaidner Y., Grosman L. Middle Paleolithic sidescrapers were resharped or recycled? A view from Nesher Ramla, Israe, *Quaternary International*, 2015, no. 361, pp. 178–187. DOI:10.1016/j.quaint.2014.11.037

Zotkina L.V., Kovalev V.S. Lithic or metal tools: Techno-traceological and 3D analysis of rock art, *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2019, Vol. 13. DOI: 10.1016/j.daach.2019.e00099

УДК 94(47).044+281.093+271
DOI: 10.17223/2312461X/30/13

«БЕЛЫЙ ЦАРЬ» В РУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ XVI в.

Андрей Сергеевич Усачев

Аннотация. Рассматриваются особенности употребления в России XVI в. неофициального титула русского государя «белый царь». Б.А. Успенским, В.В. Трепавловым и другими исследователями установлено, что, как правило, он употреблялся выходцами с Востока, а непосредственно в России – исключительно в XVIII–XIX вв. В литературе отмечались отдельные упоминания «белого царя» в более ранних источниках – в Повести о Флорентийском соборе Симеона Суздальца (ок. 1447–1448 гг.), Похвальном слове Василию III (ок. 1533–1534 гг.), а также в записках С. Герберштейна и Дж. Флетчера. Автор статьи привлек новый неизвестный источник, в котором фигурирует «белый царь», – запись рукописного Октоиха 1547/48 г. В работе показано, что, скорее всего, его происхождение не было связано с церковной и политической элитой. Делается вывод о том, что неофициальный титул «белый царь» проник в среду переписчиков книг, которые представляли достаточно многочисленные слои русского общества XVI в. – белое и черное духовенство, светских лиц невысокого статуса.

Ключевые слова: история России, XVI в., массовое сознание, «белый царь», записи на книгах, книжная культура

Введение

Целый ряд источников Нового времени именует российского монарха официально непринятым, но, тем не менее, прочно укорененным в массовом сознании титулом – «белый царь». Хорошо известно, что так с XVI в. величали носителя верховной власти в России выходцы с Востока – тюрки и монголы. Об употреблении этого термина, воплотившего в себе идеал государя, непосредственно в России известно существенно меньше. Соответствующие русские источники, как правило, относятся к XVIII–XIX вв. (их обзор см. Трепавлов 2017). Это порой побуждает исследователей предполагать исключительно восточное происхождение понятия «белый царь». В связи с этим закономерен вопрос: насколько широко данный термин был распространен в России более раннего времени? В поисках ответа мы сосредоточим внимание на письменных источниках XVI в. и предпримем попытку определить социальную широту употребления данного понятия в этот период.

Известные упоминания

В литературе уже отмечалось, что применительно к интересующему нас столетию русского самодержца именовали «белым царем», как правило, представители мусульманских народов и лишь в дипломатических документах (например, в русско-ногайской переписке). В XVI в. «белым царем» в них чаще всего называли Ивана IV (Трепавлов 2017: 18–69). В русских письменных источниках XV–XVI вв. данный термин хотя и использовался, но относительно редко[1].

Самым ранним памятником, упоминающим великого князя московского как «белого царя», является Повесть о Флорентийском соборе Симеона Суздальца (Успенский 1996: 389). Она создавалась ок. 1447–1448 гг. лицом, близким к суздальскому епископу Авраамию (они оба принимали участие в работе знаменитого Собора)[2]. В «Повести» Василий II именуется «благоверным и христолюбивым и благочестивым истинным православным великим князем… **белым царем** всея Руси (здесь и далее выделено мною. – *А.У.*)» (Малинин 1901: Прил. 98). Б.А. Успенский с термином «белый царь» сопоставил упоминание в «Слове избранном… еже на латину» (ок. 1461–1462 гг.) «бóльшего православия и высшего христианства **Белой Руси**» (Попов 1875: 364). По его мнению, «в обоих случаях речь идет о Московском государстве как оплоте истинной веры и источнике благочестия» (Успенский 1996: 389). Хотя, как уже отмечалось в литературе, непосредственная связь терминов «белый царь» и «Белая Русь» неочевидна (Герберштейн 2008б: 340), трудно не согласиться с тем, что речь идет об особых чертах правителя, воплощенных в данном термине. Согласно Б.А. Успенскому, в первую очередь это исключительная роль «белого царя» в деле защиты православия (Успенский 1996: 413). На это, в частности, указывает отмеченный ученым рассказ Конрада Буссова о том, что руководитель первого ополчения Прокопий Ляпунов стал именовать себя «белым царем», защищающим православную веру (Буссов 1961: 157).

Любопытно, что со временем появления в русских источниках «белого царя» также связано нарастание числа упоминаний непосредственно царского титула. Ранее – до середины XV в. – применительно к русским князьям (например, к Борису и Глебу) он использовался, во-первых, крайне редко, во-вторых, исключительно для подчеркивания личных характеристик – прежде всего, благочестия – и с конкретным политическим статусом напрямую связан не был. «Политический» контекст был характерен для применения этого титула лишь по отношению к византийскому императору и хану Золотой Орды (Водов 2002а). Ситуация начала меняться в середине – второй половине XV в. когда данный титул в памятниках письменности стал употребляться чаще и постепенно приобрел вполне определенные политические коннотации.

Они были связаны с утверждением нового статуса великого князя московского в период напряженной борьбы за независимость Русского государства от осколков Золотой Орды (Водов 2002б; Горский 2004: 302–304, 316–318, 321–322; Рудаков 2014: 167–171). Судя по всему, сходным образом обстояло дело и с интересующим нас эпитетом. В.В. Трепавлов, рассмотрев контексты употребления этого термина по отношению к великому князю московскому, заключил, что одним из значений понятия «белый царь» являлось «вольный» государь, т.е. независимый от какой-либо внешней власти, не платящий дань кому-либо (Трепавлов 2017: 47–51).

В.В. Трепавлов указал на еще один источник, упоминающий «белого царя», – Похвальное слово Василию III (Трепавлов 2017: 42). Оно создавалось, по-видимому, вскоре после его кончины (т.е. ок. 1533–1534 гг.). В этом сочинении содержится следующий отрывок:

«Ныне же нашими благочестивыми **белыми руськыми цари** – глаголю же славнаго великаго князя премудраго Ивана (III. – *А.У.*) Василиевичя, иже в своя лета владычьствовавшаго божественным рачением попаляя противныя и непокоривыя истинне. От сего же славнаго Ивана родися нашь государь. Сей славный от славнаго же и благородный от благороднаго князь великы Василеи Ивановичь – **рускый белый царь**, самодръжець всея Русии» (Розов 1965: 281).

В конце Похвального слова интересующий нас термин упоминается еще раз: «Сице имат Василие **белый царь**: своим благочестием огнь безбожиа погашает» (Розов 1965: 289).

Как видим, данный эпитет адресован Ивану III и Василию III. Хотя в происхождении Похвального слова много неясного (в частности, неизвестно имя его автора), очевидно, что оно вышло из круга достаточно образованных книжников, знакомых с важнейшими памятниками древнерусской оригинальной и переводной литературы. Так, установлено, что в этом сочинении использовался перевод популярного на Западе и Востоке Европы «Поучения благого царства» Агапита, а также «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона[3]. Для Похвального слова характерен прославляющий Василия III тон, возможно, готовящий почву для его канонизации[4]. Это побуждает автора данного сочинения связывать не только с церковной, но и с политической элитой. Во всяком случае, известно, что примерно через два десятилетия после своего создания Похвальное слово, судя по малому числу сохранившихся списков, не самый распространенный памятник литературы во второй половине 50-х – начале 60-х гг. XVI в. был привлечен к составлению Степенной книги царского родословия (Дьяконов 1889: 105; Степенная книга... 2012: 386). Ее текст создавался по поручению митрополита Макария духовником Ивана IV благовещенским протопопом Андреем (впоследствии – митрополит Афанасий) при московском Чу-

довом монастыре, вероятно, непосредственно для первого русского царя (Усачев 2009). Любопытно, что автор Степенной книги, заимствуя крупные фрагменты текста Похвального слова Василию III (Степенная книга... 2008: 286–287, 317–318, 321–322), интересующий нас термин не использовал. Это могло быть связано с тем, что в кругах, близких к митрополиту и государю, по каким-то причинам он не закрепился. Последнее хорошо согласуется с отсутствием эпитета «белый» в официальном титуле русского государя в рассматриваемый период. Возможно, это обусловливалось расширением семантического поля понятия «царь», вобравшего в себя те смыслы, которые ранее вкладывались в понятие «белый царь». Эпитет «белый» для книжников круга митрополита Макария был уже излишним. Термина «царь» для них было вполне достаточно для обозначения независимого государя, главной задачей которого являлась защита православия.

Другие письменные памятники русского происхождения по XVI в. включительно, упоминающие «белого царя», неизвестны. Как видим, речь идет об ограниченном круге сочинений, происхождение которых было связано с близкими к церковной и политической элите писателями.

Однако, судя по всему, этот термин был известен не только высокообразованным книжникам. Он вращался и в придворной, и, возможно, в приказной среде. На это косвенно указывают записки иностранцев[5]. Посетивший Россию в 1517 и 1526 гг. С. Герберштейн отметил, что «некоторые именуют государя московского **Белым царем**. Я старательно разузнавал о причине, почему он именуется **Белым царем**, ведь ни один из государей Московии ранее не именовался таким титулом… Я полагаю, что как (государь) персов называется ныне по причине красного головного убора “красная голова”, так и те именуются белыми по причине белого головного убора» (Герберштейн 2008а: 97).

Упоминание белого цвета в связи с династией русских государей, правда, с иной интерпретацией, мы находим в сочинении другого известного иностранного дипломата, посетившего Россию в 1588–1989 г., – Дж. Флетчера. Он отметил, что «царский дом в России имеет прозвание **Белого**. Название (как предполагают) происходит от королей Венгерских, и это, кажется, тем вероятнее, что короли Венгерские некогда действительно так назывались» (далее в источнике упомянуты венгерские короли с именем Бела) (Флетчер 1906: 19–20).

Как видим, несмотря на разницу в объяснениях происхождения данного термина, в сочинениях С. Герберштейна и Дж. Флетчера указывается на то, что в России на протяжении всего XVI в. русского государя, по крайней мере «некоторые» (С. Герберштейн), именовали «белым царем», а всю династию – «белой» (Дж. Флетчер). Вполне естественно возникает вопрос: откуда эта информация могла поступить к этим авторам и, соответственно, где или насколько широко она была распространена?

В полной мере ответить на данный вопрос трудно. Очевидно, что источники записок иностранцев могли быть весьма разнообразными, включая сведения из более ранних сочинений о России, рассказы купцов, русских эмигрантов, иностранных дипломатов, высокопоставленных чиновников Польско-Литовского государства и т.д.[6] Также известно, что, по крайней мере, некоторые англичане во второй половине XVI в. поддерживали неофициальные контакты с представителями русской политической элиты. Например, о подобных контактах с главой Боярской думы кн. И.Ф. Мстиславским упоминает современник Дж. Флетчера Дж. Горсей (Солодкин 2006). Также очевидно, что иностранцы по понятным причинам тесно взаимодействовали со служащими Посольского приказа. Вероятнее всего, информация о «белом царе» могла поступить к иностранцам из придворной или приказной среды. Косвенно на факт бытования интересующего нас термина в среде служилых людей (что особенно интересно, провинциальных) указывает уже упомянутый выше случай с Прокопием Ляпуновым, в критический момент Смутного времени объявившим себя «белым царем».

Читатель вправе спросить: упоминали ли «белого царя» в рассматриваемый период за пределами сравнительно узкого круга представителей церковной и политической элиты (как столичной, так и провинциальной) и служащих приказов?

В литературе уже отмечалось, что «белым царем» русского государя именует целый ряд фольклорных источников. К их числу, в частности, относятся исторические песни XVI–XVIII вв.[7] В них фигурирует ряд самодержцев, которых иногда именуют «белыми царями» (чаще всего данный эпитет адресовался Ивану IV и Петру I). Рассматривая эти источники, следует иметь в виду, что вне зависимости от времени возникновения записаны они были существенно позднее – в XVIII–XX вв. В них порой отражалась более поздняя терминология, которая могла и не использоваться в период их создания. Например, в исторических песнях, посвященных Ивану IV, фигурируют «пехотные полки», «корпуса», «канониры», «солдаты», «Питер» и прочие явно не характерные для соответствующей эпохи понятия (Исторические песни... 1960: 90, 92–93, 106 и др.). Это заставляет с осторожностью относиться к данному виду источников при определении ареала употребления интересующего нас эпитета в рассматриваемый период. Неизбежен вопрос: есть ли какие-либо письменные источники XVI в., которые указывают на бытование термина «белый царь» за пределами элиты?

«Белый царь» в массовых источниках

В ходе выявления русских рукописных книг, имеющих датированные выходные записи (нами учтено 734 таких манускрипта), мы обра-

тили внимание на, казалось бы, мало чем примечательный манускрипт, содержащий список 1547/48 г. Октоиха. Он дошел в составе Нового собрания рукописной книги ОР РНБ (Ф. 905. № 816) (см.: Новые поступления 1998: 77; Усачев 2018б: № 342). Формат рукописи – 4° (20,1×14) – вполне обычен для списков Октоиха. Подобных манускриптов в российских архивохранилищах сохранились многие сотни. Необычна его выходная запись, выполненная полууставным почерком писца. Она помещена на л. 326 об. (фрагмент листа утрачен). Приведем текст источника полностью:

«[С]ея писана книга при **белом царе** [и п]ри великом князе Иване Васильевиче всея Руси лета 7050 шестаго. А всех тех тотратеи две да [с]орок» (Усачев 2018б. № 342).

Из 734 известных нам датированных выходных записей почти в половине, в 365, в той или иной форме упоминается государь, в период правления которого манускрипт был переписан (порой писцы также приводили имена митрополита и правящего архиерея). Однако его они именуют «великим князем», либо «царем и великим князем». Данная запись является единственной, в которой упоминается «белый царь». Рассматривая происхождение рукописи и, соответственно, определяя ту среду, в которой был зафиксирован интересующий нас термин, обратим внимание на ряд обстоятельств.

1. Рукопись дошла не в составе собрания, в основу которого была положена библиотека какого-либо крупного монастыря или собора (Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Чудова монастырей, Софийского, Успенского или Архангельского соборов), а поступила в государственное архивохранилище из частной коллекции сравнительно недавно (в 1989 г.).

2. С точки зрения техники исполнения и оформления рукопись трудно отнести к шедеврам книжного искусства, которые, как правило, создавались при крупных центрах.

3. Исходя из текста продажной записи 1615 г. на л. 326 об., можно полагать, что книга бытовала за пределами церковной и политической элиты. Ее владельцами, продавцами и покупателями спустя несколько десятилетий после создания выступали далекие от вершины церковной иерархии рядовые священники[8].

4. Есть основания считать, что писец работал на заказ. На это косвенно указывает приписка о числе тетрадей кодекса, по сути, сообщавшая об объеме проделанной переписчиком работы. Вероятно, данное уточнение было сделано для обоснования цены перед заказчиком[9]. Большинство писцов, работавших на заказ, судя по всему, являлись светскими лицами сравнительно невысокого статуса и представителями белого духовенства (как правило, дьяки, дьяконы и дьячки) (Усачев 2018а: 249–304). Случаи выполнения соответствующих поручений ино-

ками или монастырскими слугами за плату, за редчайшим исключением, нам неизвестны[10]. Как правило, они работали «по благословению» «своего» игумена (о финансовых условиях их работы нет сведений).

В свете сказанного выше допустимо думать, что, скорее всего, манускрипт создавался за пределами крупного книгописного центра лицом, связь которого с церковной или политической элитой сомнительна.

Рассматривая вопрос о происхождении данного термина в тексте колофона Октоиха 1547/48 г., конечно, следует иметь в виду, что в XVI в. «белым царем» русского государя именовали выходцы с Востока. Могла ли запись быть выполнена одним из них (например, перешедшим на русскую службу новокрещеном)? Известно, что в рассматриваемый период на русской службе находились тысячи татар различного статуса, которые в той или иной степени были знакомы с русским языком[11].

Отвечая на этот вопрос, зафиксируем, что степень глубины погружения в православную культуру (тем более книжную) подавляющего большинства находящихся на русской службе выходцев с мусульманского Востока (прежде всего татар) не стоит переоценивать. Судя по всему, даже немногие принявшие православие служилые иноземцы предпочитали демонстрировать лояльность русскому государю на военной или дипломатической службе, а не в культурной или бытовой сфере. С этим, в частности, было связано то, что вклады даже крещеных татар в русские монастыри крайне редки, а случаи их участия в русской книжной культуре в роли заказчиков и тем более писцов неизвестны (Усачев 2019а). В силу этого предполагать восточное происхождение термина «белый царь» в данной записи не приходится.

Скорее всего, запись Октоиха 1547/48 г. была выполнена лицом – духовным или светским – сравнительно невысокого статуса за пределами какого-либо крупного книгописного центра. Речь может идти о сравнительно небольшом монастыре, более или менее значительном городе или сельской местности[12]. Несомненно одно: в источнике середины XVI в., происхождение которого, скорее всего, не было связано с церковной или политической элитой, употреблен термин, бытование которого ранее связывалось исключительно с ней, а также с рядом иностранных источников. Не позднее чем через столетие после первого известного нам упоминания в памятнике литературы (ок. 1447–1448 гг.) термин «белый царь» проник в среду переписчиков книг.

Неизбежен вопрос: насколько широко этот термин распространился в рассматриваемый период? Учитывая то, что мы располагаем лишь одним упоминанием термина «белый царь» в писцовой записи, в полной мере ответить на него трудно. В то же время можно обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, на дату создания списка Октоиха 1547/48 г. Она близка ко времени венчания Ивана IV на царство (16 января 1547 г.). В ряде

памятников древнерусской оригинальной и переводной литературы («Поучение благого царства» Агапита, Чин венчания, послания митрополита Макария Ивану IV и др.) этот титул связывался с характеристиками, которыми должен обладать его носитель (Дьяконов 1889: 91–132; Вальденберг 1916; Филюшкин 2006: 82–105). Главной среди них была верность православию. Она, как отмечалось выше, была характерна и для семантики понятия «белый царь». Очевидно, что после 16 января 1547 г. царский титул с различными эпитетами стал употребляться существенно чаще.

Во-вторых, отметим, что на середину XVI в. в России, судя по всему, приходится интенсификация книгописных работ. Вероятно, это было связано с разрушительными для библиотек столицы последствиями Московского пожара лета 1547 г., которые, возможно, ускорили введение книгопечатания (Усачев 2017). На 50-е гг. приходится наибольшее число выявленных нами сохранившихся датированных книг XVI в. Если к этому десятилетию относится около 14,6% от их общего числа, то к 60-м гг. – около 9,7, к 70-м – около 4,6, к 80-м – около 7% (сопоставимыми с 50-ми гг. цифрами мы располагаем лишь применительно к 90-м гг. рассматриваемого столетия – около 14,5%) (Усачев 2019б: 181). Допустимо думать, что с этим и связано то, что Октоих 1547/48 г., в записи которого упомянут сравнительно редко употребляемый термин, относится именно к этому периоду. В 50-е гг. XVI в. книг было переписано и, соответственно, сохранилось существенно больше. Отсутствие известных нам манускриптов, относящихся к другим десятилетиям, с колофонами, упоминающими «белого царя», косвенно указывает на то, что этот термин писцами использовался нечасто.

Заключение

Есть серьезные основания утверждать, что ареал распространения неофициального титула русского государя – «белый царь» – подчеркивающего его независимый статус и особую роль в деле защиты православия, в письменных источниках рассматриваемого периода, по-видимому, был существенно шире, чем это представлялось ранее. Помимо иностранных (как правило, восточных) источников его использовали и в России, начиная, по крайней мере, с середины XV в. При этом речь шла не только о книжниках, связанных с церковной и политической элитой, авторах Повести о Флорентийском соборе и Похвального слова Василию III, но и о писцах, представлявших иные – более многочисленные социальные группы.

Примечания

[1] Обзор упоминаний «белого царя» в русских источниках XV–XVI вв. см. (Успенский 1996: 387, 412–413; Филюшкин 2006: 114–117; Трепавлов 2017: 42–43).
[2] Подробнее об истории создания «Повести» см. в (Черепнин 1964).
[3] Об источниках Похвального слова см. (Дьяконов 1889: 105–107; Розов 1965: 278–279).
[4] Подробнее об этом, а также о некоторых иконографических параллелях, отраженных в Похвальном слове образу Василия III, см. в (Самойлова 1997).
[5] Обзор соответствующих упоминаний см. в (Успенский 1996: 412; Филюшкин 2006: 114–116; Герберштейн 2008б: 340–342; Трепавлов 2017: 47).
[6] Подробнее об источниках информации С. Герберштейна о России см. в (Герберштейн 2008б: 150–173).
[7] Об упоминании русского государя как «белого царя» в русском фольклоре см., например, (Исторические песни 1960: 91, 94–97, 99–102, 104, 106–108, 155 и др.; Успенский 1996: 389–390; Трепавлов 2017: 42–46, 54–58).
[8] См.: «Сию книгу продал поп Сергеи Трех исповедников Гурья, Самонна и Авива Коушлскои волости Коляеиньскаго монастыря чагичьскага у попу Ефсегнею и руку приложил. Лета 7123 года геньваря в 9 день» (Новые поступления 1998: 77).
[9] Известны и другие подобные записи (Усачев 2018а: 302 (№ 65, 298, 304, 459, 573, 578)).
[10] О единичных случаях оплаты труда писцов-иноков см. в (Усачев 2018а: 119–120, 247).
[11] О них см., например, (Martin 2002; Беляков 2011; Селин 2016).
[12] О географии переписки книг в России XVI в. подробнее см. в (Усачев 2018а: 59–199).

Литература

Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань: Мір, 2011.

Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

Вальденберг В.Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого и до конца XVII в. Пг.: Тип. А. Бенке, 1916.

Водов В. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV в. // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002а. С. 506–542.

Водов В. Титул «царь» в Северо-Восточной Руси в 1440–1460 гг. и древнерусская литературная традиция // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1: Киевская и Московская Русь. М.: Языки славянской культуры, 2002б. С. 543–553.

Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. 1 / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008а.

Герберштейн С. Записки о Московии: в 2 т. Т. 2 / под ред. А.Л. Хорошкевич. М.: Памятники исторической мысли, 2008б.

Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Дьяконов М.А. Власть московских государей: очерки из истории политических идей Древней Руси до конца XVI в. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1889.

Исторические песни XIII–XVI веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960.

Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания (историко-литературное исследование). Киев: Тип. Киево-Печерск. Успенск. лавры, 1901.

Новые поступления в Отдел рукописей РНБ (1989–1993): каталог. СПб.: РНБ, 1998.

Попов А.Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.). М.: Типография Т. Рисъ, 1875.

Розов Н.Н. Похвальное слово великому князю Василию III // АЕ за 1964 год. М.: Наука, 1965. С. 278–289.

Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV в. М.: Квадрига, 2014.

Самойлова Т.Е. Новооткрытый «портрет» Василия III и идея святости государя и государева рода // Искусствознание. 1991. № 1. С. 39–58.

Селин А.А. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // Quaestio Rossica. 2016. Т. 4, № 3. С. 93–110.

Солодкин Я.Г. Тайна «хроник» боярина И.Ф. Мстиславского (К истории частного летописания в России XVI в.) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Т. 57. С. 945–949.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 2.

Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Т. 3: Комментарий / сост. Г.Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2012.

Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017.

Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009.

Усачев А.С. О возможных причинах начала книгопечатания в России: предварительные замечания // Canadian-American Slavic Studies. 2017. Vol. 51, № 2–3. P. 229–247.

Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018а. Т. 1.

Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018б. Т. 2.

Усачев А.С. Состав заказчиков рукописных книг XVI в. и проблемы формирования русской военно-служилой элиты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019а. № 3 (77). С. 70–89.

Усачев А.С. Книгописание и проблемы социально-экономического развития в России XVI в. // Российская история. 2019б. № 6. С. 180–201.

Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря» Афанасия Никитина) // Избранные труды. Т. 1: Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 381–432.

Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2006.

Флетчер Дж. О государстве русском. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1906.

Черепнин Л.В. К вопросу о русских источниках по истории Флорентийской унии // Средние века. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Вып. 25. С. 176–187.

Martin J. Tatars in the Muscovite Army during the Livonian War // The Military and Society in Russia, 1450–1917. Leiden: Brill, 2002. P. 365–387.

Статья поступила в редакцию журнала 28 марта 2020 г.

Usachev Andrei S.

THE ‘WHITE TSAR’ IN SIXTEENTH CENTURY RUSSIAN WRITTEN SOURCES

DOI: 10.17223/2312461X/30/13

Abstract. The article examines the usage of the unofficial title ‘White Tsar’ in relation to the Russian tsar in sixteenth century Russia. Boris A. Uspenskii, Vadim V. Trepavlov and other scholars have established that the title was primarily used by the people coming to Russia from the East, and it was not until the eighteenth to the nineteenth centuries that the title started to circulate within the country. In the literature, there are mentions of the ‘White Tsar’ in earlier historical sources, for example, in ‘The Tale about the Florentine Council’ composed by Simeon Suzdalets’(circa 1447–1448), ‘The Eulogy on Vasilii III’ (circa 1533–1534), as well as

in the accounts by Siegmund Herberstein and Giles Fletcher. The article refers to a previously unknown source, in which the 'White Tsar' is also mentioned – the colophon from the handwritten Octoechos of 1547 to 1548. It is shown that the origin of the title is unlikely to be associated with the Church or the political elite and is concluded that the term 'White Tsar' had originally come from book scribes, who constituted quite a large part of the Russian society in the sixteenth century, including white and black clergy and some categories of secular people.
Keywords: Russian history, sixteenth century, mass consciousness, White Tsar, colophons, book culture

References

Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov. Prosopograficheskoe issledovanie* [The Chingisides in 16th–17th century Russia. A prosopographical study]. Ryazan': Mir, 2011.

Bussov K. *Moskovskaja hronika. 1584–1613* [Moscow Chronicles, 1584 to 1613]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1961.

Val'denberg V.E. *Drevnerusskie uchenija o predelah carskoj vlasti: ocherki russkoj politicheskoj literatury ot Vladimira Svjatogo i do konca XVII v.* [Old Russian teachings on the limits of tsarist power: Essays on Russian political literature from Vladimir the Saint to the late 17th century]. Petrograd: Tip. A. Benke, 1916.

Vodov V. Zamechanija o znachenii titula «car'» primenitel'no k russkim knjaz'jam v jepohu do serediny XV v. [Remarks on the meaning of the title 'Tsar' in relation to Russian rulers before the middle of the 15th century]. In: *Iz istorii russkoj kul'tury. T. 2. Kn. 1. Kievskaja i Moskovskaja Rus'* [On the history of Russian culture. Vol. 2. Book 1. Kievan and Muscovite Rus']. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002a, pp. 506–542.

Vodov V. Titul «car'» v Severo-Vostochnoj Rusi v 1440–1460 gg. i drevnerusskaja literaturnaja tradicija [The title 'Tsar' in north-eastern Russia from 1440 to 1460 and the old Russian literary tradition]. In: *Iz istorii russkoj kul'tury. T. 2. Kn. 1. Kievskaja i Moskovskaja Rus'* [On the history of Russian culture. Vol. 2. Book 1. Kievan and Muscovite Rus']. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002b, pp. 543–553.

Gerbershtejn S. *Zapiski o Moskovii* [Essays on Muscovy]. Vol. 1. Ed. by A.L. Horoshkevich. Moscow: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2008a.

Gerbershtejn S. *Zapiski o Moskovii* [Essays on Muscovy]. Vol. 2. Ed. by A.L. Horoshkevich. Moscow: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2008b.

Gorskij A.A. Rus': *Ot slavjanskogo Rasselenija do Moskovskogo carstva* [Rus': From the Slavic settlement to the Muscovite Tsardom]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.

D'jakonov M.A. *Vlast' moskovskih gosudarej: ocherki iz istorii politicheskih idej Drevnej Rusi do konca XVI v.* [The power of Moscow rulers: Essays on the history of political ideas in ancient Russia through to the late 16th century]. St. Petersburg: Tip. I.N. Skorohodova, 1889.

Istoricheskie pesni XIII–XVI vekov [The 13th to 16th century historical songs]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960.

Malinin V.N. Starec Eleazarova monastyrja Filofej i ego poslanija (istoriko-literaturnoe issledovanie) [Philotheus, the old man from the Eleazarov monastery and his letters: A historical and literary study)]. Kiev: tip. Kievo-Pechersk. Uspensk. lavry, 1901.

Novye postuplenija v Otdel rukopisej RNB (1989–1993): catalog [New arrivals in the Russian National Library Department of Manuscripts, 1989 to 1993: A catalog]. St. Petersburg: RNB, 1998.

Popov A.N. *Istoriko-literaturnyj obzor drevnerusskih polemicheskih sochinenij protiv latinjan (XI–XV v.)* [A historical and literary review of old Russian polemical works against the Latins, 11th to 15th centuries)]. Moscow: Tipografija T. Ris, 1875.

Rozov N.N. Pohval'noe slovo velikomu knjazju Vasiliju III [The Eulogy on the Great Ruler Vasiliy III]. In: *Arheograficheskij ezhegodnik za 1964 god* [Archaeological Works, 1964]. Moscow: Nauka, 1965, pp. 278–289.

Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskih knizhnikov serediny XIII–XV v.* [Mongol-Tatars through the eyes of ancient Russian writers in the middle of the 13th to the 15th centuries]. Moscow: Kvadriga, 2014.

Samojlova T.E. Novootkrytyj «portret» Vasilija III i ideja svjatosti gosudarja i gosudareva roda [The newly discovered 'portrait' of Vasiliy III and the idea of his and his family's sanctity]. In: *Iskusstvoznanie* [Art History]. Moscow, 1991, vol. 1, pp. 39–58.

Selin A.A. Tatary-musul'mane i novokreshcheny v Novgorodskoj zemle: formirovanie i funkcionirovanie maloj social'noj gruppy (konec XVI – nachalo XVII v.) [Tatar Muslims and the newly-baptised in Novgorod: The formation and functioning of a minor social group in the late 16th to the early 17th centuries]. *Quaestio Rossica*, 2016, Vol. 4, no. 3, pp. 93–110.

Solodkin Y.G. Tajna «hronik» boyarina I. F. Mstislavskogo (K istorii chastnogo letopisaniya v Rossii XVI v.) [The mystery of the 'Chronicles' of I. F. Mstislavsky: A history of private chronicles in 16th century Russia)]. In: *Trudy Otdela drevnerusskoj literatury Instituta russkoj literatury* [The Works of the Department of Ancient Russian Literature at the Institute of Russian Literature]. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2006, Vol. 57, pp. 945–949.

Stepennaja kniga carskogo rodoslovija po drevnejshim spiskam. [The book of royal degrees in ancient copies]. Vol. 2. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008.

Stepennaja kniga carskogo rodoslovija po drevnejshim spiskam. T. 3: Kommentarij [The book of royal degrees in ancient copies. Vol. 3: Commentary]. Compiled by G.D. Lenhoff. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012.

Trepavlov V.V. *«Belyj car'»: obraz monarha i predstavlenija o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* ['White Tsar': The monarch's image and the idea of citizenship among the peoples of Russia from the 15th to the 18th centuries]. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2017.

Usachev A.S. *Stepennaja kniga i drevnerusskaja knizhnost' vremeni mitropolita Makarija* [The book of royal degrees and old Russian book culture during the time of Metropolitan Makarii]. Moscow; St. Petersburg: Al'jans-Arheo, 2009.

Usachev A.S. O vozmozhnyh prichinah nachala knigopechataniya v Rossii: predvaritel'nye zamechaniya [Possible reasons for the beginning of book printing in Russia: Some preliminary notes]. *Canadian-American Slavic Studies*, 2017, Vol. 51, no. 2–3, pp. 229–247.

Usachev A.S. *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannyh vyhodnyh zapisej* [The writing of books in Russia in the 16th century: A study based on dated colophons]. Vol. 1. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arheo, 2018a.

Usachev A.S. *Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannyh vyhodnyh zapisej* [The writing of books in Russia in the 16th century: A study based on dated colophons]. Vol. 2. Moscow; St. Petersburg: Al'yans-Arheo, 2018b.

Usachev A.S. Sostav zakazchikov rukopisnyh knig XVI v. i problemy formirovaniya russkoj voenno-sluzhiloj elity [The composition of customers ordering hand-written books dating to the 16th century and the issue of the Russian military elite formation]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki,* 2019a, no. 3(77), pp. 70–89.

Usachev A.S. Knigopisanie i problemy social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Rossii v XVI v. [Production of manuscripts and problems of social and economic development of Russia in the 16th century], *Rossijskaya istoriya*, 2019b, no. 6, pp. 180–201.

Uspenskij B.A. Dualisticheskij harakter russkoj srednevekovoj kul'tury (na materiale «Hozhenija za tri morja» Afanasija Nikitina) [The dualistic character of Russian medieval culture (Based on 'A journey across three seas' by Afanasy Nikitin)]. In: *Uspenskij B.A. Izbrannye trudy. T. 1: Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Selected works. Vol. 1: The semiotics of history. The semiotics of culture]. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury, 1996, pp. 381–432.

Filjushkin A.I. *Tituly russkih gosudarej* [Titles of Russian rulers]. Moscow; St. Petersburg: Al'jans-Arheo, 2006.

Fletcher Dzh. *O gosudarstve russkom* [On the Russian state]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina, 1906.

Cherepnin L.V. K voprosu o russkih istochnikah po istorii Florentijskoj unii [On the question of Russian sources on the history of the Florentine Union]. In: *Srednie veka* [The Middle Ages]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1964, Vol. 25, pp. 176–187.

Martin, J. Tatars in the Muscovite army during the Livonian War. In: *The Military and Society in Russia, 1450–1917*. Leiden: Brill, 2002. pp. 365–387.

УДК 39:929
DOI: 10.17223/2312461X/30/14

ЭТНОГРАФИЯ ЭТНОГРАФА: АНДРЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ДАНИЛИН И ЕГО АРХИВЫ*

Дмитрий Владимирович Арзютов,
Лидия Андреевна Данилина

Аннотация. Настоящая статья посвящена жизни и деятельности советского этнографа Андрея Григорьевича Данилина (1896–1942). На основании документов из сохранившегося личного архива, а также частей «официального» архива, разбросанных по разным институциям, авторы ставят своей целью реконструировать его интеллектуальную, личную и полевую биографии. Второй целью исследования является реконструкция «архивного пространства» этнографа, а именно, как через отношения с разными людьми, бюрократическими инстанциями и порой вещами складывался его архив. Документальное многоголосье, а также персональная связь с главным героем (второй автор статьи – дочь этнографа) позволяет нам рассматривать наш эксперимент как историческую этнографию, которая содержит в себе некоторые элементы «включенного наблюдения». Соединение этих двух измерений мы предлагаем называть этнографией этнографа.

Ключевые слова: советская этнография, Андрей Данилин, Алтай, бурханизм, архив

Пропуск

Дмитрий Арзютов: Однажды я просматривал фотографии, выложенные в виртуальном сообществе «Город, которого нет» социальной сети «ВКонтакте». Каждый день в этом сообществе, посвященном истории Петербурга, появляются десятки новых фотографий старого города. Среди них я случайно обнаружил отсканированный пропуск в столовую Академии наук на имя А.Г. Данилина (рис. 1).

Сочетание «Академия наук» и «Данилин А.Г.» почти не оставляло у меня сомнения, что передо мной копия документа, принадлежащего Андрею Григорьевичу Данилину – известному этнографу-алтаисту и автору книги «Бурханизм» – единственного монографического описа-

* Мы считаем приятным долгом поблагодарить наших коллег Сергея Сергеевича Алымова (ИЭА РАН), Татьяну Николаевну Дмитриеву (ГМИР), Дмитрия Юрьевича Доронина (РАНХиГС), Анну Николаевну Копаневу (РЭМ), Светлану Викторовну Подрезову (ИРЛИ РАН) и Дмитрия Анатольевича Функа (ИЭА РАН), помогавшим нам своими советами во время работы над статьей.

ния религиозной ревитализации на Алтае первой трети XX в. Открыв страницу модератора группы, я тут же написал ему сообщение с вопросом о том, кто прислал этот документ? Не прошло и нескольких часов, как раздался зуммер – модератор любезно ответила, что эта фотография была добавлена Лидией Андреевной Данилиной. Лидия *Андреевна* – «это, должно быть, дочь Андрея Григорьевича!», – проскочило у меня в голове. Так и вышло. Как позже выяснилось, она выкладывала отсканированные копии документов из своего архива на «Яндекс.Фотки», а уже оттуда они «перекочевывали» на другие виртуальные площадки. Я тут же написал письмо Лидии Андреевне и спустя буквально несколько недель был уже у неё в гостях – она в тот год ненадолго приехала в Санкт-Петербург навестить родных. Лидия Андреевна не только рассказала мне о судьбе её отца, но и любезно поделилась теми материалами, которые сохранились у неё дома. После этого была не всегда регулярная, но долгая переписка, которая и привела нас к идее опубликовать совместную статью.

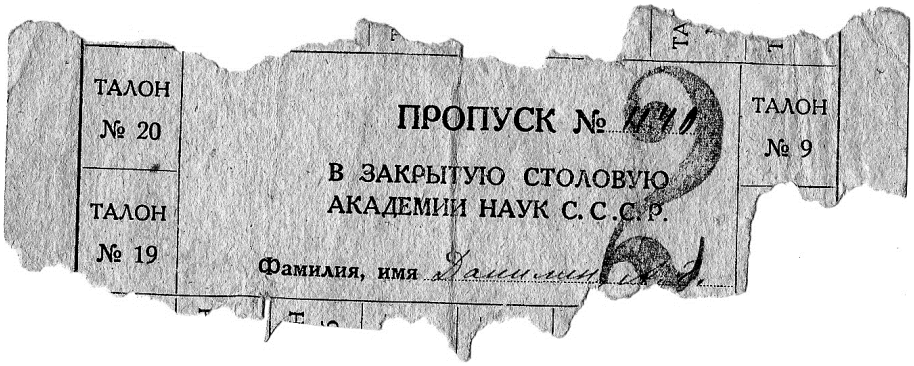

Рис. 1. Пропуск Андрея Григорьевича Данилина в закрытую столовую АН СССР. 1930-е гг. (личный архив ЛАД)[1]

Лидия Данилина: Я смотрела на архив отца как на уникальный источник того времени, которое частично застала и сама. Отца я помню не очень хорошо. Но читая его дневники и письма сегодня, а их сохранилось огромное множество, я каждый раз словно пересматриваю долгий фильм, в котором сотни персонажей, одни из которых мне прекрасно знакомы, другие – знакомы только по рассказам родителей.

Какое-то время назад я решила выкладывать сканированные копии фотографий и документов онлайн – ведь, многим было бы интересно увидеть ушедший мир 1920–1930-х. И вот однажды я получила письмо от Димы. Это было весьма неожиданно. Мы стали общаться сначала по переписке, а потом уже познакомились лично. Дима мне рассказывал о Данилине-этнографе, а я ему – об отце как человеке. Уже вскоре мы

встретились, и между нами завязались дружеские отношения, которые частично реализовались в замысле по написанию этой статьи.

До Димы с материалами отца немного работал Саша Решетов. Он брал некоторые дневники 1930-х, читал их, потом возвращал. Что-то из них, вероятно, попало в его статьи по истории советской этнографии. Работала с материалами и Лена Ревуненкова, которая совсем недавно опубликовала статью, где рассказала и о моей матери – Вильгельмине Герардовне Трисман (Ревуненкова 2018). До этого была книга на голландском, которую также на основании архива написала моя добрая знакомая Жанин Ягер (Jager 2012). Немного с личным архивом отца работала и Вера Дьяконова, которая в своей время помогала издавать его главную книгу – «Бурханизм» (Дьяконова 1993). Но, увы, о самом отце пока ничего не было издано. Столько осталось материалов, а его имя продолжает оставаться в тени…

***

Настоящая статья – продукт нашей коллективной работы по собиранию воедино архива А.Г. Данилина (и частично Л.Э. Каруновской). Дмитрий Арзютов как полевой антрополог, работающий в Сибири и на Севере и историк антропологии, работающий в российских и зарубежных архивах, сделал обзор материалов и постарался их контекстуализировать. Лидия Данилина, много лет читавшая документы Данилина, рассказала о жизни Андрея Григорьевича и об истории его личного архива, а также тех документах, которые там хранятся.

Оговоримся, что в статье дается минимальное количество ссылок на исследования, а основное внимание сосредоточено именно на архивных материалах. Мы рассматриваем нашу статью не только как своеобразный гид по разбросанным архивным коллекциям одного исследователя, но и как попытку написания этнографии одного этнографа через эти порой весьма запутанные сети документов. Эта работа о человеке, для которого «поле» и «архив» были едва ли не самыми важными понятиями во всей его интеллектуальной биографии. Андрей Григорьевич Данилин, его мысли, переживания, решения, действия, его семья и знакомые, а также жизнь того, что им было написано – дневники, письма, научные работы, – все это и составляет ткань нашего рассказа. Как мы покажем ниже, именно практики письма – личного дневника, в первую очередь, – были формирующими для личности Данилина. Папки его дневников – это не просто «свидетельства эпохи», а продукт и источник его субъектности (ср. Halfin 2003, 2011; Hellbeck 2006). Смещаясь из области социальной истории в область исторической антропологии, мы имеем возможность наблюдать и интерпретировать увиденное / прочитанное, пропуская это через свой опыт, через записи и воспоми-

нания рассказов своих родственников (*Л.Д.*) и коллег (*Д.А.*), что в совокупности может в какой-то мере напоминать «включенное наблюдение» – ключевой метод полевой этнографии, но взятый в его возможном историческом измерении, а сам анализ – этнографию этнографа.

Данная работа преимущественно написана на материалах личного архива А.Г. Данилина. Большинство материалов впервые вводятся в научный оборот.

Линия жизни

Андрей Григорьевич Данилин (1896–1942) родился в селе Красное Михайловского уезда Рязанской губернии в крестьянской многодетной семье. Отец Андрея Григорьевича – Григорий Васильевич – работал на железнодорожной станции, о матери – Анне Ионовне – почти ничего не известно. Судя по личным воспоминаниям, по разговорам с родственниками А.Г. Данилина, семья жила трудно. У Андрея были два брата (Иван и Петр) и три сестры (Клавдия, Елизавета и Пелагея). Двое из них сыграли довольно важную роль в жизни Андрея. Клавдия (или, как её называли в семье, Клавдя) стала этнографом, специалистом по дагестанской этнографии и проводила одну из экспедиций вместе с Андреем. Брат Иван стал крупным архитектором, начальником управления строительства Дворца Съездов – неосуществленного сталинского проекта. В 1951 г. он в числе других архитекторов был удостоен Сталинской премии 3-й степени «за разработку большепролётного шедового покрытия и способа его выведения».

Несмотря на довольно трудные условия, крестьянский дом Данилиных был полон книг, и чтение было важным для всех братьев и сестер.

Жизненный путь Андрея Григорьевича, как и многих его ровесников, пролегал довольно извилисто. После школы он окончил Учительскую семинарию, где особенно увлекся внешкольным образованием. Позже поступил в Училище торгового флота в Ростове-на-Дону. Прослужив два года в каботажном плавании на Черном море, простился с морской специальностью в Одессе в 1917 г., где он познакомился с культурой большого города – театры, музыка, лекции – и интересными людьми и их революционными настроениями (рис. 2). Живя в этом пространстве, у Андрея появилось желание продолжить образование, и Москва казалась одним из тех мест, где можно было реализовать свою мечту. Эта мечта превращалась в явь немного необычно – через экспедиции. 1921–1922 гг. он вместе с друзьями проводит в авантюрной экспедиции в Туркестане, которая имела, главным образом, этнографический интерес. Этнографические дневники той экспедиции А.Г. Данилина сохранились в архиве МАЭ почти полностью (тетради № 3–8 по нумерации автора) (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 38, 39, 41, 43–46).

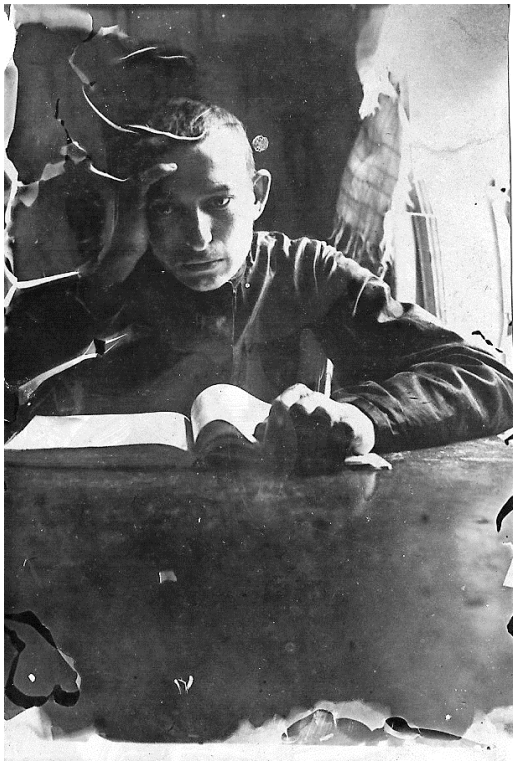

Рис. 2. Андрей Григорьевич Данилин. 1918 г.

В своём дневнике (7 июля 1921 г.) он упоминает о разговоре с С.Ф. Ольденбургом[2] и интересуется экспедицией Козлова:

> «С.Ф. говорит, что П. Козлов[3] – в Москве. – «А как его экспедиция? Да едва ли, не дадут возможности выехать за границу. Да еще всё в периоде организации. И я живо представил себе нашу организацию экспедиции. Ну, у него наверное есть деньги».

Здесь нужно сделать небольшое уточнение, что осенью 1921 г. С.Ф. Ольденбург полностью меняет стратегию экспедиционных работ в Советской России. Если во второй половине XIX – начале XX в. Русское географическое общество курировало все виды экспедиционных исследований на территории Российской империи и за её пределами, то в октябре 1921 г. С.Ф. Ольденбург создает специальную структуру – Комиссия по экспедиционным исследованиям, которая переподчиняет всю экспедиционную деятельность набирающей властный ресурс «империи знания» Академии наук (см. подробнее: Андреев, Юсупова 2001: 54; Arzyutov and Kan 2017: 53–54). Немного позже Ольденбург будет продвигать даже идею «Бюро этнографических экспедиций РСФСР»,

что было своеобразной альтернативой Специальной комиссии по изучению союзных и автономных республик, которая возникла в 1926 г. и возглавлялась академиком А.Е. Ферсманом[4]. А.Г. Данилин со своей коллегой и первой женой Лидией Эдуардовной Каруновской позже будут публиковать небольшие отчетные материалы по экспедиции в Ойротии на страницах официального вестника этой комиссии – «Осведомительного бюллетеня».

Хранящиеся в семье личные дневники дают некоторую информацию относительно жизни А.Г. Данилина в это время. 7 июля 1921 г. Андрей Григорьевич пишет об огромном желании присутствовать на Третьем конгрессе Коммунистического интернационала, который проходил в Москве 22 июня – 12 июля 1921 г., вспоминает, как он был в Екатеринбурге, затем – был корреспондентом РОСТА (Российское телеграфное агентство). Письма к родным и близким довольно прямо говорят, что положение его семьи оставалось тяжелым. Из письма его брата Ивана (30 июня 1921 г.), который уже жил в Москве и был погружен в дискуссии о конструктивизме в архитектуре, становится ясно, что другого брата – Петра забирают в Красную Армию, Андрей и Иван – вдалеке от родных, а отец оставался единственным мужчиной в деревенском доме. Из письма Петра (14 июля 1921):

> «А дома на зиму совсем помирать будут. Хлеба у нас скоро совсем не будет, а рассчитывать и надеется не на что. Может, ты».

Получив письмо, Андрей пишет в своём дневнике (21 июля 1921):

> «Получ[или] мы грустных вестей из дома. И сразу мысль, старая, давно уже решенная: хорошо ли, что бросил всех на голодную смерть? Это – заботит и теперь и нет сил говорить: я делаю правильно. Ведь, кто любит отца свое [нрзб.] меня» и т.д. и опять я остался с прежними сомнениями…».

Вернувшись в Москву, он все еще некоторое время оставался без работы. Но уже в 1922 г. ему удается поступить в Географический институт (жизнь института он описал в 1928 г.: СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 103). Обучение (1922–1926 гг., защита диплома в 1927 г.) и работа были на два города, что заставляло Андрея почти постоянно находиться в дороге. В 1923 г. умирает мама Андрея Григорьевича. Для семьи это был еще один удар. Сохранились письма этого времени к отцу, брату Ивану и сестрам – в них повторяются взаимные слова поддержки, которые были так необходимы всей семье в тот тяжелый период времени.

В 1923–1924 гг. Данилин – сотрудник Центрального бюро краеведения, а 1925 г. ненадолго даже становится заведующим Музеем Центрально-промышленной области (ЦПО). В том же 1925 г. Андрей Григорьевич едет в экспедицию в родную Рязанскую губернию, вероятно,

по направлению Музея ЦПО (Данилин 1926а, 1926б). В этой экспедиции он изучает крестьянскую одежду (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 104; МАЭ № И-1323), о чем спустя два года публикует небольшую статью (Данилин 1927б).

Обучаясь в ЛГУ, Андрей знакомится с Лидией Эдуардовной Каруновской (1893–1975, о ней см.: Решетов 1997), чьё обучение в университете уже шло к концу. Начало личных отношений привело к оседанию Андрея в Ленинграде после окончания университета в 1926 г. и свадьбе, сыгранной в том же году. По воспоминаниям, фотографиям и разного рода личным документам можно сказать, что личная жизнь Лидии и Андрея (1926–1934 гг.) была счастливой, а сам союз невероятно гармоничным, хотя и относительно недолгим – около десяти лет совместной жизни. Оба они были влюблены друг в друга и разделяли одни интересы к музыке, театру и, конечно же, этнографии.

Примеру брата последовала и Клавдя, которая поступает также на географический факультет, где специализируется по этнографии и лингвистике Кавказа, активно занимаясь у Н.Я. Марра. В 1926 г. Андрей и Клавдя Данилины вместе с молодой женой Андрея Лидией Каруновской отправляются в Дагестан (Данилин 1926в; ср.: Данилин 1931б)[5], где Клавдя изучает положение женщин (см. продолжение её исследования в Грузии (Аджария): Данилина 1932). Для Андрея это была единственная этнографическая поездка на Кавказ, а для Клавди – начало профессиональной, но, увы, недолгой карьеры кавказоведа. В.П. Дьяконова также отмечает, что в 1926 г. «в составе Крымской экспедиции он (Данилин. – *Авт.*) проводил комплексное изучение крымских болгар, входил в авторский коллектив ГИИМК им. Н.Я. Марра по изданию этнографического альбома Западной Украины и Западной Белоруссии» (Дьяконова 1993: 5).

Среди основных университетских наставников Данилина были Д.К. Зеленин[6] и В.Г. Богораз. В личном архиве А.Г. Данилина сохранились некоторые конспекты лекций Богораза, которые не могут не создать у читателя своеобразное чувство присутствия в момент рождения во многом экспериментальной этнографии. Это может напомнить яркие фрагменты о лекциях Богораза и Штернберга, приведенные Н.И. Гаген-Торн в её знаменитой книге (1975).

В летние месяцы 1927–1929 гг. Данилин вместе с Лидией Каруновской начали полевую работу на Алтае / Ойротии в рамках Ойротской комплексной экспедиции АН СССР (см.: отчетные материалы (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 101) и дневники за 1927–1929 гг.) (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 2; СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 102) (описание фотографий и вещей, привезенных из экспедиции, см. ниже) (см.: Данилин 1930б) (рис. 3, 8), а зимой 1927–1929 гг. он работал заместителем секретаря Комиссии по изучению народной музыки Геогра-

фического общества (см.: Данилин 1928а). Эта работа в области музыковедения была не случайной, так как сам Андрей Григорьевич очень хорошо играл на скрипке и активно собирал музыкальный фольклор во всех своих экспедициях (рис. 4–6).

Рис. 3. По дороге в первую алтайскую экспедицию.
В окне поезда – Лидия Эдуардовна (в косынке). 1927 г.

Рис. 4. Запись песен на фонограф. Улус Индигеш, [26 августа] 1928 г.
(см. список ниже и ср. ФА ИРЛ 4703.01-03, один из детей, возможно, Егор Серкин)

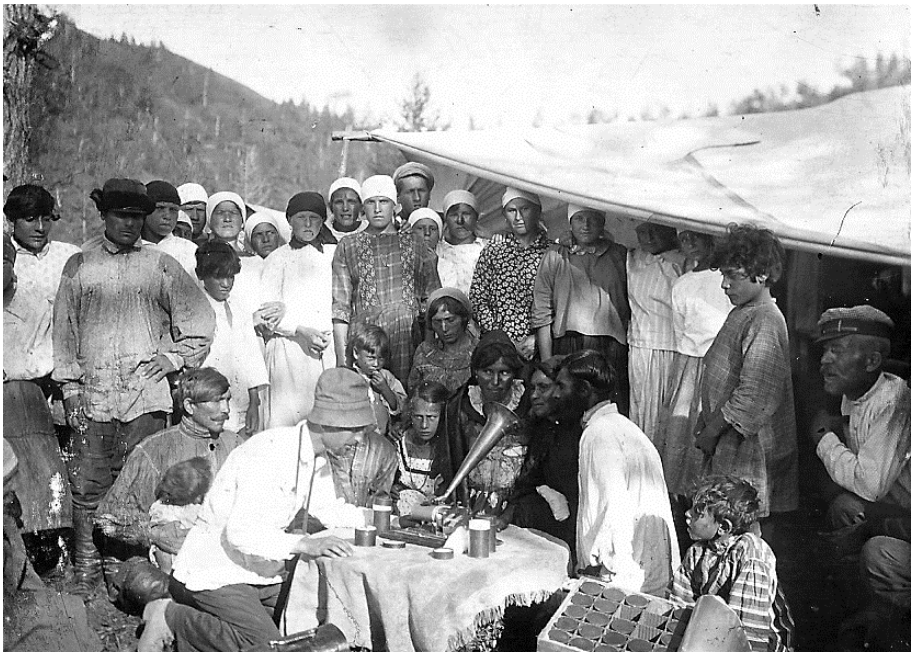

Рис. 5. Запись песен на фонограф у цыган. Улус Индигеш. 1928 г.

Рис. 6. Запись песен на фонограф у телеутов. 1928 г.

Говоря о музыкальной биографии Данилина, нужно сказать, что в его личном архиве сохранилась афиша отчетного концерта самодеятельного симфонического оркестра Выборгского дома культуры, датированная 22 апреля 1937 г. Андрей Григорьевич входил в состав оркестра (ср. рис. 7). В семье и сейчас помнят, что Данилин был увлеченным поклонником классической музыки, а также заядлым театралом. Более того, разбирая его фоновалики в Пушкинском доме, один из авторов статьи обнаружил запись, где Андрей Григорьевич декламирует стихотворение В.В. Маяковского «Иду. Мясницкая. Ночь глуха…» (ФА ИРЛИ 4704.01). Видимо, все это и позволило Данилину проявить себя в том числе как музыкальному этнографу. Позже он опубликовал небольшую заметку о музыкальной этнографии алтайцев (Данилин 1936в, см. также: Данилин 1927а, 1928а).

Все это удавалось в перерывах между экспедициями и написанием отчетов. Так, вернувшись из первой своей алтайской поездки 1927 г., уже 10 мая 1928 г. он делает доклад «Материалы по бурханизму у алтайцев и телеут, собранные летом 1927 г.» на Радловском кружке МАЭ – официальный семинар МАЭ, посвященный преимущественно тюркской и турецкой этнографии.

В конце 1920-х Данилин проводит в «поле» больше времени, чем дома.

Рис. 7. Андрей Данилин играет на скрипке среди телеутов улуса Крутой. 1929 г.

В 1928 г., не успев вернуться с Алтая, А.Г. Данилин тут же отправляется к вепсам Ленинградской области (некоторые материалы этой экспедиции сохранились в СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 4. Ед. хр. 80, 82[7] (фотографии)). В тот же год он публикует обзорную статью о сноповой сушке хлеба у славян (Данилин 1928б). В 1929 г. Данилин и Каруновская посещают телеутов и алтайцев и привозят от них как коллекции вещей, так и фотографии. О судьбе одной коллекции мы расскажем подробнее ниже.

Краткие отчеты об экспедициях к алтайцам и телеутам Данилин и Каруновская публикуют в «Осведомительном Бюллетене ОКИСАР АН», который сегодня является библиографической редкостью (см. следующие выпуски бюллетеня: 1927, № 17, 19; 1928, № 1/38, 15/52, 16/53, 17/54, 18/59; 1929. № 14/75, 17/78) (об этом издании см.: Arzyutov and Kan 2017: 54).

Рис. 8. Андрей Данилин и Лидия Каруновская. 28 июля 1929 г. Алтай.

Жизнь Данилина в этот послеуниверситетский период поражает сходством с нашим временем. Андрей долгое время оставался без постоянной работы, перебиваясь разного рода краткосрочными контрактами. Это фрагмент одного из многочисленных писем в разные инстанции с целью найти работу по профессии (датировано 10 октября 1929 г. и направлено в Союз научных работников):

> «Скоро пройдет три года как я окончил Этнографическое отделение геофака ЛГУ […] за это время я неоднократно обращался к руководителям ленинградских этнографических учреждений с просьбой дать мне оплачиваемую работу по специальности. Но ответом со стороны руководителей этих учреждений был совет подождать. Временную же работу я выполнял: участвовал в научных командировках и экспедициях, работал «сдельно» в Русском музее и КИПС'е и т. п. В качестве постоянного заработка имею в среднем 30 рублей за руководство экскурсиями в этнографические музеи».

Ответ был через четыре месяца (13 февраля 1930 г.):

> «Ваше ходатайство о предоставлении работы в Академии наук отклонено ввиду отсутствия соответствующих вакансий».

Несмотря на отсутствие работы, Данилин продолжает писать. Он обрабатывает алтайские полевые материалы и пишет сразу несколько статей. Это – статья «Одежда алтайцев» (1930 г.) (черновик: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 108), которую несколькими годами позднее он перепишет и расширит, изменив название на «Одежда алтайцев и телеут» (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 20), а также «Обработка кожи у телеут» (1929–1939) (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 19) и «Жилище алтайцев и телеут» (1927–1929) (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 1).

В период с 1930 по 1932 г. Андрей Григорьевич Данилин работает научным сотрудником Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) (см. его заметку: СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 105; см. также: Данилин 1930), а в 1931–1933 гг. – научным сотрудником Института по изучению народов СССР (ИПИН), который позже войдет в состав Института этнографии.

В 1930 г. он совершает экспедицию в Боровичский округ Ленинградской области в рамках так называемых «колхозных экспедиций», т.е. полевого этнографического и экономического исследования только что появившихся колхозов (см. материалы: СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 106, 107; СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 228). По итогам этой поездки Данилин пишет статью «Первые шаги колхозов бывшего Боровичевского округа» (Данилин 1931а, 1931в). Как пишет Станислав Петряшин, подобные поездки были подчинены экспозиционной работе для отражения типичных / средних районов, позволяющих отразить «советскую современность» (2018). На это также указывает и тот факт, что в это время А.Г. Данилин публикует обзоры об экспозиционной и научной деятельности музеев на Северном Кавказе и в Тульской области (Данилин 1931б, 1931г, 1932б).

В 1933 г. Андрей Григорьевич на очень непродолжительный период времени переходит на работу в МАЭ на должность заведующего политпросветотделом, но уже в ноябре 1933 г. становится сотрудником

(по договору) Этнографического отдела Государственного Русского музея, который вскоре был переименован в Государственный музей этнографии (ГМЭ, ныне – Российский этнографический музей). В этот же год он участвует в работе Всесоюзного географического съезда (11-19 апреля 1933 г.), о чем пишет обзор для «Советской этнографии» (Данилин 1933). Однако, в это же время начинается разрыв отношений с Лидией Эдуардовной Каруновской…

В Ленинград через Коминтерн приезжает индийский революционер и этнограф Вирендранат (Бирендранатх) Чатопадая (Чаттопадхьяя) (Virendranath Chattopadhyaya, বীরেন্দ্রনাথ চট্টোপাধ্যায়), или как его называли друзья в России, – Вирен, или Чатто, который в 1933 г. получает работу в Институте этнографии – МАЭ (АВ ИВР РАН. Ф.138. Оп. 1. Ед. хр. 48; см. о нем: Baruwā 2004; Решетов 1998). Лидия Эдуардовна увлеклась новым сотрудником, что стало сильнейшим потрясением и для нее самой. Личные документы говорят о всех перипетиях и непростых решениях, которые необходимо было принять. В итоге было решено сохранить дружеские отношения.

Несмотря на все сложности личной жизни, в это время у Андрея Григорьевича начинает складываться карьера в ГМЭ. В январе–мае 1934 г. он состоял сверхштатным научным сотрудником по выставке «Ленинградская область и Карелия», в 1935 г. становится младшим научным сотрудником с обязанностями курирования научного архива, а в 1936 г. он – старший научный сотрудник отдела Украины, где он собирает материалы для выставки о Бессарабии и Буковине (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 804), и заведующий научным архивом. Ему – 40 лет (см. рис. 9).

В это время Андрей встречает свою будущую жену – Вильгельмину Трисман (Wilhelmina Triesman), голландку, которая эмигрировала в революционную Россию в 1925 г. Вильгельмина, или, как её называли близкие Вилли, по приезде в постреволюционный Петроград не могла найти работу и вынуждена была вначале трудиться галошницей на фабрике «Красный треугольник», чтобы хоть как-то прокормить себя и сына Михаила, рожденного в её первом браке с русским моряком Тимофеем Рязанцевым. Уже вскоре, пройдя обучение на рабфаке, ей удаётся поступить в Восточный институт, где преподавал Чатопадая. Именно благодаря этому знакомству сложился четырехугольник друзей, а впоследствии двух пар – Андрей и Вилли, Лидия и Вирен (о Трисман см.: Jager 2012; Ревуненкова 2018).

В это время Андрей Григорьевич становится секретарем редакционно-издательского бюро ГМЭ – в музее, в котором он проработал до самой своей смерти в 1942 г. (личное дело А.Г. Данилина: АРЭМ. Ф. 2. Оп. 3. Ед. хр. 43).

Дневник этого времени содержит немало этнографических записей жизни Ленинграда.

Рис. 9. Андрей Данилин в квартире Лидии Каруновской на Невском проспекте. 1938 г.

2 апреля 1937 г.:

> Интересную картину наблюдали мы. Идем (Вилли, Минна [подруга семьи. – *Авт.*] и я) – видим нечто необычное. У одного магазина – «живая очередь» в неск[олько] параллельных рядов, в у дверей – просто куча. Все стремятся к двери. Теснота – невозможно представить себе! И над всеми – белый дым! Мы думали, что это пожар (серьезно!) в магазине. Оказалось же: это пар от разгоряченных любителей велосипедов (ибо очередь была к магазину спортивных принадлежн[остей]). Первый ряд, стоящий у стены магазина, взобрался на перила витража и стоял над толпой. Нужно было видеть их лица! Усталые, бледные или красные, льется пот. Крики: «тов. милиционер помогите!».

Эти картины выживания перемежаются письмами из «поля». Так, буквально через шесть дней Данилин получает письмо (8 апреля 1937) от своего старого алтайского знакомого Сергея Максимова, в котором среди описаний арестов в Ойротии (как представляется, он не осозна-

вал масштаба и причин, лишь уточняя, что кого-то выявили «троцкистом») пишет и о своём сыне Клименте, который хочет пойти учиться в художественную школу. Среди прочего он добавляет и одну просьбу от себя:

> «Ан[дрей] гр[игорьевич] я тебя пошлю 250 р. а вы *вседаки* кувите мне велосипеда и пошлете мне здес нет не ките кувить» (сохранены стиль и орфография оригинала, курсив наш. – *Авт.*)

Увы, мы не знаем, удалось ли Данилину штурмовать человеческие стены перед ленинградскими магазинами, чтобы добыть велосипед. Дневник об этом не говорит. Но мы знаем, что Данилин и Трисман распахнули двери их дома для Климента, который жил у них довольно долгое время, а позже смог поступить в художественное училище в Павловске, сохранив тесные дружеские связи с семьей этнографов.

В это время Андрей Данилин почти все своё свободное время находится за рабочим столом, заканчивая «Бурханизм». Первоначально задуманная как кандидатская диссертация, она должна была увидеть свет и как отдельная монография. В силу разных обстоятельств, о которых мы скажем отдельно ниже, издание книги произойдет только через 50 лет после защиты диссертации в 1940 г. в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Уже летом 1937 г. происходит то, что мы почувствовали при чтении дневника за несколько предыдущих лет…

19 июля 1937 г.:

> «Был в Музее [ГМЭ. – *Авт.*], вызывают зачем-то. Прихожу – вот так новости! Арестованы Супинский и Таланов! Делами заправляет Шарадутдинова [?]. Летом оказывается была резкая статья, написанная кем-то из райкомовцев, и вот результаты. Поговорил об издательских планах – куда тут Сборник (в 30 листов!). Это явно нереально. Архив научный в моё отсутствие опечатали, теперь будем в комиссии пересматривать все содержание».

Следующий день – 20 июля 1937 г.:

> «Была Лида. Удручающая новость: Вирен арестован. Мы пошли гулять, и маленькая Лидушка хоть немного смягчала горе Лиды. Мы же что могли сказать? Мы с Лидией одинаково трезво взвешиваем возможные причины такого политич[еского] шага правительства по отношению к индусу-эмигранту, более 30 лет не видевшему родных. Но Вилли – переживает «от сердца», и это делает честь её свежести [?], непосредственности».

Другие фрагменты дневника говорят, что он до конца не мог понять, что происходит вокруг. Впрочем, история ареста Вирена, точнее его конфликта с И.Н. Винниковым, Д.К. Зелениным и другими коллегами в МАЭ / ИЭА, была ему хотя бы косвенно понятна. Уже после ареста

Вирена была собрана комиссия при ИЭА, о которой Данилин записывает в дневнике следующее (25 июля 1937 г.):

> «Спрашивали всех поодиночке, знакомились с материалами. Лида с радостью ждала оргвыводов. Она, кажется убедительно доказала, что тут дело не в «склоке», а гораздо глубже, в борьбе небольшой части советски-настроенных ученых с реакц[ионными] осколками маторинщины (Винн[иков], Вишнев[ский] и др. Вирен показал документы, изобличающие (впрочем, давно всем известные) отриц[ательные] черты Винникова (плагиат, отношение к наследию Моргана, и ученому Стэрну[8] из Америки). Он также показал нам (вскользь) одно место из обширного документа, направляемого им в секретном порядке в комиссию (тоже о Винникове)».

«Маторинщина». Характерное словообразование эпохи. Одно из первых звеньев в этой страшной цепи взаимных подозрений и доносов, культивировавшихся в МАЭ / ИЭА. Двумя годами ранее, когда в январе 1935 г. арестовали Н.М. Маторина (Решетов 2003) – бывшего директора Института этнографии, Данилин задавался скрытым между строк вопросом: «а если мы и правда чего-то не знали?»… Отвечать на этот вопрос Андрей, впрочем, не решался. Возникал какой-то вакуум. Еще до ареста Вирена в феврале 1937 г. Лидия Каруновская, осознавая невыносимость своего и Вирена положения в МАЭ / ИЭА, вызванного доносами, подозрительностью и т.д., пишет заявление в НКВД, «что у них в Ин[ституту]те резкое искривление политич[еской линии?], описав все безобразия». Ответ доносом на донос, вероятно, казался действенным средством, выводящим, однако, сам конфликт в несколько иную плоскость. Лидия обсуждает это с Андреем, о чем он пишет в дневнике (29 февраля 1937 г.):

> «Я сначала пробовал отговаривать Лиду от участия в «склоках» музейных, но потом, когда она решительно заявила, что не желает терпеть, равнодушно или трусливо прятаться от злоупотреблений, а хочет бороться, чего бы ей это не стоило, я увидел, что действительно она права. Вирен говорит, что он давно бы ушел из ИАЭ, но не хочет оставить Лиду одну, на съедение. Ибо, действительно, она теперь совершенно одинока в Ин[ституту]те, все против нее. И я думаю с тоской: ужасно, никому верить нельзя, нужно уметь у всех видеть подлинное нутро. Увы, я не могу этого, не способен».

Продолжение методичной фиксации событий вокруг себя, вероятно, как-то успокаивало А.Г. Данилина. Вот лишь фрагмент такой автоэтнографии с обращением к своему читателю в будущем – дочери Лидии, соавтору настоящей статьи:

> «11 авг[уста] 1937. С утра очередь. Удача: 1 кг риса, 2 кг сахара (очередь относит[ельно] небольшая, встал второй раз – и получил) и 2 десятка яиц. Так обеспечены будем на неделю, если же поеду в Валдай... придется

еще раза два постоять. Ничего, погода хорошая. А как интересно наблюдать быт очереди! Все занимают одновременно две-три очереди и бегают от магазина «мясного» к «сахарному», оттуда к «яичному», наведаться, не забыли ли их соседи по очереди. Когда есть уверенность что товару много и всем хватит – настроение у всех веселое, много оживления. А если мало – тут и пойдут ссоры, склоки, до рукопашной. Лидушка[9], когда ей придется 20 лет спустя, читать это, будет удивляться и сравнивать свой быт с бытом родителей. Да, история на наших глазах, и бытовые черточки не теряют своего значения».

В мае 1941 г. он должен был бы отправиться в экспедицию в Украину (АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 839), но в июне Андрей Григорьевич будет в Ленинграде, который его семья сумела покинуть в первые дни блокады.

Собирая архивы и коллекции вместе

Незадолго до смерти в первую блокадную зиму, будучи уже совсем слабым, Андрей Григорьевич на санках перевез свой архив (сотни тетрадей своих дневников, коллекции фотографий и десятки папок научных работ) в квартиру Лидии Эдуардовны, своей первой супруги. Хранить дневники в своей квартире ему казалось довольно опасным, тем более, что в соседний с Данилиными дом на Серпуховской улице попала бомба. Вильгельмина Герардовна с детьми Владимиром и Лидией уехали в эвакуацию (рис. 10). Её сын от первого брака Михаил был мобилизован и в 43-м ранен под Ленинградом, проведя последующие месяцы вплоть до конца войны в госпитале. Квартира Каруновской казалась более безопасной… Как и многие другие коллеги Андрея Григорьевича, он переехал жить в музей, что было официальным решением руководства и вместе с этим немного облегчало страдания и лишения. Лидия Эдуардовна в это время жила по другую сторону Невы, в подвале другого музея – Музея антропологии и этнографии. Видя, как Андрея покидают силы, она готовила ему «супчик» (как она писала в своих письмах) и носила через мост из МАЭ в ГМЭ. Спасти Андрея было невозможно. Не слишком крепкий здоровьем и прежде, он угасал буквально на глазах и 12 февраля 1942 г. скончался от дистрофии (или колита: Груздева 2013: 39) на работе в ГМЭ. Лидия Эдуардовна была рядом с ним до конца. Из письма Евгении Эдуардовны Бломквист Надежде Павловне Гринковой (13 февраля 1942 г.):

«Вторая партия [эвакуации] намечена между 15 и 18, по-видимому, будет массовый выезд, только не все дождутся. Так, Лидия Эдуардовна, упорно не хотевшая эвакуироваться, решила ехать, чтобы спасти Данилина, она помогала ему последнее время, подкармливала его, но не удалось дотянуть; он все время был бодр и жизнерадостен, как всегда, я часто видела его в нашем бомбоубежище, но дня 3-4 [назад?] он слёг, Ли-

дия Эдуардовна с трудом довела его до вашего Музея, последнюю ночь она была с ним, и вчера ночью (на 12-е) он умер на её руках там, в бомбоубежище том» (Груздева 2013: 35).

Вскоре Л.Э. Каруновская смога эвакуироваться в Ташкент вместе с другими коллегами.

Рис. 10. Последняя фотография А.Г. Данилина с семьей. 30 июня 1941 г. На обороте надпись: «Вся семья вместе и душа на месте»

В личном архиве семьи Данилиных-Трисман сохранилось письмо Л.Э. Каруновской из Ташкента к В.Г. Трисман от 25 февраля 1943 г., т.е. через год с небольшим после смерти А.Г. Данилина. Она пишет:

«Милая Вилли,

[…] Относительно твоих дипломов – я уже писала, что целую пачку разных бумаг я забрала в Институт (этнографии. – *Авт.*), вместе с дневниками Андрея – в стенах Академии наук их сохранность все же более надежная, какие именно из бумаг там, я тебе сказать не могу, потому что не помню. Когда я переправляла [нрзб.] книги в Акад[емию] наук я сама уже была настолько слаба, что еле держалась на ногах, а разбор и переправка книг Андрея оказали на меня очень тяжелое действие – я еще больше обессилила. Когда я после болезни, через месяц после смерти Андрея, явилась с ключом от него в квартиру вашу и с управхозом вошла, впечатление было такое, что это не жилое помещение – на полу и кроватях разные тряпки, чужая кровать. Дрова соседей и т.д.».

Вероятнее всего, что именно Л.Э. Каруновская была первым человеком, кто приводил архив Андрея Григорьевича в порядок. Надо сказать, что педантичный к хранению собственных документов, Данилин держал свои записи и дневники в идеальном порядке. Его страсть к архивированию и классификации очень хорошо видны при работе с его личными дневниками. Их, как и этнографические дневники, А.Г. Данилин рассортировал сам (АМАЭ РАН. Ф. 15). Как следует из письма Каруновской к Трисман и рассказов Каруновской Лидии Андреевне Данилиной, она накануне своей эвакуации перевезла все документы из квартиры в МАЭ.

В то время, когда стал формироваться архивный фонд МАЭ, Илья Яковлевич Треногов, отвечавший за курирование архивных документов по разным отделам в 1962 г., составляет список архивных материалов А.Г. Данилина (Жуковская: АМАЭ РАН. Ф. 15, предисловие к описи). Вероятно, что в этом разборе документов принимали участие Л.Э. Каруновская и В.Г. Трисман. В середине 1960-х гг. Лидия Эдуардовна передает личные документы и тетради А.Г. Данилина его дочери, которые и сейчас хранятся у неё в Санкт-Петербурге и частично в Амстердаме. За эти годы архивом Данилина в МАЭ пользовались исследователи, но опубликована была лишь его незначительная часть. Это, прежде всего, сокращенный вариант книги «Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения в Ойротии», вышедшее с предисловием Веры Павловны Дьяконовой – этнографа-алтаиста и близкой коллеги Л.П. Потапова (Данилин 1993). Помимо этого, алтайские коллеги публиковали несколько бурханистских текстов, записанных Данилиным в «поле» (Екеев 2004). Такова самая общая история архивной коллекции А.Г. Данилина. Однако собрание МАЭ не исчерпывает всего корпуса документов Андрея Григорьевича. Обратимся к другим частям архива.

Личный архив. Он сохранился благодаря Л.Э. Каруновской и В.Г. Трисман. Это 177 папок с документами, которые представляют собой тетради, в которых записаны события прошедших дней, листы которых зачастую переложены письмами, вырезками из газет, афишами, билетами на концерты и т.д. В силу того, что все папки были пронумерованы (вероятнее всего, самим Андреем Григорьевичем), мы могли заметить, что в этой коллекции отсутствует несколько папок: с 4-й по 8-ю. Будем надеяться, что они будут однажды обнаружены.

Следующим крупным собранием следует считать *коллекции архива, фотоархива и вещевое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН* – это, прежде всего, материалы полевых исследований и некоторые черновики статей. В собрании этого же музея имеется большая коллекция фотографий и негативов исследователя, а также материальных предметов, привезенных из экспедиций.

Ниже мы приводим краткий указатель фотоколлекций Данилина и Каруновской.

Номер коллекции	Народ	Год поступления	Место[10]	Количество изображений	Краткое описание
МАЭ № И-1324	Крымские татары	1923	Крым	21 (негативы)	Жилище, одежда, занятия
МАЭ № И-1323[11]	Русские	1925	Рязанская область	12 (негативы)	Постройки, рыболовство, лесорубы
МАЭ № И-1322	Аварцы	1926	Республика Дагестан	6 (фотографии)	Одежда, жилище, домашние работы
МАЭ № И-4120	Телеуты	1927	Республика Алтай	99 (негативы)	Жилище, поселения, хозяйство, бурханизм, занятия
МАЭ № И-4121	Алтайцы	1927	Республика Алтай	70 (негативы)	Жилище, поселения, хозяйство, бурханизм, занятия
МАЭ № И-4122	Алтайцы	1927	Республика Алтай	24 (негативы)	Жилище, бурханизм
МАЭ № И-4123	Телеуты	1928	Кемеровская область	10 (негативы)	Строения, портреты
МАЭ № И-4124	Алтайцы	1928	Республика Алтай	83 (негативы)	Жилище, поселения, хозяйство, портреты, шаманизм, занятия
МАЭ № И-4125	Телеуты	1929	Алтайский край	29 (негативы)	Жилище, поселение, хозяйство, ритуалы
МАЭ № И-4126	Алтайцы	1929	Республика Алтай	162 (негативы)	Жилище, поселения, хозяйство, портреты, бурханизм, шаманизм, занятия
МАЭ № И-4127	Русские и цыгане	1929	Республика Алтай	37 (негативы)	Портреты, хозяйство, занятия

Часть коллекций, привезенных с Алтая, была зарегистрирована Л.Э. Каруновской. Однако в силу того, что они проводили полевые исследования вместе, эти коллекции следует также учесть в нашей статье. Это – коллекции МАЭ № 4053 (привоз 1927–1928 гг.; 20 негативов) и МАЭ № 4054 (датирована 1931 г.; 11 фотографий).

Всего же в собрании МАЭ сохранилось 584 фотографии и негатива. Эта цифра может показаться не столь уж значительной сегодня, однако

нужно помнить, что речь идет о стеклянных негативах, изготовление и перевозка которых были делом весьма непростым.

Примечательно в этом списке и то, что фотографирование в экспедиции было не равномерным – одни экспедиционные поездки были оснащены лучше, и этнографы могли привезти довольно много негативов (например, 1927–1929 гг.), в то время как из других поездок – совсем незначительное число. Вероятнее всего, это зависело от числа взятых с собой стеклянных пластин, а также от успешности их проявки в поле.

Наряду с фотографиями ими было привезено и значительное количество вещей от дунган, алтайцев и телеутов.

Номер коллекции	Народ	Год поступления	Место	Количество предметов	Краткое описание
МАЭ № 2864	Дунгане	1922	г. Бишкек	2	Обувь
МАЭ № 3365	Дидойцы	1926	Республика Дагестан	14	Кузнечный мех, деревянный сосуд, кожаная одежда, тмин
МАЭ № 3431	Дидойцы	1927	Республика Дагестан	3	Барабан с двумя палочками
МАЭ № 3433	Русские	1927	Республика Алтай	9	Ручной гончарный круг и стадии работы спиральным налепом
МАЭ № 3649	Телеуты	[1927]	Республика Алтай и Кемеровская область	14	Предметы быта
МАЭ № 3650	Алтайцы	[1927]	Республика Алтай	93	Предметы быта
МАЭ № 3720	Алтайцы	1928	Республика Алтай	382	Предметы быта
МАЭ № 3728	Телеуты	1928	Республика Алтай	152	Предметы быта
МАЭ № 3973	Алтайцы	1929	Республика Алтай	133	Предметы быта и культа
МАЭ № 3974[12]	Телеуты	1929	Республика Алтай	343	Предметы быта и культа
МАЭ № 6644	Алтайцы	1969	Республика Алтай	1	Кожаный сосуд

Всего же из экспедиций А.Г. Данилин и Л.Э. Каруновская привезли 1 146 предметов.

Отдельные предметы из коллекции А.Г. Данилина и Л.Э. Каруновской (МАЭ № 3973, историю коллекции см. ниже) были переданы для организованной В.Г. Богоразом Антирелигиозной выставки, которая в

1932 г. стала *Музеем истории религии* (старые номера: МАЭ № 3973-104, 3973-105). Биография этих двух вещей не до конца ясна и сегодня. В первоначальной описи сказано, что шаманский бубен и шапка принадлежали «шаманке» без указания имени. В ходе консультаций с хранителем коллекций Музея истории религии Татьяной Николаевной Дмитриевой мы пришли к выводу, что один из предметов (скорее всего бубен) мог принадлежать Кондрату Танашеву.

Работая в разных институциях и отправляясь по их распоряжению в экспедиции, А.Г. Данилин по возвращении домой передавал свои полевые материалы в эти организации, что со временем стало частью институтских архивов. В ходе нашей архивной работы была обнаружена коллекция полевых материалов в собрании *Санкт-Петербургского филиала архива РАН*. Здесь сохранились документы как самого Андрея Григорьевича, так и его сестры Клавдии и супруги Лидии Эдуардовны Каруновской. Экспедиционные материалы сохранились в нескольких фондах архива. Фонд Института по изучению народов СССР АН СССР (ИПИН) № 135 содержит материалы экспедиций в Дагестан (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 100), материалы экспедиций на Алтай за 1927–1929 гг. (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 101, 102), а также материалы экспедиций в Рязанскую (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 104; частично опубликованы: Данилин 1927б) и Ленинградскую (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 228; Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 106, 107; частично опубликованы: Данилин 1931а) области. Материалы экспедиции к вепсам Ленинградской области в деревни Шокшозеро и Сяргозеро сохранились в фонде Дмитрия Константиновича Зеленина – одного из университетских наставников А.Г. Данилина (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 4. Ед. хр. 80, 82). Сохранились также письма к Л.Я. Штернбергу (СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 88), Д.К. Зеленину (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 149) и С.Ф. Ольденбургу (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 182).

В собрании Санкт-Петербургского филиала Архива РАН сохранились также материалы, которые относятся к истории этнографического образования. Это краткие очерки о деятельности географического факультета ЛГУ (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 103; опубликован: Данилин 1928г) и о деятельности ленинградских этнографов в связи с реорганизацией ГАИМК (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 105; опубликован: Данилин 1930а), а также краткое описание выставки журнала «Этнография» (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 202).

Помимо этого, СПФ АРАН хранит две краткие заметки А.Г. Данилина «О названии жителей Ойротской Автономной области» (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 203) и «Пережитки добывания огня трением в лесной зоне Восточной Европы» (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 5. Ед. хр. 204).

Одна фотография А.Г. Данилина из экспедиции к вепсам сохранилась в *архиве Русского географического общества* (НА РГО. Р. 112. Оп. 1. Ед. хр. 575).

Интерес к музыке, как мы отметили выше, имел и свои этнографические последствия: Андрей Григорьевич и Лидия Эдуардовна записывают 65 валиков от алтайцев и телеутов на Алтае (см. рис. 4–6), которые вместе с записями Андрея Викторовича Анохина составляют самый ранний аудиокорпус алтайского языка и фольклора. В *фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН* хранятся все 65 фонографических валиков, записанных в 1928 г. Эти записи, как и все остальные записи сибирского собрания Пушкинского дома, были переданы из МАЭ в 1930-е гг. Ниже мы приводим список этих валиков, расположенных по хронологии, а не в порядке архивной нумерации.

Номер	Место записи	Дата записи	Тип записи	Нарратор
ФА ИРЛИ 4730.01		1928	Колыбельная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4730.02		1928	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4730.03		1928	Колыбельная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4730.04		1928	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4727.01	улус Малая Черга	25 июля 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4727.02	улус Малая Черга	25 июля 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4727.03	улус Малая Черга	25 июля 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4718.01	улус Малая Черга	26 июля 1928 г.	Песня	Чарбан
ФА ИРЛИ 4718.02	улус Малая Черга	26 июля 1928 г.	Песня	Чарбан
ФА ИРЛИ 4713.01	улус Индигеш	26 июля 1928 г.	Свадебная песня	
ФА ИРЛИ 4713.02	улус Индигеш	26 июля 1928 г.	Проза	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4720.01	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Детская песня	Серкин Егор
ФА ИРЛИ 4720.02	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Детская песня	Серкин Егор
ФА ИРЛИ 4720.03	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Детская песня	Серкин Егор
ФА ИРЛИ 4715.01	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Песня	Серкин Владимир
ФА ИРЛИ 4724.01	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Песня	Маринов
ФА ИРЛИ 4729.01	улус Индигеш	27 июля 1928 г.	Колыбельная песня	Серкина Мария

Номер	Место записи	Дата записи	Тип записи	Нарратор
ФА ИРЛИ 4719.01	улус Индигеш	30 июля 1928 г.	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4719.02	улус Индигеш	30 июля 1928 г.	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4726.01	улус Индигеш	30 июля 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4726.02	улус Индегеш	30 июля 1928 г.	Колыбельная песня	
ФА ИРЛИ 4726.03	улус Индегеш	30 июля 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4702.01	урочище Индигеш	2 августа 1928 г.	Свадебная песня	
ФА ИРЛИ 4722.01	улус Индигеш	2 августа 1928 г.	Свадебная песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4711.01	улус Индигеш	2 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4711.02	улус Индегеш	2 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4705.01	улус Индигеш	5 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4705.02	улус Индигеш	5 августа 1928 г.	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4716.01	улус Индигеш	6 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4716.02	улус Индигеш	6 августа 1928 г.	Свадебная песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4706.01	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4706.02	улус Черга	19 августа 1928 г.	Частушки	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4706.03	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4706.04	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Неизвестная женщина
ФА ИРЛИ 4721.01	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4721.02	улус Черга	19 августа 1928 г.	Игровая песня	
ФА ИРЛИ 4723.01	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Крыжакова Марфа
ФА ИРЛИ 4723.02	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Крыжакова Марфа
ФА ИРЛИ 4725.01	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4725.02	улус Черга	19 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4725.03	улус Черга	19 августа 1928 г.	Плясовая песня	Шабураков Абакум
ФА ИРЛИ 4708.01	улус Черга	20 августа 1928 г.	Свадебная песня	Шабураков Сергей

Номер	Место записи	Дата записи	Тип записи	Нарратор
ФА ИРЛИ 4708.02	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Сергей
ФА ИРЛИ 4708.03	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Сергей
ФА ИРЛИ 4710.01	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Уросчи Мария
ФА ИРЛИ 4710.02	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Уросчи Мария
ФА ИРЛИ 4710.03	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Уросчи Мария
ФА ИРЛИ 4717.01	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Шакириха Ольга
ФА ИРЛИ 4717.02	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Шакириха Ольга
ФА ИРЛИ 4728.01	улус Черга	20 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4707.01	улус Черга	21 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4709.01	улус Черга	21 августа 1928 г.	Свадебная песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4709.02	улус Черга	21 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4712.01	улус Черга	21 августа 1928 г.	Песня	Шабураков Александр
ФА ИРЛИ 4704.01	улус Черга	22 августа 1928 г.	Проза	
ФА ИРЛИ 4704.02	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4704.03	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.01	улус Черга	22 августа 1928 г.	Свадебная песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.02	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.03	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.04	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	Неизвестный мужчина
ФА ИРЛИ 4714.05	улус Черга	22 августа 1928 г.	Песня	
ФА ИРЛИ 4703.01	урочище Инди-геш	26 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Мальчик
ФА ИРЛИ 4703.02	урочище Инди-геш	26 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Мальчик
ФА ИРЛИ 4703.03	урочище Инди-геш	26 августа 1928 г.	Колыбельная песня	Мальчик другой

В собрании *Отдела рукописей Российской национальной библиотеки* (Санкт-Петербург) имеется только один документ бюрократического характера – наряд, выданный А.Г. Данилиным Е.Г. Кагарову на чтение

лекции «Маркс и изучение доклассового общества» в 1933 г. (ОР РНБ. Ф. 324. Ед. хр. 24).

И, наконец, в собрании *Шебалинского краеведческого музея* (Республика Алтай) есть фотография Андрея Данилина с группой людей. Вероятнее всего, она была сделана Мокрушиным – другом Данилина и замечательным алтайским фотографом.

Мы можем также предполагать, что часть материалов А.Г. Данилина может храниться еще в архивах и музеях Горно-Алтайска, Бийска, Барнаула и Новосибирска, оставаясь не введенной в научный оборот.

Архив свой и чужой

Часть архива, находящаяся у дочери А.Г. Данилина, состоит из дневников, фотографий и документов, общим числом 177 тетрадей / папок (см. рис. 11). Первая тетрадь датирована 1910 г., когда Андрей Григорьевич был еще школьником[13].

Его дневник полон описаний того, как он ищет будущую профессию, странствует по разным городам и весям. Вероятно, в этой отчасти вынужденной мобильности дневник и письма давали ему необходимое чувство стабильности. Такая эпистолярная привычка стала его экзистенциальной потребностью на долгие годы – стараться не разрушать сложившихся отношений географическим расстоянием, интересоваться жизнью друзей и знакомых и рассказывать им о себе.

Интересно, что запись ежедневных событий как практика самодисциплины постепенно стала превращаться для Андрея Григорьевича в практику «самоархивирования», видя все свои записи уже как архив. Он нумерует тетради, составляет указатели мест записи и порой отмечает наиболее важные события того или иного периода времени (наиболее важные вехи: Рязань, Одесса, Ленинград, Москва, Алтай).

Сами записи Данилин организует также довольно интересно: он соединяет все документы хронологически, беря за основу собственный дневник. При этом он добавляет в него не только приходящие письма, но и краткие ответы на них, а также разные «бумажки» (билеты, программы театров, записки с ценами приглашения, квитанции, фотографии), что превращало дневник как тетрадь в материальный прообраз страниц в современных Фейсбуке или Вконтакте, где помимо наших мыслей и фотографий мы «постим» то, что нам кажется интересным[14]. Вот как сам А.Г. Данилин писал о своём дневнике (1 сентября 1937 г.):

> «Нужен ли такой дневник? Когда в мечтах, я показываю его дочке или друзьям («через 20 лет»), я представляю, как будет оживать при чтении его моя вся жизнь, но даже великой нашей эпохи. Но отражается ли здесь эпоха, вот вопрос? Пожалуй, лучше было бы вкладывать между страницами газетные вырезки: это жизнь!».

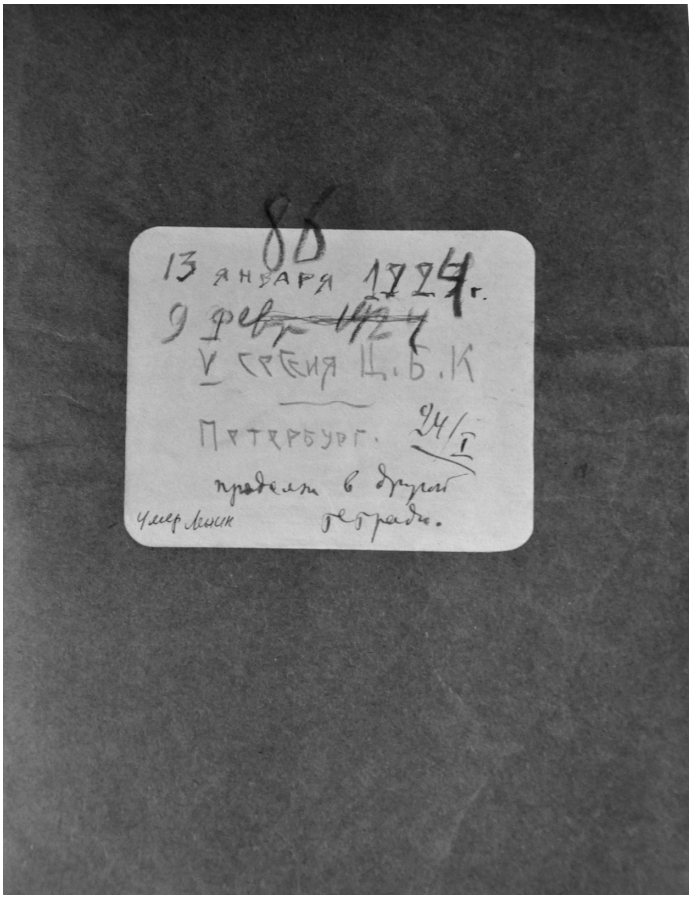

Рис. 11. Обложка дневника 1924 г.

Рефлексируя над собственным дневником, Данилин очень точно определяет свою позицию этнографа. Отражением эпохи или даже жизнью для него являются и его текст, и газеты, вырезками из которых, как мы заметили выше, полон его дневник. Все это, с точки зрения историка, показывает предысторию формирования «дневниковой субъектности», описанной Анатолием Пинским на примере писателей хрущевской «оттепели» (Pinsky 2014). С одной стороны, Андрей Григорьевич пишет «жизнь эпохи» через себя, чтобы передать её как совокупность тетрадей своим близким, а с другой – объективирует её через вложенные газетные вырезки, билеты и т.д. – «настоящие» документы эпохи.

История, написанная для себя, останавливается для Данилина в 1940-м. Он резко прекращает делать всякие записи. Все, что мы знаем о нем после, – по записям и письмам его коллег. Однозначного ответа, что привело к этому, у нас, увы, нет.

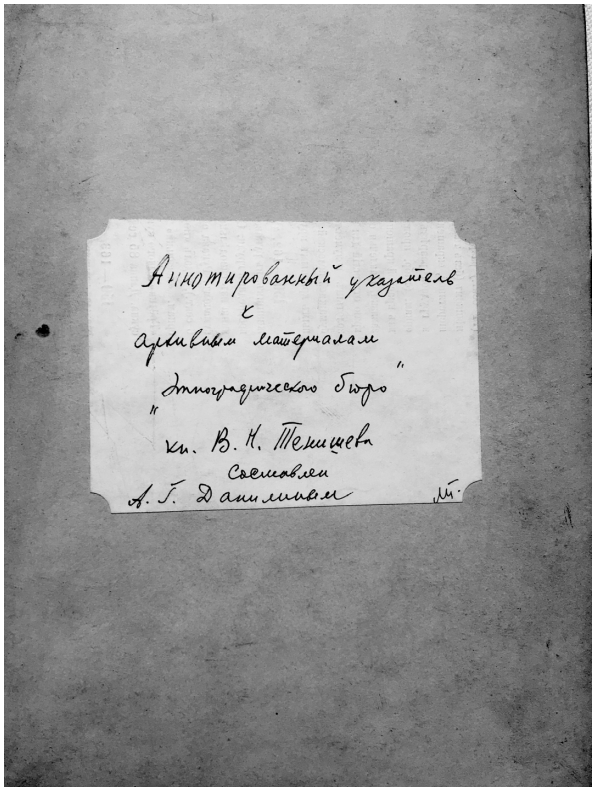

Рис. 12. Аннотированный указатель к архиву кн. Тенишева.
Архив РЭМ. Фотография А.Н. Копаневой. 2018 г.

Создаваемый им личный архив был только частью его архивной жизни. Вторая часть – архив Государственного музея этнографии (после 1934 г., до этого – Этнографический отдел Русского музея), который сегодня называется Российским этнографическим музеем. Андрей Григорьевич некоторое время работал заведующим музейным архивом, где он разбирал архив князя В.Н. Тенишева. Благодаря помощи нашей коллеги Анны Николаевны Копаневой (РЭМ, Санкт-Петербург), мы можем сказать, что это была едва ли не самая успешная работа архивариуса во всей истории РЭМ. Несмотря на то, что составленные им описи не используются сегодня в силу многочисленных дополнений и нововведений, которые происходили уже после Второй мировой войны, их детальность и качество отражают высокий профессионализм А.Г. Данилина. Как указывает на основании материалов РЭМ А.Н. Копанева, в 1938 г. ему удалось составить описание архива Тенишева («Аннотированный указатель к архивным материалам «Этнографического бюро» кн. В.Н. Тенишева») объемом в 10 печатных листов (рис. 12), которое он готовил к печати (устное сообщение А.Н. Копаневой). Известно, что эту работу он продолжал и в 1939 г.

В это же время Данилин был также привлечен к разбору архива А.В. Анохина, который был в 1933 г. на время перевезен с Алтая в Ленинград в МАЭ, где сначала находился в Отделе этнографии Сибири, а затем был передан в состав архива музея. Этот перевоз имел исключительно техническую цель – обработка и систематизация данных ленинградскими этнографами и лингвистами, чтобы затем быть переданным обратно на Алтай. Однако юридическая судьба этого архива оказалась довольно трудной. Он и сейчас хранится в МАЭ, что продолжает вызывать дискуссии в Республике Алтай (см.: Хохолков 1989)[15].

А.Г. Данилин совмещал свою работу архивариуса и научного сотрудника. В это время, вероятнее всего, по заказу Института языка и мышления, он также готовит к печати и публикует два письма Н.Я. Марра, культовой и демонической фигуры советской довоенной гуманитарной науки (Данилин 1936а).

История невозвращения одной коллекции

От общего анализа биографии и архива нам хотелось бы перейти к истории одной коллекции (МАЭ № 3973), привезенной Андреем Григорьевичем и Лидией Эдуардовной. Эта история, как и история архива Анохина, помогает лучше понять культурные притязания алтайцев.

Данилин в своём письме в МАЭ (точный адресат не указан) 10 октября 1929 г. писал:

> «Из отчета Л.Э. Каруновской, представленного МАЭ, видно, что работа отряда проходила в самом тесном контакте с Областными и Ай-

мачными организациями. В частности, отряд получил из Усть-Канского политпросвета для МАЭ в дар предметы культа бурханистов и шаманистов, сданных туда отказавшимися от сана ярлыками и шаманами. Об этом по приезде было доложено директору МАЭ и от имени Музея работникам аймака послана благодарность и обещание культурной помощи. Отряд нашел возможным воспользоваться этими предметами».

Рис. 13. Прием шаманских вещей А.Г. Данилиным (второй справа). Крайний слева человек, скорее всего, Кондратий Танашев, бывший проводником Данилина и Каруновской в их экспедициях[16]

В архиве А.Г. Данилина также сохранилась фотография передачи этих коллекций (рис. 13). Необходимо сказать, что в этот период времени была начата крупномасштабная антирелигиозная кампания на Алтае с целью заставить местных шаманов и *јарлыкчылар* отказаться от ритуальных действий (рис. 14), которая получила название «расшаманивание». Они не только сдавали свои ритуальные предметы в сельсоветы или приезжим активистам и этнографам (см.: Данилин 1930), но также писали покаянные письма (иногда называемые также «подписки») в местные газеты. Данилин собирал такие «подписки» (см. один из текстов: Батьянова 2020: 109). Приведенный ниже пример такого документа говорит, что вместе с отказом от «ярлычества» «религиозные принадлежности» *јарлыкчы* Арыка Чилбаева передавались в Музей Академии наук (имеется в виду МАЭ).

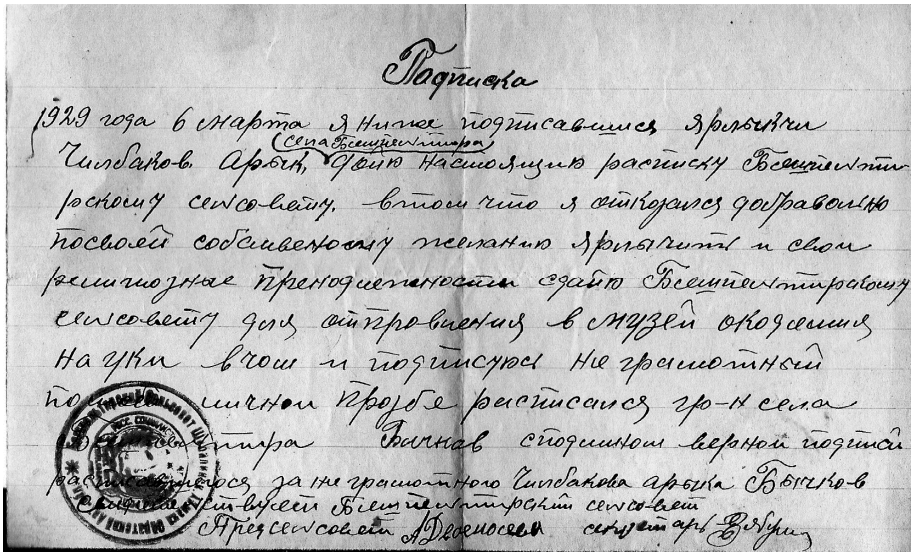

Рис. 14. Пример «подписки» *jарлыкчы* Арыка Чилбакова. 6 марта 1929 г.

Текст (сохранены орфография и пунктуация оригинала):
«Подписка
1929 года 6 марта я ниже подписавшися ярлыкчи
Чилбаков Арык {села Бешпелтира} дойю настоящию расписку Бешпелтирскому селсовету. втом что я откозался добровольно
посвоей собственому желанию ярлычить и свои
религиозные пренодлежаности сдаю Бешпелтирскому
селсовету для отпровления в музей окодемия
науки втом и подписусь не грамотный
по[нрзб., след от печати] личном прозбе расписался гр-н села
Бешпелтира Бычков сподлинком верном подписи
расписавшегося за неграмотного Чилбакова арыка Бычков
свидетельствует Бешпелтирский селсовет
Председовет [подпись] секретарь [подпись]».

В архивах сохранилось только несколько экземпляров таких «подписок», которые были и покаяниями, и своеобразными письмами «снизу». Часть из них публиковалась в газете «Кызыл Ойрот» в 1930-е гг. (см.: Arzyutov 2018: 44; ср.: Fitzpatrick 1996).

По возвращении в Ленинград Данилин получает известие, что коллекции, которые он привез из Усть-Канского аймака, были переданы ему незаконно. В его личном архиве сохранилось письмо от 10 октября 1929 г., адресованное Давидовичу[17]. Несмотря на то, что на самом письме рукой Данилина написано «забракованный вариант», мы приводим здесь часть этого письма, чтобы показать, как бюрократически происходило движение коллекций между «полем» и музеем на Алтае в 1920-е гг.:

«10/X 29 Ленинград 13, Серпуховская, 12, кв. 33

Забракованная копия

Уважаемый тов. Давидович!

На днях я пережил неприятные минуты: из Обл.И.К. (подписи Алактузова [?] и Сары-Сэп) в Акад[емию] Наук пришла бумага, где меня и мои действия по приобретению коллекций в Усть-Кане квалифицировали чуть ли не как самочинное, самозванное, незаконное, неувязанное с Обл. и т.д. Дело же в том, что кому-то (в Облоно или в Музее?) не понравился факт передачи предметов культа шаман[ского] и бурхан[истского] из Политпросвета в Музей Акад[емии] Наук. Разберемся.

Формально: я говорил с Горлатовым, говорил с Вами и еще не помню с кем из айм[ачных] работников, говорил вполне официально, как член экспедиции, посланной для приобретения коллекций и записи научных материалов. И только после Вашей визы (пусть словесной только), т. Горлатов счел возможным отдать, а я – принять эти костюмы и прочие предметы.

По существу: предметы лежали в амбаре год, и никто из местных обл[астных] работников не принял мер, чтобы их переправить в свой Музей. Спохватились же, когда после моего письма т. Арбузовой увидели, что эти вещи уходят из Ойротии. Дальше. Учитывая, что случаев отхода от шаман[ства] и бурх[анизма] будет в дальнейшем много, Ойратским работникам особенно сетовать не приходится. Нужно только быть немножко энергичнее и следить за такими случаями, хотя бы по «Ойр[отскому] Краю» или «Кызыл Ойрот» (местные газеты. – *Авт.*). Они довольно серьезно просят Академию Наук вернуть им эти несчастные костюмы. Не знаю, что ответят им. Допустим, что отошлют обратно. Жаль, т.к. этот Музей мирового значения и здесь предметы эти были бы нужнее. Тем более, что для Ойротии в течение каких-нибудь месяцев не исключена возможность на месте получить их, а снаряжать еще раз отсюда дорогие экспедиции с государственной точки зрения нерационально.

Считаю нужным дать эти объяснения Вам лично, совершенно в частном порядке, имея ввиду только выяснить свой взгляд».

Читая это неотправленное письмо сегодня, когда все еще не утихают споры об «алтайской принцессе» (см.: Broz 2008; Доронин 2016), нетрудно заметить, что дискуссии о материальном наследии коренного населения Сибири и его репатриации имеют довольно долгую историю. Прежде всего, эта история хронологически и фактически соответствует тому периоду времени, когда был сформирован основной состав коллекций МАЭ по народам Южной Сибири благодаря привозам Данилина, Каруновской, Дыренковой и других этнографов. Именно на основании этих коллекций этнографы последние примерно 70 лет описывают алтайскую «традиционную культуру». Однако микроистория коллекции МАЭ № 3973 позволяет нам понять, как происходило административное движение вещей.

Прокомментируем письмо Давидовичу. Изъятие вещей из социальной и ритуальной жизни приводило к тому, что вещи теряли свой прежний статус внутри сообщества и могли быть даже уничтожены. Но как только в этот процесс «естественного» забвения включались колониальные власти в лице Академии наук, то престиж и значение этих коллекций немедленно возрастали. Перемещение этих бывших ритуальных предметов в центральный музей, вероятно, рассматривалось как их полная утрата или, по крайней мере, потеря контроля над ними. При этом активисты ойротской государственности, такие как Сары-Сеп Конзычаков, использовали встречный и столь же бюрократический прием, идя на союз с государством и отправляя официальные письма на имя Академии наук. Со своей стороны Данилин действует точно так же, заявляя, что, во-первых, вещи – отличные (с точки зрения этнографа), а значит, должны храниться в МАЭ, а во-вторых, новая экспедиция будет нерациональной, «с государственной точки зрения».

Эти перемещения вещей между отдельными лицами, сельским амбаром, местными музеями и музеями АН показывают, как в каждом из случаев происходит наделение вещей новыми и новыми смыслами, а также как они выступают уже в форме материализованных атрибутов алтайской суверенности (ср. с историей архива Анохина, затронутой выше). В этом отношении контекст «культурной революции» в регионе в форме борьбы с шаманством оказывается вдвойне интересным: это и форма уничтожения материального прошлого на местах, и форма конструирования идеального образа шаманизма внутри музеев. Небольшие тексты на обрывках бумаги или на оборотах использованных документах, как приведенное выше письмо Данилина, позволяют заново описать (или даже переписать) историю коллекций, одна из которых, согласно описи, была куплена Данилиным и Каруновской в ходе экспедиции 1929 г.

Magnum Opus

Когда смотришь на папки с личными документами Данилина, на его многочисленные отчеты, рукописи и письма, которые разбросаны по десяткам архивов, то кажется совершенно невозможным обозреть это наследие. Дневники Данилина позволяют понять, что происходило с человеком на протяжении более 20 лет в межвоенный период. Наряду с его любовью к музыке, театру и музеям, мы в этой части статьи хотели бы обратиться к истории его главной книги – «Бурханизм» (1993). Вероятнее всего, Данилин задумал исследование на эту тему сразу после первой поездки на Алтай в 1927 г., так как уже в экспедиции 1928 г. он активно собирает материалы по теме: записывает фольклор, устную историю, делает множество фотографий и начинает необычный для

советской этнографии проект – приглашение к самозаписи устной истории бывших участников движения – *јарлыкчылар*. На основании этого материала, а также работы с опубликованными и некоторыми архивными данными он пишет кандидатскую диссертацию, которую потом планирует издать как отдельную книгу. В силу разных причин эта книга будет издана только в 1993 г. в Горно-Алтайске. Историю борьбы за издание этой книги частично описала В.П. Дьяконова в своём предисловии (Дьяконова 1993).

В настоящей части мы остановимся на двух сюжетах, связанных с историей «Бурханизма». Первый – описание метода, которому следовал А.Г. Данилин при написании своей книги, и второй – история политической борьбы возле этой книги.

Данилин и Каруновская приезжают на Алтай, когда пик бурханистского движения уже сошел. Первым этнографическим сведениям, записанным миссионерами, а также некоторыми этнографами, такими как Дмитрий Александрович Клеменц, было около 20 лет. Имея общие представления, что все-таки случилось на Алтае в 1904 г., Данилин выбирает стратегию описания бурханизма исходя из трех основных моментов –социальной истории движения, биографий активистов, а также ритуальных действий и предметов.

Первоначальный план книги / диссертации должен был быть следующим:

I глава. Степень изучения бурханизма.
II глава. Социально-экономические причины возникновения бурханизма.
III глава. Сказания о пришествии освободителя.
IV глава. Самозванцы.
V глава. Возникновение и первые этапы бурханизма.
VI глава. Бурханизм в годы Первой мировой войны.
VII глава. Бурханизм с 1917 г. до наших дней.
VIII глава. Культ бурханистов.
IX глава. Культурные места и моления в Усть-Канском аймаке.
X глава. Онгудайский аймак.
XI глава. Шебалинский аймак.
XII глава. Цикл молений.
XIII глава. Свадебные и другие обряды бурханистов.
XIV глава. Бурханизм у телеутов.
XV глава. Биография и генеалогия ярлыков.

Уже из этого предварительного оглавления видно, что он соединяет социальную историю движения (главы 2–7) с географическим распределением его практик (главы 9–11), особо выделяя телеутский ареал (глава 14), что впоследствии повторила Елена Петровна Батьянова в своей статье (2005). Так или иначе, в каждой из частей, посвященных географии движения, присутствует описание ритуальных практик, из которых свадебные и календарные (главы 12 и 13) вынесены отдельно.

И, как мы отметили выше, отдельной главой Данилин выделяет биографии и генеалогии *jарлыкчы.*

В последнем варианте рукописи, которая и была частично опубликована, структура исследования несколько корректируется и приобретает следующую форму:

Глава I. Критический обзор литературы о бурханизме.

Глава II. Социально-экономические и политические причины возникновения бурханизма.

Глава III. Древние мессианские чаяния.

Глава IV. Самозванцы.

Глава V. Возникновение и первые этапы бурханизма.

Глава VI. Бурханизм в годы империалистической войны и движение против мобилизации.

Глава VII. Контрреволюционные выступления и распад бурханизма.

Глава VIII. Культ бурханизма.

Глава IX [или VIII]*. Материалы по культу «белой веры» (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 10).

Глава X [или IX]*. Места молений в Шебалинском аймаке (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 11).

Глава XI [или XIV]*. Бурханизм у телеутов (АМАЭ РАН. Ф.15. Оп. 1. Ед. хр. 12)

Глава XII [или XV]*. Биографии бывших бурханистов – К.И. Танашева, Барнаул, А. Мандаева (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 13).

Звездочкой (*) мы отметили главы, которые не вошли в издание 1993 г.

Мы предполагаем, что Данилин здесь ориентируется на программу одного из своих преподавателей в ЛГУ Владимира Германовича Богораза о старом и новом быте, который, по сути, фокусировался на этнографии революции, т.е. предлагал такой способ анализа и презентации материала, где революция как значительное событие в истории должна была иметь человеческое / антропологическое измерение. В проекте Богораза, которые реализовывался в шести сборниках 1924–1926 гг., автобиографии, а также все письменные документы, составленные людьми на местах, были удачно названы «человеческими документами». В предисловии к одному из сборников «Революция в деревне» Богораз пишет: «...методологическая работа экскурсантов в текущем году (1924–1925. – *Авт.*) представляется более углубленной. Они привезли большое число человеческих документов, например автобиографий, писанных деревенскими людьми, памятуя наставление, что самая плохая автобиография, написанная местным человеком, лучше его биографии, записанной самим экскурсантом с его слов. Мой письменный стол завален этими деревенскими самоописаниями. Иные написаны крупными дрожащими буквами младенческого почерка, другие, напротив, выведены вязью, в стиле московских дьяков, – без лупы ничего не разберешь. Синие, красные, а чаще рыжие чернила выцвели и слезли. А в

правописании каждая ошибка тоже особая этнографическая или бытовая подробность» (Богораз 1925: 4). Только напомним, что многие однокашники и коллеги Данилина проделывали сходный анализ по другим сибирским группам – шорцам (Н.П. Дыренкова: АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 12), эвенкам (Василевич 1938), корякам (Стебницкий 1938) и др.

Возможно, что в этом имплицитно был также слышен голос Дерсу Узала из романа Владимира Клавдиевича Арсеньева, который хоть и не получил высокой оценки среди этнографов сразу после выхода книги, но все-таки был едва ли не первым шагом в выстраивании сибирской антропологии, ориентированной на человека. С течением времени, уже в рамках «этногенетического поворота» в советской этнографии эти *авто*биографии будут превращаться в инструмент описания *группы* или *народа* с утратой привычных противоречий в выстраивании единой модели истории, а цвета чернил и орфографические ошибки окажутся важными, только если они коррелировались с большими моделями истории – чаще миграций. В богоразовской модели «человеческих документов» революции собранный студентами материал создавал революционную полифонию. Сама концепция автобиографии в контексте этнографии революции была нацелена на текстуальное оформление постреволюционной субъектности. Пристально наблюдая за самим собой в «великую нашу эпоху», Данилин словно пробрасывает мосты к Алтаю, пытаясь найти сходства и различия между своим дневником и теми текстами, которые для него писали его друзья из «поля».

Обращая особое внимание на биографии и генеалогии, Данилин во многом следовал принятым на тот момент времени концепциям в изучении шаманизма. На примере Алтая – это, прежде всего, книга Андрея Викторовича Анохина (1924), современника и знакомого Данилина. Для Анохина, как и для других исследователей, знание генеалогии того или иного шамана давало возможность проследить передачу «шаманского дара» от одного поколения к другому. Он в свою очередь во многом следовал за известными работами С.К. Патканова и В.В. Радлова, которые, среди прочего, писали о сибирских и алтайских родах (алт. *сӧӧктор*), пытаясь через их именования выстроить многовековые исторические генеалогии. Таким образом, аналитическая схема «против течения» (англ. *upstreaming*), позже сформулированная в американской этноистории (Fenton 1952; см. также: Burch 2010,) оказалась включенной в ранние модели описания истории шаманства и бурханизма. Примечательно, что несколько позже Л.П. Потапов доведет этот метод до совершенства, предложив историю алтайских родов от современных до древнетюркских (Потапов 1969).

Несмотря на заимствованные приемы написания историко-этнографических текстов, судьба книги «Бурханизм» оказалась очень непростой.

В 1929 г., когда у Данилина, вероятно, были уже первые наброски к книге, им был сформулирован основной аргумент работы – религиозный синкретизм. Заметим, что сам термин «синкретизм» (религиозный, искусства, слова и т.п.), введённый А.Н. Веселовским, активно дискутировался в России в 1920-е, в том числе в работах Марра и его студентов. Вот как в 1930 г. звучала концепция книги А.Г. Данилина:

> «1. Необходимость изучения идеологий современных народов СССР, находящихся на низкой ступени своего культурного развития, диктуется не только потребностями науки, но и очередными задачами советского строительства среди этих народностей.
>
> 2. При новом подходе к изучению религиозных верований, устанавливающем в т[ак] назыв[аемых] «высших» религиях элементы древних культов («двоеверие» в православии и др.), тем более важно выискивать эти элементы в среде народов, на наших глазах формирующих свое мировоззрение под влиянием соседних установившихся религиозных систем.
>
> 3. Материалистический анализ религиозного синкретизма в районах двух и более разнородных идеологий оказывает экономическую почву, на которой разрастаются в новых формах и видах идеологии, слившиеся из разных элементов слагающих их культур.
>
> 4. В качестве примера религиозного синкретизма у турецких народов можно привести «бурханизм» в Южном Алтае мировоззрение новое (начало XX века), слагающееся из элементов шаманизма, с которым переплелись элементы ламаизма по преимуществу и ислама в меньшей степени.
>
> 5. С точки зрения общественно-политической бурханизм является движением национально-освободительным при царизме и реакционным во время гражданской войны и при советской власти.
>
> 6. Движение, направленное против русских колонизаторов во имя освобождения алтайцев и создания собственного национального государства, теряет смысл в условиях предоставленной Ойратии автономии. Культурное развитие Алтайцев за последние годы идет по пути приобщения к советской культуре, и сохранившиеся в некоторых местах очаги бурханизма влияют на это развитие задерживающим образом.
>
> 7. Задерживающее влияние бурханизма на культурный рост алтайцев ставит на очередь вопрос борьбы с ним, предпосылкой чего является тщательный анализ причин его распространения» (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 5).

Относительно точно можно сказать, что начиная с 1934 г. Данилин всерьёз озаботился публикацией книги о бурханизме. 18 сентября 1934 г. по дороге с Алтая в Ленинград, сидя в поезде Новосибирск–Омск, он пишет Каруновской:

> «Результаты экспедиции хорошие, радуют. Договорился написать брошюру и большую книгу о бурханизме».

Судя по другим письмам этого года, Данилину удалось договориться с Западно-Сибирским отделением Союза воинствующих безбожни-

ков, который ходатайствовал о публикации книги в КрайОГИЗ в Новосибирске уже в 1935 г. под заголовком «Монографический очерк бурханизма на Алтае».

За два года до этого Данилину удалось опубликовать статью «Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль» (Данилин 1932а). Это была первая его работа, посвящённая бурханизму. Мы полагаем, что сама концептуализация бурханизма как «национально-освободительного движения» (Данилин 1936б) и как «контрреволюционного проявления» (Данилин 1932а) родилась из многолетней переписки и долгого общения и дружбы между Данилиным и впоследствии известным советским историком Анной Михайловной Панкратовой[18] и его научным руководителем Леонидом Павловичем Потаповым. Эти две идеи при всей их незамысловатости, а также внутренней противоречивости, тем не менее, удобно вписывались в предлагаемые исторические модели: до Октября 1917 г. бурханизм был важным мобилизующим движением для алтайцев / ойротов, а после революции стал выступать препятствием для советского строительства. При этом социально-экономический анализ должен был соответствовать такому распределению. На фоне начавшейся марксизации этнографии научный руководитель Данилина Л.П. Потапов предлагает классовый анализ бурханизма. В своём «Очерке истории Ойротии» он пишет, что именно к 1904 г. оформился класс алтайской буржуазии («зайсанско-байская верхушка») за счет перевода хозяйственных отношений в товарно-денежные, что также совпало с массовым переселением крестьян на Алтай и обострившимся «земельным вопросом» (Потапов 1933: 178–187). В этих условиях, несмотря на свою буржуазную сущность, бурханизм тем не менее был определен Потаповым как «национально-освободительное движение» алтайцев, которое, впрочем, после суда над бурханистами и русско-японской войны 1905 г. приобрело новые черты.

Вначале Потапов пишет, что «бурханизм представлял собой национально-освободительное движение алтайцев-крестьян против колониального угнетения, против притеснений и произвола русских эксплуататоров. Невзирая на религиозную оболочку этого движения, мы должны рассматривать бурханизм как политическую борьбу скотоводов-крестьян против колониального режима». Затем к этому он добавляет: «бурханизм надо рассматривать и как попытку алтайской национальной буржуазии (скотоводческих районов) совместно с представителями китайского торгового капитала – монгольскими ламами – использовать национально-освободительное движение трудящихся-алтайцев в своих целях» (Потапов 1933: 186). Данилин (1932а: 68) продолжает эту мысль, опираясь на работу Сталина «Вопросы ленинизма», где тот пишет о рождении «реакционных элементов» из среды буржуазии, стоящей за «национально-освободительным движением». Этот сдвиг, со-

гласно Сталину, происходит именно в ходе союза буржуазии с «империалистами», что Данилин иллюстрирует фрагментом из биографии алтайского зайсана Аргымая Кульджина, решившего выстроить в алтайском улусе Кеньга – одном из центров бурханизма – православную церковь. Спорность и противоречивость такой аргументации, как представляется, были в каком-то смысле понятны и Данилину, и, может быть, самому Потапову.

В статье 1936 г. о бурханизме как «национально-освободительном движении» алтайцев (Данилин 1936б) Данилин возвращается к некоторым идеям Потапова, но фокусируется преимущественно на связях бурханизма и общеалтайского протеста против военной мобилизации во время Первой мировой войны. «Байско-зайсанская верхушка» здесь уже исчезает из поля зрения. В конце он заключает: «...в период войны 1914–1917 годов несмотря на сохранение бурханизма в его максимальных границах, подъем национально-освободительного движения в других районах и растущая ненависть к классовому врагу, безусловно, изменили самую форму движения. Трудящиеся алтайцы переходят от "белой" веры с молениями и проповедями ярлыков к открытым формам сопротивления войне, до попыток поголовного вооружения против русских захватчиков» (1936б: 44).

Эта статья, как и книга, писались с большим трудом. Панкратова же успокаивает своего друга (5 октября 1934 г.):

> «Дорогой Андрей! Спасибо за весточку. Я была рада ей и твоему самочувствию и твоим успехам в работе. Напиши нам в «Б[орьбу] кл[ассов] статью об Ойротии и бурханизме. Мы очень охотно поместим […] Книгу тебе обязательно нужно написать […]».

Судя по их переписке, статья о «национально-освободительном движении» была написана им между концом 1934 г. – серединой 1935 г. В письме своему знакомому на Алтай (25 февраля 1935 г.) Данилин пишет:

> «Трудностей много. С текстами кое-как справляюсь с помощью проф. Малова. Но многие мелкие детали культа только теперь всплыли, и без ойротских товарищей, я их не могу выяснить. Трудно привести в систему и те данные, которые характеризуют бурханизм, как религиозный синкретизм. Но с этим тоже справлюсь, в конце концов, это моя специальность. Но вот где Ваша дружеская помощь будет необходима – в уточнении политической формулировки бурх[анизма] как нац[онально]-бурж[уазного] движения[19]».

В итоге в 1936 г. статья «Из истории национально-освободительного движения на Алтае» (Данилин 1936б) была опубликована в журнале «Борьба классов» именно благодаря договоренностям с Панкратовой.

Если сам Союз воинствующих безбожников был заинтересован в публикации книги, где основным аргументом должен был быть религи-

озный синкретизм, то редактор книги Потапов как научный руководитель Данилина с этим не мог быть согласен. Между ними начинается конфликт. Впрочем, нужно признать, что еще в дневнике 1927 г. Данилин довольно нелестно отзывается о Потапове, с которым он столкнулся в поле (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 102. Л. 17 об.). В.П. Дьяконова, близкий человек в жизни Леонида Павловича, резюмирует этот конфликт возле книги «Бурханизм» следующим образом (Дьяконова 1993). Потапов настаивал на 1) расширении части, посвященной социально-экономическим причинам возникновения бурханизма, 2) акцентировании внимания Данилина на политических причинах возникновения бурханизма в 1904–1905 гг., в том числе его «японофильскую сущность», наконец, 3) рассматривал бурханизм как идеологию байского класса алтайцев. Уже после войны алтайский аспирант Потапова Павел Егорович Тадыев защитит диссертацию о бурханизме (см. также: Тадыев 1955), где будет иллюстрировать каждый аргумент своего научного руководителя. Место Данилину в этой работе не нашлось…

> «Бурханизм нельзя рассматривать как попытку национального объединения хотя бы южных алтайцев на почве единой новой религии, которая уничтожила бы родоплеменные перегородки. Напротив, бурханизм стремился законсервировать все старое и отсталое в жизни алтайцев, призывая уничтожить культурные достижения, приобретенные алтайцами в результате культурно-экономических связей с русским народом. Бурханизм стремился воспитать и распространить среди алтайцев антирусский буржуазный национализм» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 4 об.–5).

Официальный оппонент известный историк Владимир Васильевич Мавродин только добавит:

> «...показывая истоки бурханизма, диссертант разоблачает это буржуазно-националистическое движение, инспирируемое через ламаистское духовенство японским империализмом, мечтавшим об отложении от России Алтая, Дальнего Востока и всей Сибири, от «великой Японии» до Уральского хребта» (АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Ед. хр. 378. Л. 13 об.–14).

Вернемся, однако, в конец 1930-х. Данилин, как это видно из письма Панкратовой, не был уверен в своих социально-политических интерпретациях бурханизма, на которых настаивали Потапов и Панкратова, склоняясь скорее к этнографическому анализу и рассматривая его как форму религиозного синкретизма шаманства и северного буддизма (ламаизма). В конце советской эпохи именно этот взгляд на бурханизм будет активно продвигаться Андреем Марковичем Сагалаевым (1984, 1992), сибирским этнографом, одним из основоположников сибирского варианта символической антропологии.

В 1935 г. Данилин просит отсрочки для переписывания работы. Судя по документам из личного архива Данилина, на мрачный 1937 г. пришелся пик его работы над книгой, а вместе с этим и все сложности, связанные с арестом Чатто и ухудшением его отношений с Потаповым и другими коллегами.

> 22 марта 1937 г. «говорил с Потаповым о доработке рукописи. Я уже охладел к ней, что он даже заметил и обозвал меня лентяем. Не пойму сам, почему так трудно мне вновь включиться и писать, уточнял и двух [нрзб] национ[альной] буржуазии на Алтае и о путях развития бурханизма и прочих вещах. Материала нового нет, остаются только более или менее подробные комментарии к старому».

> 30 марта 1937 г.: ««Бурханизм» двигается (так в тексте. – *Авт.*) к концу. Ловко его обкарнали: вся 8-я глава – (культ) выпадает. Зато формулировки всюду нивелированы, уточнены, политически заострены[20]. Видна рука Шляева, Потапова (спасибо им) и др. неведомых мне авторов. Теперь сам читаю рукопись с интересом и удовольствием, очень уж материал выигрышен!».

> 1 апреля 1937 г.: «…Потапов так тщательно продвигавший свои материальные интересы и «редакторские»[21]. […] «Ушел из музея в больших размышлениях. Готов был даже подать заявление об уходе! Дома Вилли не было (у них в парторганизации все продолжаются прения по Пленуму ЦК – в каждом № газеты все новый материал. Теперь – заключит[ельное] слово Сталина). Сидел, дорабатывал с трудом рукопись, вставляя в нее небольшие кусочки (так надоело к ней возвращаться вновь и вновь!)».

> 2 апреля 1937 г.: «Окончил правку «Бурх[анизма] – сдал Потапову».

Из переписки Данилина и Никульковой (редактор из ОГИЗ) за 1936–1937 гг. видно, что уже готовая рукопись отправлялась вновь и вновь на доработку после получения новых рецензий. Затем Данилин решает писать рецензию на рецензию, чтобы хоть немного ускорить процесс публикации.

В 1937 г. Данилин получает гранки книги (АМАЭ РАН. Ф. 15. Оп. 1. Ед. хр. 16). Но это еще не был повод для радости… Находились все новые и новые причины отказа в публикации текущей версии. Книга передавалась в другие издательства. Последним пристанищем был Московский ОГИЗ, где она уже и была снята с производства. Только спустя 56 лет «Бурханизм» выйдет в Горно-Алтайске в сокращенном варианте (см. рецензию: Функ 1995).

Однако трагическая смерть Данилина и поздняя публикации его *magnum opus* не остановили дискуссий возле сложной и по-настоящему уникальной истории бурханизма. В завершение этой части мы хотели бы сделать небольшой обзор тех дискуссий, которые развернулись во

второй половине XX в. и в которых материалы и публикации А.Г. Данилина сыграли существенную роль.

К теме бурханизма в советской этнографии вернулись только в самом конце 1970-х. Имеются в виду, прежде всего, два основных подхода, сформированных Андреем Марковичем Сагалаевым и Людмилой Ивановной Шерстовой. Оба – выпускники Томского университета, проходившие обучение в аспирантуре в Ленинграде и проведшие немало часов с архивными материалами Данилина. Если Сагалаев обращает пристальное внимание на ритуальные практики бурханистов и комплекс ритуальных предметов, отстаивая концепцию бурханизма как религиозного синкретизма в рамках того, что было описано и проанализировано Данилиным, то Шерстова (см.: Шерстова 2010), на фоне роста теории этноса и нового витка теоретизации этногенеза, предлагает смотреть на это движение как на процесс формирования этноконфессиональной общности алтайцев. Эти два направления в той или иной мере стали основными в исторических интерпретациях бурханизма.

Современный алтайский этнограф Надежда Алексеевна Тадина несколько расширяет их, предлагая анализ бурханистского этикета и шире – онтологий и космологий, которые определяют социальные и культурные практики современных алтайцев (Тадина 2011).

Наконец, алтайские историки проделывают огромную работу по реконструкции биографий жертв сталинского террора, направленного против шаманов и *jарлыкчылар* (Екеев 2004).

За пределами советских / российских дискуссий бурханизм нашел своё место в череде работ по индейским «ревитализационным движениям» против колониального доминирования, анализ которых проводился внутри направления «Культура и личность», оформившегося в годы холодной войны (Wallace 1956), а также темы аккультурации, которая начала оформляться до Второй мировой войны в противопоставлении боасовской антропологии. По приглашению Энтони Уоллеса (Anthony Wallace) для специального выпуска в *American Anthropologist* небольшую заметку написал американский антрополог-марксист Лоуренс Крадер (Lawrence Krader) (1956), который пристально изучал советскую литературу по Сибири (преимущественно по тюркоязычным группам) и Центральной Азии. Это была первая англоязычная антропологическая публикация о бурханизме[22].

Помимо этого, отметим, что во время холодной войн, тема бурханизма время от времени появлялась на страницах книг по истории России. Так, Вальтер Коларц (Walter Kolarz) в своей книге *The Peoples of the Soviet Far East* (Kolarz 1954: 173) возвращается к японской теме бурханизма. Для антропологов же, интересовавшихся коренными группами населения, становилось понятно, что бурханизм – это лишь одно из проявлений целого круга движений среди коренного населения на

Севере, в Сибири и в Северной Америке. Некоторые стали писать о такого рода движениях как о «кризисных культах» (La Barre 1971). Энтони Смит (Anthony Smith), формируя свою вызывавшую острую критику концепцию национализма, писал и о бурханизме со ссылкой на Коларц, пытаясь поставить его в один ряд с милленниализмом и карго-культами (Smith 1979: 20). Американский историк и антрополог Андрей Знаменский в своей работе провел сравнительный анализ Алтая и Аляски с точки зрения взаимовлияний шаманства и христианства, где бурахнизм был одним из наиболее показательных примеров (Znamenski 1999). Лингвист Евгений Головко и антрополог Петер Швайтцер (Peter Schweitzer), пытаясь обобщить все эти движения, пишут, «...можно выделить набор условий, которые благоприятствуют появлению социальных движений, обладающих ревитализационным потенциалом: сильное внешнее давление (как правило, быстрая и жесткая колонизация); резкое изменение социального статуса всех членов конкретного сообщества; разрушение традиционного образа жизни и утрата традиционных ценностей; огромное число событий, не отмеченных в предыдущем опыте; хотя бы поверхностная миссионерская деятельность и – как следствие всего перечисленного – угроза потери идентичности, вызывающая в конкретном сообществе глубокий психологический стресс» (Головко, Швайтцер 2006: 104–105). Описания Данилина в этом оркестре ревитализационных движений играют одну из важнейших ролей. Его материалы по истории бурханизма постепенно интегрируются в глобальные антропологические контексты, выходя далеко за пределы его «архивов».

Эпилог

Лидия Данилина: Архив отца – это самое долгое и самое увлекательное чтение в моей жизни. Читая его дневник день за днем, я проживаю его эмоции, мысли заново. Узнаю его. Время в этот момент исчезает. Он рядом. И я тоже вместе с ним становлюсь этнографом, который готовится к поездке «в поле», становлюсь архивариусом, который хранит каждый лист своих рукописей. Мост между нами – не столько время, сколько эти пожелтевшие листы. Я благодарна ему, что он смог все это записать и сохранить. И особенно трогательно сейчас читать, что он написал для меня – будущего читателя его дневников…

Дмитрий Арзютов: Архив Данилина для меня несколько больше, чем то, что мы здесь постарались описать. Он – одна из навигационных карт как в истории советской этнографии, так и в истории алтайцев (хотя в какой-то мере также и дагестанцев, вепсов, русских и других групп, с кем Андрею Григорьевичу удалось работать). Однако архивы этнографа, которые мы здесь постарались собрать вместе, – это особен-

ный вид архивов. Здесь перед исследователем открывается несколько взаимопересеченных полей, через которые, как и в этнографическом «поле», читатель разгадывает смыслы и действия своих героев, которые в свою очередь теряют бинарность объекта и субъекта. Жизнь Данилина оказывается горизонтально связанной с жизнью его полевых друзей и музейных коллег. Множественность локальностей здесь, напротив, соединяется, образуя плотную сеть отношений, объективированных и материализованных посредством писем, дневниковых записей, фотографий и разных вырезок и мелких документов. Именно это и есть предложенная нами в начале статьи этнография этнографа, наблюдаемая во временной дистанции.

Примечания

[1] Здесь и далее все иллюстрации – из личного архива Лидии Андреевны Данилиной.

[2] В архиве С.Ф. Ольденбурга сохранилось несколько писем от А.Г. Данилина за период с 1923 по 1927 г., написанных из Москвы, Ленинграда, улуса Черга (Ойротия). К ним также приложены и фотографии (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 182).

[3] Имеется в виду известный путешественник и востоковед Петр Кузьмич Козлов (1863–1935).

[4] Возможно, имеет смысл сравнивать эту инициативу с Бюро Американской этнологии (*Bureau of American Ethnology*), основанным в 1879 г.

[5] В МАЭ сохранились фотографии и вещи из той экспедиции (см. ниже). В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились полевые материалы этой экспедиции: общий этнографический очерк дидойцев (написан Клавдией и Лидией Эдуардовной), отчет об экспедиции, полевой дневник А.Г. Данилина и записи фольклора в ауле Кидеро. Общий объем записей 112 листов (СПФ АРАН. Ф. 135. Оп. 2. Ед. хр. 100). Из этого же аула А.Г. Данилин и Л.Э. Каруновская 27 июля 1926 г. пишут письмо Л.Я. Штернбергу (СПФ АРАН. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 88).

[6] В Санкт-Петербургском филиале архива РАН сохранились четыре письма, одна записка и несколько фотографий А.Г. Данилина к Д.К. Зеленину, отправленные из Москвы, Алма-Аты, Дупли и Рождественского района (1925–1930 гг.) (СПФ АРАН. Ф. 849. Оп. 3. Ед. хр. 149).

[7] Так как авторство фотографий архивистами однозначно не установлено, то настоящее указание носит скорее предположительный характер, основанный на совпадении времени и места, когда проводил свои полевые исследования А.Г. Данилин. Благодаря помощи нашей коллеги С.В. Подрезовой, нам удалось установить, что в одном из дел в собрании научного архива РГО имеется фотография А.Г. Данилина, записывающего фоновалик у вепсов во время экспедиции 1928 г. (см.: НА РГО. Р. 112. Оп. 1. Ед. хр. 575).

[8] История покупки архива Л.Г. Моргана, дипломатические отношения между советской и американской антропологиями и роль Б. Штерна в этом описаны: (Kan and Arzyutov 2016).

[9] Имеется в виду Лидия Андреевна Данилина – дочь и соавтор настоящей статьи.

[10] По всем таблицам дана в современная географическая локализация.

[11] Часть негативов переснята с журнала «СССР на стройке» (1931 № 6) и добавлена в настоящую коллекцию.

[12] Материалы этой коллекции использовал Д.А. Функ при написании статьи по плетению у телеутов (см.: (Функ 2007)).

[13] Примером для сравнения могли бы быть дневники директора Архива Академии наук СССР Георгия Алексеевича Князева, который вел свой личный дневник всю жизнь, видя в этом, как и Данилин, формирование исторического источника (Князев 2009).

[14] Аналогичный подход к личному дневнику зафиксировал историк этнографии Сергей Сергеевич Алымов, работая с дневником Николая Михайловича Могилянского – этнографа, одного из создателей теории этноса.

[15] См.: http://musey-anohina.ru/index.php/ru/posetitelyam/150-let-anokhinu-a-v-v-2019-g/item/809-arkhiv-a-v-anokhina-problemy-izucheniya

[16] Дмитрий Арзютов готовит к печати подробную работу о личности Кондрата Танашева, снабженную также корпусом его писем и документов, обнаруженных в нескольких архивах.

[17] Нам не удалось найти подробных сведений об этом адресате. Отметим лишь, что, просматривая подшивку газеты «Ойротский край», нам встречалась фамилия Давидович как одного из журналистов газеты.

[18] Несмотря на многочисленные письма друг к другу, в фонде А.М. Панкратовой в Архиве РАН в Москве (АРАН. Ф. 697) писем к / от Данилина не сохранилось.

[19] Примечательно, что он путает «национально-освободительное» и «национально-буржуазное».

[20] Отметим, что Потапов активно продвигал также и «японофильскую» версию бурханизма (Потапов 1933: 184–187; см.: Тюхтенева 2005).

[21] Трудно однозначно сказать, что именно имел в виду Данилин под «материальными интересами» Потапова. Мы можем лишь предположить, что речь идет о политической позиции Леонида Павловича, которая, впрочем, давала ему возможности, в том числе и карьерного роста внутри Государственного музея этнографии народов СССР (нынешний РЭМ). В каком-то смысле эта позиция казалась и самому Данилину «правильной», что заметно в его записях о важности «политической заостренности» в его исследовании. Работая с текстом, рукописи, он, как мы уже отмечали, постоянно натыкался на несовпадение, пусть и важных для него политических конструкций, с собственным полевым материалом.

[22] В 1963 г. в Университете Аризоны была защищена магистерская диссертация *The growth of ethnic identity among the western Mongols*, написанная Барбарой Боулс (Barbara Bowles), в которой бурханизм рассматривался как секулярный национализм ойратов.

Литература

«…*твои* письма – документ незабываемого времени…» Из эпистолярного наследия Е.Э. Бломквист. 1942–1945 / подг. текста, предисл., комм. Е.Н. Груздевой. СПб.: Реноме, 2013.

Андреев А.И., Юсупова Т.И. История одного не совсем обычного путешествия: Монголо-Тибетская экспедиция П. К. Козлова 1923–1926 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2002. № 2. С. 51–74.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Сборник МАЭ. Л., 1924. Т. 4, вып. 2.

Батьянова Е.П. Алтайская этнография в письмах // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2020. № 1 (42). С. 99–111.

Батьянова Е.П. Телеутская версия бурханизма // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 70–85.

Бурханизм – Ак јанг: документы и материалы: (к 110-летию событий в долине Теренг) / отв. ред. Н.В. Екеев. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер – Белуха, 2004.

Василевич Г.М. Автобиографии эвенков // Советская этнография. 1938. № 1. С. 73–75.

Гаген-Торн Н.И. Лев Яковлевич Штернберг. М.: Наука, 1975.

Головко Е.В., Швайтцер П. Эскимосские «попы» поселка Наукан: об одном случае revitalization movement на Чукотке // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006. С. 102–115.

Данилин А.Г. Государственный Музей Центральной Промышленной области и его этнографическая работа // Этнография. 1926а. № 1–2. С. 271–272.

Данилин А.Г. Общество исследователей Рязанского края // Этнография. 1926б. № 1–2. С. 290.

Д[анили]н А. Музыкально-этнографическая работа в Дагестане // Этнография. 1926в. № 1–2. С. 306–307.

Д[анили]н А. Государственный институт музыкальных наук (ГИМН) // Этнография. 1927а. № 1. С. 212.

Данилин А.Г. Крестьянская одежда района Богословщины Рязанской губернии // Труды общества исследователей Рязанского края. Рязань, 1927б. Вып. 9. С. 19–22.

Д[анили]н А. Комиссия по изучению народной музыки при Русском географическом обществе // Этнография. 1928а. № 1. С. 130–131.

Данилин А.Г. Приспособление для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей // Этнография. 1928б. № 2. С. 68–90.

[Данилин А.Г.] Из опыта ленинградских этнографов (разряд этнографии ГАИМК после реорганизации) // Этнография. 1930а. № 4. С. 81–85.

Данилин А.Г. Черты кочевого быта алтайцев (из впечатлений этнографической поездки на Алтай) // Безбожник. 1930б. № 11. С. 10–11.

Данилин А.Г. Группа по изучению опыта колхоза ИПИН // Советская этнография. 1931а. № 1–2. С. 161–162.

Д[анили]н А. Краевой музей горных народов Северно-Кавказского края // Советская этнография. 1931б. № 3–4. С. 219–222.

Данилин А.Г. Первые шаги колхозов бывш[его] Боровичского округа // Труд и быт в колхозах: из опыта изучения колхозов. Сб. 1: Из опыта изучения колхозов в Ленинградской области, Белоруссии и Украине. Л.: АН СССР, 1931в. С. 9–71.

Данилин А.Г. Тульский Краеведческий музей и его этнографическая работа // Советская этнография. 1931. № 3–4. С. 216–217.

Данилин А.Г. Бурханизм на Алтае и его контрреволюционная роль // Советская этнография. 1932а. № 1. С. 63–91.

Данилин А. Этнографическая работа Брянского музея // Советская этнография. 1932б. № 5–6. С. 213–216.

Данилин А.Г. Секция этнографии Всесоюзного Географического съезда // Советская этнография. 1933. № 2. С. 113–117.

Данилин А.Г. Два письма Н.Я. Марра // Советская этнография. 1936а. № 4–5. С. 219–222.

Данилин А.Г. Из истории национально-освободительного движения на Алтае в 1916 г. // Борьба классов. 1936б. № 9. С. 36–44.

Данилин А.Г. Опыт работы с национальной ойротской песней // Советская музыка. 1936в. № 12. С. 49–52.

Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993.

Данилина К. Изучение труда и быта аджарок // Советская этнография. 1932. № 5–6. С. 228–231.

Доронин Д.Ю. Что опять не так с «алтайской принцессой»? Новые факты из ньюслорной биографии Ак Кадын // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 74–104. DOI: 10.17223/2312461X/11/7

Дьяконова В.П. Предисловие // Данилин А.Г. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1993. С. 5–14.

Князев Г.А. Дни великих испытаний: дневники, 1941–1945. СПб.: Наука, 2009.

Петряшин С.С. Соцреализм и этнография: изучение и репрезентация советской современности в этнографическом музее 1930-х гг. // Антропологический форум. 2018. № 39. С. 143–175. DOI: 10.31250/1815-8870-2018-14-39-143-175

Потапов Л.П. Очерк истории Ойротии. Алтайцы в период русской колонизации. Новосибирск: ОГИЗ, 1933.

Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969.

Ревуненкова Е.В. ...Судьбы скрещенья (из жизни исследователей и собирателей индонезийских коллекций) // Музейные коллекции и современная культура народов Индонезии, Малайзии, Филиппин, Океании / Сборник МАЭ Т. LXV. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 171–204.

Решетов А.М. «Работала не награды ради». Памяти Л.Э. Каруновской // Этнография, история, культура стран Южных морей: Маклаевские чтения 1995–1997 гг. СПб., 1997. С. 233–244.

Решетов А.М. В.А. Чатопадая: индийский революционер и советский этнограф: к 60-летию со дня гибели // Кюнеровские чтения 1995–1997 гг.: краткое содержание докладов. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 148–151.

Решетов А.М. Трагедия личности: Николай Михайлович Маторин // Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. Д.Д. Тумаркин. М.: Восточная литература, 2003. С. 147–192.

Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск: Наука, 1992.

Сагалаев А.М. Мифология и верования алтайцев: Центрально-азиатские влияния. Новосибирск: Наука, 1984.

Стебницкий С.Н. Автобиография нымыланов // Советская этнография. 1938. № 1. С. 76–79.

Тадина Н.А. Бурханизм и этикет у алтайцев // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 127–140.

Тадыев П.Е. Реакционная сущность шаманизма и бурханизма. Горно-Алтайск: Книжное издательство, 1955.

Тан [Богораз] В.Г. Новый этап // Революция в деревне. Очерки / под ред. В.Г. Тан-Богораз. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. Вып. 2. С. 3–24.

Тюхтенева С.П. «Японский след» в алтайском бурханизме: вымысел или реальность? // Этнографическое обозрение. 2005. № 4. С. 65–69.

Функ Д.А. Рецензия на: А.Г. Данилин. Бурханизм. Из истории национально-освободительного движения. Горно-Алтайск, 1993. 206 с. // Этнографическое обозрение. 1995. № 4. С. 171–173.

Функ Д.А. О методике описания техники плетения из кожи // Расы и народы. М.: Наука, 2007. Вып. 33. С. 260–276.

Хохолков В. Сокровищница духовной культуры алтайцев (о научном наследии А.В. Анохина) // Фольклорное наследие Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1989. С. 116–124.

Шерстова Л.И. Бурханизм: истоки этноса и религии. Томск: Томский государственный университет, 2010.

Arzyutov D.V. Voices of the Land, Samizdat, and Visionary Politics: On the Social Life of Altai Narratives. // Anthropology & Archeology of Eurasia. 2018. Vol. 57 (1). P. 38–81. DOI: 10.1080/10611959.2018.1470426

Arzyutov D.V., Kan S.A. The Concept of the ‘Field’ in Early Soviet Ethnography: A Northern Perspective // Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies. 2017. Vol. 16 (1). P. 31–74. DOI: 10.3167/sib.2017.160103

Baruwā N.K. Chatto, the Life and Times of an Indian Anti-Imperialist in Europe. Oxford University Press, 2004.

Broz L. The Spirit of Explanation: invisible causes of visible disasters in the Altai Republic. PhD Thesis. Cambridge: University of Cambridge, 2008.

Burch E.S., Jr. The Method of Ethnographic Reconstruction // Alaska Journal of Anthropology. 2010. Vol. 8 (2). P. 133–140.

Fenton W.N. The Training of Historical Ethnologists in America // American Anthropologist. 1952. Vol. 54 (3). P. 328–39.

Fitzpatrick S. Supplicants and Citizens: Public Letter-Writing in Soviet Russia in the 1930s // Slavic Review. 1996. Vol. 55 (1). P. 78–105. DOI: 10.2307/2500979

Halfin I. Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2003.

Halfin I. Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self. Seattle: University of Washington Press, 2011.

Hellbeck J. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2006.

Jager J. Wilhelmina Triesman (1901–1982). Een Nederlandse in Leningrad. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012.

Kan S., Arzyutov D. The saga of the L.H. Morgan Archive, or how an American Marxist helped make a bourgeois anthropologist the cornerstone of Soviet ethnography // Local Knowledge, Global Stage / ed. by R. Darnell, F.W. Gleach. Lincoln: University of Nebraska Press, 2016. P. 149–220. (Histories of Anthropology Annual. Vol. 10). DOI: 10.2307/j.ctt1dxg7dv.10

Kolarz W. The Peoples of the Soviet Far East. New York: Frederick A. Praeger, 1954.

Krader L. A Nativistic Movement in Western Siberia // American Anthropologist. 1956. Vol. 58 (2). P. 282–92. DOI: 10.1525/aa.1956.58.2.02a00050

La Barre W. Materials for a History of Studies of Crisis Cults: A Bibliographic Essay // Current Anthropology. 1971. Vol. 12 (1). P. 3–44. DOI: 10.1086/201167

Pinsky A. The Diaristic Form and Subjectivity under Khrushchev // Slavic Review. 2014. Vol. 73 (4). P. 805–27. DOI: 10.5612/slavicreview.73.4.805

Smith A.D.S. Nationalism in the Twentieth Century. Canberra: Australian National University Press, 1979.

Wallace A.F.C. Revitalization Movements // American Anthropologist. 1956. Vol. 58 (2). P. 264–81. DOI: 10.1525/aa.1956.58.2.02a00040

Znamenski A.A. Shamanism and Christianity: Native Encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Westport, CT: Greenwood Press, 1999.

Статья поступила в редакцию 24 августа 2020 г.

Arzyutov Dmitry V. and Danilina Lidiya A.

‘ETHNOGRAPHY OF AN ETHNOGRAPHER’: ANDREI G. DANILIN AND HIS ARCHIVES*

DOI: 10.17223/2312461X/30/14

Abstract. This article explores the life and works of Soviet ethnographer Andrei Grigor'evich Danilin (1896–1942). Drawing on the collections of his documents scattered across a number of archives, institutions and places, the authors aim to reconstruct Danilin’s personal, intellectual and ‘field’ life histories. They further recreate the context in which the ethnographer’s archives were formed, including his relationships with scholars, relatives, fieldwork partners, state bodies, and even material objects. The polyphony of the discovered documents and the personal ties that bind Danilin and the coauthor Lidiya A. Danilina (Danilin’s daughter) allow us to consider our experiment as a historical ethnography with some elements of ‘participant observation’ and call the combination of these two dimensions – the archival and the personal – ‘an ethnography of an ethnographer’.

Keywords: Soviet ethnography, Andrei Danilin, Burkhanism, archive

* We would like to thank the following colleagues of ours for their helpful comments on this manuscript: Sergey Sergeevich Alymov (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences), Tatiana Nikolaevna Dmitrieva (State Museum of the History of Religion), Dmitriy Yurievich Doronin (Russian Presidential Academy of National Economy and

Public Administration), Anna Nikolaevna Kopaneva (Russian Museum of Ethnography), Svetlana Viktorovna Podrezova (Institute of Russian Literature (Pushkin House)), and Dmitriy Anatolievich Funk (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences).

References

"... tvoi pis'ma – dokument nezabyvaemogo vremeni...' Iz epistoliarnogo naslediia E.E. Blomkvist. 1942-1945. ["Your letters are the document of the unforgettable times…" From the epistolary legacy of E.E. Blomkvist. 1942–1945]. Podg. teksta, predisl., komm. E.N. Gruzdevoi. Saint Petersburg.: Renome, 2013.

Andreev A.I., Iusupova T.I. Istoriia odnogo ne sovsem obychnogo puteshestviia: Mongolo-Tibetskaia ekspeditsiia P. K. Kozlova 1923–1926 gg. [A history of one not quite ordinary journey: The 1923–1926 P.K. Kozlov expedition to Mongolia and Tibet], *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*, 2002, no. 2, pp. 51–74.

Anokhin A.V. *Materialy po shamanstvu u altaitsev, sobrannye vo vremia puteshestvii po Altaiu v 1910–1912 gg. po poruchениiu Russkogo Komiteta dlia izucheniia Srednei i Vostochnoi Azii* [Materials on the Altai shamanism collected during the 1910-1912 journey to Altai]. MAE Collection. Leningrad, 1924. Vol. 4. Iss. 2.

Bat'ianova E.P. Altaiskaia etnografiia v pis'makh [Altai ethnography in letters], *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2020, no 1 (42), pp. 99-111.

Bat'ianova E.P. Teleutskaia versiia burkhanizma [The Teleut version of Burkhanism], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, no. 4, pp.70-85.

Burkhanizm – Ak jang: dokumenty i materialy: (k 110-letiiu sobytii v doline Tereng). [Burkhanism – Ak jang: Documents and materials]. Ed. by N.V. Ekeev. Gorno-Altaisk: Iuch-Siumer – Belukha, 2004.

Vasilevich G.M. Avtobiografii evenkov [Evenki autobiographies], *Sovetskaia etnografiia*, 1938, no. 1, pp. 73–75.

Gagen-Torn N.I. *Lev Iakovlevich Shternberg* [Lev Yakovlevich Shternberg]. Moscow: Nauka, 1975.

Golovko E.V., Shvaittser P. Eskimosskie "popy" poselka Naukan: ob odnom sluchae revitalization movement na Chukotke [The Eskimo 'popes' in the Naukan settlement: On one case of the revilatisation movement in Chukotka]. In: *Sny Bogoroditsy. Issledovaniia po antropologii religii*. Saint Petersburg.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2006, pp. 102–115.

Danilin A.G. Gosudarstvennyi Muzei Tsentral'noi Promyshlennoi oblasti i ego etnograficheskaia rabota [The State Museum of the Central Industrial Region and its ethnographic work], *Etnografiia*, 1926a, no. 1-2, pp. 271–272.

Danilin A.G. Obshchestvo issledovatelei Riazanskogo kraia [The Society of Scholars of Ryazan Oblast], *Etnografiia*, 1926b, № 1-2, p. 290.

D[anili]n A. Muzykal'no-etnograficheskaia rabota v Dagestane [An ethnomusicology study in Dagestan], *Etnografiia*. 1926c, no. 1-2, pp. 306–307.

D[anili]n A. Gosudarstvennyi institut muzykal'nykh nauk (GIMN) [The State Institute for Musicology], *Etnografiia*. 1927a, no. 1, p. 212.

Danilin A.G. Krest'ianskaia odezhda raiona Bogoslovshchiny Riazanskoi gubernii [Peasant clothes in the Bogoslovshchina area of Ryazan Oblast], In: *Trudy obshchestva issledovatelei Riazanskogo kraia. Vyp. 9*. Riazan', 1927b, p. 19–22.

D[anili]n A. Komissiia po izucheniiu narodnoi muzyki pri Russkom geograficheskom obshchestve [The Commission for Folk Music Research at the Russian Geographical Society], *Etnografiia*, 1928a, no. 1, pp. 130–131.

Danilin A.G. Prisposoblenie dlia snopovoi sushki khleba u vostochnykh slavian i ikh sosedei [A tool for a sheaf way of grain drying among the East Slavs and their neighbours], *Etnografiia*, 1928b, no. 2, pp. 68–90.

[Danilin A.G.] Iz opyta leningradskikh etnografov (razriad etnografii GAIMK posle reorganizatsii) [Experience of Leningrad ethnographers (The Ethnography Department at the GAIMK after the reorganisation)], *Etnografiia*, 1930a, no. 4, pp. 81–85.

Danilin A.G. Cherty kochevogo byta altaitsev (iz vpechatlenii etnograficheskoi poezdki na Altai) [Some features of the Altai nomadic way of living (An ethnographic trip to Altai: Impressions)], *Bezbozhnik*, 1930b, no. 11, pp. 10–11.

Danilin A.G. Gruppa po izucheniiu opyta kolkhoza IPIN [The Collective Farm Research Unit at the IPIN], *Sovetskaia etnografiia*, 1931a, no. 1-2, pp. 161–162.

D[anili]n A. Kraevoi muzei gornykh narodov Severno-Kavkazskogo Kraia [The peoples of the North Caucasus local museum], *Sovetskaia etnografiia*, 1931b, no. 3-4, pp. 219–222.

Danilin A.G. Pervye shagi kolkhozov byvsh[ego] Borovichskogo okruga [Initial development of collective farms in the former Borovichi area] In: *Trud i byt v kolkhozakh: iz opyta izucheniia kolkhozov* [Living and working on collective farms: A research perspective]. Sb. 1: Iz opyta izucheniia kolkhozov v Leningradskoi oblasti, Belorussii i Ukraine. Leningrad: AN SSSR, 1931c, pp. 9–71.

Danilin A.G. Tul'skii Kraevedcheskii muzei i ego etnograficheskaia rabota [The Tula Ethnographic Museum and its ethnographic work], *Sovetskaia etnografiia*, 1931d, no. 3-4, pp. 216–217.

Danilin A.G. Burkhanizm na Altae i ego kontrrevoliutsionnaia rol' [Burkhanism in Altai and its counter-revolutionary role], *Sovetskaia etnografiia*, 1932a, no. 1, pp. 63–91.

Danilin A. Etnograficheskaia rabota Brianskogo Muzeia [The ethnographic work of the Briansk Museum], *Sovetskaia etnografiia*, 1932b, no. 5-6, pp. 213–216.

Danilin A.G. Sektsiia etnografii Vsesoiuznogo Geograficheskogo S"ezda [The session on ethnography at the All-Union Geography Conference], *Sovetskaia etnografiia*, 1933, no. 2, pp. 113–117.

Danilin A.G. Dva pis'ma N.Ia. Marra [Two letters of N.Ya. Marr], *Sovetskaia etnografiia*, 1936a, no. 4-5, pp. 219–222.

Danilin A.G. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia na Altae v 1916 g. [On the history of the national liberation movement in Altai, 1916], *Bor'ba klassov*, 1936b, no. 9, pp. 36–44.

Danilin A.G. Opyt raboty s natsional'noi oirotskoi pesnei [Exploring the Oirot national songs], *Sovetskaia muzyka*, 1936c, no. 12, pp. 49–52.

Danilin A.G. *Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia* [Burkhanism. On the history of the national liberation movement]. Gorno-Altaisk: Ak-Chechek, 1993.

Danilina K. Izuchenie truda i byta adzharok [Adjar women: A study of their occupations and everyday life], *Sovetskaia etnografiia*, 1932, no. 5-6, pp. 228–231.

Doronin D.Iu. Chto opiat' ne tak s "altaiskoi printsessoi"? Novye fakty iz n'iuslornoi biografii Ak Kadyn [What is wrong again with the ‘Altai princess’? New facts from the newslore biography of Ak Kadyn], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 74–104. https://doi.org/10.17223/2312461X/11/7

D'iakonova V.P. Predislovie [Preface]. In: Danilin A.G. *Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia* [Burkhanism. On the history of the national liberation movement]. Gorno-Altaisk: Ak-Chechek, 1993, pp. 5–14.

Kniazev G.A. *Dni velikikh ispytanii: dnevniki, 1941–1945* [Days of great ordeal: Diaries, 1941–1945]. Saint Petersburg.: Nauka, 2009.

Petriashin S.S. Sotsrealizm i etnografiia: izuchenie i reprezentatsiia sovetskoi sovremennosti v etnograficheskom muzee 1930-kh gg. [Socialist realism and ethnography: The study and representation of the Soviet in ethnographic museums in the 1930s], *Antropologicheskii forum*, 2018, no. 39, pp. 143–175. https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-39-143-175.

Potapov L.P. *Ocherk istorii Oirotii. Altaitsy v period russkoi kolonizatsii* [A study on the history of Oirotia: Altaians during the Russian colonisation]. Novosibirsk: OGIZ, 1933.

Potapov L.P. *Etnicheskii sostav i proiskhozhdenie altaitsev. Istoriko-etnograficheskii ocherk* [The ethnic composition and origins of Altaians. A historical and ethnographic study]. Leningrad: Nauka, 1969.

Revunenkova E.V. …Sud'by skreshchen'ia. (iz zhizni issledovatelei i sobiratelei indoneziiskikh kollektsii) [… The fate's interlacing patterns (On the lives of scholars and collectors of Indonesian collections)]. In: *Muzeinye kollektsii i sovremennaia kul'tura narodov Indonezii, Malaizii, Filippin, Okeanii* / Sbornik MAE T. LXV. Saint Petersburg.: MAE RAN, 2018, pp. 171–204.

Reshetov A.M. "Rabotala ne nagrady radi". Pamiati L.E. Karunovskoi ['[She] worked not for the sake of reward'. In memory of L.E. Karunovskaya] In: *Etnografiia, istoriia, kul'tura stran Iuzhnykh morei: Maklaevskie chteniia 1995–1997 gg.* Saint Petersburg, 1997, pp. 233–244.

Reshetov A.M. V.A. Chatopadaia: indiiskii revoliutsioner i sovetskii etnograf: k 60-letiiu so dnia gibeli [V.A. Chattopadhyaya: An Indian revolutionary and Soviet ethnographer. 60 years after his murder]. In: *Kiunerovskie chteniia 1995–1997 gg.: kratkoe soderzhanie dokladov*. Saint Petersburg.: MAE RAN, 1998, pp. 148–151.

Reshetov A.M. Tragediia lichnosti: Nikolai Mikhailovich Matorin [The tragedy of personality: Nikolai Mikhailovich Matorin]. In: *Repressirovannye etnografy*. Vol. 2. Compiled by D.D. Tumarkin. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003, pp. 147–192.

Sagalaev A.M. *Altai v zerkale mifa* [Altai in the myth's mirror]. Novosibirsk: Nauka, 1992.

Sagalaev A.M. *Mifologiia i verovaniia altaitsev: Tsentral'no-aziatskie vliianiia* [Mythology and beliefs of Altaians: Central Asian influences]. Novosibirsk: Nauka, 1984.

Stebnitskii S.N. Avtobiografiia nymylanov [Nymylan autobiographies], *Sovetskaia etnografiia*, 1938, no. 1, pp. 76–79.

Tadina N.A. Burkhanizm i etiket u altaitsev [Burkhanism and the etiquette among the Altaians], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2011, no. 6, pp. 127–140.

Tadyev P.E. *Reaktsionnaia sushchnost' shamanizma i burkhanizma* [The reactionary nature of Shamanism and Burkhanism]. Gorno-Altaisk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1955.

Tan [Bogoraz] V.G. Novyi etap [The new stage] In: *Revoliutsiia v derevne. Ocherki*. Ed. by V.G. Tan-Bogoraz. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925, vol. 2, pp. 3–24.

Tiukhteneva S.P. "Iaponskii sled" v altaiskom burkhanizme: vymysel ili real'nost'? [The Japanese in Altaian Burkhanism: Fiction or reality?], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, no. 4, pp. 65–69.

Funk D.A. Retsenziia na: A.G. Danilin. Burkhanizm. Iz istorii natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia. Gorno-Altaisk, 1993. 206 s. [Review of A.G. Danilin. Burkhanism. On the history of the national liberation movement. Gorno-Altaisk, 1993. 206 p.], *Etnograficheskoe obozrenie*, 1995, no. 4, pp. 171–173.

Funk D.A. O metodike opisaniia tekhniki pleteniia iz kozhi [On the methods of describing leather weaving techniques] In: *Rasy i narody*. Vol. 33. Moscow: Nauka, 2007, pp. 260–276.

Khokholkov V. Sokrovishchnitsa dukhovnoi kul'tury altaitsev (o nauchnom nasledii A.V. Anokhina) [Treasures of the Altai spiritual culture (On the research legacy of A.V. Anokhin)] In: *Fol'klornoe nasledie Gornogo Altaia*. Gorno-Altaisk, 1989, pp. 116–124.

Sherstova L.I. *Burkhanizm: istoki etnosa i religii* [Burkhanism: The origin of ethnos and religion]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, 2010.

Arzyutov D.V. Voices of the land, samizdat, and visionary politics: On the social life of Altai narratives. *Anthropology & Archeology of Eurasia*, 2018, vol. 57(1), pp. 38–81. https://doi.org/10.1080/10611959.2018.1470426.

Arzyutov D.V., Kan S.A. The concept of the 'field' in early Soviet ethnography: A Northern perspective. *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*, 2017, vol. 16(1), pp. 31–74. https://doi.org/10.3167/sib.2017.160103.

Baruwā N.K. *Chatto, the life and times of an Indian anti-imperialist in Europe*. Oxford University Press, 2004.

Broz L. *The Spirit of explanation: Invisible causes of visible disasters in the Altai Republic*, PhD Thesis, Cambridge: University of Cambridge, 2008.

Burch E.S., Jr. The method of ethnographic reconstruction, *Alaska Journal of Anthropology*, 2010, vol.8 (2), pp. 133–140.

Fenton W.N. The training of historical ethnologists in America, *American Anthropologist*, 1952, vol. 54(3), pp. 328–39.

Fitzpatrick S. Supplicants and citizens: Public letter-writing in Soviet Russia in the 1930s, *Slavic Review*, 1996, vol. 55(1), pp. 78–105. https://doi.org/10.2307/2500979.

Halfin I. *Terror in My Soul: Communist Autobiographies on Trial*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2003.

Halfin I. *Red Autobiographies: Initiating the Bolshevik Self.* Seattle: University of Washington Press, 2011.

Hellbeck J. *Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin*. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2006.

Jager J. *Wilhelmina Triesman (1901–1982). Een Nederlandse in Leningrad*. Amsterdam: Uitgeverij Pegasus, 2012.

Kan S., Arzyutov D. The saga of the L.H. Morgan Archive, or how an American Marxist helped make a bourgeois anthropologist the cornerstone of Soviet ethnography In: *Local Knowledge, Global Stage* / Ed. by R. Darnell, F.W. Gleach. Lincoln: University of Nebraska Press, 2016. P. 149–220. (Histories of Anthropology Annual, Vol. 10). https://doi.org/10.2307/j.ctt1dxg7dv.10

Kolarz W. *The peoples of the Soviet Far East*. New York: Frederick A. Praeger, 1954.

Krader L. A Nativistic movement in Western Siberia, *American Anthropologist*, 1956, vol. 58(2), pp. 282–92. https://doi.org/10.1525/aa.1956.58.2.02a00050

La Barre W. Materials for a history of studies of crisis cults: A bibliographic essay, *Current Anthropology*, 1971, vol. 12(1), pp. 3–44. https://doi.org/10.1086/201167

Pinsky A. The diaristic form and subjectivity under Khrushchev, *Slavic Review*, 2014, vol. 73(4), pp. 805–27. https://doi.org/10.5612/slavicreview.73.4.805.

Smith A.D.S. *Nationalism in the twentieth century*. Canberra: Australian National University Press, 1979.

Wallace A.F.C. Revitalization movements, *American Anthropologist*, 1956, vol. 58(2), pp. 264–81. https://doi.org/10.1525/aa.1956.58.2.02a00040

Znamenski A.A. *Shamanism and Christianity: Native encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917*. Westport, CT: Greenwood Press, 1999.

УДК 39(470.47)
DOI: 10.17223/2312461X/30/15

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: СИМВОЛИКА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМЫ АВТОМОБИЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КАЛМЫКИИ)

Эльза Петровна Бакаева

Аннотация. В начале 2010-х гг. в Калмыкии появился новый тренд – индивидуальное оформление рамок для автомобильных номеров с указанием этнической и субэтнической идентификации. В статье, посвященной автомобильным маркерам этнической идентичности, осуществляется попытка анализа форм и способов проявления этнической символики в контексте, с одной стороны, системы автомобильности и, с другой стороны, специфики этнической ситуации в Калмыкии. Автор привлекает к исследованию материалы по маркерам «калмыцких» автомобилей в Республике Калмыкия и калмыцкой диаспоре в США, которые сопоставляются с примерами символов, используемых на автомобилях коренного населения Канады. В статье показано, как динамика этнической идентичности и иерархичность последней отражаются в символике «калмыцких» автомобильных номеров. Рассмотренные материалы позволяют поставить вопрос о причинах распространения этнической и субэтнической символики в одних обществах и неиспользования ее в других. Распространение практики «этнических» надписей в Калмыкии, с одной стороны, свидетельствует об этнических консолидационных процессах, объединяющих калмыцкое общество, с другой стороны, об актуализации после 1990-х гг. локальной субэтнической идентичности, о которой на протяжении периода со второй трети по 90-е гг. XX в. не принято было говорить в калмыцком обществе. Примеры использования этнической символики на автомобилях калмыков (как в Калмыкии, так и в условиях эмиграции в США), как и у индейцев Канады, показывают, что актуализация этнической идентификации порождает разнообразные проявления демонстрации этнической идентичности, что отражается в автомобильной культуре как основной культуре мобильности в городских условиях.

Ключевые слова: этническая идентичность, пространство, визуализация идентичности, автомобильные маркеры, калмыки

Введение

В начале 2010-х гг. в Калмыкии появился новый тренд – индивидуальное оформление рамок для автомобильных номеров с указанием этнической и субэтнической идентификации, что нашло отражение в интернет-публикациях «Вот это номер. В Калмыкии на автомобили наносят знаки этнической принадлежности» (публикация 27.03.2013) (Вот это номер 2013) и «Госномера автомобилей калмыков содержат этниче-

ские приметы» (публикация 27.02.2013) (Госномера автомобилей 2013а, 2013б, 2013в). «В Калмыкии появилась мода помечать свои авто знаками родовой принадлежности водителя к одной из четырех этнических групп, обитающих там, – дёрвюды, хошеуты, бузавы, торгуды. Флажки, рисунки и надписи на номерах демонстрируют гордость водителя за свою принадлежность к тому или иному субэтносу, а местные гаишники к мелким надписям на рамках госномера автомобиля относятся снисходительно», – писали авторы сообщения (Госномера автомобилей 2013в). Судя по комментариям к этим заметкам, подобная форма самоидентификации не являлась широко характерной для российских регионов, хотя практика индивидуального оформления номерных рамок на автомобилях имела место в то время и продолжает бытовать поныне.

Современные предложения о производстве индивидуальных рамок для автомобильных номеров, в основном, включают следующие тематические группы надписей (последовательность приводится по указанному ниже источнику): производители запчастей, армия, ведомства, вузы и институты, клубы и форумы, марки автомобилей, прикольные, спорт, страны и города (Рамки под номера). Общий посыл производителей таких рамок можно выразить опубликованным на сайте онлайн-сервиса печати полиграфии и сувениров «Printsegodnya.ru» девизом «Будьте уникальным» (Print сегодня). Рекламодатель сообщает, что онлайн-сервис постоянно работает над расширением списка продуктов, среди которых «есть много уникальных разработок, которые можно заказать только у нас, например автомобильные рамки для номеров с печатью любых изображений». Практическое применение сервиса сводится к трем основным положениям: реклама своего бизнеса (нанесение на рамку предложений и контактов для связи); развитие собственного бренда (для увеличения узнаваемости организации); реклама уникальности («Покажите всем, что вы борец, или свои любимые бренды. Запомните: детали характеризуют вашу личность») (Print сегодня). Однако в интернет-пространстве, как правило, отсутствуют упоминания о таком способе индивидуализации автомобилей, как нанесение на номерные рамки сведений об этнической и субэтнической идентификации хозяина авто.

В данной статье на материалах, представляющих калмыцкую традицию, в сопоставлении с материалами по другим регионам осуществляется попытка анализа форм и способов проявления этнической символики в контексте, с одной стороны, системы автомобильности и, с другой стороны, специфики этнической ситуации в Калмыкии.

Основная часть

Особенность этнической ситуации в современной Калмыкии состоит в фиксации среди ее калмыцкого населения разноуровневых идентич-

ностей и одновременно попыток конструирования новых идентичностей, что обусловлено и современными социальными процессами, и этнической историей калмыков, общность которых образовалась на основе представителей разных ойратских (западномонгольских) этнополитических объединений (торгутов, дербетов[1], хошутов и других более мелких групп). Появление общекалмыцкой идентичности исследователи датируют разными периодами, обычно связывая с консолидацией этноса в период существования Калмыцкого ханства (середина XVII в. – 1771 г.). Но и накануне ликвидации ханства работавший с калмыками В.М. Бакунин отмечал, что хошуты и дербеты еще не называли себя калмыками, именуя себя ойратами, а торгуты, составлявшие подавляющее большинство, использовали термин «калмыки», хотя и подчеркивали, что он заимствован из другого языка (Бакунин 1995: 22). И в начале XX в. в структуре идентичностей важное место занимала локальная субэтническая идентичность, что отражено в источниках, в том числе документации по религиозным объединениям калмыков-буддистов (Бакаева 2018). В советское время в русле официальной политики, направленной на консолидацию общества, проводилась борьба с так называемым улусизмом (термин появился в 1920–1930-е гг.), понимавшимся как местничество, приверженность локальной идентичности и неоправданное покровительство своим землякам (Гоголданова 1994). В период депортации калмыцкого народа в восточные районы страны (1943–1957 гг.) сам термин «калмык» имел отрицательную коннотацию, быть калмыком означало быть «навечно переселенным», и в этих условиях над локальной идентичностью преобладала общеэтническая, объединявшая представителей народа в сложных условиях. В период после восстановления автономии Калмыкии (с 1957 г.) в республике реализовывалась советская модель национальной политики, в соответствии с которой особенно порицались проявления так называвшегося улусизма.

В современном калмыцком обществе наряду с общекалмыцкой фиксируется иерархическая локальная идентичность (причем в разных этнических группах в различной степени); сохраняются представления о том, что территория этнической группы связана с пространством, которое разделяется от территорий других этнических групп воображаемой границей: территория каждой этнической группы в прошлом имела свой сакральный центр, маркировавшийся чаще всего буддийским культовым объектом. Границы в культуре кочевников обычно связывались с реальными объектами (река, урочище), вместе с тем воображаемые границы этнических территорий были связаны в традиционной культуре с представлениями о духах-хозяевах территорий, которым регулярно приносились подношения и соответственно проводились обряды. Как отмечала в начале 1990-х гг. З. Э.-Г. Гоголданова, «анализ

современного расселения калмыков на территории республики позволяет с известной долей условности выделить этнотерриториальные зоны дербетов, торгутов, а также смешанного проживания дербетов (больших дербетов) и бузавов. Торгуты, как и прежде, проживают компактно на востоке и юго-востоке республики, дербеты – на севере и отчасти в центре. Бузавы несколько преобладают среди калмыцкого населения на западе. Современные хошуты, численность которых мала… локализованы в республике в одном из населенных пунктов… Территория их исторического расселения с оставшейся там частью калмыцких жителей оказалась за пределами республики и входит ныне в состав Астраханской области» (Гоголданова 1994). Среди калмыков после 1990-х гг. вновь стала актуализироваться локальная (внутриэтническая) идентичность, что отражено и в материалах переписей 2002 и 2010 гг., в которых в группу «калмыки» были включены лица, указавшие свою идентификацию как «болдыры, бузавы, дербеты, казаки с языком калмыцким, ойраты, олеты, торгоуты, торгуты, хальмг, хойты, элеты» (Национальный состав населения 2010).

В этой связи обратим внимание на вывод Т. Эденсора, который в противовес мнению об утрате значения этнической идентичности в условиях детрадиционализации общества и широкого распространения средств массовой информации утверждает, что национальная идентичность «перераспределяется в более широком пространственном масштабе» (Edensor 2004: 101–120). В специальной работе, посвященной исследованию сохранения национальной идентичности в новых культурных формах, ученый исходит из задачи изучения способов, с помощью которых национальные идентичности формируются на основе массовой культуры и проявляются в повседневной жизни, и демонстрирует на примере автомобильных культур, как расширяется растущая сеть ассоциаций (названная им «матрицей») национальной идентичности, создавая новые способы связей для поддержания национального чувства принадлежности.

Одним из новых проявлений символов этнической идентичности в современном обществе стала автомобильная символика. Автомобиль как средство передвижения одновременно выполняет целый ряд функций, среди которых одно из важных мест занимает идентификация автовладельца или человека, передвигающегося в автомашине.

Специфика автомобиля как транспортного средства определена его многофункциональностью: транспорт разделяется на общественный и частный (на публичный и частный), на выполняющий функции орудия производства и функцию собственно транспортного средства (в том числе для частных лиц), на грузовой и легковой и т.д. Транспортные средства в границах отдельного государства объединяет их принадлежность к одной системе, что маркируется наличием единой системы государ-

ственных номерных знаков – различных в разных странах, в Российской Федерации имеющих стандарты, включающие обязательную маркировку общенациональной (общегосударственной, через включение в номерной знак изображения государственного флага России) и региональной (через цифровой код региона) принадлежности. Вместе с тем, несмотря на наличие общих стандартов, в обществе проявляются особенности восприятия и маркировки транспортных средств, которые, будучи связанными с человеком, обретают символику этой связи, что выражается как в маркировке автомобилей, так и в восприятии их как символов определенных социальных, этнических и иных групп.

Исследованию комплекса вопросов, связанных с анализом автомобильной символики, посвящен ряд работ отечественных и зарубежных ученых. Значимыми для нашей задачи анализа форм и способов проявления этнической символики в контексте специфики этнической ситуации в Калмыкии и в то же время системы автомобильности являются работы, в которых поставлены проблемы символической связи водителя и автомобиля в разных культурах. Так, практика отражения этнической идентичности в оформлении автомобилей известна по научным публикациям, посвященным анализу места автомобилей в обществе, их культурной ценности и знаковой символике в культурном контексте, а также в целом автомобильности, понимаемой как «самоорганизующаяся, аутопойетическая нелинейная система» (Урри 2012; Харламов 2012; Alam 2018; Dowling 2000; Sheller, Urry 2000; Edensor 2004; Исаханян 2016; Кузнецов 2017; Щепанская 2017; Щепанская 2018; Кононенко 2011; Щепанская 2016; Мищенко 2015; Ростова 2015; Медведев 2019 и др.).

В современной культуре мобильности значимыми являются понятия «пути» и «дороги», которые объединяют и одновременно разъединяют пространство, а также транспортного средства, с помощью которого преодолевается пространство. Анализируя автомобильную культуру с позиций социологии мобильности, Ю.П. Чемова выделяет на основе проведенного анализа ряд функций автомобиля (рекреационная, экономическая, социальная, оборонно-военная, функции экономии времени и организации городского пространства и др.), среди которых – функции стирания пространственных границ и идентификационная (Чемова 2018: 349–351). Отметим, что две последние из указанных Ю.П. Чемовой функции могут реализовываться одновременно, и тогда идентификационная функция приобретает особую значимость. Однако идентификационная функция рассматривается этим автором прежде всего в аспекте статуса автомобиля и его стоимости, зачастую определяющими появление у водителя неформальных преимуществ на дорогах. Такое понимание автомобиля как одного из идентификаторов статуса его водителя / владельца прослеживается и в работе Ю. Алама, который, анализируя культурную ценность и значение автомобилей в

мультикультурном контексте и влияние автомобиля как собственности на процессы, которые формируют отношения, связанные с расовой идентичностью, приводит факты того, что комбинация этнической принадлежности и марки (бренда) автомобилей вызывали порой у жителей города подозрения (Alam 2018: 9). Действительно, ценность автомобиля является признаком, позволяющим оценивать статус его владельца, но Ю. Алам рассматривает конкретный пример г. Брэдфорда, где автомобиль представал гибким признаком идентичности и различий, что создавало возможность формирования стереотипов в отношении этнических различий. Является ли статус автомобиля показательным при его маркировке этнической идентификации его владельца – вопрос, который на материалах, привлеченных Ю. Алама, получил положительный ответ, в иных условиях может не иметь подобного значения. В нашей статье не рассматриваются марки автомобилей: идентификационные надписи встречаются на калмыцких автомобилях независимо от их статусности и стоимости.

По мнению Дж. Урри, автомобили могут обрести «антропоморфный» облик, обретая имя, кличку и т.д., они «обеспечивают своим владельцам статус через различные знаковые ценности, включающие „скорость“, „дом“, „безопасность“, „сексуальность“, „карьерные достижения“, „свободу“, „семью“, „маскулинность“ и даже „наследственные хорошие манеры“», и в целом «существует ряд „автомобильных эмоций“, вызываемых владением или обладанием машиной» (Урри 2012: 239). Маркировка автомобиля происходит, прежде всего, через размещение выполняющих коммуникативную функцию надписей или символики, среди которых Т.Б. Щепанская выделяет несколько групп (имена; ролевые наименования через указания на социальные образы или роли; названия, указывающие на технические средства; указывающие марку машины; образные наименования) и в целом различает два типа идентичности: 1) дорожную идентичность, которая возникает в движении (на дороге) или на базе сообществ, определенных движением (этот тип идентичности в материалах автора представлен эмблемами объединенных движением сообществ, надписями, свидетельствующими о самоидентификации со своим автомобилем, а также ценностями дорожных сообществ и комментариями по поводу состояния дорог); 2) домашнюю идентичность, которая включает локальные идентичности, профессиональные, семейные, культурные, воинские, а также национальную идентичность, как проявления которой упоминаются наклейки с российским гербом, изображения герба (Щепанская 2016: 64). Исследователь отмечает, что метки на внешней поверхности машины или вещественные дополнения специально предназначены «для трансляции коммуникативных посланий и раскодирования коммуникативных характеристик автомобиля как „актора“ в дорожном потоке

<…> Автомобиль в потоке всегда воспринимается как семиотически значимый объект, но надписи и наклейки позволяют прочитать значения, которые этому объекту целенаправленно приписываются» (Щепанская 2016: 59–60). Как отражение национальной идентичности рассматривает Т.Б. Щепанская демонстрацию государственных флагов, наличие различных предметов цветов флага России и изображения герба государства (Щепанская 2016: 57). Выводы Т.Б. Щепанской способствуют постановке и следующего вопроса: каким образом «домашняя» (локальная) идентичность проявляется в ситуации, когда соответственно маркированный автомобиль, преодолевая пространство, движется по территории, маркируемой иной идентичностью? Чем представляется подобная ситуация – демонстрацией инаковости и освоения пространства как претензии на территорию, на которой они находятся, или лишь обозначением идентичности?

Специфическая текстовая информация на автомобилях обычно включает надписи не только на номерных рамках, но и на самом корпусе автомашины, особенно связанной с профессией водителя. Анализируя, как и Т.Б. Щепанская, профессиональную сферу автомобильности (Щепанская 2010, 2016, 2017), Д. Мищенко на материале надписей на такси приходит к выводу о том, что они «образуют корпус прецедентных текстов – семиотически значимых высказываний, знакомство с которыми является одним из знаков принадлежности к группе, а само функционирование оказывается возможным благодаря единству смыслового поля культуры у всех членов группы» (Мищенко 2015: 159), и выделяет группы надписей: 1) **религиозные** (несущие в основном охранительную символику и этимологически первичные); 2) **личные имена** (довольно редко); 3) **самопрезентация** водителя через краткие характеристики, создающие его образ; 4) **имена известных персонажей** (Мищенко 2015: 160–165). На выбор надписи на машине влияет ряд характеристик, среди которых этническая идентификация, возраст, пол, социальный статус, уровень образования водителя. Однако в примерах, приводимых исследователем, речь идет об этнической идентификации. Нам необходимо рассмотреть вопрос внутриэтнической идентификации и его отражения в автомобильных маркировках.

В г. Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа – Югры В.В. Медведев описывает примеры, более близкие упомянутым в начале статьи калмыцким материалам, анализирует «визуализацию самосознания водителя на корпусе автомобиля и наличие в салоне маркирующих предметов», которые демонстрируют идентичность автовладельца (Медведев 2019: 67), и освещает конкретные примеры, отражающие религиозную, этническую и территориальную идентичности, относящиеся к выделенному Т.Б. Щепанской «домашнему» типу идентичностей. В г. Сургуте как этнически и конфессионально разнообразном

городе, в котором проживают немало трудовых мигрантов, прослеживается демонстрация: 1) **религиозной** принадлежности автовладельцев, что является приемом самоидентификации, 2) **происхождения** через указание региона места рождения или предыдущего проживания, что отражает потребность в **отождествлении** себя с определенным регионом и **этнической группой**, самоопределение автовладельца как части этнического сообщества, 3) **этнической символики** (Медведев 2019: 69–73). Исследователь вслед за Т.Б. Щепанской пишет о том, что «государственные флаги, предметы цветов флага России и изображения ее герба отражают национальную самоидентификацию автовладельцев» (Медведев 2016: 73), так же, как и надписи «Российская Федерация», «Россия», «Russia», «Армения», «Kazakhstan». Приводится и пример «двойственной» национальной идентификации через изображение на автомобиле двух флагов – России и Армении (Медведев 2019: 72). Вместе с тем приводятся примеры проявления локальных территориальных идентичностей – через надписи на ветровых стеклах, обозначающих не только места нынешнего проживания (Сургут, Челябинск, Тюмень), но и места прежнего жительства или места рождения: «Карагас» (дагестанское поселение с преобладающим ногайским населением), «Орта-Тюбе» (ногайское село в Дагестане), «Чубутла» (аварское поселение в Дагестане), «Каракчикум» (населенный пункт в Согдийской области Таджикистана). Демонстрация гербов Республики Дагестан, Республики Татарстан подчеркивает не только локальную, но и этническую идентичность; она часто сочетается с надписями, отражающими эти идентичности. Встречаются также надписи-этнонимы (nogay, gagauz), сочетающиеся с этническими символами, в том числе, например, тамгой одного из ногайских родов (Медведев 2016: 70). В поликультурном и полиэтническом Сургуте, таким образом, автомобильные маркеры отражают локальную (территориальную), этническую и общенациональную (государственную) самоидентификацию водителя / автовладельца, проецируемую на знаковую символику на автомобиле. В.В. Медведев отмечает, что материалы, зафиксированные им в Сургуте, представляют «новые, ранее не известные и не востребованные материальные формы проявления идентичности. Несмотря на размещение знаково-символических маркеров на автомобиле, на него они не проецируются, а служат маркерами водителя, отражая его сознание» (Медведев 2019: 69).

Описанный исследователем на собранных в 2016–2019 гг. материалах г. Сургута тренд был зафиксирован в Калмыкии ранее (Вот это номер 2013; Госномера автомобилей 2013а, 2013б, 2013в). Как и в других регионах, в республике наблюдается наличие автомобильных маркеров, отражающих общенациональную (государственную) идентичность (через изображение флага России и надписи «Россия» и «Russia»; нам

встречалась и надпись «СССР»), а также локальную и этническую идентичность. Региональную идентичность автовладельцы обозначают чаще всего через надписи на ветровом стекле. Наиболее ярко это проявляется на большегрузных машинах и пассажирских автобусах, совершающих рейсы в крупные города: в последние десятилетия большая часть пассажиров не только в соседние регионы, но и в Москву и Санкт-Петербург добиралась на автобусах, так как транспортная система республики в этот период являлась одной из проблемных зон[2]. На ветровых стеклах ежедневно курсирующих пассажирских междугородных автобусов красуются огромные надписи «Элиста» (рис. 1) – такие же наклейки характерны и для рейсовых междугородных автобусов и других городов.

Рис. 1. Автобус фирмы «Нежин-экспресс» с надписью «Элиста» на ветровом стекле, изображением флага Калмыкии и на двери логотипа республиканского футбольного клуба «Уралан»[3] и использованием синего и желтого цвета в маршрутной табличке. Фото из сети Интернет

Маркировка надписями, связанными с территориальной принадлежностью и этнической идентичностью, характерна для сферы профессиональных перевозок – и как опознавательный знак транспортного средства с обозначением его маршрута, и как знак этнической принадлежности. Вместе с тем в производственной сфере, где работают трудовые мигранты, встречается и маркировка транспортных средств в целях указания на происхождение водителя для возможного знакомства с земляками. Так, в интернет-пространстве нам встретилось изображение большегрузного автомобиля с надписью на кузове «менд» (‘здравствуй’, *букв.* ‘здоров’) и цифрового сочетания 08 (хотя автомобиль имеет номерной знак московского региона, т.е. работник (водитель) тру-

дится в Москве и области) (рис. 2). Традиционное приветствие «менд» на калмыцком языке использовано как этническая символика на большегрузном автомобиле, для адекватного перевода неясного для окружающих приветствия «отсылка» дана через государственный знак региона 08: таким образом, мы видим свидетельство того, что этническая маркировка используется в целях указания на идентичность водителя и возможных знакомств с представителями его народа.

Рис. 2. Большегрузный автомобиль с надписью – традиционным калмыцким приветствием «менд» и дополнительно выведенными цифрами 08 (указание на регион – Республики Калмыкия) на кузове. Фото из сети Интернет

В г. Элисте городские автобусы не имеют подобных маркеров, в то время как многие частные маршрутные такси, а также легковые автомобили автовладельцы обозначали на протяжении последнего десятилетия надписями локально-территориального характера, демонстрируя свое происхождение: «Шин Мер», «Алцынхута», «Наинтахин» (поселки в Кетченеровском районе Калмыкии), «Ики-Бухус» (поселок в Малодербетовском районе Калмыкии), «Ики-Чонос» (поселок в Целинном районе Калмыкии), «Яшкуль» (районный центр в Калмыкии), «Джангар» (поселок в Октябрьском районе Калмыкии) и т.п. Как правило, названия поселков отсылают к локальной этнической идентичности: для сельчан указание на происхождение из определенного районного поселения однозначно маркировке субэтнической группы. Встречается и надпись на ветровом стекле буддийской молитвы «Ом мани падме хум», выполняющей в этом случае охранительную функцию, а также, в сущности, в условиях республики выполняющей роль и этнического маркера: в Калмыкии подавляющая часть населения представлена калмыками и русскими.

Этническая идентичность проявляется в символике общеэтнического и субэтнического уровней.

Региональная и этническая идентичность отражены в надписях «Калмыкия» либо «Хальмг Тангч[4]» (рис. 3) на номерной рамке автомобилей, популярными вариантами размещения на автомобильных номерах этих надписей являются сочетания с изображениями на правой стороне флага Республики Калмыкия (далее – РК), а на левой стороне – флага Российской Федерации либо с двух сторон флага РК. В этом случае на первый план выступает изображение флага РК в его прямом значении – как символа республики как субъекта федеративного государства. В ситуации с надписями прослеживается следующая особенность: надпись «Калмыкия» (рис. 4) более распространена, что отражает, во-первых, преемственность названия в русскоязычных документах (от Калмыцкого ханства до Калмыцкой АССР); во-вторых, языковую ситуацию: калмыцкий язык отнесен ЮНЕСКО к находящимся под угрозой исчезновения, и сфера его применения в обществе существенно сужена. Уже спустя три года после включения в официальное название республики в январе 1991 г. словосочетания «Хальмг Таңгч» (‘Калмыцкая республика’ или ‘Республика Калмыкия’) (Гунаев 2010: 20–21) с принятием «Степного Уложения (Конституции Республики Калмыкия)» в апреле 1994 г. «из наименования республики было исключено название „Хальмг Тангч‟», после чего был принят Указ Президента России от 10 февраля 1996 г. № 173 и внесено изменение в ч. 1 ст. 65 Конституции РФ 1993 г., республика стала именоваться «Республика Калмыкия». Изъятие из названия республики калмыцкой части объясняли неоднозначным толкованием перевода его словосочетания «Хальмг Таңгч» на русский язык и ограничением его использования при переводе официального названия на калмыцкий язык (Максимов, Ванькаев 1995: 44; Гунаев 2010: 23). Это мнение отражает официальную причину изменения названия республики. Сокращение наименования субъекта до русскоязычной части также отражало и языковую ситуацию в республике. Стоит отметить, что при выборе названия «Республика Калмыкия – Хальмг Таңгч» в феврале 1992 г. депутат В.М. Остапенко (отец Зосима, в то время – благочинный православных приходов в Калмыкии, с 1995 по 2011 г. – епископ Элистинской и Калмыцкой епархии) отмечал, что название «Республика Калмыкия – Хальмг Таңгч» «будет отражать интересы всех народов, живущих в Калмыкии» (Гунаев 2010: 22), конечно, основываясь на том, что в официальное наименование были включены названия на русском и калмыцком языке. Вышеизложенное свидетельствует о том, что надпись на номерной рамке калмыцких автомобилей, включающая название республики на калмыцком языке, отражает самоидентификацию автоводителей и подчеркивает их калмыцкое происхождение, более широко распространенная надпись «Калмыкия», во-первых, отражает прежде всего региональную идентичность, во-вторых, косвенно – языковую ситуацию.

Рис. 3. Автомобиль с надписью «Хальмг Таңгч» с изображением флага РК на номерной рамке. Фото Э.П. Бакаевой

Рис. 4. Автомобиль с надписью «Калмыкия» и флагами России и Калмыкии на рамке. Фото Э.П. Бакаевой

«Мода» на английский язык как язык международного общения отражена в появлении на автомобилях в республике популярной надписи и на латинице («Kalmykia»).

Общеэтническая идентичность проявляется в надписях, содержащих призыв ко всему калмыцкому народу: «Хальмгуд, уралан» ‘Калмыки, вперед’, всегда бывший популярным (рис. 5): бытует представление о том, что даже призыв «Ура!» в русском языке происходит от калмыцкого слова «уралан» (или от монгольского «урагш») ‘вперед’, заимствованного в краткой форме.

Рис.5. Автомобиль с надписью «Хальмгуд уралан» (‘Калмыки, вперед’) и изображением флага РК на номерной рамке. Фото из сети Интернет

При этом «уран» ‘клич’ – один из идентификационных признаков в традиционном калмыцком обществе (Бакаева 2011; Басангова 2013; Шараева 2007; Трансграничная культура 2016). По данным опросов, фраза «Хальмгуд, уралан» входит в «топ 10 фраз на калмыцком языке» (Топ-10 2017), особенную популярность призыв приобрел в период, когда республиканская футбольная команда «Уралан» (созданная сразу после восстановления автономии республики в 1958 г.) выступала в высшем дивизионе российского футбола[5]; созданы песни с таким заглавием, популярные в республике и за ее пределами (рис. 6).

Рис. 6. Автомобиль с надписью на рамке «ФК Уралан». Фото Э.П. Бакаевой

Как и в других регионах, в автомобильной культуре символом территориальной идентичности, но в большой мере и символом этнической идентичности выступает флаг. Удачное лаконичное художественное решение, сочетающееся с насыщенностью символики цвета и знаков, способствовало широкому использованию этого национального символа Калмыкии. В настоящее время именно флаг республики является наиболее используемым символом Калмыкии и калмыков. Изображение флага Республики Калмыкия, присутствующего на многих номерных рамках автомобилей и в виде отдельного предмета (закрепленного на ветровом стекле или на приборной панели) в интерьере, выступает этническим символом. В подавляющем числе автомобилей, на которых встретились изображения флага республики, водители явно являлись калмыками, что свидетельствует о разном восприятии данного изображения: флага как государственного символа республики и флага как знака этнической идентичности, поскольку в нем, в отличие от более раннего флага Калмыцкой АССР, использована национальная символика.

Флаг Республики Калмыкия утвержден постановлением парламента от 30.07.1993, он поистине является носителем «информации о брендовых историко-культурных характеристиках» (Малькова, Тишков 2010: 17). В.К. Малькова и В.А. Тишков, исследуя образы российских республик в государственных символах, отмечают: «Религиозные предпочтения <…> лишь изредка можно увидеть в цветовых воплощениях: на гербе Бурятии желтый цвет ассоциируется с ламаизмом, в Дагестане, часть населения которого исповедует ислам, – это зеленый цвет, а в Калмыкии <…> золотисто-желтый цвет ассоциирован с вероисповеданием народа. В других республиках это не подчеркивается» (Малькова, Тишков 2009: 113). Принятие флага, включающего религиозную символику, отвечало особенностям этапа становления новых социальных отношений в республике и особенно – условиям возрождения буддизма. Лаконичная символика флага, принятого в 1993 г., сочетала цветовую символику (голубое – небо, ранние верования, желтый – буддизм, белый – цвет чистоты) и символику лотоса в буддийской культуре.

Вероятно, высокая степень «брендовости» флага Калмыкии, разработанного в 1993 г., заключается в его лаконичности и глубокой символичности. Он стал восприниматься не только в качестве государственного символа, но и как символ всего народа, а также культурного пространства, связанного с этносом. Флаг Республики Калмыкия представлен в разных сферах: на правительственных зданиях и главных страницах сайтов (от республиканских до отдельных учреждений и предприятий), в оформлении бланков разных учреждений и на сувенирной продукции, распространяемой не только в самой Республике Калмыкия, но и за ее пределами. Он используется и в общинах эмигрантов как нацио-

нальный символ; сочетание религиозной и этнической символики обусловило активное использование изображений флага в сочетании с очертаниями территории республики в предметах, связанных с буддийскими общинами калмыков зарубежья, демонстрирующими собственную этническую идентичность.

В целом сочетание этнической и религиозной символики во флаге Калмыкии обусловило его культурную ценность как знака, обладающего свойствами, которые применимы для его использования как автомобильного маркера, визуализирующего этническую идентичность автовладельца. Транспортное средство само по себе – знак движения в пространстве. Его маркировка этническими символами означает не только проявление этнической идентификации, но и обозначение территории пространства.

Брендовое значение, как и во многих других регионах России, в Калмыкии приобрело цифровое сочетание, обозначающее регион в соответствии с кодами субъектов Российской Федерации, определенными в очередности согласно их перечислению в Конституции РФ. Цифровое сочетание 08 или просто восьмерка приобрели значение символа региона, в связи с чем государственный номер автомобиля «008» или иные сочетания с цифрой восемь (в определенных случаях – и в сочетании с буквой «О») стали восприниматься как демонстрация калмыцкой идентичности. Такое сочетание порой на свадебных кортежах заменяется символикой «улан зала» ‘красной кисти’ – национального калмыцкого символа, так как самоназвание калмыков – «улан залата хальмгуд» ‘калмыки с красной кисточкой’ – отсылает к традиции их этнических предков ойратов, которые по указу Тогона-тайши с 1437 г. носили такие кисти на головных уборах. Акцент на этнической символике особенно ярко проявляется в свадебных обрядах, в которых народные традиции возрождаются наиболее активно, потому калмыцкие свадебные кортежи демонстрируют зачастую этническую символику в ее разнообразии: выбор автомобиля с номером «08», украшение автомобиля головным убором с красной кистью, наконец, сопровождение автомобилей всадниками, что отсылает окружающих к ассоциации «автомобиль – конь» (рис. 7–9). Известно, что в калмыцкой традиционной культуре свадебный кортеж воспринимался как совершающий путь из одного сакрального пространства в другое, и по дороге путники не присоединялись к нему и не пересекали ему путь. Также и во второй половине XX в. сохранялась традиция не брать попутчиков в свадебный «поезд», поскольку путь осмыслялся как опасный – и в этой традиции явно прослеживается связь транспортного животного с современным автомобилем (символика «автомобиль» – «конь»).

Рис. 7. В свадебной обрядности современных калмыков ярко демонстрируется и этническая идентичность: акцент сделан на сопровождении всадниками, что позволяет сопоставить транспорт разных эпох; на автомобиле «калмыцкий» номер, повторяющий цифры 08 и даже в буквенном сочетании серии не уходящий от темы. Фото из сети Интернет

Рис. 8. К этому известному изображению на открытке «Виды Волги. Астрахань. Невеста калмычка, едущая в хурул», растиражированному в Интернете, явно идет отсылка в новых формах сопровождения свадебного кортежа всадниками (Собрание МАЭ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 14–159. URL: http collection.kunstkamera.ru/entity/OBJECT/201608)

Рис. 9. Демонстрация этнического символа в виде головного убора с красной кистью на автомобиле, входящем в свадебный кортеж. Выбор цветов также связан с темой степного тюльпана – символа Калмыкии. Фото из сети Интернет

Наряду с общеэтнической идентичностью в Калмыкии фиксируется многоуровневая идентичность, что получило визуальную текстовую форму в надписях к номерным знакам, приобретшую популярность в 2010-е гг. Известно, что калмыцкий этнос образовался в результате консолидации этнических групп торгутов, дербетов, хошутов (позднее образовалась группа калмыков-бузава), представители которых, несмотря на сложение единого народа, сохраняли свою идентичность до XX в. и продолжают сохранять память о ней до настоящего времени. З.Э.-Г. Гоголданова по результатам проведенного исследования в начала 1990-х гг. отмечала, что наблюдается внутригрупповая субэтническая консолидированность: среди калмыцкого населения в моногрупповых браках состояли в селе 39,0% бузавов, 83,1% дербетов и 65,0% торгутов, в городе – 50,4% бузавов, 54,8% дербетов и 77,1% торгутов (Гоголданова 1994). В советский период в обществе пристальное внимание придавалось так называемому улусизму как негативному явлению, не способствующему консолидации общества. Вместе с тем, обусловленная историческими условиями относительная компактность и однородность расселения этнических групп кал-

мыков в сельской местности являлась основой воспроизводства субэтнических групп и многоуровневного самосознания калмыков, в связи с чем исследователи пришли к выводу о том, что «внутриэтнические процессы развиваются, хотя и не столь быстро, как это порой предполагается, все же в направлении этнической консолидации», но «нельзя не считаться с существованием субэтнической дифференциации», при этом проводя различие между этнической реалией (субэтническим делением) и негативными проявлениями на ее почве (Гоголданова 1994). Сложный состав фиксируется исследователями у разных народов (см., например: Ламажаа 2017), но степень консолидации и уровень самосознания в разных этнических группах различаются. Среди калмыков, как нами отмечалось ранее, особенности расселения этнических групп и формирования сети буддийских монастырей, а в 1920–1930-е гг. – и религиозных организаций буддистов-мирян способствовали сохранению самих субэтнических групп и их различий (Бакаева 2018), в том числе на бытовом уровне. Наглядный пример: в поселениях калмыков-дербетов, расположенных вблизи поселков, где основная часть населения представляла другую субэтническую группу, на вопрос, куда уехал человек, вполне обычным и в 70–80-е гг. XX в. мог быть ответ «торhуда hазрт» ‘*букв.* в торгутскую землю’, т.е. в соседние села другого района. Однако реалии быта в тот период не транслировались в средствах информации и практически не отражались и в научной литературе.

До постперестроечной эпохи заявления о субэтнической принадлежности обычно признавались признаком улусизма, который в обществе однозначно порицался. Негативные проявления на субэтнической почве явились причиной отрицательного отношения в советский период в калмыцком обществе к демонстрации субэтнических различий. С перестройкой в стране начался новый период, одним из результатов масштабных изменений стала и возможность более открытой демонстрации локальной и субэтнической идентичностей, что не замедлило сказаться в калмыцком социуме – ведь само явление субэтнического деления имеет место среди калмыков, хотя в некоторых районах оно проявляется в большей степени, в других теряет актуальность.

Появление разнообразных способов демонстрации субэтнической идентификации, в том числе и появление особых номерных рамок с указанием субэтнической группы, возможно, связано и с тем, что с 1990-х гг. в российском обществе происходило повышение уровня автомобилизации. Это предположение может вызвать возражения: появились бы этнические маркеры на автомобилях, если бы их количество оставалось на прежнем уровне? С одной стороны, выделение оснований, приведших к этнической маркировке, не связано с количеством автомобилей в обществе, они базируются на социальных трансформа-

циях, динамике этничности. С другой стороны, следует признать существование косвенной связи между уровнем автомобильности и появлением новой традиции с указанием субэтнической принадлежности: данная маркировка «работает» в определенном пространстве, наполненном соответствующими объектами.

Как отмечалось в одной из вышеупомянутых публикаций, «в Элисте чаще всего свои авто подписывают дёрвюды» (Вот это номер 2013), что вполне объяснимо: территория Элисты в прошлом относилась к южной части Малодербетовского улуса Калмыцкой степи (так называемому Манычскому улусу), в котором население, в основном, составляли калмыки-дербеты – хотя население города, основанного в 1920-х гг., смешанное. В начале 1990-х гг. З.Э.-Г. Гоголданова отмечала, что в Элисте представители групп бузавов, дербетов и торгутов представлены примерно равными по величине группами (Гоголданова 1994), однако в сложный период реформ конца XX – начала XXI в. в город переселилось немало сельчан. Что касается названий других субэтнических групп на госзнаках автомобилей – встречались и таблички с надписями «торгуд», «хошуд», кроме того, в надписях на номерных рамках писали и названия этнических групп «чонос», «цорос», «бухус», входящих в субэтнические группы, что отражает разноуровневую идентификацию калмыков. В целом указание локальной идентичности в прецедентных надписях также сопряжено с субэтнической идентичностью: так, надпись «Яшкуль», скорее всего, указывает на этническое происхождение хозяина автомобиля из калмыков-торгутов, «Найнтахин» или «Шин Мер» – на происхождение из калмыков-дербетов, «Сарпа» – из хошутов, «Ики Чонос» – соответственно из дербетов родов чонос. Однако, как правило, именно на номерных знаках автомобилей калмыков-дербетов отражалась иерархическая идентичность (чонос, бухус, найнтахин – и «дөрвүд» ‘дербет’), тогда как наряду с надписями, обозначающими субэтнические группы торгутов и хошутов, чаще встречались только названия населенных пунктов (Яшкуль, Сарпа), что свидетельствует о большей степени консолидированности группы торгутов и малочисленности группы хошутов.

В традиционном обществе кочевников-калмыков встреча в пути (в дальнем пути обычно – всадников) предполагала идентификацию («кенәхнә?» ‘их чьих?’, т.е. ‘какого рода’), в военных условиях такая идентификация производилась посредством клича-урана. В новейших условиях визуализация этнической и субэтнической и даже родовой идентификации в оформлении «калмыцкого» автомобиля, как показывают вышеприведенные примеры, может проецироваться в ситуации самопредставления в пути через демонстрацию идентичности. Вместе с тем можно сопоставить маркировку современного транспортного средства (автомобиля) с традицией обозначения транспортного животного

(коня) у кочевников: при таврении лошадей знак (тамга) являлся родовым, для всего рода имелась определенная тамга, наглядно демонстрировавшая как принадлежность коня, так и происхождение его владельца. Тамга являлась знаком собственности и принадлежности коня определенной родовой группе, однако традиции таврения коней были утрачены с введением колхозного строя, и потому символика родовых тамг практически утрачена – в ином случае она активно использовалась бы в идентификационных практиках. В современных условиях принцип обозначения собственности через идентификацию автовладельца как представителя родовой или субэтнической группы нашел выражение в текстовых маркерах (названиях групп), но необходимо отметить, что сохраняется принцип обозначения собственности, принадлежности / происхождения владельца и одновременно его родной территории. Вполне вероятно, что нераспространенность на автономерах изображений калмыцких тамг связана с тем, что в целом традиция таврения была утрачена в начале XX в. и память о родовых тамгах плохо сохранена. Вместе с тем известно, что многие калмыки специально восстанавливают данные о родовых тамгах с целью использования изображений в повседневной жизни – в том числе для размещения изображений на воротах придомового участка, что свидетельствует о маркировке таким образом «своего» пространства.

И изображение тамги, и текстовые маркеры (названия групп) в приведенных примерах выполняют функцию знаков собственности. Можно предположить, что существуют отличия: тамга, наносимая на границу (ворота) участка, маркирует территорию «своего» пространства, тогда как текст надписи, относимый к этнической идентичности, маркирует личность владельца, и автомобиль выступает не маркируемым объектом (как в случае, если надпись территориального содержания, например, Элиста), а носителем информации об объекте, находящемся в нем / автовладельце. Однако маркировка субэтнической локальной идентичности относится не только к человеку, но и к территории. Так, «чонос» – название группы родов и территории, где расселяются их представители (включая поселки Ики Чонос ‘Большие чоносы’, Бага Чонос ‘Малые чоносы’), «найнтахин» – название калмыцких родов, происходящих из одноименного поселения; «дөрвүд» – не только название крупной этнической группы калмыков, но и часть названия двух дербетовских улусов («Ик дөрвдә» ‘Большедербетовский’ и «Бага дөрвдә» ‘Малодербетовский’).

Принцип «мой автомобиль – моя территория» действует в разных регионах и в различных условиях. Так, желание обладать «калмыцким» номером у калмыка, проживающего в Республике Тыве, отражено в специфическом оформлении номера его автомобиля (рис. 10): здесь текст представляет визуализацию этничности, словесная фор-

мула дополняет государственный номерной знак, маркируя принадлежность владельца автомобиля к культурному пространству Калмыкии.

Рис. 10. Автомобильный номер с надписью «Калмыкия – Тыва» с изображением флагов Республики Калмыкия и Республики Тыва. Фото Э.П. Бакаевой

Визуальная демонстрация места прежнего проживания (рождения) и этнического происхождения ярко проявляется и в надписях на «калмыцких» автомобилях (как и на машинах бывших россиян в целом) в других странах. Так, представители мигрантов из России в США, где идентификационные знаки отличаются разнообразием (разрешается любое сочетание цифр и букв, изображения), зачастую в качестве идентификатора указывают родной город, имя или используют «прикольные» надписи на русском языке. На автомобилях калмыков в США встречаются не только надписи «Elista» или «Kalmyk», но и изображение флага Республики Калмыкия и даже надписи, отражающие субэтническое происхождение автовладельца (рис. 11–14).

Таким образом, по аналогии с автомобильными номерами, маркирующими «калмыцкую территорию» на российских авто, представители диаспоры в США приобретают номера для своих автомобилей, маркируя этническую принадлежность и свое культурное пространство: так, «Элиста» и «Калмыкия» въезжают в пространство новых территорий с символикой «своей» территории. При этом и отсылки к родной республике и городу, коду региона согласно российскому перечню, и обозначение «Kalmyk» являются маркировками, относящимися к автовладельцу и отражающими его самосознание.

Рис. 11. На фото из социальной сети «ВКонтакте» с подписью «Привет землякам из солнечного Канзаса»: на табличке автомобиля изображение флага Республики Калмыкия. Фото из сети Интернет

Рис. 12. На фото: автомобиль из штата Вирджиния, США, с идентификационной надписью «Kalmyk». Фото из сети Интернет

Рис. 13. На фото: автомобиль из штата Нью-Йорк, США, с идентификационной надписью «Elista». Фото Э.П. Бакаевой

Рис. 14. На фото: автомобиль из штата Нью-Йорк, США, с идентификационной надписью «DORVUD» на рамке (источник: BrooklynGrad (новый сезон чтоль)). КРЧ Бруклинград. Калмыцкое землячество (США, 2018). URL: https://www.youtube.com/watch?v=z2gjTvVZ9Bw (дата обращения: 15.06.2019))

Рассмотренные нами автомобильные надписи маркируют идентичность этническую и религиозную, с одной стороны, и локально-территориальную и субэтническую – с другой. Они служат маркерами

водителя – как и маркеры, рассмотренные Т.Б. Щепанской (Щепанская 2016: 59) и В.В. Медведевым, которые отмечают, что появляются новые, ранее не известные и не востребованные материальные формы идентичности (Медведев 2019: 69). Вместе с тем особенностью маркировки на калмыцких автомобилях стало появление не только общеэтнических и локальных (территориальных) названий, но и субэтнических, что отражает актуализацию разноуровневой идентичности, бытовавшую и ранее, а в последние десятилетия приобретшую большую значимость в связи с широким обсуждением в обществе вопросов происхождения разных родов и групп калмыков.

Представляется, что маркировка субэтнической идентичности связана, прежде всего, с традиционной практикой коммуникации, традиции самопредставления и определения сторон в коммуникации. Сложно сказать, присутствует ли в этой прагматике какой-либо вызов – на первый план здесь выходит именно демонстрация идентичности, ответ на вопрос, «кто Вы?», что связано с методикой опознавания «своего» в потоке, узнавания «домашней идентичности» в потоке «дорожной идентичности».

Практика отсылки к этнической идентичности и создания «национального» образа автомобиля известна в разных странах. Известны и примеры, когда надпись и название автомобиля являются его маркерами, ассоциирующимися с народом: Studebaker Scotsman, Jeep Grand Cherokee, Jeep Comanche, Viking и т.п. И если название «Scotsman» было основано на представлениях о шотландской бережливости, то появление марок автомобилей с названиями индейских народов отражало представления о чертах, которыми наделялись эти народы. Означало ли то, что этноним включали в название бренда автомобиля, позитивное восприятие этого факта представителями народа – вопрос недостаточно исследованный. Известны факты, свидетельствующие о том, что индейские народы неоднозначно воспринимали использование этнической символики торговыми фирмами. Так, в автосалонах в 2014 г. появился внедорожник Jeep Grand Cherokee – 5-е поколение марки автомобилей, которые в США и Канаде в 1-м (1974–1983 гг.) и 2-м (1984–2001 гг.) поколениях носили название Jeep Cherokee, а в 3-м (2001–2007 гг.) и 4-м (2008–2013 гг.) поколениях именовались Jeep Liberty. Г. Коллинз в статье в газете «Нью-Йорк Таймс» пояснял возвращение к «этническому» имени индейцев чероки, по языку родственным ирокезам, маркетинговыми исследованиями: «Jeep возрождает имя модели – название племени американских индейцев. <…> задача как бренда состояла в том, чтобы связать образ прошлого с настоящим». «На протяжении десятилетий названия племен американских индейцев помогали выталкивать автомобили из автосалонов»: в рекламных брошюрах Pontiac были представлены иллюстрации, сравнивающие его 6-цилин-

дровые двигатели с шестью покрытыми перьями красными индейцами, гребущими на каноэ; в рекламе «Понтиака» присутствовала отсылка к имени вождя индейцев племени оттава Понтиака – «признанного вождя племен алгонкинской семьи»; в 1980-х производился пикап Jeep Comanche, название которому было дано по индейскому этнониму (Collins 2013).

Но возвращение к первому названию автомобиля Grand Cherokee было связано как с богатыми ассоциациями с первыми поколениями автомобиля (Collins 2013), так и с изменениями в обществе коренных народов: американские индейцы в последней трети XX в. выступали против использования (прежде всего спортивными командами) их этнической символики как уничижающих ярлыков, в результате чего в 1990-х гг. Национальная ассоциация университетского спорта (National Collegiate Athletic Association, NCAA) начала кампанию по запрету на использование этнической символики, которое посчитали неполиткорректным. В 2000-х гг. кампания утратила свою остроту и возможным стало возвращение к названию индейского народа чероки в названии бренда автомобиля Jeep Cheroke. Об этом свидетельствовала позиция объединения чероки в Оклахоме, пресс-секретарь которого отмечала, что «институционально у племени нет позиции по этому вопросу» (Collins 2013), в этот период некоторые индейские объединения высказывались за сохранение названий спортивных команд (Американские индейцы 2009).

Приведенный пример относится к экономической, предпринимательской сфере. В свете анализируемых нами маркеров этнической и субэтнической идентичности приведем другой показательный пример, также связанный с индейскими этническими группами, который иллюстрирует вывод Т. Эденсора об утверждении национальной идентичности через новые факторы идентификации, образующие в повседневной жизни новую сеть знаков (Edensor 2004). В провинции Онтарио в Канаде мне встретились автомобили, на которых присутствовала этническая символика, обратившая на себя внимание в связи с возможностью сопоставить эту практику с калмыцкими надписями на автомобилях. Это популярная в Онтарио символика «шести наций»: здесь находятся традиционные земли лиги ирокезов, а на въезде на их территорию располагаются рекламные щиты с надписью «Welcome to six nations. Grand River Territory»[6] (Six nations Community Profile) и символикой шести наций (рис. 15), которая включена и в логотипы двух ведущих канадских команд (г. Торонто и г. Гамильтона) по лякроссу[7] – национальной спортивной канадской игре.

Среди потомков индейцев ирокезской конфедерации «шести наций» распространено использование символики этой конфедерации, в том числе на автомобилях – в виде наклеек на заднем стекле либо крышке багажника, что способствует демонстрации символа в дорожном потоке (рис. 16).

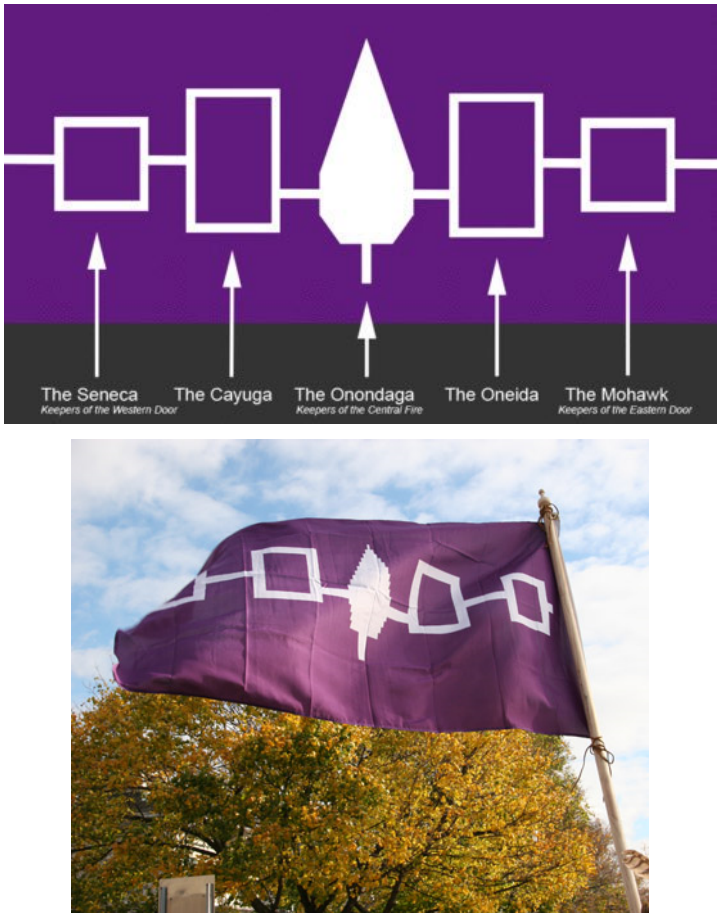

Рис. 15. Эмблема и флаг «шести наций» – лиги ирокезов. Фото из сети Интернет

Рис. 16. На фото: изображение на стекле автомобиля символики «шести наций» с надписью на ней «Seneka». Автомобиль принадлежит представителю индейцев-сенека. г. Гамильтон, Онтарио, Канада. Фото Э.П. Бакаевой

Символика, используемая автомобилистами, повторяет флаг «шести наций» (‘six nations’), созданный в 1980-х гг. активистами движения ирокезов, основой изображения которого стал пояс (вампум) лидера и одного из основателей их лиги – Гайаваты. Поскольку изначально лига включала пять народов (сенека, кайюга, онондага, онейда, могавки или мохоуки), а шестой (тускарора) присоединился только в 1722 г., то в символике отражены представления о 5 народах, вошедших в конфедерацию. Самым западным по территории расселения из ирокезских народов, входивших в лигу, являлись сенека, потому неудивительно, что в г. Гамильтоне, располагающемся на юго-западе от озера Онтарио, нам встретились автомобили с символикой «шести наций» и надписями поверх нее «seneka». К тому же всего в 25 км от Гамильтона расположена главная резервация (Six nations Community Profile).

Как и в случае с повторным переименованием джипа Гранд Чероки, у канадских индейцев появление символики на машинах определено спецификой этнической ситуации и социальным статусом потомков коренного индейского населения, который изменился после 1982 г., когда в Канаде официально была принята конституционная поправка, гарантирующая права аборигенов, а также было признано их право на самоуправление[8] (ConstitutionAct 1982; Максимова, Соколов 2010: 65). Большую часть индейского населения, проживающего в городах Канады, составляют так называемые «нестатусные» индейцы (в отличие от «статусных» индейцев, пользующихся всеми правами и составляющих вместе с «нестатусными» самую большую из групп коренного населения или «первых наций» – индейцев (60 % коренного населения[9]) (Constitution Act 1982: 63; Максимова, Соколов 2010: 55). Незарегистрированные в качестве индейцев, но идентифицирующие себя с аборигенной культурой, «нестатусные»[10] индейцы проживают, в основном, в городах, где к ним присоединяются и «статусные» индейцы, переселяющиеся из резерваций (Максимова, Соколов 2010: 56; Френк 2017: 87). С изменением официальной политики в отношении аборигенных народов и прекращением в Канаде ассимиляционной политики прослеживается повышение уровня этнического самосознания. Так, если в 1996 г. аборигенами себя считали 80 тыс. человек, то к 2006 г. их численность возросла до 1,17 млн. В.А. Тишков отмечает: «60–70-е годы – время коренного перелома в политическом сознании и деятельности канадских индейцев, который сопровождался серьезными изменениями в социально-экономических и культурных условиях их существования, а также в политике правящих кругов по отношению к аборигенам» (Тишков 1985: 328). Кроме того, «концепция многокультурности объявлена в стране в качестве национальной идеи, объединяющей различные слои канадского общества» (Соколов 2016: 53).

В результате официальной смены курса в отношениях с индейцами в обществе «первых наций» произошли значительные перемены, что нашло выражение в том числе в 1980-е гг. и в создании на основе традиционной символики флага шести наций. И появление символики шести наций в городских условиях на машинах автомобилей, принадлежащих «нестатусным» индейцам или метисам, обусловлено повышением этнического самосознания, повышением социального статуса индейцев, признанием их организации. Кроме того, что такая символика относится к идентичности автовладельца, она проецируется как на автомобиль, так и на территорию, на которой находится «дом», «домашняя территория» «шести наций».

Этот пример представляется однотипным с примерами калмыцкими, когда демонстрация родовой идентичности оказывается сопряженной с идентичностью субэтнической, этнической и территориальной, обозначая и территорию проживания автовладельца. Так, например, надпись «чонос» на автомобиле калмыка означает его происхождение из калмыков-дербетов и его малую родину – поселки с однокоренными названиями в Целинном районе Республики Калмыкия (в прошлом Малодербетовского улуса Калмыцкой степи); текстовая символика демонстрирует вышеперечисленные уровни идентичности (родовую, субэтническую, территориальную) и обозначает отношение автовладельца к территориям, поныне понимаемым как родовые. Подобно этому и символика «шести наций» относится как к автовладельцу, так и к территориям, где проживают представители шести ирокезских народов (для «нестатусных» индейцев такая проекция может происходить на территорию города, где они проживают, впрочем, как показывает символика команд по лякроссу, и Торонто, и Гамильтон воспринимаются как территории «шести наций»).

Сопоставление примеров автомобильных маркеров на машинах канадских индейцев и российских калмыков свидетельствует о том, что не проявляемые в специфических условиях идентичности с изменениями в обществе находят выражение в символике визуальных знаков, публично демонстрируемых в качестве знаков идентификации. В этих обществах, находящихся по разные стороны света, социально-политические условия были совершенно различными. Но они имели одну общую характеристику: наличие (совершенно разных) условий, способствовавших замалчиванию и отказу от демонстрации идентичности (этнической или субэтнической). В среде канадских индейцев изменение их социального статуса, обеспечение прав аборигенного населения после 1982 г. привели к росту самосознания, динамике этнической идентичности, выразившейся в изменении самоидентификации сотен тысяч индейцев, что нашло выражение в этнической символике. Вместе с тем в целом в среде североамериканского аборигенного насе-

ления имелись и проблемы, определенные политкорректностью, которые обусловили в 80–90-е гг. XX в. изъятие «этнических» названий по инициативе коренного индейского населения (представители которого посчитали использование ряда символов уничижительным), и только с начала XXI в. они были постепенно преодолены. В Калмыкии в доперестроечный период (границей также выступают 1980-е гг.) вследствие советской национальной политики, реализовывавшейся в СССР, субэтническая идентичность не обсуждалась в общественном дискурсе. В результате проведения реформ в российском обществе и в Республике Калмыкия легитимным стало то, что не принято было демонстрировать. Иерархическая этническая идентичность получила «право на жизнь», а вместе с этим правом появились и разнообразные способы ее проявления. Практика «этнического» маркирования номерных государственных знаков на автомобилях в Калмыкии стала проявлением апробации способов сохранения культурного наследия.

Таким образом, с устранением определенных условий в двух анализируемых регионах, представляющих разные концы мира и разные системы общественного устройства, проявления идентичности обрели разнообразные формы, в том числе и в виде автомобильных маркеров.

Выводы

В условиях современного общества автомобиль, занимающий важное место в жизни человека, может обретать полиморфную символику. Он может ассоциироваться с этническим образом, отражая представления о «национальном характере», ярких представителях этноса и их деятельности (Scotsman, Jeep Grand Cherokee, Jeep Comanche, Viking, Pontiac). Автомобиль обретает функцию маркера этничности и может быть маркером субэтнической и даже родовой идентичности – в этих особых вариантах традиция его маркировки, на мой взгляд, восходит к обычаям прошлого, и обозначение этническим / родовым символом проецирует идентичность автовладельца на территорию его проживания – либо обозначая «принадлежность» (в прошлом или настоящем) территории этнической группе, либо создавая «виртуальное пространство» этнической культуры (что мы видим на примерах маркировки автомобилей россиянами-эмигрантами).

Развитие культуры автомобильных маркеров обусловлено как общими условиями автомобильности и уровня автомобилизации, так и социальными и межэтническими факторами. Важным аспектом является исследование как профессиональной сферы, связанной с автомобилями, так и автомобильной культуры всего общества (личных автомобилей). Формы и способы проявления этнической символики в автомобильных маркерах свидетельствуют, что в них проявляются специфика

этнической ситуации и социокультурные процессы, происходящие в обществе. Этническая идентичность в автомаркировке расширяет значение визуализируемой идентичности от автомобиля и автовладельца до локальной территориальной идентичности.

В дорожной культуре встречаются знаки разноуровневой идентичности, что позволяет апеллировать к чувству принадлежности к одной группе. На знаках автомобильных номеров калмыцких машин встречаются общенациональные символы (надписи «Россия», «Russia» и даже «СССР»), но наличие на номерных знаках флага Российской Федерации и общегосударственный стандарт автомобильных номеров определили нечастое использование уже имеющейся общей символики. Территориальная и этническая символика также используется лишь на определенной части автомобилей, но она является одним из показателей этнической идентичности. Общеэтнические маркеры (надписи «Калмыкия», «Хальмг Тангч») на автомобильных номерах в республике используются чаще, чем локальные маркеры (надписи, восходящие к внутриэтнической идентичности). При этом преобладает русскоязычное название республики – «Калмыкия», тогда как эквивалент на калмыцком языке – «Хальмг Тангч» встречается все реже. Этот факт косвенно отражает сужение сферы применения калмыцкого языка в обществе и угрозу утраты родного языка калмыками. Использование общеэтнических знаков (надписи «Калмыкия», «08», «Элиста») в номерных знаках автомобилей, принадлежащих выходцам из Калмыкии в других странах (в основном, в США), свидетельствует о реализации в данном случае функции автомобильных маркеров как преодолевающих пространственные (и внутриэтнические) границы.

Динамика этнической идентичности и иерархичность последней отражаются в символике «калмыцких» автомобильных номеров. С одной стороны, используется общеэтническая символика (наименования республики на русском и калмыцком языках), с другой – локальная символика, включающая этнонимы, обозначающие внутриэтническую идентификацию, и топонимы, восходящие к истории определенных этнических групп, так как в Калмыкии выделяются условные этнотерриториальные зоны расселения субэтнических групп.

Рассмотренные материалы позволяют поставить вопрос о причинах распространения этнической и субэтнической символики в одних обществах и неиспользования ее в других. В проанализированных конкретных примерах основной причиной обращения к этнической символике явились повышение уровня этнического самосознания, динамика их в поле идентичности, выражающаяся в «легитимизации» этнических делений и их маркировки после десятилетий реализации советской национальной политики. Иерархические деления внутри этничности калмыков, которые официально существовали и отражались, к приме-

ру, еще в начале 1930-х гг. в документации буддийских организаций (Бакаева 2018), формировавшихся по «родовому» принципу вследствие преемственности в системе осуществления связей «прихожане – буддийский храм», после восстановления автономии Калмыкии (последовавшей с окончанием ссылки калмыцкого народа в результате насильственной депортации, 1943–1957 гг.) повсеместно замалчивались, так как проявления локальной идентичности стали связываться с так называемым улусизмом, который рассматривался как проявление субэтнического местничества, чрезмерного покровительства землякам и как негативно влияющий на общественное развитие. Как и в среде канадских индейцев, где изменения в социально-политической ситуации оказали влияние на повышение уровня этнического самосознания, динамика идентичности в Калмыкии получила проявление в этнической символике, в том числе в автомобильных маркерах.

Данные анализа позволяют сделать вывод о том, что распространение практики «этнических» надписей в Калмыкии, с одной стороны, свидетельствует об этнических консолидационных процессах, объединяющих калмыцкое общество, с другой стороны – об актуализации после 1990-х гг. локальной субэтнической идентичности, о которой на протяжении периода со второй трети по 90-е гг. XX в. не принято было говорить в калмыцком обществе.

Процессы, происходящие в калмыцком обществе, свидетельствуют о сохранении разноуровневой идентичности. Маркировка автомобилей надписями, содержащими указание на субэтническую идентичность, связана с сохранением в определенной мере (с поправками на исторические трансформации, неизбежные в условиях советского общества) до настоящего времени принципа «родового» расселения, сложившегося у калмыков со времен их появления в степях Прикаспия.

Важным аспектом коммуникации в культуре автомобильности оказывается ответ на вопрос, что может символизировать появление этнично маркированного автомобиля на территории другого рода, другой этнической группы. Изложенные материалы позволяют сделать предположение о том, что нахождение этнически маркированного автомобиля может рассматриваться как акт установления некоего суверенитета на чужой земле, как акт установления, например, своего флага на чужой земле – в данном аспекте можно рассмотреть воображаемое пространство территории «шести наций», обозначаемой на автомобилях канадских индейцев. Однако все же представляется, что в Калмыкии новая традиция маркировки автомобилей надписями, называющими внутриэтническую идентичность автовладельца, прежде всего, связана с традициями этнической коммуникации, согласно которым знакомство предполагало четкое определение происхождения / родовой принадлежности, ответ на вопрос «чьи Вы?» (‘кенәхнә’), определявший стра-

тегию поведения по отношению к вступающему в коммуникацию. Использование локальных этнических маркеров позволяет демонстрировать принадлежность автовладельца не только к определенной этнической группе, но и к территориальной общности. Так, при наборе в интернете в поисковой строке выражения «я – торгуд» появляется статья, в которой известный житель Калмыкии, руководитель чеченского общественно-культурного объединения «Согласие» (‘Барт’) Республики Калмыкия Умар Эльжуркаев, рассказывая о своей трудовой деятельности и жизни в Яшкульском районе РК, называет себя торгутом – по названию субэтнической группы калмыков, составляющих большинство населения в этом районе республики (Халгинова 2018).

Таким образом, примеры использования этнической символики на автомобилях калмыков (как в Калмыкии, так и в условиях эмиграции в США), так же, как и у американских индейцев, показывают, что актуализация этнической идентификации порождает разнообразные проявления демонстрации этнической идентичности, что отражается в автомобильной культуре как основной культуре мобильности в городских условиях.

Стоит заметить, что в последние годы в Калмыкии число автомобильных номеров с субэтнической символикой уменьшается, тогда как повсеместно встречаются автомобили, маркированные надписью «Калмыкия». Какие процессы кроются за этим – тема отдельного исследования.

Примечания

[1] На калмыцком языке произносится дёрвюд, пишется дөрвүд.

[2] До середины 2018 г. в Калмыкии работала единственная авиакомпания, и стоимость билетов на единственный авиарейс «Элиста – Москва» была в 5 раз больше, чем стоимость билета на поездку по этому маршруту на автобусе. При этом железнодорожное сообщение практически не осуществлялось.

[3] Футбольная команда «Уралан», основанная в 1958 г., в конце 1990-х – начале 2000-х гг. выступала в высшей лиге.

[4] Хальмг Тангч ‘*Калмыцкая республика*’ – название на калмыцком языке Республики Калмыкия. В 1992–1994 гг. официальное название республики включало ее название на русском и калмыцком языках: «Республика Калмыкия – Хальмг Тангч». В 1994 г. наименование республики было изменено на «Республика Калмыкия» в «Степном Уложении (Конституции) Республики Калмыкия» (Гунаев 2010: 23).

[5] В 1998–2000 гг., 2002–2002 гг.

[6] На сайте объединения шести наций указано, что главная резервация расположена примерно в 25 км к юго-западу от г. Гамильтон, Онтарио (Six nations Community Profile).

[7] Лякросс (от lacrosse – клюшка) – национальный вид спорта в Канаде, считается, что игра происходит от игры багатавей американских индейцев (Линдер).

[8] Процессы, начавшиеся в последней трети XX в., привели к тому, что в 2008 г. премьер-министром Канады С. Харпером были принесены «официальные извинения за политику ассимиляции аборигенного населения, проводившуюся в Канаде со времен ее образования» (Максимова, Соколов 2010: 55), политика в отношении канадских индейцев была признана негативной.

[9] Две другие из трех групп коренного населения – метисы (26%) и инуиты (эскимосы, 4%) (Френк 2017: 86; Максимова, Соколов 2010: 56).
[10] К ним отнесены и женщины, вышедшие замуж за представителя неиндейских народов.

Литература

Американские индейцы племени сиу заступились за одноименную команду (дата публикации: 09.12.2009). URL: https://pravo.ru/interpravo/news/view/21552/ (дата обращения: 01.03.2020).

Бакаева Э.П. Вопросы этнической идентификации в документах калмыцких буддистов первой трети XX в. в контексте современных проблем исследования этнической истории калмыков // Oriental Studies. 2018. № 4. С. 59–74.

Бакаева Э.П. Калмыки-цаатаны: к проблеме происхождения этнической группы и этимологии этнонима // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 68–74.

Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

Басангова Т.Г. Жанр уранов в фольклорной традиции калмыков // Новые исследования Тувы. 2013. № 4. URL: https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6706-basangova.html (дата обращения: 01.03.2020).

Вот это номер. В Калмыкии на автомобили наносят знаки этнической принадлежности (дата публикации: 27.03.2013). URL: http://smartnews.ru/regions/elista/5759.html (дата обращения: 01.05.2019).

Гоголданова З.Э.-Г. Субэтносы и этнические процессы в Калмыкии в середине 80-х годов XX столетия (По материалам статистико-этнологического исследования): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1994. 22 с.

Госномера автомобилей калмыков содержат этнические приметы. 2013а (дата публикации: 27.03.2013). URL: https://www.ridus.ru/news/74967/

Госномера автомобилей калмыков содержат этнические приметы. 2013б (дата публикации: 20.01.2014). URL: http://asiarussia.ru/news/1654/ (дата обращения: 01.05.2019).

Госномера автомобилей калмыков содержат этнические приметы. 2013в (дата публикации: 27.03.2013). URL: https://www.city-n.ru/view/322352.html) (дата обращения: 01.05.2019).

Головнев А.В. Концептуализация мобильности в антропологии и этнографии // Уральский исторический вестник. 2018. № 3(60). С. 6–15.

Головнёв А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1(58). С. 100–108.

Гунаев Е.А. Официальное наименование Республики Калмыкия: исторические и политико-правовые аспекты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (новое название – Oriental Studies). 2010. № 2. С. 20–26.

Исаханян А.З. Автомобильная культура в контексте современных концепций пространства // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 166–173.

Кононенко Р.В. Автомобильность в России. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2011. 155 с.

Кузнецов А. Космополитика имплицитных инноваций городской мобильности: гибкость, неопределенность, инфраструктуры // Российская антропология и «онтологический поворот». М., 2017. Вып. 2. С. 25–291.

Ламажаа Ч.К. Проблемы определения и изучения субэтнических групп тувинцев // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. URL: https://nit.tuva. asia/nit/article/view/693 (дата обращения: 01.03.2020).

Линдер В.И. Лякросс // Большая российская энциклопедия: в 35 т. / гл. ред. Ю.С. Осипов. М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017. URL: https://bigenc.ru/sport/text/2163248 (дата обращения: 02.03.2020).

Максимов К.Н., Ванькаев Ю.К. Степное Уложение – важный шаг в развитии государственности Калмыкии // Выбор Калмыкии. Элиста: КИОН РАН, 1995.

Максимова Д.Д., Соколов В.И. Коренные народы Канады: эволюция отношений с государством // США. Канада. Экономика, политика, культура. 2010. № 12. С. 55–72.

Малькова В.К., Тишков В.А. Культура и пространство. Книга первая: Образы российских республик в Интернете. М.: ИЭА РАН, 2009. 147 с.

Малькова В.К., Тишков В.А. Антропология историко-культурных брендов территорий, регионов и мест // Культура и пространство. Книга вторая. Историко-культурные бренды территорий, регионов и мест. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 6–57.

Медведев В.В. Автомобиль как маркер идентичности: исторические аспекты // Известия Алтайского госуниверситета. Исторические науки и археология. 2019. № 6 (110). С. 67–74.

Мищенко Д. Надписи на такси в Абиджане (Кот-д'Ивуар) // Антропологический форум. 2015. № 24. С. 155–169.

Национальный состав населения // Всероссийская перепись населения. 2010. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

Рамки под номера индивидуальные. URL: https:// kscomplect.ru/products/category/ramki-pod-nomera-individualnye (дата обращения: 10.04.2020).

Ростова А.В. Способы конструирования идентичности автолюбителей: гендерные аспекты // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. № 1 (4). С. 211–216.

Соколов В.И. Многоэтничность как основа становления канадского общества (выступление на международной конференции «Канада и Россия: экономика. Политика, мультикультурализм» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 12 (564). С. 52–58.

Тишков В.А. Новые формы общественной активности канадских индейцев // Исторические судьбы американских индейцев (проблемы индеанистики). М.: Наука, 1985. С. 328–338.

Топ-10 популярных фраз на калмыцком языке (дата публикации: 29.03.2017). URL: https://uralan.info/index.php/nasha-zhizn/item/5821-top-10-populyarnykh-fraz-na-kalmytskom-yazyke (дата обращения: 01.03.2020).

Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э.П. Бакаева, К.В. Орлова, Д.Н. Музраева и др. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.

Указ Президента Российской Федерации от 10.02.1996 г. № 173 «О включении нового наименования субъекта Российской Федерации в статью 65 Конституции Российской Федерации». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45863.

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Праксис, 2012. 576 с.

Френк Г.Ю. Этноязыковые проблемы коренных народов Канады // Вестник культуры и искусств. 2017. № 1 (49). С. 86–91.

Халгинова Н. Барт – это согласие! // Степные вести: интернет-газета. 2018. 12 июня. URL: http://tegrk.ru/archives/37716 (дата обращения: 10.04.2020).

Харламов Н. Новое общество или новая наука об обществе? Социология мобильностей Джона Урри // Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. М.: Праксис, 2012. С. 7–58.

Чемова Ю.П. Автомобильная культура: анализ через призму социологии мобильностей Дж. Урри // Социальные коммуникации: профессиональные и повседневные практики: сборник статей. СПб.: Интерсоцис, Скифия-принт, 2018. Вып. 6. С. 348 –353.

Шараева Т.И. Уран торгутов (по данным полевых исследований) // Проблемы этногенеза, этнической истории и культура тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмГУ, 2007. С. 105–113.

Щепанская Т.Б. Сравнительная этнография профессий: повседневные практики и культурные коды (Россия, конец XX – начало XXI в.). СПб.: Наука, 2010. 338 с.

Щепанская Т.Б. Движение и вещь: опыты чтения автомобиля в потоке // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 53–66.

Щепанская Т.Б. Вегикулярные маркеры и социальная коммуникация в «потоке» // Российская антропология и «онтологический поворот». М., 2017. Вып. 2. С. 295–328.

Щепанская Т.Б. Движение в мегаполисе: время и тело // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 48–59.

Alam Y. Automatic Transmission: Ethnicity, Racialization and the Car // Identities: Global Studies in Culture and Power. 2018. Vol. 25, № 3. P. 1–18.

Collins G. When Cars Assume Ethnic Identities (дата публикации: 23.06.2013). URL: https://www.nytimes.com/2013/06/23/automobiles/when-cars-assume-ethnic-identities.html

Constitution Act 1982 // A Consolidation of the Constitution Acts 1867 to 1982. Consolidated as of January 1, 2013. P. 53–76. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/CONST_E.pdf (accessed: 27.01.2017).

Dowling R. Cultures of mothering and car use in suburban Sydney: a preliminary investigation // Geoforum. 2000. № 31. P. 345–353.

Edensor T. Automobility and National Identity: Representation, Geography and Driving Practice // Theory, Culture & Society. 2004. Vol. 21, № 4–5. P. 101–120.

Print сегодня. URL: https://printsegodnya.ru/ramki-dlya-auto (дата обращения: 01.03.2020).

Sheller M., Urry J. The City and the Car // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 24 (4). December 2000. P. 737–757.

Six nations Community Profile. URL: http://www.sixnations.ca/CommunityProfile.htm (дата обращения: 01.03.2020).

Статья поступила в редакцию журнала 15 апреля 2020 г.

Bakaeva Elza P.

VISUALIZING IDENTITY: KALMYK NUMBER PLATES AND THE SYMBOLISM OF THE ETHNIC

DOI: 10.17223/2312461X/30/15

Abstract. In the early 2010s, Kalmykia allowed using individual designs for vehicle registration plates to mark one's ethnic and subethnic identity, which has become popular with the Kalmyks. The article examines number plates as ethnic identity markers and analyzes the symbolism of their designs with regard to automobility and the ethnic situation in Kalmykia. The analysis is focused on the number plates developed by both Kalmykia residents and Kalmyk diaspora in the USA. In addition, comparative analysis is conducted on the symbolism behind the two categories of number plates and that behind the number plates used by the indigenous population of Canada. It is shown that changes in ethnic identification affect the design of the Kalmyk number plates. This research material raises the question as to why ethnic symbols become spread in certain societies. In the case of Kalmykia, the spread of ethnic symbols appears to indicate the consolidation of the Kalmyk society on ethnic grounds, on the one hand, and the revitalization of local subethnic identity, on the other. The latter started after the 1990s, while the issue of local subethnic identity as such had been hardly discussed in the Kalmyk society before that. The analysis of the number plates used by the Kalmyks in Kalmykia and the US, as well as by the Canadian Indians, indicates that actual-

ized ethnic identity drives other forms of ethnic identification, with manifestations of these found in the car culture which is central to mobility in urban areas.
Keywords: ethnic identity, space, visualization of identity, number plates as identity markers, Kalmyks

References

Amerikanskie indeitsy plemeni siu zastupilis' za odnoimennuiu komandu [The Sioux Indians of North America stood up for an eponymous team] (data publikatsii 09.12.2009). Available at: https://pravo.ru/interpravo/news/view/21552/ (Accessed 1 March 2020).

Bakaeva E.P. Voprosy etnicheskoi identifikatsii v dokumentakh kalmytskikh buddistov pervoi treti XX v. v kontekste sovremennykh problem issledovaniia etnicheskoi istorii kalmykov [Ethnic identity issues reflected in Kalmyk Buddhists' texts of the 1900s to the 1930s and the current challenges to Kalmyk ethnic history research], Oriental Studies, 2018, no. 4, pp. 59–74.

Bakaeva E.P. Kalmyki-tsaatany: k probleme proiskhozhdeniia etnicheskoi gruppy i etimologii etnonima [Tsaatan Kalmyks: On the issue of the origins of the ethnic group and etymology of the ethnonym], Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN, 2011, no. 2, pp. 68–74.

Bakunin V.M. Opisanie kalmytskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladel'tsev. Soch. 1761 g. [Description of the Kalmyk peoples and of the Torghut people in particular as well as of their khans and rulers' deeds]. Elista: Kalm. kn. izd-vo, 1995.

Basangova T.G. Zhanr uranov v fol'klornoi traditsii kalmykov [The genre of 'uran' (battle-cry) in the folklore tradition of Kalmyks], Novye issledovaniia Tuvy, 2013, no. 4. Available at: https://www.tuva.asia/journal/issue_20/6706-basangova.html (Accessed 1 March 2020).

Vot eto nomer. V Kalmykii na avtomobili nanosiat znaki etnicheskoi prinadlezhnosti [That is quite something. In Kalmykia, number plates feature ethnic symbols] (data publikatsii 27.03.2013). Available at: http://smartnews.ru/regions/elista/5759.html (Accessed 1 May 2019).

Gogoldanova Z.E.-G. Subetnosy i etnicheskie protsessy v Kalmykii v seredine 80-kh godov XX stoletiia (Po materialam statistiko-etnologicheskogo issledovaniia) [Sub-ethne and ethnic processes in Kalmykia in the mid-1980s. Based on statistical and ethnological research]. Avtoref. dis. … kand. ist. nauk. Moscow, 1994.

Gosnomera avtomobilei kalmykov soderzhat etnicheskie primety [Kalmykia vehicle registration plates feature ethnic symbols]. 2013a. (data publikatsii 27.03.2013). Available at: https://www.ridus.ru/news/74967/

Gosnomera avtomobilei kalmykov soderzhat etnicheskie primety [Kalmykia vehicle registration plates feature ethnic symbols]. 2013b. (data publikatsii 20.01.2014). Available at: http://asiarussia.ru/news/1654/ (Accessed 1 May 2019).

Gosnomera avtomobilei kalmykov soderzhat etnicheskie primety [Kalmykia vehicle registration plates feature ethnic symbols]. 2013v. (data publikatsii 27.03.2013). Available at: https://www.city-n.ru/view/322352.html) (Accessed 1 May 2019).

Golovnev A.V. Kontseptualizatsiia mobil'nosti v antropologii i etnografii [The conceptualization of mobility in anthropology and ethnography], Ural'skii istoricheskii vestnik, 2018, no. 3(60), pp. 6–15.

Golovnev A.V., Belorussova S.Iu., Kisser T.S. Veb-etnografiia i kiberetnichnost' [Web-ethnography and cyber-ethnicity], Ural'skii istoricheskii vestnik, 2018, no. 1(58), pp. 100–108.

Gunaev E.A. Ofitsial'noe naimenovanie Respubliki Kalmykiia: istoricheskie i politiko-pravovye aspekty [The official name of the Republic of Kalmykia: historical, political and legal aspects], Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN (novoe nazvanie – Oriental Studies), 2010, no. 2, pp. 20–26.

Isakhanian A.Z. Avtomobil'naia kul'tura v kontekste sovremennykh kontseptsii prostranstva [The automotive culture in the context of contemporary concepts of space], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Filosofiia. Sotsiologiia. Politologiia, 2016, no. 4(36), pp. 166–173.

Kononenko R.V. Avtomobil'nost' v Rossii [Automotive culture in Russia]. Moscow: OOO «Variant», TsSPGI, 2011.

Kuznetsov A. Kosmopolitika implitsitnykh innovatsii gorodskoi mobil'nosti: gibkost', neopredelennost', infrastruktury [The cosmo-politics of implicit innovation in urban mobility: Flexibility, uncertainly and infrastructures]. In: Rossiiskaia antropologiia i "ontologicheskii povorot" [Russian anthropology and the 'ontological turn']. Vol. 2. Moscow, 2017, pp. 25–291.

Lamazhaa Ch.K. Problemy opredeleniia i izucheniia subetnicheskikh grupp tuvintsev [Subethnic groups of the Tuvans: Problems of definition and research], Novye issledovaniia Tuvy, 2017, no. 1. Available at: https://nit.tuva. asia/nit/article/view/693 (Accessed 1 March 2020).

Linder V. I. Liakross [Liakross]. In: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia: v 35 t. [The Great Russian Encyclopedia, 35 volumes]. Ed. by Iu.S. Osipov. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 2004–2017. Available at: https://bigenc.ru/sport/text/2163248 (Accessed 2 March 2020).

Maksimov K.N., Van'kaev Iu.K. Stepnoe Ulozhenie – vazhnyi shag v razvitii gosudarstvennosti Kalmykii [The Steppe Law Code, an important step in the development of statehood in Kalmykia]. In: Vybor Kalmykii [The choice of Kalmykia]. Elista: KION RAN, 1995.

Maksimova D.D., Sokolov V.I. Korennye narody Kanady: evoliutsiia otnoshenii s gosudarstvom [The aboriginal peoples of Canada: Evolution of relations with the government], SShA. Kanada. Ekonomika, politika, kul'tura, 2010, no. 12, pp. 55–72.

Mal'kova V.K., Tishkov V.A. Kul'tura i prostranstvo Kniga pervaia. Obrazy rossiiskikh respublik v Internete [Culture and space. Book 1. The online images of the Russian republics]. Moscow: IEA RAN, 2009.

Mal'kova V.K., Tishkov V.A. Antropologiia istoriko-kul'turnykh brendov territorii, regionov i mest [The anthropology of historical and cultural branding of territories, regions and sites]. In: Kul'tura i prostranstvo. Kniga vtoraia. Istoriko-kul'turnye brendy territorii, regionov i mest [Culture and space. Book 2. Historical and cultural branding of territories, regions and sites]. Moscow: IEA RAN, pp. 6–57.

Medvedev V.V. Avtomobil' kak marker identichnosti: istoricheskie aspekty [Car as a marker of identity: Historical aspects], Izvestiia Altaiskogo gosuniversiteta. Istoricheskie nauki i arkheologiia, 2019, no. 6(110), pp. 67–74.

Mishchenko D. Nadpisi na taksi v Abidzhane (Kot-d'Ivuar) [Signs on taxis in Abidjan (Ivory Coast)], Antropologicheskii forum, 2015, no. 24, pp. 155–169.

Natsional'nyi sostav naseleniia [The ethnic composition of the population]. In: Vserossiiskaia perepis' naseleniia [The Russian Census]. 2010. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf (Accessed 10 April 2020).

Ramki pod nomera individual'nye [Individual designs of number plates]. Available at: https://kscomplect.ru/products/category/ramki-pod-nomera-individualnye (Accessed 10 April 2020).

Rostova A.V. Sposoby konstruirovaniia identichnosti avtoliubitelei: gendernye aspekty [Car lovers: gender aspects of constructing identity], Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii: sostoianie, tendentsii, perspektivy, 2015, no. 1(4), pp. 211–216.

Sokolov V.I. Mnogoetnichnost' kak osnova stanovleniia kanadskogo obshchestva (vystuplenie na Mezhdunarodnoi konferentsii "Kanada i Rossiia: ekonomika. politika, mul'tikul'turalizm" [Multiple ethnicities as a basis for and a source of the development of the Canadian society (a presentation delivered at the International Conference 'Canada and Russia:

Economics, Politics, Multiculturalism')], SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura, 2016, no. 12(564), pp. 52–58.

Tishkov V.A. Novye formy obshchestvennoi aktivnosti kanadskikh indeitsev [New forms of social activism among the Canadian Indians]. In: Istoricheskie sud'by amerikanskikh indeitsev (problemy indeanistiki) [The historical fate of the American Indians. Issues in Indian Studies]. Moscow: Nauka, 1985. pp. 328–338.

Top-10 populiarnykh fraz na kalmytskom iazyke [Top-10 popular phrases in the Kalmyk language] (data publikatsii 29.03.2017). Available at: https://uralan.info/index.php/nasha-zhizn/item/5821-top-10-populyarnykh-fraz-na-kalmytskom-yazyke (Accessed 1 March 2020).

Transgranichnaia kul'tura: ocherki sravnitel'no-sopostavitel'nogo issledovaniia traditsii zapadnykh mongolov i kalmykov: Monografiia [Transborder culture: Comparative research essays on the tradition of Western Mongols and Kalmyks]. E.P. Bakaeva, K.V. Orlova, D.N. Muzraeva et al. Elista: KalmNTs RAN, 2016.

Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 10.02.1996 g. № 173 "O vkliuchenii novogo naimenovaniia sub"ekta Rossiiskoi Federatsii v stat'iu 65 Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii" [The Presidential Decree No. 173 dated 10 February 1996, titled 'On the inclusion of a new name of a Russian region in Article 65 of the Constitution of the Russian Federation']. Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45863.

Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. Transl. from English by A.V. Lazareva, introduction by N.A. Kharlamov. Moscow: Praksis, 2012.

Frenk G.Iu. Etnoiazykovye problemy korennykh narodov Kanady [The aboriginal people of Canada: Ethno-linguistic issues], Vestnik kul'tury i iskusstv, 2017, no. 1(49), pp. 86–91.

Khalginova N. Bart – eto soglasie! [Bart means agreement!], Stepnye vesti. Internet-gazeta. 12 iiunia 2018 g. Available at: http://tegrk.ru/archives/37716 (Accessed 10 April 2020).

Kharlamov N. Novoe obshchestvo ili novaia nauka ob obshchestve? Sotsiologiia mobil'nostei Dzhona Urri [New society or new social science? The sociology of mobilities by John Urry]. In Urry J. Mobil'nosti [Mobilities]. Transl. from English by A.V. Lazareva, introduction by N.A. Kharlamov. Moscow: Praksis, 2012, pp. 7–58.

Chemova Iu.P. Avtomobil'naia kul'tura: analiz cherez prizmu sotsiologii mobil'nostei Dzh. Urri [Car culture: An analysis through the prism of John Urry's sociology of mobility]. In: Sotsial'nye kommunikatsii: professional'nye i povsednevnye praktiki: sbornik statei [Social communications: Professional and daily practices: A collection of papers]. Vol. 6. St. Petersburg.: Intersotsis, Skifiia-print, 2018, pp. 348 –353.

Print segodnya [Print today]. Available at: https://printsegodnya.ru/ramki-dlya-auto (Accessed 1 March 2020)

Sharaeva T.I. Uran torgutov (po dannym polevykh issledovanii) [The Torghut uran: Some field research data]. In: Problemy etnogeneza, etnicheskoi istorii i kul'tura tiurko-mongol'skikh narodov [Issues of ethno-genesis, ethnic history and culture of the Turkic and Mongol peoples]. Elista: KalmGU, 2007, pp. 105–113.

Shchepanskaia T.B. Sravnitel'naia etnografiia professii: povsednevnye praktiki i kul'turnye kody (Rossiia, konets XX – nachalo XXI v.) [The comparative ethnography of the profession: Daily practices and cultural codes. Russia, the late 20th to the early 21st centuries]. St. Petersburg: «Nauka», 2010.

Shchepanskaia T.B. Dvizhenie i veshch': opyty chteniia avtomobilia v potoke [Movement and thing: Attempt at a reading of an automobile in traffic], Etnograficheskoe obozrenie, 2016, no. 5, pp. 53–66

Shchepanskaia T.B. Vegikuliarnye markery i sotsial'naia kommunikatsiia v "potoke" [Traffic: Vehicular markers and social communication]. In: Rossiiskaia antropologiia i "ontologicheskii povorot" [Russian anthropology and the 'ontological turn']. Vol. 2. Moscow, 2017, pp. 295–328.

Shchepanskaia T.B. Dvizhenie v megapolise: vremia i telo [Moving in the megalopolis: Time and the body], Kunstkamera, 2018, no. 1, pp. 48–59.

Alam Y. Automatic transmission: Ethnicity, racialization and the car, *Identities: Global Studies in Culture and Power*, 2018, Vol. 25, no. 3, pp. 1–18.

Collins G. *When cars assume ethnic identities* (publication date 23.06.2013). Available at: https://www.nytimes.com/2013/06/23/automobiles/when-cars-assume-ethnic-identities.html

Constitution Act 1982. In: *A consolidation of the Constitution Acts 1867 to 1982*. Consolidated as of January 1, 2013, pp. 53–76. Available at: https://laws-lois.justice.gc.ca/PDF/CONST_E.pdf (Accessed 27 January 2017).

Dowling R. Cultures of mothering and car use in suburban Sydney: A preliminary investigation, *Geoforum,* 2000, no. 31, pp. 345–353.

Edensor T. Automobility and national identity: Representation, geography and driving practice, *Theory, Culture & Society*, 2004, Vol. 21, no. 4–5, pp. 101–120.

Sheller M., Urry J. The city and the car, *International Journal of Urban and Regional Research*, 2000, Vol. 24 (4), pp. 737–757.

Six nations Community Profile. Available at: http://www.sixnations.ca/CommunityProfile.htm (Accessed 1 March 2020).

УДК 37.015.2(571.1)
DOI: 10.17223/2312461X/30/16

«ПРИШЛОСЬ САМОМУ СЕБЯ СТРОИТЬ ЗАНОВО…»: СЕЛЬСКИЕ УЧИТЕЛЯ, ВРАЧИ И ЛЕСНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ КАК (ВОС)ПРОИЗВОДИТЕЛИ ЗНАНИЯ*

Лидия Яковлевна Рахманова

Аннотация. Рассматривается взаимосвязанный цикл практик и политик образования, передачи и производства знания в условиях постсоветского удаленного сибирского поселка. Классификации, создаваемые государством через архитектуру образовательной системы – от сельской школы до университета, в данном исследовании встречаются с частными классификациями, появляющимися в биографических нарративах сельских учителей. Автор исследует контекстуально и исторически обусловленные разломы и смещения понятий и классификаций, которые переживали реинтерпретацию одновременно с трансформацией специальностей, ниш труда, социальных иерархий до и после распада СССР и закрытия предприятий. В центре дискуссии – феномены «учителя» и «интеллигента», преподносимые как личный опыт и критикуемые в качестве клише и устойчивого понятия самими информантами. Через три различные профессиональные траектории местные жители, выпускники училищ, ПТУ, институтов и университетов становились учителями сельской школы и занимали в ней различные смысловые и ценностные ниши. Противопоставление опыта и квалификации дает почву для очерчивания собственных границ и прояснения идентичности – в масштабе села и в контексте советской и постсовесткой системы образования в целом. Следование методике как эталону противопоставляется не только гибкости и импровизации, дискуссионности и агонистичности школьного образования, но и – в более широком контексте – сопротивлению модусам и режимам власти через производство знания и отказ от его воспроизводства.

Ключевые слова: сельская школа, антропология знания, лесозаготовительные поселки, Западная Сибирь, интеллигент, высшее образование, социальные связи

Введение

История исследовательского вопроса и собственно поля, берет свое начало из одной фразы моего собеседника, школьного учителя на пен-

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-00-01625 «Гибридные формы взаимодействия/сосуществования в социальном пространстве на берегах Оби: сопряжение жизненных миров местных сообществ, государственных структур и ученых как ресурс для понимания глобальных/локальных климатических и социокультурных изменений» (рук. Д.А. Функ).

сии с 46-летним стажем: «Они – учителя!». Немаловажен контекст данного высказывания: рассказчик говорил о профессиональной гибкости и профессиональной автономии школьных учителей, которая, по его мнению, зависит от университетской культуры или культуры выпустившего специалиста училища. Учителя «по профессии», но не учителя в истинном смысле слова. Как возможна такая оппозиция? Может ли профессиональный учитель быть «неэффективным» или «ненастоящим» учителем? И кто создает и определяет границы подобных интерпретаций?

Я вернулась к корпусу интервью с учителями сельских школ Томской области, которые представляли различные специальности и поколения и оказались в школе, пройдя различные биографические траектории. Всмотревшись в их оценки и высказывания, я увидела, как сквозь биографии и короткие истории, смешное и трагическое проступают устойчивые классификации, которые указывают на особенности циркуляции знания и социальных позиций, характерные для отдаленных сельских территорий, являющихся выжившими островами советской «лесозаготовительной империи» на территории Западной Сибири. Стивен Болл, прочитывая фукианскую концепцию сквозь призму школьной дисциплины и распределения власти в школьном пространстве, говорит о логическом ходе М. Фуко, который предполагает «смещение акцента с форм знания на матрицу форм поведения и далее – к формированию модусов (модальностей) бытия субъекта» (Ball 2019: 142).

Сельская школа, интеллектуальная среда постсоветской деревни, кажется слишком широким исследовательским полем – до боли очевидным и, одновременно, неизведанным. В данной статье речь пойдет не столько о школе как институте и явлении, сколько о школе и ценности образования как отправной точке, эталоне формирования не только классификаций и иерархий, но и идентичностей местных жителей. Доступ к разному типу знания, сквозь систему образования или вопреки ей, а также способность передавать, воспроизводить и производить новые элементы, новые пассажи и идеи преломляется через личные биографии. В данном контексте «система» образования может быть воспринята не только как нормативная и инфраструктурная система, поддерживаемая Министерством образования, но и шире – как проявление «эпистемологической власти» (Foucault 2000: 83), которая, собирая не только знания индивидов, но и знание о них самих, превращает пространство, внешнее по отношение к системе, в ее внутренние «владения», делая критику системы практически невозможной.

Моя история расскажет об одиночестве учителя, обретшего или обретающего дистанцию со школой, в которой он преподавал, в которую вкладывал силы, через которую находил друзей и наживал врагов. Сонм интервью, который сложился в калейдоскоп спорящих друг с

другом историй и позиций, был получен именно через общение с теми учителями в Западной Сибири, которые уже вышли на пенсию, но еще 5–7 лет назад активно преподавали. У них есть опыт построения отношений со школой как институтом, как коллективом, как «планом» в разные периоды – и в период оттепели, и в перестройку, и в период активных реформ 2000-х гг. Однако в этой статье я не буду следовать хронологической логике и четкой периодизации. Сейчас, спустя несколько лет именно благодаря этому институциональному разрыву со школьной средой монолог учителя звучит критически и рефлексивно, осмысляя свой опыт и свои стратегии и изнутри и снаружи.

Интересна сама история исследовательского вопроса, который трансформировался в ходе полевой экспедиции 2019 г. в поселки Верхнекетского и Колпашевского районов Томской области. В поисках столкновения миров производства, науки, образования, управленческой деятельности в локальных сообществах мы оказывались то в гостях у химика, которая работала как исследователь и лишь затем занялась преподаванием в школе, то у лесного инженера, который только из-за закрытия предприятия был вынужден перейти в сферу образования, то с выпускником университета, который не ожидал, что село станет на всю жизнь его пристанищем. Неизбежно разговор о том, как миры деревенских жителей – рыбаков, охотников, доярок, почтальонов, водителей – пересекаются с «большой» наукой, которая ежегодно что-то измеряет и исследует в отдаленных поселках, смещался в сторону учителей: среди них были и местные эксперты, и проводники для «городских» ученых, и талантливые организаторы таежных экспедиций, и летописцы природных изменений. Однако позднее выяснялось, что воображение рассказчика объединяло под словом «учитель» многие скрытые фигуры, которые в социальном поле поселка составляли круг интеллигенции. Обсуждение, таким образом, смещалось от темы столкновения миров к теме производства знания и его трансляции через эту трещину, этот разрыв, который нашим собеседникам виделся, скорее, как связка и проблематизировался несколько иначе.

Каждый из собеседников подводил в своем рассказе к идее о связи тех форм, в которых знание бытует в пространстве села и представлений о «настоящих» и «ненастоящих» интеллигентах, *природе интеллигентности* как таковой. Таким образом, в данном тексте я делаю попытку поместить в многослойный контекст ответ на вопрос о том, кто является ложным, или «техническим», интеллигентом, с технически-высшим образованием. С одной стороны, это контекст социальной истории «странных поселков» (в которых, согласно высказыванию одного из учителей, нет коренных жителей и которые были созданы как бы искусственно). С другой стороны, это контекст человеческих судеб и многогранных ролей и ниш, где человек преображался, а его понима-

ние «миссии» изменялось. Наконец, это контекст экономического упадка и переформатирования лесной промышленности, затронувших работников предприятий, высококвалифицированных специалистов, детей, подраставших в то время в поселке, контекст, который показывает историю появления непрофессиональных педагогов-практиков в коллективе школьных учителей.

Истории, рассказанные учителями, переопределяют знакомые понятия и функции вокруг процесса производства и трансляции знания. Опираясь на их нарративы, мы предлагаем критически взглянуть на определение границ и понимание таких явлений, как учитель и «настоящий учитель», интеллигент, высшее образование, солидарность. Применяя новые интерпретации к старым привычным понятиям, я предлагаю проследить как смещение определений смещает также и функции субъектов и социальных институтов. Куда же они смещаются и что происходит с пустотами, которые образовались, когда понятия выскользнули из привычных ниш? Отвечая на этот вопрос, я возвращаюсь к социально-экономическому контексту малых сибирских поселков, в которых одна нехватка перекрывается другой и в некоторых случаях становится избытком и производящей силой.

Загадка и, одновременно, находка, раскрывшаяся в биографических нарративах сельских учителей и специалистов, – в парадоксе их пути: имея перспективные специальности – в области фундаментальной науки и исследований или же в области прикладных исследований и экспертизы, – они не нашли себя ни там ни здесь и трансформировали свои знания в формат школьного преподавания, где нашли воплощение своей миссии более, чем на изначально запланированном профессиональном поприще. Как это стало возможно и почему важно именно то, что действие разворачивается в лесных поселках после закрытия предприятий? В первой части статьи я раскрою связь между представлениями о профессионализме, интеллигентности, образованности и спецификой трудового распределения выпускников в СССР как особом инфраструктурно-экономическом проекте, оказавшим влияние на понятия миссии, долга, добровольного и вынужденного служения и службы, труда и работы.

«Бывало, и сбегали с распределения»: судьбы учителей и государственное распределение специалистов

Распределение выпускников вузов, институтов и училищ в города и сельскую местность ставило акцент на педагогах, которые, по сути, оказывались «внешними» по отношению к локальному сообществу, но были обязаны первые 3–5 лет отработать в определенной школе. Однако эта «внеположенность» является условной. Многим педагогам уда-

валось выбрать из предложенных населенных пунктов если не родной поселок, то населенный пункт, находящийся недалеко от мест, где они провели детство и каждый местный житель был им знаком: *«…когда закончила училище, у нас было распределение по району, вообще у нас даже по области было распределение. И в Саровке места не было в школе. И я распределилась в деревню Старо-Абрамкино. Ну, у нас сельское в основном распределение было. Там еще Копыловка была. Но почему-то мне… Саровка рядом, через речку, немного пройти, и уже Старо-Абрамкино. Поближе к дому. Вот так вот я, да, распределилась»* (ж., учитель немецкого языка, 77). Таким образом, труд на благо сельской школы воспринимался как вклад в просвещение детей микрорегиона или района в целом, в который, собственно, и входила деревня, являющаяся малой родиной. Однако всегда ли можно в контексте западносибирских кетских и приобских поселков назвать место рождения малой родиной в социокультурном и историческом смысле слова?

Здесь необходимо сделать несколько уточнений. Данное исследование вновь поднимает вопрос о понятиях «коренной» житель, «местный», «укорененный». Для моей собеседницы, которая родилась сразу после 1942 г., Верхнекетский район и Саровка сама по себе формально были малой родиной, если не учитывать, что в 1942 году ее родители были переселены в Западную Сибирь насильно: *«Но я в общем то была учитель начальных классов. А распределилась, поехала работать, – учителем немецкого языка. Потому что я сама по национальности немка, и с матери, и с отца, у нас поволжские немцы. Они, 1942 год, переселения из Саратовской области, с Поволжья»* (ж., учитель немецкого языка, 77). Стоит обратить внимание также на то, что ее социокультурная и языковая идентичность, а также рождение в новом поколении в послевоенные годы повлияли особым образом не только на место распределения, но и на ту специальность и тот вид профессиональной деятельности, которые она выбрала для работы. Таким образом, система профессионального распределения выпускников приводила в действие иные системы – землячества, родства, затрагивая болезненные вопросы о степени укорененности и память о насильственном переселении.

В другом случае работа в сельской школе могла стать следствием добровольного выбора, сложившегося под влиянием нескольких факторов. Один из собеседников отметил, что внезапно был вынужден остаться в родном поселке после окончания университета, хотя ему было зарезервировано место в региональном центре. С одной стороны, он смог поддержать пожилых родителей, с другой стороны, видел преимущество в плотных социальных связях, сохранившихся у него с юности. Таким образом, он перевернул логику распределения, согласно которой распределение в региональный центр или крупный город воспринималось как вертикальная социальная мобильность.

В третьем случае выпускница вуза была распределена в сельскую местность как специалист в области лесных культур, не имея ничего общего с организацией школьного образования. Осталась в лесном поселке она после того, как вышла замуж за местного жителя и создала семью, что позднее привело ее к работе в школе. Тем не менее сокурсники, с которыми она приехала осваивать таежные богатства и развивать лесную промышленность региона, покинули место распределения, как только смогли, а некоторые даже пытались уехать раньше положенного срока: *«...и чуть не судили, кто убегал, кто – как! Ай...»* (ж., лесной инженер, учитель биологии, 70 лет).

Учитель, который остался после пяти лет работы по распределению в своей школе, лесничестве, на предприятии, меняет позицию – от внешнего специалиста, приехавшего в отдаленный поселок с миссией образования и просвещения, к позиции «изнутри», и оказывается связан с социальным, символическим, профессиональным «родством» с местным сообществом. Границы сглаживаются. Тем не менее, образовательная стратегия и траектория, следуя которой человек оказался в поселке, продолжают влиять на восприятие его личности и профессионализма: классификации, о которых я писала выше, с одной стороны, достаточно гибридны, с другой – максимально негибки.

Государственные и локальные системы классификаций: две антиномии

Вернемся к фразе, послужившей отправной точкой для написания данного текста: «Они – учителя!». В данном случае суждения собеседника находились на смысловой оси координат между «профессионал» и «не профессионал», а применительно к миру школьного образования – от «настоящий (учитель)» к «учитель по профессии, но не по призванию». Логика классификации, создаваемой и поддерживаемой государственной политикой в области образования, заключалась в том, что для подготовки учителей необходим специализированный «инструмент» – педагогический институт либо педагогическое училище. Подготовка специалистов была плотно связана с системой распределения на места. Однако для самих педагогов – выпускников педагогических училищ, а также для их коллег, окончивших вуз, эта связь между специальностью и успешностью профессиональной реализации не являлась такой же прозрачной.

С одной стороны, школьные учителя постоянно проходили повышения квалификации, если имели такую возможность в послевоенные годы. С другой стороны, им было необходимо проходить аттестацию. Два эти механизма постоянно ставили их компетенцию под вопрос, позволяя учителям и дальше развиваться, а также ставили под сомнение их

эффективность и профессиональную идентичность. Эти процессы в целом создавали неравенство в одном и том же небольшом школьном сельском коллективе учителей, где заработная плата педагогов из университета была выше, нежели зарплата выпускника училища. Вторым следствием, помимо социального неравенства в коллективе и сельском сообществе в целом, являлась стратегия самообразования, которая не давала формальных преимуществ ни в советской, ни в российской системе, однако могла усилить доверие коллег и символический капитал, авторитет педагога: Одна из наших собеседниц признается, что она *«к каждому уроку "учила урок"!»* (ж., учитель немецкого языка, 78). Преподавательница химии вспоминает, что для составления учебных планов она ездила в отдаленную деревню, где проживал на пенсии опытный педагог, чтобы проконсультироваться и отчасти перенять его опыт. С одной стороны, таких знаний и опыта всегда недостаточно для приобретения веса в социальном контексте: *«...но в ВУЗе если бы я очно училась, я бы, может быть, лучше бы освоила. Но я больше как-то самоучка получилась»* (ж., учитель немецкого языка, 78). Интересно, как оценивает еще в конце XIX в. свою подготовку в институте Мария Арсеньевна Быкова, основатель гениальной школы: «Я вышла, из института не пустой куклой, но скоро пришла к несомненному убеждению, что, несмотря на свой великолепный диплом, я, в сущности, ничего не знаю. И главное, не могу дать себе отчет ни в одном из явлений окружающего мира» (цит. по: Дурылин 1907/1908а: 63).

С другой стороны, незавершенность, недостаточность базового образования, полученного в институте или училище, восполнялась сильной локальной традицией передачи опыта между разными поколениями учителей. Более того, учитель, в молодости ездивший за 50 верст для консультации с пожилым педагогом, спустя 30 лет начинал делиться своими наработками и опытом с младшими коллегами. Методическая папка по немецкому языку учителя Тогурской школы долгие годы после ее ухода на пенсию находилась в РОНО для демонстрации в качестве уникального образца. Таким образом, не изучив досконально государственные и региональные стандарты, учителя с педагогическим профилем образования создавали свою локальную традицию.

Педагоги и универсанты

Позиция «самоучки» выпускником университета интерпретируется в совершенно иной тональности, нежели позиция выпускницы училища, которая испытывала нехватку очного высшего образования: *«...пришлось, короче говоря, самому себя строить, заново. Да, ну, потому что… (сейчас похвалюсь). Ну, поскольку я не совсем глупый, я быстро сообразил… мне дали мой первый класс как классному руково-*

дителю, у меня было 42 человека в четвертом классе. 42! Сразу такая нагрузка и в обучении. У меня 36 часов, у меня было две зарплаты, я получал огромную зарплату, приезжал на вечер встречи, мне говорили: «Ооо! Ну ты даешь, где ты вообще живешь что столько получаешь?». А вот какой ценой?! Но я был молодой, я все это выносил» (м., учитель истории, 73). В данном пассаже личностные качества – сообразительность, ловкость, выносливость – и молодость переплетаются с дискуссией о различиях университетского и училищного образования: «*У нас с университета была только математичка, Царство ей Небесное… и я. Вот два. Она Калининградский кончала, а я родной свой Томский. [А остальные?] А остальные все из пединститута. Ну, не в укор им будет сказано, пединститут, конечно, я там, когда учился, были там какие-то замечания. Но я не дум… я правда. Пединститут… он… он дает меньше по предмету. Просто по предмету. Вот если университет готовит историка, то из меня историк получился настоящий, и все прочее. Потому что я потом всю жизнь сам. Как-то понял, что что-то меняется. Как только понял, что надо менять, я там все себе… А они… они, понимаете – нет. Они – учителя»* (м., учитель истории, 73). Собеседник выделяет здесь не только гибкость и адаптивность учителя к меняющимся условиям, но и два направления, компонента, необходимых для успешного и эффективного преподавания в школе: знание методики преподавания (тот педагогический акцент, которого не было в университетской системе) и глубокое знание предмета.

В таких условиях преимущество получает выпускник университета, знающий по преподаваемому предмету на порядок больше объема школьной программы и задающий «горизонты» дальнейшего исследования и познания, тогда как знания педагога по предмету имеют свои ощутимые пределы и ограничения, поскольку ставка была сделана на методику преподавания. Эти противоречия метода и предмета изучения пытается снять в своей работе Джон Дьюи, показывая, что «поскольку мышление – это направленное движение субъекта к решению целостного вопроса (предмета исследования), а ум – это осознанная и преднамеренная фаза процесса, то понятие любого такого раскола радикально неверно» (Dewey 2001: 171). Однако сельский контекст разрушает традиционные стандарты и ставит под вопрос успешность самих методов преподавания. В этом случае лишь импровизация, эксперименты и выход «за пределы» предмета обеспечивают успех педагогической практике.

Таким образом, перед нами система алогизмов, которые плотно связаны друг с другом: педагогический профиль в масштабе малого села приобретает иную функцию, иное значение, нежели в крупном городе. Значимость имеет не предметная специализация, и даже не навык учить детей. Между тем те, кого не учили, как «правильно» учить детей, преподают некоторые предметы и имеют огромный успех в сельских шко-

лах. Источника, «поставщика» таких преподавателей-специалистов два. Первый – университетские программы по «исследовательским специальностям» для тех, кто имеет амбиции после работы по распределению строить карьеру в науке и служить научным идеям. Второй – выпускники училищ, ссузов, а также вузов, которые приехали в тайгу работать по прикладным специальностям и уже получили опыт на производстве или в области различных типов экспертизы.

Возникает вопрос: как произошло такое смещение между различными нишами и профессиями, и каким образом выпускники педагогических институтов все же остаются востребованными в малых сельских сообществах?

Несмотря на явную критическую позицию по отношению к коллегам, прошедшим иную образовательную траекторию, учитель истории отметил важную функцию, которую осуществляют его коллеги в масштабах не столько школы, сколько всего поселка: «*Зато они молодцы. Я помню …Потому что они взаимодействия с поселком – учителя-то – оживляли очень. Потому что у них сразу идет взаимодействие с клубом. Там готовят – какие силы туда приглашают, когда общешкольные праздники, торжества? Конечно – школу! Конечно – учителей! Хор – из учителей. Какие-то там сцены, какие-то чтения стихов или еще чего-то, все прочее – конечно, учителей! И вот, в общем-то, школа несет на себе вот эту нагрузку, вот это культурно-массовое сознание поселка. Потому что – чего греха таить – здесь собиралось население вербованное. Те, кто где-то не может найти какого-то места для… ну… они все стекаются сюда. А это разве "народ"? …Всю эту разномастную… шерстистую массу каким-то образом приводить к общему мнению, общему настроению, чтобы поселок, так сказать, приобретал какие-то, какой-то характер связей. Чтобы, ну, не то чтобы – разногласия были, но все равно, чтобы он как-то вживался в общую такую… даже патриотизмом это не назовешь, а как это на местном… солидарность какая-то была. Что мы степановцы, что мы едины и так далее»* (м., учитель истории, 73).

Здесь вновь в другой перспективе появляется тема укорененности и социокультурной структуры населения поселков на Средней Оби. Стоит обратить внимание на значение привычных, клишированных слов в данном фрагменте интервью: «культурно-массовое сознание» звучит в контексте истории поселка ссыльных, спецпереселенцев, местных селькупов и таежных хантов, эвенков несколько иначе, нежели «культурно-массовое сознание» в городской культуре регионального сибирского центра 1970–1980-х гг. Выше я обращала внимание на специфический тип «однопоколенной укорененности» потомков спецпереселенцев и сосланных немцев Поволжья.

Социальное неравенство, порождаемое разными типами и волнами миграций, приводило к тому, что жители, приехавшие на заработки за северными зарплатами во вновь открывающиеся леспромхозы, оказывались, с точки зрения социальных иерархий, «принимающим» сообществом для коренного населения (например, селькупов), бывших заключенных, и переживших репрессии и переселение соседей. Принимающее сообщество здесь следует понимать именно как сообщество-медиатор, транслирующее советские нормы образования, труда, досуга, культуры, эстетики и т.д. Однако эта линия рассуждений легко разрывается такими исключениями, как дочь ссыльных немцев, создавшая образцовую методику обучения немецкому языку именно потому, что она больше опиралась на свой языковой опыт и навык, нежели на то формальное образование, которое ей предоставило государство.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о социально роли «профессиональных» учителей в поселках, можно заметить странную тенденцию: те специалисты, которых государство обучало непосредственно для работы в общеобразовательных школах, достигали максимальной эффективности как медиаторы между разными слоями населения, складывавшегося в результате мозаичных и сложных процессов миграции в данный микрорегион. При этом те специалисты и выпускники специализированных институтов и университетов, которых обучали не для работы школьными педагогами, отлично вписывались в систему школьного образования. Иными словами, мы подходим к антиномии:

1. Школьные учителя *не полностью выполняют* свою функцию (как учителя, которые не прививают ученикам навыки и стремление исследовать, задавать вопросы по материалу).

2. Школьные учителя *выполняют* свою функцию как учителя в сельской местности (по отношению к местному сообществу и социальным связям в нем).

Социальная значимость сельского учителя, зачастую ученика пединститута, проявлялась в его внешкольной деятельности, иногда ярче, чем в исходной – профессионализированной. Интересно, как иронично преломляется здесь идея начала XX в. о связи школы и университета, о которой писал еще Т. Фадеев: «Чтобы быть действительно научной, экспериментальная школа должна быть организована в связи с университетом», но при этом не просто быть связанной с процессом исследований и открытий, но «существовать при специальном педагогическом факультете, в состав которого должны войти все необходимые для педагогики элементы» (1907: 145, 147). Это смешение педагогического и исследовательского легло в основу разделения, которое впоследствии породило классовое, интеллектуальное, информационное неравенство. Те, кого готовили для того, чтобы они преподавали в школе, находили язык с ребенком любого возраста, умели преподносить знания и приви-

вать навыки в доступной и понятной форме, оказывались вовлечены в равной степени во все социально значимые события поселка, проникая в жизнь старших поколений, осуществляя связь между обучением и познанием и социальными связями, памятью, межпоколенческими взаимоотношениями. Если в данном разделении ключевым критерием является наличие университетской культуры и высшего образования, то существует и другая ось, формирующая дополнительное измерение и создающая новый типы оппозиций и классификаций. Эта ось – «настоящее высшее образование» и «ненастоящее ("техническое") высшее образование».

(Не)настоящие и «технические» интеллигенты

Казалось бы, высшее образование, особенно в условиях отдаленного поселка с небольшим на 1970-е гг. процентом людей с образованием выше 8 классов или полной средней школы, является безусловным благом, огромным вкладом в символический капитал и знаком профессионализма (например, в области школьного образования). Однако в некоторых случаях наличие высшего образования является точкой разлома и способом выявления классовых различий: *«У него [у ВУЗа] было направление… вот это вот… обучать высшее руководство лесной отрасли. …Директора, инженеры вот эти вот оттуда, главные механики, так называемые. Вот я называю должности, которые здесь были, и на которых здесь работали эти люди, с так называемым высшим образованием. Но когда все это рухнуло, им здесь… они, уже, правда, к тому времени, как бы это сказать, определились. Они чувствовали, что заканчивается… все остальное, и начинается… и они потихонечку все куда-то… удалились. Вся вот эта, так называемая, техническая интеллигенция, ну, если назвать их можно интеллигентами, – ну, технически, они, конечно, были с высшим образованием, – они просто ушли, исчезли»* (м., учитель истории, археолог, краевед, 73).

Дважды в монологе повторяется понятие «технический», но не как оппозиция гуманитарному, а как формальная квалификация или свойство субъекта, которое не подтверждается в социальном поле, где разворачивается его деятельность. В данном ряду понятий рассказчик сводит «интеллигенцию» и людей с «высшим образованием», указывая, что это пересекающиеся множества, которые, тем не менее, не синонимичны. Университет может выпускать будущих исследователей, специалистов-практиков и управленцев в различных областях, которые более знакомы с наукой управлять, нежели с предметом их специальности. И если исследователь, практик-эксперт и педагог могут обучать и найти свое место в системе образования, которая связана с сетью государственных бюджетных учреждений, то управленец не может ни учить,

ни преподавать предмет. Раскол двух типов интеллигенции стал ясно виден в период кризиса и закрытия местных предприятий в 1994–2000-е гг. Важно, как отмечает учитель истории, что управленцы с высшим образованием были первыми, кто покинули поселки в период кризиса. С одной стороны, это, безусловно, связано с наличием условий и ресурсов, которые они подготовили для отъезда. С другой стороны, есть и внутренняя причина – найти стабильное место можно было в данный период только в государственных структурах Министерства образования и Министерства здравоохранения: *«Здесь им делать нечего было. Практически. Поэтому деятельность их прекратилась. Осталось единственное: больница, - так? – школа. Все! Вот эти два центра, где еще были какие-то остатки вот этой так называемой [интеллигенции]…»* (м., учитель истории, 73).

Два центра притяжения, где не просто были рабочие места, но было, собственно, востребованы высшее образование, риторика, эрудиция, умение исследовать предмет, – больница и школа – переформатировали старую демаркационную линию разделения на выпускников университета и выпускников педагогического училища. Произошел раскол внутри микросообщества с высшим образованием, произошло переосмысление понятия «интеллигент» в контексте постсоветского поселка. Два выпускника университета оказываются в окружении специалистов и педагогов, которые не являются универсантами, но осуществляют связь между работниками предприятий, их детьми и системой культурного производства и потребления – через дома культуры, библиотеки и самодеятельные инициативы («*Хор – из учителей. Какие-то там сцены, какие-то чтения стихов, или еще чего-то, все прочее – конечно, учителей! И вот в общем-то школа несет на себе вот эту нагрузку»* (м., учитель истории, археолог, краевед, 73).

Тем не менее эта творческая деятельность, основной нерв солидаризации и объединения различных социальных слоев населения поселка и района, может быть охарактеризована как рутинная*: «…там было маленькое такое заведеньице, где учились… Это был другой уровень! Это были библиотекари, которые заполняли вот эти книжки, все… Это уже, так сказать, самый низший уровень. Это обслуга населения с точки зрения массовой культуры и досуга какого-то. Потому что, ну что – было кино, а потом, там, какие-то концерты, по каким-то праздникам, какие-то мероприятия. Сценарии они там пишут, и все прочее. Девчонки работают. Работу – работают. Работают, на самом деле, действительно. А вот с высшим образованием интеллигентов настоящих, и все прочее, – нет»* (м., учитель истории, археолог, краевед, 73).

«Работать работу» самоотверженно (в свободное время на добровольной основе), качественно на «уровне» дома культуры или школь-

ной самодеятельности – это достойно, но это не может придать работнику или участнику самодеятельного коллектива интеллигентности, по мнению выпускника советского вуза. Однако когда в разговоре я спросила, участвовал ли он в постановках и хорах, которые он описывал как инициативу «простых» школьных учителей и библиотекарей, занятых в сфере «обслуживания населения», учитель ответил, что некоторое время все же пел в хоре: он поддержал женский коллектив из жалости, не как профессионал, а как мужчина, поскольку в хоре не было мужских голосов и требовалась помощь. Когда нашлась замена, он покинул коллектив, поскольку видел свою задачу в поселке – на работе и вне ее – в другом.

Безусловно, в процитированных фрагментах интервью мы видим, что школьный учитель не говорит напрямую о новой номинации, новой категории сельской интеллигенции, которая была и выполняла свою задачу, не имея высшего образования. Но благодаря утверждению о том, что можно иметь высшее образование, но никогда не стать интеллигентом с точки зрения социальных взаимоотношений и этики (отсылка к управленцам и директорам предприятий), он подводит нас к следующей антиномии:

1. Школьные учителя из педагогического института или училища – *не интеллигенция*, у них другой взгляд, другие методы и, кроме всего прочего, нет высшего образования.

2. Школьные учителя из педагогического института или училища – *интеллигенция*, поскольку они осуществляют важнейшую работу в поселке – связь различных культурных, социальных слоев и поколений населения через культурно-просветительскую, образовательную и публичную деятельность.

Объем рассуждениям школьного учителя о директорах и главных инженерах, которые «технически» имели диплом о высшем образовании, поскольку это было необходимо по государственным стандартам, и с точки зрения квалификаций, и с точки зрения воспроизводства существующих иерархий, придает высказывание дипломированного специалиста по лесному хозяйству, которая, приехав в один из соседних поселков по распределению, столкнулась с неравенством и конфликтом между иерархией, опирающейся на знания и квалификацию, и иерархией, опирающейся на социальный и символический капитал, связи и рабочий стаж: *«Я работала по своей специальности, но я не смогла долго работать. У меня не было… как это… дол-жно-сти (произносит раздельно, «по слогам»), подходящей под мое образование. И я ушла… Ну, кругом же ведь начальство! Все занято, кому надо. …От нас было бы больше пользы, если бы в лесхоз попали сразу на руководящую должность. Там же весь учет, всё, все! А здесь – понюхал только. Кустовые работы! Столько-то посеять…»* (ж., лесной инженер, учитель биоло-

гии, 70 лет). Собеседница проводит важное разграничение понятий «должность» и «квалификация» (уровень образования), но признает, что старшее поколение работников, находившихся в 1970-е гг. на управляющих должностях, тоже были выпускниками академии или университета. Смысл, вложенный в понятие «управленец», подчеркивается в другом фрагменте интервью, где, напротив, появляется герой-перевертыш, управленец 2010-х гг., типичный специалист эры возрожденных частных производств: *«Пэтэушка! Рабочая специальность! ПТУ – это рабочая: токарь, слесарь, ...Вот и за голову схватишься, что такие люди наделают как руководители? Что наделают? Не в зуб ногой, как говорят»* (ж., лесной инженер, учитель биологии, 70 лет). У этого представителя управленческого класса отсутствуют признаки «настоящего интеллигента»: и высшее образование, и истинные знания по профессии, и вклад в культурно-просветительскую сферу поселка.

Однако в 1970–1980-е гг. дисбаланс в социальной и интеллектуальной среде строившихся с нуля поселков возникал из-за концентрации высококвалифицированных работников вокруг производства, тогда как школы были укомплектованы специалистами из училищ и институтов: *«Я до сих пор вспоминаю. Мы приехали сюда по направлению. Сколько нас было человек. 7 или 8 приехало. И у нас, вот, был начальник управления, Н. Он поотправлял нас по лесничествам, нет чтоб по лесхозам! Все-таки, люди приехали с высшим образованием! Ну и что? Вот один ушел, другой уехал… как везде… ну и я тоже ушла. [А здесь были старые лесные инженеры?] У нас здесь лесхоза не было, рядом было два лесхоза. Мы тоже должны были уехать в Катайгу. Там не было жилья»* (ж., лесной инженер, учитель биологии, 70 лет). Для специалистов, которые могли бы занимать руководящие должности в поселке, еще не было возведено жилья, и потому конкуренция в сфере производства оказывалась выше, нежели в школе, до тех пор, пока предприятия функционировали.

Лесозаготовительный цикл вмещал в себя, таким образом, и «настоящих» интеллигентов и «технических» – формально имевших диплом, но не осуществлявших ключевых функций в поселковом сообществе. Эти смыслы обнажились позднее, когда на развалинах предприятия великолепные, опытные в лесном деле специалисты оказались школьными учителями, а начальство просто разъехалось: *«У меня высшее техническое образование, я приехала заниматься лесом. Когда тут все началось – катавасия – я пошла в школу, биология, я там 11 лет отработала. Биология, экология – это нам разрешается, потому что эти предметы у нас были…* (в университетской программе)» (ж., лесной инженер, учитель биологии, 70 лет). Так, ряды выпускников крупных вузов, имевших скорее исследовательский профиль в области фундаментальных научных направлений (история, математика, физика), до-

полнили эксперты из прикладных областей, блестяще преподававшие биологию, резьбу по дереву (труд), экологию, ботанику, географию. И здесь мне хотелось бы поставить под сомнение ту иерархию профессий и позиций, которую описывает в своей статье А. Игнатьев: «В социологии науки давно описаны моменты неравенства между специалистами, задействованными на разных стадиях производства знания: “ученый” или “преподаватель” не только выполняет в этом цикле специфическую функцию, он занимает и особую, более высокую, ступень в иерархии статусов по сравнению с “инженером” или “студентом”. Подобного рода односторонность проявляется и в “международном масштабе”, начиная от разных позиций в иерархии интеллектуальных и социальных влияний» (Игнатьев 1991: 11). В нашем исследовании в специфическом контексте сибирских поселков отчетливо проявляется диалог позиций инженера-практика, исследователя и партнера университетских археологов и учителя, готового к образовательным экспериментам.

Здесь нам отчетливо видна третья демаркационная линия, разделяющая понятия «воспроизводство» и «трансляция» знания и производства, создания, творческого подхода к знанию разного уровня.

«Какой он пол был, допустим, вот этот Колобок?»: за пределами антиномий

Педагогика, в столкновении интерпретаций моих информантов и собеседников, предстает как противоречивый феномен, построенный, с одной стороны, на конкретной методологической основе, диктующей формат и содержание, а с другой – на ее отрицании и преодолении через образовательные инновации. Это же различие под новым углом показывает средне-специальное и высшее образование как системы, дающие совершенно разные, и, тем не менее, взаимодополняющие ресурсы и инструменты будущим педагогам.

Вернемся вновь к ключевому высказыванию, положившему начало данному тексту: *«Они – учителя. Они вот: “звонок”, вот это самое, “тыры-мыры”, вот это – то, это – сё, вот тут так. Вот это должно быть, вот это так. А потом, когда они сталкиваются с учениками, конкретно – с работой, вдруг обнаруживается, что тоже “всё не так”. Все опять по-другому»* (м., учитель истории, археолог, 73). С одной стороны, мы видим в этом высказывании противопоставление «плановости», гибкости и способности педагога адаптироваться к меняющимся условиям, концепциям, реформам образования, меняющемуся характеру отношений между учителем и учеником. С другой стороны, речь идет о том, что обучение определенным образовательным константам может привести к невозможности импровизировать. Выше

я говорила о двух типах «самоучек» в школьной системе. Как пишет Елена Трубина, *«каждый сам был учителем себе»* (Трубина 2002): выпускники училища были самоучками в том смысле, что они углублялись в специфику предмета – немецкую классическую литературу, говоры, стилистику языка. Учитель истории как выпускник университета занимался самообразованием в других областях: он самостоятельно выписывал литературу по методике преподавания *(«А сколько приходилось этой макулатуры выписывать методической!»* (м., учитель истории, археолог, 73), однако перекраивал учебные планы под себя.

Второе направление самообразования для него было связано с подготовкой летних археологических экспедиций, которые проходили в сотрудничестве с кафедрой археологии Томского госуниверситета и одновременно являлись частью школьного образовательного процесса, дополняя предмет «история» летними практиками: *«Во-первых, я выписал себе 30-томник академический "Археология СССР". Но это теория. Я с этого начал. Посмотреть, как копают там у нас в Центральной России, в Крыму, на Кавказе. Все эти времена, по временам, у нас на Байкале. Мне надо было знать, потому что то, что я нахожу здесь, мне же это надо было к какой-то культуре привязать. Распознать! Потому что каждая культура археологическая – она же имеет определенные черты какие-то, какие-то нюансы есть. Мне же попадались тут. ...Я же еще начинаю спорить, мне говорят: "такого быть не может!". "Ну как – я говорю – не может? Я видел это собственными глазами и в собственных руках держал это"»* (м., учитель истории, археолог, 73). В руках учителя – живые элементы опыта, о котором пишет Сергей Николаевич Дурылин: «Каждая школа есть опыт, эксперимент, и каждая школа, действующая (и это существеннейшее условие, conditio sine qua non) в условиях внутренней и внешней свободы, каждая свободная школа есть экспериментальная школа» (Дурылин 1907/1908b: 69).

Методическая «макулатура» и археологические находки, которые являются живым свидетельством опыта исследователя, создают единый диапазон значений, градиентную шкалу, в которой есть место и традиции (локальной традиции преподавания на основе методических рукописных материалов), и эксперименту, и исследованию, и передаче информации, и ее переосмыслению.

Эту проблему очень точно описывает Е. Трубина, когда говорит о том, что «десятилетия преподавания "по плану" взрастили в самом педагоге сервильность, способность скорее воспроизводить, нежели производить, способность скорее проверить, отвечает ли сказанное учеником заданному эталону, нежели побудить его к дерзаниям» (Трубина 2002). И если преподаватель немецкого языка, носитель языка, самоучка, окончившая институт только ради документов заочно, создала методику преподавания немецкого языка, которая стала образцом на

уровне района, то ее безупречная папка является примером устоявшейся традиции, в рамках которой можно воспроизвести информацию и метод максимально близко к оригиналу. Этому идеалу учитель истории противопоставляет дискуссионность и навык преподавать через спор и провокацию: *«Я не должен передавать то, что он может узнать сам. Не должен читать, то, что у него за спиной висит: скажем, сказку "Колобок". Он ее сам прочитает. Мне надо найти какую-то дискуссию, чтоб у него возникло желание спросить про вот этого самого Колобка. Какой он пол был, допустим, вот этот Колобок? И все, и на этом надо завязывать. Все! Не надо мне про Колобка: "Из пшеничной муки, из ржаной муки… и так далее и тому подобное...". Нам надо, чтобы была система какого-то постоянного… докапывания, спора какого-то. Вот поэтому я брал какую-то дискуссию, какой-то диспут. Я как давал задание? Я говорил: "слушайте, завтра мы… мы будем говорить по поводу, а нельзя ли было …Мог ли, допустим, Черчилль в иранской конференции победить со своими… и как бы дальше пошли события". Создать такое. Вот я прихожу – я не спрашиваю "прочитал ты, не прочитал?", чем закончилась Сталинградская битва, или кто начал… и так далее. Мы дискутируем. Мы спорим. Получается, что не надо показывать параграф, но и что-то там еще интересное. Им же хочется… "выщелкнуться". Вот они сидят 5–6 человек активных, которые работают. Остальные сидят отсиживаются. Но слушают! Внимательно слушают. И естественно, там тоже также очень хорошо для детей было, чтобы эта соображаловка развивалась»* (м., учитель истории, археолог, 73).

Дискуссионная составляющая, по словам преподавателя истории, отсылает нас к идее, выдвинутой еще Янушом Корчаком, который говорил о неотъемлемом праве ученика «высказывать свои мысли, активно участвовать в наших рассуждениях о нем и приговорах» (Корчак 1991: 22), что являлось залогом успешного освоения предмета и познания мира в целом.

Экспедиционные исследования и диспуты противостоят системе школьного образования, вписанной в региональную, межрайонную государственную программу поощрения достижений: олимпиады, а ранее – конференции, слеты и т.д. Стоит обратить внимание на то, как описывается подобные мероприятия: *«Мы готовились и к конференциям, и выступали… с ребятами. Ездили они, отвечали, у нас это… как… проводились различные конкурсы. Вот у нас один мальчик, Денисов, он увлекался бабочками»* (ж., лесной инженер, учитель биологии, 70 лет). С одной стороны, будучи преподавателем, собеседница вела собственный кружок по биологии и экологии, поощряла индивидуальные проекты и увлечения. С другой стороны, этот кружок, с, казалось бы, свободной программой, находился в границах системы, которая требовала от учеников определенных форматов докладов и исследований.

Потому важно, что здесь используется слово «отвечали» («отвечать доклад»). Ученики не столько преподносили слушателям и комиссии результаты своего исследования и критики источников, сколько «отвечали» в соответствии с заложенной в материал интерпретацией, принятой и транслируемой системой образования. Так, мы видим, как нормативные и творческие, иногда даже бунтарские компоненты, переплетаются, создавая уникальный образовательный эффект. Для кружка по химии учительница в 1990-е гг. сохранила запрещенные в тот период реактивы, поскольку эмпирические примеры проведение химических опытов были невозможны без этой материальной составляющей: *«Вышел такой указ: все, почти все реактивы убрать. А чем мы тогда… что мы – на руках показывать, что ли, будем? …По мере безопасности, наверное, не знаю. Я вот лично, например… я многие не выбросила. Я их оставила, потому что ну что я буду потом… на словах показывать? Что это "вот так вот" должно быть. И натрий я оставила, и калий я оставила, и бром я оставила… И приходилось потихоньку показывать, чтобы хоть что-то…»* (ж., учитель химии, 85). Тайное сопротивление и открытая критика, в том числе заложенная в образовательном эксперименте, дает возможность говорить о способности педагогики быть «переосмысленной» не просто в качестве техники навязывания, но как «театр творчества субъекта, новых "практик себя", новых видов отношений – особенно через продолжающееся сопротивление господству» (Ball 2019: 136).

Реформы в сфере образования, несли, с одной стороны, вызовы педагогам с любым стажем и типом образования. Обещая свободу экспериментов, они, с другой стороны, еще больше парализовали «стандартами»: «Принципы административного регулирования государственного образования, ослабленного в начале перестройки и усиливающегося сегодня, реализуются зачастую абсурдно, приводя к тому, что шансы педагога на самореализацию сокращаются: он стеснен в своих действиях циркулярами и необходимостью писать бесконечные отчеты» (Трубина 2002).

Таким образом, мы видим парадоксальную цепочку связей: истинный педагог, хороший учитель, с одной стороны, должен иметь максимально широкую эрудицию, чтобы входить за пределы «школьного предмета» и вдохновлять детей на исследование мира. Это достигается, по мнению самих педагогов, через систему высшего образования, которая является оплотом государства в этой цепочке. Однако ключевыми качествами самой работы оказываются сопротивления стандартам и программам, импровизация, разрушение канонов и дискуссионность.

Заключение

История школьного образования в постсоветских поселках, представленная сквозь призму судеб, оценок, мнений и даже собственных классификаций учителей – это история многочисленных символических и социальных смещений (shifts), которые высвечиваются особенно ярко именно в отдаленных немногочисленных поселках, переживающих реструктурацию или упадок местного производства. Вынужденная адаптивность социальной системы подобных поселков в среднем течении рек Оби и Кети заключена, в том числе, в ее автономности и способности заполнять все профессиональные и социальные ниши, которые образуются в ходе социально-экономических и культурных трансформаций, используя «внутренние ресурсы». Через школу, таким образом, как через «водосборный пункт», проходят специалисты разного уровня и создают парадоксальную ситуацию: профессионалы, сформированные университетской культурой больших городов и ориентированные на фундаментальную науку, экспедиционные исследования и экспертную, а также прикладную деятельность, оказываются новаторами школьной образовательной системы и наиболее «эффективными» учителями сельской школы; те же специалисты, которых государство готовило исключительно для работы в области школьного образования, оказываются недостаточно гибкими, без исследовательского импульса. Тем не менее последние находят свою вторую и, возможно, самую главную нишу для реализации – публичная сфера поселка, организация и участие в праздничных и памятных мероприятиях, во всем, что служит не столько детскому образованию, сколько солидаризации взрослых с непростой историей жизни и переселения в этот район.

Исследование указывает на смысловой разлом, который разводит понятия «интеллигент» и «высшее образование», «учитель» и «педагогическая специализация» (Стивен Болл (Ball 2019) ставит в своей статье тот же рамочный вопрос о природе учителя (“the teacher”)); «высшее образование» и «высшее образование ради диплома». Суждения о природе высшего образования и интеллигентности касаются не только сферы производства и трансляции знания: они проявляется в оппозиции между специалистами и управленцами, занимавшими различные позиции в сельской производственной и номенклатурной иерархии. Если взглянуть на эту иерархию сквозь призму понятия «интеллигент», то здесь критериями окажутся верность сообществу и возможность найти применение своим знаниям и квалификации тогда, когда трудовые места, «предназначенные» для специалиста государством, исчезают, порождая новые, а школьная система претерпевает реформу за реформой. Эти верность, гибкость и адаптивность, способность импровизировать и лояльность в рассказах учителей разных поколений являют-

ся неотъемлемыми чертами интеллигента, который не просто воспроизводит, но производит знание, развертывая в постсоветской действительности новый тип социального пространства.

Благодарности

Выражаю благодарность Ивану Чалакову, моему полевому компаньону, в беседах с которым родился мой исследовательский интерес и сформировалась идея о том, как подойти к этому неоднозначному материалу.

Литература

Дурылин С.Н. История одной свободной школы. Педагогическая деятельность М.А. Быковой (1841–1907) // Свободное воспитание. 1907/1908a. № 1.

Дурылин С.Н. Эксперимент или пытка? (К вопросу об экспериментальной школе) // Свободное воспитание. 1907/1908b. № 3. Ст. 66–82.

Игнатьев А. Ценности науки и традиционное общество (социокультурные предпосылки радикального политического дискурса) // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 11.

Корчак Я. Как любить ребенка // Педагогическое наследие / пер. с польск. М., 1991.

Трубина Е.Г. Рассказанное Я: отпечатки голоса. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002.

Фадеев Т. Экспериментальная школа // Вестник воспитания. 1907. № 3.

Ball S.J. A horizon of freedom: Using Foucault to think differently about education and learning // Power and Education. 2019. № 11(2). P. 132–144.

Dewey J. Democracy and Education. A Penn State Electronic Classics Series Publication. The Pennsylvania State University, 2001.

Foucault M. Truth and Juridical Forms in Power // The Essential Works of Foucault, 1954–1984. Vol. 3 / ed. by J.D. Faubion. New Press, 2000.

Статья поступила в редакцию 14 сентября 2020 г.

Rakhmanova Lidiya Ya.

'I HAD TO REBUILD MYSELF…'*: RURAL TEACHERS, DOCTORS AND FOREST ENGINEERS AS KNOWLEDGE (RE)PRODUCERS

DOI: 10.17223/2312461X/30/16

Abstract. The article explores an interconnected set of practices and policies in education and knowledge transfer and production in a remote post-Soviet Siberian village. Classifications created by the state through the very architecture of the educational system – from rural school to university – are analyzed along with private classifications found in rural teachers' biographical narratives. I investigate those contextual and historical breakdowns and shifts in concepts and classifications that were reinterpreted at the time transformation of professions, niches of work and social hierarchies was taking place, both before and after the collapse of the USSR and the closure of enterprises. The focus is on the phenomenon of 'teacher' and 'intellectual', which informants present as a matter of personal experience and which they criticize as clichés and fixed concepts. Following three different professional trajectories, local residents, vocational school graduates, college graduates and university graduates became rural school teachers and occupied different semantic and value-laden niches. Contrasting their experience and qualifications with those of other teachers allows them draw social boundaries and establish their own identity, both within the village and in the context of

Soviet and post-Soviet education. Prescribed educational methods are often contrasted with flexibility and improvisation, competitiveness in secondary education and, in a broader sense, with resistance to different modes and regimes of power in knowledge production and with refusal to reproduce official knowledge.
Keywords: rural school, anthropology of knowledge, timber processing settlements, Western Siberia, intellectual, higher education, social ties

* The study is part of the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI) project No. 18-00-01625, titled 'Hybrid forms of interaction/coexistence in the social space along the Ob River: Interconnected life worlds of local communities, government agencies and scientists as a resource for understanding global/local climate and socio-cultural changes' (Principal Investigator Dmitriy A. Funk).

References

Durylin S.N. Istoriia odnoi svobodnoi shkoly. Pedagogicheskaia deiatel'nost' M.A. Bykovoi (1841–1907) [The story behind a free school. The pedagogical activity of M.A. Bykova (1841–1907)], *Svobodnoe vospitanie,* 1907/1908, no. 1.

Durylin S.N. Eksperiment ili pytka? (K voprosu ob eksperimental'noi shkole) [Experiment or torture? The issue of experimental schools], *Svobodnoe vospitanie*, 1907/1908, no. 3, art. 66–82.

Ignat'ev A. Tsennosti nauki i traditsionnoe obshchestvo (sotsiokul'turnye predposylki radikal'nogo politicheskogo diskursa) [Values in science and traditional society (a socio-cultural basis for radical political discourse)], *Voprosy Filosofii*, 1991, no. 4, pp. 11.

Korchak Ia. Kak liubit' rebenka [How to love a child]. In: *Pedagogicheskoe nasledie* [Pedagogical legacies]. Translated from Polish. Moscow, 1991.

Trubina E.G. *Rasskazannoe Ia: otpechatki golosa* [The told 'I': Voice prints]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2002.

Fadeev T. Eksperimental'naia shkola [The experimental school], *Vestnik vospitaniia*, 1907, no. 3.

Ball S.J. A horizon of freedom: Using Foucault to think differently about education and learning, *Power and Education*, 2019, no. 11(2), pp. 132–144.

Dewey J. *Democracy and education.* A Penn State Electronic Classics Series Publication. The Pennsylvania State University, 2001.

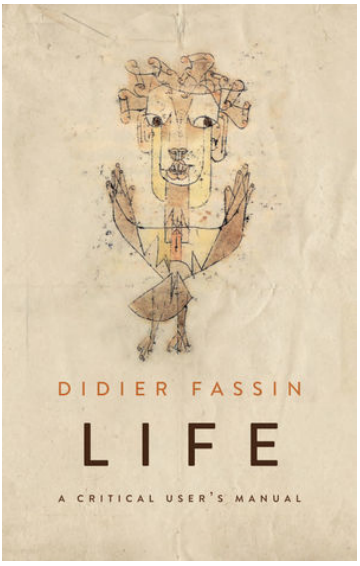
Foucault M. Truth and juridical forms in power. In: *The Essential Works of Foucault, 1954–1984, Vol. 3*. Ed. James D. Faubion. New Press: 2000.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 314/316
DOI: 10.17223/2312461X/30/17

ЖИЗНЬ: КРИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ*

Fassin Didier. *Life: A Critical User's Manual.* Polity Press, 2018.
ISBN: 978-1-509-52668-0

Чем интересна и почему важна книга Дидье Фассена «Жизнь: критическое руководство пользователя»? Тем, что в ней автор мобилизует и перестраивает философское понятие «жизнь» и философские построения о жизни на основе эмпирического материала и в критической перспективе, придавая такому анализу, как он пишет, «двойное измерение – политическое и моральное» (p. 47).

В качестве отправной точки этого анализа во вступительной части книги Фассен обращается к размышлениям Теодора Адорно о жизни как «отчужденной [от самого человека] форме» (p. 19), в которую она превратилась в современную эпоху, эпоху развития современных обществ – жизнь человека не принадлежит ему самому, что, подчеркивает Фассен, действительно и сегодня. Помещая в центр внимания саму

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

жизнь, Фассен, по его словам, не стремится предложить какой-либо исследовательский проект наподобие «антропологии жизни» – стремление это он усматривает в исследованиях Тима Ингольда, Эдуарда Кона и Периг Питру. Он задается целью изучить ценность жизни в абстрактном ее понимании и ценность жизни конкретных людей в современном мире *de facto*, а точнее, разрыв между этими двумя ценностными измерениями. Операционализируя «жизнь» как философскую категорию через философское понятие «форма жизни», Фассен анализирует идеи о формах жизни у Людвига Витгенштейна, Жоржа Кангилема и Джорджо Агамбена. И выводит три оси диалектического напряжения, которые их подходы, рассмотренные в совокупности, обнаруживают, а именно: 1) общее, универсальное, что присуще человеческой жизни – различия, обусловленные контекстом, в котором она развивается; 2) жизнь человека как явление биологическое – жизнь человека как биография, история жизни; 3) закон, который определенным образом упорядочивает жизнь – то, что происходит на практике помимо закона (p. 47).

Не пытаясь преодолеть эту диалектичность, на собственном эмпирическом материале, собранном за десятилетие этнографической работы, Фассен показывает, что каждая из этих трех осей и их полюсов и все три вместе важны для понимания «особенно значимой современной формы жизни» – жизни «вынужденных номадов» (p. 37). Это есть форма жизни вынужденно перемещенных лиц и беженцев (десятки миллионов людей в мире), чья жизнь оказывается возможной лишь как биологический факт, проживаемый на грани небытия – форма жизни, исключающая саму возможность «полной реализации жизни» как явления не только биологического, но социально-политического порядка (p. 26).

Рассказанные Фассеном истории сирийских студентов во французском стихийном лагере для беженцев Кале (ликвидирован в июле 2020 г.) или зимбабвийских женщин в заброшенных зданиях в самом центре Йоханнесбурга, выходца из Марокко или беженки с Гаити во Франции, наемного рабочего в сельской глубинке ЮАР, палестинцев и израильтян потрясают своей трагичностью. Они вскрывают боль, страдания и лишения этих людей, которые продолжают оставаться вне поля зрения и интереса широкой общественности. Фассен выражает и разочарование, и недоумение, испытываемые им и этими людьми, чье униженное и произвольно (вопреки их воле) обесцененное положение, сознательно «не называемое как таковое», при «последовательном отказе» им в каком бы то ни было признании (*recognition*) очевидным образом неприемлемо (pp. 134–135).

«Как такое возможно до сих пор?» – задается вопросом Фассен. До сих пор – потому, что, как он показывает, вынужденный номадизм – явление, уже имевшее место в XX в. Так, в своей книге Фассен часто отсылает читателя к свидетельствам гонений во время Второй мировой

войны и к Холокосту, проводя параллели с опытом расчеловечивания того времени и высвечивая, тем самым, весь драматизм и трагизм того, что происходит с вынужденными номадами сегодня, в XXI в. При этом он связывает это положение вещей именно с состоянием современных, в том числе демократических обществ. И здесь его мысль можно было бы дополнить, одновременно противопоставив ей наблюдение американского культур-социолога Джеффри Александера (Alexander 2008) о том, что (ир)рациональное включение одних людей и не-включение других в некую общность (иначе – дискриминация), будь то гражданская общность (*'the civil sphere'*) или любая иная общность – это то, что характеризует человечество как таковое и сопровождает его в истории. То есть это не черта современности самой по себе.

Не единожды ссылаясь на философские построения о жизни у Арендт, Беньямина и других и на представителей интеллектуальной традиции Франкфуртской школы (Адорно, Хоркхаймер, Хоннет), сам Фассен не ставит вопроса, важного для них, вопроса о том, что есть «хорошая жизнь» (*'the good life'*) или «хорошее общество» *('the good society'*). В отличие от них Фассен не осмысляет и не ищет путей того, *как* жизнь, в том числе жизнь в условиях постоянного риска и нестабильности (*precarity*), – вынужденный номадизм как одна из ее форм – может быть изменена к лучшему. Вместо этого он стремится показать, *насколько* жизни неравны, обнажить «физическую воплощенность неравенства» (p. 121). И эту задачу он, как мне представляется, успешно решает.

Именно неравенство (*inequality*) человеческих жизней, главным образом социально-экономическое неравенство, по мнению Фассена, лежит в основе сложившегося положения, при котором возможен, среди прочего, вынужденный номадизм. Он исследует неравенство генеалогически, через историю становления практики определения «стоимости жизни» в конкретном денежном выражении (плата за жизнь вместо кровной мести, страхование жизни и его закрепление в законодательстве США, компенсационные выплаты за гибель людей в результате стихийных бедствий, военных действий и т.п.), выявляя колоссальные диспропорции. Само оценивание жизни, согласно Фассену, сделало идею неравенства человеческих жизней принципиально возможной, мыслимой; практика оценивания жизни стала рутинной.

Неравенство раскрывается автором в трехчастном анализе концепций – «форма жизни», «этика жизни», «политика жизни» – каждой из которых он посвящает отдельную главу. Здесь «форма жизни» – то, что объединяет три вышеназванные оси диалектического напряжения – все три находят отражение в жизненном опыте людей, исследуемом Фассеном этнографически; «этика жизни» позволяет увидеть (порой вынужденно) асимметричные ценностные установки людей по отношению к жизни в разных этнографических контекстах; «политика жизни», в проти-

вовес «биополитике» Мишеля Фуко (понимаемой Фассеном как «технологии управления населением» (p. 96), принципиально не включающей, по его мнению, жизнь и политику, определяющую жизнь, и потому – проблематичной), выражает неравное / несимметричное ценностное и практическое отношение к жизням людей в условиях современного государственного управления и экономического (точнее – капиталистического) развития.

Наряду с высказыванием автора о неравенстве жизней ключевым для его книги видится тезис о смещении ценностно-значимых акцентов в современном мире: идея о человеческой жизни как о факте исключительно биологического порядка становится все более приоритетной (такая жизнь определяется как самоцель); идея же о равных возможностях реализации бесконечного потенциала жизни уходит на дальний план или вовсе не проговаривается, при этом платой за стремление реализовать свою жизнь во всей ее полноте все чаще становится жизнь биологическая. Так, отмечает Фассен, тяжелая (потенциально или фактически смертельная) болезнь стала практически единственной «спасительной» возможностью для беженцев легализовать свой статус во Франции, несмотря на право политического убежища, а атаки палестинских смертников – единственно возможное их политическое высказывание в защиту своего человеческого достоинства и жизни, в итоге безвозвратно утрачиваемой ими и их жертвами.

Не будучи руководством к действию, данная книга – призыв к признанию обесцененных жизней миллионов людей и, в более общем смысле, к критическому переосмыслению того, почему мы наделяем той или иной ценностью – и как мы могли бы иначе воспринимать – других, отличных от нас по тем или иным признакам людей.

Литература

Alexander J.C. The civil sphere. Oxford University Press, 2008.

Е.М. Карагеоргий
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 октября 2020 г.

Karageorgii Elena M.
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

RETHINKING LIFE CRITICALLY*

Review of Fassin Didier. *Life: A Critical User's Manual*. Polity Press, 2018. ISBN: 978-1-509-52668-0

DOI: 10.17223/2312461X/30/17

*The review is published in accordance with the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

References

Alexander J.C. *The civil sphere*. Oxford University Press, 2008.

УДК 316.4+314
DOI: 10.17223/2312461X/30/18

РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ НОВОГО РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ (СЛУЧАЙ КЫРГЫЗСТАНА)*

Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации. М.: ИЭА РАН, 2018. 300 с. ISBN 978-5-4211-0212-0

На протяжении почти 30 лет на территории центрально-азиатских республик бывшего СССР происходят трансформации политического, экономического и социокультурного характера. Не всегда эти изменения создают благоприятные условия для развития стран, что провоцирует, среди прочего, миграционный «отток». Несмотря на масштабные волны миграции на «историческую родину», в республиках все еще живут русские семьи. Как изменилась жизнь русского населения, ставшего меньшинством в государствах Центральной Азии, и каково жить русским в странах, которые активно вступили на путь независимости, – на эти и другие вопросы предпринимается попытка дать ответ в рецензируемой монографии на примере русского меньшинства в Кыргызской Республике.

Среди русского населения Кыргызстана важную роль играет молодежь, которая в значительной мере определяет будущее русской диас-

* Научное исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности ТГУ.

поры в странах нового российского зарубежья (с. 6), по этой причине именно молодежь выбрана авторами в качестве объекта рассмотрения способов и степени адаптации русских к жизни в Кыргызстане. Монография основывается на результатах масштабного исследования, проведенного в 2014 г. сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН Л.В. Остапенко, Р.А. Старченко и И.А. Субботиной совместно с учеными Кыргызского государственного университета им. Ишеналы Арабаева в рамках международного проекта «Молодежь в системе межэтнического взаимодействия в полиэтничных средах». Основным инструментом сбора данных послужил этносоциологический опрос русской молодежи в возрасте от 16 до 30 лет в Бишкеке и ряде городов. Другие города в работе не называются, хотя такого рода уточнения представляются важными, в том числе потому, что учет исторически сложившихся различий между южными и северными регионами республики и особенностей заселения русским населением этих территорий может позволить лучше понять происходящие здесь процессы.

В этносоциологическом опросе приняли участие 100 человек. Национальная принадлежность опрошенных определялась в соответствии с самосознанием, т.е. опрос проводился среди молодых людей, которые считали себя русскими. Принципиально важно, что полученные в ходе этносоциологического опроса данные сравнивались с результатами аналогичного опроса 100 молодых кыргызов.

Рецензируемая работа состоит из пяти разделов и приложения с таблицами, составленными по результатам проведенного опроса. Первый раздел служит введением к рассмотрению адаптационных стратегий русской молодежи. В этой части представлена динамика миграционных перемещений русских на протяжении почти 150 лет. Лейтмотивом настоящего раздела монографии служит этнодемографическая ситуация республики, складывающаяся со времен присоединения территории к Российской империи и изменившаяся на современном этапе. Тем самым первый раздел вводит читателя в курс дела относительно исторически обусловленного положения русского населения в Центрально-Азиатском регионе.

Второй раздел выступает в качестве исторического очерка жизни русского населения в Советской Киргизии. Описание указанной «эпохи» основано, прежде всего, на данных всесоюзных переписей населения. В этой части обоснован выбор жителей Бишкека как участников опроса. В советский период Фрунзе (с 1991 г. – г. Бишкек) является крупным промышленным, экономическим центром Киргизской ССР, сосредотачивая в себе большинство этнических русских, которые работали в сфере производственного и непроизводственного труда. Авторы монографии рассуждают здесь об особенностях социально-экономического развития Кыргызстана и социальных позиций русских

в республике. Было определено, что накануне суверенизации республики русские занимали четко очерченную профессионально-отраслевую нишу. Конкуренция между русскими и киргизами в социально продвинутые места в сферах управления, медицины, образования остро не прослеживалась, и русские продолжали занимать весомые позиции в индустрии, в том числе среди высококвалифицированных рабочих. Преобразования в независимой республике в политической, социально-экономической и культурно-языковой сферах, с одной стороны, резко ограничило возможности русских по трудоустройству и служебному продвижению, с другой – не дало особенно широко развернуться националистической политике ущемления прав и интересов русских в сфере труда и образования. В том числе не происходило массового увольнения русскоязычных работников из-за незнания государственного языка, прежде всего потому, что далеко не везде могла найтись адекватная замена русским кадрам (с. 42). Однако опрос русской молодежи показал, что сегодня в республике ее положение в экономическом плане ухудшилось, если сравнивать его с тем, какое было у их родителей. При этом удалось выявить, что русская молодежь не стремится занять высокие посты, а больше устремлена в предпринимательство и самозанятость.

Основная тема, которой посвящен третий раздел, – положение и роль русского языка в Кыргызской Республике. Отмечу, что государственным языком в стране является кыргызский. В 2000 г. Парламентом Кыргызстана был принят Закон «Об официальном языке Кыргызской Республики», в котором русский язык был определен как официальный и тем самым получил защиту и гарантию на государственном уровне (с. 88). На сегодняшний день в школах ведется обучение и на русском, и на кыргызском языках. Русский язык является языком преподавания в большинстве вузов Кыргызстана (с. 90). Весьма интересным выводом авторов монографии в отношении языковой политики выступает то, что городская киргизская молодежь не утратила интереса к русскому языку и владеет им в той же степени, что и их родители. В связи с распространением русского языка в городах Кыргызстана, согласно опросу, русская молодежь не испытывает каких-либо трудностей в повседневной жизни. Однако широкое использование русского языка создает проблему в языковой ориентации русских. В силу экономических и социокультурных обстоятельств растет потребность в знании кыргызского языка, которым владеет малое количество опрошенных. Авторы признают, что принципиально важным является распространение двуязычия среди всех этнических сообществ в полиэтничном Кыргызстане. «Необходимо, в частности, чтобы не только представители титульного народа и местных этнических меньшинств знали русский язык, но и живущие там русские владели языком этнического большинства» (с. 100). Все же, как показывают материалы авторов кни-

ги, значительная часть русской молодежи считает, что сегодня знание кыргызского языка в республике необязательно.

В четвертом разделе говорится о стратегиях адаптации русской молодежи в этнокультурном контексте Кыргызстана. По данным опросов, которые были проведены авторским коллективом в 1999 г., более половины опрошенных русских (54%) оценили межэтническую ситуацию как в основном нормальную, но порой ухудшающуюся, а в 2014 г. такого мнения придерживалось лишь 29% респондентов (с. 108). В этом разделе представлен также сравнительный анализ ответов русской и кыргызской молодежи. Авторы отмечают, что и те и другие показывают, прежде всего, экономические причины сохранения межэтнической напряженности: конкуренция за рабочие места (23% среди русских), конкуренция за землю (23% среди кыргызов). Сравнительный подход в проведении этносоциологического опроса показал, что кыргызская молодежь более критично относится к деятельности социальных институтов, правоохранительных органов и руководителей государственных структур в сфере межэтнических отношений. Весьма любопытна авторская позиция, согласно которой межэтническая напряженность имеет экономические причины. Опрос подтверждает, что 63% русской молодежи отмечает относительное повышение уровня и качества жизни, создание рабочих мест и преодоление безработицы, в чем они видят снижение межэтнической напряженности. Однако выводы были бы более убедительными, если бы в основной части для аргументации выдвигаемых тезисов использовались не только материалы опроса и данные сети Интернет, но и данные экспертного опроса и углубленных интервью. Об их проведении авторы упоминают в заключении.

Последний раздел монографии посвящен потенциальной миграции русской молодежи из Кыргызстана. Высокие эмиграционные настроения проявляются из-за неудовлетворенности жизнью и социальными преобразованиями. Исследователи подчеркивают, что «важнейшим условием социально-психологической адаптации к новым изменяющимся условиям и одновременно показателем (критерием) ее успешности / неуспешности является степень удовлетворенности индивида / группы различными сторонами своей жизнедеятельности» (с. 136). Основным тезисом данного раздела выступает «структурирование массивов опрошенных по степени их адаптированности к среде и степени активности или пассивности их жизненных позиций» (с. 140). Авторы разделили респондентов на группы: «адаптанты» и «мобилизаторы» (активный компонент), «выжидатели» и «пессимисты» (люди с пассивной жизненной позицией). Респондентов с активной жизненной позицией оказалось 73%. В связке с жизненной позицией анализируется удовлетворенность жизненной ситуацией, которая вытекает из политического, экономического, социального положения в стране в целом.

При этом среди молодежи титульной национальности этот показатель ниже. Здесь интересно сравнение с Молдавией, где в 2007 г. авторы рецензируемой монографии проведели аналогичное исследование, в ходе которого было определено, что молдавская молодежь настроена менее оптимистично, чем русские в этой стране.

Существенным вкладом в выявление адаптационных стратегий русской молодежи, на мой взгляд, можно считать анализ политической ситуации в стране. Авторы отмечают, что за время независимости Кыргызстана на политической «арене» не было представлено партии, которая отстаивала бы права русских как этнического меньшинства. При этом русские поддерживают проправительственную партию республики, а кыргызы настроены оппозиционно.

Несмотря на то что большинство респондентов родились в постсоветском Кыргызстане и считают его своей родиной, миграционные настроения русских высоки. Страной приема в первую очередь выступает Россия, такая практика присуща и для кыргызской молодежи, активно включающейся в трудовую и «учебную» миграцию. На мой взгляд, исследователи несколько преувеличивают потенциал русской миграции из Кыргызстана, которая практически исчерпала себя. Между тем важно отметить вклад настоящего исследования в последующее изучение будущей эмиграции, ее направлений, структурных показателей потоков миграции, выявление миграционной мотивации разных групп русского населения Кыргызстана. Это может помочь как в анализе перспектив сохранения русского сообщества в той или иной стране, так и в регулировании процессов миграции (с. 166). Прежде всего, следует отметить, что лишь 28% респондентов собираются уехать из республики, а почти 70% видят Киргизию, свой родной Бишкек единственной Родиной. По мнению авторов, чтобы почувствовать себя в республике «своим» человеком, наладить отношения с окружающими, русской молодежи пришлось выработать собственную «стратегию выживания», в том числе снизить свои социальный статус и запросы, отойти от политики и общественно-политической деятельности, закрыть глаза на те или иные ущемления своих прав и интересов.

Работа может быть интересна не только антропологам и этнологам, но и более широкому кругу читатей, поскольку посвящена жизни городской русской молодежи как этнического меньшинства в Киргизии, стратегиям межэтнического взаимодействия и миграционнным настроениям русских в одной из бывших советских республик.

С.Д. Джанызакова
Томский государственный университет

Рецензия поступила в редакцию 13 февраля 2020 г.

Dzhanyzakova Seil D.
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

RUSSIAN YOUTH IN MODERN KYRGYZSTAN[*]

Review of Ostapenko L.V., Starchenko R.A., Subbotina I.A. *Russkaia molodezh' Kyrgyzskoi Respubliki v XXI veke. Strategii adaptatsii* [Russian youth in the Kyrgyz Republic, 21st century. Strategies of adaptation]. Moscow: IEA RAN, 2018. 300 p. ISBN 978-5-4211-0212-0

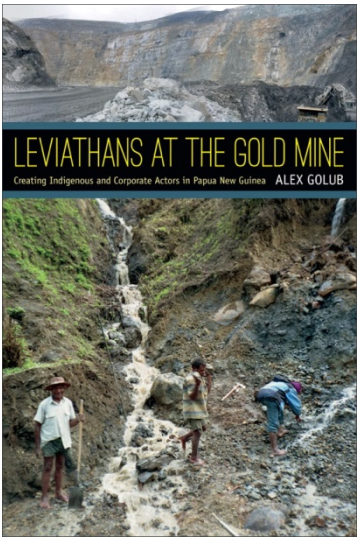
DOI: 10.17223/2312461X/30/18

[*] The study was supported by the National Research Tomsk State University Competitiveness Improvement Programme.

УДК 572:130.2(954)
DOI: 10.17223/2312461X/30/19

ЗОЛОТОДОБЫЧА, ИНДИГЕННОСТЬ И НЕПРОСТАЯ ЖИЗНЬ ЛЕВИАФАНОВ В ПАПУА НОВОЙ ГВИНЕЕ*

Golub A. *Leviathans at the gold mine: Creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea*. Durham and London: Duke University Press, 2014. ISBN 978-0-8223-5508-3

В книге, название которой можно было бы перевести как «Левиафаны на золотом руднике: Процесс создания индигенных и корпоративных акторов в Папуа Новой Гвинее», политический антрополог Алекс Голуб пытается разрешить противоречие между фукольдианской (вдохновленной философией Мишеля Фуко) и делезианской (вдохновленной философией Жиля Делеза) антропологиями, показав на примере этнографии взаимоотношений добывающего предприятия и коренного (индигенного) народа, как избежать крайностей обеих. Противоречие это состоит в несогласованности двух образов современного мира: фукольдианского мира, (пред)определенного режимами управления и усиленно контролируемого, и делезианского мира спонтанных и порой мимолетных ассамбляжей. При этом читателю оно преподносится скорее поэтично, чем академично: без примеров и / или ссылок на такие

* Работа выполнена в рамках проекта РНФ «Антропология экстрактивизма: исследование и проектирование социальных изменений в регионах ресурсного типа» (грант № 20-68-46043, рук. Д.А. Функ).

антропологии, но в сравнении с ловко извлеченными из романа «Мандарины» Симоны де Бовуар противопоставлениями конкретного абстрактному и индивида – истории, напоминающими вместе с исходными противопоставлениями одновременно классическую для социальной теории проблему «структуры и агентности» и структуралистские ряды бинарных оппозиций. Тем не менее, если поверить автору на слово (или согласиться в меру читательского опыта), что напряжение спонтанность / предопределенность характеризует современную антропологическую картину современного же мира, то к книге и предложенному в ней языку описания уместно отнестись как к программным. Но что это за язык описания? Что и как он описывает?

В первую очередь – это язык описания антропологического «поля» – долины Поргера в Папуа Новой Гвинее, места проведения диссертационного исследования, легшего в основу рецензируемой книги. В этой долине проживает коренной народ ипили и расположилось одно из крупнейших золотодобывающих предприятий в мире, одноименный долине золотой рудник Поргера. Именно их – ипили и рудник – призван описать и проблематизировать авторский язык посредством центральной метафоры и концепции книги – левиафана, заимствованной у французских исследователей науки и технологии Мишеля Каллона и Брюно Латура. Левиафан, а точнее левиафаны, по А. Голубу, – это коллективные сущности, акторы, собранные из разных элементов (в том числе других акторов) и олицетворяемые конкретными людьми, которые разыгрывают и представляют их – говорят и действуют от лица левиафанов. При этом сборная природа левиафанов внешне скрыта и неявна, что позволяет им сохранять кажущуюся цельность и обусловливает их силу – действенность. В то же время можно сказать, что левиафаны историчны, поскольку «сборка» (а также «пересборка» и «распад») левиафана происходит во времени и пространстве в сочетании конкретных событий. Такая концепция позволяет снять напряжения конкретное / абстрактное и индивид / история, фокусируя внимание аналитика на том, как такие абстрактные вещи, как народ (этническая группа, в данном случае индигенная) или корпорация, слагаются из и в конкретных – наблюдаемых непосредственно – процессах.

Дополняет левиафана понятие «осуществимость» (feasibility), которую в общем виде можно определить как условия, при которых некто или нечто признаются в качестве акторов. Эти условия, с одной стороны, исторически сложившиеся, накопленные и контекстуальные; с другой – предмет борьбы, и в этом смысле политические. «Осуществимость» касается как коллективных акторов – левиафанов, так и индивидуальных – конкретных людей, в том числе представителей левиафанов и тех, кто пытается говорить и действовать от лица последних. Таким образом, она прокидывает дополнительный мостик между уже оспо-

ренными оппозициями – абстрактным / конкретным и индивидом / историей. Тем не менее кажется, что «осуществимость» выполняет куда большую теоретическую работу, пусть напрямую А. Голуб этого и не утверждает. Будучи одновременно в указанном смысле исторической и политической, «осуществимость» может быть тем аналитическим инструментом, который снимает главное напряжение между режимами и ассамбляжами (спонтанность / предопределенность). Однако концептуальная сцепленность историчности и политичности в «осуществимости» вызывает вопрос: как именно борьба за «осуществимость» может быть эффективна, если границы «осуществимости» задаются историей и контекстом? Моя интуиция состоит в том, что концептуальная увязка каким-то образом должна обеспечиваться «горизонтальной» концепцией культуры, на которую, по собственному признанию, опирается А. Голуб, отсылая читателя к М. Салинзу, Ж. Делезу и Дж. Батлер, но излагая словами (цитатой из) М. Ламбека, однако для меня эта часть текста осталась неясной. Тем не менее можно сказать, что в общем виде А. Голуб представляет концептуальное решение поставленной проблемы, не привлекая полевой материал.

Структурно это решение изложено уже во введении, из чего можно сделать вывод, что антропологическая теория – не основная цель книги, а скорее ее основание (намеренная тавтология). Представляя изначально герметичный язык описания, А. Голуб показывает читателю, какие этнографические вопросы ставит «поргерское» и, в целом, «папуановогвинейское» поле. Эти вопросы: кто действует от имени «рудника» и «ипили»? Посредством каких семиотических и политических процессов эти абстракции представляются в качестве непроблематичных акторов? Какого рода конфликты возникают в борьбе людей за право говорить от лица этих групп? Как признание притязаний на корпоративную идентичность влияет на права людей не только на деньги и ресурсы, но и на достоинство? (p. 3) В свою очередь, представленная в последующих главах этнография (в том числе историческая) своей осмысленностью – интерпретациями и объяснениями – должна свидетельствовать о продуктивности разработанного языка.

Первая глава книги «Йакатабарийские переговоры», которую сам автор характеризует как центральную, представляет собой насыщенное описание («кейс-стади», в авторской терминологии) переговоров по поводу проекта нового хранилища отходов для рудника, получившего название Йакатабари (искаженный индигенный топоним места размещения проекта). Описание переговоров, продолжавшихся 18 месяцев, начинается не с первого их дня (17 апреля 1999), а с момента прибытия антрополога в «поле» – с конца ноября 1999 г., поэтому реконструкция событий до – довольно скудная часть в целом насыщенного описания. Глава начинается с характеристики и экспозиции официального отчета

о переговорах (части большего корпоративного отчета по устойчивому развитию рудника), фреймирующего их как переговоры между предприятием, разрабатывающим рудник (Porgera Joint Venture, PJV) и так называемыми землевладельцами (landowners), под которыми понимаются люди из числа ипили, места проживания (земли) которых подпадают под лицензию добывающей компании. Этому отчету противостоит последующая этнография, которая проблематизирует как компанию, так и землевладельцев и ставит под сомнение их целостность в качестве акторов.

В ходе переговоров личный бэкграунд переговорщиков оказывал влияние на то, какими представлялись названные левиафаны. Так, в исполнении сотрудников отдела по работе с населением (community affairs office), многие из которых в прошлом были киапами (kiaps) – сотрудниками австралийской администрации, управлявшей Папуа Новой Гвинеей до 1975 г., рудник представлялся добродетельным покровителем, что своим колониальным духом дискредитировало их «представительность» в глазах значимой части переговорщиков со стороны ипили. Таким образом, и легитимность того или иного актора в качестве представителя левиафана не была однозначной. Более того, вопреки официальному отчету, рудник и ипили были не единственными левиафанами, вовлеченными в переговоры. Кроме них в процессе участвовали различные группы и организации, с одной стороны, претендующие на представительство ипили: кланы и «подкланы», «землевладельцы», землевладельческий комитет по переговорам (The Landowner Negotiating Committee, LNC), ассоциация землевладельцев Поргеры (The Porgera Landowners Association); с другой – на представительство рудника: не всегда согласованные в своих действиях руководство рудника и упомянутый отдел по работе с населением. Наконец, вовлеченным в переговоры оказался и прототипичный левиафан – государство в лице координатора горных работ в Поргере (the Porgera Mining Coordinator) и секретаря (secretary) департамента горной промышленности (Department of Mining), а также представителей, в том числе министра, департамента экологии и охраны окружающей среды (Department of Environment and Conservation) правительства Папуа Новой Гвинеи. Право пожилых бигменов представлять ипили оспаривалось молодыми амбициозными мужчинами. Первые были представителями вышеупомянутого комитета, а вторые – ассоциации. При этом первые также были представителями клана тийини (Tiyini), однако не все подкланы тийини однозначно рассматривались в качестве затронутых землевладельцев. В то же самое время сотрудники отдела по работе с населением ставили под вопрос легитимность директора рудника в качестве его представителя. Несколько в ином отношении границы рудника оказываются проницаемыми со стороны индигенного населения уязвимостью

своей ключевой инфраструктуры, одновременно пересекающей границы «земли» ипили. Это демонстрирует поднятый в ходе переговоров вопрос прокладки дренажного туннеля по территории последних, от которого зависели дальнейшая работа рудника и его финансовая состоятельность. При всем при том комплексная природа жизни левиафанов и их представителей в долине, выйдя на национальный (государственный) уровень, «депроблематизировалась», сводясь обратно к переговорам лишь о руднике и ипили, подобно своей репрезентации в официальном отчете.

Последующие главы углубляют и контекстуализируют проблемность левиафанов – героев первой главы. Вторая глава «Рождение левиафанов» задает исторический контекст, реконструируя происхождение – историю создания, сборки – левиафанов. А. Голуб начинает повествование с 1938 г. – года первого контакта долины с внешним миром (здесь, конечно, речь идет о «европейском» мире) и заканчивает 1989 г. – годом подписания первых соглашений между рудником и землевладельцами, отслеживая, как постепенно из сетей личных отношений складывались эти и другие левиафаны. Теоретическое напряжение в главе выдерживается за счет полемики с политическим антропологом Джеймсом Скоттом и его теорией наблюдающего (seeing) государства, навязывающего своим субъектам видимость (legibility) в целях управления. По замечанию А. Голуба, такая теория предполагает упорядоченность самого государства, в то время как на поверку оно может оказаться несогласованным и проблематичным, как в случае государства в долине Поргера.

Третья глава «Жизнь ипили в Поргере» обсуждает «левиафанизацию» ипили. С точки зрения сочетания теории и этнографии – это самый успешный текст А. Голуба. Именно здесь он проигрывает концепцию «осуществимости», демонстрируя, как признание ипили в качестве легитимного актора в Папуа Новой Гвинее и на международной арене потребовало этнизации последних, в том числе бюрократической формализации родства. Обсуждение проблемы последнего, пожалуй, – самая в классическом смысле этого слова этнографически интригующая и значимая часть книги. Реконструируя роль антропологов и антропологической теории родства в левиафанизации ипили, А. Голуб одновременно вступает в полемику как с классической региональной теорией родства, так и с Новой меланезийской этнографией (которую автор называет страгнерианской, обозначая ее зависимость от фигур-основателей антропологов Мэрилин **Стра**терн и Роя Ва**гнер**а) относительно устройства социальности ипили. Этнографическое решение А. Голуба состоит во взаимодействии бюрократически формализованных схем родства, некогда извлеченных этнографами из индигенных социальностей, и собственно социальности ипили, которая одновре-

менно оказывается сложнее схематически (проблему схематической репрезентации автор демонстрирует, экспонируя имеющиеся в литературе схемы родства ипили и противопоставляя им свою визуализацию их социальности, основанную на матрице смежности – не сводимой к кланам) и прагматически проще (ипили, по Голубу, легко манипулируют родством и устанавливают личные отношения вообще).

Четвертая глава «Меланезийский путь» помещает все предыдущие сюжеты в контекст общественно-политической жизни Папуа Новой Гвинеи и меланезийского региона вообще. Кажется, что, собственно, участникам этой жизни – этой аудитории, которая одновременно шире социально и у́же регионально-космополитичного сообщества антропологов, адресована эта глава. Ключевыми вопросами здесь становятся вопросы модерности, развития и национальной (в смысле общегражданской) идентичности. В Папуа Новой Гвинее в городской среде есть своего рода ностальгия по «традициям», символическими хранителями которых считаются коренные народы (grassroots). Однако вопреки этому сами «хранители традиций», по крайней мере внешне скорее стремятся к современности. Эту, характерную, пожалуй, не только для Папуа Новой Гвинеи диллему модерности и традиционности – проблему, с одной стороны, развития в условиях противоречивых ценностей, с другой – недостижения модерности при утрате традиционности, А. Голуб объясняет через социальность ипили, которую он экстраполирует и на другие коренные народы меланезийского государства. Она (эта социальность) оказывается нетерпимой к левиафанам (у ипили «аллергия на левиафанов», в терминологии автора): её специфика состоит в том, что ипили всегда стремятся установить личные отношения, втягивая в это представителей левиафанов и подрывая таким образом «самого» левиафана. Другими словами, ипили избегают взаимоотношений с коллективными акторами, на которых стоит европейская модерность.

В послесловии, завершающем книгу, А. Голуб отслеживает судьбу рудника после его отбытия из поля. Это завершение написано на печальной ноте: рудник был впоследствии выкуплен другой транснациональной корпорацией с более жестким стилем управления: представители этого левиафана, уже не втягивались в личные отношения с ипили, что поляризировало отношения и выдавило их на международную арену, окончательно «левиафанизировав» как противостояние двух левиафанов – транснациональной корпорации и коренного народа.

В целом выбранный А. Голубом язык описания оказывается продуктивным относительно выбранного поля. К сожалению, вопрос доступа к нему, который, как правило, не тривиальный применительно к добывающим компаниям, остался за пределами книги. Тем не менее, если принять авторскую социальную онтологию, абдуктивный и эвристичный в общем подход (автор начинает с утверждений об общей природе

мира, инструментализируя их, а не заканчивает ими) и признать достаточными те сведения об исследовательской позициональности, которые предоставляет автор, то за «Левиафанами на золотом руднике» можно признать программный статус. Книга испещрена исследовательскими и фундаментальными вопросами, которые каждый антрополог и социальный исследователь вообще может «задать» (в исследовательской части с необходимыми поправками) своему полю и, возможно, получить нетривиальный ответ.

Ковальский Святослав Олегович
Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 26 ноября 2020 г.

Kovalskii Sviatoslav O.
Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

GOLDMINING, INDIGENEITY, AND THE COMPLICATED LIFE OF LEVIATHANS IN PAPUA NEW GUINEA[*]

Review of Golub A. *Leviathans at the gold mine: Creating indigenous and corporate actors in Papua New Guinea.* Durham and London: Duke University Press, 2014. ISBN 978-0-8223-5508-3

DOI: 10.17223/2312461X/30/19

[*] The review is a contribution to the project, titled ‘The anthropology of extractivism: Researching and designing social change in extractive regions’, supported by the Russian Science Foundation (RNF) (grant No. 20-68-46043, Principal Investigator Dmitriy A. Funk).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСАНДРОВ Евгений Васильевич – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва (Россия).
E-mail: Eale@yandex.ru

АРЗЮТОВ Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, соискатель ученой степени PhD в Отделе истории науки, технологии и окружающей среды Королевского технологического института, г. Стокгольм (Швеция); почетный научный сотрудник кафедры антропологии Абердинского университета (Великобритания); научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
E-mail: arzyutov@kth.se

БАКАЕВА Эльза Петровна – доктор исторических наук, доцент, заместитель директора, ведущий научный сотрудник Калмыцкого научного центра РАН, г. Элиста (Россия).
E-mail: ebakaeva@yandex.ru

БОЧАРОВА Екатерина Николаевна – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).
E-mail: bocharova.e@gmail.com

ВАХРУШЕВ Алексей Юрьевич – научный сотрудник Центра визуальной антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: highlatitudes.ltd@gmail.com

ГОЛОВНЁВ Иван Андреевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

ДАНИЛИНА Лидия Андреевна – дочь этнографа Андрея Григорьевича Данилина, живет в Амстердаме (Нидерланды).

ДАНИЛКО Елена Сергеевна – доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: Danja9@yandex.ru

ДЖАНЫЗАКОВА Сеиль Давлетовна – ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск (Россия).
E-mail: seildzhanyzakova@gmail.com

КАРАГЕОРГИЙ Елена Михайловна – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: karageorgiy-elena@yandex.ru

КОВАЛЬСКИЙ Святослав Олегович – стажер-исследователь, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

КОЛОБОВА Ксения Анатольевна – доктор исторических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

КРИВОШАПКИН Андрей Иннокентьевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

НИГЛАС Лийво – PhD, научный сотрудник кафедры этнологии Тартуского Университета, г. Тарту (Эстония).
E-mail: liivon@gmail.com

ОГАНЕЗОВ Александр Эдуардович – стажер-исследователь Центра визуальной антропологии Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: alexoganezov@iea.ras.ru

ОЖИГАНОВА Анна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, г. Москва (Россия).
E-mail: anna-ozhiganova@yandex.ru

РАХМАНОВА Лидия Яковлевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель, НИУ ВШЭ Санкт-Петербург (Россия).
E-mail: muza-spb@yandex.ru

САДЫРИН Антон Алексеевич – ассистент кафедры антропологии и этнологии Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск (Россия).
E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

ТУЛУЗ Ева – PhD Hab., профессор финно-угроведения Института восточных языков и культур (INALCO), г. Париж (Франция); научный сотрудник кафедры этнологии Тартуского университета, г. Тарту (Эстония).
E-mail: evatoulouze@gmail.com

УСАЧЕВ Андрей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор РАН; профессор Московского государственного института международных отношений, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва (Россия).
E-mail: asuuas1@mail.ru

ХАРИТОНОВА Валентина Ивановна – доктор исторических наук, доцент, руководитель Центра медицинской антропологии Института этнологии и антропологии РАН; президент Ассоциации медицинских антропологов, г. Москва (Россия).
E-mail: medanthro@mail.ru; Valkharit@iea.ras.ru

ЧИСТЯКОВ Павел Вячеславович – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

ШАЛАГИНА Алёна Владимировна – младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск (Россия).

ШИРОБОКОВ Иван Григорьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург (Россия).
E-mail: ivansmith@bk.ru

ABOUT THE AUTHORS

ALEKSANDROV Evgeny Vasilievich – Cand.Sc. (Art History), Leading Research Fellow, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia).
E-mail: Eale@yandex.ru

ARZYUTOV Dmitry Vladimirovich – Cand.Sc. (History), Doctoral Researcher (History of Science/Environmental History), KTH Royal Institute of Technology, Stockholm (Sweden); Honorary Research Fellow, Department of Anthropology, University of Aberdeen (UK); Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Saint Petersburg (Russia).
E-mail: arzyutov@kth.se

BAKAEVA Elza Petrovna – Dr.Sc. (History), Deputy Director and Leading Research Fellow, the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista (Russia).
E-mail: ebakaeva@yandex.ru

BOCHAROVA Ekaterina Nikolaevna – Junior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia).
E-mail: bocharova.e@gmail.com

CHISTYAKOV Pavel Vyacheslavovich – Junior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia).

DANILINA Lidia A. is the daughter of Soviet ethnographer Andrei G. Danilin. She lives in Amsterdam (Netherlands).
E-mail: ldanilinaster@gmail.com

DANILKO Elena Sergeevna – Dr.Sc. (History), Professor, Chief Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).
E-mail: Danja9@yandex.ru

DZHANYZAKOVA Seil Davletovna – Assistant Lecturer, Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia).
E-mail: seildzhanyzakova@gmail.com

GOLOVNEV Ivan Andreevich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Saint Petersburg (Russia).
E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

KARAGEORGII Elena Mikhailovna – Junior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).
E-mail: karageorgiy-elena@yandex.ru

KHARITONOVA Valentina Ivanovna – Dr.Sc. (History), Associate Professor, Head of the Centre for Medical Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; President of Association of Medical Anthropologists, Moscow (Russia).
E-mail: medanthro@mail.ru; Valkharit@iea.ras.ru

KOLOBOVA Ksenia Anatolievna – Dr.Sc. (History), Professor, Leading Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia).

KOVALSKII Sviatoslav Olegovich – Research Intern, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).
E-mail: sokovalsky@iea.ras.ru

KRIVOSHAPKIN Andrey Innokentievich – Dr.Sc. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia).

NIGLAS Liivo – PhD, Research Fellow, Department of Ethnology, University of Tartu (Estonia).
E-mail: liivon@gmail.com

OGANEZOV Alexander Eduardovich – Research Intern, Center of Visual Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).
E-mail: alexoganezov@iea.ras.ru

OZHIGANOVA Anna Aleksandrovna – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).
E-mail: anna-ozhiganova@yandex.ru

RAKHMANOVA Lidiya Yakovlevna – Cand.Sc. (Sociology), Senior Lecturer, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).
E-mail: muza-spb@yandex.ru

SADYRIN Anton Alekseevich – Assistant Lecturer, Department of Anthropology and Ethnology, Faculty of Historical and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk (Russia).
E-mail: sadyrin.1994@mail.ru

SHALAGINA Alena Vladimirovna – Junior Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Division of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia).
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

SHIROBOKOV Ivan Grigorievich – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Saint Petersburg (Russia).
E-mail: ivansmith@bk.ru

TOULOUZE Eva – PhD Hab., Professor, Institut National des Langues et Civilisations Orientales (INALCO), Paris (France); Research Fellow, Department of Ethnology, University of Tartu (Estonia).
E-mail: evatoulouze@gmail.com

USACHEV Andrei Sergeevich – Dr.Sc. (History), Professor, Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russian State University for the Humanities, Moscow (Russia).
E-mail: asuuas1@mail.ru

VAKHRUSHEV Aleksey Yurievich – Research Fellow, Center of Visual Anthropology, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia).
E-mail: highlatitudes.ltd@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей, и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецезирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей.

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе):

- фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: ***фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице.*** *На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!*);
- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке;
- e-mail;
- почтовый адрес;

• телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье:

• название статьи на русском и в переводе на английский язык;

• резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),

• список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему в***и***дению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. Просьба: в текст иллюстрации не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу:

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует…»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы: (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.»: (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potapow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden… 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то во второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок, например: (ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления:

– для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

– для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьекофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199. URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf.

– для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

– для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права.

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы.

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодом поведения COPE (Committee on Publication Ethics, http://publicationethics.org /resources/code-conduct).

Статьи и материалы просим подавать через автоматизированную систему подачи статей на сайте журнала **www.journals.tsu.ru/siberia**

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.docor *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (**UDC**) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

- Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that ***theauthor's last name is to be givenon the title page only***. *The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!)*
- Academic degree, academic title;
- Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;
- E-mail;
- Postal address;
- Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

- Title of paper in both Russian and English;
- Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);
- Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear,simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and providetitles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission ofits author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit themin a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review,when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name withtheLatin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V.Ya. Propp (1955) analyzes…»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards onlythe "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioningof it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referringto several papers by the same author, years of publication shall be separeted by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden… 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be providedafter the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a rangeof pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Sovietadaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpyaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the "post-national" era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grantsto the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to usehis / her paperprovided there is a reference made to the author of the original textand to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (CommitteeonPublicationEthics) http://publicationethics.org/resources/code-conduct

Address for the submission of papers and materials

Please upload your materials and papers via the Journal's website system at **www.journals.tsu.ru/siberia**

Научный журнал

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

2020. № 3

Редактор
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 30.12.2020 г.
Формат 70x108 1/16. Печ. л. 19,2. Усл. печ. л. 25. Гарнитура Times.
Тираж 50 экз. Заказ № 4535. Цена свободная.

Дата выхода в свет 14.01.2021 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательства ТГУ
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru